А/104.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КАНЦЕЛЯРІЯ

33232

БИБЛІОТЕКА * Ученаго Комитета Мин. Фин. *

1810 — 1910

Составлено въ Государственной Канцеляріи

С-ПЕТЕРБУРГЪ

1910

А 1704.

33222

БИБЛІОТЕКА
* Ученаго Комитета Мин. Фин. *

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КАНЦЕЛЯРІЯ

1810 — 1910

БИБЛІОТЕКА

70439

Николай

Тип Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КАНЦЕЛЯРІЯ

1810 — 1910

Составлено въ Государственной Канцеляріи

С-ПЕТЕРБУРГЪ
1910

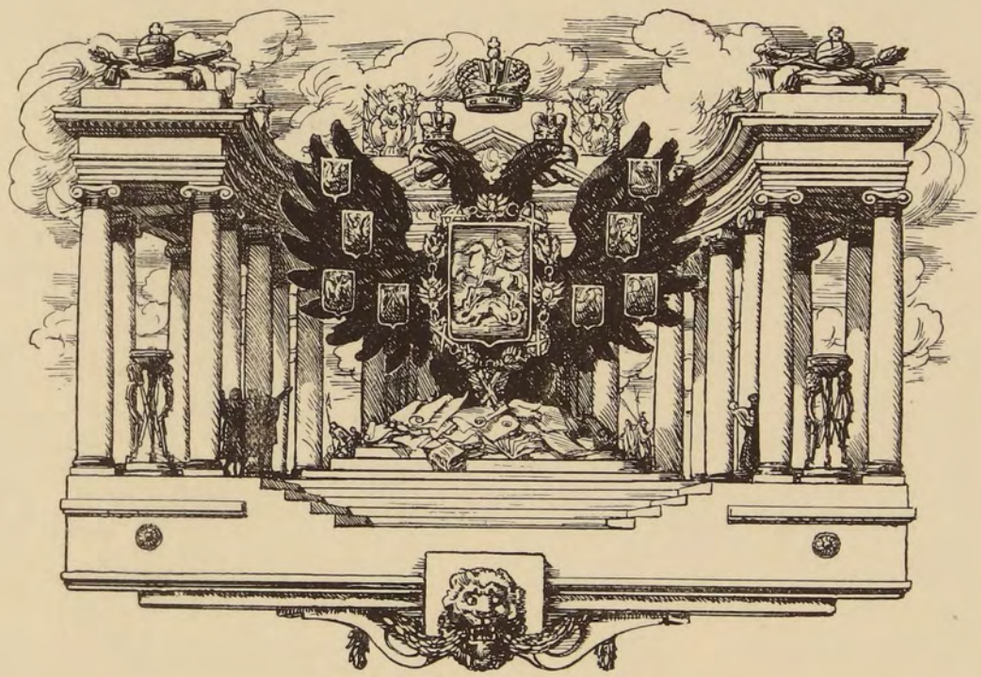
Николай

Тип Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КАНЦЕЛЯРІЯ

33232.

1810 — 1910

Составлено въ Государственной Канцеляріи

С-ПЕТЕРБУРГЪ

1910

39

Печатать разрѣшаю.

Государственной Секретарь Кавадесъ.

10 Ноября 1909 г.

Государственная Типографія

Царствованіе
Императора Александра I.

БИБЛІОТЕКА
Ученаго Комитета Мин. Фин.

Александръ

Тип. Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ.

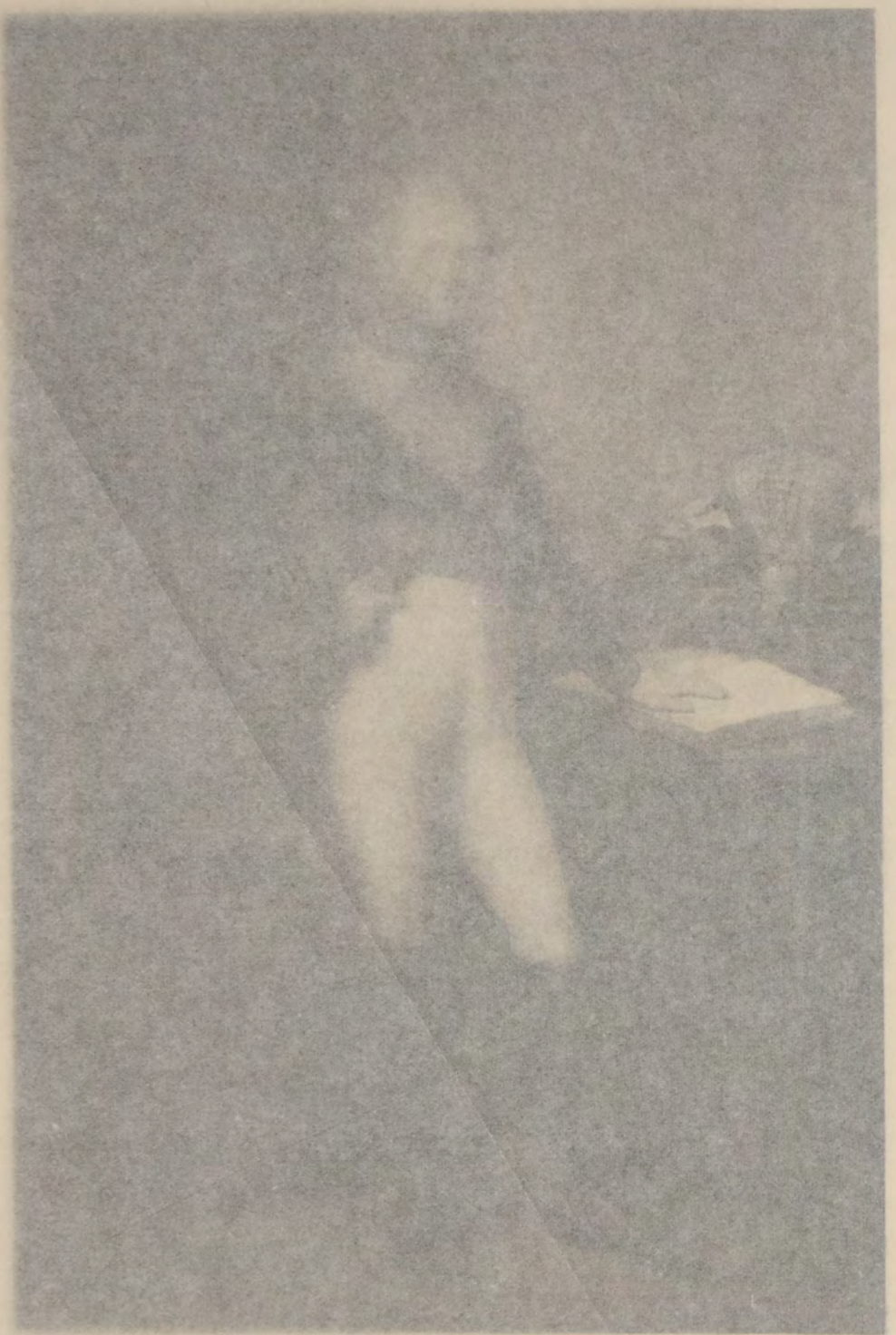

I.

Высочайшимъ Манифестомъ 1 Января 1810 года, установленію Государственнаго Совѣта надлежало соединить, свойственное пространству и величію Имперіи, и для производства всѣхъ дѣлъ Совѣта учреждена Государственная Канцелярія.

Хотя по основному назначенію своему Государственная Канцелярія и представлялась дальнѣйшимъ развитіемъ прежней канцеляріи Совѣта, существовавшей съ 1801 года, однако по своему устройству, составу и характеру своихъ обязанностей настолько отъ нея отличалась, что, по волѣ справедливости, должна быть признана новымъ учрежденіемъ.

По первоначальному учрежденію Совѣта 1801 года образованная при немъ канцелярія была раздѣлена на четыре

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ.

I.

Высочайшимъ Манифестомъ 1 Января 1810 года установленію Государственнаго Совѣта дано было «образованіе, свойственное пространству и величію Имперіи», и для производства всѣхъ дѣлъ Совѣта учреждена Государственная Канцелярія.

Хотя по основному назначенію своему Государственная Канцелярія и представлялась дальнѣйшимъ развитіемъ прежней канцеляріи Совѣта, существовавшей съ 1801 года, однако по своему устройству, составу и характеру своихъ обязанностей настолько отъ нея отличалась, что, по всей справедливости, должна быть признана новымъ учрежденіемъ.

По первоначальному учрежденію Совѣта 1801 года образованная при немъ канцелярія была раздѣлена на четыре

«части»: 1) иностранную и коммерческую; 2) военныхъ дѣлъ, сухопутныхъ и морскихъ; 3) гражданскую и духовную и 4) государственнаго хозяйства. Въ каждой изъ названныхъ частей повелѣно было быть одному экспедитору или управляющему, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; при экспедиторахъ состояли помощники (въ первыхъ двухъ частяхъ—по два, а въ послѣднихъ—по три) и письмоводители (въ первыхъ двухъ частяхъ—по четыре, а въ послѣднихъ—по шести); кромѣ того, по штату положена была особая должность правителя канцеляріи по всѣмъ ея частямъ, при которомъ состоялъ регистраторъ.[1] Таково было устройство канцеляріи Совѣта, установленное Высочайше утвержденнымъ, 9 Апрѣля 1801 года, «впредь до указу» штатомъ, которымъ составъ ея былъ опредѣленъ въ 36 лицъ, а расходы по ея ежегодному содержанію исчислены въ 43.000 р. асс. Высшее начальство надъ канцеляріей было возложено на Члена Государственнаго Совѣта, находившагося при Особѣ Его Величества, тайнаго совѣтника *Д. П. Трощинскаго,* которому было повелѣно подносить Государю «какъ протоколы Совѣта къ утвержденію, такъ и указы, по онымъ заготовляемые, къ подписанію». Относительно порядка дѣлопроизводства въ Наказѣ Государственному Совѣту 5 Апрѣля 1801 года было сказано, что «всякое дѣло, разсматриваемое въ Совѣтѣ, должно быть надлежащимъ образомъ приготовлено, нужными свѣдѣніями пополнено и въ ясность приведено въ той части канцеляріи, къ которой оно принадлежитъ, подъ общимъ руководствомъ Члена, начальствующаго надъ оною... Когда дѣло уважено большинствомъ голосовъ, тогда сочиняется протоколъ и съ прописаніемъ различныхъ мнѣній подносится Его Величеству. Высочайшіе указы, вслѣдствіе сихъ протоколовъ выходящіе, предъявляются въ Совѣтѣ, записываются въ свою книгу[2] и отсылаются по надписи къ исполненію». Кромѣ того, Совѣтъ, устроивъ внутренній свой порядокъ, долженъ былъ «потребовать отъ всѣхъ департаментовъ подробныхъ свѣ-

дѣній, въ какомъ оные находятся теперь положеніи, дабы, снабдивъ себя оными, удобнѣе было дѣлать всякія соображенія и вступающія дѣла лучше уважить». Собираніе этихъ свѣдѣній также лежало, конечно, на канцеляріи.

«Образованіемъ» 1810 года Государственный Совѣтъ былъ раздѣленъ на четыре Департамента: Законовъ, Дѣлъ Военныхъ, Дѣлъ Гражданскихъ и Духовныхъ и Государственной Экономіи, Государственная же Канцелярія была раздѣлена на Отдѣленія: 1) военныхъ и морскихъ дѣлъ, 2) дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ, 3) государственной экономіи, 4) содержаніе и храненіе журналовъ, постановленій и архивъ и 5) особенныя порученія. Это послѣднее Отдѣленіе вскорѣ получило названіе—сначала неоффиціальное, а впослѣдствіи (1842 г.) закрѣпленное и закономъ,—Отдѣленія Дѣлъ Государственнаго Секретаря. Въ немъ была сосредоточена регистратура Канцеляріи, вся переписка по личному составу Государственнаго Совѣта и Канцеляріи, составленіе всеподданнѣйшихъ докладовъ, отчетовъ и вѣдомостей и исполненіе особыхъ порученій Предсѣдателя Государственнаго Совѣта и Государственнаго Секретаря. При каждомъ Департаментѣ Государственнаго Совѣта положено быть Статсъ-Секретарю съ нѣсколькими Помощниками, причемъ на Статсъ-Секретарей возложено управленіе соотвѣтствующими Отдѣленіями Государственной Канцеляріи; для Департамента Законовъ не было установлено особаго Отдѣленія, потому что для составленія законовъ была учреждена особая Коммисія, дѣлопроизводство которой находилось въ вѣдѣніи Статсъ-Секретаря названнаго Департамента. Помощники Статсъ-Секретарей назначались изъ числа лицъ, занимавшихъ въ министерскихъ Департаментахъ или Канцеляріяхъ должности вице-директоровъ, а иногда и директоровъ; поступая на службу въ Государственную Канцелярію, они продолжали оставаться и въ прежнихъ своихъ должностяхъ. Ихъ главная обязанность въ отношеніи къ Государственному Совѣту

заключалась въ собираніи «дополнительныхъ свѣдѣній, нужныхъ для поясненія дѣлъ, отъ Министерствъ поступающихъ». Для общаго управленія Государственною Канцеляріею была учреждена новая должность—Государственнаго Секретаря. На его отвѣтственность возложено было изготовленіе всѣхъ исполнительныхъ бумагъ по журналамъ Совѣта, какъ въ Общемъ его Собраніи, такъ и по Департаментамъ, точность свѣдѣній, предлагаемыхъ Совѣту, и надлежащая ясность ихъ изложенія.

Первымъ Государственнымъ Секретаремъ былъ самъ авторъ новаго Образованія Государственнаго Совѣта, Статсъ-Секретарь Михаилъ Михаиловичъ *Сперанскій* (род. 1 Января 1772, ум. 11 Февраля 1839).

Общая характеристика личности и дѣятельности Сперанскаго, получившихъ уже достаточное освѣщеніе и оцѣнку въ нашей исторической литературѣ, не можетъ, конечно, составлять задачи настоящаго очерка, ограничивающагося лишь фактами, имѣющими ближайшее отношеніе къ Государственной Канцеляріи.

Бывшій воспитанникъ Александро-Невской семинаріи и личный секретарь князя А. Б. Куракина своими блестящими дарованіями и необыкновеннымъ трудолюбіемъ сталъ извѣстенъ Императору Александру I еще въ самомъ началѣ Его царствованія. Всего недѣлю спустя послѣ вступленія Государя на Престолъ, 19 Марта 1801 года, Сперанскій, занимавшій должность начальника отдѣленія въ Канцеляріи Генералъ-Прокурора, въ чинѣ статскаго совѣтника, получилъ званіе Статсъ-Секретаря Его Императорскаго Величества и указъ «быть при тайномъ совѣтникѣ Трощинскомъ», который въ ту пору состоялъ Президентомъ Главнаго Почтоваго Управленія, Начальникомъ Удѣловъ, докладчикомъ и главнымъ редакторомъ при Особѣ Государя. Затѣмъ, съ учрежденіемъ, 30 Марта того же года, Государственнаго Совѣта, Сперанскій былъ опредѣленъ экспедиторомъ въ канцелярію Совѣта, главное завѣдываніе которою, какъ уже сказано выше,

было ввѣрено Трощинскому, и 9 Іюля произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Этимъ назначеніемъ открылось широкое поприще для примѣненія его способностей. Независимо отъ обязанностей по Совѣту, Трощинскій сталъ поручать Сперанскому составленіе манифестовъ, указовъ и другихъ бумагъ подобнаго рода. Такъ, между прочимъ, имъ былъ написанъ манифестъ объ учрежденіи Министерствъ 1802 года. Въ томъ же году ему было повелѣно быть директоромъ департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (имѣвшаго въ то время всего одинъ департаментъ), подъ ближайшимъ начальствомъ Министра, графа В. П. Кочубея, предпринявшаго цѣлый рядъ преобразованій по ввѣренной ему части управленія. Проекты этихъ преобразованій, а также всеподданнѣйшіе отчеты Министра Государю, писались Сперанскимъ, которому въ 1803 году было поручено составить планъ общаго образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ Имперіи. Неоднократныя болѣзни графа Кочубея доставили Сперанскому въ 1806 году случай лично являться съ дѣлами къ Государю. По словамъ барона Корфа, автора извѣстной книги о Сперанскомъ, послѣдній «съ первыхъ поръ очаровалъ» Государя, Который сталъ давать ему разныя личныя порученія и въ 1807 году, отправляясь въ Витебскъ для осмотра 1-й арміи, взялъ его съ Собою, что привело къ еще большему сближенію Императора съ Его молодымъ совѣтникомъ. Незадолго до отставки графа Кочубея, 19 Октября 1807 года, Сперанскій былъ уволенъ отъ службы въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Затѣмъ онъ находился въ свитѣ Государя во время поѣздки Его въ Эрфуртъ на свиданіе съ Наполеономъ и вскорѣ по возвращеніи въ Россію, 8 Августа 1808 года, назначенъ присутствующимъ въ Коммисіи составленія законовъ, а черезъ четыре мѣсяца, 16 Декабря, Товарищемъ Министра Юстиціи, на мѣсто Новосильцева. Въ рескриптѣ, данномъ по этому случаю на имя Министра Юстиціи князя Лопухина, ему было поручено «особенно и исключительно отъ всѣхъ прочихъ дѣлъ, къ производству Правительствую-

шаго Сената и Департамента Министерства Юстиціи принадлежащихъ, употребить по части Коммисіи составленія законовъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сперанскаго» и прибавлено, что Сперанскій долженъ докладывать Государю по дѣламъ сей Коммисіи, усмотрѣнію Его Величества подлежащимъ.

Коммисія составленія законовъ не была учрежденіемъ новымъ: еще при Петрѣ I, съ 1700 года, послѣдовательно, одна за другою, учреждались коммисіи, на которыя возлагалась трудная задача привести въ извѣстную систему дѣйствовавшія въ то время узаконенія, устранить противорѣчія между отдѣльными указами и вообще внести въ область законодательства необходимыя улучшенія и дополненія. Восьмое по порядку мѣсто въ ряду этихъ учрежденій занимала знаменитая Екатерининская Коммисія 1766 года для сочиненія проекта новаго уложенія. Дѣятельность этой Коммисіи, какъ извѣстно, продолжалась всего полтора года; но послѣ ея роспуска не прекратилось существованіе состоявшей при ней канцеляріи или такъ называемой «малой коммисіи сводовъ», которая въ 1774 году была причислена къ Сенату, а въ Декабрѣ 1796 года, уже въ царствованіе Императора Павла I, передана въ вѣдѣніе Генералъ-Прокурора. Въ томъ же году, 30 Декабря, послѣдовалъ Высочайшій указъ о томъ, чтобы «коммисію сводовъ» называть впредь Коммисіею для составленія законовъ Россійской Имперіи. При этомъ Генералъ-Прокурору было Высочайше повелѣно: «1) собрать въ Коммисіи, начальству его ввѣренной, и во всѣхъ архивахъ государственныхъ, изданныя до того времени узаконенія и извлечь изъ оныхъ три книги законовъ Россійской Имперіи: а) уголовныхъ, б) гражданскихъ и в) казенныхъ дѣлъ, помѣстивъ въ оныя прямую черту закона, на которой судія утвердительно основаться долженъ; 2) для совершенія сего съ лучшею удобностію и возможною поспѣшностію избрать искусныхъ въ дѣлопроизводствѣ и законознаніи чиновниковъ и представить для утвержденія ихъ въ семъ дѣлѣ;

M. Cayanac

шаго Сената и Департамента Министерства Юстиціи принадлежащихъ, употребить по части Коммисіи составленія законовъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сперанскаго» и прибавлено, что Сперанскій долженъ докладывать Государю по дѣламъ сей Коммисіи, усмотрѣнію Его Величества подлежащимъ.

Коммисія составленія законовъ не была учрежденіемъ новымъ: еще при Петрѣ I, съ 1700 года, послѣдовательно, одна за другою, учреждались коммисіи, на которыя возлагалась трудная задача привести въ извѣстную систему дѣйствовавшія въ то время узаконенія, устранить противорѣчія между отдѣльными указами и вообще внести въ область законодательства необходимыя улучшенія и дополненія. Восьмое по порядку мѣсто въ ряду этихъ учрежденій занимала знаменитая Екатерининская Коммисія 1766 года для сочиненія проекта новаго уложенія. Дѣятельность этой Коммисіи, какъ извѣстно, продолжалась всего полтора года; но послѣ ея роспуска не прекратилось существованіе состоявшей при ней канцеляріи или такъ называемой «малой коммисіи сводовъ», которая въ 1774 году была причислена къ Сенату, а въ Декабрѣ 1796 года, уже въ царствованіе Императора Павла I, передана въ вѣдѣніе Генералъ-Прокурора. Въ томъ же году, 30 Декабря, послѣдовалъ Высочайшій указъ о томъ, чтобы «коммисію сводовъ» называть впредь Коммисіею для составленія законовъ Россійской Имперіи. При этомъ Генералъ-Прокурору было Высочайше повелѣно: «1) собрать въ Коммисіи, начальству его ввѣренной, и во всѣхъ архивахъ государственныхъ, изданныя до того времени узаконенія и извлечь изъ оныхъ три книги законовъ Россійской Имперіи: а) уголовныхъ, б) гражданскихъ и в) казенныхъ дѣлъ, помѣстивъ въ оныя прямую черту закона, на которой судія утвердительно основаться долженъ; 2) для совершенія сего съ лучшею удобностію и возможною поспѣшностію избрать искусныхъ въ дѣлопроизводствѣ и законознаніи чиновниковъ и представить для утвержденія ихъ въ семъ дѣлѣ;

М. Сперанскій.

3) по приведеніи каждой части или отдѣленія къ окончанію, взносить каждую на разсмотрѣніе Сената». Въ то же время Сенату предписано было «взносимыя отъ Генералъ-Прокурора, оканчиваемыя по частямъ, книги законовъ разсматривать неукоснительно и утверждать оныя къ изданію». Въ слѣдующемъ, 1797 году, согласно представленію Генералъ-Прокурора, для разсмотрѣнія и уваженія бумагъ, заготовляемыхъ по составленію книгъ законовъ, прежде внесенія ихъ въ Общее Сената Собраніе, учреждено было особое Совѣщаніе (въ указѣ сказано: «съѣздъ») изъ трехъ Сенаторовъ, съ участіемъ Генералъ-Прокурора.

Въ этомъ составѣ Коммисія существовала до 1801 года. Указомъ 5 Іюня 1801 года Коммисія была оставлена въ Собственномъ вѣдѣніи Государя, а непосредственное управленіе ею возложено на Генералъ-Прокурора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа *Завадовскаго,* причемъ составъ ея былъ усиленъ еще однимъ членомъ, и ей было повелѣно «заняться преимущественно исправленіемъ, дополненіемъ и приспособленіемъ формы суда къ настоящему времени, къ законамъ и уставамъ, впослѣдствіи изданнымъ, къ скорѣйшему дѣлъ теченію и къ лучшему дѣйствію правосудія».

Въ вѣдѣніи графа Завадовскаго Коммисія законовъ оставалась недолго. Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ приступить къ возложеннымъ на него работамъ, Коммисія, указомъ 21 Октября 1803 года, была передана въ управленіе Министра Юстиціи князя *П. В. Лопухина,* а въ слѣдующемъ году получила новое образованіе. Состоя, по-прежнему, подъ единственнымъ вѣдѣніемъ Государя Императора, она должна была находиться въ непосредственномъ завѣдываніи Министра Юстиціи и его Товарища Новосильцева, которые, только вдвоемъ, и составляли Присутствіе Коммисіи, распоряжавшееся всѣми ея дѣлами и подписывавшее всѣ ея бумаги. Дѣлопроизводство Коммисіи было распредѣлено между тремя экспедиціями, изъ которыхъ каждая состояла изъ опредѣленнаго числа редакторовъ («уложителей»), ихъ помощниковъ и

канцелярскихъ служителей, подъ наблюденіемъ референдарія (докладчика). Преобразованной такимъ образомъ Коммисіи вмѣнено въ обязанность немедленно приступить къ составленію программы предстоявшихъ ей въ теченіе перваго мѣсяца занятій и, по истеченіи этого срока, ежемѣсячно представлять Государю Императору какъ отчетъ объ исполненныхъ уже работахъ, такъ и планъ работъ для наступающаго мѣсяца.

Всѣ эти измѣненія въ устройствѣ Коммисіи не оказывали, однако, благопріятнаго вліянія на успѣшность ея трудовъ. Причиною этого былъ не совсѣмъ удачный выборъ главнаго секретаря и перваго референдарія Коммисіи въ лицѣ барона Густава Андреевича *Розенкампфа,* который хотя и обладалъ довольно обширными юридическими познаніями, но не зналъ вовсе ни русскихъ законовъ, ни нравовъ и обычаевъ населенія и, сверхъ того, былъ такъ мало знакомъ съ русскимъ языкомъ, что не могъ обходиться безъ помощи переводчика. Неудивительно поэтому, что Розенкампфъ, прежде, чѣмъ приступить къ возложенной на него работѣ, долженъ былъ посвятить много времени на ознакомленіе съ дѣйствовавшимъ у насъ правомъ. Такъ проходили годы, а труды Коммисіи не подвигались впередъ.

Для обезпеченія Коммисіи возможно скорѣйшаго и успѣшнаго завершенія возложенной на нее задачи, Императоръ Александръ I призналъ необходимымъ привлечь къ участію въ ея работахъ Сперанскаго. Сперанскій, достигшій въ эту пору вершины своего вліянія и пользовавшійся исключительнымъ довѣріемъ Государя, принялся, съ свойственною ему энергіею, за составленіе полнаго плана преобразованія государственнаго управленія во всѣхъ его частяхъ, «отъ кабинета Государя до волостного правленія включительно». Въ отношеніи собственно Коммисіи законовъ онъ поспѣшилъ начертать для нея новое устройство, Высочайше утвержденное 7 Марта 1809 года. Въ обновленномъ своемъ видѣ Коммисія должна была состоять изъ Совѣта,

Правленія и Сословія Юрисконсультовъ. Совѣтъ составляли: Министръ Юстиціи, два Члена, въ Коммисіи присутствующіе, и Сенаторы, особо опредѣленные Государемъ Императоромъ; Правленіе было составлено изъ Министра Юстиціи и двухъ Членовъ, изъ которыхъ одинъ, именно—Сперанскій, долженъ былъ завѣдывать письмоводствомъ и руководить составленіемъ протоколовъ Совѣта. Сословіе Юрисконсультовъ раздѣлялось на шесть отдѣленій, изъ которыхъ каждое должно было имѣть своего начальника съ нѣсколькими помощниками, опредѣляемыми и увольняемыми по Высочайшему повелѣнію. Начальники отдѣленій и ихъ помощники, по выбору Правленія, должны были составлять, для общаго соображенія плановъ и разрѣшенія затрудненій, два раза въ недѣлю конференціи, подъ предсѣдательствомъ одного изъ Членовъ Правленія. На обязанности послѣдняго лежало разсмотрѣніе и утвержденіе плановъ, на коихъ уложенія и уставы имѣютъ быть основаны, пересмотръ изложенія законовъ, разрѣшеніе затрудненій и общее наблюденіе за успѣшнымъ и единообразнымъ движеніемъ работъ.

Между тѣмъ, общій преобразовательный планъ Сперанскаго былъ къ осени 1809 года законченъ и представленъ на разсмотрѣніе Государя, а затѣмъ приступлено было и къ его постепенному осуществленію. Первымъ шагомъ на этомъ новомъ пути было преобразованіе Государственнаго Совѣта. Одновременно съ этимъ преобразованіемъ, 1 Января 1810 года, Сперанскій былъ назначенъ Государственнымъ Секретаремъ и вмѣстѣ—Директоромъ Коммисіи составленія законовъ, которая была причислена къ состоящимъ при Совѣтѣ установленіямъ и получила опять новое устройство.

По «Образованію» 1810 года Коммисія раздѣлялась на отдѣленія, которыхъ, согласно прежнему положенію 1809 года, было шесть. Каждое отдѣленіе имѣло начальника и «нужное число помощниковъ». Всѣ начальники отдѣленій составляли общую конференцію подъ предсѣдательствомъ Директора. Планъ трудовъ каждаго отдѣленія выработывался его началь-

никомъ, разсматривался въ конференціи и, по утвержденіи Директоромъ, обращался къ исполненію. По этому плану составлялись проекты законовъ, уставовъ и учрежденій, которые затѣмъ разсматривались Директоромъ Коммисіи и вносились въ Государственный Совѣтъ. Всѣ предварительныя начертанія гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, а также уставовъ и учрежденій, составлявшихся внѣ Коммисіи, должны были поступать, чрезъ Государственнаго Секретаря, въ Коммисію и потомъ съ ея мнѣніемъ вносились въ Департаментъ Законовъ. Директоръ Коммисіи по своему званію имѣлъ право присутствовать съ совѣщательнымъ голосомъ въ этомъ Департаментѣ. Онъ долженъ былъ предлагать начертанія законовъ, уставовъ и учрежденій и представлять по нимъ надлежащія объясненія. По разсмотрѣніи и исправленіи проектовъ въ Департаментѣ Законовъ, они вносились въ Общее Собраніе Совѣта «въ томъ самомъ видѣ, какой получили въ Департаментѣ». Государственный Секретарь докладывалъ ихъ въ Общемъ Собраніи, а Директоръ Коммисіи долженъ былъ представлять свои объясненія. Но такъ какъ должности Государственнаго Секретаря и Директора Коммисіи были соединены тогда въ одномъ лицѣ Сперанскаго, то Коммисія являлась, въ сущности, только подготовительнымъ учрежденіемъ для Департамента Законовъ.

Что касается другого установленія, состоявшаго, согласно «Образованію» 1810 года, при Государственномъ Совѣтѣ,—Коммисіи Прошеній, то она была учреждена для принятія и предварительнаго разсмотрѣнія жалобъ на Департаменты Правительствующаго Сената и на Министерства и для представленія затѣмъ этихъ жалобъ въ Государственный Совѣтъ, а также и для принятія прошеній о разныхъ наградахъ и Монаршихъ милостяхъ. Коммисія эта состояла, подъ предсѣдательствомъ одного изъ Членовъ Государственнаго Совѣта, «изъ Членовъ, къ сему опредѣленныхъ»; ея дѣлопроизводствомъ завѣдывалъ особый Статсъ-Секретарь «у принятія прошеній», бывшій въ то же время и Членомъ

Коммисіи. Такая организація Коммисіи существовала до 18 Января 1835 года, когда Коммисія, поступившая въ непосредственное вѣдѣніе Государя Императора, получила новое учрежденіе.

Кромѣ перечисленныхъ постоянныхъ установленій, въ первое время дѣятельности обновленнаго Государственнаго Совѣта, въ 1810 и 1811 годахъ, для разсмотрѣнія важнѣйшихъ законодательныхъ дѣлъ собирался особый Комитетъ, составленный, по Высочайшему повелѣнію, изъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Предсѣдателей Департаментовъ, Военнаго Министра и Управлявшаго Морскимъ Министерствомъ, съ приглашеніемъ Государственнаго Казначея. Дѣлопроизводство этого Комитета лежало на Государственной Канцеляріи. Имъ были разсмотрѣны слѣдующія дѣла:

19 Января 1810 года читанъ былъ проектъ Манифеста объ учрежденіи званія Государственнаго Контролера.

16 Февраля 1810 года Комитетъ разсуждалъ объ удобнѣйшемъ распорядкѣ рекрутскихъ наборовъ.

Затѣмъ, согласно Высочайшему рескрипту, данному 27 Мая 1810 года на имя Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Канцлера графа Румянцова, объ окончательномъ образованіи Министерствъ на основаніи Манифеста 1 Января того же года, въ Комитетѣ, въ теченіе 1810 и 1811 годовъ, были разсмотрѣны также слѣдующіе вопросы: объ окончательномъ устройствѣ Министерствъ; о правилахъ, служащихъ дополненіемъ къ Учрежденію Государственнаго Совѣта; о проектѣ общаго Министерскаго Устава; о новой ревизіи; о переименованіи старой мѣдной монеты; о новомъ Учрежденіи Правительствующаго Сената; о Судебномъ Сенатѣ; о наставленіи медицинскимъ чинамъ для свидѣтельства рекрутъ при пріемѣ ихъ; о соединеніи Старой и Новой Финляндіи подъ одно наименованіе и одинъ образъ управленія; объ Учрежденіяхъ Министерствъ: Финансовъ, Полиціи, Внутреннихъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія и Главнаго Упра-

вленія Духовныхъ Дѣлъ. Впослѣдствіи этотъ Комитетъ, какъ постоянное установленіе, пересталъ дѣйствовать, а для предварительнаго разсмотрѣнія наиболѣе важныхъ законодательныхъ вопросовъ учреждались при Государственномъ Совѣтѣ, по мѣрѣ надобности, Особыя Совѣщанія и Коммисіи.

Что касается собственно Государственной Канцеляріи, то для нея, при изданіи въ 1810 году новаго Образованія Государственнаго Совѣта, не было установлено никакого штата; не были даже опредѣлены ни число Статсъ-Секретарей и ихъ Помощниковъ, ни оклады ихъ содержанія. Они опредѣлялись къ должностямъ съ назначеніемъ содержанія каждому «на лицо», особыми Высочайшими повелѣніями. Изъ дѣлъ Государственной Канцеляріи того времени видно, что изъ Статсъ-Секретарей никто не получалъ менѣе 6.000 р., а изъ Помощниковъ—менѣе 3.000 р. асс., но всѣ имѣли, сверхъ того, прибавочные оклады по другимъ должностямъ, нѣкоторые даже по двумъ и по тремъ. Такимъ же порядкомъ опредѣлено было, въ помощь имъ, и нѣсколько низшихъ чиновниковъ. Общее число чиновниковъ Государственной Канцеляріи въ 1810 году составляло 18; изъ нихъ 7 имѣли чины отъ V класса и выше, 11—отъ VIII до V. Общая сумма ихъ содержанія, по канцелярской собственно смѣтѣ, составляла 19.302 р. 19½ коп. асс., не считая содержанія Государственнаго Секретаря и Статсъ-Секретарей.

По своему первоначальному личному составу Государственная Канцелярія находилась въ тѣсной преемственной связи съ канцеляріей прежняго Государственнаго Совѣта: всѣ чиновники, тамъ служившіе, продолжали служить и въ новой Канцеляріи; измѣнилось только наименованіе должностей, такъ какъ прежніе экспедиторы стали теперь Статсъ-Секретарями, а ихъ помощники—Помощниками Статсъ-Секретарей. По своимъ служебнымъ качествамъ и образовательному цензу эти лица являлись, несомнѣнно, выдающимися въ тогдашней чиновной средѣ. При извѣстной заботливости Сперанскаго о повышеніи уровня образованія среди должност-

ныхъ лицъ вообще, первый Государственный Секретарь тѣмъ болѣе старался окружать себя людьми, удовлетворявшими его высокимъ требованіямъ. Въ понятіяхъ того времени гражданская служба вообще не пользовалась особеннымъ сочувствіемъ; клички: «приказный», «чернильная душа», «крапивное сѣмя» и т. п., бывшія въ общемъ употребленіи еще со временъ Сумарокова и Фонвизина, наглядно свидѣтельствовали о пренебрежительномъ отношеніи къ людямъ, которымъ, однако, ввѣрялись важныя государственныя дѣла. Для дворянина вступленіе въ ряды чиновниковъ считалось даже неумѣстнымъ, и взглядъ этотъ поддерживался иногда указаніями высшихъ правительственныхъ лицъ. Такъ, Министръ Юстиціи князь П. В. Лопухинъ, въ предписаніи Оберъ-Прокурору Правительствующаго Сената отъ 4 Марта 1805 года, обративъ вниманіе на то, что «многіе неслужащіе дворяне просятся для опредѣленія въ Сенатъ», указывалъ, что «Государю Императору весьма непріятно, что молодые люди, не желая идти въ военную службу, гдѣ съ пользою могли бы употреблены быть, избираютъ для себя статскую», и предписывалъ, въ случаѣ подобныхъ просьбъ молодыхъ дворянъ, «совѣтовать имъ, согласно волѣ Его Императорскаго Величества, вступать въ военную службу, яко приличнѣйшую званію и обязанностямъ ихъ».[3] Двѣнадцать лѣтъ спустя, когда лицейскій товарищъ Пушкина, Пущинъ, рѣшился, по окончаніи курса, занять должность уѣзднаго судьи, объ этомъ всѣ говорили, какъ о небываломъ событіи, и поэтъ восторженно привѣтствовалъ своего друга:

Ты освятилъ собой избранный санъ,
Ему въ глазахъ общественнаго мнѣнья
Завоевавъ почтенье согражданъ!

«Завоеваніе» шло преимущественно сверху, съ высшихъ государственныхъ учрежденій, среди которыхъ, конечно, наиболѣе видное мѣсто занимала Государственная Канцелярія. Формулярные списки личнаго состава Канцеляріи

того времени указываютъ, что число служившихъ въ ней чиновниковъ-дворянъ постоянно возрастало. Такимъ образомъ, Государственная Канцелярія съ самаго начала своего существованія стояла внѣ заповѣднаго круга, очерченнаго свѣтскими предубѣжденіями, и даже, можно сказать, преимущественно привлекала къ себѣ дворянскую молодежь.

Чиновники Государственной Канцеляріи всѣ, даже самые низшіе, опредѣлялись на службу и увольнялись не иначе, какъ Высочайшими повелѣніями, по всеподданнѣйшимъ докладамъ Государственнаго Секретаря. При опредѣленіи въ Канцелярію каждый изъ нихъ приносилъ особую присягу на вѣрность службы, по формѣ, получившей Высочайшее утвержденіе 17 Апрѣля 1801 года.[4]

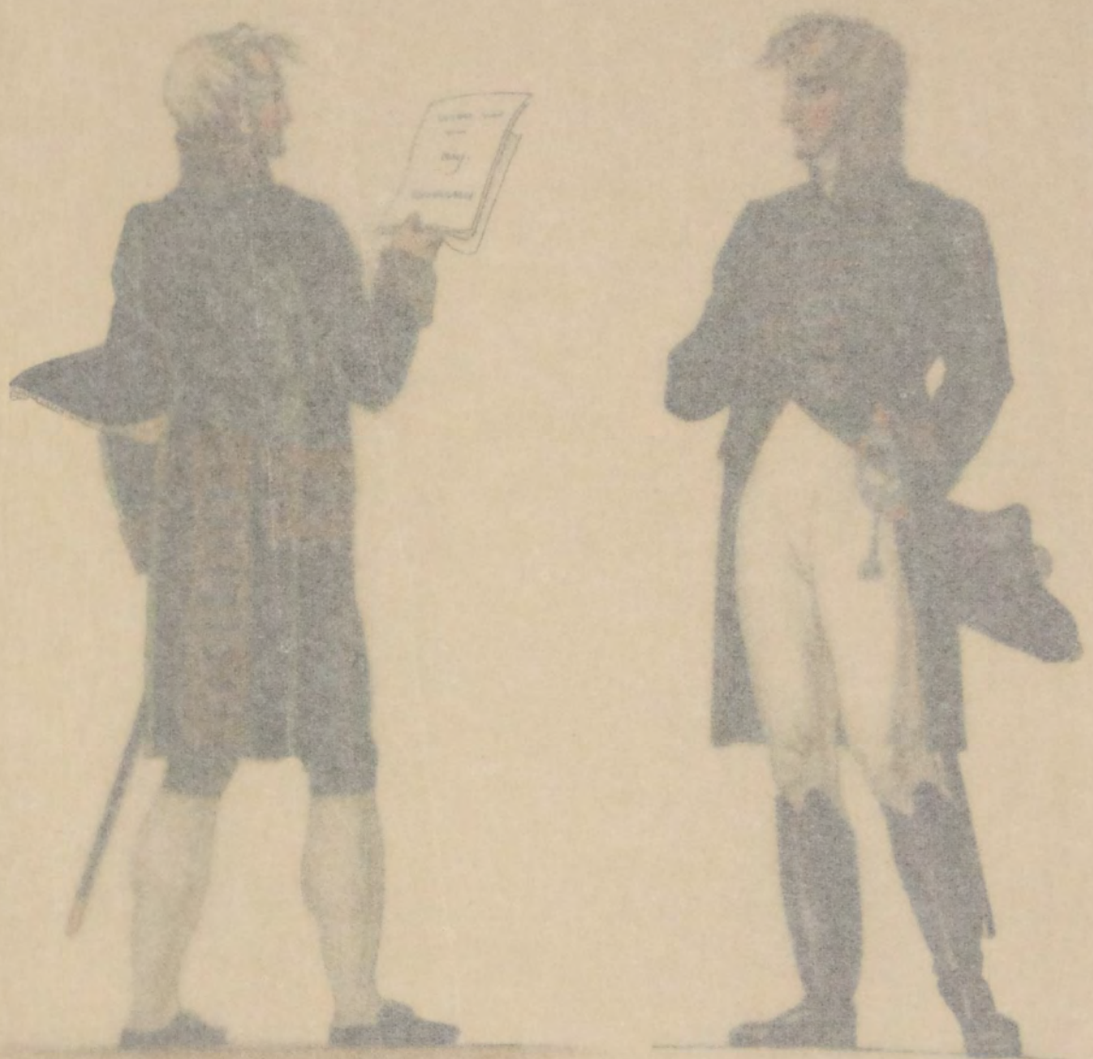
Вслѣдъ за Высочайшимъ утвержденіемъ «Образованія» Государственнаго Совѣта, въ томъ же 1810 году, возбужденъ былъ вопросъ и объ установленіи особой форменной одежды какъ для Членовъ Государственнаго Совѣта, такъ и для чиновъ Государственной Канцеляріи. Въ составленной по этому предмету запискѣ[5] были высказаны слѣдующія соображенія:

«Доселѣ одеждою всѣхъ верховныхъ сословій нашихъ былъ мундиръ, болѣе или менѣе близкій къ мундиру военному, какъ покроемъ, такъ и разными принадлежностями, какъ-то: шпагою, темлякомъ, панталономъ и проч.

«Одежда сія если и можетъ быть допущена въ видѣ губернскаго мундира, то для верховныхъ сословій неприлична по слѣдующимъ причинамъ:

«1-е, Она противна доброму вкусу, ибо все то, что примышлено въ мундирахъ военныхъ для обтяжки и стройности молодыхъ по большей части чиновниковъ во фрунтѣ или на лошади, не можетъ никакимъ образомъ пристать Члену Совѣта или Сенатору, обыкновенно старому, часто больному и дряхлому.

«2-е, Она не имѣетъ важности, ибо слишкомъ узка, обрѣзана и во всемъ совершенно схожа на одежду моло-

Проектъ мундира для высшихъ чиновъ Государственной Канцеляріи.
Изъ дѣлъ Архива Государственнаго Совѣта 1826 года № 11.

того времени указываютъ, что число служившихъ въ ней чиновниковъ-дворянъ постоянно возрастало. Такимъ образомъ, Государственная Канцелярія съ самаго начала своего существованія стояла внѣ заповѣднаго круга, очерченнаго свѣтскими предубѣжденіями, и даже, можно сказать, преимущественно привлекала къ себѣ дворянскую молодежь.

Чиновники Государственной Канцеляріи всѣ, даже самые низшіе, опредѣлялись на службу и увольнялись не иначе, какъ Высочайшими повелѣніями, по всеподданнѣйшимъ докладамъ Государственнаго Секретаря. При опредѣленіи въ Канцелярію каждый изъ нихъ приносилъ особую присягу на вѣрность службы, по формѣ, получившей Высочайшее утвержденіе 17 Апрѣля 1801 года.[4]

Вслѣдъ за Высочайшимъ утвержденіемъ «Образованія» Государственнаго Совѣта, въ томъ же 1810 году, возбужденъ былъ вопросъ и объ установленіи особой форменной одежды какъ для Членовъ Государственнаго Совѣта, такъ и для чиновъ Государственной Канцеляріи. Въ составленной по этому предмету запискѣ[5] были высказаны слѣдующія соображенія:

«Доселѣ одеждою всѣхъ верховныхъ сословій нашихъ былъ мундиръ, болѣе или менѣе близкій къ мундиру военному, какъ покроемъ, такъ и разными принадлежностями, какъ-то: шпагою, темлякомъ, панталономъ и проч.

«Одежда сія если и можетъ быть допущена въ видѣ губернскаго мундира, то для верховныхъ сословій неприлична по слѣдующимъ причинамъ:

«1-е, Она противна доброму вкусу, ибо все то, что примышлено въ мундирахъ военныхъ для обтяжки и стройности молодыхъ по большей части чиновниковъ во фрунтѣ или на лошади, не можетъ никакимъ образомъ пристать Члену Совѣта или Сенатору, обыкновенно старому, часто больному и дряхлому.

«2-е, Она не имѣетъ важности, ибо слишкомъ узка, обрѣзана и во всемъ совершенно схожа на одежду моло-

Проектъ формы для высшихъ чиновъ Государственной Канцеляріи.

Изъ дѣла Архива Государственнаго Совѣта 1810 года № 11.

дого человѣка. Во всѣхъ странахъ состоянія почтенныя, какъ-то духовныя, судебныя и проч., имѣютъ не токмо одежды широкія и сохраненныя отъ древности, но даже и мантіи. И вообще замѣтить должно, что одежда, къ которой мы приглядѣлись, которую видимъ во всѣхъ канцеляріяхъ и встрѣчаемъ безпрестанно на улицѣ, не дѣлаетъ на насъ никакого впечатлѣнія.

«Впрочемъ ничѣмъ странности сей одежды и того, сколько она противна изящному вкусу, столь очевидно доказать не можно, какъ слѣдующимъ:

«Представимъ себѣ, что нужно бы было написать какое либо торжество, въ которомъ изображаются верховныя сословія наши, на картинѣ; что можетъ быть страннѣе въ живописи, не токмо чрезъ сто лѣтъ, но даже и теперь, маленькихъ и разнообразныхъ шпагъ, обтянутыхъ и короткихъ мундировъ съ жилетами, складныхъ шляпъ и разноцвѣтныхъ перчатокъ?

«Для великолѣпія и важности одежды какого либо сословія нужно:

70439

«1-е, чтобы она если не приближалась къ одеждѣ древнихъ, то, по крайней мѣрѣ, издали ее напоминала простотою и широтою покроя;

«2-е, чтобы цвѣты ея согласно были подобраны;

«3-е, чтобы она была богато и отлично отъ всѣхъ прочихъ одеждъ вышита;

«4-е, чтобы всѣ принадлежности къ ней, какъ то: шпага, поясъ, на которомъ ее носятъ, шляпа, перчатки и самая обувь, были въ одинакомъ вкусѣ со всею одеждою и единообразны».

Согласно этимъ общимъ соображеніямъ и былъ составленъ проектъ, по которому мундиръ для Членовъ Государственнаго Совѣта предполагался темнозеленаго сукна съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ и разрѣзными широкими обшлагами и бѣлыми пуговицами, съ изображеніемъ орла, сидящаго на книгѣ Закона на вѣсахъ и мечѣ, съ

надписью вокругъ: «Воединѣ». Шпага проектировалась «на подобіе древняго меча», а парадная шляпа—съ страусовымъ перомъ, вся шитая золотомъ. Мундиръ для Государственнаго Секретаря и прочихъ чиновъ Канцеляріи предполагался въ томъ же родѣ, но съ меньшимъ количествомъ украшеній. Проектъ этотъ, однако, не удостоился Высочайшаго одобренія, и Члены Совѣта и чины Канцеляріи такъ и не получили особо имъ присвоенной формы до 1826 года.

Государственная Канцелярія (за исключеніемъ Отдѣленія Дѣлъ Государственнаго Секретаря, находившагося въ томъ самомъ домѣ, гдѣ жилъ Государственный Секретарь) помѣщалась сначала въ вольнонаемномъ домѣ графа Сенъ-При, а затѣмъ была переведена въ комнаты Зимняго Дворца, гдѣ собирался, съ самаго начала своего существованія, и Государственный Совѣтъ. Потомъ Совѣтъ и Канцелярія были переведены въ домъ графа Румянцова, на Дворцовой площади, гдѣ и оставались до тѣхъ поръ, пока всѣ частные дома на этой площади не были срыты для возведенія нынѣшняго зданія Главнаго Штаба и Министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ и Финансовъ. Тогда Совѣтъ и Канцелярія были перемѣщены опять во Дворецъ, сперва—въ такъ называемый Шепелевскій, потомъ—въ нижній этажъ Эрмитажа. Общее наблюденіе за устройствомъ въ комнатахъ, занимаемыхъ Государственною Канцеляріею, и въ архивѣ, и за всѣмъ порядкомъ при собраніяхъ Государственнаго Совѣта, съ 1810 года, лежало на обязанности Статсъ-Секретаря А. Н. Оленина. По его свидѣтельству, помѣщенія Совѣта и Канцеляріи оставляли желать много лучшаго, такъ какъ въ хозяйственномъ отношеніи наблюдался безпорядокъ: напримѣръ, печи дымили и нельзя было ими пользоваться. Олениnъ писалъ однажды управлявшему Зимнимъ Дворцомъ графу Литтѣ, что печи «большею частью оказались къ топленію не способными», и прибавлялъ, что онъ «обязанностію своею поставилъ довести сіе до свѣдѣнія его сіятельства по той болѣе причинѣ, чтобы не могло чего либо послѣдовать такого, которое

отнесено быть можетъ къ неосторожности его отъ пожара, каковой несчастный случай одинъ разъ уже послѣдовалъ въ комнатахъ, прилегающихъ къ Государственному Совѣту...»

Въ центрѣ дѣятельности преобразованнаго Государственнаго Совѣта и всѣхъ связанныхъ съ нимъ установленій стоялъ всемогущій въ ту пору Государственный Секретарь Сперанскій, представлявшій собою, по выраженію барона Корфа, «какъ бы зажигательную точку, въ которой стекались всѣ разрозненные лучи государственнаго управленія». Нѣсколько позднѣе Сперанскій самъ сознавалъ, что принятыя имъ на себя разностороннія обязанности непосильны для одного лица: «званіе Государственнаго Секретаря, отдѣльно взятое, не трудно», писалъ онъ,—«но соединенное со званіемъ Директора Коммисіи законовъ и въ связи съ работами всякаго рода, на меня возложенными лично, весьма тягостно и для силъ моихъ невозможно». Поэтому онъ просилъ Государя, отдѣливъ званіе Государственнаго Секретаря и сложивъ съ него дѣла финляндскія, оставить его при одной должности—Директора Коммисіи законовъ.[6] Эти строки онъ писалъ, впрочемъ, въ началѣ 1812 года, когда начиналъ чувствовать всю трудность того дѣла, за которое взялся, и невозможность правильно продолжать его среди множества другихъ дѣлъ, на немъ лежавшихъ; но въ началѣ онъ возлагалъ большія надежды на произведенное имъ преобразованіе Коммисіи и ожидалъ отъ него быстрыхъ и благихъ результатовъ. Написанный имъ Манифестъ 1 Января 1810 года въ словахъ, исполненныхъ надеждъ, объявлялъ Россіи, что первая часть гражданскаго уложенія уже окончена, и что другія постепенно и непрерывно за нею послѣдуютъ. Въ дѣйствительности, однако, работы по составленію уложенія вскорѣ совершенно прекратились.

Первая часть проекта уложенія была вручена Государемъ Предсѣдателю Государственнаго Совѣта въ самый день 1 Января 1810 года. По мѣрѣ того, какъ она разсматривалась въ Совѣтѣ, въ Коммисіи приготовлялись и слѣдующія части: вторая—право «вещественное» и третья—право договорное. Предварительные проекты все еще составлялъ Розенкампфъ, но его участіе въ этомъ дѣлѣ оставалось, можно сказать, безъ всякихъ результатовъ. Все, что онъ писалъ, было безпощадно исправляемо Сперанскимъ и большею частью передѣлывалось совсѣмъ заново. Занятіямъ этимъ Директоръ Коммисіи посвящалъ исключительно утро понедѣльника, передъ засѣданіемъ Совѣта. Въ 6 часовъ являлся къ нему старшій письмоводитель Коммисіи *Ѳ. П. Вронченко*[7] съ русскимъ переводомъ тѣхъ тетрадей, которыя представлялись Розенкампфомъ на французскомъ языкѣ. Сперанскій, прочитывая эту работу, перечеркивалъ большую ея часть, исправленное имъ Вронченко приводилъ въ порядокъ, а четыре писца переписывали, и къ началу засѣданія поспѣвало нѣсколько стройныхъ главъ,—стройныхъ, конечно, болѣе только по внѣшней формѣ, чѣмъ по внутреннему содержанію, чего, при такомъ способѣ работы, трудно было и ожидать. Такимъ образомъ, можно сказать, что всѣ труды Коммисіи Законовъ ограничивались личною работою ея Директора.[8]

Въ Государственномъ Совѣтѣ разсмотрѣнію проекта гражданскаго уложенія посвящено было въ 1810 году, начиная съ 18 Января, 43 засѣданія Департамента Законовъ и Общаго Собранія. Сперанскій, въ званіи Директора Коммисіи, вносилъ проекты главъ и сопровождалъ ихъ нужными объясненіями, а потомъ, въ званіи Государственнаго Секретаря, составлялъ журналы Совѣта и докладывалъ ихъ Государю. При томъ безграничномъ довѣріи, какое въ ту пору оказывалъ Государственному Секретарю Императоръ Александръ Павловичъ, Сперанскій занялъ совершенно исключительное положеніе, вызывавшее со стороны современ-

никовъ иногда, можетъ быть, слишкомъ рѣзкія замѣчанія. Такъ, напримѣръ, извѣстный писатель, бывшій въ 1810—1814 годахъ Министромъ Юстиціи, *И. И. Дмитріевъ*, говоритъ въ своихъ Запискахъ: «Всякій разъ, когда Сперанскій входилъ отъ Государя въ залу Общаго Собранія (помѣщавшуюся рядомъ съ Царскимъ кабинетомъ), нѣкоторые Члены обступали его съ шептаніемъ, отбивая одинъ отъ другого, между тѣмъ какъ многіе изъ нихъ въ безмолвіи обращались къ нему, какъ подсолнечники къ солнцу, и домогались ласковаго его воззрѣнія».[9] Новѣйшій историкъ Александровской эпохи *Н. Ѳ. Дубровинъ* выражается въ еще болѣе категорической формѣ: «Совѣтъ былъ не что иное, какъ самъ Сперанскій, который предлагалъ въ немъ къ слушанію дѣла, потомъ, среди общаго молчанія Членовъ, самъ разсуждалъ за нихъ и опредѣленія свои давалъ имъ подписывать»,[10]—не скрѣпляя журналовъ своею подписью, такъ какъ подобная скрѣпа вошла въ обыкновеніе лишь позднѣе. И въ самомъ дѣлѣ важнѣйшія мѣропріятія того времени въ области законодательной и финансовой «предлагались исключительно Государственнымъ Секретаремъ, и хотя были проводимы черезъ Совѣтъ, но подносились къ Высочайшему утвержденію опять тѣмъ же Государственнымъ Секретаремъ; а Государь, если въ Совѣтѣ и бывали возраженія и разногласія, всегда принималъ сторону и мнѣніе Сперанскаго. Власть послѣдняго по Совѣту, обнимая и вступленіе, и производство, и окончаніе дѣлъ, простиралась до того, что онъ же объявлялъ Высочайшія повелѣнія самому Предсѣдателю Совѣта».[11]

Въ половинѣ Декабря 1810 года Государственный Совѣтъ окончилъ разсмотрѣніе второй части уложенія. Обѣ его части были тогда же напечатаны, для новаго пересмотра ихъ въ исправленномъ видѣ,—но затѣмъ ничего уже болѣе по этому предмету не вносилось въ Государственный Совѣтъ при Сперанскомъ.

Въ томъ же 1810 году Сперанскій внесъ на разсмотрѣніе Департамента Государственной Экономіи свой финансовый

планъ. Планъ этотъ разсматривался Департаментомъ по частямъ; разсмотрѣніе его замедлилось и, послѣ нѣкоторой отсрочки, возобновилось только въ концѣ года. Огромный журналъ 31 Декабря 1810 года, въ которомъ дано было обозрѣніе всѣхъ предпринятыхъ дотолѣ финансовыхъ мѣръ и изъ котораго истекли потомъ всѣ дальнѣйшія распоряженія по этой части, былъ написанъ самимъ Сперанскимъ.

«Планъ финансовъ» Сперанскаго содержалъ въ себѣ, между прочимъ, проектъ постояннаго финансоваго закона или смѣтныхъ правилъ для руководства распорядительныхъ вѣдомствъ. Въ прежнее время, по выраженію Сперанскаго, «годовая смѣта была не что иное, какъ пустой канцелярскій обрядъ, полезный для потребности низшаго управленія, но ничтожный въ общемъ ходѣ государственныхъ дѣлъ». Основной задачей финансоваго преобразованія являлось уничтоженіе усвоенныхъ отъ стараго времени порядковъ назначенія суммъ на расходы и замѣна ихъ твердымъ и яснымъ закономъ, дающимъ опредѣленныя рамки для составителей и исполнителей смѣтъ и устанавливающимъ такія условія, при соблюденіи которыхъ государственная роспись доходовъ и расходовъ давала бы правильное представленіе о положеніи государственнаго хозяйства. Выраженная въ «Планѣ финансовъ» мысль о томъ, что высшее разсмотрѣніе и соображеніе смѣтъ государственныхъ доходовъ и расходовъ принадлежитъ Государственному Совѣту, была еще ранѣе проведена Сперанскимъ въ «Образованіи» Совѣта 1 Января 1810 года. На основаніи § 29 этого закона, въ числѣ дѣлъ, требующихъ Высочайшаго утвержденія, поступаютъ предварительно на уваженіе Совѣта «ежегодныя смѣты общихъ государственныхъ приходовъ и расходовъ, способы ихъ уравненія, назначеніе новыхъ издержекъ, въ теченіе года встрѣтиться могущихъ, и чрезвычайныя финансовыя мѣры». Такимъ образомъ, Государственный Совѣтъ былъ привлеченъ къ участію въ финансовомъ управленіи.

По разсмотрѣніи въ Совѣтѣ той части «Плана финансовъ», которая заключала въ себѣ предположенія Сперанскаго относительно упорядоченія смѣтнаго дѣла, предположенія эти были вполнѣ одобрены, и Высочайше утвержденнымъ 29 Августа 1810 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта положено: составленіе образцовой смѣты начать если не въ 1810, то, по крайней мѣрѣ, въ 1811 году, и затѣмъ всѣ правила, постановленныя въ «Планѣ» о расходахъ, привести окончательно въ дѣйствіе съ 1812 года. Годъ спустя, въ Августѣ 1811 года, Министръ Финансовъ Д. А. Гурьевъ внесъ въ Государственный Совѣтъ представленіе, въ которомъ указывалъ на различныя встрѣченныя имъ затрудненія въ составленіи образцовой смѣты. Но Государственный Совѣтъ не согласился съ его разсужденіями и журналомъ Департамента Экономіи 29 Августа 1811 года обязалъ его составить образцовую смѣту и внести ее на законодательное разсмотрѣніе.

«Образцовая смѣта», однако, такъ и не была составлена, и вообще участіе Государственнаго Совѣта въ разсмотрѣніи смѣтныхъ предположеній вѣдомствъ и составляемыхъ Министромъ Финансовъ государственныхъ росписей установилось далеко не сразу. Во все дальнѣйшее царствованіе Императора Александра I смѣты и росписи разсматривались по существу или въ секретномъ Комитетѣ Финансовъ, или въ Комитетѣ Министровъ, а въ Государственный Совѣтъ вносились только, говоря словами тогдашней формулы,—«для окончательнаго уваженія и для поднесенія на Высочайшее утвержденіе».

Среди заботъ Сперанскаго объ устройствѣ Государственной Канцеляріи, имъ было обращено серьезное вниманіе на составъ архива и приспособленіе его къ практическимъ потребностямъ дѣлопроизводства. По «Образованію» 1810 года архивъ долженъ былъ состоять: «1) изъ собранія самыхъ положительныхъ свѣдѣній по дѣламъ государственнымъ прежнихъ лѣтъ; 2) изъ свѣдѣній самыхъ

полныхъ о настоящемъ каждой части положеніи, собранныхъ по ихъ отдѣленіямъ; 3) изъ журналовъ Государственнаго Совѣта и послѣдовавшихъ по онымъ Высочайшихъ рѣшеній». Сперанскій, самъ предначертавшій этотъ составъ архива, вскорѣ нашелъ его, однако, недостаточнымъ. У него явилась мысль—сдѣлать изъ архива своего рода справочное статистическое бюро по всѣмъ частямъ управленія. Въ запискѣ, составленной, по его порученію, объ этомъ предметѣ Помощникомъ Статсъ-Секретаря *Баккаревичемъ*, высказано, между прочимъ, слѣдующее:

Е. А. Энгельгардтъ.

«Собраніе статистическихъ свѣдѣній, по возможности полныхъ и вѣрныхъ, какъ по дѣламъ государственнымъ прежнихъ лѣтъ, такъ и по дѣламъ настоящаго управленія, не только существенно полезно, но и необходимо нужно. Свѣдѣнія таковыя, бывъ расположены въ приличномъ мѣстѣ и въ надлежащемъ систематическомъ порядкѣ, во-первыхъ, составятъ богатое хранилище для нужныхъ на будущее время справокъ и соображеній по всѣмъ частямъ государственнаго дѣлопроизводства, а во-вторыхъ, послужатъ основаніемъ къ сочиненію всеобщей статистики Россійскаго Государства, коей у насъ доселѣ не существуетъ, хотя впрочемъ польза ея неоспорима...

«Предметъ толико важный давно обращаетъ на себя вниманіе нашего правительства: собираемы были въ разныя времена нужныя статистическія свѣдѣнія, требовались справки отъ мѣстныхъ начальствъ, составляемы были географическія карты и описанія губерній; но все сіе, не бывъ соединено въ одинъ составъ и сосредоточено въ приличномъ мѣстѣ, остается разсѣяннымъ по разнымъ частямъ

управленія или хранится въ особенныхъ заведеніяхъ, какъ-то въ Министерствахъ, въ Экономическомъ Обществѣ, и пр.

«Съ устроеніемъ Государственной Канцеляріи, яко средоточія дѣлопроизводства по всѣмъ главнѣйшимъ частямъ государственнаго управленія, откроется мѣсто, единственно приличное для собранія и совокупленія воедино всѣхъ вышеупомянутыхъ свѣдѣній, подъ именемъ *Статистическаго Архива Государственной Канцеляріи.*

«На сей конецъ при Государственной Канцеляріи надлежитъ учредить особое Отдѣленіе, подъ названіемъ Статистическаго, распредѣливъ его на приличные разряды, въ которыхъ расположить всѣ вышеупомянутыя свѣдѣнія, по мѣрѣ ихъ поступленія, въ такомъ порядкѣ, чтобы въ самоскорѣйшее время можно было найти всякую требуемую бумагу или отыскать нужную справку».

Это предположеніе, составленное чуть ли не наканунѣ увольненія Сперанскаго, при его преемникахъ не получило дальнѣйшаго движенія.

Ближайшими сотрудниками Сперанскаго по Государственной Канцеляріи были Статсъ-Секретари Департаментовъ: Законовъ—Михаилъ Леонтьевичъ *Магницкій*, впослѣдствіи бывшій попечителемъ Казанскаго учебнаго округа; Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ—Алексѣй Николаевичъ *Олениинъ*, къ которому и перешло управленіе Канцеляріею послѣ удаленія Сперанскаго; Государственной Экономіи—Ѳедоръ Ивановичъ *Энгель*. Послѣдніе двое были экспедиторами прежней канцеляріи Государственнаго Совѣта съ самаго его учрежденія въ 1801 году. Помощникомъ Ѳ. И. Энгеля былъ Егоръ Антоновичъ (Георгъ-Рейнгольдъ) *Энгельгардтъ*, занимавшій въ прежней Канцеляріи Государственнаго Совѣта должность помощника экспедитора. Въ 1811 году Е. А. Энгельгардтъ былъ назначенъ директоромъ Педагогическаго Института, а впослѣдствіи, съ 1816 года, былъ директоромъ Царскосельскаго Лицея и воспитателемъ знаменитыхъ лицеистовъ перваго выпуска—Пушкина, князя Горча-

кова, барона Корфа и др. Должность Статсъ-Секретаря Департамента Военныхъ Дѣлъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ графъ Аракчеевъ, осталась незамѣщенною, а управленіе дѣлами соотвѣтствующаго Отдѣленія Государственной Канцеляріи было поручено Помощнику Статсъ-Секретаря Семену Агаѳоновичу *Бижевичу*, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, занималъ и должность экспедитора въ Департаментѣ Военнаго Министра, а впослѣдствіи былъ Директоромъ Канцеляріи этого же Министерства. Это былъ уже довольно пожилой, опытный и чрезвычайно трудолюбивый чиновникъ стараго закала, въ дѣйствія котораго Сперанскій почти вовсе не вмѣшивался, такъ какъ вообще мало занимался военными дѣлами. Учрежденіемъ Департамента Военныхъ Дѣлъ былъ созданъ новый коллегіальный органъ военнаго управленія съ огромнымъ значеніемъ законодательнаго учрежденія. Вліяніе Военнаго Министра съ этихъ поръ неизбѣжно должно было умалиться, и Аракчеевъ на обращенный къ нему вопросъ Государя, хочетъ ли онъ оставаться по-прежнему Министромъ или быть Предсѣдателемъ Департамента, совершенно основательно отвѣчалъ, что «самъ будетъ лучше дядькою, нежели надъ собою имѣть дядьку». Всѣ важнѣйшіе вопросы военнаго законодательства и хозяйства, рѣшавшіеся до того времени непосредственными докладами Военнаго Министра Государю, теперь должны были вноситься на разсмотрѣніе Департамента. Военному Министру, сохранившему за собою право законодательнаго почина, приходилось теперь защищать свои предположенія въ Департаментѣ, а иногда—и въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта. Правда, Помощникъ Статсъ-Секретаря Военнаго Департамента былъ лицомъ, подчиненнымъ Министру; но роль, предназначавшаяся ему закономъ, была очень скромная: онъ привлекался, главнымъ образомъ, для собиранія справокъ, необходимыхъ для подробнаго обоснованія внесеннаго Министромъ представленія при докладѣ его Департаменту. Такимъ образомъ, новое положеніе вещей должно было, при

проведеніи военныхъ законопроектовъ, стѣснить свободу дѣйствій Военнаго Министра и во многихъ случаяхъ поставить то или иное рѣшеніе вопроса въ зависимость отъ степени довѣрія Государя къ Предсѣдателю Департамента Военныхъ Дѣлъ или Военному Министру. При такихъ условіяхъ Сперанскій все свое вниманіе сосредоточилъ на законодательныхъ дѣлахъ гражданскаго и финансоваго управленія и всегда былъ очень внимательнымъ редакторомъ журналовъ Департаментовъ и Общаго Собранія, которые въ то время представлялись на Высочайшее утвержденіе въ подлинникахъ, а по многимъ дѣламъ и самъ составлялъ журналы. Редакторскія поправки Сперанскаго часто имѣли цѣлью не столько усовершенствованіе работы, сколько приданіе ей нѣкоторой эластической неопредѣленности. Онъ самъ говаривалъ своимъ сотрудникамъ: «J'aime à me ménager toujours une certaine latitude, de la marge».[12] По свидѣтельству графа *Д. Н. Блудова*, о нашихъ законахъ Сперанскій отзывался, что ихъ надлежитъ писать неясно, чтобы народъ чувствовалъ необходимость прибѣгать къ власти для ихъ истолкованія.

Въ отношеніи къ Членамъ Государственнаго Совѣта и выражаемымъ ими мнѣніямъ Сперанскій, какъ уже было отмѣчено выше, держался съ полною самостоятельностью, излагая журналы такъ, какъ ему казалось наиболѣе удобнымъ. Впослѣдствіи, уже въ 20-хъ годахъ, когда онъ и самъ сдѣлался Членомъ Совѣта, онъ, не стѣсняясь, говорилъ работавшему вмѣстѣ съ нимъ Помощнику Статсъ-Секретаря Н. И. Тургеневу: «Всѣ эти разсужденія Совѣта — пустая формальность.... Мы съ вами все сдѣлаемъ такъ, какъ найдемъ лучшимъ».[13] Исключительное положеніе Сперанскаго и огромное значеніе, приданное имъ, съ самаго начала, должности Государственнаго Секретаря, вызывали въ правительственныхъ кругахъ извѣстное недовольство и нареканія какъ на самого Сперанскаго, такъ и на Государственную Канцелярію, бывшую его личнымъ органомъ. «Канцелярія сія», писалъ Ми-

нистръ Внутреннихъ Дѣлъ графъ *В. П. Кочубей,* «содѣлалась нѣкоторымъ родомъ инстанціею: она докладываетъ дѣла по собственному своему произволу, откладываетъ одни, поспѣшаетъ рѣшеніемъ другихъ... Теперь уже не Министры... представляютъ и докладываютъ по своимъ дѣламъ, но чиновники, въ большомъ числѣ для сего находящіеся».[14] Тотъ же Министръ, въ представленной въ Декабрѣ 1814 года Государю запискѣ «О положеніи Имперіи и о мѣрахъ къ прекращенію безпорядковъ и введенію лучшаго устройства въ разныя отрасли, правительство составляющія», съ нескрываемымъ раздраженіемъ писалъ: «Учрежденіе Совѣта, нынѣ существующее, есть весьма правильное; одной перемѣны въ немъ желать можно: это—*уменьшеніе вліянія Канцеляріи*, а съ тѣмъ вмѣстѣ и числа людей, оную составляющихъ. Полезно было бы предоставить Членамъ Совѣта, Департаменты составляющимъ, обработывать самимъ бумаги, въ Совѣтъ поступающія, назначая имъ для сего одного изъ чиновниковъ, при Совѣтѣ служащихъ. Такимъ образомъ Члену Совѣта каждаго Департамента можно было бы, по назначенію Президента, предоставить обработать дѣло и внести по оному записку съ заключеніемъ его, т. е. сдѣлать то, что нынѣ чинится *какимъ-нибудь канцелярскимъ служителемъ*».[15] Нѣсколько позднѣе (1819 г.), другой авторъ проекта «исправленія учрежденій и законодательства въ Россіи», извѣстный законовѣдъ *М. А. Балугьянскій*, высказывалъ по этому же поводу такія соображенія: «Совѣтъ переверщаетъ предположенія Министровъ, а иногда—и рѣшенія Сената, и дѣлаетъ имъ новую редакцію, что съ одной стороны рождаетъ негодованіе оныхъ мѣстъ, а съ другой сопряжено съ потерею времени. Канцелярія его, подъ именемъ Государственной, имѣетъ видъ верховной канцеляріи. Если бы Сенатъ и Министры представляли свои предположенія въ такомъ видѣ, въ какомъ они, по утвержденіи, должны быть изданы въ свѣтъ, то законодательному Совѣту остались бы только совѣщанія о принятіи или непринятіи

предполагаемаго закона и объ исправленіи нѣкоторыхъ статей или выраженій,—и тогда Канцелярія Совѣта могла бы быть сокращена и не имѣть уже видъ общей Государственной Канцеляріи, управляющей всѣми дѣлами государства». Желая, такимъ образомъ, отнять у Государственной Канцеляріи пріобрѣтенное ею значеніе и вліяніе на государственныя дѣла, Балугьянскій предлагалъ преобразовать ее въ простую канцелярію Совѣта, подъ управленіемъ одного Статсъ-Секретаря и съ небольшимъ числомъ чиновниковъ, необходимыхъ только для «письмоводства».[16]

Возсталъ противъ Государственной Канцеляріи также и Министръ Финансовъ графъ *Д. А. Гурьевъ*. Въ представленной въ 1820 году Государю запискѣ «Объ устройствѣ верховныхъ правительствъ въ Россіи» онъ, между прочимъ, писалъ:

«Нельзя оставить безъ замѣчанія званіе Государственнаго Секретаря, который отъ правителя Канцеляріи Совѣта учредился первенствующимъ лицомъ сего сословія, ибо не только «всѣ дѣла надписываются на его имя и поступаютъ къ нему», но предлагаются имъ Совѣту не въ томъ видѣ, какъ они представлены отъ Министровъ, но «по пріуготовленіи оныхъ въ Канцеляріи подъ его руководствомъ». Сверхъ того, чрезъ него же всѣ журналы подносятся на Высочайшее усмотрѣніе и по Высочайшимъ рѣшеніямъ составляются окончательныя исполненія, и даже словесныя Высочайшія повелѣнія хотя объявляются Совѣту Предсѣдателями, но Государственный Секретарь для предложенія ихъ Совѣту сообщаетъ оныя имъ письменно, то есть онъ ихъ получаетъ и чрезъ Предсѣдателей объявляетъ Совѣту. Итакъ, по всѣмъ важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ въ порядкѣ законодательномъ, исполнительномъ и судномъ, ибо сіи три власти въ Совѣтѣ смѣшаны, по всѣмъ частямъ управленія пріуготовленіе докладовъ Государственному Совѣту, предложеніе оныхъ и, наконецъ, составленіе окончательныхъ исполненій и самый докладъ Государю присвоены одному Государственному Секретарю, съ исключе-

ніемъ всѣхъ Министровъ, которые такимъ образомъ, нося одно названіе, лишились правъ, оному принадлежащихъ какъ во всѣхъ другихъ государствахъ, такъ и у насъ по Манифесту 8 Сентября 1802 года, и чрезъ сей распорядокъ соединенія и производства всѣхъ дѣлъ въ Совѣтѣ единственнымъ Министромъ съ бо́льшими преимуществами, нежели когда-либо присвоивали себѣ Генералъ-Прокуроры, учинился Государственный Секретарь».[17]

Подобныя мнѣнія проистекали, главнымъ образомъ, отъ отрицательнаго отношенія къ Государственному Совѣту, который въ то время ограничивалъ власть Министровъ не только въ области законодательной, но и во многихъ дѣлахъ управленія. Въ извѣстной мѣрѣ, однако, вызывались они и положеніемъ Государственной Канцеляріи, которая, при управленіи ею Сперанскаго, имѣла, какъ выше указано, несомнѣнное вліяніе на ходъ и разрѣшеніе дѣлъ. Впрочемъ, положеніе, данное Канцеляріи Сперанскимъ, и общій характеръ ея работъ продолжали оставаться въ силѣ и послѣ того, какъ всесильный Государственный Секретарь долженъ былъ внезапно покинуть свой постъ.

Паденіе Сперанскаго, въ самомъ разгарѣ его кипучей дѣятельности, было, какъ извѣстно, полной неожиданностью. 17 Марта 1812 года, вечеромъ, онъ былъ призванъ къ Государю и, послѣ продолжительнаго съ Нимъ объясненія, въ ту же ночь былъ увезенъ въ Нижній-Новгородъ. Одновременно съ нимъ былъ отправленъ въ Вологду и одинъ изъ ближайшихъ его сотрудниковъ, Статсъ-Секретарь Департамента Законовъ Магницкій. На освободившуюся такимъ образомъ должность Государственнаго Секретаря былъ назначенъ Вице-Адмиралъ Александръ Семеновичъ *Шишковъ*, которому тотчасъ же было поручено написать манифестъ о войнѣ съ французами. Отъѣзжая, 9 Апрѣля, изъ Петербурга въ армію, Императоръ Александръ обратился къ Шишкову со словами: «Я бы желалъ, чтобы вы поѣхали со Мной. Можетъ быть, для васъ это и тяжело, но для отече-

ства нужно». Затѣмъ Государь подписалъ указъ, повелѣвавшій Шишкову «быть при Особѣ Его Величества въ званіи Государственнаго Секретаря», и повелѣлъ Статсъ-Секретарю Государственнаго Совѣта тайному совѣтнику Оленину, какъ старшему изъ Статсъ-Секретарей, «править должность» Государственнаго Секретаря въ отсутствіе Шишкова.

II.

Имя Александра Семеновича *Шишкова* (1754—1841) хорошо извѣстно въ исторіи нашей литературы, какъ имя одного изъ дѣятельныхъ членовъ старой Россійской Академіи и основанной Державинымъ Бесѣды любителей Россійскаго слова и горячаго противника литературныхъ нововведеній Карамзина и его послѣдователей. Его литературное значеніе, благодаря знаменитому въ свое время «Разсужденію о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка» (1808) и вызванной имъ оживленной полемикѣ, въ которой за Шишковымъ утвердилось прозвище «словенофила», совершенно заслонило собою его служебную дѣятельность. Выборъ Императора Александра палъ на Шишкова, какъ на замѣстителя Сперанскаго, въ пору начавшейся Отечественной войны, вѣроятно, главнымъ образомъ потому, что въ его лицѣ Государь видѣлъ ревностнаго патріота и рѣшительнаго противника той «галломаніи», которою увлекался Сперанскій и которая теперь представлялась несвоевременною. Государю въ особенности понравилось изданное Шишковымъ, незадолго передъ тѣмъ, разсужденіе «О любви къ отечеству», и Шишковъ былъ назначенъ Государственнымъ Секретаремъ преимущественно для редактированія государственныхъ актовъ. Онъ сопутствовалъ Государю въ армію, а потомъ и въ послѣдующихъ Его поѣздкахъ; должность же его по Государственному Совѣту, до 30 Августа

1814 года, когда онъ былъ назначенъ Членомъ Совѣта «въ воздаяніе долговремянной ревностной службы и трудовъ, понесенныхъ въ минувшую войну», лежала исключительно на Оленинѣ, который и замѣнялъ Государственнаго Секретаря съ момента удаленія Сперанскаго.

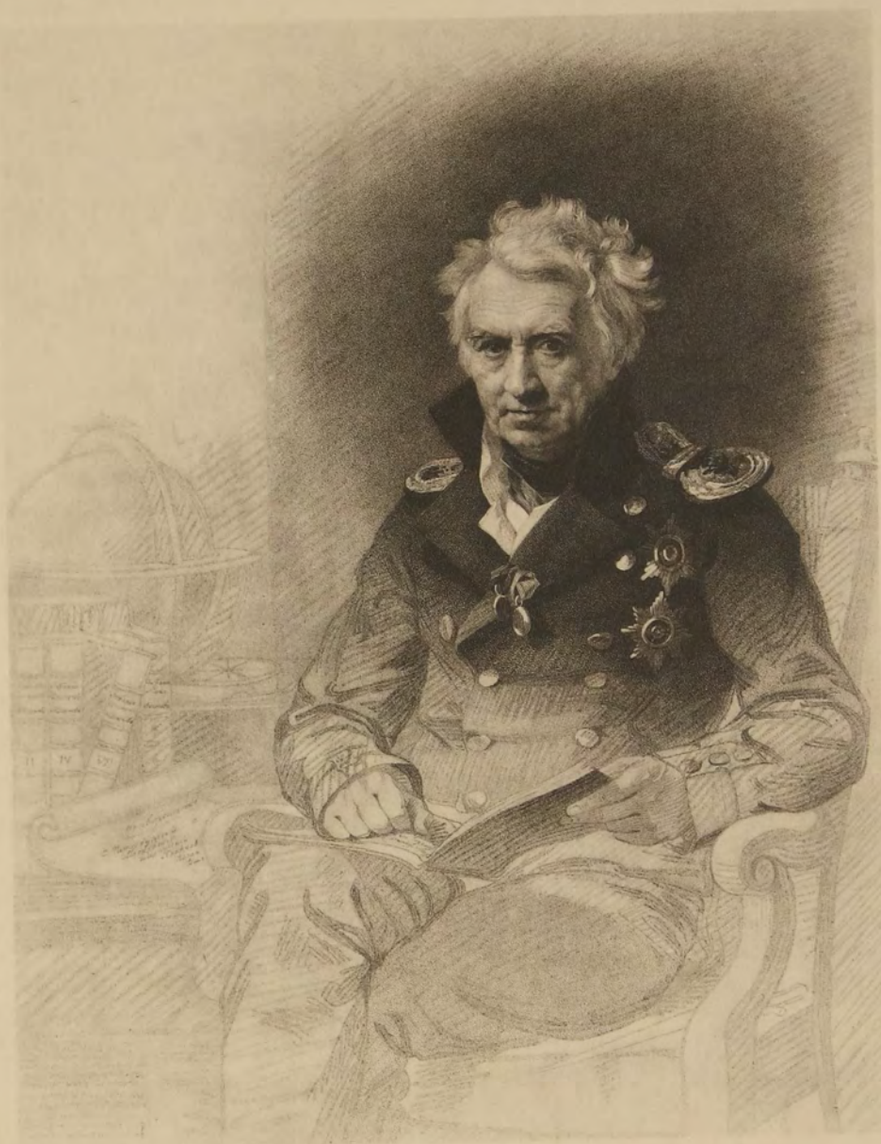
Личность Алексѣя Николаевича *Оленина* (1763—1843) во многихъ отношеніяхъ замѣчательна и памятна въ нашей исторіи первой трети минувшаго вѣка. Онъ родился въ Москвѣ и до десятилѣтняго возраста жилъ при родителяхъ, а затѣмъ былъ отвезенъ въ Петербургъ къ родственницѣ своей, извѣстной княгинѣ Е. Р. Дашковой. Здѣсь онъ былъ помѣщенъ въ Пажескій Корпусъ, изъ котораго въ 1783 году выпущенъ въ армію капитаномъ и, по волѣ Императрицы, отправился въ Дрезденъ для обученія въ тамошней артилерійской школѣ военнымъ и словеснымъ наукамъ. Въ Дрезденѣ онъ провелъ пять лѣтъ въ усердныхъ занятіяхъ какъ предметомъ своей спеціальности, такъ и общеобразовательными науками. Между прочимъ, его особенное вниманіе привлекали исторія, древности и искусства. По возвращеніи въ Россію, въ 1788 году, Оленинъ былъ избранъ Членомъ Россійской Академіи за представленное имъ «Толкованіе многихъ военныхъ русскихъ старинныхъ реченій», сблизился съ кружкомъ Державина, съ Хемницеромъ и другими выдающимися литературными дѣятелями XVIII вѣка. Въ томъ же году онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ маіора, но черезъ годъ вновь поступилъ въ военную службу, подполковникомъ въ Псковскій драгунскій полкъ, и принималъ участіе въ шведской кампаніи и въ дѣйствіяхъ противъ Польши. Въ 1795 году, выйдя въ отставку съ чиномъ полковника, Оленинъ поступилъ на гражданскую службу въ Экспедицію Ассигнаціоннаго Банка, въ 1797 году былъ назначенъ управляющимъ Монетнымъ Дворомъ и въ 1798 году произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ слѣдующемъ году Оленинъ былъ назначенъ Оберъ-Прокуроромъ III Департамента Сената, а съ учрежденіемъ Государ-

А. С. Шишковъ.

1814 года, когда онъ былъ назначенъ Членомъ Совѣта «въ воздаяніе долговремянной ревностной службы и трудовъ, понесенныхъ въ минувшую войну», лежала исключительно на Оленинѣ, который и замѣнялъ Государственнаго Секретаря съ момента удаленія Сперанскаго.

Личность Алексѣя Николаевича *Оленина* (1763—1843) во многихъ отношеніяхъ замѣчательна и памятна въ нашей исторіи первой трети минувшаго вѣка. Онъ родился въ Москвѣ и до десятилѣтняго возраста жилъ при родителяхъ, а затѣмъ былъ отвезенъ въ Петербургъ къ родственницѣ своей, извѣстной княгинѣ Е. Р. Дашковой. Здѣсь онъ былъ помѣщенъ въ Пажескій Корпусъ, изъ котораго въ 1783 году выпущенъ въ армію капитаномъ и, по волѣ Императрицы, отправился въ Дрезденъ для обученія въ тамошней артиллерійской школѣ военнымъ и словеснымъ наукамъ. Въ Дрезденѣ онъ провелъ пять лѣтъ въ усердныхъ занятіяхъ какъ предметомъ своей спеціальности, такъ и общеобразовательными науками. Между прочимъ, его особенное вниманіе привлекали исторія, древности и искусства. По возвращеніи въ Россію, въ 1788 году, Олениинъ былъ избранъ Членомъ Россійской Академіи за представленное имъ «Толкованіе многихъ военныхъ русскихъ старинныхъ реченій», сблизился съ кружкомъ Державина, съ Хемницеромъ и другими выдающимися литературными дѣятелями XVIII вѣка. Въ томъ же году онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ маіора, но черезъ годъ вновь поступилъ въ военную службу, подполковникомъ въ Псковскій драгунскій полкъ, и принималъ участіе въ шведской кампаніи и въ дѣйствіяхъ противъ Польши. Въ 1795 году, выйдя въ отставку съ чиномъ полковника, Олениинъ поступилъ на гражданскую службу въ Экспедицію Ассигнаціоннаго Банка, въ 1797 году былъ назначенъ управляющимъ Монетнымъ Дворомъ и въ 1798 году произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ слѣдующемъ году Олениинъ былъ назначенъ Оберъ-Прокуроромъ III Департамента Сената, а съ учрежденіемъ Государ-

А. С. Шишковъ.

ственнаго Совѣта занялъ должность экспедитора канцеляріи и вскорѣ получилъ званіе Статсъ-Секретаря Его Императорскаго Величества. Затѣмъ, оставаясь все въ той же должности экспедитора, онъ назначается, въ 1803 году, Товарищемъ Министра Удѣловъ, а въ 1808 году — Помощникомъ Главнаго Директора Императорскихъ Библіотекъ. Съ преобразованіемъ Государственнаго Совѣта въ 1810 году Оленинъ, въ чинѣ уже тайнаго совѣтника, занялъ должность Статсъ-Секретаря Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ Директоромъ Императорской Публичной Библіотеки и 2 Января 1814 года «по приведеніи хозяйственной и ученой части Библіотеки въ надлежащее устройство и порядокъ, открылъ это учрежденіе на общую пользу». Наконецъ, въ 1817 году Оленинъ становится Президентомъ Императорской Академіи Художествъ, съ оставленіемъ во всѣхъ прочихъ своихъ должностяхъ. Весьма дѣятельный и энергичный въ исполненіи своихъ многочисленныхъ и разнородныхъ служебныхъ обязанностей, Оленинъ, въ то же время, усердно занимался научными и особенно археологическими трудами, печаталъ въ журналахъ статьи, посвященныя вопросамъ искусства и древностей, и далъ очень цѣнный для своего времени комментарій къ надписи такъ называемаго Тмутараканскаго камня. Многіе современники единогласно свидѣтельствуютъ о широкомъ образованіи Оленина, его разнообразныхъ познаніяхъ и трудолюбіи, не умалчивая также и о нѣкоторыхъ отрицательныхъ чертахъ его характера. «Безъ сомнѣнія», говоритъ новѣйшій его біографъ,[18] — «есть доля справедливости въ отзывахъ современниковъ, но въ нихъ больше пристрастія. Оленинъ быстро возвысился не только благодаря связямъ, умѣнью пользоваться расположеніемъ высокихъ особъ и удобными моментами, но и благодаря своему выдающемуся по тому времени европейскому образованію, рано сложившемуся уравновѣшенному характеру и многимъ рѣдкимъ качествамъ души и ума». Его «чрез-

мѣрно сокращенная особа», говоритъ *Вигель*, намекая на его малый ростъ,—«была отмѣнно мила: въ маленькомъ живчикѣ можно было найти тонкій умъ, веселый нравъ и доброе сердце». По словамъ академика *Л. Н. Майкова*, «знающій и дѣловитый Оленинъ всѣмъ умѣлъ сдѣлаться нужнымъ; самъ Императоръ Александръ прозвалъ его Tausendkünstler, тысячеискусникомъ».

Одновременно съ назначеніемъ Оленина «правящимъ должность» Государственнаго Секретаря, 9 Апрѣля 1812 года, данъ былъ указъ Государственному Совѣту, слѣдующаго содержанія:

«Подробное разсмотрѣніе финансовой системы и, между тѣмъ, безпрепятственное теченіе дѣлъ по Министерству Финансовъ во время отсутствія Нашего изъ столицы требуютъ особеннаго порядка въ производствѣ дѣлъ по сей важной части государственнаго управленія. На сей конецъ Мы за благо разсудили соединить Департаменты Законовъ и Государственной Экономіи, коимъ въ занятіяхъ и правахъ по симъ предметамъ повелѣваемъ руководствоваться слѣдующими правилами:

«Соединеннымъ симъ Департаментамъ войти въ разсмотрѣніе: первое, мѣръ, принятыхъ съ 1810 года по всѣмъ частямъ государственныхъ финансовъ; второе, вновь предлагаемыхъ мѣръ по части финансовъ; третье, нужныхъ мѣръ на чрезвычайные случаи...

«Предсѣдатель Соединенныхъ Департаментовъ имѣетъ право приглашать въ засѣданіе тѣхъ чиновниковъ и начальниковъ мѣстъ, или же извѣстныхъ и имѣющихъ общую довѣренность разныхъ сословій людей, которые нужны быть могутъ для объясненій по предлежащимъ дѣламъ или для отобранія мнѣній по предлагаемымъ мѣрамъ».

Это былъ первый случай соединенія Департаментовъ для разсмотрѣнія извѣстной категоріи дѣлъ и первое примѣненіе правила относительно приглашенія въ засѣданія Государственнаго Совѣта постороннихъ лицъ, включеннаго,

съ болѣе широкимъ содержаніемъ, тридцать лѣтъ спустя, въ Учрежденіе Государственнаго Совѣта 1842 года.

Оленинъ вступилъ въ управленіе Государственною Канцеляріею въ тревожное время: начиналась война; Государь былъ въ отсутствіи; въ столицѣ опасались непріятельскаго нашествія. Предсѣдатель Государственнаго Совѣта графъ *Н. И. Салтыковъ*, 4 Сентября 1812 года, сообщилъ Оленину, что «изъ предосторожности на случай неблагопріятныхъ обстоятельствъ настоящей войны отправляются отсюда водою всѣ тѣ предметы, которые требуютъ сохраненія», и что въ числѣ ихъ должны находиться также и дѣла Государственнаго Совѣта. Поэтому графъ Салтыковъ просилъ «всѣ бумаги, безъ которыхъ можно бы было нѣкоторое время обойтись, уложивъ, отправить подъ надзоромъ благонадежныхъ чиновниковъ до Крохинской Пристани». Вслѣдствіе этого распоряженія 26 Сентября на даншхоутѣ «Св. Николай» было отправлено изъ Государственной Канцеляріи 14 ящиковъ съ дѣлами, въ сопровожденіи служившаго въ Канцеляріи надворнаго совѣтника *Ракова* и трехъ сторожей. Какъ видно изъ рапортовъ Ракова, судно прибыло въ Шлиссельбургъ только 6 Октября; оттуда оно отправилось въ Лодейное Поле, куда прибыло 12 Октября. Наступившіе затѣмъ холода задержали судно на зимовку. Обратно изъ Лодейнаго Поля дѣла были отправлены въ Петербургъ 28 Ноября, на 10 подводахъ, и благополучно прибыли на мѣсто 3 Декабря. Вмѣстѣ съ дѣлами Государственнаго Совѣта увозились изъ столицы также и книги и рукописи Императорской Публичной Библіотеки.

Независимо отъ этого тревожнаго положенія дѣлъ, которое, конечно, не могло не отражаться неблагопріятнымъ образомъ на ходѣ занятій Государственной Канцеляріи, и самый характеръ этихъ занятій подвергся въ 1812 году существеннымъ измѣненіямъ. Въ подробной всеподданнѣйшей запискѣ, представленной Олениным, при оставленіи имъ должности Государственнаго Секретаря (1827), Импера-

тору Николаю Павловичу, находятся по этому предмету слѣдующія любопытныя указанія:

«Съ 1810 по Апрѣль мѣсяцъ 1812 года Государственный Совѣтъ занимался, по Высочайшему назначенію, собственно законодательною частью. Тогда онъ имѣлъ щастіе пользоваться въ теченіи двухъ лѣтъ, по два раза въ недѣлю (въ понедѣльникъ и четвергъ), присутствіемъ Самого Государя Императора. Въ сіе время дѣла слѣдственныя, уголовныя и тяжебныя входили только въ видѣ такъ называемыхъ казусныхъ дѣлъ, требующихъ измѣненія, пополненія или новаго постановленія закона.

«Въ началѣ 1812 года послѣдовало нашествіе Наполеона на Россію. Покойный Государь Императоръ, отправляясь на грозную и славную сію войну, желалъ сосредоточить поступленіе дѣлъ, подносимыхъ отъ Гг. Министровъ на Высочайшее благоусмотрѣніе, и потому повелѣть соизволилъ дѣла сіи разсматривать Государственному Совѣту и Комитету Министровъ, состоявшимъ тогда подъ предсѣдательствомъ одной особы, покойнаго князя Н. И. Салтыкова.

«Съ сего времени прямое поступленіе дѣлъ изъ Правительствующаго Сената, представляемыхъ прежде Государю Императору чрезъ Министра Юстиціи, прекратилось, и всѣ роды сенатскихъ производствъ, требующихъ Высочайшаго утвержденія, обратились въ Государственный Совѣтъ, а частью—въ Комитетъ Министровъ. При г. дѣйствительномъ тайномъ совѣтникѣ Трощинскомъ дѣла сіи поступали изъ Министерства Юстиціи въ томъ видѣ, какъ предписано статьею 1 § 119 Высочайшаго Образованія Государственнаго Совѣта, т. е. въ видѣ краткихъ записокъ, существо дѣла излагающихъ; но вскорѣ послѣ увольненія г. Трощинскаго вмѣсто сихъ записокъ стали уже присылать изъ Министерства Юстиціи огромныя письменныя и печатныя сенатскія записки, изъ коихъ составлять въ Государственной Канцеляріи вѣрныя и обстоятельныя выписки не было ни времени, ни способовъ. Неоднократно, словесно и пись-

менно, относился я по сему предмету къ г. Министру Юстиціи, напоминая о статьѣ закона; но всѣ мои настоянія были тщетны. Наконецъ, въ началѣ прошедшаго 1826 года, я имѣлъ щастіе представлять лично Вашему Императорскому Величеству, для примѣра, одну сенатскую записку на 768 печатныхъ страницахъ, въ листъ, и сенатскій докладъ, писанный на 1015 листахъ! Ваше Величество немало были удивлены огромностью сихъ бумагъ и поручить мнѣ соизволили объясниться о томъ съ г. Министромъ; но и сіе не перемѣнило принятаго въ Департаментѣ Министерства Юстиціи порядка, и по сіе время огромныя сенатскія записки присылаются вмѣсто министерскихъ записокъ. По уваженію, что въ помянутомъ здѣсь докладѣ заключалась участь большого числа преступниковъ, я приказалъ гг. чиновникамъ Государственной Канцеляріи сдѣлать выписку изъ сихъ 1015 листовъ. Сіе огромное изложеніе представлено ими было Государственному Совѣту, послѣ двухмѣсячной прилежнѣйшей работы, на 62 писанныхъ листахъ, а Вашему Императорскому Величеству сіе самое дѣло поднесено было, въ меморіи 28 Февраля сего года, на 11 листахъ. Таковое подготовленіе бумагъ къ докладу можно дѣлать въ Государственной Канцеляріи при удобномъ только времени, по малому числу производителей, имѣющихъ способность или навыкъ къ составленію краткихъ, но обстоятельныхъ выписокъ изъ огромныхъ и запутанныхъ дѣлъ, ибо недостатокъ въ таковыхъ производителяхъ существуетъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, не исключая и Правительствующаго Сената...»

При такихъ условіяхъ особая заботливость Государственнаго Секретаря была обращена, во-первыхъ, на упорядоченіе и возможное упрощеніе дѣлопроизводства и, во-вторыхъ, на соотвѣтственное новому положенію Государственнаго Совѣта увеличеніе личнаго состава Государственной Канцеляріи.

Въ отношеніи порядка дѣлопроизводства слѣдуетъ замѣтить, что постановленія Государственнаго Совѣта, въ

первые годы его существованія, подносились на Высочайшее воззрѣніе Государственнымъ Секретаремъ въ подлинныхъ журналахъ, причемъ въ журналъ вносилось лишь мнѣніе, принятое большинствомъ; тѣ же Члены, которые не соглашались съ заключеніемъ большинства Совѣта, могли, на основаніи § 54 «Образованія» 1810 года, въ теченіе недѣли доставлять Государственному Секретарю свои мнѣнія, которыя и прилагались къ журналу въ подлинникѣ. Во вторую половину царствованія Императора Александра Павловича былъ изданъ цѣлый рядъ узаконеній относительно порядка производства дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Такъ, въ 1816 году, 13 Февраля, были Высочайше утверждены правила, опредѣлявшія порядокъ подачи и собиранія голосовъ, а также представленія Членами Совѣта особыхъ мнѣній. Тогда же повелѣно было представлять мнѣнія Государственнаго Совѣта на Высочайшее благоусмотрѣніе не въ подлинныхъ журналахъ, а въ *меморіяхъ* или особыхъ запискахъ, содержавшихъ въ себѣ краткое изложеніе выслушанныхъ дѣлъ съ заключеніями по нимъ Департаментовъ и Общаго Собранія; при этомъ мнѣнія меньшинства должны были включаться и въ журналы, и въ меморіи.

Составленіе меморій, по особой, Высочайше утвержденной формѣ, лежало на обязанности Отдѣленія Дѣлъ Государственнаго Секретаря. Содержаніе выслушанныхъ дѣлъ должно было излагаться въ меморіяхъ «въ возможной краткости, но такимъ образомъ, чтобы оно представляло полный и ясный обзоръ всѣхъ обстоятельствъ, подлежащихъ рѣшенію».

Эта замѣна подлинныхъ журналовъ Государственнаго Совѣта меморіями вызвала нѣкоторыя сомнѣнія. Такъ, напримѣръ, Сперанскій обратилъ вниманіе на два, по его словамъ, самые существенные вопроса: «1) чѣмъ удостовѣрено, что сіи выписки представляютъ дѣло во всей полнотѣ его и ясности? и 2) если онѣ представляютъ его во всей полнотѣ и ясности, достойной Верховнаго рѣшенія Государя, то почему же онѣ не суть журналы и списки съ

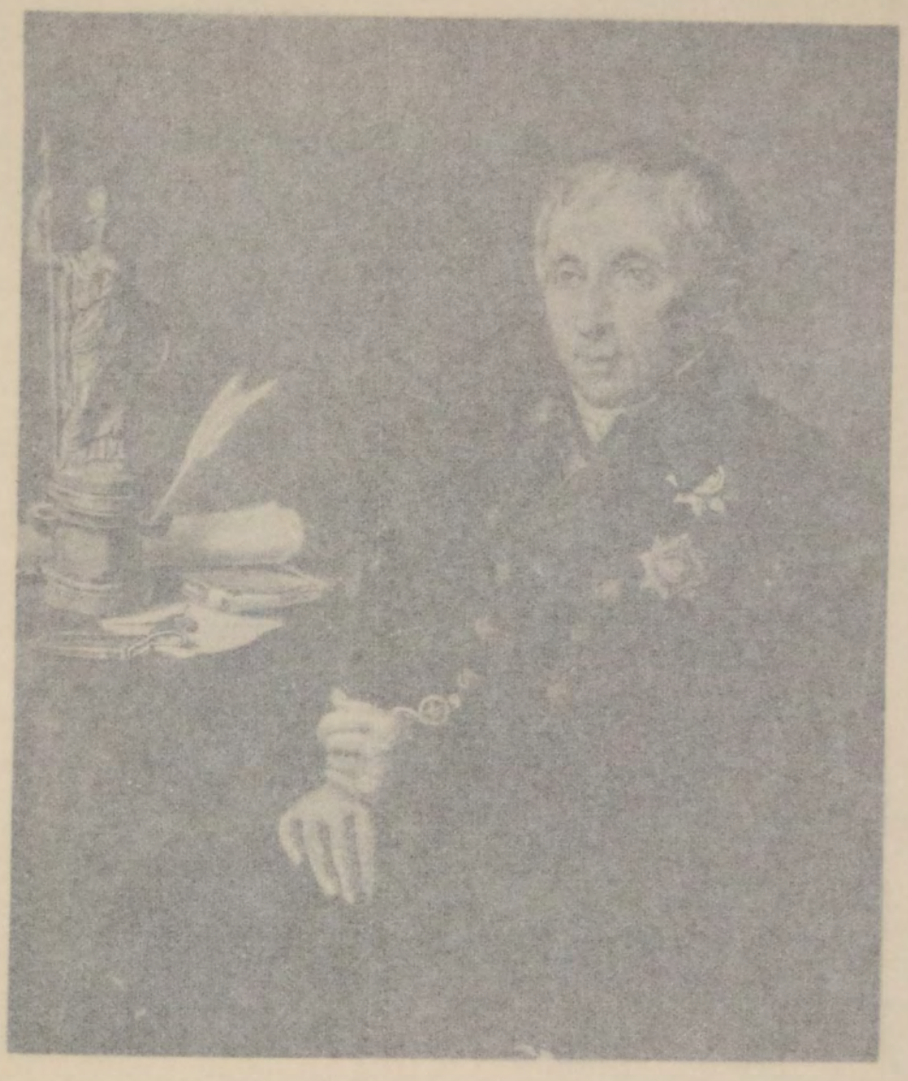
журналовъ?» Сенаторъ *Барановъ*, горячій защитникъ законодательнаго значенія Государственнаго Совѣта, говорилъ, что «меморіи обыкновенно излагаются столь кратко, что почти ни въ которой изъ нихъ полнаго объ обстоятельствахъ дѣла понятія имѣть не можно».[19] Не смотря, однако, на эти сомнѣнія, меморіи твердо установились въ практикѣ Государственной Канцеляріи и были узаконены Учрежденіемъ Государственнаго Совѣта 1842 года для всѣхъ обыкновенныхъ дѣлъ и положеній, составляемыхъ какъ въ Общемъ Собраніи, такъ и въ Департаментахъ Совѣта. Едва ли нужно говорить о томъ, насколько основательность, сила и убѣдительность всѣхъ разсужденій Членовъ Совѣта по важнѣйшимъ законодательнымъ вопросамъ зависѣли отъ точности и умѣлости изложенія меморій, въ которыхъ эти разсужденія представлялись на Высочайшее воззрѣніе. Понятно, что составленіе меморій являлось предметомъ особыхъ заботъ Государственнаго Секретаря.

Другою, также весьма существенною, частью канцелярской работы въ то время было составленіе «экстрактовъ» и «выписокъ» изъ законовъ и состоявшихся ранѣе опредѣленій Государственнаго Совѣта, въ особенности—по дѣламъ судебнымъ. Экстракты эти, за отсутствіемъ не только Свода Законовъ, но и Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи, служили единственнымъ руководствомъ при рѣшеніи дѣлъ. Чтобы оцѣнить всю трудность составленія подобныхъ справокъ, необходимо принять во вниманіе, что матеріалами для нихъ могли служить только Именные Высочайшіе указы и повелѣнія, указы Сената и Синода и архивныя дѣла Государственнаго Совѣта. Естественно, что каждому вновь вступавшему въ должность чиновнику, чтобы исполнять свою работу съ спокойною совѣстью и съ убѣжденіемъ въ правильности и полнотѣ справокъ, представляемыхъ имъ въ Департаменты или въ Общее Собраніе Совѣта, приходилось произвести огромный трудъ по повѣркѣ и исправленію экстрактовъ, полученныхъ имъ отъ своего предшествен-

ника, или по составленію такихъ экстрактовъ вновь. Въ каждомъ отдѣленіи они переписывались въ нѣсколькихъ экземплярахъ и раздавались чиновникамъ для руководства при наведеніи справокъ и подготовкѣ дѣла къ разсмотрѣнію въ Совѣтѣ.

Что касается движенія дѣлъ въ Коммисіи составленія законовъ, то управленіе этою Коммисіею было въ 1812 году возложено на князя *П. В. Лопухина*, бывшаго въ то время Предсѣдателемъ всѣхъ четырехъ Департаментовъ Совѣта (Предсѣдателемъ Общаго Собранія былъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Н. И. Салтыковъ), и ему же было поручено дать надлежащее движеніе ея дѣлопроизводству. Вслѣдствіе этого князь Лопухинъ, въ качествѣ Главноуправляющаго Коммисіею, возложилъ наблюденіе за производствомъ ея дѣлъ и за занятіями чиновниковъ на старшаго изъ начальниковъ отдѣленій, барона Розенкампфа, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ нужды во взаимныхъ соображеніяхъ были приглашаемы для совѣщаній и прочіе начальники отдѣленій, а представленія Коммисіи Главноуправляющему вносились за подписаніемъ, сверхъ старшаго начальника отдѣленія, еще Помощника Статсъ-Секретаря Департамента Законовъ *А. И. Тургенева*. Вслѣдъ за тѣмъ, въ Маѣ 1812 года, княземъ Лопухинымъ, для сохраненія единообразія въ дѣлопроизводствѣ, былъ учрежденъ въ составѣ Коммисіи особый Совѣтъ изъ трехъ членовъ: Розенкампфа, Дружинина и Тургенева, въ который начальники отдѣленій обязаны были представлять всѣ свои работы, для внесенія ихъ въ Государственный Совѣтъ черезъ Главноуправляющаго.

Въ 1813 году Коммисія внесла на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта первую часть уголовнаго уложенія, а въ 1814—всѣ три части гражданскаго уложенія. Разсмотрѣніе послѣдняго въ Совѣтѣ вызвало много возраженій и окончилось возвращеніемъ проекта въ Коммисію для новаго соображенія и исправленія.

А. Н. Оленинъ.

ника, или по составленію такихъ экстрактовъ вновь. Въ каждомъ отдѣленіи они переписывались въ нѣсколькихъ экземплярахъ и раздавались чиновникамъ для руководства при наведеніи справокъ и подготовкѣ дѣла къ разсмотрѣнію въ Совѣтѣ.

Что касается движенія дѣлъ въ Коммисіи составленія законовъ, то управленіе этою Коммисіею было въ 1812 году возложено на князя *П. В. Лопухина*, бывшаго въ то время Предсѣдателемъ всѣхъ четырехъ Департаментовъ Совѣта (Предсѣдателемъ Общаго Собранія былъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Н. И. Салтыковъ), и ему же было поручено дать надлежащее движеніе ея дѣлопроизводству. Вслѣдствіе этого князь Лопухинъ, въ качествѣ Главноуправляющаго Коммисіею, возложилъ наблюденіе за производствомъ ея дѣлъ и за занятіями чиновниковъ на старшаго изъ начальниковъ отдѣленій, барона Розенкампфа, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ нужды во взаимныхъ соображеніяхъ были приглашаемы для совѣщаній и прочіе начальники отдѣленій, а представленія Коммисіи Главноуправляющему вносились за подписаніемъ, сверхъ старшаго начальника отдѣленія, еще Помощника Статсъ-Секретаря Департамента Законовъ *А. И. Тургенева*. Вслѣдъ за тѣмъ, въ Маѣ 1812 года, самимъ Лопухинымъ, для сохраненія единообразія въ дѣлопроизводствѣ, былъ учрежденъ въ составѣ Коммисіи особый Совѣтъ изъ трехъ членовъ: Розенкампфа, Дружинина и Тургенева, въ который начальники отдѣленій обязаны были представлять всѣ свои работы, для внесенія ихъ въ Государственный Совѣтъ черезъ Главноуправляющаго.

Въ 1813 году Коммисія внесла на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта первую часть уголовнаго уложенія, а въ 1814—всѣ три части гражданскаго уложенія. Разсмотрѣніе послѣдняго въ Совѣтѣ вызвало много возраженій и окончилось возвращеніемъ проекта въ Коммисію для новаго соображенія и исправленія.

А. Н. Олениинъ.

Въ 1816 году, по докладу Главноуправляющаго, состоялось новое измѣненіе состава Коммисіи. Въ докладѣ своемъ князь Лопухинъ объяснялъ, что разныя Отдѣленія, какъ обнаружилось на опытѣ, не только не способствуютъ ускоренію производства работъ, но еще затрудняютъ ходъ ихъ, и что разныя части законодательства, необходимо требующія единства и связи въ своихъ основаніяхъ, не могутъ быть составляемы отдѣльно въ одно и то же время разными людьми, а должны послѣдовать одна за другою. Поэтому прежнее число чиновниковъ Коммисіи сдѣлалось уже ненужнымъ. На этомъ основаніи Главноуправляющій полагалъ составить, для окончательнаго изложенія представляемыхъ редакторами проектовъ и другихъ поручаемыхъ имъ занятій, Совѣтъ изъ трехъ членовъ, изъ коихъ старшій, наблюдая за сохраненіемъ порядка въ письмоводствѣ, распредѣлялъ бы занятія между редакторами и чиновниками, предлагалъ бы ихъ на разсужденіе Совѣта и потомъ представлялъ бы Главноуправляющему для утвержденія. По Высочайше утвержденному вмѣстѣ съ этимъ докладомъ штату составъ Коммисіи былъ опредѣленъ слѣдующимъ образомъ: членовъ Совѣта—3; секретарей при Совѣтѣ—2; чиновниковъ по особымъ порученіямъ—9; редакторовъ—4; помощниковъ редакторскихъ—4; переводчиковъ—2; библіотекарь; архиваріусъ; его помощникъ; казначей; экзекуторъ и канцелярскіе чиновники безъ опредѣленія числа ихъ, съ тѣмъ, чтобы нужное число изъ нихъ было отдѣляемо и для Департамента Законовъ. Сверхъ того, при Коммисіи сохранялись корреспонденты, изъ которыхъ 6—за границею, съ жалованьемъ по 400 р. асс. въ годъ, а остальные—въ Имперіи, безъ содержанія.

Въ этомъ составѣ Комиссія оставалась до 1826 года, когда послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ на имя князя Лопухина о преобразованіи ея во Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Единственное измѣненіе въ порядкѣ движенія дѣлъ Коммисіи до

указаннаго ея преобразованія заключалось въ томъ, что по возвращеніи Сперанскаго и назначеніи его, въ 1821 году, Членомъ Государственнаго Совѣта на него было возложено поднесеніе Государю журналовъ Совѣта Коммисіи по ея проектамъ, и ему же поручено было при разсмотрѣніи въ Совѣтѣ трудовъ Коммисіи представлять всѣ нужныя объясненія.

Кромѣ занятій Коммисіи собственно по составленію проектовъ законовъ, нельзя не упомянуть о слѣдующихъ ея трудахъ. Въ 1815 году ею былъ изданъ «Систематическій Сводъ существующихъ законовъ Россійской Имперіи, съ основаніями правъ, изъ оныхъ извлеченными», а въ 1818 году предпринято изданіе особаго журнала, подъ заглавіемъ: «Журналъ Законодательства, или собраніе всѣхъ къ гражданской части принадлежащихъ узаконеній, начиная съ 1817 года». Этого изданія вышло три книги, въ которыхъ помѣщены узаконенія за 1817, 1818 и 1819 годы. Затѣмъ Коммисія предприняла, въ 1819 году, новое изданіе: «Критическій журналъ Россійскаго законодательства», пригласивъ къ участію въ немъ «всѣхъ благомыслящихъ и просвѣщенныхъ соотечественниковъ, а также всѣхъ друзей человѣчества». Но журналъ этотъ, повидимому, не встрѣтилъ сочувствія и прекратился тотчасъ же по выходѣ первой книжки, которая вся состояла изъ отвѣта Розенкампфа на замѣчанія профессора Куницына на книгу: «Основаніе Россійскаго права».

Къ обязанностямъ Коммисіи составленія законовъ относилось также представленіе заключеній какъ Государственному Совѣту, такъ и Сенату по производившимся въ нихъ дѣламъ, особенно важнымъ или требовавшимъ разъясненія смысла существующихъ узаконеній. Такія дѣла, по принятой въ то время терминологіи, назывались *казусными*.

Количество дѣлъ, поступавшихъ на уваженіе Государственнаго Совѣта, начиная съ 1812 года, постоянно увеличивалось. Несмотря, однако, на обусловленное этимъ обстоятельствомъ усложненіе дѣлопроизводства, Государ-

ственная Канцелярія, даже и при очень немногочисленномъ ея составѣ, успѣшно справлялась съ своею задачею. Въ Августѣ 1814 года, по возвращеніи Императора Александра I въ Петербургъ, Оленинъ представилъ на благоусмотрѣніе Его Величества, отъ имени Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, вѣдомость о рѣшенныхъ дѣлахъ съ 1 Января 1812 по 13 Іюля 1814 года. На подлинной вѣдомости рукою графа Салтыкова написано: «Его Императорское Величество, по разсмотрѣніи оной, Всемилостивѣйше соизволилъ объявить благоволеніе свое за труды и прилежность, Государственною Канцеляріею оказанные въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ».

Вскорѣ послѣ того Государь опять уѣхалъ изъ Петербурга за границу, а между тѣмъ, нѣкоторыя изъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ въ это время Государственнымъ Совѣтомъ, требовали скорѣйшаго Высочайшаго утвержденія. Въ числѣ такихъ дѣлъ въ 1814 году было положеніе Высочайше учрежденнаго Особаго Комитета о мѣрахъ къ лучшему образованію винныхъ откуповъ. По распоряженію графа Салтыкова, журналъ Государственнаго Совѣта по этому дѣлу, со всѣми относящимися къ нему бумагами, рѣшено было отправить къ Государю съ нарочнымъ, и для этой цѣли избранъ Статсъ-Секретарь Департамента Государственной Экономіи *Энгель*, «какъ особа, занимавшаяся окончательнымъ производствомъ сего важнаго дѣла, могущая, въ случаѣ нужды, изустно Его Величеству объяснить всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя могутъ встрѣтиться при разсмотрѣніи означенныхъ бумагъ, по мѣстной отдаленности Его Величества». Въ отсутствіе Энгеля исполненіе его обязанностей по Совѣту было возложено на Оленина,—«поелику онъ и теперь, исправляя должность Государственнаго Секретаря, по необходимости завѣдываетъ вообще производствомъ дѣлъ въ Департаментахъ Государственнаго Совѣта».

Другая подобная командировка послѣдовала въ Іюнѣ 1815 года, когда «вслѣдствіе необходимыхъ мѣръ, вынуждае-

мыхъ военнымъ положеніемъ Россіи, Министръ Финансовъ принужденнымъ нашелся представить проектъ о сборѣ временнаго военнаго денежнаго пособія и учрежденіи государственныхъ облигацій». Проектъ этотъ былъ разсмотрѣнъ въ Особомъ Комитетѣ, Высочайше учрежденномъ по чрезвычайнымъ финансовымъ дѣламъ, и въ Государственномъ Совѣтѣ, и затѣмъ признано было необходимымъ отправить съ нарочнымъ на Высочайшее утвержденіе положеніе Государственнаго Совѣта по этому дѣлу и проектъ Манифеста. Это порученіе было возложено на коллежскаго совѣтника *Леонтьева*, «какъ чиновника, упражняющагося уже нѣсколько лѣтъ сряду при архивѣ Государственной Канцеляріи, слѣдственно и свѣдущаго по дѣламъ, вступающимъ въ Государственный Совѣтъ, по которымъ, въ случаѣ нужды, онъ можетъ дать изустный отчетъ и объяснить, если что угодно будетъ по сей части узнать Его Величеству».

Изъ всѣхъ Отдѣленій Государственной Канцеляріи всего болѣе обременено было работою Отдѣленіе Гражданское, такъ какъ въ Департаментъ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ поступало въ то время наибольшее число дѣлъ, особенно судебныхъ, въ числѣ которыхъ многія, по своей сложности и обширности, требовали особеннаго вниманія и усиленнаго труда. Этимъ обремененіемъ вызывались нѣкоторыя измѣненія въ порядкѣ дѣлопроизводства Государственнаго Совѣта, не всегда, однако, отражавшіяся на Государственной Канцеляріи въ смыслѣ увеличенія ея личнаго состава. Такъ, въ 1817 году, когда Министръ Финансовъ графъ Д. А. Гурьевъ внесъ въ Государственный Совѣтъ проекты устава о питейномъ сборѣ и учрежденія для управленія этимъ сборомъ, 12 Февраля послѣдовалъ Высочайшій указъ Государственному Совѣту объ учрежденіи *особаго Временнаго Департамента* для разсмотрѣнія этихъ проектовъ, изъ Членовъ Государственнаго Совѣта: графа Головина, князя Лобанова-Ростовскаго и Ланского, при Помощникѣ Статсъ-Секретаря *Журавлевѣ*. Департаментъ выполнилъ воз-

ложенную на него задачу такъ быстро, что Общее Собраніе Государственнаго Совѣта могло имѣть сужденіе о питейной реформѣ уже въ засѣданіяхъ 28 Февраля и 2 Марта. Предложеніе Министра Финансовъ было принято съ незначительными поправками, внесенными Адмираломъ Мордвиновымъ, и состоявшееся такимъ образомъ мнѣніе Государственнаго Совѣта Высочайше утверждено 18 Марта 1817 года. Затѣмъ этимъ же Временнымъ Департаментомъ были разсмотрѣны еще два дѣла: 1) о погашеніи государственныхъ долговъ и 2) объ учрежденіи Государственнаго Коммерческаго Банка и Совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій.

Въ самомъ началѣ 1818 года Государь Императоръ, усмотрѣвъ изъ поднесеннаго Ему отчета о производствѣ дѣлъ по Государственному Совѣту за 1817 годъ, что болѣе всѣхъ поступаетъ дѣлъ въ Гражданскій Департаментъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: «для уравненія труда и для успѣшнѣйшаго теченія дѣлъ отдѣлить часть дѣлъ изъ Гражданскаго Департамента въ Департаментъ Законовъ, съ тѣмъ, чтобы оный въ положенные для засѣданій его дни, сверхъ занятій по предметамъ, собственно до него принадлежащимъ, разсматривалъ и отдѣляемыя дѣла по гражданской части, не смѣшивая производства оныхъ съ производствомъ дѣлъ по части законовъ; для чего и означать особливымъ заглавіемъ журналы сего Департамента, послѣдовавшіе по отдѣленію гражданскому». При этомъ, однако, производство всѣхъ этихъ «отдѣленныхъ» дѣлъ лежало, по-прежнему, на чинахъ Гражданскаго Отдѣленія, подъ руководствомъ Помощника Статсъ-Секретаря *Слободского*, къ которому Оленинъ обратился съ слѣдующимъ предложеніемъ:

«Прошу принять на себя трудъ производить за меня вступившія и впредь вступить имѣющія въ Департаментъ Законовъ дѣла по части гражданской, имѣя по онымъ со мною отдѣльное отъ прочихъ дѣлъ сношеніе. Что же касается дѣйствительнаго статскаго совѣтника Тургенева, то онъ

будетъ также имѣть отдѣльное завѣдываніе по дѣламъ, собственно до законовъ касающимся, какъ старшій Помощникъ Статсъ-Секретаря по сему Департаменту, сносясь прямо по онымъ со мною».

По Департаменту Законовъ Оленинъ, назначенный въ 1818 году Статсъ-Секретаремъ этого Департамента, съ согласія Предсѣдателя и Членовъ Департамента, установилъ, въ видахъ облегченія занятій Канцеляріи, новый, сокращенный порядокъ дѣлопроизводства, заключавшійся въ томъ, что дѣла собственно законодательныя, требовавшія предварительнаго заключенія Коммисіи составленія законовъ, докладывались Департаменту уже не подробно, какъ прежде, а по краткимъ запискамъ—только для того, чтобы получить резолюцію о передачѣ въ Коммисію; подробный же докладъ производился только по полученіи отзыва послѣдней.

Соотвѣтственно потребностямъ значительно расширившагося дѣлопроизводства, главною заботою Оленина во все время его управленія Государственною Канцеляріею было упорядоченіе штатовъ и увеличеніе числа чиновниковъ. Отдѣльными всеподданнѣйшими докладами «правящій должность» Государственнаго Секретаря нѣсколько разъ испрашивалъ Высочайшаго разрѣшенія на помѣщеніе въ Канцелярію новыхъ чиновниковъ, и въ 1815 году личный составъ Канцеляріи уже значительно увеличился: въ ней насчитывалось въ то время 31 лицо, въ томъ числѣ 11—въ чинахъ отъ V класса и выше, 15—отъ VIII до V класса и 5—отъ XIV до VIII, общая же сумма ихъ содержанія (считая Помощниковъ Статсъ-Секретарей) составляла 59.952 р. 11½ коп. Между тѣмъ, какъ уже было сказано, для Государственной Канцеляріи не было установлено никакого опредѣленнаго штата: Государственный Секретарь, Статсъ-Секретари и ихъ Помощники были опредѣлены согласно § 115 «Образованія», изъ котораго можно только усмотрѣть, что въ Государственной Канцеляріи долженъ быть одинъ Государственный Секретарь (содержаніе котораго, вмѣстѣ съ столовыми, составляло 12.000 р.

въ годъ), да 4 Статсъ-Секретаря по Департаментамъ (съ содержаніемъ по 6.000 р.); въ § 143 того же Образованія было упомянуто, что число чиновъ Государственной Канцеляріи, ихъ оклады и содержаніе опредѣляются особеннымъ положеніемъ; но это положеніе такъ и осталось неизданнымъ. Въ виду этого Оленинъ въ Августѣ 1817 года вошелъ съ ходатайствомъ объ утвержденіи для Канцеляріи «дополнительнаго» штата,—дополнительнаго потому, что въ него не включались Статсъ-Секретари и ихъ Помощники, какъ уже имѣющіе законный титулъ для своего существованія въ самомъ Образованіи Государственнаго Совѣта.

По проекту штата было предположено учредить 8 должностей Товарищей Помощниковъ Статсъ-Секретаря, съ окладомъ по 2.000 р. (въ томъ числѣ одинъ чиновникъ, исправляющій должность казначея и эконома); далѣе слѣдовали: 4 письмоводителя старшихъ, съ окладомъ въ 1.500 р. (въ томъ числѣ помощникъ хранителя архива); 4 младшихъ съ окладомъ въ 1.200 р.; 4 протоколиста (по 1.000 р.), и 4 писца (по 800 р.). Всего, такимъ образомъ, въ Государственной Канцеляріи полагалось по этому штату 24 должности (не считая Статсъ-Секретарей и ихъ Помощниковъ), а сумма годовыхъ окладовъ составляла 34.000 р. Относительно обязанностей этихъ чиновниковъ въ особыхъ примѣчаніяхъ къ штату было сказано, что Товарищи Помощниковъ Статсъ-Секретаря должны заниматься «настоящимъ дѣлопроизводствомъ», т. е. приготовленіемъ бумагъ къ докладу Государственному Совѣту и исполненіемъ данныхъ по этимъ дѣламъ рѣшеній,—по назначенію Статсъ-Секретарей или ихъ Помощниковъ; въ случаѣ же болѣзни или отлучки послѣднихъ, Товарищамъ Помощниковъ Статсъ-Секретаря поручается докладывать по дѣламъ въ Департаментахъ Государственнаго Совѣта. Письмоводители должны заниматься производствомъ дѣлъ по назначенію Статсъ-Секретарей или ихъ Помощниковъ, протоколисты — переписывать набѣло журналы и исполненіе по нимъ, а писцы — вспомоществовать протоколистамъ.

Государственный Совѣтъ, въ Общемъ Собраніи, «уваживъ необходимость въ прибавленіи чиновниковъ Канцеляріи по множеству дѣлъ, вступающихъ въ оную какъ изъ Министерствъ, такъ особливо изъ Правительствующаго Сената, и находя предполагаемое устройство Канцеляріи соотвѣтствующимъ ея надобностямъ», одобрилъ проектъ Оленина, и 31 Декабря 1817 года графъ Аракчеевъ увѣдомилъ, что Его Величество утвердилъ представленный штатъ; «но вмѣсто Товарищей Статсъ-Секретарскихъ Помощниковъ, каковое названіе Его Величество изволилъ найти не приличнымъ, повелѣно назвать ихъ Експедиторами».

2 Мая 1823 года Оленинъ представилъ Государю проектъ новаго штата Канцеляріи, по которому число чиновниковъ предполагалось увеличить всего на 5 человѣкъ. «Умноженіе сіе», писалъ правящій должность Государственнаго Секретаря, «преимущественно обращено къ званіямъ, на которыя возлагается переписка бумагъ, ибо Государственная Канцелярія въ семъ родѣ чиновниковъ имѣетъ главнѣйшій недостатокъ. Число же экспедиторовъ уменьшено по тому уваженію, что успѣшное исполненіе должностей ихъ, сопряженное съ умственными занятіями, несравненно болѣе зависитъ отъ способностей опредѣляемыхъ на мѣста сіи чиновниковъ, нежели отъ количества ихъ, такъ что одинъ экспедиторъ, истинно достойный носить сіе званіе, весьма легко замѣнитъ двухъ и трехъ, не менѣе, можетъ статься, трудолюбивыхъ, но не столь образованныхъ или не такими способностями отъ природы одаренныхъ, чего въ отношеніи къ писцамъ сказать невозможно».

Далѣе, въ проектѣ новаго штата сдѣланы были противъ штата 1817 года слѣдующія измѣненія, оказавшіяся необходимыми по опыту и обстоятельствамъ:

«*Первое.* Поелику собираніе голосовъ въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта отъ Гг. Членовъ онаго и записываніе ихъ мнѣній составляетъ немаловажный трудъ, требующій большого вниманія и осторожности, ибо на сихъ

словесно Гг. Членами объявляемыхъ заключеніяхъ основывается сочиненіе журналовъ и, слѣдственно, изготовленіе всѣхъ бумагъ, подносимыхъ на Высочайшее утвержденіе, то сію часть, т. е. по Общему Собранію, и нужно поручить въ особенности одному Помощнику Статсъ-Секретаря. Докладывающій въ Общемъ Собраніи дѣло не можетъ записывать изъявляемыхъ Членами мнѣній: 1) потому, что до окончанія всѣхъ сужденій ему нельзя отъ своего мѣста отходить, ибо по требованію Гг. Членовъ онъ долженъ повторять чтеніе нужныхъ статей; 2) что и при свободѣ объясняться съ Гг. Членами, изъявляющими свои мнѣнія, нужна однако жъ особая привычка, дабы при различныхъ и иногда продолжительныхъ сужденіяхъ не упустить изъ виду какого либо изъ объявляемыхъ заключеній и успѣвать существенное содержаніе оныхъ излагать письменно; а 3) и потому, что нерѣдко Члены дѣлаютъ краткія замѣчанія, не прерывая даже чтенія, такъ что докладывающій легко можетъ совершенно сихъ замѣчаній не слыхать. По симъ причинамъ необходимо нуженъ особый досужій чиновникъ для записыванія различныхъ сужденій въ черновую меморію.

«*Второе.* Отдѣленіе Государственной Канцеляріи, при Государственномъ Секретарѣ находящееся, обременено многочисленными и нелегкими занятіями: чрезъ него поступаютъ всѣ дѣла, вносимыя въ Государственный Совѣтъ, производятся сношенія съ разными вѣдомствами и лицами и доставляются требуемыя справки и свѣдѣнія; въ семъ Отдѣленіи ведутся алфавиты и книги входящимъ и исходящимъ бумагамъ, изготовляются доклады по дѣламъ, представляемымъ Его Величеству, составляются меморіи и, наконецъ, посылаются къ исполненію всѣ Высочайшія повелѣнія. Для управленія симъ Отдѣленіемъ полагается Помощникъ Статсъ-Секретаря.

«*Третіе.* Для большаго единообразія въ званіяхъ по Государственной Канцеляріи, старшіе письмоводители на-

званы помощниками экспедиторовъ, по примѣру наименованія Помощниковъ Статсъ-Секретарей; младшіе письмоводители названы просто письмоводителями; названіе протоколистовъ и писцовъ замѣнено названіемъ журналистовъ.

«*Четвертое.* Отдаленность жительства чиновниковъ отъ мѣста ихъ служенія сопряжена съ весьма большими неудобствами, кои по Государственной Канцеляріи, можетъ статься, гораздо важнѣе, нежели по другому какому либо вѣдомству, ибо кромѣ того, что въ ходьбѣ теряется значительная часть времени, которое съ существенною пользою могло бы быть употреблено на отправленіе должности,—нерѣдко случаются по Государственному Совѣту неожиданно такія дѣла, кои требуютъ неукоснительнаго исполненія, и нужный въ подобныхъ случаяхъ чиновникъ долженъ немедленно явиться въ Канцелярію; но сего при теперешнемъ положеніи служащихъ быть не можетъ, по той причинѣ, что недостаточность въ содержаніи и дороговизна на всѣ жизненныя потребности заставляетъ ихъ нанимать квартиры въ отдаленнѣйшихъ частяхъ города, гдѣ цѣна найму умѣреннѣе. Для отвращенія происходящихъ отъ сего большихъ затрудненій назначены чиновникамъ квартирныя деньги, а Помощникамъ Статсъ-Секретарей, *дѣйствительно по Государственной Канцеляріи занимающимся,*—столовыя деньги, по примѣру Директоровъ Департаментовъ всѣхъ Министерствъ, которые, притомъ, деньги сіи получаютъ въ двойномъ количествѣ противъ полагаемаго въ проектѣ новаго штата для Помощниковъ Статсъ-Секретарей.

«*Пятое.* Смотрителю надъ канцелярскими матеріалами и сторожевскою командою, который къ соблюденію порядка и экономіи по опыту оказался весьма полезнымъ, назначено 600 р. жалованья.»

Этотъ проектъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ разсмотрѣнъ въ Особомъ Комитетѣ изъ Предсѣдателей Департаментовъ, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Государ-

ственнаго Совѣта князя Лопухина. Комитетъ при разсмотрѣніи штата принялъ во вниманіе, что «Государственный Совѣтъ занимается нынѣ не одними казусными дѣлами, требующими объясненія, пополненія или отмѣненія закона, какъ то было до 1812 года, но всѣми казенными, уголовными и частными дѣлами, производящимися въ Сенатѣ, по которымъ требуется Высочайшее утвержденіе. Слѣдственно, увеличеніе штата Государственной Канцеляріи необходимо; но сей штатъ, и съ предполагаемымъ прибавленіемъ чиновниковъ, все еще въ двадцать по крайней мѣрѣ разъ будетъ менѣе штата Сената, между тѣмъ какъ въ помянутой Канцеляріи обработываются и излагаются въ особыхъ журналахъ и запискахъ всѣ дѣла, какъ изъ Сената, такъ и изъ Министерствъ поступающія, и изъ нихъ Канцелярія обязана составлять еще краткія, но ясныя изложенія для меморій Государственнаго Совѣта, на Высочайшее благоусмотрѣніе и утвержденіе подносимыхъ, что, безъ сомнѣнія, есть одно изъ самыхъ труднѣйшихъ занятій въ производствѣ дѣлъ по Государственной Канцеляріи». По этимъ соображеніямъ Комитетъ нашелъ, что прибавка къ прежнему штату Канцеляріи нѣсколькихъ только чиновниковъ есть самая умѣренная и совершенно необходимая. Въ выборѣ же чиновниковъ Комитетъ признавалъ нужнымъ соблюдать большую осмотрительность,— «ибо Государь Императоръ неоднократно изволилъ подтверждать правящему должность Государственнаго Секретаря, что на него непосредственно возлагается отвѣтственность какъ за способности, такъ еще болѣе за добрую нравственность и образъ мыслей опредѣляемыхъ въ Государственную Канцелярію чиновниковъ».

Оленинъ, съ своей стороны, внесъ въ журналъ Комитета нѣкоторыя замѣчанія, имѣвшія цѣлью по возможности оградить его самостоятельность, какъ начальника Государственной Канцеляріи, въ дѣлѣ назначенія чиновниковъ. Въ своемъ позднѣйшемъ объясненіи, представленномъ Императору Николаю Павловичу, онъ привелъ довольно длинный

списокъ лицъ, которыя были опредѣлены на службу въ Канцелярію не только безъ его просьбъ или представленій, но даже безъ предварительнаго съ нимъ сношенія. Дѣйствительно, очень часто ему приходилось получать, за подписью графа Аракчеева, Статсъ-Секретаря Муравьева или какого либо иного сильнаго правительственнаго лица, бумаги о томъ, что Государю Императору благоугодно, или Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ опредѣлить въ Государственную Канцелярію такого-то чиновника на такую-то должность, или съ такимъ-то окладомъ содержанія....[20] «Слѣдственно», писалъ онъ, «мнѣ было нужно долгое время узнавать ихъ свойства, способность и образъ мыслей, что для дѣлъ было невыгодно, ибо я первоначально весьма осторожно принужденъ былъ поручать имъ производство оныхъ; а притомъ почти половинное число сихъ чиновниковъ только числилось при Государственной Канцеляріи...» Вотъ почему Оленинъ и высказалъ въ журналѣ Комитета, что «Государственный Секретарь долженъ быть полнымъ и главнымъ распорядителемъ въ производствѣ дѣлъ по Государственной Канцеляріи, *въ выборѣ чиновниковъ оной* и въ управленіи ихъ занятіями; иначе не могъ бы онъ и отвѣтствовать за то, что не подлежитъ кругу его власти и дѣйствія. Притомъ, многими опытами дознано, что для порядка и успѣшнаго теченія дѣлъ по Канцеляріи единоначаліе необходимо».

Къ этому Оленинъ еще прибавилъ, что «ежели онъ нѣсколько распространился о своей должности, то побужденъ былъ къ этому не личными какими либо разсчетами, но убѣжденіемъ, во время 12-лѣтняго исправленія имъ означенной должности пріобрѣтеннымъ, о трудностяхъ, предстоящихъ будущимъ Государственнымъ Секретарямъ въ точномъ и неослабномъ исполненіи ихъ обязанностей».

Подробно обсудивъ проектированный штатъ, Особый Комитетъ призналъ необходимымъ ввести въ него нѣкоторое опредѣленное число Помощниковъ Статсъ-Секретаря, которые бы *прямо и дѣйствительно* занимались производ-

ствомъ дѣлъ Государственнаго Совѣта. Всего по штату положено было 11 Помощниковъ Статсъ-Секретаря, въ томъ числѣ: въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ—3, Законовъ и Экономіи—по 2, Военномъ—1, по Общему Собранію—1, по Отдѣленію Дѣлъ Государственнаго Секретаря—1 и по архиву—1. Кромѣ того, одинъ Помощникъ Статсъ-Секретаря долженъ былъ состоять при Предсѣдателѣ Государственнаго Совѣта. Оклады всѣхъ чиновниковъ были уравнены съ окладами, положенными по штатамъ другихъ вѣдомствъ, посредствомъ назначенія квартирныхъ денегъ. Такимъ образомъ, Помощники Статсъ-Секретаря получили 3.000 р. асс. жалованья и 1.500 р. квартирныхъ, экспедиторы—2.000 р. жалованья и 1.000 р. квартирныхъ, письмоводители старшіе—1.500 и 750 р., младшіе—1.200 и 500 р., протоколисты—1.000 и 300 р. и писцы—800 и 200 р. Наименованія должностей, вмѣсто предположеннаго ихъ измѣненія, оставлены были прежнія. При этомъ назначено: экспедиторовъ 5, письмоводителей старшихъ и младшихъ—по 3, протоколистовъ 9 и писцовъ 11. Сверхъ того, при каждомъ изъ Предсѣдателей Департаментовъ долженъ былъ состоять одинъ секретарь съ писцами, и на эту надобность въ распоряженіе Предсѣдателей отпущено по 3.000 р. въ годъ; при Предсѣдателѣ же Общаго Собранія, какъ сказано выше, долженъ былъ состоять особо назначенный Помощникъ Статсъ-Секретаря, и въ распоряженіе Предсѣдателя отпущено на наемъ писцовъ 2.000 р. въ годъ. Назначеніе этихъ чиновниковъ признано необходимымъ, «ибо Предсѣдатели по самой сей должности принуждены иногда вести переписку съ Министрами и разными лицами по дѣламъ, разсматриваемымъ въ Государственномъ Совѣтѣ, слѣдовательно и должны для сего имѣть особыхъ при себѣ чиновниковъ».

Относительно порядка назначенія и увольненія чиновниковъ Государственной Канцеляріи было постановлено, что Помощники Статсъ-Секретаря должны быть опредѣляемы и увольняемы на прежнемъ основаніи, по Высочайшимъ

подписнымъ повелѣніямъ; экспедиторы — по объявленнымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, вслѣдствіе докладовъ Государственнаго Секретаря; прочіе чиновники — распоряженіемъ Государственнаго Секретаря, который, однако, обязанъ каждый разъ доносить о томъ докладною запискою Государю Императору. Что касается секретарей при Предсѣдателяхъ, то они опредѣляются и увольняются самими Предсѣдателями, съ сообщеніемъ только о семъ Государственному Секретарю, для внесенія или исключенія означенныхъ чиновниковъ изъ списковъ Государственной Канцеляріи, при которой они по службѣ своей должны считаться.

Этотъ штатъ и удостоился Высочайшаго утвержденія 18 Февраля 1825 г.

Заботы Оленина объ упорядоченіи дѣлопроизводства и объ усиленіи штатнаго состава Государственной Канцеляріи соединялись съ ходатайствами и о наградахъ чиновникамъ Канцеляріи за ихъ труды, требовавшіе нерѣдко весьма значительнаго напряженія силъ.

«Ревностное и успѣшное служеніе чиновниковъ Государственной Канцеляріи», писалъ онъ во всеподданнѣйшемъ своемъ докладѣ 1823 года, «побуждаетъ меня по всей справедливости и по долгу начальства повергнуть ихъ труды во Всемилостивѣйшее вниманіе Вашего Императорскаго Величества. Обширность и число дѣлъ, производимыхъ въ сей Канцеляріи, никакъ не соразмѣрны съ числомъ производителей. Но сіе немалое затрудненіе превозмогается отличнымъ ихъ усердіемъ. Теперь уже три года, какъ я никого изъ служащихъ въ сей Канцеляріи не представлялъ къ наградамъ. Всемилостивѣйшій Государь! Дозвольте нынѣ симъ лестнымъ правомъ воспользоваться, и съ тѣмъ вмѣстѣ представить объ устроеніи судьбы нѣкоторыхъ чиновниковъ, служащихъ при Государственной Канцеляріи болѣе уже 20 лѣтъ, слѣдственно, людей весьма не молодыхъ. На убылыя мѣста дозвольте, Всемилостивѣйшій Государь, опредѣлить людей достойныхъ по лѣтамъ и способностямъ».

На подлинномъ докладѣ находится слѣдующая помѣта:

«Государь Императоръ соизволяетъ на сіе представленіе, и сверхъ того Высочайше повелѣлъ составить списокъ новыхъ кандидатовъ для наполненія способными людьми малое число чиновниковъ Государственной Канцеляріи, отъ чего и служба ихъ выходитъ тягосна, какъ то извѣстно Самому Государю. Но при семъ назначеніи Его Величество строжайше повелѣть соизволилъ, чтобъ выборъ мой падалъ на людей отличной нравственности и отнюдь не зараженныхъ духомъ нынешнаго времени, т. е. неумѣстнымъ либерализмомъ. *А. Оленинъ.* 21 Февр. 1823.»

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что въ числѣ мѣръ, принятыхъ въ ту пору противъ распространенія либеральныхъ идей, Высочайшимъ рескриптомъ на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ графа В. П. Кочубея, 1 Августа 1822 года, положенъ былъ конецъ существованію въ Россіи масонскихъ ложъ, которыя были приравнены къ тайнымъ обществамъ. Чиновники, служившіе «во всѣхъ Министерствахъ и другихъ гражданскихъ начальствахъ обѣихъ столицъ», обязаны были дать подписки, что они «ни къ какимъ ложамъ масонскимъ или другимъ тайнымъ обществамъ не принадлежатъ, или что они, принадлежа къ онымъ, впредь ни къ какимъ обществамъ сего рода принадлежать ни внутри, ни внѣ государства не будутъ». Увѣдомляя объ этомъ Оленина, съ приложеніемъ формъ требуемыхъ подписокъ, графъ Кочубей, въ качествѣ Члена Государственнаго Совѣта, препроводилъ и собственное свое заявленіе о непринадлежности къ масонскимъ ложамъ, для храненія при дѣлахъ Совѣта.[21]

Подобно своему предшественнику, Сперанскому, Олининъ много заботился не только о количественномъ увеличеніи личнаго состава Государственной Канцеляріи, но и о томъ, чтобы его подчиненные обладали высокими служебными качествами. Будучи самъ человѣкомъ далеко не заурядным и высоко образованнымъ, живо интересуясь движеніемъ современной науки и литературы, онъ

старался окружать себя людьми, которые, въ томъ или иномъ отношеніи, стояли выше тогдашняго общаго уровня. Сдѣлавшись Директоромъ Императорской Публичной Библіотеки, онъ не замедлилъ привлечь туда на службу такихъ выдающихся дѣятелей литературы, какъ Н. И. Гнѣдичъ и И. А. Крыловъ; на должность хранителя рукописей былъ, по его представленію, назначенъ извѣстный художникъ-археологъ и нумизматъ Александръ Ивановичъ *Ермолаевъ* (1780—1828), конференцъ-секретарь Академіи Художествъ и видный членъ кружка любителей отечественной старины, образовавшагося подъ покровительствомъ незабвеннаго въ исторіи русской науки Государственнаго Канцлера графа Н. П. Румянцова. Ермолаевъ уже состоялъ на службѣ въ Государственной Канцеляріи съ самаго ея учрежденія и при Оленинѣ занималъ должность помощника экспедитора.

Н. И. Гнѣдичъ (1784—1833) былъ опредѣленъ въ Канцелярію 10 Августа 1814 года на должность письмоводителя, съ жалованьемъ въ 1.200 р. въ годъ, по ходатайству Оленина, который въ представленномъ Государю всеподданнѣйшемъ докладѣ объ его назначеніи, между прочимъ, писалъ: «Извѣстность его въ кругу Отечественной Словесности, способность сочинять прозою, возвышеннымъ, пріятнымъ и яснымъ слогомъ, подаютъ мнѣ надежду, что онъ можетъ быть весьма полезенъ при Государственной Канцеляріи.» Впослѣдствіи Гнѣдичъ занималъ должность экспедитора. Въ Мартѣ 1825 года Олениnъ, высоко цѣнившій если не служебныя, то литературныя заслуги своего сотрудника, обратился къ Императору Александру Павловичу съ слѣдующимъ ходатайствомъ:

«Г. коллежскій совѣтникъ Гнѣдичъ, служащій въ Государственной Канцеляріи экспедиторомъ, съ нѣкотораго времени чувствуетъ сильное разстройство въ здоровьѣ своемъ; день ото дня силы его болѣе и болѣе ослабѣваютъ, и по совѣту врачей (между прочимъ, г. лейбъ-медика Гаевскаго), надежнѣйшаго нѣтъ средства къ излѣченію г-на Гнѣдича,

какъ употребленіе Кавказскихъ минеральныхъ водъ у самыхъ ихъ источниковъ, что подтверждаетъ г. Гаевскій даннымъ свидѣтельствомъ, при семъ прилагаемымъ.

«Обыкновенная служба г-на Гнѣдича по Государственной Канцеляріи, въ теченіе которой не встрѣтилось ему случая показать особенныхъ своихъ дарованій въ Русской Словесности, конечно, не подаетъ ему надежды на особую милость Вашего Императорскаго Величества; но если отличная нравственность, испытанная мною въ продолженіе почти 20 лѣтъ короткаго моего съ нимъ знакомства, а сверхъ того и отличный его талантъ въ Словесности Русской, могутъ, къ его счастію, обратить на себя Всемилостивѣйшее вниманіе Вашего Императорскаго Величества, то, по недостаточному его состоянію, пожалованіе отъ щедротъ Монаршихъ нынѣ положеннаго оклада по мѣсту, имъ въ Государственной Канцеляріи занимаемому, т. е. 3.000 р., съ произвожденіемъ во время пользованія водами слѣдующаго по тому же штату жалованья, можетъ сохранить жизнь человѣка, посвятившаго свободные отъ службы часы къ исполненію великаго предпріятія, въ которомъ до сихъ поръ ни Франція, ни Англія, ни Германія въ полной мѣрѣ еще не успѣли, а именно — перевода съ подлинника знаменитѣйшей въ мірѣ поэмы, Омировой *Иліады*. Переводъ сей имъ уже доведенъ до послѣдней пѣсни; но разстройство его здоровья не позволяетъ ему приступить къ совершенному окончанію онаго; возвративъ же силы свои на Кавказѣ съ помощію Царскихъ щедротъ, онъ съ новою дѣятельностію и съ лучшимъ успѣхомъ приступитъ къ довершенію пред-

Н. И. Гнѣдичъ.

пріятія, которое должно быть въ числѣ знаменитыхъ памятниковъ благополучнаго царствованія Вашего Императорскаго Величества».

На подлинной докладной запискѣ рукою графа Аракчеева написано: «Государь соизволяетъ, 11 Марта 1825 г.»

Позднѣе, уже въ царствованіе Императора Николая Павловича, результатомъ новыхъ ходатайствъ Оленина явились слѣдующіе два Высочайшіе указа Министру Финансовъ:

13 Ноября 1826 года: «Въ вознагражденіе за службу коллежскаго совѣтника Николая Гнѣдича, и въ особенности за труды его въ преложеніи имъ въ стихахъ на Русскій языкъ Иліады Гомеровой, Мнѣ поднесенномъ, Всемилостивѣйше повелѣваю производить ему въ пенсіонъ по смерть по три тысячи рублей въ годъ изъ государственнаго казначейства, сверхъ получаемаго имъ по службѣ жалованья».

12 Іюня 1827 года: «Изъ уваженія къ болѣзненному состоянію экспедитора Государственной Канцеляріи коллежскаго совѣтника Гнѣдича, Я приказалъ уволить его изъ вѣдомства сей Канцеляріи. Но, снисходя къ таковому состоянію здоровья, разстроеннаго трудами и прилежаніемъ къ наукамъ на пользу словесности, повелѣваю вамъ производить Гнѣдичу изъ государственнаго казначейства по три тысячи рублей въ годъ, впредь до опредѣленія къ другой должности, силамъ его соотвѣтственной».

Среди другихъ выдающихся сотрудниковъ Оленина по Государственной Канцеляріи обращаютъ на себя особенное вниманіе братья Тургеневы.

Тургеневъ старшій, Александръ Ивановичъ (1785—1846), школьный товарищъ Д. Н. Блудова, Д. В. Дашкова и В. А. Жуковскаго, членъ «Арзамаса», другъ Батюшкова, кн. П. А. Вяземскаго и Пушкина, неутомимый собиратель документовъ по древней и новѣйшей исторіи Россіи и тонкій наблюдатель современной русской и иностранной жизни, по окончаніи курса въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, началъ службу въ Министерствѣ Юстиціи. Въ 1810 году

онъ сопровождалъ Императора Александра Павловича въ заграничной поѣздкѣ, затѣмъ былъ назначенъ Директоромъ Канцеляріи Главнаго Управленія Духовныхъ Дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и 9 Апрѣля 1812 года—Помощникомъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта по Департаменту Законовъ, «съ произвожденіемъ изъ государственнаго казначейства опредѣленнаго по сему званію жалованья и съ оставленіемъ при другихъ его должностяхъ». Какъ уже было упомянуто выше, въ Маѣ того же года Тургеневъ сдѣлался членомъ Совѣта Коммисіи составленія законовъ. Здѣсь онъ явился однимъ изъ самыхъ усердныхъ работниковъ, въ особенности—по составленію заключеній Коммисіи по законопроектамъ, поступавшимъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Въ Департаментѣ Законовъ, при часто хворавшемъ Статсъ-Секретарѣ князѣ *Гр. Ив. Гагаринѣ,* въ рукахъ Тургенева фактически находилось все дѣлопроизводство, и онъ нерѣдко замѣнялъ Статсъ-Секретаря въ качествѣ докладчика, а съ увольненіемъ князя Гагарина почти четыре года (съ 1 Сентября 1814 по 26 Августа 1818) исполнялъ его обязанности. Затѣмъ, послѣ десятимѣсячнаго промежутка, въ теченіе котораго должность Статсъ-Секретаря Департамента Законовъ занималъ Оленинъ, Тургеневъ, съ 12 Іюня 1819 года, снова является исправляющимъ должность Статсъ-Секретаря и остается на этомъ мѣстѣ до выхода въ отставку въ 1828 году.

Человѣкъ высоко образованный, воспитанный въ духѣ тѣхъ широкихъ гуманныхъ принциповъ, которыми характеризовалось «дней Александровыхъ прекрасное начало», Тургеневъ въ своей служебной дѣятельности отличался строгимъ уваженіемъ къ законности и стойкостью въ защитѣ своихъ убѣжденій. Въ этомъ отношеніи весьма характерною какъ для самого Тургенева, такъ и для тогдашняго времени вообще является исторія его столкновенія въ Государственномъ Совѣтѣ съ Министромъ Юстиціи княземъ Дм. Ив. Лобановымъ-Ростовскимъ.

Въ Іюнѣ 1819 года князь Лобановъ представилъ Государю всеподданнѣйшую записку о томъ, что «главнѣйшею причиною годъ отъ году повсемѣстно умножающихся дѣлъ есть *необузданность просителей*, изъ коихъ одни по невѣдѣнію, а другіе по склонности къ ябедамъ безпрестанно обременяютъ мѣста и должностныя лица не дѣльными просьбами съ нарушеніемъ установленнаго порядка, отчего умножается безполезная переписка и происходитъ въ дѣлахъ не токмо запутанность, но и самое помѣшательство». По Высочайшему повелѣнію, записка эта была внесена въ Комитетъ Министровъ, а оттуда передана въ Государственный Совѣтъ, который призналъ необходимымъ выслушать по этому предмету заключеніе Коммисіи составленія законовъ. Журналъ Совѣта Коммисіи 16 Апрѣля 1820 г., собственноручно написанный Тургеневымъ и имъ же доложенный Государственному Совѣту, яркими красками изобразилъ печальное состояніе тогдашняго нашего правосудія.

А. И. Тургеневъ.

«Совѣтъ нашелъ»,—писалъ, между прочимъ, Тургеневъ,—«что причины заключаются по большой части въ самихъ законахъ о формѣ судопроизводства. Неопредѣлительность формъ, медленность и запутанность канцелярскаго порядка, предоставленіе большой части случаевъ на совершенный произволъ судьи, невѣжество, соединенное съ корыстолюбіемъ канцелярскихъ чиновниковъ въ нижнихъ инстанціяхъ, т. е. въ земскихъ и уѣздныхъ судахъ, имѣющее главнымъ своимъ основаніемъ почти совершенно ничтожное содержаніе, опредѣляемое имъ отъ правительства, склонность къ ябедѣ и совершенное незнаніе законовъ

стряпчихъ или повѣренныхъ, принадлежащихъ по большой части къ классу крѣпостныхъ людей или мелкихъ канцелярскихъ служителей,—всѣ сіи причины должны необходимо привести въ запутанность самое ясное дѣло и вывести, наконецъ, изъ терпѣнія самаго скромнаго просителя. Тяжущаяся сторона, употребляя въ нижнихъ инстанціяхъ всѣ возможные способы къ скорѣйшему окончанію своего дѣла, весьма часто самаго простого и справедливаго, но видя вмѣсто правосудія со всѣхъ сторонъ притѣсненія, проволочки и стараніе привести оное въ запутанность, дабы, какъ сказалъ уже Петръ Великій въ указѣ своемъ 17 Апрѣля 1722 года, *въ мутной водѣ удобнѣе было рыбу ловить*,— вынуждается, наконецъ, поневолѣ искать защиты и справедливости предъ высшимъ правительствомъ, и никакія строгія мѣры не въ силахъ будутъ удержать отъ таковыхъ жалобъ, пока не отымется самый поводъ къ нимъ».

Министръ Юстиціи, конечно, вовсе не ожидалъ выслушать отъ лица Коммисіи такой отвѣтъ на свое представленіе. Вызванное этимъ непріязненное чувство къ Коммисіи и, въ частности, къ Тургеневу, какъ главному виновнику указаній на существенные недостатки нашего суда, обнаружилось при первомъ же представившемся къ этому случаѣ. Въ Ноябрѣ того же 1820 года Коммисія, во исполненіе постановленія Департамента Законовъ, разсматривала записки Управлявшаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и С.-Петербургскаго Военнаго Генералъ-Губернатора о злоупотребленіяхъ относительно продажи дворовыхъ людей и крестьянъ порознь и безъ земли и внесла въ Государственный Совѣтъ проектъ закона о пресѣченіи подобной продажи. Этотъ проектъ, въ которомъ усмотрѣли первый, весьма робкій намекъ на возможность нѣкотораго ограниченія крѣпостного права, вызвалъ въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта довольно рѣзкія сужденія за и противъ. Министръ Юстиціи, принявъ участіе въ этихъ преніяхъ, нѣсколько разъ повторилъ, что *Коммисія лжетъ*.

Услышавъ эти слова, Тургеневъ сейчасъ же обратился къ исправлявшему должность Государственнаго Секретаря съ просьбой защитить его отъ подобныхъ упрековъ, оскорбительныхъ для его чести; но Оленинъ отозвался, что ему «въ это дѣло вступаться не слѣдуетъ ни по мѣсту, ни по времени, ибо въ самомъ Государственномъ Совѣтѣ предсѣдательствуетъ непосредственный главный начальникъ Тургенева по Коммисіи, князь Лопухинъ, а Совѣтъ занимается разсужденіями». Тогда Тургеневъ подошелъ къ Министру Юстиціи и началъ объясняться съ нимъ по поводу его выраженій, но былъ остановленъ Олениным. Вскорѣ потомъ, когда Олениннъ вышелъ изъ залы Совѣта въ Канцелярію за какой-то справкой, Тургеневъ вышелъ вслѣдъ за нимъ и снова сталъ говорить ему, что, какъ начальникъ Государственной Канцеляріи, онъ обязанъ за него вступиться; но Оленинъ рѣшительно отклонилъ свое вмѣшательство, сказавъ, что Тургеневъ можетъ жаловаться князю Лопухину. «Тогда», говоритъ Тургеневъ, «я возвратился въ залу присутствія и, по окончаніи чтенія, доложилъ князю Петру Васильевичу о сказанныхъ г. Министромъ Юстиціи словахъ... Его Свѣтлость на сіе отвѣчалъ, что выраженіе Министра Юстиціи есть *неприличное*».

Результатомъ этого случая явилась оффиціальная переписка между Олениным и Тургеневымъ, въ которой каждый изъ нихъ дважды подробно пересказываетъ все происшедшее. Переписка эта была начата Олениным: наканунѣ слѣдовавшаго затѣмъ Общаго Собранія, онъ считалъ себя обязаннымъ предупредить Тургенева, что «и завтрашняго числа могутъ встрѣтиться обстоятельства, которыя подадутъ поводъ къ такому же нечаянному и непріятному происшествію, какое случилось въ послѣднее засѣданіе». Напомнивъ, затѣмъ, своему сотруднику опредѣленныя Образованіемъ Государственнаго Совѣта обязанности чиновъ Канцеляріи, Оленинъ заключалъ свое письмо словами:

«Изъ всего вышеприведеннаго слѣдуетъ, что намъ должно безмолвствовать, и что если бы кѣмъ изъ Гг. Чле-

новъ Государственнаго Совѣта, при сужденіяхъ по предлагаемымъ дѣламъ, могло быть изречено обидное слово, то принесеніе жалобы на сіе отступленіе отъ общаго порядка можетъ имѣть мѣсто токмо по окончаніи засѣданія и должно быть обращено единственно къ лицу Г. Предсѣдателя Государственнаго Совѣта.

«Вотъ что я, по долгу службы, обязанъ, на всякій случай, заблаговременно объявить Вашему Превосходительству въ предупрежденіе весьма непріятныхъ какъ для васъ, такъ и для меня послѣдствій» (28 Ноября 1820).

На это письмо Тургеневъ отвѣчалъ, на слѣдующій же день: «Обязанности чиновника Государственной Канцеляріи мнѣ извѣстны, и правъ, мнѣ не принадлежащихъ, я себѣ не присвоиваю... Мой поступокъ я не почитаю противозаконнымъ, ибо не знаю закона, предписывающаго въ Государственномъ Совѣтѣ приносить на обидныя слова, во время присутствія сказанныя, жалобу токмо по окончаніи засѣданія, и Ваше Превосходительство, сказавъ мнѣ, чтобы я обратился къ князю Петру Васильевичу, не изволили къ сему присовокупить, чтобы я сдѣлалъ сіе по окончаніи присутствія, а сказали: «Подите и жалуйтесь князю Петру Васильевичу!» Сверхъ сего, я свидѣтельствуюсь собственнымъ чувствомъ вашимъ, М. Г., чувствомъ каждаго благороднаго человѣка, поражаемаго обвиненіемъ во лжи мѣста своего служенія! Сіе чувство подкрѣпитъ мое совершенное оправданіе. Сіе же самое чувство вмѣняетъ мнѣ въ священную обязанность всегда и вездѣ вступаться за честь, какъ мою собственную, такъ и того мѣста, въ которомъ я служу. Въ настоящемъ случаѣ я не могъ отклонить обиды иначе, какъ жалобою: я сіе исполнилъ, и совѣсть моя ни въ чемъ меня не упрекаетъ, ибо я полагаю, что сохраненіе неприкосновеннымъ первѣйшаго блага для честнаго человѣка есть первѣйшая его обязанность».

Оленинъ, съ своей стороны, въ письмѣ отъ 1 Декабря, объяснялъ, что онъ считалъ долгомъ напомнить Тургеневу

объ обязанностяхъ чиновниковъ—«не потому, чтобъ вы ихъ не знали, чего я никогда не предполагалъ, но потому, что имѣлъ причину опасаться, чтобъ чувствительность, свойственная душѣ благородной, не дозволяющая намъ иногда поступать съ тою осторожностью и хладнокровіемъ, которыя общими законами предписано строжайше наблюдать въ присутственныхъ мѣстахъ, не вовлекла васъ, въ случаѣ новыхъ какихъ либо неожиданныхъ изреченій, въ дальнѣйшія объясненія и въ непріятныя отъ того слѣдствія. Я думалъ, что мнѣ, какъ старшему въ Государственной Канцеляріи и какъ человѣку, истинно васъ почитающему, во многихъ отношеніяхъ слѣдовало, по долгу моего званія, службы и чести, предупредить васъ въ столь важномъ дѣлѣ,—и не иначе, какъ письменно»...

Тургеневъ не оставилъ этого объясненія безъ отвѣта. Повторивъ еще разъ (3 Декабря) изложеніе всего случившагося, онъ снова замѣтилъ, что «законъ запрещаетъ чиновникамъ Государственной Канцеляріи вмѣшиваться въ сужденія или прерывать чтеніе; но когда оно кончено, то нѣтъ закона, который бы налагалъ молчаніе на благороднаго человѣка, столь гласнымъ образомъ оскорбленнаго». «Въ случаѣ, если бы я не принесъ сей жалобы, а Министръ Юстиціи простеръ и далѣе дѣйствіе своей вспыльчивости, изъ одного токмо недоразумѣнія происшедшей, то въ какомъ бы положеніи нашелся обиженный? Я прощаю обидѣвшему меня, ибо исполнилъ уже обязанность, на благороднаго человѣка и на государственнаго чиновника возлагаемую; но оставляю на судъ строгаго безпристрастія вашего: что мнѣ оставалось дѣлать съ чувствомъ понесеннаго предъ цѣлымъ Совѣтомъ оскорбленія, къ кому я долженъ былъ обратиться съ жалобой, и существуетъ ли законъ, запрещающій приносить оную въ присутствіи свидѣтелей оскорбленія, если чрезъ сіе не прерывается чтеніе дѣла?»

Дальнѣйшихъ послѣдствій этотъ случай не имѣлъ. Что же касается самаго законопроекта, выработаннаго Комми-

сіей при дѣятельномъ участіи Тургенева, то онъ, послѣ долгихъ преній, былъ оставленъ безъ уваженія, «яко не основанный на истинныхъ началахъ».[22]

Тургеневъ младшій, Николай Ивановичъ (1789—1871), воспитывался, такъ же, какъ и старшій братъ, въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, затѣмъ слушалъ лекціи въ Геттингенскомъ университетѣ по философіи и финансовымъ наукамъ и въ 1815 году состоялъ при извѣстномъ баронѣ Штейнѣ во Франціи въ качествѣ представителя русскаго правительства. По возвращеніи въ Россію, въ Августѣ 1816 года, онъ былъ назначенъ Помощникомъ Статсъ-Секретаря въ Департаментѣ Государственной Экономіи и вскорѣ издалъ «Опытъ теоріи налоговъ»,—первую книгу по теоріи финансовъ, написанную русскимъ авторомъ. Уже въ этомъ первомъ своемъ печатномъ трудѣ Н. Тургеневъ выступилъ, насколько было возможно по тогдашнимъ условіямъ, рѣшительнымъ противникомъ крѣпостного права. Въ служебной своей дѣятельности онъ также старался, гдѣ только могъ, дѣйствовать въ духѣ освобожденія крестьянъ, котораго уже въ ту пору многіе ожидали отъ правительства. Это направленіе Тургенева, съ одной стороны, доставило ему сочувствіе не только кружка молодыхъ людей, основавшихъ въ то время, по образцу нѣмецкаго Тугендбунда, «Союзъ Благоденствія», но и нѣкоторыхъ Членовъ Государственнаго Совѣта, напримѣръ, Н. С. Мордвинова, графа Потоцкаго, Тутолмина и др. Сблизился съ Тургеневымъ также и графъ Головинъ, назначенный въ 1818 году, послѣ Мордвинова, Предсѣдателемъ Департамента Государственной Экономіи. Министръ Финансовъ Д. А. Гурьевъ,

Н. И. Тургеневъ.

черезъ своего зятя, графа Нессельроде, предложилъ Тургеневу, въ 1819 году, мѣсто управляющаго Отдѣленіемъ Канцеляріи Министерства, вѣдавшимъ дѣла внутренняго и внѣшняго кредита (впослѣдствіи—Особенная Канцелярія по кредитной части). Тургеневъ согласился (съ оставленіемъ въ должности Помощника Статсъ-Секретаря), и Министръ вскорѣ поручилъ ему составить проектъ новаго устава о пошлинахъ и гербовомъ сборѣ. При составленіи этого устава Тургеневъ проектировалъ, между прочимъ, отмѣну подушной подати и установленіе оцѣнки дворянскихъ имѣній не по количеству владѣемыхъ душъ, а по площади земли. Министръ отнесся къ его идеямъ одобрительно, но затѣмъ, безъ его вѣдома, передалъ проектъ на обсужденіе другихъ чиновниковъ, которые не сочли нужнымъ пригласить Тургенева къ участію въ этомъ обсужденіи. Тургеневъ сейчасъ же подалъ въ отставку, а когда исправленный въ Министерствѣ проектъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ,—отказался отъ доклада и вообще отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ. Мордвиновъ принялъ составленіе доклада на себя, и проектъ былъ отклоненъ какъ Соединенными Департаментами, такъ и Общимъ Собраніемъ Совѣта. Между прочимъ, докладъ Мордвинова содержалъ въ себѣ довольно рѣзкую критику всей финансовой системы Д. А. Гурьева. Раздосадованный Министръ обвинилъ въ своей неудачѣ Тургенева, считая его авторомъ доклада, и пожаловался Государю, Который приказалъ Оленину объявить Тургеневу, что очень имъ недоволенъ и что когда-нибудь «даже Его терпѣнію придетъ конецъ». Тургеневъ, желая объяснить свое поведеніе и доказать его безупречность, подалъ Государю, черезъ Оленина же, особую докладную записку. «Не знаю», говоритъ онъ, «какое она произвела впечатлѣніе, но, спустя нѣкоторое время, меня перевели въ Департаментъ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ»... Благодаря своей искренности и трудолюбію, Тургеневъ скоро пріобрѣлъ полное довѣріе Предсѣдателя Гражданскаго Департамента,

князя Куракина. «Особенно меня располагало въ его пользу сходство нашихъ взглядовъ на дѣла крѣпостныхъ, добивавшихся своего освобожденія», говоритъ онъ. «Во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ Куракинъ стоялъ за освобожденіе и иногда оставался даже при особомъ мнѣніи въ засѣданіяхъ Департамента. Тогда я составлялъ для него мотивированное мнѣніе для Общаго Собранія, гдѣ сторонники освобожденія также были въ меньшинствѣ. Но обыкновенно постановленіе Совѣта измѣнялось Государемъ въ пользу крестьянъ, вопреки мнѣнію большинства. Эти успѣхи чрезвычайно льстили Куракину, который всегда указывалъ мнѣ на разочарованіе большинства, приглашая и меня радоваться вмѣстѣ съ нимъ. Резолюціи Государя, безъ сомнѣнія, доставляли мнѣ громадное удовольствіе»...[23]

Занимаясь дѣлами Гражданскаго Департамента, Тургеневъ иногда долженъ былъ принимать участіе также и въ занятіяхъ Коммисіи составленія законовъ,—конечно, по желанію старшаго своего брата. Такъ, онъ работалъ, подъ руководствомъ Сперанскаго, надъ составленіемъ проекта торговаго устава.

Усиленныя занятія отразились, наконецъ, на состояніи здоровья Тургенева, и онъ задумалъ перемѣнить службу. «Передъ поступленіемъ въ Департаментъ», говоритъ онъ, «я посвящалъ свой досугъ работѣ о судѣ присяжныхъ. Уголовныя дѣла, проходившія черезъ мои руки, заставляли болѣе всего желать преобразованія уголовнаго судопроизводства въ Россіи... Для изученія вопроса о судѣ присяжныхъ и объ уголовномъ процессѣ вообще я рѣшилъ поѣхать въ Англію... и желалъ занять мѣсто генеральнаго консула въ Лондонѣ. Не зная, какъ получить его, я сообщилъ о своемъ желаніи Сперанскому, а по его совѣту написалъ Государю, откровенно указывая на необходимость, вслѣдствіе нездоровья, сложить съ себя обязанности по Государственному Совѣту и прося Его Величество поручить мнѣ назван-

ный постъ. Черезъ два дня я получилъ приглашеніе пожаловать къ Аракчееву, которому было приказано сообщить мнѣ, что моя служба безусловно необходима для Государственнаго Совѣта, что просимый мною постъ менѣе моихъ заслугъ и поэтому не подходитъ для меня и, наконецъ, что Государь, довольный моими работами, находитъ недостаточнымъ получаемое мною содержаніе, и потому мнѣ стоитъ только попросить, чего я хочу, и «Его Величество готовъ принести всѣ жертвы»: это было подлинное выраженіе графа Аракчеева, который такъ же плохо говорилъ, какъ и писалъ. Если такъ угодно Государю, отвѣтилъ я, то я остаюсь въ Совѣтѣ; что же касается денежнаго вопроса, то я просилъ графа передать Его Величеству, что я желалъ получить мѣсто генеральнаго консула, а не денежную награду. Встрѣтясь послѣ этого съ Сперанскимъ, Императоръ сказалъ, что Ему понравился мой отвѣтъ, особенно конецъ его».

Однако, черезъ годъ здоровье Тургенева настолько разстроилось, что онъ былъ вынужденъ возобновить свое ходатайство объ увольненіи. 28 Марта 1824 года онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и уволенъ въ заграничный отпускъ, съ сохраненіемъ содержанія, впредь до выздоровленія; при этомъ ему было пожаловано еще 1.000 червонцевъ на путевыя издержки.

Съ тѣхъ поръ Тургеневъ уже не возвращался въ Россію: въ 1826 году, привлеченный къ слѣдственному дѣлу о декабристахъ по своей принадлежности къ «Союзу Благоденствія», онъ отвѣтилъ отказомъ на вызовъ явиться въ судъ, и былъ заочно приговоренъ къ смертной казни.

Изъ другихъ ближайшихъ сотрудниковъ Оленина по Государственной Канцеляріи останавливаетъ на себѣ вниманіе Василій Андреевичъ *Слободской* (р. 1772), долгіе годы занимавшій должность Помощника Статсъ-Секретаря Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ. Для характе-

ристики его полезной дѣятельности Оленинъ не находилъ достаточно похвальныхъ выраженій и особенно старался удержать его на службѣ въ Канцеляріи. Вотъ что писалъ онъ, напримѣръ, о Слободскомъ въ одномъ изъ всеподданнѣйшихъ своихъ докладовъ 1817 года:

«Дѣйствительный статскій совѣтникъ Слободской уже 17-й годъ, а именно съ 1801 года, съ отличною и неутомимою ревностію продолжаетъ службу свою при Государственномъ Совѣтѣ, обработывая въ теченіе сего времени, одинъ почти, всѣ дѣла по Гражданскому Департаменту, а частію и по Общему Собранію Государственнаго Совѣта. Усердная служба сего ревностнаго чиновника, примѣрная его неутомимость въ исполненіи поручаемыхъ ему дѣлъ, отличныя его способности и опытность въ дѣлахъ, пріобрѣтенная имъ въ теченіе 17-лѣтняго его служенія, по всей справедливости заслуживаютъ Всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества воззрѣнія, и я тѣмъ болѣе за долгъ почитаю ходатайствовать о семъ достойномъ чиновникѣ, что онъ почти одинъ между своими товарищами имѣетъ для своего содержанія единственно окладъ, положенный по званію Помощника Статсъ-Секретаря, занимаясь дѣлами только по Государственной Канцеляріи,[24] ибо большое число оныхъ, вступающее въ Департаментъ Гражданскихъ Дѣлъ, не оставляетъ ему времени на исправленіе еще другой какой либо должности, которая могла бы доставить ему другой окладъ въ добавокъ къ получаемому имъ нынѣ».

Отношенія Оленина къ подчиненнымъ — какъ можно видѣть и изъ приведенныхъ уже примѣровъ — отличались доброжелательствомъ и всегдашнею готовностью ходатайствовать за нихъ передъ Государемъ. Не только ближайшіе его сотрудники, высшіе чины Канцеляріи, но и мелкіе канцелярскіе чиновники находили въ его лицѣ помощь и заступничество въ случаѣ нужды. Вотъ одинъ случай, характеризующій, между прочимъ, и нравы того времени.

31 Іюля 1823 года Оленинъ представилъ Государю всеподданнѣйшую записку слѣдующаго содержанія:

«Титулярный совѣтникъ *Разумовъ*, коего прекрасный почеркъ столь извѣстенъ Вашему Императорскому Величеству по меморіямъ Государственнаго Совѣта, служа нѣсколько лѣтъ при Государственной Канцеляріи съ отличнымъ усердіемъ, успѣхомъ и пользою, съ недавняго времени предался излишнему употребленію горячихъ напитковъ. Съ мѣсяцъ тому назадъ онъ сказался больнымъ; я послалъ его освидѣтельствовать; но его дома не нашли. Я просилъ Г. Оберъ-Полиціймейстера приказать его отыскать, но онъ мнѣ на сихъ дняхъ отвѣчалъ, что Разумова какъ въ сыскѣ, такъ и на жительствѣ здѣсь въ С.-Петербургѣ не оказалось. Жена же его мнѣ объявила, что она не знаетъ, гдѣ онъ находится, и выпросила у меня видъ для свободнаго здѣсь жительства. Вслѣдствіе сего я долгомъ почитаю испросить Высочайшее Вашего Императорскаго Величества разрѣшеніе: полагать ли титулярнаго совѣтника Разумова въ числѣ служащихъ при Государственной Канцеляріи, доколѣ онъ явится или отысканъ будетъ, или нынѣ же изъ числа оныхъ исключить?».

На эту записку отвѣтилъ, 6 Августа, графъ Аракчеевъ: «Государь Императоръ изъявилъ Высочайшую волю Свою, чтобъ Разумовъ исключенъ былъ изъ службы, повелѣвая притомъ, чтобъ на предь будущее время вы, Милостивый Государь мой, дѣлали лучшій выборъ чиновниковъ, въ сію Канцелярію опредѣляемыхъ».

Оленинъ отозвался, что Разумовъ былъ опредѣленъ въ Канцелярію не имъ, а бывшимъ Государственнымъ Секретаремъ Сперанскимъ «и до нынѣшняго года службу Его Императорскаго Величества отправлялъ съ отличнымъ усердіемъ и успѣхомъ».

Въ то же время Управлявшему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ барону Кампенгаузену было объявлено Высочайшее повелѣніе, «чтобы означенный Разумовъ не-

премѣнно былъ отысканъ и чтобъ, по отысканіи его, онъ преданъ былъ сужденію по законамъ».

Но черезъ нѣсколько дней Разумовъ самъ явился къ Оленину и подалъ ему прошеніе, въ которомъ, ссылаясь на свою прежнюю усердную службу съ 1811 года, объяснялъ: «Несчастіе, которое ввергло меня въ теперешнюю бѣдственность, есть несчастіе горестнаго супружества моего. Я потерялъ все терпѣніе отъ несноснаго обращенія со мною жены моей, и въ семъ-то разстроенномъ положеніи забылъ себя и должность свою...».[25] Онъ умолялъ Оленина исходатайствовать ему прощеніе и не предавать его суду, такъ какъ это лишило бы его всякихъ средствъ къ существованію. Оленинъ препроводилъ копію съ этого прошенія, а вмѣстѣ съ нею и самого виновнаго, къ С.-Петербургскому Военному Генералъ-Губернатору графу Милорадовичу, прося его отнестись къ Разумову со всею возможною снисходительностью; подлинное же прошеніе представилъ Государю при особой докладной запискѣ, съ ходатайствомъ о милостивомъ отношеніи къ злополучному канцеляристу. Ходатайство, однако, не увѣнчалось успѣхомъ: Статсъ-Секретарь Муравьевъ (31 Августа) увѣдомилъ Оленина, что «Его Императорское Величество, по прочтеніи всѣхъ сихъ бумагъ, не изъявивъ на оныя Монаршаго соизволенія, повелѣваетъ исполнить прежнее предписаніе».

Разумовъ былъ исключенъ изъ службы и преданъ суду С.-Петербургской Уголовной Палаты. Дѣло тянулось по всѣмъ инстанціямъ—въ Палатѣ, Сенатѣ и Государственномъ Совѣтѣ—цѣлыя пять лѣтъ. При этомъ изъ представленнаго подсудимымъ медицинскаго свидѣтельства оказалось, что онъ вовсе не предавался употребленію горячихъ напитковъ, но «отъ жестокихъ гемороидальныхъ припадковъ и нѣсколькихъ апоплексическихъ ударовъ съ давняго времени впалъ въ меланхолію съ безпамятствомъ, отчего и приключилась маловременная его отлучка отъ должности». Рѣшеніемъ Сената, съ которымъ согласился и Государ-

ственный Совѣтъ, постановлено: вмѣнивъ ему въ наказаніе бытіе подъ судомъ и содержаніе подъ арестомъ, дозволить ему, по выздоровленіи, вступить въ службу, внушивъ ему правила поведенія, приличныя чиновнику. Это рѣшеніе и было Высочайше утверждено 12 Августа 1828 года.

Во второй половинѣ царствованія Императора Александра I все болѣе и болѣе усиливается вліяніе на государственныя дѣла графа Аракчеева. «Съ начала 1816 года», говоритъ въ своихъ запискахъ *В. Р. Марченко*, «Аракчеевъ началъ все по-маленьку прибирать къ рукамъ, отвѣчая, однако, всякому, что никакой отдѣльной части не имѣетъ, а займется однимъ поселеніемъ войскъ. Дѣла Совѣта рѣшительно къ нему поступили; по Комитету Министровъ началъ докладывать онъ; а Министрамъ назначено было столько предметовъ, по коимъ входить съ представленіями въ Комитетъ, что инымъ ничего не оставалось къ личному докладу Государю». Оленинъ, въ упомянутой уже выше своей обширной объяснительной запискѣ, представленной въ 1827 году Императору Николаю Павловичу, говоритъ: «Съ 1812 года Государственный Совѣтъ изъ законодательнаго верховнаго правительства обратился, такъ сказать, въ высшую инстанцію надъ Сенатомъ. Между тѣмъ, съ 1816 года графъ А. А. Аракчеевъ вступилъ въ завѣдываніе дѣлъ, мною подносимыхъ по Государственному Совѣту на Высочайшее благоусмотрѣніе, и съ тѣхъ поръ мое вліяніе по Государственной Канцеляріи весьма уменьшилось, тѣмъ болѣе, что всѣ нынѣшніе Помощники Статсъ-Секретарей опредѣлены были въ сіи должности безъ моихъ просьбъ или представленій... Такимъ образомъ, изустныя мои объясненія при докладахъ по дѣламъ Совѣта покойному Государю Императору, продолжавшіяся съ 1812 по 1817 годъ, въ самомъ началѣ сего года прекратились вступленіемъ графа Арак-

чеева въ завѣдываніе дѣлами Совѣта. Съ того времени я только что приносилъ въ кабинетъ Государя Императора сіи дѣла и, вручивъ ихъ Его Императорскому Величеству, получалъ Высочайшія разрѣшенія по онымъ уже чрезъ графа Аракчеева. Я не могу скрыть отъ Вашего Императорскаго Величества, что сей порядокъ производства дѣлъ весьма затруднилъ ходъ оныхъ по Государственному Совѣту. Графъ Аракчеевъ, не принимая отъ меня никакихъ предварительныхъ объясненій, не могъ, по встрѣчающимся иногда вопросамъ, при чтеніи дѣлъ Государемъ Императоромъ, объяснять Его Величеству подробнѣйшія обстоятельства оныхъ. Отсюда родилась многосложная и плодовитая переписка между графомъ и мною, и ходъ дѣлъ сталъ день отъ дня замедляться. Сверхъ сего, всякаго рода представленія по Государственной Канцеляріи поступали чрезъ графа Аракчеева къ Государю Императору. Ходатайства мои о награжденіи достойныхъ чиновниковъ сей Канцеляріи оставались по нѣскольку лѣтъ безъ всякаго движенія. Сіе самое произвело невольнымъ образомъ нѣкоторую на меня ненадѣянность въ служащихъ по Государственной Канцеляріи,— чувство, весьма вредное для успѣшнаго хода дѣлъ....

«Итакъ, состоя съ одной стороны въ зависимости графа Аракчеева, который, между тѣмъ, не хотѣлъ сознаваться въ своемъ надо мною начальствѣ, съ другой же стороны имѣя Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, обремененнаго съ нѣсколькихъ уже лѣтъ тяжкою болѣзнью, препятствовавшею изустнымъ объясненіямъ, притомъ не имѣвшаго по дѣламъ Государственнаго Совѣта свободнаго доступа къ Государю Императору, мое положеніе сдѣлалось весьма стѣснительнымъ...»

Въ дѣлахъ Государственной Канцеляріи сохранилось нѣсколько Высочайшихъ повелѣній, объявленныхъ Оленину графомъ Аракчеевымъ и опредѣляющихъ отношеніе послѣдняго къ дѣламъ Государственнаго Совѣта и къ Государственному Секретарю. Такъ, 5 Апрѣля 1820 года Оленину было

приказано наканунѣ своихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ доставлять Аракчееву всѣ назначенныя къ докладу меморіи Государственнаго Совѣта, а равно и прочія докладныя бумаги. Въ слѣдующемъ году Государь приказалъ объявить, что когда Онъ будетъ находиться въ Петербургѣ, то Оленинъ долженъ по-прежнему являться къ Нему съ докладомъ по дѣламъ Совѣта каждую среду; когда же Его Величество будетъ въ Царскомъ Селѣ, а графъ Аракчеевъ—въ Петербургѣ, то Оленину нѣтъ надобности ѣздить къ Государю съ дѣлами. При отлучкахъ же Его Сіятельства въ военныя поселенія онъ каждый разъ будетъ о томъ увѣдомлять, чтобы Оленинъ уже самъ являлся къ Государю съ докладомъ. Однажды Аракчеевъ уѣхалъ, забывъ увѣдомить Оленина, который былъ чрезвычайно обезпокоенъ, не зная, ѣхать ему въ Царское Село или нѣтъ, и просилъ князя Волконскаго освѣдомиться объ этомъ у Государя,—«дабы не сдѣлаться безвинно виноватымъ». Въ Ноябрѣ того же 1820 года Аракчеевымъ было сообщено Оленину, что Его Величество освобождаетъ его отъ личныхъ докладовъ въ Царскомъ Селѣ, съ тѣмъ, чтобы меморіи Государственнаго Совѣта, по ихъ изготовленіи, доставлялись Государю запечатанныя.

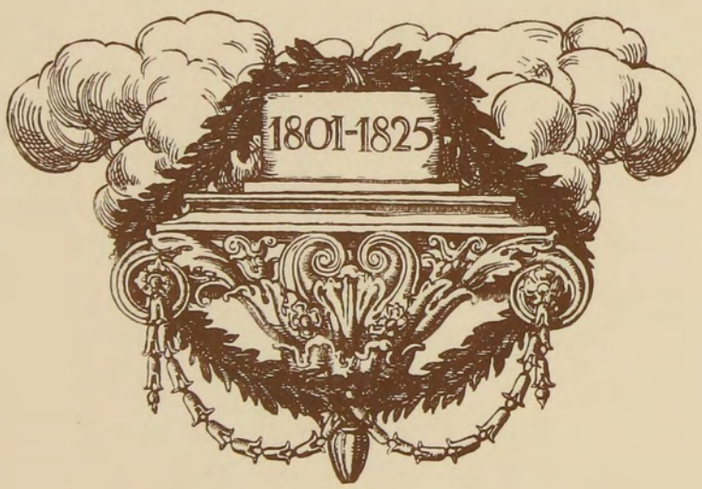
Такимъ образомъ Государственный Секретарь мало по малу утрачивалъ прежнее свое значеніе самостоятельнаго докладчика по дѣламъ Государственнаго Совѣта и, кромѣ того, далеко не пользовался свободою ни въ выборѣ своихъ сотрудниковъ, ни въ распоряженіяхъ по Государственной Канцеляріи. По поводу своихъ распоряженій Оленинъ получилъ даже, въ концѣ 1821 года, замѣчаніе отъ Комитета Министровъ, изложенное въ тонѣ какъ бы обращенія начальства къ подчиненному, и журналъ Комитета по этому предмету былъ Высочайше утвержденъ. Дѣло заключалось въ томъ, что Министръ Финансовъ, недовольный рѣшеніемъ Государственнаго Совѣта по представленію Морского Министра о выдачѣ процентовъ на призовыя деньги по эскадрѣ Вице-Адмирала Сенявина, жаловался Комитету, что Госу-

дарственный Секретарь не пригласилъ его своевременно къ слушанію этого дѣла. Комитетъ поставилъ на видъ Оленину, 1) что при разсмотрѣніи этого дѣла въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта необходимо было пригласить Министра Финансовъ, или, по крайней мѣрѣ, прежде подписанія журнала предварить его о послѣдовавшемъ въ отмѣну мнѣнія его рѣшеніи, и 2) что по Высочайшемъ утвержденіи мнѣнія Государственнаго Совѣта слѣдовало сообщить его къ исполненію не Морскому Министру, а Министру Финансовъ.

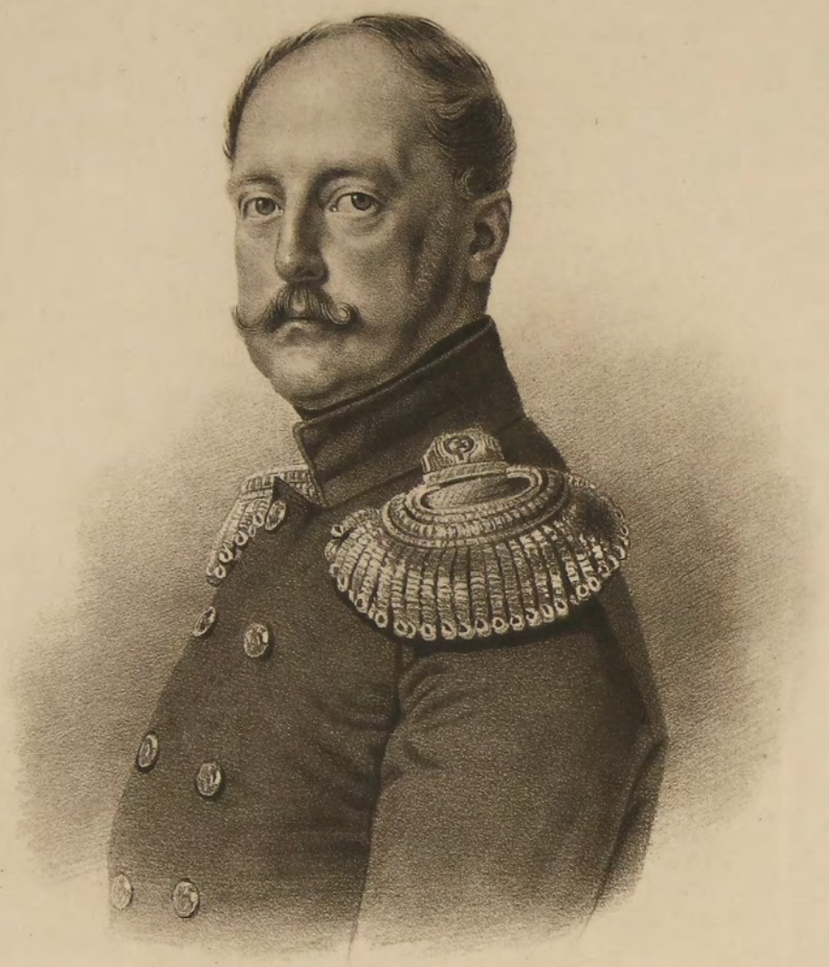
Оленинъ отвѣчалъ, что такъ какъ Члены Государственнаго Совѣта положили въ обыкновенные дни Общихъ Собраній съѣзжаться безъ повѣстокъ, то онъ и не посылалъ графу Гурьеву особаго приглашенія; теперь же не преминетъ приглашать Его Сіятельство ко всякому собранію. О рѣшеніяхъ Совѣта, ранѣе подписанія журнала, объявлять онъ никому не смѣлъ, ибо тѣмъ опасался преступить, безъ особаго повелѣнія, обязанность свою, какъ канцелярскій чиновникъ, который паче всякаго г. Члена долженъ хранить тайну канцелярскую; въ случаѣ надобности, онъ готовъ впредь поступать согласно сдѣланному замѣчанію, но проситъ только указать, до всѣхъ ли Министровъ сей порядокъ относиться долженъ, или до одного только Министра Финансовъ? Если до всѣхъ, то большая часть дѣлъ по Министерству Юстиціи будетъ имѣть весьма медленный ходъ. Наконецъ, по вопросу о томъ, отчего мнѣніе Государственнаго Совѣта сообщено было къ исполненію не Министру Финансовъ, а Морскому Министру, Оленинъ объяснялъ, что съ самаго учрежденія Совѣта соблюдается порядокъ, по которому рѣшенія сообщаются Министру, внесшему представленіе. На будущее время онъ готовъ извѣщать о рѣшеніяхъ Государственнаго Совѣта, въ случаѣ надобности, всѣхъ Министровъ, но при этомъ «долженъ заблаговременно предварить, что по сему обстоятельству неминуемо новыя на меня возникнутъ неудовольствія со

стороны Гг. Министровъ, ибо по малому числу чиновниковъ, дѣйствительно занимающихся въ Государственной Канцеляріи производствомъ дѣлъ, и по небольшому между сими чиновниками количеству людей, на коихъ возложена переписка бумагъ набѣло,—что̀ нужно для лучшаго сохраненія канцелярской тайны, которая и безъ того уже довольно разглашается,—отправленіе дѣлъ къ исполненію, по новому порядку, крайне замедлитъ.»

Къ этому объясненію Оленинъ считалъ «долгомъ чести, которая выше всего для него на свѣтѣ», прибавить, что если онъ въ дѣйствіяхъ своихъ ошибся, то, по крайней мѣрѣ, безъ всякаго дурного намѣренія, такъ какъ онъ въ мнѣніяхъ Гг. Членовъ Совѣта не можетъ имѣть участія.

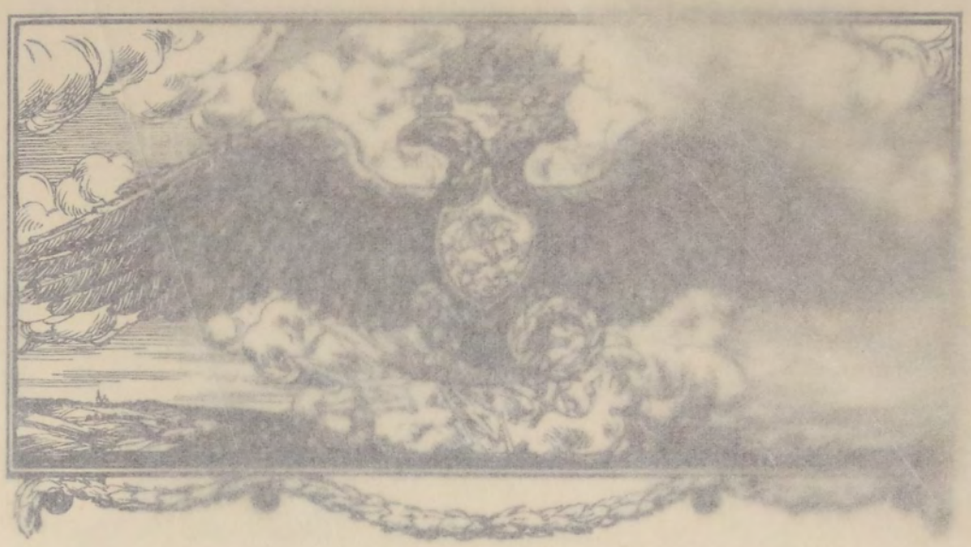

Царствованіе
Императора Николая I.

Николай

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ.

I.

Печальная вѣсть о послѣдовавшей 19 Ноября 1825 года въ Таганрогѣ кончинѣ Императора Александра I была получена въ Петербургѣ 27 Ноября. Въ тотъ же день состоялось Общее Собраніе Государственнаго Совѣта, по окончаніи котораго Членамъ Совѣта принесена была вѣрноподданническая присяга новому Императору Константину Павловичу. На другой день послѣдовала такая же присяга чиновъ Государственной Канцеляріи, причемъ первыми подписали присяжный листъ Статсъ-Секретарь *Марченко* и Помощникъ Статсъ-Секретаря *Слободской*.

Сопровождавшее вступленіе на престолъ Императора Николая I раскрытіе обширнаго тайнаго общества, приведшей къ бунту 14 Декабря 1825 года, вызвало со стороны правительства заботу о предупрежденіи на будущее время подобныхъ организацій, угрожающихъ общественному порядку и спокойствію. Одною изъ мѣръ, принятыхъ въ этомъ направленіи, былъ Высочайшій рескриптъ 21 Апрѣля 1826 года на имя Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ В. С. Ланского, которому повелѣно было

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ.

I.

Печальная вѣсть о послѣдовавшей 19 Ноября 1825 года въ Таганрогѣ кончинѣ Императора Александра I была получена въ Петербургѣ 27 Ноября. Въ тотъ же день состоялось Общее Собраніе Государственнаго Совѣта, по окончаніи котораго Членами Совѣта принесена была вѣрноподданническая присяга новому Императору Константину Павловичу. На другой день послѣдовала такая же присяга чиновъ Государственной Канцеляріи, причемъ первыми подписали присяжный листъ Статсъ-Секретарь *Марченко* и Помощникъ Статсъ-Секретаря *Слободской*.

Сопровождавшее вступленіе на престолъ Императора Николая I раскрытіе дѣятельности тайнаго общества, приведшей къ бунту 14 Декабря 1825 года, вызвало со стороны правительства заботу о недопущеніи на будущее время подобныхъ организацій, угрожающихъ общественному порядку и спокойствію. Одною изъ мѣръ, принятыхъ въ этомъ направленіи, былъ Высочайшій рескриптъ 21 Апрѣля 1826 года на имя Управлявшаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ В. С. Ланского, которому повелѣно было

«истребовать по всему государству вновь обязательства отъ всѣхъ находящихся на службѣ и отставныхъ чиновниковъ и неслужащихъ дворянъ въ томъ, что они ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, впредь принадлежать не будутъ, и если кто прежде къ какому либо изъ нихъ когда бы то ни было принадлежалъ, то съ подробнымъ объясненіемъ въ обязательствѣ его, подъ какимъ названіемъ оно существовало, какая была цѣль его и какія мѣры предполагаемо было употреблять для достиженія той цѣли. При требованіи сихъ обязательствъ объявить всѣмъ, что не только члены тайныхъ обществъ, принятые въ оныя въ учрежденныхъ ложахъ, думахъ, управахъ и пр. по обязательствамъ чрезъ клятву или честное слово и посѣщавшіе общества или знавшіе объ нихъ, но и всѣ безъ изъятія тѣ, кои сдѣлались соучастниками оныхъ тайныхъ обществъ безъ всякихъ формъ, клятвъ и обязательствъ, чрезъ разговоры при встрѣчѣ внѣ ложъ, думъ, управъ, или знали о сихъ обществахъ, обязаны объяснить о томъ при дачѣ подписокъ чистосердечно, со всею откровенностью, и что сокрытіе того подвергнетъ ихъ строжайшему наказанію, какъ государственныхъ преступниковъ». Такія обязательства и были даны немедленно всѣми чинами Государственной Канцеляріи, причемъ только одинъ изъ нихъ, Помощникъ Статсъ-Секретаря *Свиньинъ*, прибавилъ, что лѣтъ за десять передъ тѣмъ, а можетъ быть и болѣе, онъ состоялъ членомъ масонской ложи «Peter zur Wahrheit», цѣлью которой была благотворительность и о существованіи которой правительству было извѣстно. Всѣ прочіе чиновники ограничились дачею простой подписки, которая съ тѣхъ поръ и требовалась постоянно, наравнѣ съ особою присягою, отъ всѣхъ, вновь вступавшихъ на службу въ Канцелярію.

Во время приготовленій къ Высочайшей Коронаціи возникъ вопросъ объ отправленіи, по случаю предстоявшаго

торжества, въ Москву Членовъ Государственнаго Совѣта и нѣкоторыхъ чиновъ Государственной Канцеляріи. По этому поводу Олениным̈ъ была представлена Государю Императору справка, изъ которой видно, что въ 1801 году на время Коронаціи Императора Александра I въ Москву отправлялись всѣ Члены Совѣта, а изъ чиновъ Канцеляріи—бывшій ея Правитель тайный совѣтникъ Вейдемейеръ, экспедиторы: князь Циціановъ, Энгель, Оленинъ и Сперанскій, четыре ихъ помощника и еще два чиновника, всего 10 человѣкъ, да сверхъ того два курьера «при дѣлахъ». Этимъ чиновникамъ и курьерамъ, по Высочайшему повелѣнію, выданы были изъ государственнаго казначейства прогоны въ оба пути и третное не въ зачетъ жалованье, для отправки же дѣлъ дана была коляска изъ придворной конюшенной конторы. По пріѣздѣ въ Москву, для Совѣта и Канцеляріи отведены были комнаты въ Слободскомъ Дворцѣ. Примѣнительно къ этому примѣру, Оленинъ полагалъ отправить въ Москву двухъ Статсъ-Секретарей, двухъ Помощниковъ Статсъ-Секретаря и шесть чиновниковъ, съ двумя курьерами и двумя сторожами, выдавъ имъ всѣмъ соотвѣтствующіе прогоны и третное жалованье. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ считалъ необходимымъ получить въ свое распоряженіе двѣ коляски для дѣлъ и канцелярскихъ матеріаловъ, а также и комнаты въ одномъ изъ московскихъ дворцовъ. На докладной запискѣ Оленина Государемъ было написано: «Членамъ объявить, что *можетъ* ѣхать, *кто хочетъ* и можетъ по своимъ обстоятельствамъ; коляски дать; о комнатахъ снестись; сумму отпустить тогда, когда будетъ извѣстно, кто поѣдетъ» (9 Апрѣля 1826).

Изъ чиновъ Государственной Канцеляріи отправились въ Москву Статсъ-Секретари Оленинъ (исправлявшій должность Государственнаго Секретаря) и Марченко, Помощники Статсъ-Секретаря Львовъ и Слободской, три письмоводителя, два писца и состоявшій при Предсѣдателѣ Государственнаго Совѣта Есиповъ. Въ день Коронаціи,

22 Августа 1826 года, Оленинъ былъ утвержденъ въ должности Государственнаго Секретаря.

Въ связи съ приготовленіями къ Коронаціи вновь возбужденъ былъ вопросъ и о форменной одеждѣ для Членовъ Государственнаго Совѣта и чиновъ Канцеляріи. Предсѣдатель Государственнаго Совѣта князь П. В. Лопухинъ писалъ по этому поводу Оленину: «Я нынѣ никакого мундира, кромѣ губернскаго, не имѣю. А какъ въ высокоторжественный день Коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ считаю я несовмѣстнымъ, по носимому мною званію, явиться въ простомъ какомъ-либо губернскомъ мундирѣ или во французскомъ кафтанѣ, которые нынѣ вовсе почти вышли изъ употребленія, и притомъ не желаю лично безпокоить о семъ Его Величество, то покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство принять на себя трудъ, при первомъ удобномъ случаѣ, довести обстоятельство сіе до свѣдѣнія Государя Императора и, испросивъ Высочайшее на оное разрѣшеніе, о послѣдующемъ меня увѣдомить. Или не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству назначить Государственному Совѣту какой либо мундиръ».

На составленной, вслѣдствіе этого письма, всеподданнѣйшей докладной запискѣ исправлявшаго должность Государственнаго Секретаря Императоръ Николай Павловичъ положилъ слѣдующую резолюцію: «Мундиръ имѣть всѣмъ Членамъ не военнымъ зеленый, съ краснымъ воротникомъ и обшлагами, съ шитьемъ по классамъ по воротнику, обшлагамъ и карманамъ, а Предсѣдателю—и по швамъ, а пуговицы съ гербами; вседневный же мундиръ тотъ же, но съ однимъ верхнимъ кантомъ по воротнику, обшлагамъ и карманамъ».

Засимъ, 7 Ноября того же года, былъ установленъ, по Высочайшему повелѣнію, мундиръ для Государственнаго Секретаря и чиновъ Государственной Канцеляріи. Окончательное утвержденіе эти формы получили только въ 1834 году, когда (27 Февраля) было Высочайше одобрено общее, соста-

вленное Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею, положеніе о гражданскихъ мундирахъ. Форма эта подверглась впослѣдствіи нѣкоторымъ измѣненіямъ; нынѣ же существующая форма для Членовъ Совѣта и чиновъ Канцеляріи установлена Высочайшимъ повелѣніемъ 8 Марта 1856 года.

Императоръ Николай Павловичъ требовалъ отъ Государственнаго Секретаря подробныхъ дѣловыхъ докладовъ. При этомъ Государю не только посылались по дѣламъ Государственнаго Совѣта письменные доклады и меморіи,но возстановлены были также и личные доклады Государственнаго Секретаря Его Величеству, какъ это было при Сперанскомъ и въ первые годы управленія Государственною Канцеляріею Оленина. Между прочимъ, Государственному Секретарю пришлось давать объясненія и о причинахъ замедленія въ рѣшеніи дѣлъ о разныхъ лицахъ, находившихся подъ судомъ. Въ представленной по этому поводу всеподданнѣйшей докладной запискѣ (12 Октября 1826 года) Оленинъ «по чистой совѣсти» свидѣтельствовалъ предъ Его Величествомъ, что «какъ Государственный Совѣтъ, такъ и Государственная Канцелярія всѣ средства употребляютъ къ безостановочному производству дѣлъ; но непомѣрное вступленіе оныхъ съ числомъ присутственныхъ дней въ Государственномъ Совѣтѣ, а болѣе того — съ числомъ производителей, въ сравненіи Правительствующаго Сената, притомъ же образъ представленія дѣлъ для разсмотрѣнія оныхъ въ Совѣтѣ (безъ приложенія къ нимъ краткихъ записокъ, существо оныхъ излагающихъ) совершенно не соотвѣтствуетъ съ способами сего верховнаго мѣста... Государственная Канцелярія, въ числѣ 24-хъ чиновниковъ, дѣйствительно дѣлами Государственнаго Совѣта занимающихся, начиная отъ Государственнаго Секретаря и до младшаго писца, исправляетъ съ 1812 года то, что въ Сенатѣ производится пятью отдѣле-

ніями Департаментовъ онаго, съ надлежащимъ къ тому числомъ Оберъ-Прокуроровъ, Оберъ-Секретарей, Секретарей, Повытчиковъ, Протоколистовъ и Писцовъ! Я здѣсь только упомянулъ объ однихъ уголовныхъ дѣлахъ, не говоря уже о слѣдственныхъ аудиторіатскихъ, а также о судныхъ, законодательныхъ и правительственныхъ немаловажныхъ дѣлахъ, поступающихъ безпрестанно какъ изъ Департаментовъ Сената, такъ и отъ всѣхъ Министерствъ. Сіи дѣла должны быть изготовляемы для всеподданнѣйшаго доклада съ тою осторожностію, правильностію, ясностію и краткостію, которыя необходимо требуются при поднесеніи дѣлъ на Высочайшее благоусмотрѣніе и утвержденіе. Сколько же потребовано на то времени при ограниченномъ числѣ производителей Государственной Канцеляріи?.. Осмѣливаюсь честію и совѣстію удостовѣрить, что медленное въ иныхъ случаяхъ теченіе дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ, весьма притомъ рѣдко бывающее, ни отъ какихъ другихъ разсчетовъ и причинъ не происходитъ, какъ единственно отъ недостатка способовъ и времени и отъ искренняго и постояннаго желанія представлять дѣла въ кратчайшемъ ихъ видѣ на Высочайшее воззрѣніе, въ твердомъ притомъ увѣреніи, что въ сихъ выпискахъ ни нужнаго, ни справедливаго ничего не выпущено, какъ то могло бы случиться отъ неумѣстной поспѣшности, беззаботности или лицепріятія».

Объясненія Оленина были совершенно правильны. Дѣйствительно, при господствовавшей въ ту пору крайней централизаціи власти, когда всевозможныя мелочи повседневной жизни не только доводились до свѣдѣнія Государя, но нерѣдко требовали и Высочайшаго разрѣшенія, Государственный Совѣтъ, особенно по Гражданскому Департаменту, былъ свыше мѣры обремененъ множествомъ маловажныхъ судебныхъ дѣлъ, изъ которыхъ каждое, по необходимости, становилось предметомъ особой канцелярской обработки. Достаточно бѣгло просмотрѣть перечни дѣлъ за первую

половину XIX столѣтія, чтобы составить себѣ понятіе о томъ количествѣ работы, какое лежало въ это время на Государственной Канцеляріи. Вѣдѣнію Государственнаго Совѣта подлежали, между прочимъ, всѣ судебныя дѣла, уголовныя и гражданскія, требовавшія, въ силу тогдашнихъ узаконеній, Высочайшаго разрѣшенія. Поэтому, напримѣръ, дѣло о самой мелкой кражѣ проходило всѣ инстанціи, отъ уѣзднаго суда до Гражданскаго Департамента или даже Общаго Собранія Государственнаго Совѣта, въ томъ случаѣ, когда виновникомъ кражи оказывался дворянинъ или польскій шляхтичъ; а подобныхъ дѣлъ было очень много. По всѣмъ этимъ дѣламъ составлялись доклады, справки, выписки изъ законовъ, журналы и, наконецъ, меморіи, представлявшіяся на Высочайшее благоусмотрѣніе. Очень значительно было также количество тяжебныхъ дѣлъ, переходившихъ изъ Сената,—обыкновенно многотомныхъ, запутанныхъ, тянувшихся многіе десятки лѣтъ и требовавшихъ огромнаго труда для сколько-нибудь яснаго ихъ изложенія. При такихъ условіяхъ труда Канцеляріи и при ограниченности личнаго ея состава нельзя не удивляться тому, что количество дѣлъ, остававшихся къ концу года нерѣшенными, было, какъ это видно изъ ежегодныхъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ по Государственному Совѣту, сравнительно очень невелико. Между тѣмъ, объ увеличеніи числа своихъ сотрудниковъ Оленинъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, не могъ и подумать. Въ началѣ 1827 года онъ испрашивалъ всеподданнѣйшимъ докладомъ Высочайшаго соизволенія на раздачу въ награду чиновникамъ Канцеляріи остатка отъ штатной суммы 1826 года, составлявшаго 14.000 р. На докладѣ Оленина Государь написалъ: «На этотъ разъ согласенъ; но такъ какъ подобный остатокъ доказываетъ, что штатъ слишкомъ великъ, то впередъ сіи 14.000 р. выключить изъ смѣты на Канцелярію Государственнаго Совѣта, о чемъ и изготовить указъ Министру Финансовъ». Тогда Оленинъ, представляя вѣдомость объ остаточныхъ суммахъ за послѣднія

10 лѣтъ, розданныхъ въ пособіе чиновникамъ Канцеляріи, объяснилъ, что остатки эти не всегда бываютъ одинаковы и что особенно значительное сбереженіе за 1826 годъ произошло отъ незамѣщенія нѣкоторыхъ должностей, положенныхъ по штату 1825 года, «вслѣдствіе чего чиновники, нынѣ налицо находящіеся, отправляютъ службу съ сугубымъ отягощеніемъ». На это объясненіе послѣдовала (31 Марта 1827 года) новая Высочайшая резолюція: «Такъ какъ дѣла отнюдь не медленнѣе шли въ 1826 году, чѣмъ въ прежніе годы, то явно, что довольно и наличнаго числа чиновниковъ, потому что дѣло дѣлаютъ съ усердіемъ; почему вакацій не замѣщать».

Независимо отъ значительнаго обремененія Государственной Канцеляріи постоянно возраставшимъ количествомъ текущихъ дѣлъ, лежавшія на ея обязанности работы еще осложнились дѣлопроизводствомъ въ различныхъ особыхъ Комитетахъ и Коммисіяхъ, которые весьма часто учреждались въ составѣ Государственнаго Совѣта. Важнѣйшимъ въ ряду этихъ совѣщательныхъ учрежденій былъ особый Комитетъ, образованный Высочайшимъ 6 Декабря 1826 года рескриптомъ на имя Предсѣдательствовавшаго въ то время въ Государственномъ Совѣтѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа В. П. Кочубея и подъ его предсѣдательствомъ, для разсмотрѣнія найденныхъ въ бумагахъ Императора Александра I проектовъ измѣненій по разнымъ частямъ государственнаго управленія. Комитетъ этотъ состоялъ изъ Членовъ Государственнаго Совѣта генераловъ: графа Толстого (впослѣдствіи—Предсѣдатель Департамента Военныхъ Дѣлъ), Васильчикова (впослѣдствіи—графъ, князь и съ 1838 года—Предсѣдатель Государственнаго Совѣта) и барона Дибича (впослѣдствіи—графъ и генералъ-фельдмаршалъ), дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя А. Н. Голицына и тайнаго совѣтника М. М. Сперанскаго. Правителями дѣлъ Комитета Высочайше повелѣно было быть Статсъ-Секретарямъ Его Императорскаго Величества: Това-

рищу Министра Народнаго Просвѣщенія Д. Н. Блудову (впослѣдствіи—графъ и Предсѣдатель Государственнаго Совѣта) и Товарищу Министра Внутреннихъ Дѣлъ Д. В. Дашкову (впослѣдствіи—Предсѣдатель Департамента Законовъ); въ дѣлопроизводствѣ принимала участіе Государственная Канцелярія. Императоръ Николай I, признавъ нужнымъ, чтобы Комитетъ, учрежденный подъ Собственнымъ Его вѣдѣніемъ и руководствомъ, приступилъ къ обозрѣнію бывшихъ дотолѣ предположеній о лучшемъ устройствѣ системы управленія, повелѣлъ ему «заняться и разсмотрѣніемъ, равно обстоятельнымъ и точнымъ, состоянія всѣхъ частей управленія въ государствѣ, дабы на извлеченныхъ изъ сего соображеніяхъ можно было съ достовѣрностію основать мнѣніе о надежнѣйшихъ средствахъ для желательныхъ исправленій или усовершенствованій».

Комитетъ 6 Декабря 1826 года существовалъ до Марта 1832 года. До второй половины 1830 года онъ собирался одинъ, а иногда два и болѣе разъ въ недѣлю; но съ того времени дѣятельность его значительно сократилась, такъ что онъ имѣлъ только по нѣскольку засѣданій въ годъ. Журналы его были представляемы въ подлинникѣ Государю Императору. Высочайшія резолюціи и замѣчанія, по этимъ журналамъ состоявшіяся, отмѣчались на самихъ журналахъ рукою Предсѣдательствующаго и потомъ вносились въ журналъ слѣдующаго затѣмъ засѣданія.

Комитетъ этотъ былъ, безспорно, однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ Комитетовъ, существовавшихъ при Государственномъ Совѣтѣ въ царствованіе Императора Николая I. На разсмотрѣніе его восходили многіе весьма важные законодательные и финансовые вопросы. Комитетъ обстоятельно обсуждалъ ихъ и высказывалъ по нимъ свои заключенія. Нельзя при этомъ не удивляться тому постоянному вниманію и тому дѣятельному живому участію, которое принималъ въ трудахъ Комитета Самъ Императоръ. Онъ дѣлалъ на весьма многихъ журналахъ замѣчанія, требо-

валъ нерѣдко отъ Предсѣдателя личныхъ объясненій и новаго разсмотрѣнія уже обсужденныхъ въ Комитетѣ вопросовъ и даже Собственноручно начерталъ проектъ учрежденія временной Правительственной Коммисіи на случай Своего отбытія изъ столицы, которымъ и повелѣлъ Комитету руководствоваться при его соображеніяхъ по этому предмету. Самыми дѣятельными Членами Комитета были: графъ В. П. Кочубей и М. М. Сперанскій. Первый изъ нихъ давалъ всему направленіе, согласно съ указаніями и видами Его Величества, а послѣдній представилъ Комитету, между прочимъ, двѣ весьма замѣчательныя записки: одну—«о государственныхъ установленіяхъ въ Россіи» и другую—«о крѣпостномъ состояніи». Кромѣ того, имъ внесенъ былъ въ Комитетъ цѣлый проектъ учрежденія губернскаго управленія и соображенія о порядкѣ постановленія вопросовъ и собиранія голосовъ при рѣшеніи дѣлъ.

Въ бумагахъ Комитета 6 Декабря сохранилась записка одного изъ высшихъ сановниковъ, подъ заглавіемъ: Mémoire sur le Conseil d'Empire de Russie. Авторъ записки, указывая на существенные, по его мнѣнію, недостатки организаціи Государственнаго Совѣта: незначительное число его Членовъ, не пользующихся довѣріемъ общества, смѣшеніе дѣлъ публичныхъ съ частными, законодательныхъ съ административными и обремененіе Совѣта судебными дѣлами, предлагаетъ установить избраніе въ Совѣтъ представителей отъ дворянства и городовъ. Для замѣщенія каждой вакансіи должно быть избрано по два кандидата отъ дворянскаго сословія; городамъ предоставляется выбрать $^1/_5$ часть кандидатовъ. Авторъ записки видитъ выгоду отъ такого пополненія состава Совѣта въ томъ, что такимъ путемъ будетъ обезпечена полная подготовленность Членовъ Совѣта къ своему спеціальному дѣлу и предоставлена имъ возможность преслѣдовать въ своей дѣятельности общіе интересы. Авторъ предусматриваетъ возможное возраженіе противъ его предложенія, заключающееся въ томъ, не будетъ ли такая

новизна опасною для самодержавной власти Русскаго Государя, и, отвергая это возраженіе, заявляетъ, что выборные отъ сословій Члены Государственнаго Совѣта — не болѣе, какъ совѣтники Государя по вопросамъ о народныхъ нуждахъ. Они зависимы отъ воли Монарха въ дальнѣйшей своей дѣятельности, не обладаютъ законодательною властью, могутъ только предлагать вопросы общественнаго блага и безсильны повредить авторитету Монарха.[26]

Эти идеи, несвоевременныя для 1826 года, конечно, не могли въ ту пору получить практическаго осуществленія; но, тѣмъ не менѣе, положеніе и компетенція Государственнаго Совѣта подверглись, по указаніямъ Императора Николая Павловича, нѣкоторымъ, болѣе или менѣе существеннымъ, измѣненіямъ, въ результатѣ которыхъ точнѣе опредѣлилось его значеніе, какъ законосовѣщательнаго установленія.

М. М. Сперанскій.

Первымъ по времени измѣненіемъ въ устройствѣ Государственнаго Совѣта было выдѣленіе изъ его состава Коммисіи составленія законовъ, преобразованной Высочайшимъ рескриптомъ на имя князя П. В. Лопухина, 31 Января 1826 года, во Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, во главѣ котораго былъ поставленъ Сперанскій.[27] Въ составъ этого новаго учрежденія вошли очень многія лица, служившія ранѣе въ Коммисіи, близко знакомыя съ существомъ работъ, возложенныхъ на II Отдѣленіе, а также извѣстныя по своей дѣятельности Сперанскому, отъ котораго, конечно, зависѣлъ пріемъ ихъ на службу въ Отдѣленіе. Остальные чиновники Коммисіи составленія законовъ,

почему-либо не поступившіе въ новое Отдѣленіе, не были, однако, оставлены за штатомъ: Министру Юстиціи поручено было «размѣстить ихъ, по ихъ желанію и способностямъ», въ Министерствѣ Юстиціи, а въ случаѣ недостатка вакансій принять на себя, по сношенію съ другими Министрами, попеченіе объ ихъ опредѣленіи.

Такъ какъ II Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи было учреждено собственно для трудовъ кодификаціоннаго характера и уже не должно было заниматься, подобно прежней Коммисіи, консультаціонною дѣятельностью, т. е. составленіемъ докладовъ Государственному Совѣту по дѣламъ, требовавшимъ изданія новыхъ узаконеній или дополненія либо измѣненія существующихъ, то Государственному Секретарю было объявлено Высочайшее повелѣніе о томъ, «чтобы никакія дѣла, производящіяся по части законовъ, не были впредь на разсмотрѣніе учреждаемаго Отдѣленія присылаемы и чтобъ дѣла, въ бывшую Коммисію Законовъ прежде поступившія и въ ней не оконченныя, возвращены были въ Государственную Канцелярію для надлежащаго ихъ производства и окончанія».

Такимъ образомъ, Департаментъ Законовъ, не имѣвшій въ составѣ Государственной Канцеляріи соотвѣтствующаго Отдѣленія, долженъ былъ озаботиться вопросомъ о томъ, какъ организовать теперь подготовительныя работы для его занятій по дѣламъ законодательнымъ. Предсѣдатель Департамента Законовъ, Оберъ-Егермейстеръ *Пашковъ*, представилъ Государю (9 Апрѣля 1826 года) особый объ этомъ предметѣ всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ, между прочимъ, указывалъ, что «ежели не полагается никакой инстанціи предъ Департаментомъ и ежели всѣ дѣла и новыя начертанія уставовъ, законовъ и учрежденій должны составляться единственно въ Департаментѣ, равно и прочія обязанности, лежавшія на Коммисіи, исполняться въ Департаментѣ же, или его канцеляріи, то сей новый распорядокъ

дѣлъ, въ измѣненіе прежняго установленный, и обязанность столь обширная, исполнявшаяся въ Коммисіи многими десятками чиновниковъ, какъ трудъ новый и обширный для Департамента, требуетъ и новыхъ способовъ, тѣмъ паче, что по Учрежденію Канцеляріи Совѣта не положено при Департаментѣ Законовъ особенныхъ канцелярскихъ чиновъ по той именно причинѣ, что при немъ существовала Коммисія...» Поэтому Предсѣдатель Департамента Законовъ признавалъ необходимымъ немедленно образовать, на особомъ положеніи, канцелярію Департамента и испрашивалъ Высочайшаго повелѣнія составить проектъ штата этой новой канцеляріи, «соотвѣтственный пространству и роду трудовъ Департамента, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, никакъ не превышающій строгой необходимости».

Это предположеніе, однако, въ то время не получило осуществленія: практически, консультаціонная дѣятельность бывшей Коммисіи введена была въ кругъ задачъ II Отдѣленія. Зависѣло это, съ одной стороны, отъ присутствія въ Государственномъ Совѣтѣ главнаго руководителя трудовъ новаго учрежденія, Сперанскаго, бывшаго Членомъ, а потомъ и Предсѣдателемъ, Департамента Законовъ, а съ другой—отъ связи самыхъ работъ кодификаціоннаго учрежденія съ законодательнымъ дѣломъ. Впрочемъ, вполнѣ опредѣленно отношенія II Отдѣленія къ Государственному Совѣту выяснились только въ 1832—1833 годахъ, когда Предсѣдатель Государственнаго Совѣта графъ Кочубей, въ виду болѣзни Сперанскаго, вынудившей его уѣхать за границу, испросилъ Высочайшее разрѣшеніе установить, по соглашенію съ Сперанскимъ, порядокъ сношеній между обоими учрежденіями. Соглашаясь на это, Государь выразилъ Свою волю, «чтобы обращаемы были изъ Совѣта во II Отдѣленіе тѣ дѣла, по коимъ необходимо нужно быть можетъ участіе онаго, и чтобы *не закидывать II Отдѣленіе всѣми дѣлами*» (19 Апрѣля 1832 года). Во исполненіе этой Монаршей воли принята была въ руководство мысль Началь-

шка II Отдѣленія, М. А. Балугьянскаго, что всѣ подобныя обращенія къ содѣйствію II Отдѣленія «ограничиваются словами: *справка* и *соображеніе*». Согласно этому и были составлены въ Отдѣленіи подробныя руководящія правила. Затѣмъ, 11 Ноября 1833 года, послѣдовало Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, по которому Департаментамъ Совѣта было предоставлено при разсмотрѣніи всякихъ новыхъ постановленій, клонящихся къ отмѣнѣ или дополненію существующихъ узаконеній, входить, если признаютъ нужнымъ, въ сношеніе съ II Отдѣленіемъ, испросивъ на то, предварительно, Высочайшее разрѣшеніе.

Въ началѣ Апрѣля 1827 года Оленинъ сдѣлалъ попытку, хотя и очень осторожную, представить проектъ новаго штата Государственной Канцеляріи, не увеличивая ни числа чиновниковъ, ни суммы, назначенной на ихъ содержаніе: цѣль его, очевидно, заключалась въ томъ, чтобы замѣстить свободныя мѣста, остававшіяся, согласно вышеприведенному Высочайшему повелѣнію, незамѣщенными. Попытка оказалась безуспѣшною. Вскорѣ потомъ, 29 Апрѣля 1827 года, Оленинъ былъ назначенъ Членомъ Государственнаго Совѣта, а на его мѣсто, сначала исправляющимъ должность Государственнаго Секретаря, а затѣмъ (съ 5 Апрѣля 1830 года) Государственнымъ Секретаремъ назначенъ Статсъ-Секретарь Департамента Государственной Экономіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Марченко.

Василій Романовичъ *Марченко* (1782—1841) является типичнымъ представителемъ служилаго класса стараго времени. По словамъ своего сотрудника по Государственной Канцеляріи и друга А. Д. Боровкова, «въ противоположность Сперанскому, Марченко безъ всякаго образованія, силою ума своего и трудолюбія, также изъ плебеевъ добрался до кресла Члена Государственнаго Совѣта. Не красно писалъ онъ, но дѣльно, толково, опредѣлительно и столь ясно, какъ ясна была прекрасная душа его. При всемъ умѣ его, онъ не могъ, подобно Сперанскому, блистать въ кругу аристократіи:

онъ не зналъ французскаго языка, а тамъ это большой недостатокъ; оттого знакомство его составляли люди умные, дѣльные, но не аристократы, съ которыми онъ размѣнивался только визитами».[28] Сынъ мелкаго провинціальнаго чиновника, онъ, еще не достигнувъ полныхъ 8 лѣтъ отъ роду, былъ уже зачисленъ на службу въ Могилевскій Верхній Земскій Судъ. Десять лѣтъ спустя, въ 1800 году, онъ принималъ уже участіе въ ревизіи коммисаріатскихъ частей въ Крюковѣ, Балтѣ, Тирасполѣ, Бориславлѣ, Екатеринославѣ и Царицынѣ, а въ 1802 году—въ Воронежѣ. Въ 1803 году онъ былъ переведенъ на службу въ Петербургъ, во вновь учрежденный Департаментъ Военнаго Министерства, сталъ извѣстенъ графу Аракчееву и въ 1809 году сопровождалъ его въ финляндскомъ походѣ и при занятіи нашими войсками Аландскихъ острововъ. Въ слѣдующемъ году В. Р. Марченко назначается Томскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а въ 1812 году возвращается въ Петербургъ. Здѣсь, произведенный въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ назначеніемъ состоять по особымъ порученіямъ, онъ прикомандировывается къ канцеляріи графа Аракчеева и въ то же время получаетъ званіе Помощника Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта. Во все время Отечественной войны, до заключенія Парижскаго мира, онъ находится при арміи, въ свитѣ Государя, а затѣмъ сопровождаетъ Его Величество во всѣхъ поѣздкахъ по Россіи и за границей въ 1814—1818 годахъ, съ званіемъ Статсъ-Секретаря Его Императорскаго Величества. Въ продолженіе всего этого времени онъ состоитъ въ распоряженіи графа Аракчеева, ведетъ его служебную переписку, исполняетъ всѣ его порученія и безропотно выноситъ его капризы, которымъ посвящаетъ впослѣдствіи краснорѣчивыя страницы въ своихъ автобіографическихъ запискахъ. Графъ Аракчеевъ, болѣе всего цѣнившій исполнительность своихъ подчиненныхъ и вовсе не расположенный къ «ученымъ» чиновникамъ, такъ какъ и самъ гордился образованіемъ, полученнымъ «на

мѣдные гроши», сумѣлъ быстро двинуть Марченка вверхъ по служебной лѣстницѣ. Въ 1815 году онъ былъ уже Управляющимъ дѣлами Комитета Министровъ, а въ 1818 году—Статсъ-Секретаремъ Государственнаго Совѣта, сначала по Гражданскому Департаменту, затѣмъ (съ 1821 года)—по Департаменту Государственной Экономіи. Назначеніе В. Р. Марченка Государственнымъ Секретаремъ находилось въ связи съ назначеніемъ новаго Предсѣдателя Государственнаго Совѣта на мѣсто скончавшагося князя П. В. Лопухина и было для него совершенною неожиданностью. Вотъ какъ самъ Марченко разсказываетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ:

«Зимою 1826 года учрежденъ былъ Секретный Комитетъ по доносамъ на коммисаріатскіе извороты, продолжавшійся до Августа 1827 года. Не знаю, кто меня упряталъ туда, подъ предлогомъ, какъ Государь изволилъ сказать мнѣ, что я знаю коммисаріатскую часть: но работа для меня была ужасная, ибо изъ коммисаріатскихъ чиновниковъ никого взять я не могъ, а гражданскимъ неизвѣстны дѣла сего рода; самый предметъ былъ довольно щекотливый: все показывало, что коммисаріатъ запутанъ и безъ запасовъ, что великія въ немъ злоупотребленія; но могло ли сіе быть при геніи графа Дибича?

«Среди работы сей, тяжкой и осторожной, о которой имѣлъ Государь ежедневныя свѣдѣнія отъ Предсѣдателя Комитета графа П. А. Толстого, неожиданно получаю я, вечеромъ 28 Апрѣля 1827 года, записку отъ графа Кочубея, что по Высочайшей волѣ имѣетъ онъ надобность видѣться со мною. Надобно знать, что графу извѣстенъ я былъ только по службѣ, и со времени выбытія его изъ Гражданскаго Департамента, въ 1820 году, у него не былъ; въ Москвѣ видѣлъ его во время Коронаціи, возвратившагося изъ-за границы, и то за обѣдомъ въ англійскомъ клубѣ, а о пріѣздѣ въ Петербургъ и не слыхалъ. Явившись въ тотъ же вечеръ къ графу Кочубею, пораженъ былъ новостію: послѣ нѣсколь-

кихъ вопросовъ о службѣ моей, о Совѣтѣ, о дѣлахъ, онъ объявилъ, что Государь предлагаетъ ему званіе Предсѣдателя Государственнаго Совѣта послѣ умершаго князя Лопухина, но что ему нужно прежде знать, согласенъ ли я занять мѣсто Оленина? Отвѣтъ былъ положительный, и поутру состоялись указы, такъ рано и неожиданно, что ни въ Совѣтѣ, ни въ городѣ, никто и не воображалъ о перемѣнѣ.

«Въ первое время мнѣ чрезвычайно было трудно, но къ осени 1827 года все поправилось. Комитетъ коммисаріатскій кончилъ свои занятія; устроена, по возможности, Государственная Канцелярія, дѣламъ данъ правильнѣйшій ходъ, и я имѣлъ счастіе слышать безпрестанно удовольствіе Государя и видѣть награжденными моихъ сотрудниковъ и подчиненныхъ.

«Правда, что съ утра до 12 часовъ ночи сижу я за работою, лишенный всѣхъ удовольствій свѣтскихъ; но когда это оцѣнивается, то и жизнь пріятна...»[29]

Дѣйствительно, Императоръ Николай Павловичъ относился къ дѣламъ Государственнаго Совѣта и Государственной Канцеляріи съ особеннымъ вниманіемъ, но за то и строго взыскивалъ за всякую неисправность въ дѣлопроизводствѣ. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ, вообще немногочисленныхъ, особенно замѣчательный по своимъ послѣдствіямъ.

19 Октября 1831 года внесено было въ Государственный Совѣтъ разсмотрѣнное предварительно въ Комитетѣ Финансовъ представленіе Министра Финансовъ графа Канкрина о необходимости, при стѣсненномъ положеніи государственнаго казначейства, возвысить въ росписи на 1832 годъ нѣкоторые казенные сборы, въ томъ числѣ и таможенныя пошлины на разные товары, съ временною прибавкою на всѣ вообще привозные товары по $12^1/_2\%$. Это представленіе, по настоянію Министра Финансовъ, было спѣшно разсмотрѣно Государственнымъ Совѣтомъ, и 11 Ноября состоялся Высочайшій указъ о повышеніи пош-

линъ. Указъ былъ простой, форменный, а самыя правила и распорядокъ новыхъ сборовъ содержались въ концѣ приложенной къ нему росписи въ видѣ *примѣчаній*, и тутъ, между прочимъ, о времени дѣйствія этой мѣры постановлено было, что сборъ прибавочныхъ 12½ процентовъ долженъ начаться *со дня полученія въ таможняхъ указа*, «со всѣхъ товаровъ, въ таможенномъ вѣдомствѣ безъ очистки пошлиною еще находящихся и вновь прибывающихъ».

Обратное дѣйствіе указа 11 Ноября, т. е. распространеніе установленныхъ имъ добавочныхъ пошлинъ на товары, находившіеся уже въ пакгаузахъ во время его обнародованія, не могло не возбудить ропота купечества, отозвавшагося и въ другихъ классахъ общества. Все это очень скоро дошло до свѣдѣнія Государя, Который повелѣлъ Государственному Совѣту вновь разсмотрѣть это дѣло. Въ журналѣ Общаго Собранія 3 Декабря 1831 года было объяснено, 1) что представленіе Министра получено было въ такое время, когда Совѣтъ занимался по два и по три раза въ недѣлю закономъ о дворянскихъ выборахъ; 2) что Министръ требовалъ указа непремѣнно въ Ноябрѣ; 3) что въ представленіи его не было упомянуто о распространеніи надбавочныхъ 12½% на товары, находившіеся уже въ таможняхъ; 4) что и разсчетъ Министра о усиленіи доходовъ по сей части на 1832 годъ основанъ былъ только на годовой сложности, безъ причисленія какого либо единовременнаго сбора съ товаровъ, уже сложенныхъ въ таможняхъ; 5) что по всему этому Совѣтъ не обратилъ особеннаго вниманія на *примѣчанія къ росписи*, гдѣ обыкновенно излагаются только простой распорядокъ исполненія и нѣкоторыя исключенія изъ общихъ правилъ, но гдѣ въ настоящемъ случаѣ, сверхъ ожиданія, оказался, какъ теперь видно, предметъ, требовавшій, по своей важности, и другого изложенія, и мѣста не въ примѣчаніяхъ, а въ самомъ представленіи, чтобы возбудить, соотвѣтственно тому, особыя разсужденія.

линъ. Указъ былъ простой, форменный, а самыя правила и распорядокъ новыхъ сборовъ содержались въ концѣ приложенной къ нему росписи въ видѣ *примѣчаній*, и тутъ, между прочимъ, о времени дѣйствія этой мѣры постановлено было, что сборъ прибавочныхъ 12½ процентовъ долженъ начаться *со дня полученія въ таможняхъ указа*, «со всѣхъ товаровъ, въ таможенномъ вѣдомствѣ безъ очистки пошлиною еще находящихся и вновь прибывающихъ».

Обратное дѣйствіе указа 11 Ноября, т. е. распространеніе установленныхъ имъ добавочныхъ пошлинъ на товары, находившіеся уже въ пакгаузахъ во время его обнародованія, не могло не возбудить ропота купечества, отозвавшагося и въ другихъ классахъ общества. Все это очень скоро дошло до свѣдѣнія Государя, Который повелѣлъ Государственному Совѣту вновь разсмотрѣть это дѣло. Въ журналѣ Общаго Собранія 3 Декабря 1831 года было объяснено, 1) что представленіе Министра получено было въ такое время, когда Совѣтъ занимался по два и по три раза въ недѣлю закономъ о дворянскихъ выборахъ; 2) что Министръ требовалъ указа непремѣнно въ Ноябрѣ; 3) что въ представленіи его не было упомянуто о распространеніи надбавочныхъ 12½% на товары, находившіеся уже въ таможняхъ; 4) что и разсчетъ Министра о усиленіи доходовъ по сей части на 1832 годъ основанъ былъ только на годовой сложности, безъ причисленія какого либо единовременнаго сбора съ товаровъ, уже сложенныхъ въ таможняхъ; 5) что по всему этому Совѣтъ не обратилъ особеннаго вниманія на *примѣчанія къ росписи*, гдѣ обыкновенно излагаются только простой распорядокъ исполненія и нѣкоторыя исключенія изъ общихъ правилъ, но гдѣ въ настоящемъ случаѣ, сверхъ ожиданія, оказался, какъ теперь видно, предметъ, требовавшій, по своей важности, и другого изложенія, и мѣста не въ примѣчаніяхъ, а въ самомъ представленіи, чтобы возбудить, соотвѣтственно тому, особыя разсужденія.

Мундиръ 3-го разряда

1834 года.

Перейдя затѣмъ къ существу дѣла, Совѣтъ представилъ въ своемъ журналѣ сильныя опроверженія противъ доводовъ Министра и заключилъ тѣмъ, что подобныя мѣры, противорѣча справедливости и самой пользѣ государства, отнюдь не должны быть допускаемы; почему и надлежитъ изъять отъ 12½ процентной надбавки всѣ товары, поступившіе въ таможни до полученія въ нихъ указа 11 Ноября, и даже возвратить эту надбавку тѣмъ изъ торгующихъ, съ которыхъ она была уже взыскана.

Составленный на этомъ основаніи новый указъ былъ подписанъ 7-го Декабря; но передъ тѣмъ еще, а именно 5-го числа, Предсѣдатель Совѣта графъ Кочубей получилъ слѣдующій Собственноручный рескриптъ Государя:

«Графъ Викторъ Павловичъ!

«Вамъ, какъ Предсѣдателю Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, и не только по сему званію, но и по личнымъ вашимъ достоинствамъ облеченному всею Моею довѣренностью, извѣстно въ полной мѣрѣ постоянно обращаемое Мною вниманіе на представленія сихъ мѣстъ, учрежденныхъ для совѣщанія о важнѣйшихъ дѣлахъ управленія и законодательства. Всякое мнѣніе, всякое замѣчаніе, клонящееся къ охраненію справедливости или къ пользѣ общей, Я принимаю съ живѣйшимъ удовольствіемъ, какъ несомнѣнный, лучшій знакъ вѣрноподданническаго ко Мнѣ и престолу Моему усердія. Не вправѣ ли Я надѣяться, что Государственный Совѣтъ, составленный изъ людей, заслужившихъ Мое особенное благоволеніе, никогда не ослабнетъ въ усиліяхъ и стараніи избѣгать всего, могущаго навлечь на него нареканіе въ неосмотрительности?

«Къ сожалѣнію, Я долженъ замѣтить случай, въ коемъ сіе справедливое ожиданіе не исполнилось.

«Указъ 11-го Ноября сего года и приложенная къ оному роспись, коими возвышается привозная пошлина на нѣкоторые товары и установляется добавочный таможенный

сборъ, были разсмотрѣны въ Комитетѣ Финансовъ, въ Департаментѣ Государственной Экономіи и, наконецъ, въ Общемъ Собраніи Совѣта. Ни въ которомъ изъ сихъ мѣстъ никто изъ Членовъ не замѣтилъ, что по буквальному смыслу статьи 2-й примѣчанія II къ росписи добавочный 12½ процентный сборъ распространяется и на товары, привезенные прежде обнародованія сего указа, но еще не очищенные пошлиною, на основаніи закономъ даруемой для сего 6-ти мѣсячной отсрочки, и что чрезъ сіе постановленіе новому закону дается обратное дѣйствіе.

«Никто, конечно, не можетъ подумать, чтобы правительство, извѣстное своимъ уваженіемъ къ справедливости и доброй вѣрѣ, имѣло намѣреніе постановить что либо противное присвоеннымъ законами правамъ и священнѣйшему изъ всѣхъ — праву собственности. Но не даетъ ли поводъ къ сему ложному заключенію вкравшаяся въ приложеніи къ указу 11 Ноября ошибка? Она ускользнула и отъ Моего вниманія, потому что Я былъ вправѣ ожидать тщательнаго разсмотрѣнія проекта Совѣтомъ. Препровожденіемъ онаго въ Государственный Совѣтъ Я доказывалъ, что въ семъ дѣлѣ не хотѣлъ совершенно довѣрить одному Моему мнѣнію. Сія ошибка должна быть исправлена.

«Но не менѣе того Я считаю себя обязаннымъ изъявить чрезъ васъ всѣмъ участвовавшимъ въ сужденіи сего дѣла, особенно же засѣдающимъ въ Комитетѣ Финансовъ, возбужденное во Мнѣ неосмотрительностію ихъ чувство прискорбія и неудовольствія. Они сами, какъ Мнѣ извѣстно, съ благородною откровенностію признали, что не совершенно вникнули въ смыслъ постановленія.

«Отдавая полную справедливость столь похвальному ихъ побужденію, Я въ немъ вижу новое для Себя удостовѣреніе, что никогда уже не буду вынужденъ поставлять на видъ Государственному Совѣту недостатокъ вниманія, въ какомъ

бы то ни было дѣлѣ. Члены онаго не престанутъ доказывать усердными трудами, сколь они достойны Моего благоволенія.

«Пребываю къ Вамъ благосклоннымъ

Николай».

Рескриптъ этотъ былъ написанъ весь Собственною рукою Императора Николая Павловича, и притомъ—не на обыкновенной въ дѣлопроизводствѣ и рескриптахъ листовой, а на почтовой бумагѣ.

Въ архивѣ Государственнаго Совѣта хранится и отвѣтный его журналъ на этотъ достопамятный актъ, того же числа, 7 Декабря:

«Государственный Совѣтъ, выслушавъ съ благоговѣніемъ Высочайшую волю, положилъ: изъяснить Его Императорскому Величеству глубокое прискорбіе свое и вмѣстѣ съ тѣмъ повергнуть къ Священнымъ Стопамъ Его Величества чувства живѣйшей признательности за милостивыя выраженія, въ коихъ Его Величеству угодно было справедливое неудовольствіе Свое Государственному Совѣту изъявить».[30]

Этотъ случай чрезвычайно огорчилъ Государственнаго Секретаря, который до тѣхъ поръ вообще былъ очень доволенъ своей службой: «Ежегодно изливались на меня Монаршія милости»,—говоритъ В. Р. Марченко. «Въ исходѣ 1827 года заикнулся я графу Кочубею, что и въ новое царствованіе произведены младшіе,—тотчасъ пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ; въ 1829 году сдѣланъ былъ отъ Высочайшаго имени вопросъ, чего я желаю,—и, согласно отзыву, отсрочена мнѣ на 12 лѣтъ прежняя аренда, съ прибавкою; въ 1830 году утвержденъ въ званіи Государственнаго Секретаря; въ 1831 году получилъ, при рескриптѣ, табакерку съ портретомъ Его Величества, а въ 1832—орденъ Бѣлаго Орла.

«Признаюсь, однако, что сею послѣднею наградою не былъ я доволенъ. Носивъ 18 лѣтъ Аннинскую ленту,

можно было ожидать Александровской... Благодарность князю Кочубею за прочее заградила уста, и я, имѣвъ въ Декабрѣ 1831 года замѣчаніе за пропускъ одной бумаги Канкрина по таможенной части, объявилъ только ему, что, по подачѣ отчета, намѣренъ былъ просить смѣны, что теперь не дѣлаю сего, дабы не показать Государю, что недоволенъ наградою, хотя и не скрываю, что мнѣ обидно, и чтобы Его Сіятельство искалъ въ теченіе года Государственнаго Секретаря, такъ какъ силъ моихъ уже недостаетъ... Дѣло довольно странное: весь Совѣтъ, 40 человѣкъ, не понялъ прямого смысла одной двусмысленной фразы, по коей надбавочная съ 1832 года пошлина обращена и на товары, зазимовавшіе въ таможняхъ, а на мнѣ все обрушилось...» [31]

Не менѣе внимательно относился Императоръ Николай Павловичъ также и къ тѣмъ нареканіямъ на дѣятельность Государственной Канцеляріи, которыя иногда доходили до Него со стороны лицъ, заинтересованныхъ въ томъ или иномъ рѣшеніи какого-нибудь производившагося въ Государственномъ Совѣтѣ тяжебнаго дѣла. Вотъ два такихъ случая, относящихся ко времени управленія Государственною Канцеляріею В. Р. Марченка.

Въ 1825—1827 годахъ въ Сенатѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ разсматривалось дѣло о взыскиваемыхъ флота лейтенантомъ Василіемъ *Клочковымъ* съ брата его, маіора Петра Клочкова, за проданную Департаменту Удѣловъ землю, 15.000 р. Дѣло это, во время производства котораго Петръ Клочковъ умеръ, оставивъ вдову съ дѣтьми, было рѣшено Государственнымъ Совѣтомъ не въ пользу Василія. Послѣдній, получивъ отказъ въ своемъ искѣ, въ Ноябрѣ и Декабрѣ 1827 года подалъ, одно за другимъ, три всеподданнѣйшихъ прошенія, обвиняя Статсъ-Секретаря Гражданскаго Департамента Слободского въ томъ, что онъ съ корыстною цѣлью неправильно составилъ докладъ по дѣлу и ввелъ Государственный Совѣтъ въ заблужденіе. Жалобы были написаны въ очень сильныхъ выраженіяхъ. «Г. тайный

совѣтникъ Слободской», говорилось, напримѣръ, въ одной изъ нихъ, «обманувъ Совѣтъ и сдѣлавшись законодателемъ, презрѣлъ законы, истребилъ и самыя государственныя постановленія и изъ корыстныхъ видовъ отъ невѣстки моей, маіорши Клочковой, добровольно осудилъ себя на смертную казнь, по закону Петра Великаго положенную тому, кто въ запискѣ дѣла прибавитъ что-нибудь, чего нѣтъ въ дѣлѣ... Умоляю Васъ, Августѣйшій Монархъ, предать меня и Слободского строжайшему суду и позволить мнѣ въ присутствіи Вашемъ имѣть очныя ставки съ нимъ, и для того истребовать дѣло, въ которомъ укажу я мѣста, гдѣ онъ похитилъ власть Самодержавнаго и испровергнулъ всѣ священныя постановленія Государства», и т. д.

Коммисія Прошеній, разсмотрѣвъ эти жалобы, заключила: «за рѣшеніемъ дѣла сего Государственнымъ Совѣтомъ, оставить прошенія Клочкова безъ уваженія, а о дерзостяхъ его довести до Высочайшаго свѣдѣнія». Но Государь вытребовалъ дѣло къ Себѣ, и 6 Февраля 1828 года графомъ Кочубеемъ было объявлено Государственному Совѣту Высочайшее повелѣніе «снова войти въ разсмотрѣніе дѣла сего по подлиннымъ актамъ, изъ Сената внесеннымъ, или кои изъ онаго истребованы быть могутъ, и представить неукоснительно свои по оному заключенія». Къ этому графъ Кочубей прибавилъ, что «Его Величество обратить изволилъ вниманіе Свое на дѣло сіе, дабы, удостовѣрясь въ истинѣ, тѣмъ съ большею справедливостью можно было принять строгія мѣры къ пресѣченію ябеды и къ должному, съ кого слѣдуетъ, взысканію».

Государственный Совѣтъ, вновь подробно разсмотрѣвъ все дѣло, нашелъ жалобы Клочкова неосновательными. На основаніи Высочайше утвержденной 17 Іюня 1828 года меморіи Совѣта послѣдовалъ, 9 Іюля, указъ Сената:

«По строгомъ разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ доносовъ переименованнаго изъ отставныхъ флота лейтенантовъ въ губернскіе секретари Василія Николаева

сына Клочкова, по дѣлу его, двукратно рѣшенному Государственнымъ Совѣтомъ и Высочайше утвержденному, признаны доносы сіи ложными и дерзновенными, и поелику самъ онъ просилъ Государя Императора, чтобы наказать его, буде окажется виновнымъ, какъ преступника, не заслуживающаго никакого вниманія, не въ примѣръ другимъ, то и преданъ онъ суду. О чемъ, по Высочайшему повелѣнію, и публикуется повсемѣстно, для обузданія дерзости и клеветы».

Слободской, въ награду за понесенную имъ обиду, былъ назначенъ, полгода спустя, Членомъ Коммисіи Прошеній.

Аналогичное дѣло возникло въ 1832 году по жалобѣ отставного генералъ-маіора Пантелеймона *Бенардоса*, у котораго была безконечная, начавшаяся еще при его дѣдѣ, за 124 года передъ тѣмъ, запутанная многосложными обстоятельствами, противорѣчивыми документами и огромнымъ производствомъ, тяжба съ волынскимъ помѣщикомъ Млодецкимъ, будто бы завладѣвшимъ насильственно отнятымъ у предковъ жены Бенардоса имѣніемъ. Высочайше утвержденнымъ 1 Мая 1828 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта Бенардосу было отказано въ его искѣ. Всеподданнѣйшимъ прошеніемъ онъ ходатайствовалъ объ учрежденіи особой коммисіи для новаго разсмотрѣнія дѣла, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Михаила Павловича. Согласно заключенію Коммисіи Прошеній, жалоба его была оставлена безъ послѣдствій, и Высочайше повелѣно объявить ему, съ подпискою, чтобы впредь не утруждалъ Его Величество ходатайствами по этому дѣлу. Вслѣдъ за тѣмъ, однако, Бенардосъ снова подалъ прошеніе о пересмотрѣ дѣла Министрами Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ. При этомъ онъ жаловался не на Государственный Совѣтъ, а на Государственную Канцелярію, которая, по его словамъ, неправильно изложила все дѣло, произвольно перетолковала многіе важные документы, упустила изъ виду не только нѣкоторые другіе еще документы, но и самые даже законы,

представила ложные документы богатаго его соперника Млодецкаго древними королевскими грамотами, словомъ,— «поддержала одни подлоги другими». «Правота моя»,— писалъ Бенардосъ,—«возсіяла бы подобно солнцу, но Государственная Канцелярія навела на него мрачныя облака и затмила самое величественное свѣтило,—свѣтило истины!»

По Высочайшему повелѣнію прошеніе Бенардоса было внесено изъ Коммисіи Прошеній въ Комитетъ Министровъ, а оттуда передано въ Государственный Совѣтъ, который снова пересмотрѣлъ все дѣло по подлинному производству. «Признавая жалобу Бенардоса не дѣльною и заключающійся въ оной извѣтъ на Государственную Канцелярію во всѣхъ частяхъ ложнымъ и ябедническимъ, Государственный Совѣтъ, въ Общемъ Собраніи, положилъ: что за таковой ложный поступокъ его, за нарушеніе подписки, данной имъ по Высочайшему повелѣнію, и за употребленіе въ жалобѣ своей дерзкихъ и оскорбительныхъ выраженій надлежало бы предать его суду, для поступленія съ нимъ по всей строгости существующихъ на таковые случаи законовъ; но, по уваженію преклонности лѣтъ его и полученныхъ имъ на войнѣ противъ непріятеля ранъ, повергнувъ участь его, Бенардоса, Монаршему милосердію, испросить ему Всемилостивѣйшее у Его Императорскаго Величества прощеніе. А дабы онъ, повинуясь Высочайше утвержденному въ 1828 году рѣшенію по настоящему дѣлу, не осмѣливался впредь утруждать Его Величество жалобами своими по сему предмету, обязать его, Бенардоса, чрезъ С.-Петербургскаго Военнаго Губернатора, рѣшительною подпискою, съ тѣмъ, что если и послѣ сего дерзнетъ нарушить оную, тогда, съ высылкою изъ столицы, судить уже его, какъ ябедника и преслушника Высочайшей воли».

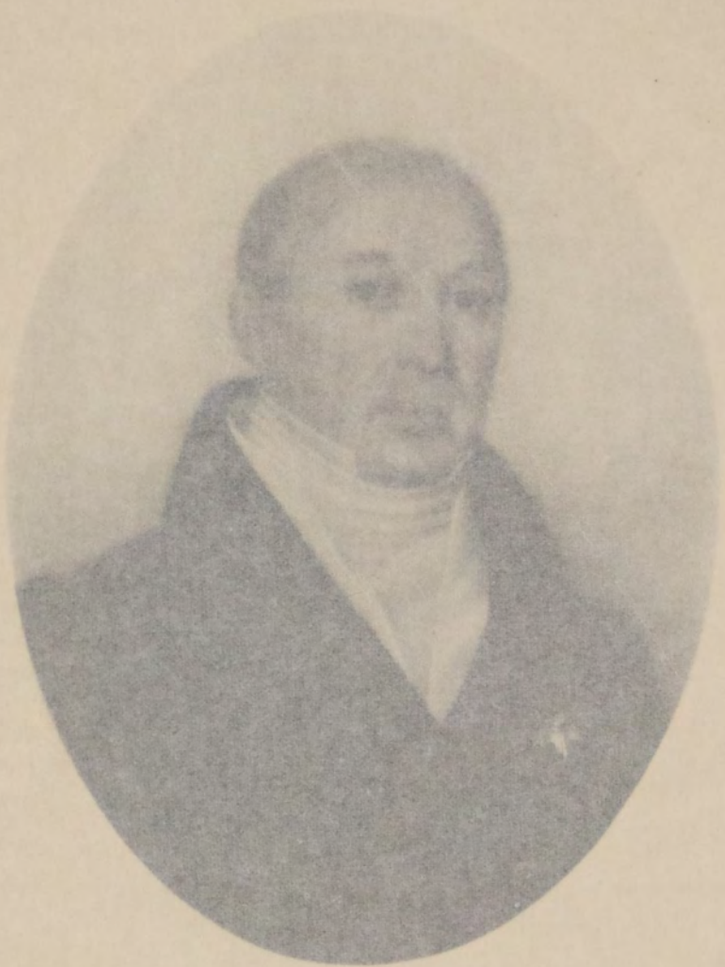
Утверждая это заключеніе Государственнаго Совѣта, Императоръ Николай Павловичъ Высочайше повелѣть соизволилъ: «объявить Государственной Канцеляріи, что Его Императорское Величество съ удовольствіемъ удостовѣрился

въ надлежащемъ исполненіи оною обязанностей ея по дѣлу сему, и что Его Величество остается убѣжденнымъ, что Государственная Канцелярія и впредь, руководствуясь строгими и всякаго пристрастія чуждыми правилами въ отправленіи дѣлъ, на нее возлагаемыхъ, не преминетъ заслуживать Монаршее Его Величества благоволеніе».

Но и независимо отъ дѣлъ, доходившихъ до Высочайшаго свѣдѣнія, Предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Государственный Секретарь всегда заботливо оберегали достоинство Совѣта и Канцеляріи.

Въ 1829 году, по поводу переписки, происходившей еще въ 1819—1822 годахъ, Вольскаго купца Расторгуева съ его повѣреннымъ Блиновымъ, С.-Петербургскій Гражданскій Губернаторъ Храповицкій, по просьбѣ Уголовной Палаты, въ которой производилось дѣло объ этой перепискѣ, запросилъ Государственнаго Секретаря, находились ли въ Государственной Канцеляріи дѣла «Шуранское» и «почтовое», по которымъ ходатайствовалъ Блиновъ, и кѣмъ именно изъ чиновниковъ Канцеляріи эти дѣла производились, такъ какъ въ письмахъ Блинова есть указанія на то, что онъ давалъ чиновникамъ взятки. На этотъ запросъ В. Р. Марченко отвѣчалъ, что въ 1821 году въ Государственномъ Совѣтѣ было дѣло объ отдачѣ въ Пермской губерніи почтосодержателями Расторгуевымъ и Толстиковымъ исправленія почтовой гоньбы другимъ лицамъ; что касается «Шуранскаго» дѣла, то такого, по справкамъ, въ архивѣ не оказалось.

«Что принадлежитъ до вопроса, кто изъ чиновниковъ сей Канцеляріи производилъ означенныя дѣла»,—писалъ В. Р. Марченко,—«то я, бывъ такого мнѣнія, что въ порядкѣ законномъ можетъ Уголовная Палата дѣлать подобные вопросы только по явному подозрѣнію, имѣя въ рукахъ у себя несомнѣнные акты,—покорно прошу Ваше Превосходительство разсмотрѣть существо и достоинство ихъ, и по сему уже уваженію сообщить мнѣ, какое и отъ кого именно изъ чиновниковъ нужно ей свѣдѣніе, ибо, во-первыхъ, если

В. Р. Марченко.

въ надлежащемъ исполненіи оною обязанностей ея по дѣлу сему, и что Его Величество остается убѣжденнымъ, что Государственная Канцелярія и впредь, руководствуясь строгими и всякаго христіанскаго чуждыми правилами въ отправленіи дѣлъ, на нее возлагаемыхъ, не преминетъ заслуживать Монаршее Его Величества благоволеніе».

Но и независимо отъ дѣлъ, доходившихъ до Высочайшаго свѣдѣнія, Президентъ Государственнаго Совѣта и Государственный Секретарь всегда заботливо оберегали достоинство Совѣта и Канцеляріи.

Въ 1829 году, по поводу переписки, происходившей еще въ 1819—1822 годахъ, Вольскаго купца Расторгуева съ его поверенными Блиновымъ, С.-Петербургскій Гражданскій Губернаторъ Хрюминскій, по просьбѣ Уголовной Палаты, по которой производилось дѣло объ этой перепискѣ, обратился къ Государственному Секретаря, находились ли въ Государственной Канцеляріи дѣла «Шуранское» и «почтовое», по которымъ ходатайствовалъ Блиновъ, и кѣмъ именно изъ чиновниковъ Канцеляріи эти дѣла производились, такъ какъ въ показаніяхъ Блинова есть указанія на то, что онъ давалъ чиновникамъ взятки. На этотъ запросъ В. Р. Марченко отвѣчалъ, что въ 1821 году въ Государственномъ Совѣтѣ было дѣло объ отдачѣ въ Пермской губерніи почтовой конторы Расторгуевымъ и Толстиковымъ исправленія должности, коей прежде были другимъ лицамъ; что касается «Шуранскаго» дѣла, то такого, по справкамъ, въ архивѣ не оказалось. «Что же принадлежитъ до вопроса, кто изъ чиновниковъ Канцеляріи производилъ означенныя дѣла»,—писалъ В. Р. Марченко,—«то я, бывъ такого мнѣнія, что въ порядкѣ правильномъ имѣетъ Уголовная Палата дѣлать подобные вопросы только по явному подозрѣнію, имѣя въ рукахъ у себя достаточные акты,—покорно прошу Ваше Превосходительство разсмотрѣть существо и достоинство ихъ, и по томъ оное сообщить мнѣ, какое и отъ кого именно изъ чиновниковъ нужно ей свѣдѣніе, ибо, во-первыхъ, если

В. Р. Марченко.

бы и призналъ я себя въ возможности исполнить настоящее требованіе Палаты, не опасаясь тѣмъ оскорбить честь чиновниковъ, то не вижу, какая польза будетъ изъ того, что въ уголовномъ дѣлѣ помѣститъ Палата имя чиновника, производившаго дѣло, когда онъ не помраченъ извѣтомъ; при извѣтѣ же другой и вопросъ съ ея стороны долженъ быть. Во-вторыхъ, Государственная Канцелярія состоитъ изъ разныхъ лицъ, начиная съ Государственнаго Секретаря, и потому теперешнее глухое требованіе Уголовной Палаты неумѣстно. Въ-третьихъ, если бы, сверхъ ожиданія, кто-либо изъ чиновниковъ Государственной Канцеляріи навлекъ на себя подозрѣніе по производству дѣла въ Палатѣ, то, получа свѣдѣніе о томъ, я долженъ буду предварительно всеподданнѣйше донести о томъ Его Императорскому Величеству».

Во время управленія Государственною Канцеляріею В. Р. Марченка въ устройствѣ Государственнаго Совѣта послѣдовали нѣкоторыя измѣненія.

Одно изъ этихъ измѣненій касалось круга дѣятельности Департамента Военныхъ Дѣлъ.

Собственноручная записка Императора Николая Павловича, намѣтившая, въ общихъ чертахъ, устройство военнаго управленія на новыхъ началахъ, послужила графу Чернышеву и его ближайшему сотруднику М. М. Брискорну руководящимъ указаніемъ при разработкѣ проекта образованія Военнаго Совѣта, который предположено было учредить согласно Высочайше утвержденному 1 Мая 1832 года проекту образованія Военнаго Министерства.

Въ числѣ дѣлъ, подлежавшихъ, согласно этому проекту, разсмотрѣнію Военнаго Совѣта, находились, между прочимъ, «дѣла и предположенія, требующія изданія новаго учрежденія или важныхъ перемѣнъ въ различныхъ частяхъ

управленія, а также случаи, требующіе дополненія законовъ и учрежденій, поясненія оныхъ или отмѣны и исправленія». Всѣ этого рода дѣла входили въ кругъ вѣдѣнія Департамента Военныхъ Дѣлъ. Поэтому при чтеніи проекта Императоръ сдѣлалъ отмѣтку: «Полагаю по прежнему въ Военный Департаментъ Государственнаго Совѣта». Но князь Чернышевъ, по опыту знавшій все неудобство проведенія дѣлъ черезъ Государственный Совѣтъ и стремившійся къ изъятію изъ вѣдѣнія послѣдняго всѣхъ спеціально военныхъ дѣлъ, убѣдилъ Государя оставить разсматриваемую статью проекта безъ измѣненія.

Съ этихъ поръ въ Военный Департаментъ стало поступать съ каждымъ годомъ все меньше и меньше дѣлъ. Князь Чернышевъ, укрѣпляясь въ расположеніи и довѣріи Государя, поставилъ Военный Совѣтъ на такой высотѣ, что заключенія его вносились Министромъ непосредственно на Высочайшее утвержденіе. Начальникъ Главнаго Морского Штаба, князь Меншиковъ, соревнуя Чернышеву, поставилъ на такомъ же основаніи Адмиралтействъ-Совѣтъ. Въ Военный же Департаментъ Государственнаго Совѣта стали вноситься только такія дѣла, которыя были въ соприкосновеніи съ гражданскою частью, или такія предположенія, которыя Государь, не удостоивъ утвержденія, повелѣвалъ разсматривать въ Государственномъ Совѣтѣ. Это послѣднее бывало только въ особенно важныхъ случаяхъ.

Такимъ образомъ, дѣятельность Военнаго Департамента была, въ сущности, сведена къ самымъ ничтожнымъ размѣрамъ, и Департаментъ этотъ обреченъ на вымираніе.

Съ другой стороны, въ составѣ Государственнаго Совѣта возникъ, сверхъ существовавшихъ съ 1810 года четырехъ Департаментовъ, еще новый, пятый.

Въ Высочайшей грамотѣ Царству Польскому, данной 14 Февраля 1832 года, было, между прочимъ, постановлено, что «дѣла законодательства и другія особенной важности предположенія по Царству Польскому, о коихъ Императоръ-

ское Величество признаетъ, что они, по свойству своему, должны быть предварительно и тщательно соображены съ существующими въ другихъ частяхъ Имперіи постановленіями и общими оной пользами, а равно и годовыя смѣты, предоставляемыя Совѣтомъ Царства на Высочайшее утвержденіе, вносятся въ Россійскій Государственный Совѣтъ».

Для этого рода дѣлъ въ составѣ Государственнаго Совѣта былъ тогда же образованъ особый Департаментъ, наименованный Департаментомъ Дѣлъ Царства Польскаго. На основаніи правилъ, преподанныхъ новому Департаменту, его дѣлопроизводствомъ долженъ былъ завѣдывать одинъ изъ Членовъ Государственнаго Совѣта, безъ всякаго участія Государственнаго Секретаря. Эти обязанности были возложены при учрежденіи Департамента на Члена Государственнаго Совѣта *Ѳ. И. Энгеля*. Но уже 20 Марта 1837 года, по смерти Энгеля, состоялось Высочайшее повелѣніе: «всѣ дѣла и чиновниковъ Департамента Дѣлъ Царства Польскаго ввести въ общее устройство прочихъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта, подчинивъ ихъ вліянію и надзору Государственнаго Секретаря». Первымъ по времени Статсъ-Секретаремъ этого новаго Департамента былъ назначенный 23 Марта 1837 года Андрей Логиновичъ *Гофманъ*. На содержаніе Отдѣленія дѣлъ Царства Польскаго отпускались особыя суммы изъ средствъ Польскаго казначейства (24.500 р. ассигн. и 800 р. сер.). Заключенія Департамента должны были подноситься на Высочайшее усмотрѣніе *въ подлинныхъ журналахъ*, не поступавшихъ въ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта. Этотъ особый порядокъ вызывался, можетъ быть, особою важностью дѣлъ названнаго Департамента для судьбы Польскаго края послѣ тревожныхъ въ немъ событій 1832—1833 годовъ. Впрочемъ, въ началѣ 40-хъ годовъ подлинные журналы по дѣламъ Царства Польскаго были замѣнены, по общему образцу, меморіями, и дѣла Департамента, въ подлежащихъ случаяхъ,

стали, по общему порядку, поступать на разсмотрѣніе Общаго Собранія.

Заботясь о скорѣйшемъ исполненіи поступавшихъ въ Государственную Канцелярію многочисленныхъ дѣлъ, В. Р. Марченко не могъ не обратить особаго вниманія на обнаруживавшіяся довольно часто затрудненія въ замѣщеніи вакансій не только на высшія, но и на низшія должности. Одну изъ причинъ этихъ затрудненій онъ видѣлъ въ самомъ распредѣленіи должностей по штату 1825 года, по которому въ Канцеляріи было положено 11 писцовъ, 9 протоколистовъ и только 3 младшихъ письмоводителя; такимъ образомъ, 20 чиновниковъ, занимавшихъ низшія мѣста, могли разсчитывать только на три мѣста высшихъ. «Понятно», писалъ Марченко, «что молодой человѣкъ, сдѣлавъ въ два-три года навыкъ и не видя для себя дороги, переходитъ изъ Государственной Канцеляріи въ другое мѣсто». Для устраненія этого неудобства онъ призналъ необходимымъ измѣнить штатъ Канцеляріи такимъ образомъ, чтобы, не увеличивая ни числа чиновниковъ, ни суммы, назначенной на ихъ содержаніе, установить лишь нѣсколько иное соотношеніе должностей. При этомъ Государственный Секретарь призналъ нужнымъ измѣнить и наименованія нѣкоторыхъ изъ нихъ. По его проекту, число Помощниковъ Статсъ-Секретарей съ 11 было уменьшено до 7, а число экспедиторовъ увеличено съ 5 до 8, причемъ экспедиторы переименованы въ *столоначальниковъ*; письмоводители названы помощниками столоначальниковъ старшими и младшими; и тѣхъ, и другихъ положено по 5; должности протоколистовъ упразднены, а вмѣсто нихъ назначено 5 журналистовъ съ содержаніемъ по 1.400 р. асс. и 5 ихъ помощниковъ съ содержаніемъ по 1.200 р.; наконецъ, вмѣсто 11 писцовъ назначено 5 актуаріусовъ. Этотъ штатъ и получилъ Высочайшее утвержденіе 17 Января 1833 года. Въ примѣчаніи къ штату было постановлено, что Помощники Статсъ-Секретаря опредѣляются и увольняются Высочайшими ука-

зами, столоначальники — съ Высочайшаго дозволенія, а опредѣленіе и увольненіе всѣхъ прочихъ чиновниковъ Канцеляріи зависитъ отъ Государственнаго Секретаря. Этимъ постановленіемъ была значительно расширена власть Государственнаго Секретаря въ отношеніи къ его подчиненнымъ, и низшіе чины Государственной Канцеляріи были лишены той привилегіи, какою пользовались ранѣе, когда ихъ назначенія и увольненія производились Высочайшими повелѣніями, по всеподданнѣйшимъ докладамъ Государственнаго Секретаря.

Что касается высшихъ чиновъ, особенно — Статсъ-Секретарей, то въ ихъ выборѣ В. Р. Марченко, повидимому, не считалъ для себя удобнымъ дѣйствовать самостоятельно и предоставлялъ рѣшеніе вопроса о назначеніи на эти должности Предсѣдателю Государственнаго Совѣта. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что хотя по учрежденію Государственнаго Совѣта и были установлены должности Статсъ-Секретарей Совѣта, независимыя отъ званія Статсъ-Секретарей Его Императорскаго Величества, но на практикѣ въ этомъ отношеніи замѣчалось нѣкоторое смѣшеніе понятій, происшедшее, конечно, отъ того, что всѣ первые Статсъ-Секретари Государственнаго Совѣта — Магницкій, князь Гагаринъ, Оленинъ, Марченко, Энгель — были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и Статсъ-Секретарями Его Величества. Поэтому позднѣе, когда Статсъ-Секретарскія мѣста стали занимать лица, не носившія этого почетнаго званія, они назначались только *исправляющими должность* Статсъ-Секретарей и по своему служебному положенію и рангу были приравнены къ Директорамъ министерскихъ Департаментовъ. Можетъ быть, это обстоятельство было, отчасти, причиною нѣкоторыхъ затрудненій въ замѣщеніи этихъ должностей. По крайней мѣрѣ, въ Августѣ 1833 года графъ Кочубей докладывалъ Государю, что онъ «долгое время занимался пріисканіемъ чиновниковъ для поступленія въ должности Статсъ-Секретарей Департаментовъ Законовъ и Государственной Экономіи», и даже совѣтовался съ Начальникомъ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Вели-

чества Канцеляріи Балугьянскимъ, который и рекомендовалъ ему одного кандидата, но не петербургскаго, а провинціальнаго, именно—Тульскаго Гражданскаго Губернатора *Гевлича*. Государь приказалъ «отложить назначеніе г. Гевлича до времени, а именно когда Его Величество, будучи осенью въ Тулѣ, Лично удостовѣрится о образѣ управленія имъ губерніи и о томъ, можно ли безъ неудобства его изъ Тулы взять». Осенью того же года Гевличъ дѣйствительно былъ назначенъ исправляющимъ должность Статсъ-Секретаря Департамента Законовъ, но оставался на этомъ мѣстѣ только полтора года и затѣмъ опять перешелъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ—Оренбургскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ.

Наряду съ заботами о личномъ составѣ Государственной Канцеляріи, В. Р. Марченко старался, по возможности, облегчать дѣлопроизводство, особенно—въ отношеніи тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ, вызывавшихъ, какъ уже сказано было выше, со стороны еще Оленина жалобы на неправильную ихъ постановку Министерствомъ Юстиціи. Теперь Министръ Юстиціи жаловался, что его не приглашаютъ въ засѣданія Гражданскаго Департамента, въ которыхъ разсматриваются разногласія между нимъ и Сенатомъ, и не сообщаютъ ему заключеній Департамента, ознакомившись съ которыми онъ могъ бы защищать свое мнѣніе въ Общемъ Собраніи Совѣта. В. Р. Марченко въ докладной запискѣ, представленной Предсѣдателю Государственнаго Совѣта, возражалъ, что въ такомъ случаѣ слѣдовало бы также приглашать для объясненій и Сенаторовъ, чего, однако, не дѣлается. «Журналы въ Департаментѣ составляются изъ краткихъ сенатскихъ записокъ; но какъ онѣ бываютъ иногда недостаточны, то дополняются и изъ подлинныхъ дѣлъ, поелику Департаментъ не только выслушиваетъ подробныя записки, но часто обращается и къ подлиннымъ производствамъ для обозрѣнія актовъ. Конечно, изложеніе дѣла въ сихъ журналахъ сокращается отсѣченіемъ излишнихъ повтореній и обстоятельствъ

постороннихъ; но тщательно соблюдается, чтобы предметъ дѣла, возраженія и доказательства обѣихъ сторонъ изложены были ясно; мнѣнія же Сенаторовъ и Министра Юстиціи, во избѣжаніе всякаго пререканія, помѣщаются вполнѣ,—хотя и утомляютъ слушателей отъ повторенія обстоятельствъ въ доводахъ. Всѣ Гг. Члены Совѣта довольствуются журналами и вникаютъ въ дѣло столько, что по выслушаніи журнала рѣшаютъ оное или тотчасъ, или по истребованіи нужныхъ объясненій, которыя въ то же время представляются Государственнымъ Секретаремъ. Въ теченіе 20 лѣтъ шесть Министровъ Юстиціи и Управлявшихъ симъ Министерствомъ равномѣрно не находили затрудненія въ формахъ, по Государственному Совѣту существующихъ.

«При составленіи меморій изложеніе дѣла еще болѣе сокращается, но не было примѣра съ 1827 года, чтобы Государь Императоръ изволилъ остановиться рѣшеніемъ по неясности изложенія.

«Разсылать журналы Департаментовъ къ Гг. Министрамъ, для предварительнаго чтенія, совершенно невозможно, потому: 1) что они составляютъ единственный актъ по формамъ Совѣта и могутъ затеряться не только у Министра, но и въ пересылкѣ; по уваженію чего Государь Императоръ 4 Апрѣля 1826 года воспретилъ разсылку для подписи Членовъ по домамъ и журналовъ Общаго Собранія; 2) что симъ нарушится сохраненіе тайны канцелярской, о строгомъ соблюденіи коей Его Императорское Величество подтвердить изволилъ 1 Февраля 1826 года; 3) что въ теченіе шести дней журналы сіи должны быть вытвержены, такъ сказать, наизустъ производителемъ дѣла и Государственнымъ Секретаремъ и прочитаны Г. Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, среди другихъ ихъ занятій—слѣдовательно не вдругъ, а какъ позволитъ время; наконецъ, 4) потому, что съ дарованіемъ новаго права одному Министру, потребуютъ онаго и прочіе. Можно представить себѣ затрудненія и Г. Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, и дѣлопроизводителей, когда Министры,

приготовясь съ возраженіями дома, для поддержанія своихъ мнѣній, станутъ приводить въ Общемъ Собраніи обстоятельства, вышедшія изъ памяти дѣлопроизводителей или не бывшія и въ виду Департамента, ибо Министръ Юстиціи не скрываетъ, что онъ не всѣ доводы приводитъ въ предположеніяхъ своихъ, возражая на мнѣнія Сенаторовъ.

«Лучшее средство къ отвращенію опасенія на счетъ неправильнаго доклада дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ есть обращеніе оныхъ въ Министерствѣ Юстиціи къ прежнему порядку, измѣненному княземъ Лобановымъ въ отношеніи Совѣта, но остающемуся донынѣ неизмѣненнымъ въ отношеніи Комитета Министровъ, т. е. чтобы, не присылая ни тюковъ съ дѣлами, ни огромныхъ сенатскихъ записокъ, представлялъ Министръ Юстиціи, подобно всѣмъ другимъ Министрамъ, записки за своимъ подписаніемъ, какъ дѣлали сіе предмѣстники его Дмитріевъ и Трощинскій, ибо записки сіи замѣняютъ личный докладъ Министра Государю и всегда составляли непосредственно работу Канцеляріи Генералъ-Прокурора, а послѣ Департамента Министра».

Вопросъ этотъ, составлявшій больное мѣсто тогдашняго дѣлопроизводства, былъ разрѣшенъ удовлетворительно только при преемникѣ В. Р. Марченка.

Однимъ изъ ближайшихъ и самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ В. Р. Марченка въ Государственной Канцеляріи былъ Помощникъ Статсъ-Секретаря Боровковъ, оставившій любопытныя воспоминанія о своей жизни и службѣ, живо рисующія служебные нравы и порядки того времени.[32] Замѣчательная личность Боровкова заслуживаетъ того, чтобы остановиться на ней нѣсколько подробнѣе.

Александръ Дмитріевичъ *Боровковъ* родился въ 1788 году и происходилъ изъ купеческаго званія. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ онъ поступилъ въ 6-й Депар-

таментъ Московскаго Отдѣленія Сената; затѣмъ, въ 1811 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ Министерство Полиціи, а въ началѣ 1812 года—въ Департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ.

Въ свободное отъ службы время Боровковъ занимался литературою и, будучи еще ученикомъ университетской гимназіи, а потомъ—студентомъ, печаталъ свои мелкія прозаическія и стихотворныя сочиненія и переводы въ тогдашнихъ журналахъ. Въ 1807 году издано было отдѣльной книжкой, въ его переводѣ, «Начертаніе Россійской исторіи» Вегелина. Въ 1815 году, состоя на службѣ въ Департаментѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, онъ перевелъ съ англійскаго «Четыре опыта по практической механикѣ» Томаса Фенвика.

Въ 1816 году Боровковъ собралъ вокругъ себя молодыхъ литераторовъ и основалъ, вмѣстѣ съ ними, въ Петербургѣ «Общество любителей россійской словесности», уставъ котораго, имъ же написанный, былъ Высочайше утвержденъ въ 1817 году. Впослѣдствіи въ этомъ обществѣ участвовали всѣ извѣстные литераторы и многіе ученые того времени. Обществомъ было предпринято изданіе ежемѣсячнаго журнала, подъ названіемъ «Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія», первымъ редакторомъ котораго былъ Боровковъ, помѣщавшій въ этомъ журналѣ свои произведенія въ стихахъ и прозѣ. Молодой въ ту пору Пушкинъ также напечаталъ въ этомъ журналѣ нѣсколько своихъ стихотвореній. Вся прибыль отъ этого изданія назначалась на пособія нуждающимся ученымъ. Кромѣ того, Боровковъ издалъ, отдѣльными брошюрами, переводъ нѣсколькихъ отрывковъ изъ извѣстнаго сочиненія г-жи Сталь «О Германіи», а въ 1822 году напечаталъ переводъ «Завѣщанія дочерямъ» извѣстнаго англійскаго доктора Григори.

Постепенно разроставшіяся служебныя работы отвлекли Боровкова отъ литературныхъ занятій, и его желаніе создать въ этой области что-нибудь заслуживающее вниманія

осталось неисполненнымъ. Отдавшись исключительно службѣ, онъ сталъ проводить часы досуга въ масонской ложѣ «Избраннаго Михаила», въ которой былъ одно время правителемъ дѣлъ.

Въ Январѣ 1822 года Боровковъ былъ переведенъ въ коммисаріатское вѣдомство, гдѣ скоро обратилъ на себя вниманіе генералъ-кригсъ-коммисара Татищева. Съ назначеніемъ послѣдняго Военнымъ Министромъ, Александръ Дмитріевичъ, пожалованный въ военные совѣтники, былъ, въ Маѣ 1825 года, назначенъ состоять при Военномъ Министрѣ для особыхъ порученій.

А. Д. Боровковъ.

Печальныя событія 14 Декабря 1825 года въ Петербургѣ призвали Боровкова къ новой дѣятельности: ему было поручено составить проектъ образованія Слѣдственной Коммисіи, назначенной для изысканія о существованіи злоумышленнаго общества. Написанный имъ въ руководство Коммисіи Высочайшій указъ заслужилъ одобреніе Императора, и Боровковъ былъ назначенъ правителемъ дѣлъ Коммисіи. Здѣсь открылось для его дѣятельности обширное поприще; онъ работалъ съ самоотверженіемъ, неутомимостью, крайнею осторожностью и полнѣйшимъ безпристрастіемъ. Наградою ему были: чинъ статскаго совѣтника и званіе Помощника Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта, съ содержаніемъ, производимымъ ему въ видѣ пенсіи, такъ какъ онъ былъ оставленъ и въ прежней своей должности.

Въ то самое время, когда работы Коммисіи были еще въ полномъ ходу, на Боровкова, въ 1826 году, было возложено еще и управленіе Канцеляріею Военнаго Министра. Новый

Военный Министръ, князь Чернышевъ, назначилъ его въ 1827 году предсѣдателемъ Особаго Комитета для переработки Свода военныхъ постановленій. Въ концѣ того же года Боровкову было Высочайше повелѣно, сверхъ занятій по Военному Министерству, работать также и въ Государственномъ Совѣтѣ, по Военному Департаменту. Здѣсь часто возлагались на него разныя порученія; иногда ему приходилось являться докладчикомъ также и по дѣламъ Департаментовъ Законовъ, Экономіи и Гражданскаго и по особымъ Комитетамъ.

Лѣтомъ 1828 года, Императоръ Николай Павловичъ, отправляясь въ Турецкій походъ, составилъ Особый Комитетъ, уполномоченный по военнымъ дѣламъ рѣшать все Высочайшею властью, не представляя предварительно на утвержденіе Его Величества. Предсѣдателемъ этого Комитета былъ назначенъ графъ П. А. Толстой, членами — графъ Опперманъ, графъ Голенищевъ-Кутузовъ и генералъ-отъ-инфантеріи Сукинъ, а дѣлопроизводство возложено на Боровкова.

«Графъ Толстой»,—разсказываетъ Боровковъ въ своихъ запискахъ,—«честный, прямой, добрый, но до крайности безпечный и гордый, олицетворенный русскій баринъ, не любилъ углубляться въ дѣла; члены, занятые управленіемъ ввѣренныхъ имъ частей, не имѣли досуга вникать во всѣ подробности моихъ докладовъ, и такимъ образомъ рѣшенія большею частью зависѣли отъ меня. Вверху это было извѣстно. Вотъ примѣръ: однажды князь Кочубей призвалъ меня и просилъ защитить капитанъ-лейтенанта Домогацкаго, сужденнаго за то, что посадилъ на мель фрегатъ, отправленный въ Ревель съ экипажемъ Кочубея. Князь съ чувствомъ сказалъ:

— Мнѣ было бы непріятно, если бы кто пострадалъ изъ-за меня. Когда бы Государь былъ здѣсь, я лично бы умолялъ Его о помилованіи.

— Употреблю всѣ мои силы,—скромно отвѣчалъ я,—сдѣлать угодное вашему сіятельству; но рѣшеніе зависитъ отъ графа Петра Александровича.

«На устахъ князя мелькнула улыбка. Конечно, такой вѣсъ лестенъ былъ для моего самолюбія; но онъ ставилъ меня въ затруднительное столкновеніе съ княземъ А. И. Чернышевымъ, который управлялъ тогда Военнымъ Министерствомъ и при которомъ состоялъ я по особымъ порученіямъ. Если Комитетъ не утверждалъ какого-либо его представленія, то онъ относилъ это ко мнѣ и сѣтовалъ на меня. Послѣдствіемъ было то, что Государь, по возвращеніи изъ арміи, остался доволенъ всѣми разрѣшеніями Комитета, объявившаго 498 Высочайшихъ повелѣній; но ни я, ни сотрудники мои не награждены, хотя труда было очень много, потому что при мнѣ работали только два чиновника. Въ Комитетъ такой важности, дѣйствовавшій отъ лица Императора, нельзя было набирать толпы даже для переписки, иначе все сдѣлалось бы гласнымъ. Въ утѣшеніе графъ Толстой сказалъ мнѣ:

— Государь очень доволенъ меморіями, которыя ты посылалъ о нашихъ засѣданіяхъ; это, братъ, высшая награда!»

Въ 1832 году, 2 Апрѣля, образованъ былъ Комитетъ для разсмотрѣнія проекта карантиннаго устава, подъ предсѣдательствомъ графа Строгонова. Членами Комитета назначены были генералы Ермоловъ и Балашовъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Энгель и тайный совѣтникъ Блудовъ, а дѣлопроизводителемъ, по Высочайшему повелѣнію, Боровковъ. Комитетъ собирался во Дворцѣ вечеромъ, почти каждый день.

«Странно мнѣ казалось»,—пишетъ Боровковъ,—«что А. П. Ермоловъ, извѣстный своимъ умомъ, и А. Д. Балашовъ, бывшій Министръ Полиціи и посыланный Императоромъ Александромъ для переговоровъ съ Наполеономъ, предъ вступленіемъ его въ границы Россіи, весьма мало принимали участія въ сужденіяхъ. Напротивъ Блудовъ говорилъ много, общими мѣстами, но ораторство его не доставляло ни одной идеи, которая пригодилась бы для

моей работы. Предсѣдатель графъ Строгоновъ помогъ мнѣ не словами, а средствами: онъ далъ мнѣ много брошюръ о карантинахъ на французскомъ и англійскомъ языкахъ, а Энгель, бывшій докторомъ медицины, просвѣщалъ меня въ моихъ недоумѣніяхъ только у себя на дому, а не въ собраніяхъ Комитета, гдѣ онъ также безмолвствовалъ».

Позднѣе Боровкову пришлось быть докладчикомъ по дѣлу о новомъ положеніи для управленія Войска Донского. Дѣло это Высочайше повелѣно было разсмотрѣть въ Соединенныхъ Департаментахъ Военныхъ дѣлъ, Законовъ и Государственной Экономіи, съ тѣмъ, чтобы заключеніе Департаментовъ, не внося въ Общее Собраніе, представить прямо Государю.

«Здѣсь,—разсказываетъ Боровковъ,—вошелъ я въ столкновеніе съ княземъ Чернышевымъ (Военнымъ Министромъ), потому что проектъ былъ составленъ подъ непосредственнымъ его распоряженіемъ. Всѣ замѣчанія мои я прочитывалъ предварительно моимъ пріятелямъ, Статсъ-Секретарямъ Позену и Брискорну, [33] которые были двѣ руки князя, имѣвшаго къ нимъ полное довѣріе. Они подготовляли князя, онъ выслушивалъ меня благосклонно и соглашался на предлагаемыя мною передѣлки. Такимъ образомъ, я докладывалъ Соединеннымъ Департаментамъ каждую главу уже исправленную, и все шло гладко, безъ запинокъ. Одно только слово не согласился князь измѣнить по моему замѣчанію, и это слово вызвало неудовольствіе Государя. Въ проектѣ было сказано: «Войсковое Донское Правительство»; я хотѣлъ вмѣсто «Правительство» поставить «Правленіе»; но князь не соглашался, доказывая, что казаки примутъ это за нарушеніе ихъ правъ, подумаютъ, что земля Войска Донского обращается въ губернію. Когда положеніе представлено было на Высочайшее утвержденіе, Государь, повидимому, съ неудовольствіемъ подчеркнулъ карандашемъ «Правительство» и написалъ: «Правитель-

ство—Я». Князь Кочубей, отдавая мнѣ положеніе съ этою отмѣткою, сказалъ:

— Какъ это, при вашей осмотрительности, вы пропустили такое слово?

— Есть у насъ, отвѣчалъ я смиренно, Грузинское Верховное Правительство: почему же не быть Донскому?

«Князь улыбнулся: онъ зналъ о моемъ замѣчаніи, о которомъ я сообщилъ графу Сперанскому, чтобы онъ отъ себя высказалъ его въ засѣданіи; но онъ тамъ и не пикнулъ,—вѣроятно, не хотѣлъ входить въ противорѣчіе съ княземъ Чернышевымъ».

Въ 1833 года Боровковъ, исполнявшій обязанности Статсъ-Секретаря, былъ назначенъ предсѣдателемъ Комитета, Высочайше учрежденнаго для повѣрки и переработки Свода военныхъ постановленій.

«Среди утомительныхъ работъ по Своду», разсказываетъ Боровковъ, «на меня возложено было исправленіе должности Государственнаго Секретаря, не слагая обязанности моей и по Военному Департаменту. Признаюсь, тяжко было для меня это назначеніе, тѣмъ болѣе, что кромѣ труда оно вводило меня въ столкновеніе съ Министрами, которые, по принятому обычаю, всякое возраженіе Совѣта на ихъ представленія относятъ къ Государственному Секретарю и сѣтуютъ на него. Мнѣ необходима была подпора свыше; я обратился къ Шефу Жандармовъ, графу А. Ѳ. Орлову, пользовавшемуся благоволеніемъ и довѣренностью Государя. Онъ обѣщалъ меня поддерживать; но, благодареніе Богу, въ теченіе восьмимѣсячнаго исправленія моего должности Государственнаго Секретаря не встрѣтилось въ томъ надобности. Въ случаѣ необходимаго возраженія на представленіе какого либо Министра, я объяснялся съ нимъ предварительно, не пуская дѣла въ докладъ, и такимъ образомъ дѣло улаживалось, и все шло гладко».

Среди прочихъ сотрудниковъ В. Р. Марченка, замѣчательныхъ по своей служебной дѣятельности, выдѣляется

графъ Викторъ Никитичъ *Панинъ* (1801—1874), сынъ извѣстнаго дѣятеля Екатерининской поры. Онъ перешелъ на службу въ Государственную Канцелярію изъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ въ 1831 году, на должность Помощника Статсъ-Секретаря, и, оставаясь въ этой должности, былъ назначенъ, въ 1832 году, исправляющимъ должность Товарища Министра Юстиціи,— случай, единственный въ исторіи Государственной Канцеляріи за все время ея существованія. Помощникомъ Статсъ-Секретаря графъ Панинъ пробылъ послѣ того еще семь лѣтъ слишкомъ, до назначенія своего Управляющимъ Министерствомъ Юстиціи; затѣмъ въ теченіе 21 года безсмѣнно оставался на посту Министра Юстиціи, послѣ чего былъ назначенъ Главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Въ продолженіе всей своей болѣе чѣмъ полувѣковой службы графъ Панинъ, владѣвшій огромнымъ состояніемъ, не получалъ никакого отъ казны содержанія, никакихъ арендъ и денежныхъ наградъ.

Графъ В. Н. Панинъ.

Пробывъ Государственнымъ Секретаремъ семь лѣтъ, В. Р. Марченко почувствовалъ утомленіе отъ своихъ сложныхъ занятій. «Должность Государственнаго Секретаря убивала меня», говоритъ онъ въ своихъ запискахъ: «сидя утро и вечеръ въ кабинетѣ, я не успѣвалъ уже столько дѣлать, какъ прежде; надобно было ожидать упущеній, слѣдовательно—и отвѣтственности. Объ этомъ, при возможномъ

случаѣ, напоминалъ я князю Кочубею—и всегда слышалъ одинъ отзывъ, что ищутъ человѣка на мое мѣсто... Въ началѣ 1834 года князь Кочубей тяжко занемогъ; но, почувствовавъ къ Святой недѣлѣ облегченіе, распорядился онъ кончить при себѣ болѣе важныя дѣла по Совѣту и 10 Мая отправиться изъ Петербурга по своимъ деревнямъ. Когда все было кончено и надлежало поднести только указъ о Предсѣдателѣ и Членахъ, то встрѣтилось затрудненіе: князь Голицынъ и Васильчиковъ отказывались отъ предсѣдательства. Наконецъ, рѣшилъ Государь, чтобы князю Голицыну быть, и Кочубей, отдавая мнѣ проектъ указа, просилъ не включать въ немъ словъ: «до возвращенія Предсѣдателя править его должность» и проч., открываясь, что онъ обезсилѣлъ и, по возвращеніи, не вступитъ въ президентство. Это рѣшило меня дѣйствовать: въ тотъ же день, отсылая указы, приложилъ я записку о себѣ князю Кочубею».

Въ этой запискѣ В. Р. Марченко, между прочимъ, писалъ:

«Взысканный постоянно благосклоннымъ вниманіемъ Вашего Сіятельства къ служенію моему, не могу скрыть, что отъ застѣнчивости много уже потерялъ, и потому не могу молчать долѣе, оставаясь въ совершенномъ на счетъ свой недоумѣніи. Слабѣющее зрѣніе, трясеніе правой руки, битой не одинъ разъ въ походной жизни, словомъ—старость примѣтно одолѣваетъ мною и грозитъ упущеніемъ по должности. Я не привыкъ служить какъ-нибудь, а сорокъ лѣтъ настоящей службы, какую судьба мнѣ всегда давала, утомили до того, что, сидя утро и до полуночи, отказываясь отъ всѣхъ удовольствій свѣта, едва уже успѣваю оканчивать суточную работу для удержанія хода дѣлъ въ должномъ порядкѣ. На ослабленіе физическихъ силъ неоднократно жаловался я Вашему Сіятельству; Вы принимали живое въ томъ участіе, какъ очевидецъ, объявляли Монаршій отзывъ, чтобы я имѣлъ въ виду успокоеніе въ званіи

Члена Совѣта, и затруднялись только пріисканіемъ мнѣ преемника. Клянусь, что милости Государя да Ваше благосклонное вниманіе и нѣжное обхожденіе заставляли забывать себя; но теперь естественно рождается вопросъ: что будетъ, когда Вы оставите Совѣтъ? День ото дня буду я становиться болѣе неспособнымъ для секретарства, въ которомъ, съ разными титулами, провожу тридцать лѣтъ; долженъ слушать за правду грубости отъ молодыхъ Министровъ, людей, едва поступившихъ въ настоящую службу и знающихъ ее по одной теоріи, или сдѣлать, подобно Тургеневу, исторію въ Совѣтѣ; долженъ буду видѣть постоянную потерю уваженія ко мнѣ Гг. Членовъ, пріобрѣтеннаго шестнадцатилѣтнимъ опытомъ правоты моей и искренности; наконецъ, долженъ потерпѣть въ мнѣніи Государя и подать просьбу объ отставкѣ, дабы предупредить изгнаніе изъ службы. Иной конецъ быть не можетъ, ибо Государь Императоръ доволенъ теперь мною и изволитъ знать меня съ хорошей стороны потому только, что хвалите Вы, другой и третій; пойдутъ другія вѣсти, и Его Величество невольно долженъ вѣрить имъ столько же, какъ и прежнимъ. Это неизбѣжный жребій владыкъ земныхъ...

«Надѣюсь, что Вы не откажете мнѣ въ послѣдней усердной просьбѣ—довести все сіе до Высочайшаго свѣдѣнія, сколько для успокоенія меня насчетъ будущности, столько и для того, чтобы въ необходимомъ случаѣ могъ я, въ отсутствіе Ваше, сказать прямо, что два года прошу уже смѣны и, слѣдовательно, не по капризу какому-либо оставляю должность, или вовсе службу».

«На другой день, пріѣхавъ къ князю Кочубею, засталъ я у него князя Голицына, и послѣ разговора о дѣлахъ сказалъ онъ при немъ съ улыбкою: «И записку вашу, Василій Романовичъ, ко мнѣ Государь прочиталъ всю; велѣно сказать вамъ, что никакой непріятности не встрѣтите вы, и ведите себя по-прежнему въ отношеніи къ Министрамъ». Потомъ говорилъ по-французски съ княземъ Голицынымъ и,

наконецъ, обратясь опять ко мнѣ, заключилъ рѣчь тѣмъ, что «мѣсто Члена Совѣта всегда вамъ принадлежитъ, только, ради Бога, останьтесь до осени: авось, мы сыщемъ, кѣмъ замѣнить васъ». Слова сіи были послѣднія для меня; поклонясь въ отвѣтъ на оныя, я благодарилъ за то, что они сказаны при князѣ Голицынѣ, которому и повторилъ цѣль посланія моего.

«Простясь съ княземъ Кочубеемъ, ожидалъ я съ нетерпѣніемъ вакаціоннаго времени, чтобы отдохнуть и запастись силами, по крайней мѣрѣ до Декабря (если опять обманетъ надежда); какъ вдругъ получено извѣстіе о кончинѣ князя Кочубея въ Москвѣ... Мѣсто его заступилъ графъ Новосильцевъ, человѣкъ очень добрый и обворожившій меня своею ласкою. Считая неприличнымъ говорить о себѣ, дабы не поселить съ перваго раза мысли, будто я не хочу служить съ нимъ, мнѣ осталась одна рѣшимость — протянуть еще годъ въ тяжкой работѣ; но Августъ мѣсяцъ все перемѣнилъ. По окончаніи маневровъ, Государь, разсуждая съ Новосильцевымъ о Совѣтѣ, замѣтилъ, что многіе Члены устарѣли и что надобно озаботиться избраніемъ новыхъ, особенно для Департамента Гражданскаго. Предоставя сіе Новосильцеву, Его Величество изволилъ заключить, что у Него есть въ виду одинъ человѣкъ только. Воспользовавшись объясненіемъ Новосильцева, что, по долгому отсутствію изъ Петербурга, почти всѣ теперешнія лица незнакомы ему, я предварилъ его, что надобно думать и о Государственномъ Секретарѣ, ибо я не проченъ, и что Государь знаетъ о томъ, въ чемъ и сослался на князя Голицына. Послѣдующія сужденія привели къ тому, что меня можетъ замѣнить баронъ Корфъ, и я готовъ руководствовать его нѣкоторое время... Такимъ образомъ, неожиданно получилъ я, 6 Декабря 1834 г., званіе Члена Совѣта, съ условіемъ, чтобы кончилъ годъ и подалъ отчеты, ознакомивъ между тѣмъ барона Корфа съ новою должностью. Все это исполнено къ удовольствію Его Величества, кото-

рый самымъ лестнымъ образомъ благодарилъ меня, щедро наградилъ чиновниковъ, мною рекомендованныхъ, а мнѣ пожаловалъ вновь на 12 лѣтъ аренду». [34]

II.

Назначенный 6 Декабря 1834 года «состоящимъ въ должности Государственнаго Секретаря» Статсъ-Секретарь Его Величества дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ (впослѣдствіи — дѣйствительный тайный совѣтникъ и графъ) Модестъ Андреевичъ *Корфъ* (1800—1876), потомокъ бывшаго нѣкогда Президентомъ Императорской Академіи Наукъ барона Іоганна-Альбрехта Корфа, товарищъ Пушкина, Дельвига и князя А. М. Горчакова по Царскосельскому Лицею, по окончаніи курса въ 1817 году поступилъ на службу въ Министерство Юстиціи и затѣмъ былъ откомандированъ для занятій въ Коммисію составленія законовъ. Въ 1823 году, оставаясь на службѣ въ этой Коммисіи, онъ былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія Департамента податей и сборовъ, а съ преобразованіемъ Коммисіи во II Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи занялъ въ этомъ учрежденіи должность старшаго чиновника. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе Сперанскаго, который, по словамъ князя С. Н. Урусова, «былъ первымъ цѣнителемъ счастливыхъ дарованій молодого дѣятеля и печатью своего таланта отмѣтилъ ихъ быстрое и блестящее развитіе». [35] Баронъ Корфъ до такой степени усвоилъ дѣловые пріемы и слогъ Сперанскаго, что послѣдній называлъ его своимъ «золотымъ перомъ». Въ 1830 году, когда въ Канцеляріи Комитета Министровъ обнаружились злоупотребленія, виновникомъ которыхъ оказался Управлявшій въ то время дѣлами Комитета Гежелинскій, В. Р. Марченко получилъ Высочайшее повелѣніе разслѣдовать, дѣйстви-

тельно ли дѣла Комитета находятся въ безпорядкѣ. Это разслѣдованіе было произведено немедленно, въ тотъ же день, и затѣмъ въ Канцелярію Комитета были командированы исправлявшій должность Статсъ-Секретаря Департамента Законовъ *Свиньинъ* и Помощникъ Статсъ-Секретаря *Чичаговъ*, изъ которыхъ на перваго была возложена обязанность управлять дѣлами Комитета. Въ это время Сперанскій указалъ Государю на барона Корфа, которому и было поручено окончить дѣла, оставшіяся не доложенными и не исполненными послѣ Гежелинскаго. Баронъ Корфъ очень скоро привелъ все въ порядокъ и былъ назначенъ Управляющимъ дѣлами Комитета, а вслѣдъ затѣмъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Помимо прямыхъ своихъ обязанностей по Комитету Министровъ и II Отдѣленію, онъ занимался, въ качествѣ дѣлопроизводителя, во многихъ особыхъ Комитетахъ, разновременно учреждавшихся для обсужденія различныхъ государственныхъ дѣлъ, какъ, напримѣръ, въ 1831 году—въ Комитетѣ для разсмотрѣнія предположеній, относящихся до губерній, отъ Польши возвращенныхъ, въ 1832 году—въ особомъ секретномъ Комитетѣ подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, въ Комитетахъ по дѣламъ Царства Польскаго, объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ и пр. Кромѣ того, въ 1832 году барономъ Корфомъ былъ составленъ изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ различныхъ Министровъ и Главноуправляющихъ, а также по другимъ оффиціальнымъ даннымъ, общій отчетъ по Имперіи за 1831 годъ, поднесенный имъ Государю. Въ Мартѣ 1834 года барону Корфу было пожаловано званіе Статсъ-Секретаря Его Императорскаго Величества. Назначеніе на постъ Государственнаго Секретаря раскрыло передъ нимъ широкое поле дѣятельности. Императоръ Николай Павловичъ высоко цѣнилъ его дарованія и поручалъ ему изложеніе наиболѣе важныхъ государственныхъ документовъ, всегда отличавшееся, подъ перомъ барона Корфа, необыкновенною точ-

ностью выраженій и красотою слога. Академикъ *Я. К. Гротъ*, переведенный на службу въ Государственную Канцелярію въ первый годъ управленія ею барона Корфа, говоритъ, что новый Государственный Секретарь «умѣлъ окружить свою дѣятельность какимъ-то особеннымъ блескомъ; пользуясь милостью и довѣріемъ Государя, онъ умѣлъ пріобрѣсти авторитетъ въ глазахъ самыхъ вліятельныхъ Членовъ Совѣта. Въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ онъ былъ добрымъ и любящимъ начальникомъ; отъ высшаго до низшаго всѣ могли ожидать отъ него справедливаго вниманія къ своимъ трудамъ и готовности помочь каждому въ нуждѣ. Порядокъ дѣлопроизводства былъ доведенъ до совершенства; дѣла рѣшались безостановочно; во всѣхъ канцелярскихъ отправленіяхъ господствовала величайшая точность; переписка бумагъ отличалась щегольскимъ изяществомъ; въ должности писцовъ привлекались искуснѣйшіе каллиграфы. Корфъ недаромъ служилъ прежде подъ начальствомъ Сперанскаго: онъ обладалъ мастерствомъ въ изложеніи самыхъ запутанныхъ дѣлъ; сжатость и ясность рѣчи достигли подъ его перомъ высшей степени, и это искусство усвоивали себѣ, болѣе или менѣе, всѣ, работавшіе подъ его руководствомъ».

Я. К. Гротъ.

Эта краткая характеристика, начерченная перомъ вдумчиваго наблюдателя, показываетъ, что новый Государственный Секретарь во многихъ отношеніяхъ отличался отъ своего предшественника. Блестяще и разносторонне образованный баронъ Корфъ въ высокой степени обладалъ тѣмъ свѣтскимъ воспитаніемъ, котораго совершенно былъ лишенъ Марченко, обязанный своимъ высокимъ положеніемъ только неутоми-

мому труду. Тѣ вліятельные Члены Государственнаго Совѣта, которые, не стѣсняясь его присутствіемъ, разговаривали между собою на неизвѣстномъ ему французскомъ языкѣ, очевидно, должны были совершенно иначе держать себя съ барономъ Корфомъ, человѣкомъ ихъ круга, сумѣвшимъ поставить себя и при Дворѣ на такую высоту, какая была недоступна не только для Марченка, но, пожалуй, и для Оленина...

«Въ кругѣ управленія государственнаго», говоритъ самъ Корфъ,[36] «лицевая сторона сцены, т. е. результаты, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстны и сохраняются въ актахъ и бумагахъ; но машины и оборотная сторона декорацій, т. е. внутреннія и сокровенныя пружины дѣйствій, невидимый зрителю механизмъ, словомъ, все то, что для характеристики людей и эпохи иногда гораздо важнѣе самихъ результатовъ, исчезаетъ съ свидѣтелями событій». Будучи свидѣтелемъ очень многихъ событій огромной важности, онъ пожелалъ закрѣпить ихъ «оборотную сторону» въ обширныхъ запискахъ, до сихъ поръ еще не вполнѣ появившихся въ печати.[37] Эти записки, въ свое время внимательно прочитанныя и отчасти даже исправленныя Императоромъ Александромъ II, представляютъ большой интересъ для внутренней исторіи той эпохи, которой онѣ касаются, хотя и не отличаются въ полной мѣрѣ историческою объективностью. Безъ всякаго сомнѣнія, баронъ Корфъ былъ выдающимся государственнымъ человѣкомъ и, благодаря своимъ дарованіямъ, пріобрѣлъ въ царствованіе Императора Николая I видное значеніе въ дѣлахъ управленія.

Вступивъ въ управленіе Государственною Канцеляріею, баронъ Корфъ, прежде всего, озаботился скорѣйшимъ окончаніемъ дѣлъ, оставшихся еще нерѣшенными, а также и замѣною прежнихъ Статсъ-Секретарей—новыми: въ Январѣ 1835 года, почти одновременно, мѣсто Статсъ-Секретаря Департамента Законовъ Гевлича занялъ *П. А. Теубель;* преемникъ Слободского въ Гражданскомъ Департаментѣ

И. Д. Трофимовъ былъ замѣненъ *А. Д. Башуцкимъ*, а преемникъ Марченка въ Департаментѣ Экономіи Ѳ. П. Львовъ—*А. А. Никитинымъ*. Въ Департаментъ Военныхъ Дѣлъ, дѣлами котораго, съ самаго его образованія, управляли Помощники Статсъ-Секретарей, былъ назначенъ исправляющимъ должность Статсъ-Секретаря *А. Д. Боровковъ*. Въ отношеніи дѣлопроизводства баронъ Корфъ замѣтилъ, что въ большей части департаментскихъ журналовъ «дѣла излагаются не только весьма пространно, но и со включеніемъ разныхъ излишнихъ подробностей, затемняющихъ сущность дѣлъ и вопросовъ, къ разрѣшенію предлежащихъ, чрезъ что затрудняется послѣдующее разсмотрѣніе въ Общемъ Собраніи, и самое теченіе дѣлъ можетъ подвергаться напрасному замедленію». Поэтому онъ тотчасъ же распорядился, чтобы вмѣсто пространныхъ журналовъ впредь составлялись болѣе краткіе и чтобы подъ «содержаніемъ дѣла» разумѣлось «не изложеніе онаго во всемъ пространствѣ и во всѣхъ подробностяхъ, но ясный выводъ однихъ только существенныхъ обстоятельствъ, составленный кратко и вѣрно изъ общаго всѣхъ обстоятельствъ соображенія». Въ устраненіе же могущей быть остановки при докладѣ дѣлъ въ Общемъ Собраніи, всѣмъ чиновникамъ Канцеляріи, въ томъ числѣ и Помощникамъ Статсъ-Секретаря, было приказано въ дни Общихъ Собраній непремѣнно являться въ Канцелярію къ 10 часамъ утра и не уходить изъ нея раньше Государственнаго Секретаря. По дѣламъ судебнымъ барону Корфу удалось скоро достигнуть того, чего не могли осуществить ни Оленинъ, ни Марченко, именно—чтобы Министръ Юстиціи вносилъ въ Государственный Совѣтъ печатныя записки, которыя могли быть заблаговременно разсылаемы всѣмъ Членамъ Совѣта; кромѣ того, баронъ Корфъ испросилъ Высочайшее повелѣніе распространить этотъ же порядокъ и на проекты различныхъ положеній и уставовъ, особенно сложныхъ и важныхъ, причемъ усмотрѣнію Предсѣдателя Государственнаго Совѣта предоставлено было «когда тако-

вые проекты не требуютъ тайны, назначать ихъ къ печатанію, для сообщенія Членамъ прежде докладовъ Общему Собранію». Печатаніе этихъ бумагъ было возложено на типографію II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, а соединенныя съ нимъ издержки обращены на счетъ государственнаго казначейства. Такимъ образомъ, какъ подготовительныя работы Государственной Канцеляріи, такъ и доклады дѣлъ въ Департаментахъ и Общемъ Собраніи Совѣта были значительно облегчены, такъ какъ ранѣе доклады по всѣмъ дѣламъ читались въ засѣданіяхъ Департаментовъ Помощниками Статсъ-Секретаря, а въ Общемъ Собраніи—Статсъ-Секретарями; Члены нерѣдко требовали повторенія тѣхъ или иныхъ прочитанныхъ мѣстъ доклада, прерывали чтеніе своими замѣчаніями и т. д.; поэтому обсужденіе и рѣшеніе дѣлъ, особенно сложныхъ, шло весьма медленно. Съ тою же цѣлью ускоренія дѣлопроизводства, новый Государственный Секретарь, въ исходѣ 1835 года, обратился ко всѣмъ Министрамъ и Главноуправляющимъ съ просьбою доставить ему вѣдомости всѣмъ дѣламъ, которыя были внесены въ Государственный Совѣтъ и еще не получили окончательнаго разрѣшенія. По полученіи этихъ вѣдомостей отъ всѣхъ вѣдомствъ, въ Государственной Канцеляріи была произведена соотвѣтствующая повѣрка и изслѣдованы причины, вліявшія на замедленіе дѣлъ. Въ большинствѣ случаевъ оказывалось, что причины эти лежали внѣ Государственной Канцеляріи: дѣла останавливались за неполученіемъ отзывовъ заинтересованныхъ вѣдомствъ, а иногда и по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ. Постаравшись получить своевременно всѣ эти отзывы, баронъ Корфъ уже за первый годъ своего управленія имѣлъ возможность представить блестящій всеподданнѣйшій отчетъ по дѣлопроизводству Совѣта. По этому отчету оказалось, во-первыхъ, что поступленіе дѣлъ въ теченіе 1835 года превысило всѣ предшествовавшіе годы и, во-вторыхъ, что рѣшеніе дѣлъ представляетъ результатъ, еще небывалый за

Баронъ М. А. Корфъ

(впослѣдствіи графъ).

вые проекты не требуютъ тайны, назначать ихъ къ печатанію, для сообщенія Членамъ прежде докладовъ Общему Собранію». Печатаніе этихъ бумагъ было возложено на типографію II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, а соединенныя съ нимъ издержки

вые проекты не требуютъ тайны, назначать ихъ къ печатанію, для сообщенія Членамъ прежде докладовъ Общему Собранію». Печатаніе этихъ бумагъ было возложено на типографію II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, а соединенныя съ нимъ издержки

вые проекты не требуютъ тайны, назначать ихъ къ печатанію, для сообщенія Членамъ прежде докладовъ Общему Собранію». Печатаніе этихъ бумагъ было возложено на типографію II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, а соединенныя съ нимъ издержки

Баронъ М. А. Корфъ

(впослѣдствіи графъ).

все время существованія Государственнаго Совѣта. Прежде число дѣлъ нерѣшенныхъ, по Департаментамъ и Общему Собранію въ совокупности, простиралось изъ году въ годъ до 150 и болѣе; въ 1833 году ихъ оставалось 84, а въ 1834 году—68; въ 1835 году ни въ Департаментахъ, ни въ Общемъ Собраніи не осталось *ни одного* нерѣшеннаго дѣла, несмотря на то, что сверхъ дѣлъ текущихъ было окончено весьма значительное число такихъ, которыя, или по отношенію ихъ къ законодательству, или по своей огромности, или, наконецъ, по долговременности производства, представлялись особенно важными. При этомъ ускореніи хода дѣлъ было обращено особенное вниманіе на дѣла уголовныя, которыя въ теченіе 1835 года представлялись на Высочайшее благоусмотрѣніе не позже, какъ черезъ двѣ или три недѣли по вступленіи ихъ въ Совѣтъ, а нерѣдко и ранѣе.

«Необыкновенный успѣхъ въ 1835 году дѣлъ Государственнаго Совѣта», писалъ баронъ Корфъ, заключая свой всеподданнѣйшій докладъ, «кромѣ отличной и превышающей всякую похвалу ревности чиновниковъ Государственной Канцеляріи, нельзя не отнести и къ тому, что Гг. Членамъ раздаются нынѣ печатныя по дѣламъ записки: поставляя ихъ предварительно въ извѣстность о всѣхъ подробностяхъ, сіе открыло возможность къ несравненно болѣе сжатому изложенію дѣлъ при докладѣ оныхъ; во-вторыхъ, имѣя всегда въ виду Высочайшую Вашего Императорскаго Величества волю, дабы меморіи излагаемы были въ возможной степени ясности и краткости,—я обращалъ на то всѣ мои усилія. Слѣдствіемъ сего было то, что вмѣсто прежнихъ 150 листовъ и болѣе, въ 1835 году самая большая меморія не превзошла 63-хъ; средній же размѣръ меморій, простиравшійся въ 1834 году до 42-хъ, въ 1835 году, при значительнѣйшемъ числѣ вносимыхъ въ оныя дѣлъ, составлялъ около 24-хъ листовъ».

Результатомъ этого отчета было Высочайшее благоволеніе, объявленное Государственному Совѣту за успѣшное окончаніе дѣлъ и Государственной Канцеляріи—за быстрое

ихъ производство. На награды по Канцеляріи, по ходатайству Корфа, Высочайше разрѣшено было отпустить въ 1836 году, вмѣсто отпускавшихся ранѣе 20.000 р., 30.000 р. асс. Относительно наградъ почетныхъ Государственный Секретарь предупреждалъ своихъ подчиненныхъ, что «въ его понятіяхъ право на награды принадлежитъ однимъ чиновникамъ, дѣйствительно почему либо отличнымъ, понесшимъ особенные труды или, по крайней мѣрѣ, подающимъ способностями своими особенныя о себѣ надежды на будущее время; остальные, получая жалованье и пользуясь производствомъ въ чины по выслугѣ лѣтъ, *должны вмѣнять себѣ въ награду и самую службу ихъ въ Государственной Канцеляріи.* Впрочемъ, для тѣхъ изъ числа сихъ послѣднихъ, которые трудятся по возлагаемымъ на нихъ обязанностямъ съ должнымъ усердіемъ, не имѣя притомъ достаточнаго состоянія, можно будетъ, по назначенію гг. начальствующихъ частями, удѣлить нѣкоторое денежное пособіе, въ видѣ единовременной къ ихъ окладамъ прибавки, изъ круглой суммы, которую состоящій въ должности Государственнаго Секретаря намѣревается испросить собственно на сей предметъ».

Мундиръ 4-го разряда.

Императоръ Николай Павловичъ по-прежнему чрезвычайно внимательно относился къ Государственной Канцеляріи и цѣнилъ ея труды. Баронъ Корфъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что въ Февралѣ 1837 года, серьезно заболѣвъ и испросивъ себѣ, для возстановленія здоровья, полу-

годовой заграничный отпускъ, онъ представлялся, передъ отъѣздомъ, Государю Императору. Государь спросилъ:

« — Но кто же заступитъ тебя на такое долгое время по Совѣту?

— Государь, мнѣ объявлена уже Ваша воля по этому предмету. Вамъ угодно было приказать, чтобы мою должность исправлялъ старшій по мнѣ въ Государственной Канцеляріи.

— Да, да—чтобъ не пускать чужого козла въ огородъ. Но довольно ли надеженъ Боровковъ? Можно ли повѣрить ему такія важныя обязанности?

— Онъ человѣкъ надежный, и по правиламъ, и по знанію дѣла, хотя и не совсѣмъ отличный редакторъ, въ чемъ прошу Ваше Величество имѣть къ нему милостивое снисхожденіе. Дѣла при немъ, смѣю надѣяться, пойдутъ къ удовольствію Вашего Величества. Я вообще очень счастливъ товарищами: всѣ они люди благородные, знающіе, пользующіеся довѣріемъ Членовъ Совѣта и публики. Получивъ уже единожды должное направленіе, каждый изъ нихъ будетъ дѣлать свое дѣло.

«Тутъ Государь удивилъ меня своимъ знакомствомъ съ личнымъ составомъ Государственной Канцеляріи. Спрашивая порознь о каждомъ изъ высшихъ ея чиновниковъ, Онъ называлъ ихъ по фамиліямъ и входилъ въ подробности объ ихъ способностяхъ, свѣдѣніяхъ и надежности. Я отвѣчалъ, отдавая каждому заслуженную справедливость».[38]

Но такое внимательное отношеніе Государя къ трудамъ Канцеляріи послужило однажды для барона Корфа источникомъ большого огорченія.

Въ началѣ Мая 1838 года Императоръ предполагалъ уѣхать за границу. Между тѣмъ, 22 Апрѣля окончено было въ Государственномъ Совѣтѣ разсмотрѣніе огромнаго проекта учрежденія мѣстныхъ управленій государственныхъ имуществъ, внесеннаго Министромъ *П. Д. Киселевымъ*. Этотъ проектъ или, лучше сказать, цѣлое собраніе проектовъ,

заключалъ въ себѣ около 800 листовъ. Не видя, при крайней спѣшности, никакой возможности переписать ихъ, по сдѣланнымъ со стороны Совѣта поправкамъ и перемѣнамъ, въ небольшой по составу Государственной Канцеляріи, баронъ Корфъ просилъ Киселева поручить это дѣло многочисленнымъ его чиновникамъ. Получивъ переписанные проекты лишь за два дня до поднесенія ихъ Государю, когда нельзя было уже и помышлять о какой-нибудь повѣркѣ, онъ отправилъ ихъ, не читая. Но Государь еще до своего отъѣзда успѣлъ прочесть все, и сталъ высылать барону Корфу прочитанныя тетради постепенно, съ Собственноручными поправками замѣченныхъ описокъ, которыхъ оказалось немало. Наконецъ, 1 Мая, наканунѣ отъѣзда изъ Петербурга, Государь возвратилъ и послѣднюю тетрадь, съ надписью: «Много описокъ; кто повѣрялъ столь небрежно, посадить на сутки на гауптвахту».

«Что было мнѣ дѣлать по этой резолюціи»,—говоритъ баронъ Корфъ,—«мнѣ, который, въ званіи Государственнаго Секретаря, отвѣтственнаго за все, что происходитъ и дѣлается въ Канцеляріи Совѣта, хотя бы и другими, чувствовалъ и сознавалъ вполнѣ свою вину въ этомъ случаѣ? Я поѣхалъ къ графу Васильчикову, только за три недѣли передъ тѣмъ, по смерти Новосильцева, назначенному Предсѣдателемъ Совѣта, объяснилъ ему весь ходъ дѣла и просилъ довести до свѣдѣнія Государя, что въ Государственной Канцеляріи нѣтъ и не можетъ быть никого виноватаго, кромѣ одного меня, почему я и ожидаю дальнѣйшихъ повелѣній Его Величества на мой счетъ. Графъ въ ту же минуту самъ отправился къ Государю, и вотъ что потомъ мнѣ передалъ:

«Государь былъ крайне разгнѣванъ. Онъ не хотѣлъ принять никакихъ оправданій спѣшностью дѣла и множествомъ другихъ проектовъ, также важныхъ, которые были поднесены Ему на этой же недѣлѣ и гдѣ не нашлось ни одной описки.

« — Если Корфъ, сказалъ Онъ, не успѣлъ приготовить и прочесть бумагъ, какъ слѣдовало, то долженъ былъ Мнѣ донести, и Я далъ бы ему отсрочку, а въ такомъ видѣ бумагъ Мнѣ не представляютъ. Я люблю Корфа, и Самъ его вывелъ; съ нимъ никогда этого не случалось, а видно, онъ теперь подумалъ, что Я, за скорымъ отъѣздомъ, только прогляжу бумаги и не стану ихъ читать. Я доказалъ ему противное. Но именно потому, что этого никогда съ нимъ не случалось, надо принять мѣры, чтобъ это было и въ первый, и въ послѣдній разъ.

« — Je vous assure,—продолжалъ Васильчиковъ—que j'ai dû fortement batailler pour votre défense et que ce n'est qu'après bien des objections de ma part qu'il a voulu s'arrêter à une mesure plus douce. Онъ приказалъ мнѣ сдѣлать вамъ завтра (это было въ воскресенье, а день Общаго Собранія Совѣта—въ понедѣльникъ) замѣчаніе въ присутствіи Государственнаго Совѣта, но велѣлъ вмѣстѣ пожурить и Киселева.

«Все это было высказано почтеннымъ старцемъ почти со слезами, и онъ истинно тронулъ меня своимъ участіемъ.

— Что для меня всего тутъ больнѣе,—отвѣчалъ я, это то, что такой случай, первый со мною въ восьмой годъ, что я состою при Государѣ, долженъ былъ встрѣтиться именно на первыхъ порахъ моего съ вами сослуженія, и я такъ худо вамъ рекомендуюсь. Впрочемъ, и несчастіе имѣетъ свою хорошую сторону: это мнѣ урокъ на цѣлую жизнь не полагаться никогда на другихъ; а чужою опытностью уменъ не будешь, надо все испытать самому!»[39]

Еще до приведенія въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія, 1 Мая, графомъ Васильчиковымъ было получено письмо отъ Киселева, въ которомъ онъ, принимая вину на себя, объяснялъ, что онъ увѣрилъ барона Корфа въ томъ, что вновь переписанныя статьи проектовъ точно провѣрены, и просилъ не задерживать ихъ, въ виду предстоящаго отъѣзда Государя. При этомъ Киселевъ сообщилъ, что въ такомъ же смыслѣ имъ представленъ Его Величеству всеподданнѣйшій докладъ.

Представляя Государю это письмо Киселева, графъ Васильчиковъ приложилъ отъ себя всеподданнѣйшую записку, гдѣ, излагая дѣло согласно съ заявленіемъ Киселева, заключалъ: «Можетъ быть, Вашему Величеству благоугодно будетъ Всемилостивѣйше найти, что столь прискорбное для званія Государственнаго Секретаря Высочайшее въ Общемъ Собраніи Совѣта замѣчаніе, по объясненіи настоящаго случая, усматривается Вашимъ Величествомъ въ несоразмѣрности съ виною барона Корфа. Я осмѣливаюсь присовокупить всеподданнѣйшее изъясненіе мое, сколь прискорбно мнѣ при первыхъ дѣйствіяхъ моихъ по званію Предсѣдателя встрѣтить случай, давшій поводъ Высочайшему Вашего Величества неудовольствію, и что я принялъ бы знакомъ Монаршаго ко мнѣ благоволенія, если бы нынѣ, за объясненіемъ того случая, благоугодно было Высочайше повелѣть лишь на сей разъ ограничиться домашнимъ выговоромъ».

На этой запискѣ Государь положилъ слѣдующую резолюцію:

«Хотя и никакъ не могу извинить Г. Корфа въ томъ, что осмѣлился, *не повѣривъ самъ*, представить на Мое утвержденіе, но по ходатайству вашему согласенъ на ваше желаніе».

1 Января 1839 года баронъ Корфъ былъ утвержденъ въ должности Государственнаго Секретаря.

Какъ уже было ранѣе сказано, помѣщеніе, отведенное для Государственной Канцеляріи въ Зимнемъ Дворцѣ, было тѣсно и неудобно, вслѣдствіе чего чиновники работали обыкновенно не въ Канцеляріи, а у себя на дому. Баронъ Корфъ, находя, что это можетъ имѣть «плохія и даже опасныя послѣдствія», тотчасъ по вступленіи своемъ въ должность вошелъ въ сношеніе съ Министерствомъ Императорскаго Двора объ отводѣ для Государственной Канцеляріи

болѣе приличнаго и удобнаго помѣщенія, нежели то, которое она занимала въ темныхъ и низкихъ антресоляхъ надъ комнатами Совѣта. «Но сношенія мои», говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, «были безуспѣшны: сперва предполагали было Инвалидный Комитетъ, помѣщавшійся подлѣ Совѣта, перевести въ Таврическій Дворецъ, и намъ отдать его комнаты; однако Государь на это не соизволилъ, а другихъ свободныхъ комнатъ по близости не оказалось. И такъ, все оставалось по-прежнему. Но, наконецъ, такой безпорядокъ, обращающійся, кромѣ вреда дѣламъ, и къ порчѣ чиновниковъ, мнѣ надоѣлъ, и, по совѣщаніи съ правящими должность Статсъ-Секретарей, я приказалъ, чтобы всѣ младшіе чиновники непремѣнно каждый день, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ, собирались отъ 11 до 3 часовъ въ тѣхъ комнатахъ, которыя предназначены для Государственной Канцеляріи. Порядокъ этотъ воспріялъ свое начало съ 1 Сентября 1839 года, и хотя онъ на первыхъ порахъ, разумѣется, не нравился, и антресоли наши были крайне неудобны для занятій, однако, по крайней мѣрѣ, я былъ спокоенъ насчетъ цѣлости дѣлъ, которыя прежде каждый уносилъ съ собою на домъ, и, сверхъ того, этимъ введено болѣе порядка и удобства по внутреннимъ сношеніямъ».

Мундирный фракъ.

Немало хлопотъ доставило барону Корфу перемѣщеніе архива Государственнаго Совѣта послѣ бывшаго въ Зимнемъ Дворцѣ, въ ночь на 18 Декабря 1837 года, пожара, во время котораго архивныя дѣла были спасены только благодаря находчивости и распорядительности управлявшаго архивомъ Помощника Статсъ-Секретаря *Леонтьева*. Архив-

ныя дѣла, вынесенныя изъ Дворца на площадь, въ ту же ночь были перенесены на Адмиралтейскую гауптвахту, а затѣмъ временно помѣщены въ частномъ домѣ (купца Шпехта, въ Демидовомъ переулкѣ). Вслѣдъ затѣмъ Государственный Секретарь испрашивалъ разрѣшенія нанять для архива приличное помѣщеніе. Государь, однако, на это не соизволилъ и приказалъ пріискать помѣщеніе для архива въ домѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ или въ зданіи Главнаго Штаба; когда же это оказалось невозможнымъ, указалъ на казематы Петропавловской крѣпости; но это помѣщеніе было признано совершенно неудобнымъ. На всеподданнѣйшей запискѣ объ этомъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта графа Новосильцева Императоръ Николай Павловичъ написалъ: «Я никакъ не могу согласиться на то, чтобы дѣла подобной важности хранились въ партикулярномъ домѣ. Такъ какъ другого мѣста нѣтъ, то увѣдомить Министра Юстиціи, чтобы отвелъ мѣсто или въ Сенатскомъ архивѣ, или въ особыхъ покояхъ въ Сенатѣ».

Согласно этой Высочайшей волѣ, архивъ Государственнаго Совѣта былъ помѣщенъ въ зданіи Сената. Но уже въ 1839 году Министръ Юстиціи, въ виду недостатка помѣщенія для Сенатской типографіи, просилъ барона Корфа «оказать содѣйствіе» къ переводу архива куда-нибудь въ другое мѣсто. На это Государственный Секретарь отвѣчалъ, что Высочайшее повелѣніе о переводѣ архива Государственнаго Совѣта въ Сенатское зданіе было послѣдствіемъ нежеланія Его Величества, чтобы этотъ архивъ былъ хранимъ въ частномъ домѣ, и невозможности отвести для него другое казенное помѣщеніе. Эта невозможность существуетъ и теперь, ибо прежнія комнаты архива въ Зимнемъ Дворцѣ получили другое назначеніе. Въ виду этого баронъ Корфъ просилъ оставить архивъ въ отведенномъ для него мѣстѣ до того времени, когда всей Государственной Канцеляріи дано будетъ предполагаемое новое помѣщеніе, въ которое можно будетъ перевести и архивъ. Если же, въ ожиданіи этого,

потребовалось бы для Сенатской типографіи нанять частный домъ, то соразмѣрная часть издержекъ могла бы быть принята на счетъ Государственной Канцеляріи. Тогда Министръ Юстиціи увѣдомилъ, что за помѣщеніемъ архива Государственнаго Совѣта въ Сенатѣ, для сенатскихъ служителей нанимается домъ за 7.199 р., и просилъ принять этотъ расходъ на счетъ Государственной Канцеляріи. Баронъ Корфъ, затрудняясь уплатою такой суммы, исходатайствовалъ, черезъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Высочайшее повелѣніе, «чтобы архивъ Совѣта до времени оставленъ былъ въ нынѣшнемъ его помѣщеніи *на прежнемъ основаніи*, развѣ бы встрѣтились къ тому со стороны Министерства Юстиціи какія либо важныя препятствія, о которыхъ въ такомъ случаѣ доложить». Это Высочайшее повелѣніе было объявлено Министру Юстиціи 17 Января 1840 года, но два года спустя графъ В. Н. Панинъ, все-таки, достигъ того, что Министерству были ассигнованы суммы на наемъ въ частномъ домѣ помѣщенія для сенатскихъ курьеровъ.

Въ зданіи Сената архивъ Государственнаго Совѣта помѣщался до 1887 года, когда для него было построено новое зданіе на Милліонной улицѣ.

23 Декабря 1838 года былъ Высочайше утвержденъ новый штатъ Государственной Канцеляріи, по которому оклады всѣхъ чиновниковъ были увеличены въ соотвѣтствіи съ изданными незадолго передъ тѣмъ штатами новаго Министерства Государственныхъ Имуществъ. При предварительномъ обсужденіи новаго штата Канцеляріи самый существенный вопросъ заключался въ томъ, какимъ образомъ должны быть улучшены оклады чиновниковъ: просто ли повышеніемъ ихъ въ соотвѣтствіи съ назначенными по Министерству Государственныхъ Имуществъ, или назначеніемъ въ распоряженіе Государственнаго Секретаря особой валовой дополнительной суммы, съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ право дѣлать изъ нея чиновникамъ извѣстныя прибавки по ближай-

шему своему усмотрѣнію. Высказывая по этому вопросу свои соображенія, баронъ Корфъ разсуждалъ, что въ отношеніи къ исправляющимъ должность Статсъ-Секретаря «по степени сихъ званій и по важности сопряженныхъ съ ними обязанностей, которыя всѣ требуютъ равнаго довѣрія и равной строгости въ выборѣ лицъ, невозможно ни назначать имъ разнообразныхъ окладовъ, ни предоставлять верстаніе ихъ окладами прибавочными на произволъ Государственнаго Секретаря. Это неминуемо унизило бы такія должности, въ которыя, по многосложности занятій, по многосторонности требуемыхъ свѣдѣній и по самой мѣрѣ довѣренности, удѣляемой имъ въ высшихъ дѣлахъ правительства,—всегда такъ трудно пріискивать чиновниковъ, вполнѣ достойныхъ по своему образованію и правиламъ; ясно, что должности сіи, по многимъ видамъ, весьма желательно бы было не только не уронить, но, напротивъ, еще болѣе возвысить въ общемъ мнѣніи, а чиновниковъ, въ оныя удостоиваемыхъ, совершенно обезпечить въ средствахъ существованія. Посему при общемъ улучшеніи окладовъ по всѣмъ вѣдомствамъ необходимо назначить и имъ, всѣмъ единообразно, если не высшее, то, по крайней мѣрѣ, такое же содержаніе, какое получаютъ чиновники соотвѣтствующихъ имъ степеней въ Министерствахъ, и именно Директоры Департаментовъ; но какъ сіи послѣдніе, сверхъ жалованія и столовыхъ денегъ, имѣютъ еще всѣ или квартиры въ натурѣ, или квартирныя деньги, то справедливость требуетъ опредѣлить сіи послѣднія и исправляющимъ должность Статсъ-Секретаря, полагая таковыхъ, по самому умѣренному разсчету, 3.000 р. асс. въ годъ».

Въ отношеніи прочихъ чиновниковъ баронъ Корфъ нѣсколько колебался въ выборѣ той или другой системы. «Если въ министерскихъ учрежденіяхъ», писалъ онъ,— «по обширности и сложности ихъ частей и даже по самому распредѣленію и порядку занятій, Министру невозможно имѣть личное убѣжденіе въ способностяхъ, усердіи и тру-

дахъ и потребностяхъ каждаго чиновника, и по этому самому, конечно, всѣ Министры предпочитаютъ для своихъ вѣдомствъ уравнительное возвышеніе окладовъ назначенію валовыхъ добавочныхъ суммъ, то въ Государственной Канцеляріи предметъ сей представляется въ другихъ видахъ. По малому числу чиновниковъ, по тѣсной связи между собою частей, по образу работъ, изъ коихъ ни одна не оканчивается безъ Государственнаго Секретаря, по соединенію, наконецъ, въ лицѣ его всей власти распорядительной и исполнительной, онъ имѣетъ полную возможность и обязанность знать всѣ подробности не только служебной, но и домашней жизни каждаго чиновника...» Въ окончательномъ выводѣ баронъ Корфъ приходилъ къ заключенію о возможности соединить обѣ системы въ одну, именно—всѣмъ тѣмъ чиновникамъ Государственной Канцеляріи, которые получаютъ содержаніе меньшее противъ соотвѣтственныхъ должностей въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, опредѣлить въ новомъ штатѣ равные съ послѣдними оклады, но назначеніе каждому полнаго штатнаго оклада или только части его предоставить усмотрѣнію Государственнаго Секретаря. Мысль эта, однако, не получила осуществленія, и въ новомъ штатѣ Канцеляріи всѣ оклады были опредѣлены въ точныхъ суммахъ. По сравненію съ послѣднимъ штатомъ 1833 года, въ новый штатъ впервые были введены Статсъ-Секретари, которыхъ положено 5, по числу Департаментовъ Совѣта; число Помощниковъ Статсъ-Секретаря увеличено съ 7 до 9, причемъ одному изъ нихъ повелѣно состоять при Предсѣдателѣ Государственнаго Совѣта, а другому—при Государственномъ Секретарѣ; число столоначальниковъ увеличено съ 8 до 10. Оклады содержанія были значительно повышены, такъ что общая сумма, назначенная на Канцелярію, возросла до 238.750 р. асс. (въ томъ числѣ на канцелярскія надобности и содержаніе сторожей 13.500 р.). 25 Ноября 1841 года, по представленію Государственнаго Секретаря объ увеличившихся занятіяхъ Отдѣленія Государ-

ственной Экономіи — «по случаю возложенія на Департаментъ Экономіи разныхъ дѣлъ и предположеній финансоваго управленія, прежде внѣ онаго оканчивавшихся»,— къ составу Канцеляріи былъ прибавленъ еще одинъ Помощникъ Статсъ-Секретаря.

Вопросъ объ измѣненіи штата Государственной Канцеляріи привелъ барона Корфа къ другому, еще болѣе важному, вопросу — о пересмотрѣ самаго «Образованія» Государственнаго Совѣта 1810 года, которое съ теченіемъ времени въ примѣненіи своемъ успѣло уже подвергнуться болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ, соотвѣтственно указаніямъ практики. Между тѣмъ, въ Сводѣ Законовъ Образованіе Совѣта было помѣщено въ первоначальномъ своемъ видѣ; а такъ какъ Сводъ былъ объявленъ закономъ «общимъ и исключительнымъ», то представлялось необходимымъ по каждой сомнительной статьѣ рѣшать, что лучше: законъ или порядокъ, установленный практикой, и соотвѣтственно рѣшенію этого вопроса или законъ измѣнять по практикѣ, или практику вводить опять въ предѣлы закона. То и другое было крайне нежелательно и неудобно.

Изучая съ этой точки зрѣнія Образованіе 1810 года и позднѣйшія постановленія, касавшіяся Государственнаго Совѣта и Канцеляріи, баронъ Корфъ изложилъ свои замѣчанія и проектируемыя поправки въ трехъ запискахъ, которыя и разослалъ всѣмъ старшимъ чинамъ Канцеляріи, прося ихъ «сообщить со всею откровенностью свои мысли какъ по содержащимся тутъ предположеніямъ, такъ и вообще о всемъ томъ, что могло бы требовать перемѣны или исправленія».

Всѣ Статсъ-Секретари и нѣкоторые изъ ихъ Помощниковъ представили по содержанію этихъ записокъ болѣе или менѣе подробныя соображенія, касавшіяся, главнымъ образомъ, порядка дѣлопроизводства и обязанностей чиновниковъ Государственной Канцеляріи. Этотъ послѣдній вопросъ былъ признанъ самымъ важнымъ изъ всѣхъ, на которые было

обращено вниманіе въ запискахъ Государственнаго Секретаря. «Ничего не можетъ быть страннѣе въ законѣ», писалъ одинъ изъ авторовъ замѣчаній, исправлявшій должность Статсъ-Секретаря *А. Д. Башуцкій*, «какъ сія безвѣстность объ обязанностяхъ чиновниковъ, безъ участія которыхъ, по ввѣреннымъ каждому дѣламъ, никакое дѣйствіе не совершается ни въ Государственномъ Совѣтѣ, ни въ Государственной Канцеляріи. Въ настоящемъ порядкѣ можно сказать, что Статсъ-Секретарь, по своей части, въ одно и то же время отвѣчаетъ и за все, и не отвѣчаетъ отдѣльно, лично, ни за что. Онъ отвѣчаетъ за все, потому что кромѣ обязанностей по движенію дѣлъ, какъ прямой его должности, онъ не можетъ сказать ни въ какомъ случаѣ, что то или другое не его дѣло; малѣйшія упущенія, напр. въ посылкѣ какихъ-нибудь реестровъ, въ повѣсткахъ по засѣданіямъ, въ перепискѣ бумагъ, въ наборѣ ихъ типографіею, въ курьерскихъ разъѣздахъ, въ надписяхъ на пакетахъ и проч.,—все обращается ему въ нареканіе. Если уважить, что должность Статсъ-Секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ, по существующей классификаціи, по крайней мѣрѣ не ниже должности министерскаго Директора или гражданскаго губернатора, то нельзя, кажется, не согласиться, что Статсъ-Секретарь, отвѣчая на вопросы о подобныхъ ошибкахъ, часто долженъ краснѣть не отъ упущенія, котораго онъ, по естественному ходу всѣхъ дѣлъ, иногда и не знаетъ, но по чувству неприличія, видя, что приписываютъ прямо его лицу ошибку писца или даже служителя. Съ другой стороны, Статсъ-Секретарь не отвѣчаетъ отдѣльно ни за что, потому что всѣ его дѣйствія не только подъ надзоромъ, но и подъ корректурою безпрерывно; названіе должности его не входитъ нигдѣ въ существующія формы бумагъ; онъ ничего не подписываетъ и ничего не свидѣтельствуетъ; въ случаѣ какого-нибудь важнаго упущенія, его можно будетъ призвать къ отвѣту только какъ участника дѣла, а участіе сіе онъ будетъ раздѣлять со

всѣми, въ порядкѣ команды, начиная отъ послѣдняго чиновника Канцеляріи, которому онъ что-нибудь поручитъ, до первыхъ начальствующихъ лицъ.

«Тутъ заключается недостатокъ правилъ, происходящій отъ молчанія закона о предметѣ, впрочемъ практически извѣстномъ. Недостатокъ сей дополнялся взаимнымъ соглашеніемъ и умѣренностію дѣйствующихъ лицъ...

«Если неудобства сіи умѣрялись донынѣ какими либо личными отношеніями или уклончивостью, то можно ли подобныя средства считать вѣрными навсегда? Чиновника, облеченнаго столь трудною и даже столь важною обязанностію, какъ Статсъ-Секретарь Государственнаго Совѣта, не должно ставить въ положеніе, которое ежеминутно можетъ сдѣлаться не только тѣснымъ, но и критическимъ. Не должно также и Государственному Секретарю, какъ главному блюстителю движенія законодательныхъ дѣлъ, поставлять въ дѣйствіяхъ его перевѣсы постороннихъ распоряженій и такихъ вліяній на непосредственныхъ его помощниковъ, которыя иногда могутъ превозмочь ввѣренную ему по учрежденію власть».

Мундирный сюртукъ.

Всѣ сдѣланныя на записки барона Корфа замѣчанія были затѣмъ сведены въ одно цѣлое, и для пересмотра Образованія Государственнаго Совѣта былъ учрежденъ, по Высочайшему повелѣнію, Особый Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Совѣта, изъ четырехъ его Членовъ и Государственнаго Секретаря. По заключеніямъ этого Комитета и было составлено барономъ Корфомъ новое Учрежденіе Государственнаго Совѣта и Государ-

ственной Канцеляріи, Высочайше утвержденное 15 Апрѣля 1842 года.

Этимъ новымъ Учрежденіемъ въ кругъ дѣятельности Государственнаго Совѣта введено было множество всевозможныхъ судебныхъ, административныхъ и финансовыхъ дѣлъ, вовсе не подлежавшихъ обсужденію Совѣта по первоначальному его Образованію. Такъ, отнынѣ Совѣтъ долженъ былъ разсматривать: смѣты и раскладки земскихъ по губерніямъ повинностей и смѣты и раскладки общественнаго сбора на мірскіе расходы государственныхъ поселянъ; новыя предположенія о доходахъ и расходахъ городовъ и ежегодныя смѣты столичныхъ Думъ; штаты вообще, кромѣ установляемыхъ временно и въ видѣ опыта; дѣла объ учрежденіи компаній на акціяхъ, когда имъ испрашиваются особыя преимущества или исключительныя привилегіи; дѣла о привилегіяхъ на открытія, изобрѣтенія или усовершенствованія въ искусствахъ, мануфактурахъ или ремеслахъ, равно на введеніе въ Россіи изобрѣтеній, сдѣланныхъ въ чужихъ краяхъ; ежегодные отчеты о государственныхъ доходахъ и расходахъ; дѣла о сложеніи недоимокъ и казенныхъ взысканій; дѣла о возведеніи въ дворянство, объ утвержденіи въ почетныхъ достоинствахъ (княжескомъ, графскомъ и баронскомъ) и о лишеніи дворянства и классныхъ или офицерскихъ чиновъ за преступленія; производство слѣдствій надъ Министрами и Генералъ-Губернаторами, въ случаѣ обвиненій, удостоенныхъ предварительно Высочайшаго уваженія; дѣла, при рѣшеніи коихъ въ Общемъ Сената Собраніи не составится узаконеннаго большинства голосовъ, или когда съ рѣшеніемъ его не согласится Министръ Юстиціи; дѣла по разногласію Общаго Сената Собранія съ Военнымъ Совѣтомъ, когда, при исчисленіи голосовъ Членовъ сего Совѣта совокупно съ голосами Сенаторовъ, не составится узаконеннаго большинства, или съ большинствомъ, въ семъ порядкѣ исчисленнымъ, не согласится Министръ Юстиціи; дѣла по искамъ частныхъ людей на

подвѣдомственные Адмиралтействъ-Совѣту Департаменты и зависящія отъ нихъ учрежденія, въ случаѣ несогласія Сената съ мнѣніемъ Адмиралтействъ-Совѣта; доклады Сената объ отмѣнѣ или пересмотрѣ прежнихъ его судебныхъ рѣшеній. Устанавливая приведенный перечень дѣлъ, новое Учрежденіе, въ большинствѣ случаевъ, только закрѣпляло то, что уже ранѣе было введено въ практику Государственнаго Совѣта особыми Высочайшими повелѣніями. Но и этотъ перечень нельзя считать исчерпывающимъ, такъ какъ, при господствовавшей въ ту пору въ нашей системѣ управленія крайней централизаціи, вѣдѣнію Государственнаго Совѣта подлежали иногда даже и такія дѣла, какъ, напримѣръ, о разрѣшеніи открыть въ Петербургѣ извѣстный ресторанъ Доминика... Такимъ образомъ, Государственный Совѣтъ, и прежде не бывшій исключительно законосовѣщательнымъ установленіемъ, по новому учрежденію пріобрѣлъ еще больше участія въ дѣлахъ верховнаго управленія. Соотвѣтственно съ этимъ усложнились и обязанности Государственной Канцеляріи, въ особенности—по Отдѣленіямъ Экономіи и Гражданскому, въ которыя стало поступать съ этого времени наибольшее количество дѣлъ.

Въ отношеніи устройства Государственной Канцеляріи новое Учрежденіе также ввело нѣкоторыя измѣненія. Такъ, возстановлено прежнее званіе *экспедиторовъ*, вмѣсто введенныхъ штатомъ 1833 года столоначальниковъ, причемъ указано, что экспедиторы опредѣляются и увольняются объявляемыми Высочайшими повелѣніями, по докладамъ Государственнаго Секретаря, и на ихъ обязанность возложено, между прочимъ, и чтеніе дѣлъ въ Департаментахъ, вмѣсто Помощниковъ Статсъ-Секретаря, когда Статсъ-Секретарь найдетъ нужнымъ допустить такую замѣну. Составленіе журналовъ, по Образованію 1810 года возложенное въ Департаментахъ на Статсъ-Секретарей, а въ Общемъ Собраніи—на Государственнаго Секретаря, теперь отнесено къ обязанностямъ подлежащихъ Отдѣленій Канцеляріи, подъ

общимъ надзоромъ и руководствомъ Государственнаго Секретаря. Далѣе, въ Учрежденіи точно опредѣлены особенныя обязанности разныхъ чиновъ Канцеляріи и ихъ отвѣтственность, внѣшнимъ выраженіемъ которой должна служить подпись Государственнаго Секретаря на меморіяхъ и исполнительныхъ бумагахъ и скрѣпа Статсъ-Секретарями Департаментскихъ журналовъ и исходящихъ за подписью Государственнаго Секретаря бумагъ, а также подпись: «Повѣрялъ Статсъ-Секретарь» на спискахъ съ мнѣній Государственнаго Совѣта и Высочайшихъ указовъ и на объявляемыхъ по рѣшеніямъ Совѣта Высочайшихъ повелѣніяхъ, удостовѣряемыхъ въ вѣрности ихъ Государственнымъ Секретаремъ. Къ извѣстной уже обязанности чиновниковъ Канцеляріи воздерживаться отъ всякихъ разглашеній по дѣламъ, въ ней производящимся, прибавлено еще, что они не могутъ имѣть никакихъ сношеній съ лицами, коихъ тяжебныя дѣла находятся въ Государственномъ Совѣтѣ. Наконецъ, установлены точныя формы для журналовъ Государственнаго Совѣта и для переписки по Государственной Канцеляріи.

Въ 1841 году, по представленію Государственнаго Секретаря, состоялось Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы, по случаю усиленныхъ занятій Гражданскаго Отдѣленія Государственной Канцеляріи, производство всѣхъ дѣлъ уголовныхъ и дѣлъ о правахъ состоянія возложить на чиновниковъ другихъ Отдѣленій, въ особенности—Военнаго, образовавъ изъ этихъ чиновниковъ особое Отдѣленіе, съ тѣмъ, чтобы распорядокъ этотъ былъ введенъ временно. Этотъ временный порядокъ соблюдался въ теченіе 15 лѣтъ, до начала 1856 года.

Въ томъ же 1841 году баронъ Корфъ, представляя Предсѣдателю Государственнаго Совѣта, что въ Государственной Канцеляріи состоитъ болѣе 50 чиновниковъ, которые почти всѣ существуютъ однимъ жалованьемъ, причемъ въ ихъ числѣ много семейныхъ, ходатайствовалъ о дозволеніи имѣть при

Канцеляріи, по примѣру министерскихъ Департаментовъ, особаго врача — «сколько для безмезднаго пользованія чиновниковъ, столько и для свидѣтельства тѣхъ, кои могли бы сказываться больными безъ достаточной къ тому причины». Докладъ по этому предмету Предсѣдателя Государственнаго Совѣта былъ Высочайше утвержденъ, съ тѣмъ, чтобы тому же врачу состоять и при Комитетѣ Министровъ. Первымъ врачемъ при Государственной Канцеляріи былъ младшій лекарь лейбъ-гвардіи Сапернаго батальона, докторъ медицины Бернардъ Егоровичъ *Ридеръ*.

Помимо прямыхъ своихъ обязанностей по дѣлопроизводству Департаментовъ и Общаго Собранія, Государственный Секретарь весьма часто привлекался къ дѣятельному участію въ многочисленныхъ особыхъ Комитетахъ, Коммисіяхъ и Совѣщаніяхъ при Государственномъ Совѣтѣ. Кромѣ того, со временъ барона Корфа на Государственнаго Секретаря обыкновенно возлагался, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, разборъ бумагъ, оставшихся послѣ смерти тѣхъ изъ Членовъ Государственнаго Совѣта, которые занимали, при жизни своей, особенно вліятельныя должности или же отличались особенною дѣятельностью. Для разбора бумагъ *Д. П. Трощинскаго*, находившихся въ имѣніи его племянника, генералъ-маіора Трощинскаго, въ Кіевской губерніи, былъ командированъ въ Январѣ 1835 года, по представленію барона Корфа, завѣдывавшій архивомъ Государственнаго Совѣта Помощникъ Статсъ-Секретаря В. Ю. Леонтьевъ, а въ помощь ему назначенъ редакторъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія Сербиновичъ. Для разбора бумагъ *Сперанскаго* была назначена особая Коммисія изъ бывшаго Министра Юстиціи Д. В. Дашкова, Статсъ-Секретаря Танѣева и Государственнаго Секретаря. Участіе въ этой работѣ дало барону Корфу возможность запастись матеріалами для его позднѣйшаго сочиненія «Жизнь Графа Сперанскаго». Въ 1839 году барону Корфу было поручено разобрать бумаги скончавшагося Предсѣда-

теля Департамента Государственной Экономіи, графъ *Ю. П. Литты*. «Особенно», сказалъ при этомъ Государь, «посмотри, не найдется ли тамъ какихъ бумагъ покойнаго Батюшки по бывшему Мальтійскому ордену» (графъ Литта былъ при Императорѣ Павлѣ I Grand Bailli ордена).[40]

Въ числѣ сотрудниковъ барона Корфа по Государственной Канцеляріи было нѣсколько лицъ, выдающихся по своей дѣятельности на служебномъ и другихъ поприщахъ.

Первое мѣсто между ними занимаетъ исправлявшій должность Статсъ-Секретаря Военнаго Департамента *А. Д. Боровковъ*, о которомъ уже говорено было выше. Служба Боровкова въ Государственномъ Совѣтѣ высоко цѣнилась не только Государственнымъ Секретаремъ, но и Самимъ Государемъ. Какъ старшій изъ исправлявшихъ должность Статсъ-Секретаря, онъ неоднократно замѣнялъ Государственнаго Секретаря въ его отсутствіе, и баронъ Корфъ, представляя его къ наградамъ, всегда аттестовалъ его какъ чиновника, «столь же полезнаго службѣ своею опытностію, сколько отличными своими правилами». Когда баронъ Корфъ сталъ хлопотать о своемъ назначеніи Членомъ Государственнаго Совѣта, Боровковъ считался самымъ вѣроятнымъ кандидатомъ на его мѣсто. По его словамъ, это очень его встревожило: «я боялся», говоритъ онъ, «чтобы опять не навалили на меня должность, которая была мнѣ не по нраву....»[41]

Въ 1840 году Боровковъ, произведенный въ тайные совѣтники, былъ назначенъ сперва Членомъ Консультаціи, учрежденной при Министерствѣ Юстиціи, а затѣмъ—Сенаторомъ. Въ концѣ 1846 года, вслѣдствіе ложнаго доноса о томъ, будто онъ, въ качествѣ одного изъ директоровъ Компаніи громоздкихъ движимостей, участвовалъ въ растратѣ ея суммъ, онъ былъ уволенъ отъ службы, лишенъ званія Сенатора и обязанъ подпискою о невыѣздѣ изъ Петербурга. Произведенное слѣдствіе доказало, что Боровковъ не виновенъ; но возстановленіе его въ служебныхъ правахъ было

все-таки отсрочено до окончанія вообще дѣла объ упомянутой растратѣ. Дѣло это тянулось больше десяти лѣтъ, и Боровковъ такъ и умеръ (1856), не дождавшись его разрѣшенія...

По назначеніи Боровкова Членомъ Консультаціи должность Статсъ-Секретаря Департамента Военныхъ Дѣлъ въ теченіе цѣлаго года оставалась незамѣщенною, а дѣла этого Департамента, весьма немногочисленныя, распредѣлялись къ производству между другими Отдѣленіями Государственной Канцеляріи. Но въ теченіе 1840 года значительно увеличилось количество тяжебныхъ дѣлъ, поступившихъ на разсмотрѣніе Гражданскаго Департамента отчасти по разногласіямъ въ Сенатѣ, отчасти — по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ. Въ виду чрезмѣрнаго обремененія Гражданскаго Отдѣленія Канцеляріи этого рода дѣлами, Государственный Секретарь, не желая увеличивать числа чиновниковъ, ходатайствовалъ предъ Его Величествомъ о замѣщеніи должности Статсъ-Секретаря Военнаго Департамента, съ тѣмъ, чтобы на Военное Отдѣленіе, сверхъ дѣлъ собственно этого Департамента, было возложено также производство всѣхъ поступающихъ въ Государственный Совѣтъ дѣлъ уголовныхъ и дѣлъ о правахъ состоянія, какъ-то: объ утвержденіи въ дворянствѣ, о возведеніи въ разныя почетныя достоинства и пр. Вслѣдствіе этого ходатайства, въ Январѣ 1841 года, исправляющимъ должность Статсъ-Секретаря Военнаго Департамента былъ назначенъ Помощникъ Статсъ-Секретаря Гавріилъ Степановичъ *Поповъ* (1798—1874), одинъ изъ наиболѣе выдающихся сотрудниковъ Министра Народнаго Просвѣщенія князя А. Н. Голицына и главныхъ дѣятелей Библейскаго Общества и ланкастерскихъ школъ взаимнаго обученія. «Я самъ лично избралъ его, внѣ всякихъ *отношеній*, въ 1817 году, изъ воспитанниковъ университетскаго пансіона Московскаго въ Министерство Просвѣщенія», писалъ князь Голицынъ Государю въ 1842 году,— «и черезъ четыре года первоначальной службы сталъ

онъ уже на ряду моихъ докладчиковъ, а постепеннымъ совершенствованіемъ себя въ дѣлахъ, особенно по Государственному Совѣту, сдѣлался для меня полезнымъ и нужнымъ, такъ что въ послѣднія семь лѣтъ, оправдывая мое довѣріе, отправлялъ всѣ обязанности, лежащія въ Министерствахъ на Директорахъ общихъ канцелярій. Во всѣхъ дѣйствіяхъ его видѣлъ я горячее усердіе; ко всему, что я ни поручалъ, прилагалъ онъ чувство и душу и всегда трудился съ самоотверженіемъ, ибо никогда не помышлялъ о собственныхъ пользахъ и ничего не просилъ, имѣвъ всѣ случаи и всѣ основанія говорить о своихъ обстоятельствахъ; а между тѣмъ, и теперь только при моемъ собственномъ вопросѣ, я узналъ, что по разстроенному отъ долговъ состоянію покойнаго отца своего онъ не успѣлъ ничего предпринять къ устройству собственныхъ дѣлъ, ибо все свое время и всѣ свои силы и труды посвящалъ службѣ *неуклонно*, такъ что и въ лѣтніе мѣсяцы, когда могъ пользоваться отдохновеніемъ отъ занятій по Государственному Совѣту, долженъ былъ, по отношеніямъ ко мнѣ, оставаться здѣсь въ дѣлахъ, требовавшихъ равномѣрно дѣятельности, и въ сношеніяхъ со мною изъ загородныхъ моихъ при Вашемъ Величествѣ пребываній....»

Въ Государственную Канцелярію Поповъ поступилъ въ 1831 году, Помощникомъ Статсъ-Секретаря, причемъ Государь сначала не желалъ оставлять его въ прежней должности при князѣ Голицынѣ, и согласился на это только по ходатайству князя, но съ тѣмъ, чтобы Поповъ получалъ только одинъ окладъ Помощника Статсъ-Секретаря. Черезъ два года, вслѣдствіе новаго ходатайства князя Голицына, ему всетаки былъ назначенъ добавочный окладъ въ 2.500 р. Въ 1840 году онъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а въ слѣдующемъ году назначенъ исправляющимъ должность Статсъ-Секретаря Департамента Военныхъ Дѣлъ, причемъ баронъ Корфъ писалъ князю Голицыну, что Поповъ «соединяетъ въ себѣ чувства и правила истинно

благороднаго и благонамѣреннаго человѣка съ опытностію, рвеніемъ и неусыпною заботливостію, содѣлывающими изъ него весьма полезнаго чиновника». За службу при князѣ Голицынѣ ему была дана пенсія въ размѣрѣ 4.500 р. въ годъ и, кромѣ того, пожаловано 2.000 дес. земли въ Новгородской губерніи. Въ 1844 году онъ получилъ званіе Камергера Высочайшаго Двора, а въ 1849 году Московскій университетъ избралъ его своимъ почетнымъ членомъ. Служба его въ Государственной Канцеляріи продолжалась до Февраля 1858 года, когда Военный Департаментъ былъ окончательно упраздненъ и Поповъ назначенъ Почетнымъ Опекуномъ, съ единовременною наградою въ 5.000 р.

К. П. Масальскій.

Всегда относившійся съ уваженіемъ къ литературѣ и наукѣ, баронъ Корфъ, по примѣру Оленина, охотно привлекалъ на службу въ Государственную Канцелярію извѣстныхъ въ свое время писателей. Онъ уже засталъ въ должности экспедитора Константина Петровича *Масальскаго* (1803—1861), пріобрѣвшаго извѣстность въ началѣ 30-хъ годовъ своими историческими романами и повѣстями («Стрѣльцы», «Черный ящикъ», «Регентство Бирона», «Осада Углича» и др.), въ которыхъ даже Бѣлинскій признавалъ большой умъ и прекрасную форму изложенія. Масальскій окончилъ курсъ въ Благородномъ пансіонѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ и въ 1821 году поступилъ на службу въ Департаментъ Полиціи Исполнительной; въ 1825 году перешелъ въ Опекунскій Совѣтъ на должность Помощника Оберъ-Секретаря, а въ 1828 году занялъ должность Секретаря при Предсѣдателѣ Департамента Законовъ Пашковѣ; въ 1832 году онъ былъ экспедиторомъ; въ 1839 году,

по ходатайству барона Корфа, по случаю вступленія въ бракъ, получилъ пособіе въ 4.500 р., а въ слѣдующемъ году былъ переведенъ на должность дѣлопроизводителя въ V Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Въ своихъ оффиціальныхъ отзывахъ о Масальскомъ Государственный Секретарь всегда аттестовалъ его въ самыхъ лучшихъ выраженіяхъ, какъ очень способнаго и трудолюбиваго чиновника.

Далѣе, при баронѣ Корфѣ начали свою службу въ Государственной Канцеляріи: Яковъ Карловичъ *Гротъ*, впослѣдствіи—профессоръ русской литературы въ Александровскомъ университетѣ въ Гельсингфорсѣ и академикъ Императорской Академіи Наукъ; поэтъ «пушкинской плеяды» Василій Ивановичъ *Туманскій*, романистъ графъ Владиміръ Александровичъ *Сологубъ* и извѣстный въ свое время писатель Александръ Павловичъ *Башуцкій*.

Я. К. Гротъ (1812—1893), окончивъ курсъ Царскосельскаго Лицея, въ 1832 году, съ первою золотою медалью и съ чиномъ IX класса, былъ принятъ барономъ Корфомъ подъ особенное свое покровительство и тотчасъ же опредѣленъ младшимъ помощникомъ экспедитора въ Канцелярію Комитета Министровъ, дѣлами котораго баронъ Корфъ тогда управлялъ. По назначеніи барона Корфа на должность Государственнаго Секретаря, Гротъ былъ переведенъ въ Государственную Канцелярію старшимъ помощникомъ столоначальника.

Три года спустя, Я. К. Гротъ занималъ въ Государственной Канцеляріи должность столоначальника. Въ то время онъ заболѣлъ и просилъ объ отпускѣ для поправленія здоровья. Результатомъ этого ходатайства былъ слѣдующій всеподданнѣйшій докладъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, графа И. В. Васильчикова:

«Служащій въ Государственной Канцеляріи надворный совѣтникъ Гротъ, при молодыхъ лѣтахъ, издавна уже страдаетъ сильнымъ ревматизмомъ въ груди, угрожающимъ его

жизни, отъ котораго, по совѣту лейбъ-медика Маркуса, онъ долженъ немедленно предпринять самое строгое и продолжительное леченіе, въ составъ коего войдетъ и пользованіе морскими водами въ Гапсалѣ.

«Чиновникъ сей поступилъ на службу въ 1832 году изъ воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея, гдѣ, при выпускѣ, удостоился получить *первую* золотую медаль. По отзыву состоящаго въ должности Государственнаго Секретаря, способности его, познанія, усердіе и нравственность вполнѣ оправдываютъ эту рекомендацію, и по блестящимъ надеждамъ, которыя онъ подаетъ во всѣхъ отношеніяхъ, тѣмъ желательнѣе было бы сохранить его для службы; но къ предпринятію леченія, требующаго еще поѣздки въ Гапсаль, онъ не имѣетъ рѣшительно никакихъ средствъ, существуя только получаемымъ по службѣ содержаніемъ».

Въ виду этихъ соображеній, графъ Васильчиковъ ходатайствовалъ предъ Его Величествомъ о выдачѣ Гроту единовременнаго пособія въ размѣрѣ 3.000 р. асс., на что и послѣдовало, 19 Апрѣля 1838 года, Высочайшее соизволеніе.

Въ Апрѣлѣ 1840 года Я. К. Гротъ изъявилъ желаніе поступить на службу въ Статсъ-Секретаріатъ Великаго Княжества Финляндскаго. Препровождая Министру Статсъ-Секретарю Великаго Княжества, графу Ребиндеру, формулярный списокъ о службѣ Грота, баронъ Корфъ писалъ, что послѣдній «всегда отличался сколько примѣрною нравственностью, рвеніемъ и усердіемъ, столько же блестящими своими дарованіями и высокимъ образованіемъ. Мнѣ тѣмъ пріятнѣе отдать въ томъ полную справедливость г. Гроту, что онъ, съ самаго выпуска своего изъ Царскосельскаго Лицея, состоялъ постоянно и неотлучно при мнѣ, и во все сіе время я имѣлъ многократно случай лично убѣдиться въ его достоинствахъ и какъ служащаго чиновника, и какъ частнаго человѣка». Списокъ съ этого отношенія, по распоряженію Государственнаго Секретаря, былъ сообщенъ Гроту, для свѣдѣнія.

В. И. Туманскій (1800—1860), служившій ранѣе въ Канцеляріи Новороссійскаго Генералъ-Губернатора графа М. С. Воронцова, гдѣ онъ сблизился и подружился съ Пушкинымъ, а потомъ состоявшій секретаремъ нашей миссіи въ Константинополѣ, былъ приглашенъ самимъ барономъ Корфомъ на освободившуюся должность Помощника Статсъ-Секретаря въ Департаментѣ Государственной Экономіи (въ Январѣ 1839 г.). Вице-Канцлеръ графъ Нессельроде, соглашаясь на перемѣщеніе Туманскаго, отозвался, что «означенный чиновникъ во время своего служенія въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ постоянно обращалъ на себя вниманіе начальства какъ по отличнымъ способностямъ своимъ, такъ и по примѣрному усердію къ службѣ». Осенью 1839 года баронъ Корфъ поручилъ ему заняться составленіемъ исторіи Государственнаго Совѣта.

В. И. Туманскій.

«Въ архивѣ Государственной Канцеляріи», писалъ Туманскому Государственный Секретарь, «хранится краткій историческій очеркъ Государственнаго Совѣта съ 1768 по 1827 годъ, который, по Высочайшему повелѣнію, поднесенъ былъ Государю Императору 1 Января 1827 года тогдашнимъ Государственнымъ Секретаремъ Олениным.[42]

«Управляющій архивомъ Помощникъ Статсъ-Секретаря Леонтьевъ, составлявшій сію работу, неоднократно отзывался мнѣ, что она, вслѣдствіе Высочайшей воли, совершена была въ нѣсколько дней. Отъ сей поспѣшности, вѣроятно, помянутый очеркъ не представляетъ ни должной полноты, ни надлежащей строгости и отчетливости въ выборѣ и употребленіи матеріаловъ, ни окончательной отдѣлки въ отношеніи къ плану и редакціи.

«Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что чрезвычайно желательно имѣть исторію Государственнаго Совѣта, составленную съ тою подробностію и съ тѣмъ достоинствомъ, которыя соотвѣтствовали бы важности сего установленія въ общемъ порядкѣ государственной іерархіи. Работа сего рода столько же можетъ быть полезна для справокъ и соображеній въ будущемъ, сколько она будетъ любопытна въ настоящемъ, по общему своему историческому интересу. Постепенное развитіе состава, круга и образа дѣйствій Совѣта, отъ политическаго кабинета, какимъ онъ былъ въ 1768 году, отъ цензурнаго комитета, въ который онъ обратился въ исходѣ минувшаго столѣтія, до высшаго правительственнаго учрежденія по части законодательства, государственнаго хозяйства и суда, какимъ онъ есть теперь; фазы этихъ переворотовъ, общая связь ихъ съ ходомъ прочихъ частей государственнаго управленія; степень вліянія и власти Совѣта въ различныя эпохи; достопамятнѣйшія въ разныхъ отношеніяхъ дѣла, проекты и начертанія его, которыя могутъ получить новую жизнь не только въ памяти, но и въ приложеніи на опытѣ; многочисленныя засѣданія, ознаменованныя присутствіемъ Всероссійскихъ Самодержцевъ; еще многочисленнѣйшія Собственноручныя рѣшенія Ихъ по дѣламъ Совѣта; наконецъ, галлерея историческихъ именъ, принадлежавшихъ къ его составу,—все это подъ искуснымъ перомъ и изложенное не въ однѣхъ сухихъ догматическихъ формахъ, но въ живомъ и сжатомъ разсказѣ, можетъ составить картину и поучительную, и въ высокой степени занимательную. И ко всему этому богатый запасъ всѣхъ нужныхъ матеріаловъ содержится въ нашемъ архивѣ, а отличный порядокъ, до котораго онъ доведенъ, представляетъ всѣ удобства къ совершенію теперь той работы, которая прежде была бы, конечно, крайне трудною, если не совсѣмъ невозможною».

Въ Апрѣлѣ 1841 года Предсѣдатель Государственнаго Совѣта князь И. В. Васильчиковъ докладывалъ Государю

Императору, что Туманскій, по порученію Государственнаго Секретаря, окончилъ, сверхъ постоянныхъ своихъ занятій, весьма важный и любопытный трудъ, именно— подробную исторію Государственнаго Совѣта, которая доведена уже до преобразованія онаго при блаженныя памяти Императорѣ Александрѣ I. Трудъ этотъ былъ представленъ Императору Николаю, и автору пожалованъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.[43]

Графъ В. А. Сологубъ.

Трудъ В. И. Туманскаго представляетъ сжатый, но довольно полный и живо написанный, очеркъ образованія и дѣятельности Совѣтовъ, существовавшихъ при Императрицѣ Екатеринѣ II и Императорѣ Павлѣ I, съ общею характеристикою состава этихъ учрежденій, ихъ обязанностей и круга дѣлъ, подлежавшихъ ихъ разсмотрѣнію, и съ краткимъ изложеніемъ содержанія важнѣйшихъ изъ этихъ дѣлъ. Впослѣдствіи трудъ этотъ послужилъ цѣннымъ пособіемъ при работахъ по описанію архива Государственнаго Совѣта, предпринятыхъ въ 60-хъ годахъ минувшаго столѣтія.

28 Апрѣля 1842 года Туманскій подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы, но безъ назначенія пенсіи, въ которой онъ, по своему состоянію, не нуждался. 30 Апрѣля состоялось его увольненіе.

Графъ *В. А. Сологубъ* (1814—1882) служилъ въ Канцеляріи Министра Внутреннихъ Дѣлъ секретаремъ для иностранной переписки. Въ Мартѣ 1842 года онъ былъ опредѣленъ въ Государственную Канцелярію столоначальникомъ, причемъ ему было приказано находиться въ Отдѣленіи Дѣлъ Государственнаго Секретаря при составленіи

меморій, съ откомандированіемъ, сверхъ того, для занятій и въ Отдѣленіи Законовъ. Съ 1 Іюля 1843 по 14 Іюля 1844 года онъ находился въ заграничномъ отпуску; затѣмъ, по возвращеніи на службу, опять большую часть времени проводилъ въ отпускахъ то за границу, то во внутреннія губерніи и, наконецъ, 13 Января 1849 года, окончательно уволенъ отъ службы «по домашнимъ обстоятельствамъ».

А. П. Башуцкій (1803—1876)—личность незаурядная и, во всякомъ случаѣ, весьма своеобразная. Окончивъ курсъ въ Пажескомъ Корпусѣ, онъ служилъ въ Измайловскомъ полку; въ 1833 году вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника и поступилъ на службу въ Министерство Финансовъ чиновникомъ особыхъ порученій. Въ 1836 году ему было пожаловано званіе Камергера Высочайшаго Двора, а въ 1838 году онъ былъ назначенъ состоять за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ въ VI Департаментѣ Сената. Отсюда онъ и перешелъ въ 1841 году въ Государственную Канцелярію, Помощникомъ Статсъ-Секретаря въ Гражданскомъ Департаментѣ.

Выше уже приходилось упоминать о тѣхъ затрудненіяхъ, какія испытывались чиновниками Государственной Канцеляріи при подготовкѣ къ докладу судебныхъ дѣлъ въ эпоху, предшествовавшую изданію Свода и Полнаго Собранія Законовъ, а также и о томъ, что единственнымъ пособіемъ при обработкѣ этого рода дѣлъ служили экстракты и выписки изъ прежнихъ указовъ и рѣшеній Государственнаго Совѣта и Сената. Съ изданіемъ Свода и Полнаго Собранія затрудненія эти, конечно, значительно уменьшились; однако, при производствѣ дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ необходимо было сообразоваться съ прежними рѣшеніями Совѣта по однороднымъ случаямъ, а слѣдовательно—и отыскивать эти рѣшенія въ архивѣ, что было дѣломъ далеко не легкимъ. Въ виду этого баронъ Корфъ призналъ необходимымъ—«для справокъ по текущему дѣлопроизвод-

ству и для могущихъ впредь представиться высшихъ соображеній собрать въ одинъ систематическій сводъ всѣ частныя положенія Государственнаго Совѣта, коими разрѣшаемы были по всѣмъ восходившимъ на его разсмотрѣніе дѣламъ юридическіе или другіе вопросы и которыя могутъ служить примѣромъ или руководствомъ для будущаго». Для этой-то именно работы баронъ Корфъ и привлекъ въ Государственную Канцелярію Башуцкаго. Послѣдній, въ свою очередь, докладывалъ Государственному Секретарю, что «имѣя подробное систематическое указаніе всѣхъ дѣлъ прежняго времени и всѣхъ рѣшеній Государственнаго Совѣта въ многообразномъ кругѣ его дѣятельности, мы не будемъ болѣе встрѣчать теперешнихъ ежеминутныхъ затрудненій въ пріискиваніи предшедшихъ однородныхъ случаевъ, и самъ Государственный Совѣтъ не будетъ болѣе никогда въ неблаговидной невозможности постановлять, не по измѣнившимся обстоятельствамъ или убѣжденіямъ, а единственно по неизвѣстности прежняго, рѣшеній противорѣчивыхъ. Высшая юридическая практика наша вдругъ обогатится драгоцѣннымъ запасомъ 30-лѣтней опытности, которая теперь, безъ необыкновеннаго усилія памяти или какой-нибудь счастливой случайности, остается, большею частью, сокровенною тайною».

Башуцкій, однако, не особенно спѣшилъ съ исполненіемъ даннаго ему порученія: черезъ два года онъ представилъ Государственному Секретарю только рапортъ съ изложеніемъ общихъ соображеній о планѣ предположенной работы. Получивъ этотъ рапортъ, баронъ Корфъ на слѣдующій же день поручилъ исправлявшему должность Статсъ-Секретаря *Никитину* разсмотрѣть планъ Башуцкаго въ особомъ совѣщаніи Статсъ-Секретарей. Совѣщаніе нашло, что трудъ Башуцкаго, «какъ по обширности своей, такъ и по отчетливости и самой добросовѣстности, заслуживаетъ полной справедливости; но какъ совершеніе сего труда потребовало бы и необыкновенныхъ усилій, и чрезвычайно

много времени», то ему необходимо придать гораздо болѣе сжатую и удобную для справокъ форму. Указавъ тѣ измѣненія въ планѣ труда, которыя, по мнѣнію совѣщанія, слѣдовало сдѣлать, рѣшили возложить составленіе систематическаго свода за прошедшее время на Помощниковъ Статсъ-Секретаря, подъ руководствомъ и наблюденіемъ Башуцкаго, предоставивъ ему какъ распредѣленіе занятій, такъ и приведеніе къ единству отдѣльныхъ работъ и окончательную редакцію свода; что же касается продолженія свода на будущее время, то указаніе положеній Государственнаго Совѣта, которыя должны будутъ войти въ этотъ сводъ, возложить на исправляющихъ должность Статсъ-Секретаря.

Протоколъ совѣщанія былъ подписанъ 6 Апрѣля 1843 года. О томъ, какъ производилась намѣченная въ немъ работа, и производилась ли она вообще, свѣдѣній не имѣется: архивное дѣло оканчивается этимъ протоколомъ, на которомъ, 16 Декабря 1852 года, рукою Государственнаго Секретаря Н. И. Бахтина помѣчено: «Сдать въ архивъ для храненія». Въ ту пору Башуцкій уже не состоялъ на службѣ.

Судя по всему, что намъ извѣстно о характерѣ Башуцкаго, можно предположить, что у него, по всей вѣроятности, не хватило ни времени, ни охоты серьезно заняться этимъ дѣломъ, которое имъ же самимъ было задумано. Посвящая много силъ литературной работѣ, которая доставила ему видное мѣсто въ журнальныхъ кружкахъ 40-хъ годовъ,[44] онъ постоянно разбрасывался, изобрѣтая все новыя и новыя предпріятія. Эта сторона его дѣятельности была хорошо извѣстна и барону Корфу, который такъ охарактеризовалъ ее въ своихъ запискахъ:

«Въ числѣ начавшихъ появляться у насъ съ 40-хъ годовъ иллюстрированныхъ, или, какъ ихъ тогда называли, *роскошныхъ* изданій одно изъ первыхъ мѣстъ, и едва ли даже не самое первое, занялъ сборникъ подъ заглавіемъ

«Наши», начатый, въ подражаніе «Les Français peints par eux-mêmes», Башуцкимъ, человѣкомъ съ очень пріятнымъ литературнымъ и артистическимъ талантомъ. Сочинитель нѣсколькихъ романовъ, издатель двухъ или трехъ журналовъ и пр., онъ, по стеченію разныхъ неблагопріятныхъ случайностей, всегда подвергался, во всѣхъ своихъ литературно-меркантильныхъ предпріятіяхъ, какимъ-то особеннымъ несчастіямъ и наиболѣе потерпѣлъ ихъ при изданіи замѣчательной своей книги «Панорама С.-Петербурга» — отъ крушенія корабля, везшаго въ Россію изготовленныя для нея въ Англіи доски и оттиски гравюръ. Такое же особенное несчастіе остановило, почти въ самомъ началѣ, и упомянутое изданіе его «Наши». Въ первыхъ выпускахъ этого изданія была, между прочимъ, помѣщена статья «Водовозъ», въ которой рѣзкими красками описывалась сопряженная со всевозможными лишеніями и бѣдствіями жизнь этого класса людей. Эта статья, не смотря на пропускъ ея цензурою, возбудила противъ себя большое неудовольствіе Государя...»[45]

Неудачныя литературныя предпріятія вовлекли Башуцкаго въ долги, по которымъ, во время его службы въ Государственной Канцеляріи, то и дѣло поступали взысканія, и ему постоянно приходилось по этому поводу объясняться съ начальствомъ и отписываться передъ взыскателями. Въ Январѣ 1842 года онъ былъ назначенъ правителемъ дѣлъ Комитета Главнаго Попечительства дѣтскихъ пріютовъ, предсѣдателемъ котораго былъ графъ Г. А. Строгоновъ. Въ Ноябрѣ 1849 года, когда Башуцкій находился въ отпуску, неожиданно обнаружилась недостача довольно крупной суммы, принадлежавшей вѣдомству (около 38.000 р.). Вызванный изъ отпуска Башуцкій объяснилъ, что онъ давалъ пріютскія деньги взаймы разнымъ лицамъ, получая отъ нихъ, вмѣсто казенныхъ 4%, по 6 и 8%, причемъ эти проценты всегда обращались въ пользу пріютовъ же, и что, такимъ образомъ, онъ виноватъ не въ растратѣ, а только въ превышеніи власти. Деньги всѣ полностью были

внесены имъ обратно; но графъ Строгоновъ тотчасъ же уволилъ его отъ должности, а вслѣдъ затѣмъ и Государственный Секретарь нашелъ дальнѣйшее пребываніе Башуцкаго въ Государственной Канцеляріи неудобнымъ, и 3 Декабря 1849 года онъ былъ уволенъ отъ службы. Въ концѣ 1856 года онъ подалъ Государственному Секретарю В. П. Буткову прошеніе, въ которомъ объяснилъ, что при увольненіи своемъ не рѣшался просить о пенсіи, потому что подалъ поводъ къ неудовольствію въ Бозѣ почившаго Государя Императора. «Посвятивъ себя самой уединенной и безвѣстной жизни и снискивая средства для существованія художественными работами, Башуцкій отъ лѣтъ, болѣзней и зрѣнія, утомленнаго прежними служебными трудами и нынѣшними занятіями, пришелъ въ такое положеніе, что не можетъ и симъ способомъ снискивать съ женою насущный хлѣбъ»... Онъ просилъ о назначеніи ему пенсіи. По всеподданнѣйшему докладу Буткова, ему была тогда же назначена пенсія въ размѣрѣ 575 р., а въ 1858 году, по новому ходатайству, выданъ въ пособіе годовой окладъ содержанія—2.000 р. Закончилъ онъ свое безпокойное существованіе тѣмъ, что поступилъ послушникомъ въ монастырь, сдѣлался сотрудникомъ «Домашней Бесѣды» Аскоченскаго и занялся гомеопатическимъ леченіемъ, которое практиковалъ въ очень обширныхъ размѣрахъ. Онъ умеръ въ Петербургѣ въ 1876 году.

Отношенія барона Корфа къ его подчиненнымъ вообще отличались доброжелательствомъ и отсутствіемъ формализма. По свидѣтельству современниковъ, онъ со всѣми обходился какъ съ равными, что въ его время «представлялось совершеннымъ чудомъ и почти безпримѣрнымъ исключеніемъ». Онъ «никогда не позволялъ себѣ сдѣлать своему подчиненному не только грубое, но даже рѣзкое замѣчаніе на словахъ или на бумагѣ, никогда не писалъ неумѣстныхъ

резолюцій», и т. д.[46] Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда по обстоятельствамъ онъ былъ вынужденъ прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ, онъ дѣлалъ это въ крайне мягкой и сдержанной формѣ.

Въ 1843 году, 11 Апрѣля, баронъ Корфъ былъ назначенъ Членомъ Государственнаго Совѣта. Преемникомъ его въ должности Государственнаго Секретаря былъ Статсъ-Секретарь Его Императорскаго Величества тайный совѣтникъ *Н. И. Бахтинъ.*

Въ своихъ запискахъ, баронъ Корфъ, между прочимъ, описываетъ свою аудіенцію у Государя Императора Николая Павловича послѣ своего назначенія Членомъ Государственнаго Совѣта. «Когда мы съ Бахтинымъ вошли», разсказываетъ онъ,—«Государь, обратясь ко мнѣ съ пожатіемъ руки, сказалъ: «Ваше Превосходительство, нижайше поздравляемъ! Надѣюсь, что ты и въ новой своей должности будешь тѣмъ же и такимъ же, какъ въ прежнихъ; а тебѣ (Бахтину) желаю быть такимъ же Государственнымъ Секретаремъ, какимъ былъ твой предмѣстникъ. Кромѣ добросовѣстности и отличной редакціи, Я долженъ еще особенно отдать ему справедливость въ томъ, что при изложеніи имъ разногласій въ Совѣтѣ Я нигдѣ не видѣлъ и не могъ замѣтить собственнаго его мнѣнія; а это—и большое мастерство, и большая побѣда надъ самимъ собой, потому что и не имѣющему голоса нельзя же не имѣть своего убѣжденія».

Въ бытность свою Членомъ Государственнаго Совѣта баронъ Корфъ нерѣдко принималъ участіе въ различныхъ особыхъ Комитетахъ и Совѣщаніяхъ, а въ 1849 году былъ назначенъ Директоромъ Императорской Публичной Библіотеки, которою управлялъ до 1861 года. Въ концѣ 1861 года ему Высочайше повелѣно было быть Главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, а въ 1864 году — Предсѣдателемъ Департамента Законовъ. Въ 1872 году баронъ Корфъ былъ возведенъ въ графское достоинство. Въ послѣ-

дующіе затѣмъ годы, чувствуя упадокъ силъ, онъ отстранялъ себя почти отъ всѣхъ занятій и большую часть года проводилъ за границей, только на зиму возвращаясь въ Петербургъ. Онъ скончался 2 Января 1876 года.

III.

Замѣнившій барона Корфа на посту Государственнаго Секретаря Николай Ивановичъ *Бахтинъ* родился въ Тулѣ, въ 1796 году. Отецъ его, человѣкъ умный, образованный, высокой честности, не оставилъ своимъ дѣтямъ никакого состоянія. Послѣ домашняго воспитанія, изъ котораго Н. И. вынесъ на всю жизнь глубокое уваженіе къ своему отцу, онъ поступилъ въ Слободско-Украинскую гимназію (въ Харьковѣ) и по окончаніи въ 1812 году курса опредѣлился на службу канцеляристомъ въ губернское правленіе, посѣщая, въ то же время, лекціи въ университетѣ. Въ 1815 году, съ переходомъ отца на службу въ Петербургъ, онъ послѣдовалъ за нимъ и поступилъ въ Экспедицію для ревизіи счетовъ, гдѣ отецъ его состоялъ управляющимъ. Черезъ годъ онъ перешелъ на службу въ Канцелярію Статсъ-Секретаря у принятія прошеній, гдѣ и оставался до 1823 года. Не смотря на служебныя занятія, онъ находилъ возможность посѣщать университетъ и въ 1822 году сдалъ экзаменъ на званіе дѣйствительнаго студента. Въ 1823 году Н. И. Бахтинъ поступилъ на службу въ Капитулъ Орденовъ. Эта служба была для него особенно полезна въ томъ отношеніи, что доставила ему случай пробыть довольно долго за границей, въ качествѣ секретаря при Канцлерѣ Орденовъ князѣ А. Б. Куракинѣ. Въ 1825—1826 годахъ Н. И. Бахтинъ служилъ въ Провіантскомъ Департаментѣ Военнаго Министерства; въ 1827 году перешелъ на службу въ Морское Министерство, былъ назначенъ состоять при Начальникѣ Морского Штаба генералъ-

адъютантѣ А. С. Меншиковѣ и вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ въ 1828 году въ морскомъ походѣ изъ Севастополя къ крѣпости Анапѣ, въ сраженіи подъ Анапою, въ походѣ оттуда къ Варнѣ и при атакѣ этой крѣпости русскими войсками. По окончаніи войны, Н. И. Бахтинъ, способности и трудолюбіе котораго были оцѣнены княземъ Меншиковымъ, былъ назначенъ правителемъ дѣлъ Комитета образованія флота и завѣдующимъ дѣлами по части Финляндскаго генералъ-губернаторства. Въ 1833 году онъ редактировалъ Сводъ морскихъ постановленій, а въ 1834 году, по назначеніи В. Р. Марченка Государственнымъ Секретаремъ, занялъ его мѣсто—Управляющаго дѣлами Комитета Министровъ и вмѣстѣ съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника получилъ званіе Статсъ-Секретаря Его Императорскаго Величества. Въ этой должности онъ пробылъ девять лѣтъ, до назначенія своего на постъ Государственнаго Секретаря.

Молодость Н. И. Бахтина прошла довольно шумно въ кружкѣ его сверстниковъ—молодыхъ писателей и поклонниковъ театра, группировавшихся около извѣстнаго пріятеля Пушкина, П. А. Катенина. Любя литературу и всегда интересуясь ею, онъ нерѣдко выступалъ и въ печати. Въ 1821—1828 годахъ онъ помѣстилъ, за подписью *М. И.*, рядъ статей критическаго и историко-литературнаго содержанія въ «Сынѣ Отечества», «Вѣстникѣ Европы» и «Атенеѣ». Ему же принадлежитъ статья въ журналѣ «Mercure du XIX-e siècle», подъ заглавіемъ: «Quelques notes d'un Russe, présentement à Paris, sur l'Anthologie Russe de M. Dupré de St.-Maure», и глава VIII въ Atlas géographique du globe, par Adrien Balbi, P. 1826: «Coup d'oeil sur l'histoire de la langue slave et sur la marche progressive de la civilisation et de la littérature en Russie», вызвавшая рѣзкую рецензію Полевого въ «Московскомъ Телеграфѣ». Въ 1832 году Н. И. Бахтинъ издалъ «Сочиненія и Переводы» своего друга П. А. Катенина, къ которымъ написалъ небольшое предисловіе.

По отзывамъ современниковъ, Н. И. Бахтинъ отличался высокою честностью, прямотою характера и просвѣщенными, гуманными взглядами, которые всегда умѣлъ защищать съ большимъ достоинствомъ. Еще будучи Управляющимъ дѣлами Комитета Министровъ, въ началѣ 40-хъ годовъ, онъ дважды исправлялъ должность Государственнаго Секретаря въ отсутствіе барона Корфа и, такимъ образомъ, имѣлъ случай близко ознакомиться со всѣми порядками Государственной Канцеляріи. Въ своемъ управленіи Канцеляріею онъ явился продолжателемъ и послѣдователемъ барона Корфа, такъ же, какъ и онъ, заботясь о быстротѣ и отчетливости исполненія дѣлъ, точной и красивой редакціи журналовъ и меморій и внѣшнемъ изяществѣ исходящихъ изъ Канцеляріи бумагъ, особенно—всеподданнѣйшихъ докладовъ и отчетовъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Канцелярія при Бахтинѣ отличалась высокой степенью каллиграфическаго искусства своихъ журналистовъ: годовые Департаментскіе отчеты во второй половинѣ 40-хъ годовъ были, можно сказать, художественными произведеніями.

Въ отношеніи къ Министрамъ Н. И. Бахтинъ держался вполнѣ самостоятельно, заботливо охраняя достоинство и права Государственнаго Совѣта, въ особенности — при новомъ его Предсѣдателѣ, князѣ А. И. Чернышевѣ, замѣнившемъ, съ 1 Ноября 1848 года, скончавшагося графа Левашева и относившемся къ Государственному Секретарю съ полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ. Нерѣдко Н. И. Бахтинъ возвращалъ Министрамъ дѣла, неправильно, по его мнѣнію, внесенныя ими въ Государственный Совѣтъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ переписки 1849 года.

Отставной поручикъ Колпаковъ за составленіе фальшивыхъ видовъ былъ приговоренъ Сенатомъ къ ссылкѣ на житье въ Томскую губернію. Министръ Юстиціи графъ Панинъ находилъ это наказаніе недостаточнымъ и требовалъ ссылки въ Иркутскую губернію, съ заключеніемъ тамъ на два года въ тюрьму. Дѣло было внесено въ Государственный

Совѣтъ; но Государственный Секретарь возвратилъ это дѣло Министру съ указаніемъ, что разномыслія между Министромъ Юстиціи и Департаментами Сената должны разрѣшаться Общимъ Сената Собраніемъ и что Государственный Совѣтъ можетъ приступить къ разсмотрѣнію этого дѣла лишь въ томъ случаѣ, когда оно дойдетъ до него «въ законномъ порядкѣ».

Внесенная Военнымъ Министромъ записка о пенсіяхъ профессорамъ и адъюнктамъ Военной Академіи была разсмотрѣна Н. И. Бахтинымъ по существу, и Министру было предложено взять ее обратно, на томъ основаніи, что дѣло это слѣдуетъ отложить до окончанія пересмотра всѣхъ вообще уставовъ о пенсіяхъ.

Самостоятельность Государственнаго Секретаря проявилась также и въ направленіи дѣла по представленію Министра Финансовъ Ѳ. П. Вронченка объ увольненіи людей, принадлежавшихъ къ поссессіоннымъ фабрикамъ помѣщика Покровскаго, въ числѣ 351 души. На основаніи Высочайше утвержденнаго 18 Іюня 1840 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, въ цѣляхъ постепеннаго уничтоженія поссессій, владѣльцамъ поссессіонныхъ фабрикъ было дозволено увольнять, по желанію своему, принадлежавшихъ къ этимъ фабрикамъ людей въ свободныя сословія, причемъ владѣльцу должно было выплачиваться изъ казны по 36 р. с. за каждую мужескаго пола душу, а увольняемымъ были предоставлены различныя льготы въ податяхъ и повинностяхъ. По многократнымъ взаимнымъ жалобамъ: крестьянъ на дѣлаемыя имъ притѣсненія, а арендатора фабрики Покровскаго—на неповиновеніе крестьянъ, Сенатъ предписалъ обязать крестьянъ подпискою продолжать работы на фабрикѣ, подъ опасеніемъ за дальнѣйшее ослушаніе отвѣтственности по законамъ; съ своей стороны, Министръ Финансовъ, для устраненія повода къ дальнѣйшимъ жалобамъ, предложилъ Покровскому подать просьбу объ увольненіи его крестьянъ. Но въ этой просьбѣ Покровскій, между прочимъ, заявилъ,

что крестьяне не дали предписанной Сенатомъ подписки и отъ работъ на фабрикѣ отказались; что ни внушенія духовенства, ни убѣжденія предводителя дворянства, жандармскаго штабъ-офицера и начальника губерніи не имѣли успѣха, и что крестьяне не удержались и пошли въ колья противъ присланной для усмиренія ихъ команды.

Разсмотрѣвъ это дѣло, Н. И. Бахтинъ не рѣшился предоставить его обычному теченію и представилъ Предсѣдателю Государственнаго Совѣта особый докладъ, въ которомъ изложилъ свои сомнѣнія. «Подобное снисхожденіе къ буйству крестьянъ», писалъ Государственный Секретарь, «можетъ послужить опаснымъ примѣромъ и для прочихъ поссессіонныхъ людей и дать имъ поводъ къ неповиновенію для пріобрѣтенія такимъ путемъ свободы и даруемыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ льготъ и пособій. Мнѣ кажется, что они должны быть прежде всего приведены въ надлежащее повиновеніе законному своему владѣльцу, а виновные въ явномъ ослушаніи преданы суду и наказаны по законамъ, и что тогда только, если владѣлецъ не измѣнитъ своего желанія, они могутъ быть уволены въ свободное состояніе на основаніи закона 1840 года.

«Если настоящія соображенія мои будутъ признаны уважительными, то не изволите ли поручить мнѣ объясниться по сему дѣлу съ Министромъ Финансовъ и предложить ему взять представленіе свое обратно. Думаю, что это будетъ для Министра лучше, чѣмъ допустить, чтобы всѣ означенныя выше сужденія возникли въ Государственномъ Совѣтѣ и дошли, въ установленномъ порядкѣ, до Государя Императора».

Князь Чернышевъ согласился съ этимъ предложеніемъ, и дѣло было взято Министромъ Финансовъ обратно.

Для характеристики той заботливости, съ какою Бахтинъ старался поддерживать авторитетъ Государственнаго Совѣта противъ вліяній даже самыхъ сильныхъ людей того времени, интересно также дѣло о статскомъ совѣтникѣ

Окуневъ, разсмотрѣнное въ Общемъ Собраніи Совѣта 20 Декабря 1848 года.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ:

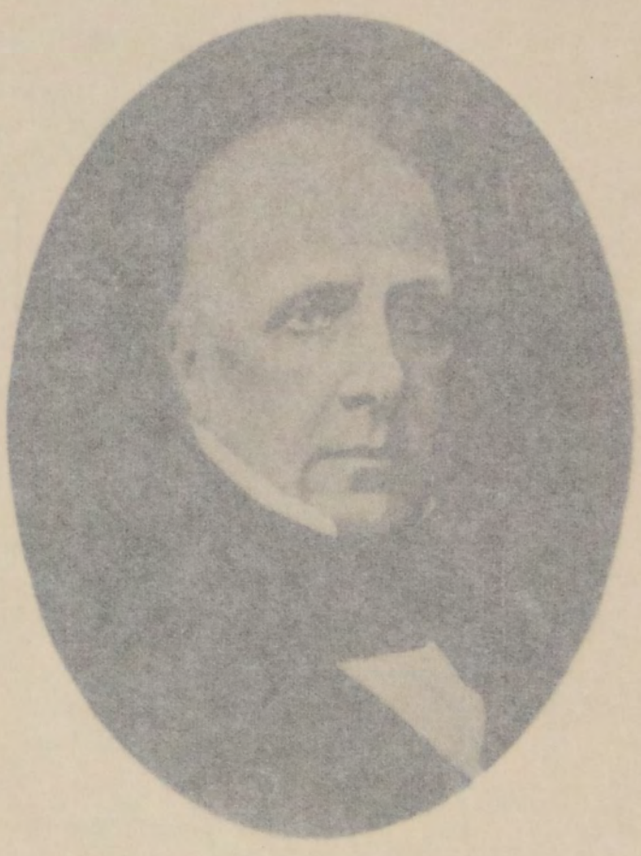
Ревизовавшій въ 1845 году Псковскую губернію Сенаторъ Пещуровъ взялъ у мѣстнаго дворянина Окунева частное письмо, которое послѣдній имѣлъ намѣреніе послать предводителю дворянства и въ которомъ говорилось, что члены Псковской строительной коммисіи получили съ него, Окунева, при постройкѣ имъ зданія для арестантской роты, 3.200 р. с. Письмо это Пещуровъ «конфиденціально» переслалъ Главноуправляющему Путями Сообщенія и Публичными зданіями графу П. А. Клейнмихелю, объясняя впослѣдствіи свой поступокъ тѣмъ, что графъ просилъ его при ревизіи обратить вниманіе и на учрежденія его вѣдомства. Получивъ это письмо, графъ Клейнмихель сдѣлалъ распоряженіе произвести слѣдствіе о лихоимствѣ членовъ Псковской строительной коммисіи. Когда по слѣдствію никакихъ доказательствъ ихъ виновности обнаружено не было, аудиторіатъ Управленія Путей Сообщенія постановилъ «несправедливый извѣтъ Окунева предоставить судебному разсмотрѣнію». Дѣло поступило въ Комитетъ Министровъ, положеніе котораго «о дачѣ сему дѣлу дальнѣйшаго хода» получило Высочайшее утвержденіе.

Псковское губернское правленіе постановило предать Окунева суду «за клевету и распространеніе оскорбительныхъ слуховъ» и передало дѣло въ уѣздный судъ. Это постановленіе Окуневъ обжаловалъ въ Сенатъ, на основаніи того соображенія, что Высочайшее повелѣніе «о дачѣ дальнѣйшаго дѣлу хода» должно понимать въ смыслѣ дальнѣйшаго *законнаго* хода, законами же повелѣно возбуждать дѣла подобнаго рода только по жалобѣ самихъ оскорбленныхъ и притомъ—въ теченіе годичнаго срока, который уже миновалъ. Первый Департаментъ Сената призналъ преданіе Окунева суду неправильнымъ, въ Общемъ же Собраніи первыхъ трехъ Департаментовъ произошло разногласіе: 8 Се-

наторовъ и Министръ Юстиціи, руководствуясь тѣмъ, что «Высочайшія повелѣнія должны быть исполняемы буквально», высказались за преданіе Окунева суду, а 6 Сенаторовъ—противъ. Въ виду разногласія, дѣло перешло въ Государственный Совѣтъ, гдѣ большинство Членовъ Гражданскаго Департамента согласилось съ большинствомъ Сенаторовъ.

Въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 20 Декабря 1848 года, голоса также раздѣлились: 16 Членовъ, въ числѣ которыхъ былъ и вновь назначенный на мѣсто умершаго графа Левашова Предсѣдатель Совѣта князь Чернышевъ, высказались противъ преданія Окунева суду, а 11 Членовъ, въ томъ числѣ и графъ Клейнмихель, полагали предать его суду, основывая свое мнѣніе на томъ, что законъ, предусматривающій возможность возникновенія дѣлъ о клеветѣ только по жалобѣ оскорбленныхъ, «имѣетъ въ виду исключительно жизнь частную».

Графъ Клейнмихель ранѣе утвержденія меморіи Общаго Собранія по дѣлу Окунева представилъ по этому дѣлу особую всеподданнѣйшую записку. Узнавъ объ этомъ, Н. И. Бахтинъ убѣдилъ князя Чернышева также представить Его Величеству записку, составленную Государственнымъ Секретаремъ. Въ ней было высказано что графъ Клейнмихель въ своемъ докладѣ подробно изложилъ мнѣніе 11 Членовъ и сокращенно — противное мнѣніе 16 Членовъ. Между тѣмъ, «каждый Членъ Совѣта имѣетъ полное право и возможность объяснить въ засѣданіи свое мнѣніе», а затѣмъ, «соблюдая установленный порядокъ, долженъ безмолвно ожидать Высочайшаго разрѣшенія, которое Ваше Величество изволите положить по прочтеніи мнѣній обѣихъ сторонъ *въ полномъ объемѣ*». — «Невольно рождается мысль», говорилось далѣе: «какая же цѣль была въ представленіи Вашему Императорскому Величеству особаго всеподданнѣйшаго доклада по такому дѣлу, которое уже разсмотрѣно въ Государственномъ Совѣтѣ, но

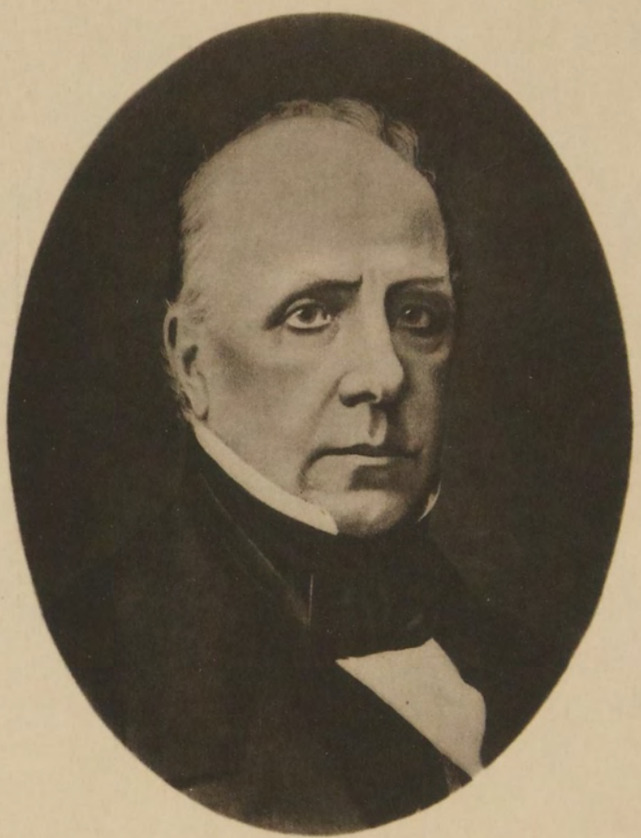

Н. И. Вахтинъ.

наторовъ и Министръ Юстиціи, руководствуясь тѣмъ, что «Высочайшія повелѣнія должны быть исполняемы буквально», высказались за преданіе Окунева суду, а 6 Сенаторовъ—противъ. Въ виду разногласія, дѣло перешло въ Государственный Совѣтъ, гдѣ большинство Членовъ Гражданскаго Департамента согласилось съ большинствомъ Сенаторовъ.

Въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 20 Декабря 1848 года, голоса также раздѣлились: 16 Членовъ, въ числѣ которыхъ былъ и вновь назначенный на мѣсто умершаго графа Левашова Предсѣдатель Совѣта князь Чернышевъ, высказались противъ преданія Окунева суду, а 11 Членовъ, въ томъ числѣ и графъ Клейнмихель, полагали предать его суду, основывая свое мнѣніе на томъ, что законъ, предусматривающій возможность возникновенія дѣлъ о клеветѣ только по жалобѣ оскорбленныхъ, «имѣетъ въ виду исключительно жизнь частную».

Графъ Клейнмихель ранѣе утвержденія мемеріи Общаго Собранія по дѣлу Окунева представилъ по этому дѣлу особую всеподданнѣйшую записку. Узнавъ объ этомъ, И. И. Бахтинъ убѣдилъ князя Чернышева также представить Его Величеству записку, составленную Государственнымъ Секретаремъ. Въ ней было высказано что графъ Клейнмихель въ своемъ докладѣ подробно изложилъ мнѣніе 11 Членовъ и сокращенно — противное мнѣніе 16 Членовъ. Между тѣмъ, «каждый Членъ Совѣта имѣетъ полное право и возможность объяснить въ засѣданіи свое мнѣніе», а затѣмъ, «соблюдая установленный порядокъ, долженъ безмолвно ожидать Высочайшаго разрѣшенія, которое Ваше Величество изволите положить по прочтеніи мнѣній обѣихъ сторонъ *въ полномъ объемѣ*». — «Невольно рождается мысль», говорилось далѣе: «какая же цѣль была въ представленіи Вашему Императорскому Величеству особаго всеподданнѣйшаго доклада по такому дѣлу, которое уже разсмотрѣно въ Государственномъ Совѣтѣ, но

Н. И. Бахтинъ.

еще Вашимъ Величествомъ подписано не было?.. Ваше Величество, прочитавъ всѣ обстоятельства сего дѣла, подробно въ журналѣ Государственнаго Совѣта изложенныя, изволите Своимъ Высочайшимъ рѣшеніемъ указать намъ степень основательности нашихъ заключеній, а потому я остаюсь въ полномъ убѣжденіи, что въ семъ случаѣ всякое направленіе дѣла въ противность кореннымъ правиламъ о высшемъ государственномъ учрежденіи допускаемо быть не можетъ».

На подлинной запискѣ рукою князя Чернышева написано: «Государь Императоръ изволилъ читать и одобрить размышленія, въ сей докладной запискѣ изложенныя. 12 Генваря 1849 г.»

Въ тотъ же день Императоръ Николай Павловичъ положилъ на меморіи Общаго Собранія Государственнаго Совѣта слѣдующую Собственноручную резолюцію:

«Нахожу Сенатора Пещурова въ высшей степени виновнымъ въ неосновательности дѣйствій. Ежели онъ вопреки порядка службы дозволилъ себѣ доносить объ дошедшихъ до него злоупотребленіяхъ, какъ онъ теперь говоритъ, *конфиденціально* приложивъ частное письмо Дворянина къ своему начальнику, то долгъ его требовалъ, когда послѣдствіемъ сего было наряженіе слѣдственной коммисіи для обнаруженія дѣла, не только не командировать къ тому чиновника отъ своего лица, но напротивъ тогда же донести о неправильномъ послѣдствіи своего неосновательнаго дѣйствія и тѣмъ пріостановить дѣло въ самомъ его началѣ. Онъ сего не исполнилъ и нынѣ послѣ трехъ лѣтъ старается дать другой видъ дѣлу.

«Нахожу также, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ весьма легко поступилъ, дозволивъ себѣ неправильно помянуть въ донесеніи Сенату, будто письмо Окунева представлено Губернскимъ Предводителемъ, тогда какъ оказывается, что сего вовсе не было, *а взялъ его Пещуровъ у самого Окунева.*

«Посему дѣло сіе, какъ неправильно возникшее отъ противныхъ порядку службы дѣйствій С. Пещурова, прекратить, здѣлавъ ему строжайшій выговоръ со внесеніемъ въ формуляръ, а Министру Внутреннихъ Дѣлъ долженъ Я замѣтить неосмотрительность въ донесеніи Сенату».

Труды Государственной Канцеляріи во время управленія Н. И. Бахтина значительно осложнились какъ вслѣдствіе расширенія компетенціи Государственнаго Совѣта по Учрежденію 1842 года, такъ и потому, что въ эту пору Совѣту пришлось разсматривать много важныхъ и сложныхъ законопроектовъ. Такъ, напр., въ 1845 году были спѣшно разсмотрѣны проектъ новаго Уложенія о наказаніяхъ для Имперіи и Царства Польскаго, Положеніе о заповѣдныхъ имѣніяхъ и пр. Проектъ Уложенія о наказаніяхъ былъ составленъ особою Коммисіею, подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря *Д. Н. Блудова*. Коммисія эта имѣла 62 засѣданія, по которымъ было составлено Отдѣленіемъ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ 24 журнала. По окончаніи занятій Коммисіи проектъ, со всѣми объяснительными къ нему записками и журналами, былъ внесенъ прямо въ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта, которымъ на его разсмотрѣніе было посвящено 21 засѣданіе. По каждому засѣданію составлялся особый журналъ; затѣмъ всѣ эти журналы были сведены въ одну общую меморію, которая и была представлена, вмѣстѣ съ проектомъ Уложенія, на Высочайшее утвержденіе. Государственный Секретарь въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ указывалъ на чрезвычайные труды чиновниковъ Канцеляріи по изготовленію обширныхъ меморій по дѣламъ этого рода. «Чиновники сіи», писалъ онъ, «почти всѣ, въ продолженіе всего вакантнаго времени, не имѣли рѣшительно ни одного дня свободнаго, и въ моихъ глазахъ были заняты съ утра до поздняго вечера; переписчики же трудились до изнуренія,

такъ что по этой причинѣ и требовавшейся поспѣшности изготовленія Уложеній, я вынужденъ былъ, съ разрѣшенія Г. Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, прибѣгнуть къ найму военныхъ кантонистовъ».

Между тѣмъ, въ штатѣ Государственной Канцеляріи за это время послѣдовали только незначительныя перемѣны. Именно, въ Февралѣ 1847 года были учреждены должности чиновника по дѣламъ Царства Польскаго при Предсѣдателѣ Государственнаго Совѣта и секретаря при Предсѣдателѣ Департамента Дѣлъ Царства Польскаго, упраздненныя затѣмъ съ 1 Января 1849 года.

Въ томъ же году возникало предположеніе о совершенномъ упраздненіи названнаго Департамента, которое раздѣлялось и Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта; но Государственный Секретарь убѣдилъ князя Чернышева отказаться отъ этого плана, представивъ ему, что закрытіе Польскаго Департамента вызвало бы на практикѣ большія затрудненія въ дѣлопроизводствѣ: «Царство Польское имѣетъ свое особое законодательство, которое далеко не все переведено на русскій языкъ; одни только новѣйшія узаконенія издаются вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ, но и то не всѣ. Сверхъ того, при самыхъ представленіяхъ, поступающихъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, часто прилагаются подлинные документы или производства польскихъ присутственныхъ мѣстъ на одномъ польскомъ языкѣ. Но если бы и всѣ польскія узаконенія и подлинные документы, поступающіе въ Совѣтъ, были переводимы на русскій языкъ, то и тогда производство дѣлъ Царства Польскаго въ Совѣтѣ необходимо было бы поручить особеннымъ чиновникамъ, такъ какъ нельзя требовать, чтобы всѣ чиновники Государственной Канцеляріи имѣли надлежащую опытность и свѣдѣнія въ спеціальномъ законодательствѣ Царства, и еще менѣе возможно, чтобы Государственный Совѣтъ при разсмотрѣніи представляемыхъ ему дѣлъ ограничивался исключительно тѣми краткими извлеченіями изъ законовъ, какія заключаются въ

частныхъ по каждому дѣлу представленіяхъ, безъ соображенія ихъ съ другими частями законодательства». При этомъ Н. И. Бахтинъ указывалъ также, что личный составъ Польскаго Отдѣленія Государственной Канцеляріи ограниченъ крайнею необходимостью, такъ какъ это Отдѣленіе состоитъ всего изъ трехъ чиновниковъ: одного исправляющаго должность Статсъ-Секретаря для доклада дѣлъ Государственному Совѣту, одного экспедитора для содержанія дѣлъ въ порядкѣ, сдачи ихъ въ архивъ и заготовленія исполнительныхъ бумагъ и одного младшаго помощника экспедитора для переписки набѣло журналовъ и исходящихъ бумагъ.

При накопленіи важныхъ и сложныхъ дѣлъ, требовавшихъ отъ Канцеляріи усиленнаго труда, необходимо было обратить особенное вниманіе на точное исполненіе всѣхъ тѣхъ правилъ, которыми опредѣлялся порядокъ дѣлопроизводства въ этомъ учрежденіи. Правила эти, независимо отъ установленныхъ закономъ, разновременно вводились Государственными Секретарями соотвѣтственно требованіямъ практики и указаніямъ опыта; по измѣнившимся впослѣдствіи обстоятельствамъ многія изъ нихъ отмѣнялись, измѣнялись или дополнялись, такъ что съ теченіемъ времени становилось все труднѣе сообразоваться съ постановленіями, иногда одно другому противорѣчившими. Въ виду этого Н. И. Бахтинъ рѣшилъ издать сводъ правилъ о внутреннемъ распорядкѣ въ Государственной Канцеляріи. Сводъ этотъ былъ составленъ въ Отдѣленіи Дѣлъ Государственнаго Секретаря, разсмотрѣнъ во всѣхъ подробностяхъ въ особомъ Совѣщаніи Статсъ-Секретарей и введенъ въ дѣйствіе съ 1 Января 1851 года, подъ заглавіемъ: «Правила для руководства по Государственной Канцеляріи, касательно внутренняго благоустройства, канцелярскаго порядка и отчетности въ дѣлопроизводствѣ».

Особенное вниманіе въ этихъ правилахъ было обращено на спѣшность исполненія всѣхъ канцелярскихъ работъ, для которыхъ были назначены строго опредѣленные сроки. [47]

Правила эти оставались въ силѣ также и при преемникѣ Н. И. Бахтина, В. П. Бутковѣ.

Въ Февралѣ 1852 года, по случаю замѣченной Государемъ въ одной изъ поднесенныхъ на Высочайшее утвержденіе меморій Государственнаго Совѣта ошибки относительно срока заключенія подсудимаго, Государственному Секретарю было вмѣнено въ строгую и непремѣнную обязанность «смотрѣть, чтобы на будущее время подобныхъ ошибокъ по Государственной Канцеляріи не случалось». Вслѣдствіе этого Бахтинъ приказалъ, «чтобы гг. исправляющіе должность Статсъ-Секретаря всѣ бумаги, приготовляемыя къ поднесенію на благоусмотрѣніе или утвержденіе Его Императорскаго Величества, тщательно свѣряли не только съ журналами Совѣта, но и съ подлинными бумагами, изъ коихъ составлены самые журналы, ибо при такой повѣркѣ ошибка, могущая вкрасться въ журналъ, будетъ открыта и исправлена еще прежде рѣшительнаго окончанія дѣла по Государственной Канцеляріи». При этомъ, кромѣ общей исправности въ перепискѣ, предложено было обращать особенное вниманіе:

1) по дѣламъ уголовнымъ — на званіе, фамилію и лѣта подсудимаго, на статьи закона, на основаніи коихъ полагается ему наказаніе, и на самую мѣру его наказанія, т. е. число ударовъ, орудіе и способъ нанесенія ихъ, мѣсто ссылки и срокъ заключенія;

2) по дѣламъ о дворянствѣ — на имена и фамиліи лицъ, коимъ предоставляется дворянское достоинство, на часть родословной книги, въ которую они вносятся, и на статьи закона, на основаніи коихъ достоинство то предоставляется;

3) по дѣламъ о штатахъ — на число лицъ, классы должностей, разряды пенсій и мундировъ, на сумму оклада, предоставляемаго каждой должности отдѣльно, и на вѣрность общихъ итоговъ;

4) по дѣламъ о Положеніяхъ, Учрежденіяхъ, Уставахъ, — на послѣдовательность нумераціи статей или параграфовъ и

на вѣрность ссылокъ въ одномъ параграфѣ на другой, а также на статьи Свода Законовъ;

5) по дѣламъ о Росписяхъ, Тарифахъ и другихъ т. п.— на вѣрность цифръ, наименованій и общихъ итоговъ;

6) ссылки на статьи Свода Законовъ или другихъ постановленій должны быть свѣряемы не только съ журналами и подлинными бумагами, но еще и съ самымъ содержаніемъ тѣхъ статей по печатнымъ экземплярамъ книгъ Свода Законовъ или публикуемыхъ отъ Сената узаконеній».

Кромѣ обширныхъ и важныхъ законопроектовъ, разсматривавшихся въ Государственномъ Совѣтѣ въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ, дѣятельность Совѣта, а слѣдовательно и Государственной Канцеляріи, осложнилась въ эту пору еще разсмотрѣніемъ финансовыхъ смѣтъ Министерствъ и Главныхъ Управленій, а также смѣтъ земскихъ повинностей.

Установившійся при Императорѣ Александрѣ I порядокъ разсмотрѣнія финансовыхъ смѣтъ и государственной росписи оставался неизмѣннымъ почти во все продолженіе царствованія Императора Николая Павловича: обсужденіе смѣтныхъ предположеній вѣдомствъ и соображеній Министерства Финансовъ объ источникахъ для покрытія преднамѣченныхъ расходовъ происходило по-прежнему въ Комитетѣ Финансовъ, журналами котораго обыкновенно предоставлялось Министру Финансовъ составленную по заключеніямъ Комитета роспись доходовъ и расходовъ представить на Высочайшее усмотрѣніе, а затѣмъ внести въ Государственный Совѣтъ, для представленія, въ установленномъ порядкѣ, на окончательное Высочайшее утвержденіе. Только въ самомъ концѣ царствованія послѣдовали новыя распоряженія, измѣнившія эту роль Совѣта въ разсмотрѣніи смѣтныхъ предположеній. Именно, вслѣдъ за утвержденіемъ росписи на 1851 годъ, Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта было объявлено, въ засѣданіи Департамента Государственной Экономіи 8 Января 1851 года, и сообщено Министрамъ, что Госу-

дарь Императоръ, обративъ особое вниманіе на постепенное возрастаніе расходовъ, Высочайше повелѣлъ Департаменту немедленно войти, независимо отъ послѣдовавшаго уже утвержденія росписи, въ подробный и самый тщательный разборъ смѣтъ на этотъ годъ по всѣмъ Министерствамъ и Главнымъ Управленіямъ, кромѣ Министерства Императорскаго Двора, и, вникнувъ въ причины возрастанія требованій каждаго управленія, сдѣлать предположеніе объ ограниченіи ихъ на будущее время, съ правомъ пересмотрѣть, если окажется нужнымъ, и штаты разныхъ мѣстъ и учрежденій, для уменьшенія какъ числа чиновъ, такъ и содержаній, положенныхъ по штатамъ. Во исполненіе этого порученія Департаментъ Государственной Экономіи потребовалъ отъ вѣдомствъ матеріалы (списки штатовъ, статистическія свѣдѣнія, смѣты и пр.) и соображенія о тѣхъ расходахъ, которые предполагалось бы исключить, а затѣмъ, по разсмотрѣніи полученныхъ данныхъ, сдѣлалъ постановленіе о сокращеніи съ 1852 года нѣкоторыхъ штатовъ и объ исключеніи изъ смѣтъ разнаго рода суммъ, составившихъ всего по гражданскимъ вѣдомствамъ около 4 милл. р. Нѣкоторыя сокращенія сдѣланы были также и по военному вѣдомству. Постановленія Департамента были утверждены Государемъ, и намѣченныя убавки приняты въ соображеніе при составленіи и утвержденіи смѣтъ и росписи на 1852 годъ.

По наступленіи времени представленія смѣтъ на 1853 годъ, 27 Октября 1852 года, Высочайше повелѣно было Министрамъ и Главноуправляющимъ отдѣльными частями, за исключеніемъ всѣхъ Отдѣленій Собственной Его Величества Канцеляріи и Министровъ Императорскаго Двора и Удѣловъ, доставить смѣты расходовъ на 1853 годъ къ Государственному Секретарю, для внесенія ихъ на разсмотрѣніе Департамента Государственной Экономіи, Департаменту же поручено разсмотрѣть смѣты во всей подробности и, сообразивъ ихъ со свѣдѣніями, имѣющимися въ дѣлѣ о сокращеніи штатовъ и смѣтъ на 1852 годъ, сдѣлать предположенія объ исключеніи

изъ смѣтъ на 1853 годъ всѣхъ излишнихъ требованій и вообще такихъ, безъ которыхъ можно въ 1853 году обойтись. При этомъ Предсѣдателю Департамента Государственной Экономіи предоставлено было приглашать въ засѣданія Министровъ и Главноуправляющихъ для совмѣстнаго обсужденія намѣченныхъ сокращеній, а Государственному Секретарю вмѣнено въ обязанность о заключеніяхъ Департамента, по утвержденіи ихъ Государемъ Императоромъ, сообщать подлежащимъ Министрамъ и Управляющему Министерствомъ Финансовъ, послѣднему—для составленія проекта государственной росписи и внесенія его, съ своими соображеніями, въ Комитетъ Финансовъ. Обсудивъ предположенія Управляющаго Министерствомъ Финансовъ по своду росписи на 1853 годъ, Комитетъ Финансовъ предоставилъ ему, какъ это дѣлалось и раньше, поднести журналъ Комитета и роспись на благоусмотрѣніе Государя Императора и затѣмъ внести окончательно составленную роспись въ Государственный Совѣтъ, для представленія на окончательное Высочайшее утвержденіе.

Изложенный порядокъ былъ примѣненъ также къ смѣтамъ и росписи на 1854 годъ и, по Высочайшему повелѣнію, объявленному Министрамъ и Главноуправляющимъ Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта 23 Января 1854 года, былъ сохраненъ на будущее время, какъ постоянное правило, и соблюдался до введенія, въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, новыхъ смѣтныхъ и кассовыхъ правилъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Государственный Совѣтъ долженъ былъ также принять дѣятельное участіе въ разсмотрѣніи смѣтъ и раскладокъ земскихъ денежныхъ повинностей. При разсмотрѣніи въ 1851 году проекта Устава о земскихъ повинностяхъ, составленнаго особымъ Комитетомъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Перовскаго, Предсѣдатель Департамента Экономіи и семь Членовъ Соединенныхъ Департаментовъ предложили учредить для предварительнаго разсмотрѣнія этихъ смѣтъ и раскладокъ

и для обсужденія разныхъ по дѣламъ земства вопросовъ особый высшій Комитетъ изъ Министровъ Финансовъ, Внутреннихъ Дѣлъ, Государственныхъ Имуществъ и Удѣловъ, съ приглашеніемъ въ него другихъ Министровъ и Главноуправляющихъ, по принадлежности предмета, обсужденію подлежащаго. Мысль эта была принята и II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, которое, въ окончательной редакціи Устава о земскихъ повинностяхъ (Высочайше утвержденнаго 13 Іюля 1851 года), наименовало предположенный Комитетъ «Совѣщательнымъ Присутствіемъ». Вскорѣ, однако, Государь Императоръ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что Совѣщательное Присутствіе не рѣшаетъ разсматриваемыхъ имъ дѣлъ окончательно, а представляетъ ихъ на Высочайшее утвержденіе черезъ Государственный Совѣтъ и, такимъ образомъ, само является только лишнею инстанціею, замедляющею ходъ дѣлъ о земскихъ повинностяхъ. Вслѣдствіе этого Совѣщательное Присутствіе было соединено съ Департаментомъ Экономіи, которому и было повелѣно разрѣшать подлежавшія вѣдѣнію Присутствія дѣла окончательно. Для усиленія же Государственной Канцеляріи къ ея штату прибавлены одинъ экспедиторъ и два актуаріуса.

Не менѣе важное для Государственной Канцеляріи значеніе имѣли ея постоянные труды по дѣлопроизводству особыхъ внѣвѣдомственныхъ Комитетовъ для разсмотрѣнія различныхъ, болѣе или менѣе важныхъ, государственныхъ вопросовъ. Изъ этихъ Комитетовъ одни собирались у Государя, подъ Его Личнымъ предсѣдательствомъ, другіе составлялись подъ предсѣдательствомъ кого-либо изъ Членовъ Государственнаго Совѣта и дѣйствовали обыкновенно «на правахъ Департаментовъ», т. е. выработанныя ими предположенія уже не вносились на уваженіе того или иного Департамента Государственнаго Совѣта, а поступали прямо въ Общее Собраніе.

Собиравшіеся у Государя Императора Особые Комитеты не имѣли ни опредѣленнаго разъ навсегда однообразнаго состава, ни установленныхъ формъ и обрядовъ. Въ нихъ не было ни канцелярскаго дѣлопроизводства, ни даже канцеляріи, не составлялось и настоящихъ журналовъ, которые подписывались бы всѣми Членами, а велся обыкновенно только родъ меморіи или журнальной записи, по прочтеніи и одобреніи которой Государемъ результаты изложеннаго въ ней сообщались, кому слѣдовало, къ исполненію въ видѣ непосредственныхъ Высочайшихъ повелѣній. Дѣлопроизводство по этимъ Комитетамъ лежало на обязанности Государственнаго Секретаря.

Графъ М. А. Корфъ въ своемъ сочиненіи: «Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ»[48] перечисляетъ слѣдующіе изъ этихъ Комитетовъ: 1) Комитетъ 1835 года о желѣзной дорогѣ; 2) о средствахъ къ покрытію дефицита въ государственной росписи на 1841 годъ; 3) о кредитныхъ билетахъ для Сохранныхъ Казенъ и Заемнаго Банка; 4) объ устройствѣ питейныхъ сборовъ; 5) о замѣнѣ государственныхъ ассигнацій другими денежными знаками; 6) Комитетъ 1844 года объ устройствѣ сословія дворовыхъ людей; 7) о предоставленіи крестьянамъ продающихся съ публичныхъ торговъ имѣній выкупаться на волю.

Что касается особыхъ Комитетовъ и Коммисій, состоявшихъ подъ предсѣдательствомъ Членовъ Государственнаго Совѣта, то они образовывались для обсужденія самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, и дѣлопроизводство ихъ обыкновенно возлагалось на Государственнаго Секретаря или другихъ чиновъ Государственной Канцеляріи. Въ хронологическомъ порядкѣ ихъ учрежденія, можно привести слѣдующій перечень важнѣйшихъ изъ этихъ Комитетовъ и Коммисій:

31 Декабря 1825 года—Особый Комитетъ для разсмотрѣнія предположеній о выпускѣ изъ Россіи лошадей. Въ Мартѣ 1832 года—Комитетъ для разсмотрѣнія проекта

карантиннаго устава. 7 Января 1835 года—Комитетъ для изысканія способовъ сокращенія расходовъ по Министерствамъ. Въ Февралѣ 1836 года—Комитетъ для разсмотрѣнія представленной Его Величеству записки подполковника Вронченка о торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Азіею вообще и по Закавказской торговлѣ въ особенности. Въ Сентябрѣ 1840 года—Комитетъ для разсмотрѣнія предположеній объ устраненіи недостатка и дороговизны въ Москвѣ дровъ. Въ Мартѣ 1841 года—Комитетъ для разсмотрѣнія представленнаго Его Величеству отъ «неизвѣстнаго» (тайнаго совѣтника Позена) «Обзора финансовой части въ Россіи». Осенью того же года—Комитетъ «для изысканія всего того, что можетъ усилить государственные доходы, съ охраненіемъ притомъ и народной нравственности» (главнымъ образомъ—по вопросу объ увеличеніи дохода съ винныхъ откуповъ). Въ Апрѣлѣ 1844 года—Коммисія для подробнаго разсмотрѣнія составленнаго подъ руководствомъ графа Блудова новаго Уложенія о наказаніяхъ для Имперіи и Царства Польскаго. Въ 1845 году—Коммисія для разсмотрѣнія двухъ первыхъ частей Свода мѣстныхъ узаконеній Остзейскихъ губерній. Въ 1846 году—Комитетъ для разсмотрѣнія вопроса объ устройствѣ соляной части въ Россіи, «въ видахъ прочнаго обезпеченія народнаго продовольствія самыми облегчительными способами, для распространенія благосостоянія народа какъ въ физическомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ, не теряя притомъ изъ виду и возвышенія государственнаго дохода». Въ 1849 году—Комитетъ для подробнаго разсмотрѣнія представленныхъ Его Величеству генералъ-адъютантомъ Шиповымъ и тайнымъ совѣтникомъ Переверзевымъ записокъ «о направленіи россійскаго юношества» и вообще постановленій и учрежденій по Министерству Народнаго Просвѣщенія, въ видахъ лучшаго устройства сей части.

Бывали, особенно въ началѣ царствованія Императора Николая I, и такіе случаи, что выработка законопроектовъ

возлагалась на Департаментъ Законовъ, который, такимъ образомъ, въ полномъ своемъ составѣ обращался какъ бы въ Особый Комитетъ. Такъ, въ 1827 году Департаментомъ было составлено Положеніе о канцелярскихъ служителяхъ гражданскаго вѣдомства, а въ 1834 году—Положеніе о производствѣ въ чины по гражданской службѣ. Эти узаконенія были разработаны Отдѣленіемъ Законовъ Государственной Канцеляріи.[49]

Въ 1828 году, во время Турецкой войны и пребыванія Императора Николая при дѣйствовавшей арміи, разрѣшеніе всѣхъ дѣлъ по государственному управленію, восходящихъ, въ обыкновенномъ порядкѣ, на Высочайшее усмотрѣніе, поручено было, негласно, особому Секретному Комитету, который оканчивалъ ихъ именемъ Государя, испрашивая Его разрѣшенія только въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ, особо указанныхъ случаяхъ, о всѣхъ же прочихъ, по рѣшеніи и исполненіи ихъ, представлялъ лишь краткія вѣдомости для свѣдѣнія. Этотъ Комитетъ состоялъ изъ князя Кочубея, графа П. А. Толстого и князя А. Н. Голицына, а правителемъ его дѣлъ былъ управлявшій въ то время Первымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи Статсъ-Секретарь Н. Н. Муравьевъ. Впослѣдствіи, при менѣе продолжительныхъ или не столь отдаленныхъ отлучкахъ Императора, общее теченіе управленія ни въ чемъ не измѣнялось, и всѣ бумаги посылались къ Нему, какъ бы въ Личномъ Его присутствіи. Наконецъ, когда Наслѣдникъ Цесаревичъ достигъ совершеннолѣтія и былъ пріобщенъ къ высшему управленію, Государь, въ случаѣ дальнихъ или долговременныхъ Своихъ отлучекъ, назначалъ Его, такъ сказать, правителемъ государства,—впрочемъ, также негласно.

Въ 1849 году явилась необходимость возвратиться снова къ порядку 1828 года. Государь былъ въ Варшавѣ, а Наслѣдникъ Цесаревичъ, сначала остававшійся въ Петербургѣ по случаю тяжкой болѣзни Своей дочери, послѣ ея кончины также уѣхалъ. Такъ какъ ходъ военныхъ дѣйствій въ Венгріи

не позволялъ опредѣлить заранѣе времени возвращенія, то въ пріѣздъ Государя въ Петергофъ, ко дню рожденія Императрицы, Онъ рѣшилъ, на время отсутствія Своего и Цесаревича, учредить, подобно прежнему Секретному Комитету, Коммисію изъ князя П. М. Волконскаго, князя Чернышева и графа Блудова. Дѣлопроизводство по этой Коммисіи было возложено на Государственнаго Секретаря. Коммисіи повелѣно было дѣйствовать примѣнительно къ инструкціи 1828 года, и хотя въ Петербургѣ, естественно, почти всѣ знали о существованіи такого установленія, однако во внѣшнихъ своихъ сношеніяхъ Коммисія оставалась совершенно негласною. Бумаги изъ всѣхъ вѣдомствъ доставлялись обыкновеннымъ порядкомъ, запечатанныя, въ Первое Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, откуда Статсъ-Секретарь Танѣевъ, не вскрывая конвертовъ, но соединяя ихъ всѣ въ одинъ, отсылалъ, вмѣсто Государя, подъ адресомъ Коммисіи, къ Н. И. Бахтину. Коммисія, собиравшаяся по три раза въ недѣлю (большею частью— въ Петергофѣ, за пребываніемъ тамъ князя Волконскаго при Императрицѣ), вскрывала полученные конверты, излагала, по содержанію бумагъ, свои резолюціи въ краткихъ журналахъ, которые, подъ руководствомъ Н. И. Бахтина, составлялись особо для того назначенными чинами Государственной Канцеляріи, и выписки изъ этихъ журналовъ препровождала къ Статсъ-Секретарю Танѣеву, для заготовленія исполнительныхъ бумагъ отъ Высочайшаго Имени. Статсъ-Секретарь Танѣевъ, съ своей стороны, изготовленные имъ проекты исполненій представлялъ Коммисіи, какъ представлялъ всегда Государю, и, по одобреніи или исправленіи ихъ, разсылалъ по принадлежности. Этимъ способомъ разрѣшались дѣла не только по Министерствамъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ), но также по Государственному Совѣту, Комитету Министровъ, Кавказскому Комитету, Коммисіи Прошеній и пр., съ тою лишь разницею, что Коммисія утверждала только единогласныя заключенія этихъ устано-

вленій, или мнѣніе большинства; въ случаѣ же непринятія этихъ заключеній или согласія съ меньшинствомъ голосовъ обязана была представлять свои соображенія Государю.

Меморіи Государственнаго Совѣта, въ обыкновенномъ порядкѣ дѣлопроизводства, всегда отсылались Государственнымъ Секретаремъ, въ запечатанномъ конвертѣ, Управляющему Первымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, который подносилъ ихъ Государю въ томъ же конвертѣ. Первая часть этого порядка точно такъ же соблюдалась и при существованіи Коммисіи: Н. И. Бахтинъ, въ качествѣ Государственнаго Секретаря, отправлялъ конвертъ съ меморіями къ Статсъ-Секретарю Танѣеву; но отъ Танѣева этотъ конвертъ возвращался снова къ Бахтину, какъ правителю дѣлъ Коммисіи, въ общемъ, надписанномъ на имя послѣдней, конвертѣ. [50]

Во время управленія Государственною Канцеляріею Н. И. Бахтина, въ 1847 году, началъ свою службу въ Канцеляріи, вслѣдъ за окончаніемъ курса въ Царскосельскомъ Лицеѣ, Владиміръ Павловичъ *Безобразовъ* (1828—1889), впослѣдствіи академикъ Императорской Академіи Наукъ, извѣстный публицистъ и экономистъ. Въ Государственной Канцеляріи В. П. Безобразовъ оставался (причисленнымъ) всего около двухъ лѣтъ и затѣмъ перешелъ на службу въ Министерство Финансовъ. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ онъ неоднократно былъ командированъ во внутреннія губерніи Россіи и за границу для изученія различныхъ вопросовъ финансоваго управленія; въ 1868—78 годахъ читалъ лекціи политической экономіи и финансоваго права въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ и преподавалъ тѣ же предметы Великимъ Князьямъ Алексѣю Александровичу и Николаю Константиновичу, а затѣмъ—Сергію Александровичу и Константину Константиновичу. Въ 1885 году

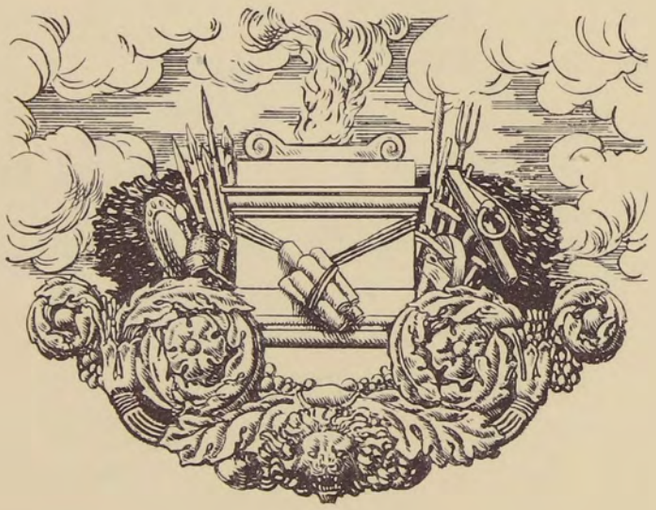
В. П. Безобразовъ былъ назначенъ Сенаторомъ. Отличаясь замѣчательнымъ трудолюбіемъ, В. П. Безобразовъ былъ авторомъ весьма многочисленныхъ изслѣдованій по различнымъ экономическимъ и финансовымъ вопросамъ, а также цѣлаго ряда журнальныхъ и газетныхъ статей, посвященныхъ выдающимся явленіямъ промышленной жизни Россіи; въ 1873—80 годахъ онъ издалъ 8 томовъ «Сборника государственныхъ знаній». Многочисленныя и нерѣдко весьма обширныя работы В. П. Безобразова посвящены важнымъ практическимъ предметамъ государственнаго хозяйства, управленія и политики и всегда проникнуты уваженіемъ къ авторитету науки.

---

1 Января 1853 года Н. И. Бахтинъ былъ назначенъ Членомъ Государственнаго Совѣта, по Департаменту Государственной Экономіи. Онъ много потрудился при послѣдующемъ разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ проекта новаго Устава гражданскаго судопроизводства и былъ горячимъ защитникомъ судебной реформы Императора Александра II. Въ качествѣ Члена Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, куда онъ былъ назначенъ при самомъ образованіи Комитета, Н. И. Бахтинъ энергично поддерживалъ полное и обезпеченное землею освобожденіе крестьянъ; будучи предсѣдателемъ Коммисіи для составленія новаго рекрутскаго устава, онъ указалъ на необходимость коренного измѣненія старой системы наборовъ; ему же принадлежитъ первая мысль объ уничтоженіи винныхъ откуповъ, занимавшая его еще въ ту пору, когда онъ былъ Государственнымъ Секретаремъ. Кромѣ того, Н. И. Бахтинъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ разработкѣ правилъ 1862 года о составленіи, разсмотрѣніи и утвержденіи финансовыхъ смѣтъ Министерствъ и Главныхъ Управленій и государственной росписи доходовъ и расходовъ.

Н. И. Бахтинъ скончался 26 Марта 1869 года.

Преемникомъ его, въ качествѣ исправляющаго должность Государственнаго Секретаря, съ 1 Января 1853 года, былъ назначенъ Статсъ-Секретарь Его Императорскаго Величества дѣйствительный статскій совѣтникъ Владиміръ Петровичъ *Бутковъ*, сохранившій за собою при этомъ назначеніи прежнія свои должности Управляющаго дѣлами Комитетовъ Сибирскаго и Кавказскаго и утвержденный въ должности Государственнаго Секретаря, съ производствомъ въ тайные совѣтники, 31 Декабря 1854 года. Дѣятельность В. П. Буткова, управлявшаго Государственною Канцеляріею 12 лѣтъ, относится, главнымъ образомъ, уже къ слѣдующему царствованію, когда онъ явился однимъ изъ видныхъ сотрудниковъ великихъ реформъ Императора Александра II.

Царствованіе
Императора Александра II.

I.

Въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая Павловича дѣятельность Государственнаго Совѣта, а вмѣстѣ съ нею и труды Государственной Канцеляріи, не проявлялись выдающимися законодательными актами. Главное вниманіе правительства было поглощено внѣшними отношеніями, разрѣшившимися, наконецъ, войною 1854—1855 годовъ, и во внутренней жизни Россіи наступило затишье, которое вскорѣ должно было смѣниться оживленною преобразовательною дѣятельностью новаго Государя. «Сдаю Тебѣ Мою команду, но, къ сожалѣнію, не въ такомъ порядкѣ, какъ желалъ, оставляя Тебѣ много трудовъ и заботъ»,—

I.

Въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая Павловича дѣятельность Государственнаго Совѣта, а вмѣстѣ съ нею и труды Государственной Канцеляріи, не проявлялись выдающимися законодательными актами. Главное вниманіе правительства было поглощено внѣшними отношеніями, разрѣшившимися, наконецъ, войною 1854—1855 годовъ, и во внутренней жизни Россіи наступило затишье, которое вскорѣ должно было смѣниться оживленною преобразовательною дѣятельностью новаго Государя. «Сдаю Тебѣ Мою команду, но, къ сожалѣнію, не въ такомъ порядкѣ, какъ желалъ, оставляя Тебѣ много трудовъ и заботъ»,—

таковы были предсмертныя слова Императора Николая, 18 Февраля 1855 года, къ Своему Наслѣднику, Цесаревичу Александру Николаевичу. Въ этихъ трудахъ и заботахъ, потребовавшихъ всей энергіи молодого Монарха, ближайшимъ Его помощникомъ явился Государственный Совѣтъ, на долю котораго, съ самаго начала новаго царствованія, выпала напряженная законодательная работа, вносившая коренныя измѣненія во всѣ сферы русской жизни. Эти новыя условія и требованія не замедлили отразиться и на Государственной Канцеляріи, принимавшей самое дѣятельное участіе въ подготовкѣ всѣхъ важнѣйшихъ законодательныхъ мѣръ. Вокругъ живого и энергичнаго Государственнаго Секретаря, благодаря сдѣланному имъ удачному подбору, образовалась цѣлая плеяда не менѣе энергичныхъ сотрудниковъ, которые «съ пламеннымъ усердіемъ» (любимое выраженіе В. П. Буткова въ характеристикахъ его подчиненныхъ) принялись за свое сложное, трудное и отвѣтственное дѣло и въ сравнительно очень короткое время успѣли совершить поистинѣ колоссальный трудъ, требовавшій необычнаго напряженія. Эпоха великихъ реформъ Императора Александра II вписала много славныхъ страницъ въ исторію Государственной Канцеляріи, труды которой никогда еще, даже и при Сперанскомъ, не имѣли такихъ блестящихъ результатовъ.

Прежде всего, особаго вниманія заслуживаетъ, конечно, личность главнаго руководителя этихъ трудовъ.

Владиміръ Петровичъ *Бутковъ*, сынъ академика Петра Григорьевича, автора извѣстной въ свое время книги: «Оборона лѣтописи русской Несторовой отъ навѣтовъ скептиковъ», родился въ Петербургѣ, въ 1814 году, и по окончаніи курса въ Высшемъ училищѣ, переименованномъ впослѣдствіи во 2-ю гимназію, поступилъ въ 1832 году на службу въ Канцелярію Военнаго Министерства. Здѣсь онъ, между прочимъ, принималъ участіе въ составленіи Свода военныхъ постановленій, а затѣмъ, начиная съ 1838 года, управлялъ дѣлами Комитета по устройству Закавказскаго края. Въ

1845 году онъ былъ назначенъ Управляющимъ дѣлами Кавказскаго Комитета, затѣмъ былъ Помощникомъ Управляющаго и Управляющимъ дѣлами Комитета Министровъ, а съ 1852 года, кромѣ того, Управляющимъ дѣлами Сибирскаго Комитета. Должности Управляющаго дѣлами Кавказскаго и Сибирскаго Комитетовъ были сохранены за В. П. Бутковымъ и послѣ назначенія его, 1 Января 1853 года, исправляющимъ должность Государственнаго Секретаря.

Обладая большими административными способностями и обширнымъ практическимъ умомъ, В. П. Бутковъ вскорѣ по вступленіи на престолъ Императора Александра II сумѣлъ пріобрѣсти и оправдать полное довѣріе Государя. Нѣкоторые изъ современниковъ Буткова, относясь къ нему не вполнѣ доброжелательно, говорятъ, что онъ былъ сначала защитникомъ крѣпостного права и поддерживалъ мнѣнія князя Орлова и графа Закревскаго, на которыхъ опирался въ своей служебной карьерѣ, а потомъ, убѣдившись, что эти мнѣнія не пользуются сочувствіемъ Государя, круто повернулъ въ противоположную сторону и сдѣлался самымъ ревностнымъ исполнителемъ Высочайшихъ предуказаній по освобожденію крестьянъ; упрекаютъ его также и въ томъ, что онъ былъ слишкомъ свѣтскимъ человѣкомъ и слишкомъ любилъ развлеченія.[51] Несомнѣнно, однако, что В. П. Бутковъ лучше многихъ сумѣлъ усвоить намѣренія Царя-Преобразователя и отдалъ много энергіи и умѣнья на ихъ осуществленіе; несомнѣнно также, что любовь къ развлеченіямъ не мѣшала ему работать, когда было нужно, не покладая рукъ, а привычка вращаться въ обществѣ раскрывала его наблюдательному уму многія особенности этого круга, которыми онъ подчасъ искусно пользовался въ интересахъ поручаемаго ему дѣла...

Живую характеристику В. П. Буткова даетъ въ своихъ запискахъ *В. А. Инсарскій*, служившій при Намѣстникѣ Кавказскомъ князѣ Барятинскомъ. Онъ разсказываетъ, между прочимъ, какъ онъ, вмѣстѣ съ своимъ сослуживцемъ Х., явился, по порученію князя, къ Буткову, чтобы переговорить о

всеподданнѣйшемъ докладѣ относительно упраздненія на Кавказѣ учебнаго, таможеннаго и почтоваго округовъ и подчиненія этихъ частей губернаторамъ: «когда мы вошли, и Х., поправляя очки, началъ собираться излагать свои соображенія, быстрый Бутковъ живо сказалъ: «А, господа! здравствуйте! Мы сейчасъ кончимъ нашу задачу. Я уже обдумалъ планъ доклада. Садитесь,—я буду диктовать. Кто лучше пишетъ? Берите карандашъ!» Съ этими словами онъ какъ-то всучилъ уже карандашъ въ руки Х. Ошеломленные потокомъ этихъ словъ, мы были совершенно сбиты въ нашихъ планахъ развернуть нашу сообразительность и прозорливость. Я, впрочемъ, весело улыбался, но Х. видимо проявлялъ на своемъ лицѣ недовольство, превратившись мгновенно и неожиданно изъ государственнаго мужа въ простого писца. Тѣмъ не менѣе, онъ долженъ былъ писать, едва поспѣвая за быстрой диктовкой Буткова. Х. пытался дѣлать замѣчанія; но Бутковъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія и какъ бы безсознательно говорилъ: «Да да, это справедливо... На чемъ же мы остановились?»—или: «Да, да... Ваша правда... Однако, будемъ продолжать»—и снова начиналъ быстро диктовать...

«Докладъ конченъ и отданъ мнѣ, по выраженію Буткова, «для окончательной отдѣлки». Это былъ единственный сколько-нибудь утѣшительный оттѣнокъ нашего достопамятнаго совѣщанія, при которомъ я былъ простымъ слушателемъ, Х.—простымъ писаремъ, а Бутковъ—тѣмъ, чѣмъ былъ всегда: ловкимъ проводникомъ всѣхъ своихъ идей». [52]

Вступивъ въ должность Государственнаго Секретаря, В. П. Бутковъ, прежде всего, позаботился объ ускореніи канцелярскаго дѣлопроизводства, нѣсколько замедлившаго свой ходъ въ послѣдніе годы управленія Н. И. Бахтина, серьезно недомогавшаго въ это время. Одною изъ главныхъ причинъ медленности была задержка Министрами и Главноуправляющими отзывовъ по дѣламъ, передаваемымъ изъ Государственнаго Совѣта на ихъ соображеніе. Въ видахъ

устраненія этой задержки, В. П. Бутковъ представилъ Государю Императору всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ испрашивалъ разрѣшенія по всѣмъ этимъ дѣламъ на будущее время вести въ Государственной Канцеляріи особую вѣдомость и два раза въ годъ, передъ закрытіемъ засѣданій Государственнаго Совѣта въ Іюнѣ и Декабрѣ, просить Министровъ и Главноуправляющихъ доставлять свѣдѣнія о положеніи этихъ дѣлъ, а затѣмъ, при отчетахъ о движеніи дѣлъ по Совѣту—полугодовомъ въ Іюнѣ и годовомъ въ Декабрѣ, — представлять Государю Императору вѣдомость по этимъ дѣламъ съ обозначеніемъ, въ какомъ положеніи находится каждое изъ нихъ, и испрашивать Высочайшаго разрѣшенія на подтвержденіе о скорѣйшемъ движеніи дѣлъ.

За десятилѣтіе съ 1843 по 1853 годъ такихъ дѣлъ накопилось 73. Относительно этихъ дѣлъ Государственный Секретарь предполагалъ немедленно снестись съ подлежащими Министрами и Главноуправляющими и, по мѣрѣ полученія отвѣтовъ, докладывать Предсѣдателю Государственнаго Совѣта, и если окажется въ нихъ нѣкоторая медленность, то доводить объ этомъ до свѣдѣнія Его Величества.

На этомъ докладѣ Императоръ Николай Павловичъ положилъ слѣдующую резолюцію:

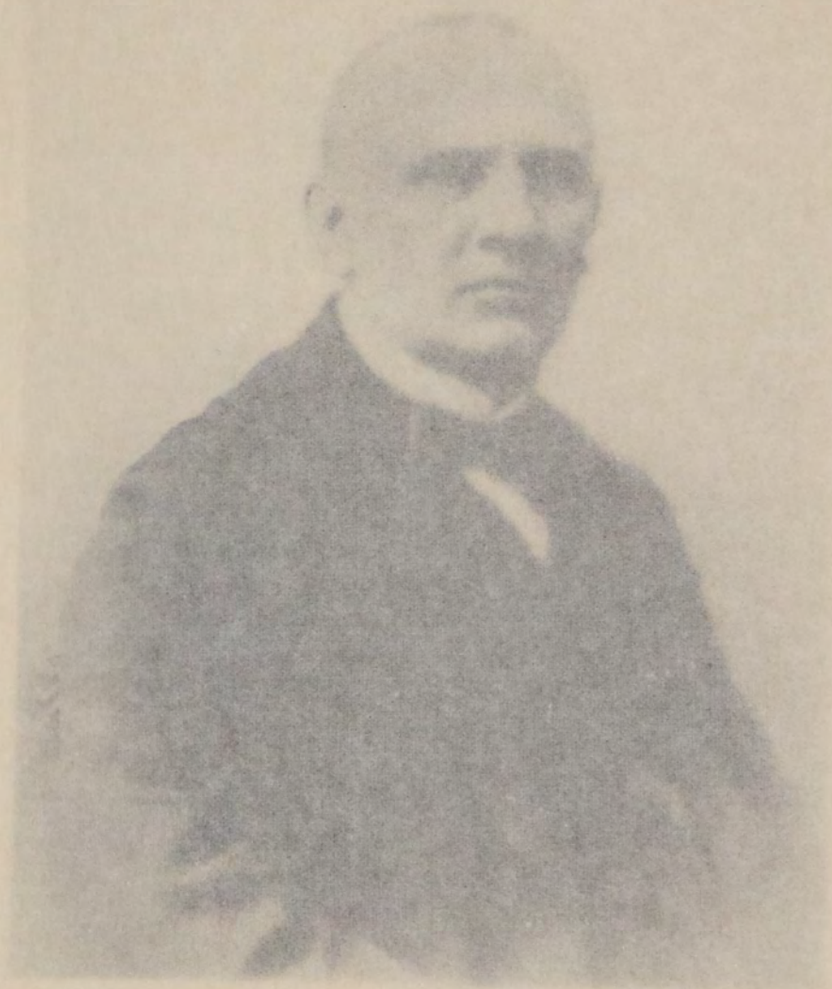
«Необходимо, и очень жалѣю, что прежде сего въ виду не имѣлъ; немедля исполнить» (9 Іюля 1853 г.).

Въ составѣ высшихъ чиновъ Государственной Канцеляріи, вслѣдъ за назначеніемъ В. П. Буткова, въ 1853 году, произошли нѣкоторыя перемѣны: именно, назначены были новые Статсъ-Секретари: Департамента Законовъ—*В. Г. Черноглазовъ* и Государственной Экономіи—*Н. П. Шигаевъ* (оба съ 4 Іюня 1853 года), а управленіе Отдѣленіемъ Дѣлъ Государственнаго Секретаря возложено на Помощника Статсъ-Секретаря *С. М. Жуковскаго,* который впослѣдствіи, съ 1 Января 1856 года, былъ исправляющимъ должность Статсъ-Секретаря Департамента Дѣлъ Царства Польскаго,

а еще позднѣе—однимъ изъ видныхъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ.

Въ 1856 году, по случаю предстоявшаго Коронованія Ихъ Величествъ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе «относительно присутствія Государственнаго Совѣта въ Москвѣ учинить совершенно такія же распоряженія, какъ и въ 1826 году». Вслѣдствіе этого въ Москву было отправлено 19 чиновниковъ Государственной Канцеляріи, которые и оставались тамъ полтора мѣсяца, хотя никакихъ засѣданій Государственнаго Совѣта въ Москвѣ въ то время не происходило.

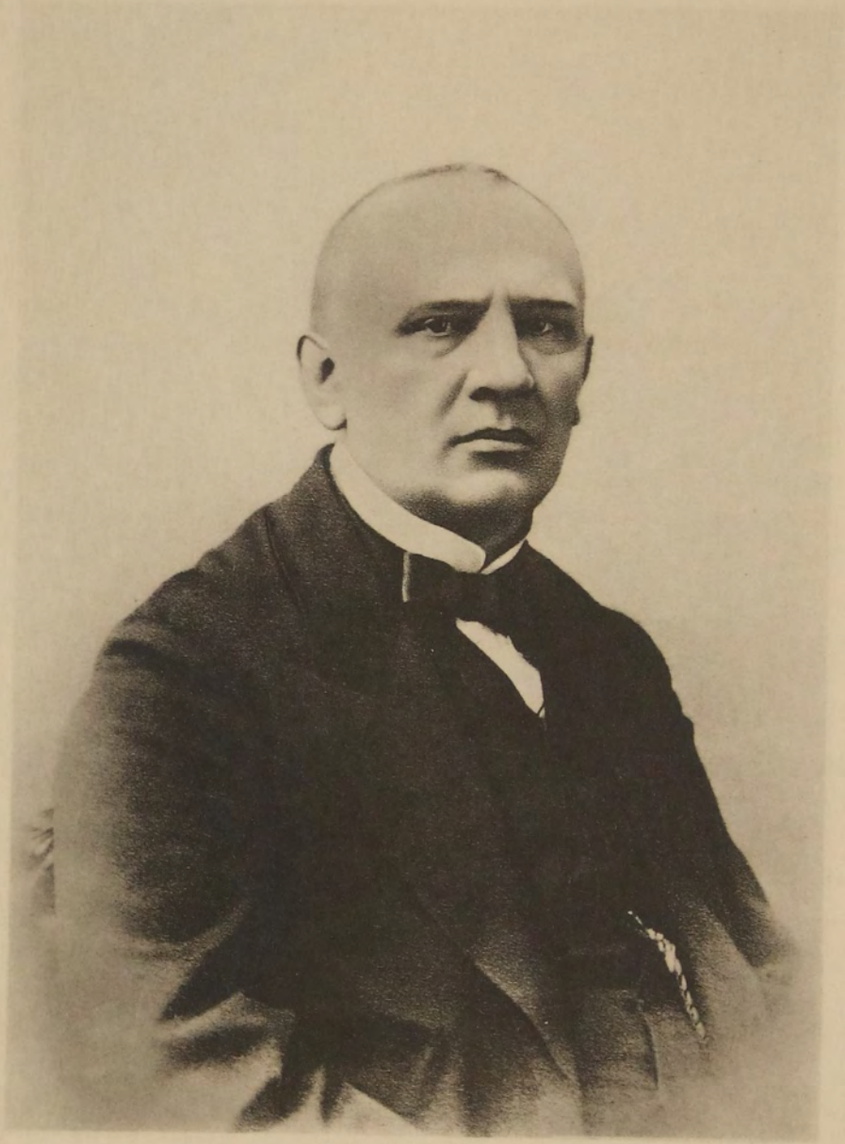
Съ начала царствованія Императора Александра II былъ установленъ новый порядокъ разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ отчетовъ Министровъ и Главноуправляющихъ. На основаніи Учрежденія Министерствъ 1802 года Министры обязаны были представлять отчеты въ Сенатъ; по Образованію Министерствъ 1811 года отчеты раздѣлялись на три отдѣла: а) отчетъ въ израсходованныхъ суммахъ, представляемый въ Государственный Контроль; б) отчеты о дѣлахъ, представляемые въ Государственный Совѣтъ, и в) отчеты о видахъ и предположеніяхъ по управленію, подносимые непосредственно Государю Императору. Но порядокъ этотъ вовсе не соблюдался, и съ 1813 года въ Государственный Совѣтъ не поступало никакихъ министерскихъ отчетовъ. Въ 1826 году Министръ Финансовъ Канкринъ внесъ въ Государственный Совѣтъ отчетъ въ денежныхъ дѣлахъ сразу за десять лѣтъ, 1813—1823 гг., т. е. за годы управленія Министерствомъ его предшественника графа Гурьева. Тогда возбужденъ былъ вопросъ о томъ, можетъ ли Государственный Совѣтъ, при своихъ занятіяхъ и составѣ, разсматривать подобные отчеты, къ тому же, представляемые не регулярно, а сразу за десять лѣтъ? Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ Высочайшимъ рескриптомъ 30 Сентября 1826 года, которымъ повелѣвалось Министрамъ представлять отчеты на Высочайшее воззрѣніе черезъ Комитетъ Министровъ, причемъ всѣ отчеты за 1826 годъ должны были быть внесены

а еще позднѣе — однимъ изъ видныхъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ.

Въ 1856 году, по случаю предстоявшаго Коронованія Ихъ Величествъ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе «относительно присутствія Государственнаго Совѣта въ Москвѣ учинить соотвѣтственное сему распоряженія, какъ и въ 1826 году». Вслѣдствіе этого въ Москву было отправлено 19 чиновниковъ Государственной Канцеляріи, которые и оставались тамъ около мѣсяца, хотя никакихъ засѣданій Государственнаго Совѣта въ Москвѣ въ то время не происходило.

Со вступленія на престолъ Императора Александра II былъ установленъ новый порядокъ разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ докладовъ Министровъ и Главноуправляющихъ. На основаніи Учрежденія Министерствъ 1802 года Министры обязаны были представлять отчеты въ Сенатъ; по Образованію Министерствъ 1811 года отчеты раздѣлялись на три отдѣла: а) отчеты въ израсходованныхъ суммахъ, представляемые въ Государственный Контроль; б) отчеты о дѣлахъ, представляемые въ Государственный Совѣтъ, и в) отчеты и докладныя предположеніяхъ по управленію, подносимые непосредственно Государю Императору. Но порядокъ этотъ никогда не соблюдался, и съ 1813 года въ Государственный Совѣтъ не поступало никакихъ министерскихъ отчетовъ. Въ 1826 году Министръ Финансовъ Канкринъ внесъ въ Государственный Совѣтъ отчетъ въ денежныхъ дѣлахъ сразу за десять лѣтъ, 1813—1823 гг., т. е. за годы управленія Министерствомъ его предшественника графа Гурьева. Тогда возбужденъ былъ вопросъ о томъ, можетъ ли Государственный Совѣтъ, при своихъ занятіяхъ и составѣ, разсматривать подобные отчеты, къ тому же, представляемые не регулярно, а сразу за десять лѣтъ? Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ Высочайшимъ рескриптомъ 30 Сентября 1826 года, которымъ повелѣвалось Министрамъ представлять отчеты на Высочайшее воззрѣніе черезъ Комитетъ Министровъ, причемъ всѣ отчеты за 1826 годъ должны были быть внесены

В. П. Бутковъ.

въ Комитетъ къ 1 Января 1827 года. Это было исполнено, и съ того времени отчеты разсматривались Комитетомъ Министровъ въ продолженіе всего царствованія Императора Николая I, хотя представлялись далеко не аккуратно, съ большими опозданіями. Императоръ Александръ II поручилъ разсмотрѣніе министерскихъ отчетовъ особымъ Коммисіямъ, составленнымъ изъ Членовъ Государственнаго Совѣта по Личному Его избранію. Каждая изъ этихъ Коммисій должна была разсматривать отчетъ въ присутствіи подлежащаго Министра или Главноуправляющаго и, истребовавъ отъ него, въ чемъ нужно, объясненія, представить свое заключеніе для всеподданнѣйшаго доклада въ Совѣтѣ Министровъ, въ которомъ обычно предсѣдательствовалъ Самъ Государь. Затѣмъ уже, съ Высочайшими отмѣтками и съ журналами Коммисій, отчеты передавались въ Комитетъ Министровъ, который ихъ выслушивалъ и сообщалъ по принадлежности всѣмъ, къ кому относились Высочайшія отмѣтки.

Дѣлопроизводство въ этихъ Коммисіяхъ было возложено на Государственную Канцелярію и обыкновенно поручалось Помощникамъ Статсъ-Секретаря.

Съ 1857 года начинается напряженная, продолжавшаяся болѣе четырехъ лѣтъ, работа Государственной Канцеляріи по крестьянской реформѣ. 3 Января 1857 года Государь Императоръ соизволилъ учредить, въ непосредственномъ Своемъ вѣдѣніи и подъ Своимъ предсѣдательствомъ, Особый Секретный Комитетъ «для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи», впослѣдствіи (17 Февраля 1858 года) наименованный Главнымъ Комитетомъ по крестьянскому дѣлу. Дѣлопроизводство по этому Комитету было возложено на Государственную Канцелярію, подъ ближайшимъ наблюденіемъ Государственнаго Секретаря, въ помощь которому былъ назначенъ исправлявшій должность Статсъ-Секретаря дѣйствительный статскій совѣтникъ *Жуковскій*.

Занятія Государственной Канцеляріи по этому Комитету были чрезвычайно трудны, обширны и многосложны. Въ Комитетъ въ разное время было передано до сотни проектовъ и предположеній о порядкѣ освобожденія крестьянъ, и Канцелярія должна была составить изъ всѣхъ этихъ проектовъ особые своды и записки. Такимъ образомъ, ею были обработаны и составлены обширныя и обстоятельныя справки: 1) о существѣ и основаніяхъ всѣхъ вообще проектовъ и предположеній по предмету освобожденія крѣпостныхъ людей, возникавшихъ съ начала царствованія Императора Александра I до начала дѣйствій Комитета; 2) о существѣ законовъ и всѣхъ предположеній, относящихся собственно до дворовыхъ людей; 3) о законахъ и предположеніяхъ, относящихся до права крѣпостныхъ людей пріобрѣтать недвижимую собственность; 4) объ историческомъ ходѣ, основаніяхъ и недостаткахъ закона объ обязанныхъ поселянахъ; 5) объ историческомъ ходѣ, основаніяхъ и недостаткахъ закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ или государственныхъ крестьянахъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ. При этихъ запискахъ Канцеляріею были составлены своды постановленій о свободныхъ хлѣбопашцахъ и узаконеній о дворовыхъ людяхъ.

Всѣ эти труды поступили въ приготовительную Коммисію, учрежденную при Секретномъ Комитетѣ изъ Членовъ его: дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ князя Гагарина и барона Корфа, генералъ-адъютанта Ростовцова и Государственнаго Секретаря, и заслужили полное одобреніе Членовъ этой Коммисіи. Послѣ представленія мнѣній этихъ Членовъ въ Комитетъ, Государственная Канцелярія должна была составить сводъ всѣхъ предположеній или вопросы о тѣхъ мѣрахъ, которыя въ подготовительномъ періодѣ дѣла освобожденія крѣпостного сословія должны быть приняты какъ для облегченія этого сословія, такъ и для успѣха взаимныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами. По каждому изъ этихъ вопросовъ, въ числѣ

14-ти, были составлены особыя записки, въ которыхъ помѣщены всѣ постановленія, до каждаго вопроса относящіяся, а также всѣ предположенія, заключавшіяся въ огромномъ количествѣ поступившихъ въ Комитетъ проектовъ, со всевозможными къ нимъ справками. Сверхъ того, Канцеляріею были составлены, по каждому вопросу отдѣльно, особыя сравнительныя таблицы, въ которыхъ изложены всѣ постановленія, дѣйствовавшія въ отношеніи не однихъ только помѣщичьихъ, но и всѣхъ другихъ крестьянъ,—казенныхъ, удѣльныхъ, дворцовыхъ, заводскихъ и т. п.

Между тѣмъ, въ Іюнѣ 1857 года въ трудахъ Комитета Высочайше повелѣно было принять участіе Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу, а въ Октябрѣ того же года въ Комитетъ поступило предположеніе дворянъ-землевладѣльцевъ трехъ Литовскихъ губерній объ освобожденіи принадлежавшихъ имъ крестьянъ. Составленіе, вслѣдствіе положенія Комитета, проекта Высочайшаго рескрипта 20 Ноября 1857 года на имя Виленскаго Генералъ-Губернатора о созывѣ дворянскаго комитета для составленія положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ было поручено Государственной Канцеляріи. Ею были составлены также и проекты рескриптовъ по крестьянскому дѣлу всѣмъ прочимъ начальникамъ губерній и цѣлый рядъ циркуляровъ и разныхъ другихъ бумагъ по этому дѣлу отъ имени Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Въ то же время чины Канцеляріи, занимавшіеся крестьянскимъ дѣломъ, были призваны, вмѣстѣ съ чиновниками Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, къ составленію главныхъ основаній для будущаго устройства земской полиціи и мировыхъ учрежденій. Работы эти были разсмотрѣны Комитетомъ и одобрены Его Величествомъ.

Такимъ образомъ, въ Государственной Канцеляріи составлялись всѣ бумаги по крестьянскому дѣлу, даже и такія, составленіе которыхъ лежало, собственно, на обязанности Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Всѣ эти работы были

исполнены въ теченіе первыхъ восьми мѣсяцевъ 1857 года обыкновенными средствами Канцеляріи, безъ всякаго усиленія ея личнаго состава. На всеподданнѣйшемъ докладѣ объ этихъ трудахъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта князя А. Ѳ. Орлова, Государь изволилъ Собственноручно начертать:

«Спасибо Канцеляріи за огромный трудъ. Дай Богъ, чтобы изъ всего этого вышелъ прокъ» (7 Сентября 1857 г.).

Переписка по крестьянскому дѣлу въ теченіе 1857 и первой половины 1858 года ограничивалась предварительными распоряженіями, имѣвшими цѣлью только общее направленіе всего этого дѣла. Но затѣмъ при Главномъ Комитетѣ была учреждена особая Коммисія для разсмотрѣнія проектовъ, по губерніямъ составляемыхъ, и дѣлопроизводство по этой Коммисіи было возложено также на Государственную Канцелярію, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и наблюденіемъ Государственнаго Секретаря. Тогда В. П. Бутковъ,— указывая на то, что эта важная работа потребуетъ несравненно болѣе обширныхъ и тяжелыхъ трудовъ, такъ какъ Канцеляріи предстоитъ предварительное соображеніе всѣхъ проектовъ, ихъ докладъ и разборъ въ Коммисіи, составленіе ея журналовъ и все исполненіе по нимъ,—объяснилъ Предсѣдателю Государственнаго Совѣта, что при такихъ занятіяхъ онъ «рѣшительно не можетъ обойтись теперешними средствами Канцеляріи, предвидя въ будущемъ работы несравненно труднѣе, обширнѣе и многосложнѣе тѣхъ, кои до сего времени были на эту Канцелярію возложены». Государственный Секретарь обращалъ вниманіе князя Орлова также и на то, что «при множествѣ другихъ работъ Канцеляріи и при крайней ограниченности ея состава, рѣшительно невозможно удѣлить для переписки по крестьянскому вопросу ни одного особаго чиновника, который бы не былъ отвлекаемъ другими работами по Государственному Совѣту. Между тѣмъ, нынѣ на Государственную Канцелярію, сверхъ крестьянскаго дѣла, по необходимо-

сти возложена еще и другая обязанность: дѣлопроизводство по Коммисіямъ, учреждаемымъ для разсмотрѣнія министерскихъ отчетовъ. Какъ Коммисіи сіи составляются изъ Членовъ Государственнаго Совѣта, то Государственный Секретарь не считаетъ себя въ правѣ отказать имъ, когда они требуютъ чиновниковъ для производства и переписки». Въ виду этого В. П. Бутковъ просилъ отпускать въ его распоряженіе по 6.000 р. въ годъ на усиленіе штата Канцеляріи, впредь до того времени, пока въ ней будутъ производиться указанныя обширныя работы.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта по этому вопросу Государь изволилъ начертать:

«Согласенъ и полагаю, что для сего можно бы употребить часть чиновниковъ упраздняемаго Инспекторскаго Департамента гражданскаго вѣдомства, если вы признаете это удобнымъ».

Управляющимъ дѣлами упомянутой Коммисіи при Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу былъ назначенъ *С. М. Жуковскій*, о которомъ Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, представляя отчетъ за 1858 годъ, свидѣтельствовалъ предъ Государемъ, что «неусыпная дѣятельность сего достойнаго чиновника, его неутомимые труды, прекрасныя способности и отличное усердіе къ службѣ много содѣйствовали успѣшному производству дѣлъ, порученныхъ Главному Комитету», и что онъ, «не взирая на обширныя работы по Комитету, не переставалъ, съ тою же дѣятельностью и съ тѣмъ же усердіемъ, заниматься исполненіемъ прямыхъ своихъ обязанностей по завѣдыванію дѣлами какъ Отдѣленія Государственнаго Секретаря, такъ и Польскаго Департамента». Представляя, поэтому, Жуковскаго къ наградѣ внѣ правилъ,[53] князь Орловъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, считалъ необходимымъ нѣсколько облегчить его занятія по дѣлопроизводству Польскаго Департамента, канцелярія котораго состояла только изъ исправляющаго должность Статсъ-

Секретаря, одного экспедитора и одного писца, а между тѣмъ должна была исполнять весьма обширныя работы. Такъ какъ эти работы требовали спеціальнаго знакомства съ порядкомъ управленія и законодательствомъ Царства Польскаго и потому не могли быть поручаемы другимъ чиновникамъ Государственной Канцеляріи, то Предсѣдатель Государственнаго Совѣта испрашивалъ Высочайшаго разрѣшенія поручить Государственному Секретарю войти въ сношеніе съ Намѣстникомъ Царства Польскаго, какъ Предсѣдателемъ Польскаго Департамента, объ усиленіи Канцеляріи, на счетъ суммъ Царства, однимъ Помощникомъ Статсъ-Секретаря и двумя писцами. Князь М. Д. Горчаковъ обѣщалъ пріискать лицо, способное занять новую должность, прибавивъ, однако, что выборъ такого лица очень труденъ, такъ какъ отъ него требуется не только знаніе законовъ и учрежденій Царства, но еще знакомство съ русскимъ языкомъ, испытанная благонадежность и преданность русскому правительству. Соглашаясь на это предположеніе, Государь прибавилъ: «Надѣюсь, что выборъ будетъ сдѣланъ надежный». Указомъ 20 Ноября 1859 года исправляющимъ должность Помощника Статсъ-Секретаря по Департаменту Дѣлъ Царства Польскаго былъ назначенъ старшій цензоръ Варшавскаго Цензурнаго Комитета, коллежскій ассесоръ *А. С. Броневскій*, пожалованный при этомъ, за отлично усердную службу, въ надворные совѣтники.

С. М. Жуковскій.

Учрежденная при Главномъ Комитетѣ особая Коммисія для разсмотрѣнія проектовъ, по губерніямъ составляемыхъ, предположила образовать для подготовительныхъ работъ

Редакціонныя Коммисіи подъ предсѣдательствомъ одного изъ высшихъ чиновъ Государственной Канцеляріи (въ Предсѣдатели намѣчался Жуковскій). Императоръ Александръ Николаевичъ, одобривъ это предположеніе, назначилъ Предсѣдателемъ Коммисій генералъ-адъютанта (впослѣдствіи — графа) *Я. И. Ростовцова* и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ къ участію въ трудахъ Коммисій призвать и чиновъ Государственной Канцеляріи. Въ составѣ Редакціонныхъ Коммисій участвовало 12 чиновъ Канцеляріи, т. е. немного менѣе трети всего числа членовъ (38). Эти чиновники были привлечены Я. И. Ростовцовымъ къ составленію извлеченій изъ подлинныхъ описаній всѣхъ помѣщичьихъ имѣній. Эта работа, требовавшая особенно тщательнаго, хотя и мелочнаго труда, была исполнена ими съ полнымъ успѣхомъ и въ самое короткое время. Всѣ они занимались въ Коммисіяхъ сверхъ прямыхъ своихъ обязанностей по Государственному Совѣту и сверхъ занятій нѣкоторыхъ изъ нихъ по Главному Комитету, который въ продолженіе всего этого времени имѣлъ постоянныя засѣданія для разрѣшенія разныхъ вопросовъ.

Въ Октябрѣ 1860 года Редакціонныя Коммисіи окончили возложенную на нихъ работу и были закрыты, а дѣла ихъ переданы въ Государственную Канцелярію. Съ того времени въ Канцеляріи сосредоточились всѣ безъ исключенія работы по крестьянскому вопросу вообще.

Засѣданія Главнаго Комитета и Общаго Собранія Государственнаго Совѣта для разсмотрѣнія проектовъ, касавшихся крестьянскаго вопроса, съ 10 Октября 1860 до 18 Февраля 1861 года происходили почти ежедневно и продолжались съ утра до поздняго вечера.

На обязанности Государственной Канцеляріи лежало исправленіе всѣхъ проектовъ по замѣчаніямъ Главнаго Комитета и Государственнаго Совѣта, составленіе новыхъ предположеній, редакція всѣхъ вообще журналовъ и объяснительныхъ записокъ, вся текущая переписка, собраніе множества разныхъ справокъ и свѣдѣній, представленіе объ-

ясненій и вообще всѣ работы, необходимыя при разсмотрѣніи дѣла какъ въ Главномъ Комитетѣ, такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ. Проводя цѣлые дни въ засѣданіяхъ, чины Государственной Канцеляріи могли употреблять для работъ отъ одного засѣданія къ другому только ночное время и вообще въ теченіе всего производства этого дѣла буквально не имѣли ни одной минуты отдыха.

При представленіи Государственнымъ Секретаремъ всеподданнѣйшей записки отъ 18 Февраля 1861 года, съ проектами законоположеній по крестьянскому дѣлу, указа Правительствующему Сенату и Высочайшаго Манифеста, Государь изволилъ начертать:

«Теперь, при окончаніи всей главной работы, считаю священнымъ долгомъ искренно благодарить васъ и всѣхъ вашихъ помощниковъ за всѣ ваши добросовѣстные и неутомимые труды по сему важному дѣлу. Да будетъ на немъ благословеніе Божіе».

Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, составленный, какъ извѣстно, Московскимъ Митрополитомъ Филаретомъ и подписанный Императоромъ Александромъ II въ памятный день 19 Февраля 1861 года, былъ обнародованъ только 5 Марта. Незадолго до этого послѣдняго дня, Государственный Секретарь получилъ слѣдующую Собственноручную записку Государя:

«Прошу васъ изготовить благодарственный рескриптъ на имя Великаго Князя Константина Николаевича за труды его по Главному Крестьянскому Комитету, въ которомъ Я ему поручаю благодарить отъ Меня и всѣхъ прочихъ членовъ. На немъ выставить тоже 19-е число, но отправить только въ день обнародованія Манифеста».

«Не надѣясь на свои способности», В. П. Бутковъ показалъ составленный имъ проектъ рескрипта Предсѣдательствовавшему въ Государственномъ Совѣтѣ графу Д. Н. Блудову, который внесъ въ него незначительныя редакціонныя исправленія. Затѣмъ проектъ былъ еще нѣсколько

исправленъ Самимъ Государемъ. Бутковымъ же были, по Высочайшему повелѣнію, составлены рескрипты: Митрополиту Филарету, Министру Внутреннихъ Дѣлъ съ изъявленіемъ Высочайшей благодарности дворянскимъ комитетамъ и Предсѣдателю Редакціонныхъ Коммисій (замѣнившему скончавшагося графа Я. И. Ростовцова) графу В. Н. Панину, съ изъявленіемъ Высочайшаго благоволенія членамъ Коммисій.

По утвержденіи Манифеста и новыхъ Положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, Государемъ Императоромъ была возложена на Государственную Канцелярію еще особая обязанность—печатаніе Манифеста и Положеній и разсылка ихъ по губерніямъ. Предстояло напечатать до 600 тысячъ экземпляровъ Манифеста и до 300 тысячъ экземпляровъ Положеній,—всего болѣе 15 милліоновъ печатныхъ листовъ. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ подписанія Манифеста, 19 Марта, всѣ эти экземпляры не только были отпечатаны, но уже и переплетены и отправлены по всѣмъ губерніямъ. По необходимости занять этимъ спѣшнымъ дѣломъ множество рабочихъ, Государственный Секретарь, съ Высочайшаго разрѣшенія, помѣстилъ мастерскія въ зданіи Перваго Кадетскаго Корпуса, въ тѣхъ залахъ, гдѣ собирались Редакціонныя Коммиссіи. Здѣсь и производились работы подъ наблюденіемъ начальства Корпуса и его внутренней полиціи.

Независимо отъ этого, Государственная Канцелярія, въ видахъ облегченія какъ помѣщикамъ, такъ и крестьянамъ, ознакомленія съ новыми Положеніями, по распоряженію В. П. Буткова, приняла на себя составленіе: 1) подробнаго алфавитнаго указателя ко всѣмъ Положеніямъ; 2) краткаго изложенія правъ и обязанностей крестьянъ и дворовыхъ людей и 3) обозрѣнія главныхъ основаній, принятыхъ при составленіи Положеній.

Въ обширномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ 5 Апрѣля 1861 года, заключающемъ въ себѣ подробное обозрѣніе всѣхъ трудовъ Государственной Канцеляріи по крестьян-

скому дѣлу, Государственный Секретарь свидѣтельствовалъ, что «быстрое и скорое окончаніе всѣхъ работъ было совершено, конечно, благодаря въ особенности пламенному усердію употребленныхъ къ сему дѣлу чиновъ Канцеляріи».

«Всѣ они трудились съ равнымъ усердіемъ и равною добросовѣстностью», писалъ В. П. Бутковъ,—«но размѣръ трудовъ ихъ въ этомъ дѣлѣ не одинаковъ. Есть чины Государственной Канцеляріи, труды коихъ по крестьянскому вопросу были въ особенности обширны и многочисленны, а потому и вознагражденіе за труды ихъ не можетъ быть соглашено ни съ какими общими правилами о наградахъ». Таковы, по представленію В. П. Буткова, были: исправляющій должность Статсъ-Секретаря *Жуковскій*, Помощникъ Статсъ-Секретаря статскій совѣтникъ *Домонтовичъ* и экспедиторы: статскій совѣтникъ *Лохтинъ* и коллежскій совѣтникъ *Митковъ*. Дѣятельность ихъ была охарактеризована Государственнымъ Секретаремъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«*Жуковскій* участвовалъ въ занятіяхъ Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу со дня его учрежденія, т. е. съ 3 Января 1857 года. Онъ былъ постоянно главнымъ дѣлопроизводителемъ этого Комитета. Онъ также завѣдывалъ дѣлопроизводствомъ Коммисіи изъ 4-хъ Членовъ, при Главномъ Комитетѣ учрежденной, и участвовалъ въ составленіи первоначальныхъ предположеній о преобразованіи земской полиціи и устройствѣ мировыхъ учрежденій. Затѣмъ онъ былъ назначенъ Членомъ Редакціонныхъ Коммисій и принималъ самое дѣятельное участіе въ занятіяхъ всѣхъ трехъ отдѣленій оныхъ. По поступленіи дѣла въ Главный Комитетъ, Жуковскій былъ общимъ распорядителемъ и редакторомъ всѣхъ работъ. Онъ занимался крестьянскимъ дѣломъ не только съ усердіемъ, но съ пламенною, искреннею любовью къ этому дѣлу, и занимался имъ до истощенія силъ.[54]

«*Домонтовичъ*, по прежней службѣ его въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, пріобрѣлъ огромную опытность въ сельскомъ хозяйствѣ и, во вниманіе къ его трудамъ,

по назначеніи его въ 1858 году Помощникомъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта, былъ избранъ генералъ-адъютантомъ Ростовцовымъ въ число Членовъ Редакціонныхъ Коммисій. Онъ присутствовалъ въ Юридическомъ и Хозяйственномъ Отдѣленіяхъ и въ Финансовой Коммисіи. Дѣятельно участвуя во всѣхъ трудахъ ихъ, Домонтовичъ обработалъ въ Редакціонныхъ Коммисіяхъ проектъ о выкупѣ. Подъ его вѣдѣніемъ и руководствомъ были составлены и напечатаны извлеченія изъ подлинныхъ описаній помѣщичьихъ имѣній. По поступленіи дѣла въ Главный Комитетъ и въ Государственный Совѣтъ, Домонтовичъ, по заключеніямъ Комитета и Совѣта, исправилъ важнѣйшія мѣстныя Положенія всѣхъ губерній и принималъ самое дѣятельное участіе въ составленіи журналовъ Главнаго Комитета и Государственнаго Совѣта. Пламенное усердіе къ дѣлу этого необыкновеннаго труженика, его превосходныя способности и опытность, были главною причиною успѣшнаго окончанія всего дѣла и въ Главномъ Комитетѣ, и въ Государственномъ Совѣтѣ.[55]

К. П. Домонтовичъ.

«*Лохтинъ* былъ употребленъ для занятій по крестьянскому дѣлу съ самаго начала дѣйствій Главнаго Комитета, и ему, какъ чиновнику особенно благонадежному, было ввѣрено храненіе всѣхъ секретныхъ дѣлъ и бумагъ, въ Комитетъ поступавшихъ. По закрытіи Редакціонныхъ Коммисій на Лохтина былъ возложенъ пріемъ переданнаго въ Государственную Канцелярію огромнаго архива и библіотеки Коммисій. Во время разсмотрѣнія, какъ въ Главномъ Комитетѣ, такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ, проектовъ Поло-

женій о крестьянахъ, Лохтинъ былъ усерднѣйшимъ помощникомъ дѣлопроизводителей во всѣхъ ихъ работахъ, и въ особенности на него была возложена повѣрка корректуръ печатавшихся журналовъ и проектовъ Главнаго Комитета. Работы сіи по быстротѣ, съ которою производилось все вообще дѣло, потребовали самыхъ усиленныхъ, неутомимыхъ трудовъ, добросовѣстности и полнаго знакомства со всѣми подробностями дѣла.[56]

«Наконецъ, *Митковъ* представляетъ примѣръ необыкновеннаго усердія къ дѣлу. Занимаясь вмѣстѣ съ Жуковскимъ и Домонтовичемъ исправленіемъ проектовъ, Митковъ съ самаго начала поступленія дѣла въ Главный Комитетъ былъ употребленъ мною для надзора за печатаніемъ всѣхъ работъ по крестьянскому вопросу. Кончивъ курсъ съ отличнымъ успѣхомъ въ Александровскомъ Лицеѣ, будучи прекрасно образованъ, имѣя большое и совершенно независимое состояніе, занимая въ Государственной Канцеляріи сверхштатное мѣсто и не получая никакого содержанія, Митковъ единственно изъ усердія къ дѣлу, усердія необыкновеннаго въ молодомъ человѣкѣ въ его положеніи, предался совершенно порученію, на него возложенному. Съ Октября 1860 года и по настоящее время Митковъ буквально день и ночь проводилъ въ типографіяхъ, и исключительно его усердію, его дѣятельности и трудамъ, обязаны мы скорымъ печатаніемъ и скорою разсылкою Манифеста и Положеній. Его трудъ въ этомъ дѣлѣ заслуживаетъ не только особаго вознагражденія, но и поощренія».[57]

Для названныхъ лицъ Государственный Секретарь испрашивалъ исключительныя награды. Именно, онъ ходатайствовалъ о производствѣ всѣхъ ихъ въ слѣдующіе чины, о выдачѣ Жуковскому, Домонтовичу и Лохтину единовременно изъ казны получаемыхъ ими окладовъ содержанія и о пожалованіи этимъ тремъ чиновникамъ земли по чину. «Я прошу особенно объ этой наградѣ»,—писалъ В. П. Бутковъ,—«съ тою именно цѣлію, дабы память о трудахъ сихъ достойныхъ

чиновниковъ въ крестьянскомъ дѣлѣ осталась въ ихъ потомствѣ, и чтобы дѣти ихъ, пользуясь пожалованною имъ землею, знали, что земля сія была дарована ихъ отцамъ за труды по крестьянскому вопросу». Что касается Миткова, имѣвшаго огромное состояніе и служившаго въ Государственной Канцеляріи безъ содержанія, то Государственный Секретарь просилъ о пожалованіи ему ордена Св. Анны 2 степени и о назначеніи его Помощникомъ Статсъ-Секретаря, сверхъ штата.

Для прочихъ чиновниковъ Государственной Канцеляріи, принимавшихъ участіе въ работахъ по крестьянскому дѣлу, испрашивались награды по особому списку, причемъ относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ виду ихъ особыхъ трудовъ, Государственный Секретарь ходатайствовалъ о двухъ наградахъ: чиномъ или орденомъ и денежнымъ пособіемъ. Статсъ-Секретарю Департамента Государственной Экономіи *Заблоцкому-Десятовскому* испрашивалось пожалованіе земли по чину.[38] На вознагражденіе переписчиковъ предполагалось выдать единовременно 8.000 р.

Государь возвратилъ докладъ В. П. Буткову съ слѣдующею надписью:

«Изъ отмѣтокъ Моихъ вы увидите, что Я на все согласенъ, съ самыми малыми измѣненіями, и нахожу, что всѣ ваши усердные сотрудники вполнѣ достойны испрашиваемыхъ для нихъ наградъ, кои объявить въ день Пасхи».

Одно изъ сдѣланныхъ Государемъ измѣненій коснулось Миткова, которому вмѣсто ордена Св. Анны 2 ст. былъ пожалованъ орденъ Св. Владиміра 4-й степени.

Награждены были также и чиновники канцеляріи бывшихъ Редакціонныхъ Коммисій, причисленные, по окончаніи работъ этихъ Коммисій, къ составу Государственной Канцеляріи. Члену-эксперту и секретарю при Предсѣдателѣ Коммисій магистру естественныхъ наукъ *П. П. Семенову* было зачислено въ службу все время его ученыхъ занятій, а также его трудовъ по Коммисіямъ, съ 1851 года; затѣмъ

П. П. Семеновъ былъ произведенъ, за выслугу лѣтъ, въ надворные совѣтники и причисленъ къ Государственной Канцеляріи, съ отнесеніемъ по должности къ V классу.[59]

Что касается самого В. П. Буткова, то его предполагалось наградить алмазными знаками ордена Св. Александра Невскаго, но, по словесному всеподданнѣйшему докладу Предсѣдателя Государственнаго Совѣта о недостаточномъ его состояніи, ему былъ пожалованъ участокъ въ 6.000 десятинъ изъ такъ называемыхъ башкирскихъ земель въ Самарской губерніи и данъ, въ день Пасхи, 23 Апрѣля 1861 года, слѣдующій рескриптъ, Собственноручно исправленный Государемъ:

«Владиміръ Петровичъ. Отдавая всегда должную справедливость отмѣнному вашему усердію и неутомимой дѣятельности въ исполненіи всѣхъ важныхъ и разнородныхъ возложенныхъ на васъ обязанностей, Я въ особенности замѣтилъ, что сею дѣятельностію вы немало способствовали скорѣйшему предначертанію постановленій и вообще мѣръ для великаго преобразованія въ положеніи и всемъ бытѣ многочисленнаго класса Моихъ вѣрныхъ подданныхъ. Мнѣ пріятно изъявить вамъ, вмѣстѣ съ другими принимавшими участіе въ семъ дѣлѣ, Мое совершенное удовольствіе и признательность за ревностные труды ваши.—Пребываю благосклонный къ вамъ Александръ».

Кромѣ того, В. П. Бутковъ получилъ, наравнѣ съ нѣкоторыми прочими чинами Государственной Канцеляріи, единовременно годовой окладъ содержанія.

Въ рескриптѣ, данномъ 19 Февраля 1861 года на имя Великаго Князя Константина Николаевича, было объявлено объ учрежденіи, въ видѣ постояннаго установленія, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества, въ составѣ Государственнаго Совѣта, Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія для всей Имперіи на общихъ и однообразныхъ началахъ. Дѣлопроизводство по Комитету повелѣно было сосредоточить

въ Государственной Канцеляріи, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и наблюденіемъ Государственнаго Секретаря, который долженъ былъ находиться къ Комитету въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ какихъ онъ состоялъ къ Департаментамъ Государственнаго Совѣта.

Проектъ учрежденія этого Комитета былъ составленъ В. П. Бутковымъ и представленъ имъ непосредственно Государю Императору. На Комитетъ возлагалось: высшее наблюденіе за введеніемъ въ дѣйствіе законоположеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и разрѣшеніе всѣхъ могущихъ при этомъ возникнуть вопросовъ и недоразумѣній; разсмотрѣніе разныхъ проектовъ законоположеній, которыя должны быть составлены въ дополненіе къ изданнымъ Положеніямъ о крестьянахъ; составленіе и разсмотрѣніе предположеній объ устройствѣ крестьянъ государственныхъ, дворцовыхъ, удѣльныхъ, заводскихъ и всѣхъ другихъ; высшее наблюденіе за введеніемъ въ дѣйствіе Положеній о сихъ крестьянахъ, когда оныя будутъ утверждены, а также разъясненіе могущихъ возникнуть при семъ вопросовъ и недоразумѣній, и, наконецъ, составленіе и разсмотрѣніе общаго Сельскаго Устава и общихъ предположеній, касающихся всѣхъ сельскихъ сословій.

Для дѣлопроизводства Главнаго Комитета въ составѣ Государственной Канцеляріи тогда же было учреждено особое Отдѣленіе по дѣламъ объ устройствѣ сельскаго состоянія. Отдѣленіе это было составлено изъ одного Помощника Статсъ-Секретаря (Домонтовича), экспедитора, его старшаго помощника, журналиста, его помощника и актуаріуса. Управленіе Отдѣленіемъ возложено на С. М. Жуковскаго.

Затѣмъ Государственной Канцеляріи, или, точнѣе, Государственному Секретарю, было поручено высшее наблюденіе за литературой по крестьянскому вопросу, по крайней мѣрѣ, въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ: въ Апрѣлѣ 1861 года С.-Петербургскій Цензурный Коми-

тетъ увѣдомилъ Государственную Канцелярію, что коллежскій секретарь Петръ *Яновъ* и коллежскій регистраторъ Леонтій *Снѣгиревъ* обратились съ прошеніемъ объ исходатайствованіи имъ разрѣшенія на изданіе еженедѣльной газеты подъ названіемъ: «*19 Февраля 1861 года*», въ которой они предполагали помѣщать: 1) все, что разовьетъ, выяснитъ и опредѣлитъ примѣненіе Высочайшаго Положенія 19 Февраля 1861 года на практикѣ, и 2) всѣ необходимыя по разнымъ предметамъ сельскаго, фабричнаго и ремесленнаго хозяйства указанія, освященныя наукою и опытомъ, безъ которыхъ невозможна благоразумная и полезная дѣятельность. Предварительно представленія объ этомъ ходатайствѣ на разрѣшеніе Главнаго Управленія Цензуры, Комитетъ, препровождая въ Государственную Канцелярію программу газеты, просилъ сообщить, «въ какой мѣрѣ просьба эта можетъ подлежать въ настоящее время удовлетворенію».

В. П. Бутковъ отвѣчалъ, что находитъ предположеніе Янова и Снѣгирева во многихъ отношеніяхъ неудобнымъ, въ виду того, что всѣ правительственныя распоряженія по крестьянскому дѣлу будутъ помѣщаться въ правительственныхъ изданіяхъ. Изданіе не было разрѣшено.

Тогда же Предсѣдатель С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета препроводилъ на разсмотрѣніе Государственнаго Секретаря рукопись подъ заглавіемъ: «*Прочти простой разсказъ о новомъ бытѣ твоемъ*». Рукопись эта была возвращена съ отзывомъ, что «напечатаніе ея можетъ быть дозволено, но изданіе ея не принесетъ никакой пользы простому народу, для коего пишется, а можетъ спутать его понятія». Въ печати эта рукопись не появлялась.

Этими двумя фактами исчерпываются всѣ свѣдѣнія о цензорской дѣятельности В. П. Буткова.

Независимо отъ работъ по крестьянскому дѣлу, въ теченіе 1857—1861 годовъ на Государственной Канцеляріи лежало много другихъ важныхъ трудовъ по разработкѣ

различныхъ законодательныхъ предположеній и мѣропріятій. Такъ, въ 1857 году на Канцелярію возложено было дѣлопроизводство по Особой Коммисіи, учрежденной для рѣшенія дѣлъ во время двукратной отлучки Государя за границу. Коммисія существовала, въ оба раза, болѣе трехъ мѣсяцевъ и успѣла разсмотрѣть и разрѣшить 1588 дѣлъ. Въ томъ же году закончились труды Высочайше учрежденнаго 31 Августа 1856 года Особаго Комитета, подъ предсѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта дѣйствительнаго тайнаго совѣтника *Л. В. Тенгоборскаго*, для пересмотра таможеннаго тарифа 1850 года. Въ составъ этого Комитета входили представители отъ Министерствъ: Финансовъ, Внутреннихъ и Иностранныхъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ, а дѣлопроизводство было поручено Государственной Канцеляріи. О «выдающихся заслугахъ» ея по этому дѣлу свидѣтельствовалъ Министръ Финансовъ въ отношеніи на имя Государственнаго Секретаря, спрашивая, какія награды, по его мнѣнію, слѣдовало бы назначить исправляющему должность Статсъ-Секретаря Департамента Государственной Экономіи *Шигаеву*, Помощнику Статсъ-Секретаря *Небольсину* и прочимъ чинамъ Канцеляріи, принимавшимъ участіе въ тарифной работѣ.[60]

Въ связи съ трудами этого Комитета возникло въ Маѣ 1857 г. характерное судебное дѣло. Однажды утромъ на квартиру Помощника Статсъ-Секретаря (впослѣдствіи — Членъ Государственнаго Совѣта) Г. П. Небольсина, занимавшагося производствомъ дѣла о новомъ тарифѣ въ Департаментѣ Экономіи, принесли письмо отъ одного изъ пріѣхавшихъ въ Петербургъ, для объясненій по проекту тарифа, депутатовъ отъ Московскаго купечества, мануфактуръ-совѣтника П. Въ письмѣ П. выражено было желаніе купить у Небольсина 20 экземпляровъ издававшейся имъ въ то время «Библіотеки коммерческихъ знаній», причемъ было сказано, что половина причитающейся за эти книги суммы посылается теперь же, а другая половина будетъ доставлена

«по распродажѣ полученныхъ экземпляровъ». Въ отдѣльномъ пакетѣ были вложены: особая записка о вредныхъ послѣдствіяхъ пониженія пошлинъ съ привозимыхъ изъ-за границы шитаго платья и перчатокъ и 5.000 р. съ надписью: «О всѣхъ и за вся». Небольсинъ немедленно представилъ эту посылку Предсѣдателю Государственнаго Совѣта. Князь Орловъ, «усматривая изъ поступка П. явное намѣреніе подкупить чиновника Государственной Канцеляріи,—намѣреніе, оскорбительное для чести всего состава этой Канцеляріи, бывшей всегда безупречною», сообщилъ обо всемъ Шефу Жандармовъ, прося его произвести по этому предмету надлежащее слѣдствіе, поступивъ съ П. по всей строгости законовъ, и тогда же довелъ о случившемся до Высочайшаго свѣдѣнія.

«Князь Долгоруковъ получилъ по этому Мое приказаніе», написалъ Государь князю Орлову. П. былъ тотчасъ же арестованъ при III Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и на допросѣ объяснилъ, что послѣдовавшее по новому тарифу пониженіе пошлины на шитое платье и бѣлье должно лишить бѣдный классъ Россіи работы, а слѣдовательно, весьма тяжело отзовется на экономическомъ положеніи въ особенности Московскаго населенія. Эти соображенія раздѣлялись и другими Московскими депутатами, которые считали долгомъ обратить на это вниманіе правительства. П. хотѣлъ обратиться къ Предсѣдателю Департамента Экономіи, но одинъ изъ его знакомыхъ, нѣкто Ш., сообщилъ ему, что дѣломъ о тарифахъ занимается главнымъ образомъ Небольсинъ, который лучше можетъ объяснить графу Гурьеву то, что хотѣлъ ему сказать П., и что «можно просить» его. Между прочимъ, Ш. указалъ, что Небольсинъ, оставивъ должность секретаря въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, лишился 4.000 р. жалованья. П., «изъ чувства уваженія» къ Небольсину, котораго давно зналъ, желалъ помочь ему въ стѣсненныхъ его обстоятельствахъ покупкою извѣстнаго числа экземпляровъ его изданія

и послалъ ему 5.000 р., считая это не подкупомъ, а предупрежденіемъ подкупа со стороны иностранныхъ агентовъ, которые могли бы дать гораздо больше. При этомъ П. говорилъ, что онъ дѣйствовалъ лично отъ себя, а не въ качествѣ уполномоченнаго отъ всѣхъ Московскихъ фабрикантовъ, и послалъ Небольсину свои личныя деньги, которыя, какъ онъ надѣялся, будутъ потомъ, въ случаѣ благопріятнаго исхода его просьбы, возвращены ему его товарищами. Надпись же: «О всѣхъ и за вся» имѣетъ значеніе: «О всѣхъ бѣдныхъ и за вся христіанъ, людей благочестивыхъ». На вопросъ о томъ, не дѣлалъ ли П. и еще кому-нибудь подобныхъ же приношеній, онъ отвѣтилъ, что далъ только 500 р. коллежскому совѣтнику Б., который взялся доставить его записки князю Орлову и Министру Финансовъ.

Арестованный вслѣдъ за этимъ Б.,—чиновникъ Министерства Финансовъ, занимавшійся дѣлами Московскаго Генералъ-Губернатора графа Закревскаго и вообще ходатайствами по частнымъ дѣламъ,—показалъ, что онъ дѣйствительно взялся помогать Московскимъ депутатамъ, но сдѣлалъ это лишь по желанію графа Закревскаго; что 500 р. были даны ему П. на наемъ квартиры для пріѣзжихъ Московскихъ купцовъ,—«но, можетъ быть, П. и желалъ этими деньгами его отблагодарить, и онъ, Б., зная П. за очень богатаго человѣка и не видя въ этомъ ничего противозаконнаго, принялъ ихъ, тѣмъ болѣе, что имѣетъ большое семейство».

Вятскій купецъ 3-й гильдіи Ш.,—однажды уже высланный въ Вятку подъ надзоръ полиціи за какое-то дѣло, оставшееся невыясненнымъ, но потомъ опять пробравшійся въ Петербургъ,—показалъ, что познакомился съ П. и другими Московскими депутатами недавно, по дѣламъ откупа. П. говорилъ ему, что пошлину на чай Московскіе купцы успѣли отстоять въ Департаментѣ не совсѣмъ чистыми средствами, но теперь относительно мануфактуры имъ ничего не удалось сдѣлать, потому что покойный

Тенгоборскій, подкупленный англичанами, сильно вредилъ дѣлу; что, впрочемъ, есть еще нѣкоторая надежда и что съ цѣлью достигнуть благопріятнаго исхода пересмотра тарифа Московскіе фабриканты предоставили въ распоряженіе П. 100.000 руб.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Государю Императору выписки изъ этого слѣдственнаго производства Его Величество изволилъ начертать:

«Желаю, чтобы прилагаемая выписка *была прочитана завтра въ Государственномъ Совѣтѣ,* такъ какъ *дѣло касается чиновника Государственной Канцеляріи,* и чтобы Совѣтъ опредѣлилъ, *нужно ли въ чемъ либо дополнить слѣдствіе? Если же нѣтъ, то какимъ образомъ поступить съ лицами, оказывающимися по дѣлу виновными?* Можетъ быть, нѣкоторые изъ Членовъ Совѣта признаютъ нужнымъ прибавить еще и отъ себя дополнительныя свѣдѣнія, *ибо всякій благородный человѣкъ долженъ для общей пользы изобличать преступниковъ.* Всѣ у насъ кричатъ на взяточничество, *но когда дѣло идетъ объ открытіи истины, мнимое благородство не позволяетъ, къ прискорбію, многимъ называть виновныхъ*» (13 Мая 1857 г.).[61]

Государственный Совѣтъ, войдя въ разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла и находя, что по произведенному слѣдствію П. достаточно изобличенъ въ намѣреніи подкупить Небольсина, призналъ необходимымъ «дѣло по этому предмету подвергнуть судебному разсмотрѣнію, съ тѣмъ, чтобы судъ былъ произведенъ въ С.-Петербургской Уголовной Палатѣ, чтобы наблюденіе за ходомъ этого дѣла было возложено на Министра Юстиціи и чтобы оно было окончено не въ очередь» (14 Мая).

Государь Императоръ, утвердивъ это положеніе Государственнаго Совѣта, Высочайше повелѣть соизволилъ: дѣло рѣшить не въ очередь, не допуская ни малѣйшей отсрочки, и о ходѣ его каждыя двѣ недѣли доносить Сенату. Что касается 5.000 р., присланныхъ П. Небольсину, и 500 р.,

данныхъ Б., то эти деньги обратить въ инвалидный капиталъ (23 Мая).

Дѣло было заслушано въ С.-Петербургской Уголовной Палатѣ 31 Мая и рѣшено 7 Августа 1857 года. П. оправдывался тѣмъ, что «дѣйствія его были единственно изъ любви къ Россіи». Палата приговорила: П. подвергнуть тюремному заключенію на 6 мѣсяцевъ и денежному взысканію вчетверо болѣе данной и обѣщанной суммы, т. е. въ размѣрѣ 40.000 р.; Б.—«по предмету знанія о противозаконномъ поступкѣ П. или же участія въ ономъ отъ суда освободить, внеся подсудимость эту въ формулярный о службѣ его списокъ»; Ш.—«по предмету подговора П. на подкупъ Небольсина оставить въ сильномъ подозрѣніи, а за двукратно сдѣланное ложное передъ судомъ безъ присяги показаніе выдержать въ тюрьмѣ три мѣсяца и затѣмъ представить на усмотрѣніе г. Военнаго Губернатора».

Дѣло перешло въ Сенатъ. Тогда жена П. обратилась съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ о смягченіи участи ея мужа, объясняя, что онъ имѣетъ на фабрикѣ до 1200 рабочихъ, завелъ для нихъ ремесленную школу, въ которой обучается до 200 человѣкъ, затѣмъ устроилъ двѣ богадѣльни на 40 человѣкъ, изъ которыхъ одна находится на полномъ содержаніи его и его брата, и, наконецъ, послѣ существовавшей въ Москвѣ холеры и во время послѣдней войны принималъ на свое содержаніе оставшихся сиротъ, женъ и дѣтей безсрочно-отпускныхъ. Это прошеніе, по Высочайшему повелѣнію, было передано на усмотрѣніе Сената, который, во вниманіе къ приведеннымъ обстоятельствамъ, утвердивъ приговоръ Уголовной Палаты, постановилъ «всеподданнѣйше ходатайствовать о смягченіи наказанія сдѣланіемъ П. строгаго выговора со внушеніемъ воздерживаться на будущее время отъ подобныхъ дѣйствій и взысканіемъ штрафа въ 20.000 р.». Приговоръ относительно Б. былъ оставленъ въ силѣ, а Ш. освобожденъ отъ тюремнаго заключенія.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ сенатскаго рѣшенія рукою Министра Юстиціи графа Панина написано (24 Апрѣля 1858 г.):

«Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ П. отъ заключенія въ тюрьму, согласно ходатайству Правительствующаго Сената, освободить и сдѣлать ему строгій выговоръ согласно сему мнѣнію; положенное съ П. взысканіе, въ уваженіе заслугъ его въ продолженіе минувшей войны особыми подвигами благотворительности и содѣйствіемъ пользамъ казны, ограничить пятью тысячами рублей сверхъ денегъ, имъ высланныхъ въ минувшемъ году и обращенныхъ уже въ общій инвалидный капиталъ».

Въ виду такого благопріятнаго для него исхода дѣла, П. вошелъ съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ о сложеніи съ него указаннаго дополнительнаго штрафа; но прошеніе это было оставлено безъ послѣдствій.

Съ 1 Января 1858 года прекратилъ свое существованіе Департаментъ Военныхъ Дѣлъ—за неназначеніемъ въ него Предсѣдателя и Членовъ и безъ особаго повелѣнія объ его упраздненіи. Фактически этотъ Департаментъ пересталъ дѣйствовать еще съ 1854 года, и чиновники Государственной Канцеляріи, входившіе въ составъ Военнаго Отдѣленія, были распредѣлены по другимъ ея частямъ.

Въ томъ же 1858 году Предсѣдатель Государственнаго Совѣта князь А. Ѳ. Орловъ представилъ Государю составленную въ Государственной Канцеляріи, по его распоряженію, записку о необходимости приступить въ теченіе четырехлѣтія 1859—1862 гг. къ преобразованію откупной системы взиманія питейнаго налога. Въ этой запискѣ были указаны и сроки, назначенные для движенія всей по этому дѣлу работы, съ тѣмъ, чтобы она непремѣнно была закончена къ исходу упомянутаго четырехлѣтія. Его Величество,

одобривъ эту записку, передалъ ее для исполненія Министру Финансовъ, поручивъ Государственной Канцеляріи наблюдать, чтобы всѣ намѣченныя работы были внесены въ Государственный Совѣтъ въ указанные сроки.

Въ началѣ 1860 года Министръ Финансовъ А. М. Княжевичъ представилъ Совѣту записку, весьма краткую, о тѣхъ главныхъ началахъ, которыя, по его мнѣнію, «могли бы быть приняты если не для измѣненія, то для нѣкотораго улучшенія существующей системы». При первомъ общемъ обзорѣ этой записки оказалось, что въ ней нѣтъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній, по которымъ можно было бы оцѣнить откупную систему. Свѣдѣній этихъ вовсе не было и въ дѣлахъ Государственнаго Совѣта, такъ какъ откупныя условія и правила никогда въ Совѣтѣ не разсматривались; нельзя было найти ихъ также и въ дѣлахъ Комитета Министровъ, гдѣ все производство по откупнымъ дѣламъ ограничивалось самыми краткими записками Министра Финансовъ. О такомъ положеніи дѣла Государственный Секретарь доложилъ Государю Императору и получилъ Высочайшее разрѣшеніе, не возвращая Министру Финансовъ его представленія для дополненія, всѣ необходимыя для Государственнаго Совѣта свѣдѣнія извлечь изъ всѣхъ Министерствъ и Главныхъ Управленій чрезъ чиновниковъ Государственной Канцеляріи, при содѣйствіи командированныхъ отъ Министерства Финансовъ лицъ. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ чины Государственной Канцеляріи, подъ наблюденіемъ Статсъ-Секретаря Департамента Государственной Экономіи *А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго,* извлекли изъ дѣлъ Министерства Финансовъ и другихъ вѣдомствъ множество самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній объ откупной системѣ, которыя до того времени почти никому не были извѣстны и теперь ясно обнаружили всѣ недостатки и злоупотребленія откуповъ. Собранныя такимъ образомъ свѣдѣнія и составленныя на основаніи этого матеріала Государственною Канцеляріею записка, соображенія и подробныя вѣдо-

мости были напечатаны въ типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи въ 4-хъ большихъ томахъ, объемомъ до 88 печатныхъ листовъ. Первый томъ этого сборника былъ составленъ экспедиторомъ Государственной Канцеляріи графомъ *К. И. Паленомъ* (впослѣдствіи — Министръ Юстиціи, нынѣ Статсъ-Секретарь Его Императорскаго Величества, Членъ Государственнаго Совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ).

Эти матеріалы дали полную возможность Департаменту Государственной Экономіи, въ присутствіи Министра Финансовъ, обозрѣть всю откупную систему, опредѣлить ея недостатки и злоупотребленія и установить основныя начала новой системы питейнаго сбора. Журналъ Департамента по этому предмету былъ въ Октябрѣ 1860 года внесенъ на разсмотрѣніе Общаго Собранія Государственнаго Совѣта, и предположенныя Департаментомъ главныя основанія реформы, по обсужденіи ихъ Общимъ Собраніемъ, получили, 26 Октября, Высочайшее утвержденіе. Государственный Совѣтъ при этомъ отозвался, что онъ не можетъ не отдать полной справедливости какъ отчетливому во всѣхъ отношеніяхъ разсмотрѣнію настоящаго предмета Департаментомъ Государственной Экономіи, такъ и составленнымъ въ Государственной Канцеляріи историческимъ свѣдѣніямъ о питейныхъ сборахъ въ Россіи, труду, замѣчательному своею полнотою и тщательнымъ изложеніемъ, доставившимъ Государственному Совѣту возможность вникнуть во всѣ подробности столь важнаго и многосложнаго дѣла.

Обозрѣвая меморію Государственнаго Совѣта съ изложеніемъ главныхъ основаній питейной реформы, Императоръ Александръ Николаевичъ изволилъ обратить особое вниманіе на труды Государственной Канцеляріи и на докладной запискѣ В. П. Буткова начертать:

«Объявляю вамъ лично и всей Государственной Канцеляріи особую Мою благодарность за этотъ многосложный

и добросовѣстный трудъ. Дай Богъ, чтобы послѣдствія онаго были тѣ, которыя Я ожидаю».

Для составленія, на указанныхъ и одобренныхъ Его Величествомъ основаніяхъ, подробныхъ проектовъ положенія объ устройствѣ питейныхъ сборовъ въ Россіи, по Высочайшему повелѣнію была учреждена особая Коммисія, подъ предсѣдательствомъ того же Статсъ-Секретаря Заблоцкаго-Десятовскаго, подъ руководствомъ котораго собирались всѣ матеріалы по этому дѣлу и который занимался его производствомъ въ Департаментѣ Экономіи и въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта. Коммисія эта, по соглашенію Государственнаго Секретаря съ Министромъ Финансовъ, была составлена изъ членовъ отъ разныхъ вѣдомствъ, чиновниковъ Государственной Канцеляріи и свѣдущихъ лицъ, преимущественно изъ заводчиковъ, винокуровъ и техниковъ. Приступивъ къ занятіямъ въ Ноябрѣ 1860 года, Коммисія къ концу Апрѣля слѣдующаго года составила и, по разсмотрѣніи Министромъ Финансовъ, внесла въ Государственный Совѣтъ проекты: 1) положенія о питейномъ сборѣ; 2) штатовъ акцизнаго управленія; 3) предположеній о размѣрѣ акциза съ питей и питейнаго сбора; 4) правилъ о разсрочкахъ въ платежѣ акциза; 5) предположеній о составленіи казенныхъ запасовъ вина; 6) правилъ о переходѣ съ 1863 года къ казенному завѣдыванію питейными сборами; 7) предположеній о примѣненіи акцизной системы питейнаго сбора къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ мѣстностямъ, и 8) положенія о трактирныхъ заведеніяхъ. Всѣ эти проекты въ Маѣ и Іюнѣ 1861 года были разсмотрѣны сначала Департаментомъ Государственной Экономіи и затѣмъ Общимъ Собраніемъ Государственнаго Совѣта и, почти безъ измѣненій, Высочайше утверждены 4 Іюля 1861 года.

Общее Собраніе Государственнаго Совѣта, представляя это дѣло на благоусмотрѣніе Его Величества, объяснило, между прочимъ, что оно не могло не обратить вниманія

на подготовительныя работы, исполненныя Государственною Канцеляріею, и на трудъ Коммисіи, составившей проекты. Благодаря усиленнымъ трудамъ, знанію дѣла, опытности и усердію Предсѣдателя и Членовъ Коммисіи, она успѣла основательно обсудить всѣ предлежавшіе ей вопросы и окончить это многосложное дѣло въ самое короткое время съ полнымъ успѣхомъ. Такимъ замѣчательнымъ и полезнымъ трудомъ, который далъ возможность устроить на новыхъ основаніяхъ одну изъ самыхъ важныхъ отраслей государственныхъ доходовъ, Коммисія и ея Предсѣдатель заслужили, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, особую признательность со стороны правительства.

А. П. Заблоцкій-Десятовскій.

По свидѣтельству Государственнаго Секретаря, въ его всеподданнѣйшей запискѣ по этому дѣлу, самое дѣятельное участіе въ этой работѣ принималъ Предсѣдатель Коммисіи, *Заблоцкій-Десятовскій*. «Ему все дѣло одолжено своимъ успѣхомъ», писалъ В. П. Бутковъ: «подъ его руководствомъ въ теченіе одного года были собраны всѣ матеріалы и обработаны всѣ проекты; онъ же докладывалъ ихъ и Департаменту Государственной Экономіи, и Общему Собранію Государственнаго Совѣта. Все это было имъ исполнено въ то время, когда онъ былъ Членомъ Редакціонныхъ Коммисій по крестьянскому дѣлу и Предсѣдателемъ того отдѣленія сихъ Коммисій, которое занималось составленіемъ выкупного проекта».[62] За этотъ свой трудъ Заблоцкій-Десятовскій былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 2 степени и выдачею изъ казны годового оклада содержанія.

Кромѣ Заблоцкаго-Десятовскаго, Государственный Секретарь указывалъ, какъ на лицъ, принимавшихъ особое и ближайшее участіе во всей вообще работѣ по преобразованію системы питейнаго налога, на Помощника Статсъ-Секретаря *Домонтовича,* причисленнаго къ Государственной Канцеляріи *П. П. Семенова* и экспедиторовъ: *Федоровскаго* и графа *Палена.* Домонтовичъ участвовалъ въ составленіи свѣдѣній о питейныхъ сборахъ и затѣмъ, по открытіи Коммисіи, былъ назначенъ ея Членомъ и, независимо отъ общаго участія въ трудахъ ея, составилъ соображенія о размѣрѣ акциза съ питей. П. П. Семеновъ составилъ соображенія о штатахъ губернскихъ акцизныхъ управленій и объяснительную записку къ проекту Положенія о питейномъ сборѣ, затѣмъ, въ теченіе лѣта и осени 1861 года, по порученію Министра Финансовъ, собралъ въ Бельгіи, Франціи и Англіи свѣдѣнія и представилъ обстоятельное донесеніе о порядкѣ освобожденія отъ акциза вина и спирта, употребляемаго на разныя техническія производства и отправляемаго за границу. Федоровскій составилъ предварительно полный сводъ разныхъ правилъ и предположеній о питейномъ сборѣ, послужившій для Коммисіи начальнымъ матеріаломъ; затѣмъ принималъ участіе въ занятіяхъ винокуреннаго, пивовареннаго и счетнаго отдѣловъ Коммисіи и разработалъ предположенія о переходныхъ мѣрахъ къ казенному завѣдыванію питейными сборами, о примѣненіи акцизной системы къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ мѣстностямъ и о размѣрѣ патентнаго сбора. Графъ Паленъ руководилъ трудами техническаго отдѣла Коммисіи и, сверхъ того, участвовалъ въ работахъ пивовареннаго ея отдѣла.[63]

Независимо отъ указанныхъ особо обширныхъ трудовъ, Государственная Канцелярія нерѣдко удостоивалась выраженій Монаршаго благоволенія и за обычныя свои занятія. Такъ, на всеподданнѣйшемъ отчетѣ Предсѣдательствовавшаго въ Государственномъ Совѣтѣ графа Блу-

дова за 1860 годъ Государь Императоръ изволилъ начертать:

«Читалъ съ удовольствіемъ и благодарю искренно Статсъ-Секретаря Буткова и всѣхъ его помощниковъ за ихъ постоянные труды».

Такую же помѣтку Его Величеству угодно было сдѣлать и на отчетѣ за 1861 годъ:

«Читалъ съ удовольствіемъ и благодарю искренно Государственнаго Секретаря и всѣхъ его помощниковъ за ихъ усердіе и особенную дѣятельность въ 1861 году».

II.

Уничтоженіе крѣпостного права выдвинуло на первый планъ необходимость коренного преобразованія нашего судоустройства и судопроизводства. Работы по усовершенствованію судебной части начаты были еще въ 40-хъ годахъ, подъ руководствомъ Главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи графа *Д. Н. Блудова.* Одновременно съ составленіемъ проекта Уголовнаго Уложенія 1845 года графъ Блудовъ затребовалъ отъ членовъ судебнаго вѣдомства замѣчанія о доказанныхъ практикою недостаткахъ дѣйствующаго судебнаго законодательства и, на основаніи полученныхъ свѣдѣній, составилъ «предложеніе» о нѣкоторыхъ частичныхъ улучшеніяхъ судоустройства и судопроизводства. Затѣмъ, въ 1850 и 1852 годахъ, онъ исходатайствовалъ Высочайшія повелѣнія объ учрежденіи при II Отдѣленіи Комитетовъ для составленія проектовъ уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства. Дѣлопроизводителемъ гражданскаго Комитета былъ назначенъ занимавшій въ ту пору должность юрисконсульта въ учрежденной при Министерствѣ Юстиціи Консультаціи *С. И. Зарудный,* вложившій впослѣдствіи всю

свою душу въ дѣло судебной реформы и такъ много потрудившійся въ послѣднемъ фазисѣ ея развитія.[64]

По мѣрѣ разработки проекта устава гражданскаго судопроизводства, графъ Блудовъ все болѣе и болѣе приходилъ къ убѣжденію въ томъ, что «чрезъ частныя измѣненія мы не только не достигнемъ желаемой, указанной намъ цѣли, но едва ли даже въ нѣкоторомъ отношеніи не удалимся отъ нея», и что въ виду этого «необходимо принять другую, совершенно отличную отъ настоящей, систему, основанную на тѣхъ общихъ, непреложныхъ началахъ, безъ коихъ не можетъ быть правильнаго судопроизводства гражданскаго въ строгомъ смыслѣ слова»... «Намъ въ особенности», заключалъ онъ, «нельзя и думать о какомъ либо усовершенствованіи сей части нашего законодательства безъ измѣненія самой основной мысли ея, безъ принятія не только отличныхъ, но, до нѣкоторой степени, противныхъ ей началъ»[65]. Въ 1857—1860 годахъ графъ Блудовъ внесъ въ Государственный Совѣтъ проекты устава гражданскаго судопроизводства, положенія о присяжныхъ повѣренныхъ, устава уголовнаго судопроизводства и, наконецъ, устава судоустройства. Дѣлопроизводство по разсмотрѣнію этихъ проектовъ въ Государственномъ Совѣтѣ было возложено на Заруднаго, который, 27 Апрѣля 1857 года, былъ назначенъ Помощникомъ Статсъ-Секретаря, а въ слѣдующемъ году, съ Высочайшаго соизволенія, былъ командированъ за границу для изученія различныхъ системъ судопроизводства и ихъ примѣненія на практикѣ. Употребивъ свою поѣздку на ознакомленіе съ судебными учрежденіями въ Германіи, Франціи и преимущественно—въ Сардиніи и Австріи, гдѣ судебная часть заслуживала особенно внимательнаго обслѣдованія по введеннымъ тамъ новѣйшимъ преобразованіямъ и усовершенствованіямъ, Зарудный, по возвращеніи своемъ, представилъ Государственному Секретарю обозрѣніе работъ по составленію устава гражданскаго судопроизводства въ Сардиніи и преобразованій, предпринятыхъ въ судопроизводствѣ Австрійской

Имперіи, а также сдѣланные имъ переводы изданныхъ незадолго передъ тѣмъ уставовъ гражданскаго судопроизводства для Сардиніи и Венгріи. Эти труды, исполненные съ знаніемъ дѣла, добросовѣстностью и отчетливостью, признано было полезнымъ издать въ свѣтъ, и, по Высочайшему повелѣнію, они были напечатаны, въ количествѣ 500 экземпляровъ, въ типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Между тѣмъ, въ Государственной Канцеляріи уже начаты были работы по изученію и подготовкѣ къ докладу внесенныхъ графомъ Блудовымъ проектовъ. Въ связи съ этими работами находилось также и разсмотрѣніе проекта преобразованія морской судебной части, составленнаго по распоряженію Генералъ-Адмирала Великаго Князя Константина Николаевича, Который, 15 Ноября 1860 года, обратился къ Государственному Секретарю съ рескриптомъ слѣдующаго содержанія:

«Препровождая при семъ Вашему Превосходительству 20 экземпляровъ проекта преобразованія морской судебной части и желая воспользоваться для исправленія онаго замѣчаніями тѣхъ изъ Вашихъ подчиненныхъ, конхъ соображенія Вы изволите признать для Меня полезными, и особенно Вашимъ личнымъ мнѣніемъ, Я прошу Васъ принять на себя трудъ, въ особенное, личное для Меня одолженіе, сообщить Мнѣ Ваше мнѣніе объ этомъ проектѣ и помянутыя соображенія тѣхъ лицъ, которымъ Вы сообщите оный. Прошу Васъ вѣрить моей искренней, сердечной благодарности за всякое содѣйствіе, которое Вы окажете Мнѣ для преобразованія и лучшаго устройства судебной части во ввѣренномъ Мнѣ управленіи. Я былъ бы особенно признателенъ, если бы получилъ замѣчанія на вышеозначенный проектъ не позже 1 Марта будущаго года. Константинъ».

В. П. Бутковъ поручилъ разсмотрѣніе этого проекта десяти изъ своихъ сотрудниковъ, а именно: П. Н. Даневскому, К. И. Домонтовичу, Я. Г. Есиповичу, С. М. Жуковскому,

С. И. Зарудному, П. А. Зубову, Н. А. Мейеру, К. К. Ренненкампфу, В. Г. Черноглазову и Д. П. Шубину. Всѣ они представили по содержанію проекта подробныя соображенія, которыя, вмѣстѣ съ отзывомъ Государственнаго Секретаря, были сообщены Великому Князю 1 Февраля 1861 года.

Въ эту пору разработка новыхъ судебныхъ уставовъ шла еще довольно медленно и нерѣшительно, такъ какъ первое мѣсто въ трудахъ Государственной Канцеляріи занимали работы по освобожденію крестьянъ. Въ этихъ работахъ принималъ участіе также и С. И. Зарудный. Онъ былъ членомъ учрежденной при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Коммисіи, составлявшей проектъ положенія о мировыхъ крестьянскихъ учрежденіяхъ, а въ 1860 году былъ прикомандированъ къ Главному Комитету, въ помощь В. П. Буткову при разсмотрѣніи составленнаго Редакціонными Коммисіями проекта Положенія о крестьянахъ, и 7 Января 1861 года назначенъ исправляющимъ должность Статсъ-Секретаря въ Департаментѣ Законовъ, гдѣ и докладывалъ помянутое Положеніе. Государственный Секретарь, извѣщая Зарудnаго о благодарности, выраженной Государемъ ему лично и всѣмъ его помощникамъ «за всѣ добросовѣстные и неутомимые труды» по крестьянскому дѣлу, добавлялъ, что ему особенно пріятно сообщить объ этой Высочайшей резолюціи Сергію Ивановичу, «какъ одному изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ работѣ».

Осенью 1861 года Императоръ Александръ Николаевичъ, возвратившись въ Петербургъ изъ Крыма, пожелалъ узнать, въ какомъ положеніи находится дѣло о судебной реформѣ. Государственный Секретарь, во всеподданнѣйшей запискѣ по этому предмету, указывалъ на встрѣченныя Государственною Канцеляріею затрудненія при докладѣ составленныхъ графомъ Блудовымъ въ разное время и не согласованныхъ между собою проектовъ уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства и судоустройства и высказывалъ, что подробному разсмотрѣнію этихъ проектовъ въ

Государственномъ Совѣтѣ должно предшествовать «опредѣленіе и утвержденіе *основныхъ началъ* предполагаемаго преобразованія». Докладъ В. П. Буткова былъ Высочайше одобренъ, и Государю Императору благоугодно было повелѣть:

«I. Предоставить Соединеннымъ Департаментамъ Законовъ и Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, въ усиленномъ ихъ составѣ, гдѣ нынѣ разсматриваются всѣ вообще правила по устройству судебной части въ Имперіи, составить и внести въ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта общую записку обо всемъ, что можетъ быть признано относящимся къ главнымъ основнымъ началамъ предположеній для устройства судебной части, такъ, чтобы сія записка обнимала въ возможной полнотѣ и ясности всѣ многоразличные предметы, къ сей части принадлежащіе, именно: 1) судоустройство; 2) судопроизводство гражданское; 3) судопроизводство уголовное, и наконецъ 4) нужныя временныя мѣры для перехода отъ порядка нынѣ существующаго къ предполагаемому новому.

II. Составленіе сей записки предоставить занимавшимся производствомъ сего дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ чиновникамъ Государственной Канцеляріи, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Государственнаго Секретаря и подъ высшимъ наблюденіемъ Статсъ-Секретаря дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Блудова, какъ Предсѣдательствующаго въ Соединенныхъ Департаментахъ Законовъ и Гражданскомъ, разсматривавшихъ доселѣ всѣ касающіеся устройства судебной части проекты.

III. По разсмотрѣніи въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта всѣхъ основныхъ началъ предполагаемаго новаго устройства судебной части, приступить къ окончательной редакціи самыхъ проектовъ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, съ тѣми исправленіями, которыя будутъ признаны нужными вслѣдствіе принятыхъ уже и удостоенныхъ Высочайшаго утвержденія началъ.

IV. Сіе окончательное исправленіе редакціи поручить Государственной Канцеляріи, при содѣйствіи, по усмотрѣнію и распоряженію Государственнаго Секретаря, нѣкоторыхъ чиновъ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и Министерства Юстиціи, преимущественно юристовъ, коихъ замѣчанія, не только на основаніяхъ науки, но и на практикѣ основанныя, могутъ быть въ семъ случаѣ весьма полезны,—при высшемъ наблюденіи Соединенныхъ Департаментовъ Законовъ и Гражданскаго».

Во исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія, В. П. Бутковымъ былъ представленъ, по соглашенію съ графомъ Блудовымъ, 19 Октября 1861 года, новый, болѣе подробный докладъ о порядкѣ разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ проектовъ судебнаго преобразованія. Въ этомъ докладѣ, принадлежавшемъ перу С. И. Зарудnаго, проводились три основныя мысли: 1) объ извлеченіи изъ старыхъ проектовъ главныхъ основныхъ началъ, 2) о передачѣ дѣла судебной реформы изъ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи въ Государственную Канцелярію и 3) о привлеченіи къ этому дѣлу юристовъ-спеціалистовъ. 23 Октября 1861 года послѣдовало Высочайшее утвержденіе этого доклада, и съ этого времени все дѣло судебной реформы сосредоточилось въ рукахъ В. П. Буткова и его главнаго сотрудника С. И. Зарудnаго.

Въ виду особой важности и обширности предстоявшихъ Государственной Канцеляріи работъ по этому дѣлу, представлялась настоятельная необходимость привлечь къ трудамъ по составленію судебныхъ уставовъ ученыхъ юристовъ, хорошо знакомыхъ, въ то же время, и съ нашею судебною практикою; а такъ какъ въ занятіяхъ Государственной Канцеляріи не могли принимать участія лица, къ ея составу не принадлежавшія, то Государственнымъ Секретаремъ было испрошено Высочайшее соизволеніе на причисленіе къ Государственной Канцеляріи Члена упраздненной въ 1861 году

Кодификаціонной Коммиссіи Царства Польскаго, тайнаго совѣтника Александра Михайловича *Плавскаго,* оберъ-прокурора Общаго Собранія Московскихъ Департаментовъ Сената, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Николая Андреевича *Буцковскаго,* оберъ-секретаря тѣхъ же Департаментовъ, статскаго совѣтника Константина Петровича *Побѣдоносцева* и Московскаго губернскаго прокурора, статскаго совѣтника Дмитрія Александровича *Ровинскаго.*[66] Кромѣ этихъ четырехъ лицъ, въ трудахъ по преобразованію судебной части приняли, наряду съ С. И. Зарудным, самое дѣятельное участіе: исправлявшій должность Статсъ-Секретаря Гражданскаго Департамента Николай Ивановичъ *Стояновскій* и Помощники Статсъ-Секретаря Департамента Законовъ Пій Никодимовичъ *Даневскій* и Дмитрій Павловичъ *Шубинъ.*[67]

Д. А. Ровинскій.

Въ усиленномъ такимъ образомъ составѣ Государственная Канцелярія, приступивъ къ исполненію возложеннаго на нее труда, должна была, прежде всего, по желанію графа Блудова, составить самую подробную и обстоятельную записку о всѣхъ главныхъ началахъ преобразованія судебной части, которыя были изложены въ разныхъ проектахъ, внесенныхъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи въ Государственный Совѣтъ съ 1857 по 1861 годъ. Этотъ обширный историческій трудъ, требовавшій сличенія многихъ, по существу своему разнообразныхъ проектовъ, былъ составленъ и даже напечатанъ въ теченіе Ноября и Декабря 1861 года. Назначенный 1 Января 1862 года на мѣсто графа Блудова Предсѣдателемъ Департамента Законовъ князь *П. П. Гагаринъ*

призналъ необходимымъ поручить Государственной Канцеляріи, независимо отъ этого труда, «составить самыя тщательныя и подробныя соображенія о тѣхъ главныхъ началахъ, которыя, по мнѣнію всѣхъ призванныхъ къ этому дѣлу юристовъ, существенно необходимы для преобразованія судебной у насъ части и несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ». Эта новая, весьма трудная и отвѣтственная работа, требовавшая тщательнаго обсужденія всѣхъ вообще предметовъ, касавшихся судопроизводства и судоустройства, была исполнена Государственною Канцеляріею въ теченіе Февраля и Марта 1861 года, такъ что всѣ составленныя ею соображенія могли быть уже въ Апрѣлѣ внесены на обсужденіе Соединенныхъ Департаментовъ Законовъ и Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ. Апрѣль, Май, Іюнь и Іюль были употреблены Соединенными Департаментами на подробное обсужденіе всѣхъ работъ Государственной Канцеляріи. Чины ея, докладывая и объясняя Соединенному Присутствію принятыя ими при предварительной работѣ соображенія, должны были, послѣ каждаго засѣданія (а Департаменты собирались по два и даже по три раза въ недѣлю), исправлять первоначальныя предположенія и составлять, по порученію Департаментовъ, новые проекты и соображенія. Здѣсь, между прочимъ, Д. А. Ровинскій подробно и обстоятельно доказывалъ необходимость введенія въ Россіи суда присяжныхъ, и его соображенія были приняты Департаментами.

Такимъ образомъ, общими усиліями Соединенныхъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта и чиновъ Государственной Канцеляріи, къ этому дѣлу призванныхъ, важный и обширный трудъ, требовавшій тщательныхъ ученыхъ и практическихъ изслѣдованій, былъ законченъ менѣе, чѣмъ въ одинъ годъ.

«Чины Государственной Канцеляріи и юристы, къ оной прикомандированные»,—писалъ В. П. Бутковъ во все-

подданнѣйшемъ своемъ докладѣ,—«занимались симъ дѣломъ съ необыкновенною дѣятельностію и самымъ пламеннымъ усердіемъ. Проникнутые важностію онаго, искренно желающіе преобразованія у насъ судебной части на началахъ, соотвѣтствующихъ дѣйствительнымъ потребностямъ государства, они употребляли всѣ, смѣю сказать, нечеловѣческія усилія, дабы кончить скорѣе и хорошо важную работу, имъ порученную».

Предположенія Департаментовъ были разсмотрѣны Общимъ Собраніемъ Государственнаго Совѣта въ трехъ засѣданіяхъ—27 Августа, 3 и 4 Сентября 1862 года. Общее Собраніе одобрило главнѣйшія предположенія Департаментовъ. Судъ присяжныхъ и вопросъ о несмѣняемости судей въ административномъ порядкѣ были приняты единогласно. Только по вопросамъ, имѣвшимъ второстепенное значеніе, возникли разныя мнѣнія, главнымъ образомъ, въ виду разномыслій, обнаружившихся по этимъ вопросамъ еще въ Департаментахъ между Министромъ Юстиціи графомъ Паниным и большинствомъ Членовъ. Разныя мнѣнія, въ числѣ 18-ти, были разрѣшены Государемъ, который по 15-ти вопросамъ согласился съ большинствомъ, а по 3-мъ съ меньшинствомъ Членовъ Государственнаго Совѣта.

Въ такомъ порядкѣ были составлены «Основныя положенія преобразованія судебной части въ Россіи», удостоившіяся Высочайшаго утвержденія 29 Сентября 1862 года.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было Высочайше повелѣно составить, въ соотвѣтствіи съ Основными положеніями, подробные проекты подлежащихъ уставовъ. Работа эта была возложена на Государственную Канцелярію, при которой была образована особая Коммисія подъ предсѣдательствомъ Государственнаго Секретаря В. П. Буткова. Въ составъ этой Коммисіи, кромѣ чиновъ Канцеляріи, были привлечены тогдашнія лучшія юридическія силы, начиная съ Сенаторовъ и профессоровъ и кончая присяжными стряпчими и слѣдственными приставами. Коммисія раздѣлилась на три

секціи: гражданскую, въ которой предсѣдательствовалъ С. И. Зарудный, уголовную, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Буцковскаго, и судоустройства, подъ предсѣдательствомъ А. М. Плавскаго. Нельзя не отмѣтить, что изъ числа членовъ названной Коммисіи, принимавшихъ въ ней ближайшее участіе, многіе впослѣдствіи сдѣлались Членами Государственнаго Совѣта, именно: К. П. Побѣдоносцевъ, М. Н. Любошинскій, М. Е. Ковалевскій, А. Ѳ. Бычковъ, Е. А. Перетцъ, П. А. Зубовъ и князь М. С. Волконскій.

К. П. Побѣдоносцевъ.

Составленная большею частію изъ редакторовъ Основныхъ положеній, близко знакомыхъ съ сущностью и многими подробностями предстоящей работы, Коммисія приступила къ порученному ей труду съ полнымъ сознаніемъ, что ей недостаетъ весьма многихъ свѣдѣній и данныхъ, необходимыхъ для того, чтобы развить Основныя положенія сообразно различнымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ и особенностямъ разныхъ частей обширной и разнообразной Имперіи. Для пополненія, по возможности, этого недостатка, Коммисія признала необходимымъ обратиться, чрезъ посредство Министерства Юстиціи, ко всѣмъ чиновникамъ судебнаго вѣдомства и къ профессорамъ юридическихъ наукъ и черезъ газеты — ко всѣмъ вообще лицамъ, желающимъ содѣйствовать успѣху предпринятой реформы, съ просьбою о доставленіи ей замѣчаній и соображеній относительно развитія Основныхъ положеній въ ихъ примѣненіи къ различнымъ мѣстностямъ Россіи. При всей нашей бѣдности въ то время юридическими силами, въ Коммисію поступило 446 разныхъ замѣчаній со всѣхъ концовъ Россіи, не исключая и самыхъ глухихъ

мѣстностей Сибири и Закавказья. По мысли С. И. Зарудnаго, всѣ эти замѣчанія были напечатаны въ шести большихъ томахъ.

«Коммисія трудилась съ неимовѣрною дѣятельностію», писалъ В. П. Бутковъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ. «Редакторы разныхъ частей Судебныхъ Уставовъ, занимаясь ихъ обработкою, употребляли всѣ, смѣю думать, сколько въ человѣческихъ силахъ было, старанія для скорѣйшаго окончанія порученной имъ работы». Каждый изъ членовъ Коммисіи взялъ на себя составленіе или обработку отдѣльной части проекта. Составленныя каждымъ членомъ черновыя работы обсуждались имъ предварительно съ другими членами, взявшими на себя работы, имѣющія взаимную между собою связь. Такія частныя и отдѣльныя работы членовъ вносились въ отдѣленія Коммисіи, гдѣ обсуждались въ полномъ составѣ членовъ каждаго отдѣленія, съ приглашеніемъ, въ необходимыхъ случаяхъ, членовъ другихъ отдѣленій и экспертовъ, смотря по роду дѣла. По разсмотрѣніи и исправленіи такимъ порядкомъ всѣхъ частныхъ работъ, работы эти соединялись въ одно цѣлое и, составивъ нѣсколько главъ, имѣющихъ общую между собою связь, вносились на окончательное обсужденіе Общаго Собранія всей Коммисіи.

Общее Собраніе Коммисіи состояло, подъ предсѣдательствомъ Государственнаго Секретаря, изъ членовъ всѣхъ вообще отдѣленій Коммисіи и изъ другихъ лицъ, могущихъ своею опытностью принести пользу работамъ Коммисіи. Такъ, въ засѣданіяхъ Общаго Собранія Коммисіи принимали дѣятельное участіе нѣкоторые Сенаторы (Любошинскій и Матюнинъ), почти всѣ оберъ-прокуроры и многія другія лица. Засѣданія Общаго Собранія Коммисіи состояли изъ 30 и даже 35 членовъ.

Отдѣленія Коммисіи собирались не только ежедневно, но и по два раза въ день, не исключая и праздниковъ. Общія Собранія Коммисіи бывали по два и по три раза въ недѣлю.

Въ этомъ порядкѣ Коммисія въ теченіе всего 11 мѣсяцевъ приготовила къ внесенію на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта проекты Учрежденія Судебныхъ Установленій и Уставовъ Гражданскаго и Уголовнаго Судопроизводства, съ обширными (1758 печатныхъ листовыхъ страницъ) объяснительными къ нимъ записками. Проекты поступили на заключеніе II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и Министра Юстиціи *Д. Н. Замятнина*. Послѣдній не только самъ доставилъ Государственному Секретарю весьма цѣнныя замѣчанія, составившія обширный томъ въ 500 страницъ, но потребовалъ еще замѣчаній отъ Сенаторовъ и оберъ-прокуроровъ.

Помимо предсѣдательствованія въ Коммисіи и общаго наблюденія за разработкою Судебныхъ Уставовъ, лично на В. П. Бутковѣ лежала щекотливая и нелегкая задача—разсѣять въ кругу нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ предубѣжденія противъ суда присяжныхъ и другихъ особенностей судебной реформы. Человѣкъ общительный и находчивый, краснорѣчивый и остроумный собесѣдникъ, В. П. Бутковъ превосходно зналъ ту среду, въ которой ему приходилось дѣйствовать, и сумѣлъ достигнуть того, что не подъ силу было ни убѣдительнымъ оффиціальнымъ запискамъ, ни превосходнымъ спеціальнымъ монографіямъ. Такимъ образомъ онъ подготовилъ почву для успѣшнаго разсмотрѣнія Судебныхъ Уставовъ въ Государственномъ Совѣтѣ и этимъ сослужилъ великую службу дѣлу судебнаго преобразованія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что безъ его настойчивости и умѣнья устранять препятствія, неоднократно встрѣчавшіяся при обсужденіи новыхъ началъ, введенныхъ въ Судебные Уставы, утвержденіе ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно состоялось, и обращеніе къ исполненію, могли бы значительно замедлиться...

Проекты Судебныхъ Уставовъ были внесены Государственнымъ Секретаремъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта 24 Декабря 1863 года.

Государственный Совѣтъ, въ Соединенныхъ Департаментахъ Законовъ и Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и Государственной Экономіи, съ Марта по Октябрь 1864 года, въ тридцать одномъ засѣданіи разсмотрѣлъ эти проекты, при ближайшемъ участіи Министра Юстиціи Д. Н. Замятнина и Товарища Министра Н. И. Стояновскаго.

Н. И. Стояновскій.

Въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта проекты разсматривались 16, 18, 23, 25 и 30 Сентября и 2 Октября 1864 года.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Предсѣдательствовавшаго въ Государственномъ Совѣтѣ князя Гагарина по этому дѣлу Государь Императоръ изволилъ Собственноручно начертать:

«Искренно благодарю за окончаніе сего важнаго дѣла. Дай Богъ, чтобы результатъ онаго соотвѣтствовалъ нашимъ ожиданіямъ. Ницца, $^{16}/_{28}$ Октября 1864 г.».

Судебные Уставы были утверждены Императоромъ Александромъ II 20 Ноября 1864 года. Государственный Секретарь, бывшій ближайшимъ свидѣтелемъ трудовъ С. И. Зарудnаго по выработкѣ этого первостепенной важности законодательнаго акта, 22 Ноября препроводилъ къ нему первый вышедшій изъ печати экземпляръ Уставовъ, съ слѣдующею надписью: «Этотъ *первый* отпечатанный экземпляръ Судебныхъ Уставовъ вручается Сергѣю Ивановичу Зарудному, какъ лицу, которому судебная реформа въ Россіи болѣе другихъ обязана своимъ существованіемъ. Онъ занимался этимъ дѣломъ со времени поступленія въ Государственный Совѣтъ первыхъ проектовъ II Отдѣленія и *велъ все дѣло до конца*. Онъ участвовалъ въ работахъ по составленію Основныхъ положе-

ній, руководилъ работами по Уставу Гражданскаго Судопроизводства, дѣятельно занимался при обсужденіи всѣхъ другихъ проектовъ. При такихъ его трудахъ, цѣлью коихъ было одно—искреннее желаніе совершить столь необходимую для пользы Россіи реформу, конечно, *первый* отпечатанный экземпляръ по праву долженъ принадлежать Сергѣю Ивановичу».

Съ утвержденіемъ Судебныхъ Уставовъ далеко еще не были закончены всѣ труды по судебной реформѣ: предстояли еще обширныя, частью законодательныя, частью распорядительныя, работы по введенію ихъ въ дѣйствіе.

При обсужденіи вопроса о порядкѣ введенія въ дѣйствіе судебной реформы пришлось считаться съ различными соображеніями и возраженіями, вызванными довольно важнымъ разномыслiемъ практическаго свойства.

Одна группа Членовъ Государственнаго Совѣта, представителемъ которой былъ Предсѣдательствовавшій въ Совѣтѣ князь П. П. Гагаринъ, высказывалась за одновременное и повсемѣстное введеніе новыхъ судовъ, съ постепеннымъ увеличеніемъ ихъ состава; это мнѣніе горячо поддерживалось В. П. Бутковымъ и самыми видными дѣятелями реформы — Зарудnымъ, Буцковскимъ и другими. Другая группа, къ которой примкнулъ Министръ Юстиціи Д. Н. Замятнинъ, признавала болѣе осторожнымъ введеніе реформы, въ видѣ опыта, только въ одномъ или двухъ округахъ, но за то въ полномъ объемѣ. По порученію князя Гагарина, Бутковъ составилъ всеподданнѣйшій докладъ о повсемѣстномъ введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ; но Государь приказалъ передать этотъ докладъ на разсмотрѣніе Совѣта Министровъ, подъ Личнымъ Своимъ предсѣдательствомъ и, выслушавъ различныя мнѣнія по вопросу о порядкѣ введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ, 12 Января 1865 года Высочайше повелѣть соизволилъ образовать для выработки окончательнаго плана завершенія судебной реформы Коммисію подъ предсѣдательствомъ того же В. П. Буткова, назначеннаго, 1 Января 1865 года, Членомъ Государственнаго Совѣта.

Переходя къ другимъ трудамъ Государственной Канцеляріи въ пору управленія ею В. П. Буткова, необходимо остановиться на слѣдующемъ:

Въ 1862 году, по всеподданнѣйшему докладу Предсѣдателя Государственнаго Совѣта графа Блудова, была образована особая Коммисія для разсмотрѣнія 12 записокъ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по вопросамъ, возникшимъ при составленіи Свода гражданскихъ законовъ Остзейскихъ губерній. Въ виду того, что исправлявшій должность Статсъ-Секретаря Департамента Законовъ С. И. Зарудный былъ обремененъ работою по проектамъ, относящимся до судопроизводства и судоустройства, производство дѣлъ въ этой Коммисіи было поручено причисленному къ Государственной Канцеляріи тайному совѣтнику *Плавскому,* подъ наблюденіемъ и руководствомъ Государственнаго Секретаря.

Затѣмъ, осенью того же года были распубликованы въ газетахъ основныя положенія земской реформы, а въ Маѣ 1863 года проектъ Положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ, составленный особою Коммисіею подъ предсѣдательствомъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ *П. А. Валуева,* былъ внесенъ на уваженіе Государственнаго Совѣта.

Соединенное Присутствіе Департаментовъ Законовъ и Государственной Экономіи, прежде приступа къ разсмотрѣнію этого проекта, поручило Государственной Канцеляріи исправить его согласно тѣмъ замѣчаніямъ, какія были сдѣланы II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и приняты Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. По исполненіи этой подготовительной работы, возложенной на Помощника Статсъ-Секретаря *Домонтовича,* Соединенное Присутствіе употребило восемь засѣданій на выслушаніе объясненій и замѣчаній приглашенныхъ въ засѣданія С.-Петербургскаго и Московскаго губернскихъ предводителей дворянства и городскихъ головъ. По каждому

изъ этихъ засѣданій Домонтовичемъ составлялись особыя подробныя и обширныя меморіи, которыя были напечатаны и сообщены всѣмъ Членамъ Соединеннаго Присутствія. Принявъ въ соображеніе записанныя въ меморіяхъ различныя мнѣнія и предположенія, Департаменты подвергли тщательному обсужденію всѣ подробности проекта, посвятивъ на это дѣло шестнадцать засѣданій. На основаніи постановленныхъ при этомъ заключеній былъ составленъ обширный журналъ, въ которомъ со всею подробностью изложены всѣ происходившія въ Соединенномъ Присутствіи сужденія и возникшія разныя мнѣнія. Сдѣланныя Департаментами замѣчанія и постановленныя по нимъ заключенія потребовали многихъ существенныхъ исправленій первоначальнаго проекта и передѣлки редакціи почти всѣхъ его статей, а потому Домонтовичемъ составлена была новая редакція всего проекта. Вся эта работа, обнимавшая до 52 печатныхъ листовъ, была исполнена съ необыкновенною быстротою: послѣднее засѣданіе Соединенныхъ Департаментовъ по разсмотрѣнію проекта было 28 Ноября, а 5 Декабря журналъ могъ уже быть подписанъ, и 6 Декабря, вмѣстѣ съ исправленнымъ проектомъ, былъ разосланъ Членамъ Государственнаго Совѣта въ печатныхъ экземплярахъ. Не смотря, однако, на такую быстроту работы, которая была необходима для исполненія Высочайшей воли объ окончаніи всего этого дѣла непремѣнно къ 1 Января 1864 года, вся она была произведена съ особою отчетливостью, и при разсмотрѣніи проекта въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта Члены его, отдавая полную справедливость прекрасной работѣ

С. И. Зарудный.

Домонтовича, признали, что «ясное, отчетливое и вполнѣ добросовѣстное изложеніе въ журналѣ Соединенныхъ Департаментовъ всѣхъ сужденій и различныхъ мнѣній чрезвычайно облегчило Общему Собранію разсмотрѣніе проекта и дало возможность произнести сужденіе по каждому предмету съ полнымъ знаніемъ всѣхъ сторонъ важныхъ вопросовъ, въ дѣлѣ затронутыхъ». Съ своей стороны, и Государственный Секретарь докладывалъ Его Величеству, что «въ теченіе всего времени, пока продолжалось въ Государственномъ Совѣтѣ разсмотрѣніе проекта о земскихъ учрежденіяхъ, Домонтовичъ работалъ неутомимо, не щадя силъ своихъ и не переставая притомъ исполнять всѣ прочія свои обязанности по должности Помощника Статсъ-Секретаря въ Главномъ Комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія и въ Департаментѣ Государственной Экономіи. Обладая замѣчательными способностями, многосторонними и основательными свѣдѣніями по всѣмъ частямъ государственнаго хозяйства и администраціи и соединяя съ тѣмъ вмѣстѣ практическую дѣловую опытность, сей достойный во всѣхъ отношеніяхъ и полезный для службы дѣятель заслуживаетъ вполнѣ особаго вниманія». Домонтовичъ былъ награжденъ, внѣ правилъ, орденомъ Св. Станислава 1 степени.

Среди преобразованій Императора Александра II въ области государственнаго хозяйства особенно важное значеніе имѣла реформа Государственнаго Контроля и установленіе, въ связи съ нею, новаго порядка разсмотрѣнія финансовыхъ смѣтъ и государственной росписи.

Въ 1858 году «для разсмотрѣнія и обсужденія пользы и необходимости принятія собственно коренныхъ началъ, кои, по предположенію Государственнаго Контролера, должны служить основаніемъ для установленія правильнаго движенія капиталовъ и раціональной отчетности и ревизіи», была учреждена особая Коммисія изъ Предсѣдателей Департаментовъ Государственной Экономіи и Законовъ, Члена Государственнаго Совѣта князя Гагарина, Государственнаго

Контролера и Министра Финансовъ. Между прочимъ, эта Коммисія должна была разсмотрѣть и вопросъ о существовавшихъ въ то время изъятіяхъ отъ общеустановленнаго порядка контрольной ревизіи и объ основаніяхъ дальнѣйшаго ихъ дѣйствія. Усматривая, что въ числѣ учрежденій, изъятыхъ отъ ревизіи Государственнаго Контроля, находятся Государственная Канцелярія и Канцеляріи Комитетовъ Сибирскаго и Кавказскаго, Предсѣдатель Коммисіи, графъ А. Д. Гурьевъ, просилъ Государственнаго Секретаря сообщить свое мнѣніе о томъ, могутъ ли быть прекращены эти изъятія съ введеніемъ новой системы отчетности. В. П. Бутковъ отвѣчалъ (8 Марта 1859 года), что, «не видя въ дѣлахъ Государственной Канцеляріи, какія именно причины были приняты въ уваженіе къ изъятію ея отъ ревизіи Государственнаго Контроля», онъ не встрѣчаетъ препятствій подчинить Канцелярію этой ревизіи — «въ томъ общемъ порядкѣ, который будетъ установленъ».

Результатомъ трудовъ контрольной Коммисіи было изданіе новыхъ правилъ государственной отчетности, а также Высочайше утвержденныхъ 22 Мая 1862 года и въ большей своей части дѣйствующихъ еще и въ настоящее время правилъ о составленіи, разсмотрѣніи и утвержденіи финансовыхъ смѣтъ Министерствъ и Главныхъ Управленій и государственной росписи доходовъ и расходовъ. Этими правилами установлено было дѣятельное участіе Департамента Государственной Экономіи въ смѣтномъ дѣлѣ, обусловившее новыя работы Государственной Канцеляріи.

До 1862 года смѣты Министерствъ и Главныхъ Управленій, по предварительномъ разсмотрѣніи ихъ самими Министрами или ихъ Совѣтами, сообщались Министерству Финансовъ, которое, не подвергая ихъ почти никакой повѣркѣ, извлекало изъ нихъ одни только общіе итоги и изъ нихъ составляло государственную роспись. Эта роспись, по обсужденіи ея относительно дефицита въ Комитетѣ Финансовъ, вносилась въ Государственный Совѣтъ,

гдѣ слушалась, но не подвергалась разсмотрѣнію, а прямо представлялась на Высочайшее утвержденіе. Большею частью случалось такъ, что роспись въ одинъ и тотъ же день вносилась въ Государственный Совѣтъ, заслушивалась въ Департаментѣ Экономіи, передавалась въ Общее Собраніе, докладывалась въ немъ и представлялась на утвержденіе Высочайшей власти.

Съ изданіемъ смѣтныхъ правилъ 1862 года этотъ порядокъ совершенно измѣнился. Согласно этимъ правиламъ, каждое отдѣльное вѣдомство должно составлять самую подробную смѣту своихъ доходовъ и расходовъ. Въ смѣтѣ, по каждой ея статьѣ, не только дѣлается ссылка на всѣ тѣ законныя постановленія, на основаніи которыхъ доходъ или расходъ внесенъ въ смѣту, но подробно излагаются и всѣ тѣ данныя, по которымъ принято то или иное исчисленіе дохода или расхода. Для этого къ каждой частной статьѣ смѣты прилагаются свѣдѣнія, служившія основаніемъ смѣтныхъ назначеній. Составленныя такимъ образомъ подробныя финансовыя смѣты разныхъ вѣдомствъ, со всѣми къ этимъ смѣтамъ приложеніями, печатаются и одновременно сообщаются Министру Финансовъ и Государственному Контролеру, для ихъ соображенія, и въ потребномъ числѣ экземпляровъ вносятся въ Департаментъ Государственной Экономіи для подробнаго и тщательнаго разсмотрѣнія и повѣрки. Что же касается проекта государственной росписи, то онъ составляется Министерствомъ Финансовъ и затѣмъ подлежитъ исправленію соотвѣтственно тѣмъ поправкамъ, какія вносились Департаментомъ Экономіи при разсмотрѣніи отдѣльныхъ смѣтъ. Такимъ образомъ, прежняя роль Комитета Финансовъ въ этомъ дѣлѣ существенно измѣнилась. Участіе Комитета въ составленіи росписей обусловливалось тѣмъ, что Комитетъ этотъ учрежденъ съ давняго времени для означенной цѣли и что для Министерства Финансовъ было бы весьма затруднительно безъ предварительнаго обсужденія сановниковъ, спеціально из-

бранныхъ для общихъ финансовыхъ мѣръ, представлять свои соображенія непосредственно въ Государственный Совѣтъ, тѣмъ болѣе, что предположенія о рессурсахъ для покрытія дефицита, составляя государственную тайну, могли подлежать общему обсужденію Государственнаго Совѣта, по принятому порядку, не прежде, какъ по Высочайшемъ одобреніи, а одобреніе это иначе не совершалось какъ по разсмотрѣніи дѣла въ Комитетѣ Финансовъ. Поэтому возникалъ вопросъ, не слѣдовало ли по-прежнему сохранить участіе Комитета Финансовъ въ смѣтномъ дѣлѣ. Государственный Совѣтъ принялъ, однако, во вниманіе, что «Департаментъ Экономіи, по цѣли своего образованія и по своему составу, представляетъ единственное учрежденіе, на которое можетъ быть возложено разсмотрѣніе государственнаго бюджета. Всѣ вопросы финансоваго законодательства, всѣ дополнительные кредиты, всѣ восходящія на Высочайшее утвержденіе общественныя смѣты входятъ въ кругъ занятій этого Департамента; какимъ же образомъ онъ можетъ быть устраненъ отъ главнѣйшаго предмета въ финансовой администраціи, — обсужденія заявляемыхъ управленіями потребностей, въ связи со средствами, имѣющимися для ихъ удовлетворенія? Устраненіе учрежденія законодательнаго отъ обязанности разсмотрѣнія нашего бюджета было бы нарушеніемъ одного изъ основныхъ законовъ, нарушеніемъ, въ особенности неудобнымъ, когда обнародованіе бюджета уже разрѣшено Государемъ Императоромъ». При этомъ было обращено вниманіе еще на то обстоятельство, что «въ Комитетѣ Финансовъ состоятъ членами многіе Министры, которые въ дѣлѣ разсмотрѣнія смѣтъ будутъ представлять судей собственныхъ своихъ требованій; этого весьма важнаго неудобства Департаментъ Экономіи не имѣетъ: онъ представляетъ учрежденіе совершенно независимое отъ испрашивающихъ кредиты распорядителей, и это значеніе было бы, очевидно, утрачено, если бы разсмотрѣніе смѣтъ было возложено на Комитетъ Финансовъ,

или даже на Соединенное Присутствіе Департамента Экономіи и Комитета Финансовъ». На основаніи этихъ соображеній постановлено было разсмотрѣніе финансовыхъ смѣтъ, въ общихъ видахъ государственнаго хозяйства, возложить на Департаментъ Государственной Экономіи, съ тѣмъ, чтобы Департаменту предоставлено было, при разсмотрѣніи смѣтъ, соединяться, съ Высочайшаго разрѣшенія, съ Комитетомъ Финансовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда со смѣтнымъ дѣломъ связаны будутъ вопросы, относящіеся до государственнаго кредита.

При первомъ поступленіи въ Государственный Совѣтъ составленныхъ по новымъ правиламъ смѣтъ на 1863 годъ, Государственный Секретарь призналъ необходимымъ, по соглашенію съ Предсѣдателемъ Департамента Государственной Экономіи, установить порядокъ ихъ повѣрки и разсмотрѣнія. «Мы рѣшили», — писалъ В. П. Бутковъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ по этому дѣлу, — «что Государственная Канцелярія, по Отдѣленію Государственной Экономіи, должна производить самую тщательную и подробную повѣрку всѣхъ статей смѣты, и что о результатѣ этой повѣрки она должна доводить до свѣдѣнія Департамента, докладывая при этомъ и свои соображенія о возможности или увеличить доходъ по статьямъ доходныхъ смѣтъ, или уменьшить расходъ по статьямъ смѣтъ расходныхъ. Затѣмъ отъ усмотрѣнія Департамента и отъ соглашеній его съ Министрами и Главноуправляющими, по принадлежности, а также съ Министромъ Финансовъ и Государственнымъ Контролеромъ, зависитъ — принять или не принять соображенія Канцеляріи».

Такая повѣрка частныхъ смѣтъ Министерствъ и Главныхъ Управленій, по словамъ Государственнаго Секретаря, «требовала труда неимовѣрнаго. Государственная Канцелярія, по Отдѣленію Государственной Экономіи, должна была каждый безъ изъятія доходъ и расходъ, какъ бы онъ ни былъ малъ и незначителенъ, повѣрить какъ съ тѣми

Высочайшими повелѣніями и постановленіями, на основаніи коихъ онъ внесенъ, такъ и съ тѣми данными, кои послужили для исчисленія суммы каждаго дохода и расхода. Не взирая на всю трудность и громадность такой работы, Государственная Канцелярія исполнила ее съ полною добросовѣстностью и съ необыкновенною отчетливостью. Въ соображеніяхъ, представленныхъ ею Департаменту Государственной Экономіи, Канцелярія предлагала увеличить доходы и уменьшить расходы 1863 года всего на сумму до 20 мил. руб. сер.; но Департаментъ Государственной Экономіи, по соглашенію съ Министрами, призналъ возможнымъ уменьшить расходы и увеличить доходы противу назначеній Министровъ всего на 13 мил. руб. сер. Независимо отъ такой повѣрки смѣтъ, Государственная Канцелярія должна была по каждой смѣтѣ отдѣльно составить журналы и приготовить все исполненіе установленнымъ порядкомъ.

«Такая огромная и трудная работа Государственной Канцеляріи обратила на себя особое вниманіе Государственнаго Совѣта, который, въ журналѣ Общаго Собранія своего, положилъ труды Канцеляріи повергнуть на милостивое благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества».

Ходатайствуя передъ Государемъ Императоромъ о наградахъ тѣмъ изъ чиновъ Государственной Канцеляріи, которые особенно содѣйствовали успѣху этого дѣла, Государственный Секретарь, прежде всего, указывалъ на труды Статсъ-Секретаря Департамента Государственной Экономіи, тайнаго совѣтника *Заблоцкаго-Десятовскаго:* «повѣрка всѣхъ смѣтъ и составленіе всѣхъ по онымъ соображеній производились подъ личнымъ и непосредственнымъ его руководствомъ и наблюденіемъ. Весь успѣхъ настоящаго дѣла и всѣ благопріятные его результаты слѣдуетъ приписать пламенному участію въ оном Заблоцкаго-Десятовскаго. Не взирая на огромное множество работъ Департамента Государственной Экономіи, особенно въ концѣ прошлаго года, когда Департаментъ сей, независимо отъ текущихъ дѣлъ, разсмотрѣлъ много

важныхъ законодательныхъ проектовъ по государственному хозяйству, Заблоцкій-Десятовскій съ неутомимымъ усердіемъ и съ самою пламенною ревностью занимался повѣркою и разборомъ смѣтъ». Въ виду его особыхъ трудовъ, Государственный Секретарь ходатайствовалъ о пожалованіи Заблоцкаго-Десятовскаго званіемъ Статсъ-Секретаря Его Императорскаго Величества, и Императоръ Александръ Николаевичъ изъявилъ согласіе на эту высокую награду.

Въ числѣ прочихъ чиновъ Государственной Канцеляріи, особенно содѣйствовавшихъ Заблоцкому-Десятовскому въ исполненіи его работы, названы: Помощникъ Статсъ-Секретаря *Гильфердингъ* и экспедиторъ *Измайловъ*, завѣдывавшій всѣмъ текущимъ дѣлопроизводствомъ по разсмотрѣнію смѣтъ и занимавшійся всею черновою работою по этому дѣлу.

Въ заключеніе своего доклада Государственный Секретарь высказалъ, что «повѣрка и разсмотрѣніе финансовыхъ смѣтъ и государственной росписи, въ томъ пространствѣ и порядкѣ, какъ они производились нынѣ Государственною Канцеляріею, по Отдѣленію Государственной Экономіи, были дѣломъ совершенно новымъ и при составленіи штата сей Канцеляріи вовсе не предвидѣннымъ. Новыя правила возлагаютъ на эту Канцелярію такія обширныя и трудныя обязанности, какихъ она доселѣ по этому дѣлу не имѣла. Необыкновенное усердіе употребленныхъ къ оному чиновниковъ преодолѣло всѣ затрудненія».

Одновременно съ этимъ докладомъ Государственный Секретарь представилъ Его Императорскому Величеству особо переплетенный экземпляръ всѣхъ бывшихъ въ виду Общаго Собранія Государственнаго Совѣта по этому дѣлу печатныхъ журналовъ Департамента Государственной Экономіи, вмѣстѣ съ полнымъ экземпляромъ всѣхъ представленныхъ Государственному Совѣту смѣтъ и государственной росписи,— испрашивая Высочайшаго повелѣнія передать всѣ эти документы въ Собственную Его Величества Библіотеку для храненія, «какъ памятникъ полнаго и всесторонняго раз-

смотрѣнія нашихъ государственныхъ доходовъ и расходовъ, впервые совершеннаго».

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Государственнаго Секретаря о трудахъ по разсмотрѣнію государственной росписи Государь Императоръ, изъявляя Свое согласіе на всѣ испрашиваемыя для чиновъ Государственной Канцеляріи награды, изволилъ Собственноручно начертать:

«Департаменту Экономіи и Государственной Канцеляріи объявляю за это особую Мою благодарность» (въ Царскомъ Селѣ, 30 Апрѣля 1863 года).

На обязанности Департамента Государственной Экономіи лежало также разсмотрѣніе значительнаго количества дѣлъ о земскихъ повинностяхъ, между которыми были часто дѣла мелочныя, поступавшія въ этотъ Департаментъ вслѣдствіе изданія въ 1851 году новаго Устава о земскихъ повинностяхъ и послѣдовавшаго въ 1853 году присоединенія къ составу Департамента Особаго Присутствія изъ 4-хъ Министровъ, учрежденнаго названнымъ Уставомъ для предварительнаго разсмотрѣнія всѣхъ подобнаго рода дѣлъ. [68]

Вообще, дѣятельность Департамента Государственной Экономіи уже и въ концѣ 50-хъ годовъ значительно расширилась: изъ отчетовъ по его дѣлопроизводству видно, что въ 1848 году въ него поступило всего 111 дѣлъ, а въ 1858 году ихъ было уже 650. Въ виду такого усиленія дѣлопроизводства, Государственный Секретарь, по соглашенію съ Предсѣдателемъ Департамента Экономіи, ходатайствовалъ о назначеніи въ этотъ Департаментъ особаго Помощника Статсъ-Секретаря, который, подъ наблюденіемъ Статсъ-Секретаря, долженъ былъ завѣдывать исключительно дѣлами о земскихъ повинностяхъ, съ производствомъ ему содержанія въ томъ же размѣрѣ, какъ и прочимъ Помощникамъ Статсъ-Секретарей, т. е. 2.000 р. с. въ годъ, изъ государственныхъ земскихъ сборовъ. По полученіи на это Высочайшаго соизволенія, на должность Помощника Статсъ-Секретаря былъ назначенъ экспедиторъ *И. И. Пановъ*, кото-

рый занимался дѣлами о земскихъ повинностяхъ со времени своего перехода на службу изъ Министерства Государственныхъ Имуществъ въ Государственную Канцелярію.

За этимъ усиленіемъ штата Государственной Канцеляріи вскорѣ послѣдовало и нѣкоторое его сокращеніе: въ виду возстановленія Государственнаго Совѣта Царства Польскаго, 1 Января 1862 года былъ упраздненъ учрежденный въ 1832 году Департаментъ Дѣлъ Царства Польскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ упразднено и соотвѣтствующее Отдѣленіе Государственной Канцеляріи. За тридцать лѣтъ своего существованія этотъ Департаментъ имѣлъ всего трехъ Статсъ-Секретарей. Это были: *А. Л. Гофманъ* (1837—1840), *А. И. Халанскій* (1840—1856) и *С. М. Жуковскій* (1856—1862).

Государственною Канцеляріею, за время управленія ею В. П. Буткова, были исполнены нѣкоторые особые труды, обратившіе на себя высокое вниманіе Государя Императора.

Въ виду наступавшаго 1 Января 1860 года пятидесятилѣтія Образованія Государственнаго Совѣта 1810 года возникла мысль составить и издать къ этому дню подробную исторію Государственнаго Совѣта. Трудъ этотъ былъ порученъ экспедитору Государственной Канцеляріи *П. Н. Даневскому*. По всеподданнѣйшему докладу Предсѣдателя Государственнаго Совѣта князя А. Ѳ. Орлова, 24 Декабря 1858 года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе: «1) для разсмотрѣнія этого труда составить особую Коммисію, подъ предсѣдательствомъ графа Блудова, изъ бывшихъ Государственныхъ Секретарей барона Корфа и Бахтина и Статсъ-Секретаря Буткова; 2) работу Даневскаго вносить въ Коммисію частями, по мѣрѣ ихъ изготовленія, и 3) поручить Коммисіи исправить эту работу или указать Даневскому тѣ исправленія, кои, по мнѣнію Коммисіи, должны быть въ ней сдѣланы, и затѣмъ разрѣшить: можетъ ли составленная имъ исторія

быть напечатана къ 1 Января 1860 года, въ какомъ числѣ экземпляровъ, и могутъ ли экземпляры сіи быть обращены въ продажу, или слѣдуетъ ограничиться только тѣмъ числомъ экземпляровъ, которое необходимо для разсылки Членамъ Совѣта и другимъ высшимъ чинамъ государственнаго управленія».

Въ теченіе 1859 года Даневскій закончилъ и представилъ въ Коммисію обширный трудъ, состоявшій изъ трехъ большихъ томовъ со многими приложеніями. Коммисія нашла, что трудъ этотъ «заслуживаетъ особаго вниманія по чрезвычайному обилію заключающихся въ немъ любопытныхъ во всѣхъ отношеніяхъ матеріаловъ и по методѣ ихъ изложенія и обработки»; но, обращаясь къ вопросу о напечатаніи этой работы, Коммисія высказала, что «теперь было бы преждевременно и даже неудобно ее печатать: составленная Даневскимъ исторія внутренней дѣятельности Государственнаго Совѣта, заключая въ себѣ не только обзоръ учрежденій и постановленій, коими Совѣтъ руководствовался, но и исчисленіе важнѣйшихъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ Совѣтомъ, и даже сужденія и рѣшенія Совѣта по главнѣйшимъ предметамъ его занятій въ теченіе цѣлаго пятидесятилѣтія, можетъ быть превосходнымъ матеріаломъ для исторіи законодательства въ Россіи, но печатаніе ея, особенно теперь, безъ сомнѣнія, возбудитъ много неумѣстныхъ толковъ и сужденій. . .» Поэтому Коммисія признала болѣе удобнымъ ограничиться изданіемъ одной только краткой исторіи образованія Государственнаго Совѣта и поручила Даневскому извлечь изъ собранныхъ имъ матеріаловъ эту исторію, а подробный его трудъ передать на храненіе въ Императорскую Публичную Библіотеку.

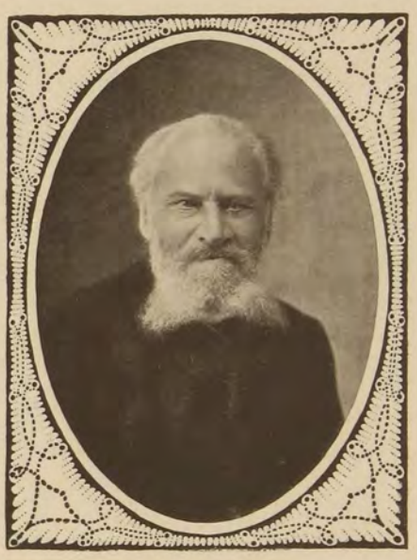
На всеподданнѣйшемъ докладѣ объ этомъ мнѣніи Коммисіи Государь Императоръ изволилъ начертать:

«Согласенъ, но подробную исторію хранить не въ Публичной Библіотекѣ, а въ Библіотекѣ II Отдѣленія Собственной Моей Канцеляріи» (27 Декабря 1859 года).

Извлеченіе изъ труда Даневскаго было напечатано въ 1859 году въ количествѣ всего 200 экземпляровъ, подъ заглавіемъ: «Исторія образованія Государственнаго Совѣта въ Россіи». Книга эта была разослана Членамъ Государственнаго Совѣта высшимъ правительственнымъ лицамъ, университетамъ и нѣкоторымъ библіотекамъ.

Другимъ важнымъ трудомъ Государственной Канцеляріи того времени было составленіе особыхъ вѣдомостей объ уголовныхъ дѣлахъ, бывшихъ на разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта и заключающихъ въ себѣ сужденія и разъясненія Совѣта о точномъ смыслѣ постановленій изданнаго въ 1845 году Уложенія о наказаніяхъ. Трудъ этотъ, задуманный еще въ 1854 году исправлявшимъ должность Статсъ-Секретаря *Г. С. Поповымъ,* который составилъ и планъ его, былъ возложенъ на экспедитора уголовной части Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ *Лучака* и его старшаго помощника *Петрова,* подъ руководствомъ Помощника Статсъ-Секретаря *Зубова.* Въ 1862 году было окончено составленіе Сборника Высочайше утвержденныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта, разъясняющихъ примѣненіе на практикѣ многихъ статей Уложенія о наказаніяхъ и Устава Уголовнаго судопроизводства съ 1846 по 1862 годъ, а также Именной вѣдомости дѣламъ, по которымъ Государственный Совѣтъ, въ тотъ же періодъ времени, ходатайствовалъ предъ Государемъ Императоромъ о смягченіи участи подсудимыхъ. Обѣ эти работы были напечатаны и представлены Его Величеству. Благосклонно принявъ этотъ трудъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ приступить, по этому примѣру, къ составленію въ Государственной Канцеляріи, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ того же Зубова, такого же сборника Высочайше утвержденныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта по гражданскимъ дѣламъ, начиная съ 1832 года, т. е. со времени перваго изданія Свода Законовъ, до настоящей эпохи (Высочайшее повелѣніе 20 Ноября 1862 года).

Это новое Высочайшее повелѣніе было отчасти исполнено только шесть лѣтъ спустя: въ 1868 году, подъ ближайшимъ руководствомъ Статсъ-Секретаря Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ *Есиповича,* Помощникомъ Статсъ-Секретаря *Мейеромъ,* экспедиторомъ *Тарасовымъ* и его старшимъ помощникомъ *Лебедевымъ* были закончены и напечатаны два тома, содержащіе въ себѣ Высочайше утвержденныя мнѣнія Государственнаго Совѣта по дѣламъ гражданскимъ за пять лѣтъ, съ 1850 по 1854 годъ. Это изданіе было выпущено въ продажу, но затѣмъ составленіе сборника уже не продолжалось.

Я. Г. Есиповичъ.

Впрочемъ, еще гораздо раньше появленія въ свѣтъ этого сборника возникала мысль объ оглашеніи въ печати нѣкоторыхъ мнѣній Государственнаго Совѣта по судебнымъ дѣламъ. Такъ, еще въ 1859 году Товарищъ Министра Юстиціи *Д. Н. Замятнинъ* просилъ Государственнаго Секретаря сообщить отзывъ по предположенію помѣщать въ Журналѣ Министерства Юстиціи тѣ изъ мнѣній Государственнаго Совѣта по не подлежащимъ тайнѣ гражданскимъ и судебно-административнымъ дѣламъ, которыми поясняются дѣйствующія узаконенія и порядокъ ихъ изъясненія. В. П. Бутковъ отвѣчалъ, что находитъ это во всѣхъ отношеніяхъ полезнымъ и не воспрещаемымъ существующими узаконеніями. Годъ спустя, Д. Н. Замятнинъ снова обратился къ Государственному Секретарю съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, высказалъ, что «печатаніе заключеній Государственнаго Совѣта въ Журналѣ Министерства Юстиціи» было бы особенно полезно въ томъ отношеніи, что уясняло бы цѣль

и настоящій смыслъ самаго закона, который весьма часто, по неизвѣстности его основаній, подвергается противорѣчивымъ толкованіямъ». По этимъ соображеніямъ Товарищъ Министра Юстиціи просилъ допустить редактора Журнала къ обзору производствъ Государственнаго Совѣта по тѣмъ дѣламъ, оглашеніе которыхъ представляется возможнымъ. Государственный Секретарь, однако, затруднился исполнить эту просьбу, такъ какъ сохраненіе строгой канцелярской тайны считалось въ то время, въ отношеніи дѣлъ Государственнаго Совѣта, безусловно необходимымъ. Самъ Государь внимательно слѣдилъ за неуклоннымъ соблюденіемъ этого основного правила Государственною Канцеляріею, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: въ 1862 году въ Государственномъ Совѣтѣ разсматривалось гражданское дѣло потомственнаго почетнаго гражданина *Зотова* съ коллежскимъ ассесоромъ Рышкинымъ и было рѣшено не въ пользу Зотова. Тогда послѣдній обратился къ Государю Императору съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, въ которомъ изложилъ свои возраженія на мнѣнія, высказанныя въ Государственномъ Совѣтѣ. Его Величество, черезъ Шефа Жандармовъ князя Долгорукова, пожелалъ узнать, какимъ образомъ Зотову могли сдѣлаться извѣстными состоявшіяся по его дѣлу въ Государственномъ Совѣтѣ мнѣнія. Государственный Секретарь всеподданнѣйшимъ докладомъ испросилъ Высочайшее повелѣніе князю Долгорукову допросить Зотова и о послѣдствіяхъ допроса довести до свѣдѣнія Его Величества, а если въ этомъ дѣлѣ будетъ замѣшанъ кто-либо изъ чиновниковъ Государственной Канцеляріи, то о виновномъ сообщить Государственному Секретарю, для поступленія по всей строгости законовъ. При этомъ В. П. Бутковъ удостовѣрялъ, что ни онъ самъ, ни производитель этого дѣла въ Гражданскомъ Департаментѣ Стояновскій, не знаютъ Зотова, и что едва ли кто изъ чиновниковъ Канцеляріи зналъ его. Предположеніе Государственнаго Секретаря о непричастности Государственной Канцеляріи

къ разглашенію обстоятельствъ этого дѣла вполнѣ подтвердилось.

Выше уже было говорено о томъ, съ какимъ вниманіемъ Императоръ Александръ II постоянно относился къ трудамъ Государственной Канцеляріи вообще и къ выдающимся работамъ отдѣльныхъ ея чиновъ въ частности. Подобно Своему Августѣйшему Родителю, Государь весьма внимательно прочитывалъ представляемыя къ Высочайшему подписанію и утвержденію бумаги, дѣлалъ на нихъ отмѣтки, требуя иногда объясненій, и строго слѣдилъ за ошибками и описками, встрѣчавшимися, впрочемъ, крайне рѣдко. Въ 1857 году, Его Величеству поднесена была меморія Государственнаго Совѣта по дѣлу объ утвержденіи въ баронскомъ достоинствѣ рода Келлесъ-Краузовъ. Въ этой бумагѣ рукою Государственнаго Секретаря, карандашемъ, была сдѣлана легкая поправка: въ имени «Эллегардъ» буква *Э* была перечеркнута и сверху надписано *Е*. По недосмотру, меморія отправлена была къ Государю безъ исправленія— и вызвала съ Его стороны слѣдующее замѣчаніе:

«Поправка сдѣлана карандашемъ и не исправлена. Прошу, чтобы подобныхъ неисправностей въ подносимыхъ Мнѣ бумагахъ впредь не было».

При разсмотрѣніи отчета по дѣлопроизводству Государственнаго Совѣта за 1860 годъ Его Величество изволилъ обратить вниманіе на медленность въ производствѣ разсматривавшагося въ Государственномъ Совѣтѣ дѣла объ отпускѣ изъ казны, на счетъ возврата изъ земскаго сбора, денегъ, израсходованныхъ на подводы для нижнихъ чиновъ, и потребовалъ отъ Государственнаго Секретаря объясненій. Государственный Секретарь доложилъ Его Величеству, что разрѣшеніе дѣла задерживается неполученіемъ отзывовъ отъ Министерствъ Военнаго и Внутреннихъ Дѣлъ. На этомъ докладѣ Государь изволилъ написать:

«Всѣ эти объясненія служатъ только новымъ доказательствомъ неудовлетворительности нашихъ бюрократиче-

скихъ формъ. Обращаю на это особое вниманіе гг. Министровъ, чтобы по мѣрѣ возможности достичь того результата, о которомъ объявлена Моя воля въ Совѣтѣ Министровъ, т. е. упрощенія и децентрализаціи общаго хода дѣлъ».

1 Января 1865 года В. П. Бутковъ былъ назначенъ Членомъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, причемъ за нимъ было сохранено предсѣдательствованіе въ трехъ Коммисіяхъ: 1) по преобразованію судебной части; 2) по преобразованію межевой части и 3) для составленія проекта положенія объ ипотекѣ. Дѣятельность бывшаго Государственнаго Секретаря на новомъ его поприщѣ продолжалась, однако, недолго: въ исходѣ 1867 года В. П. Бутковъ заболѣлъ и послѣ тяжкой болѣзни, продолжавшейся болѣе тринадцати лѣтъ, скончался 28 Марта 1881 года.

III.

На освободившуюся, за назначеніемъ В. П. Буткова Членомъ Государственнаго Совѣта, должность Государственнаго Секретаря былъ назначенъ, 1 Января 1865 года, временно исправлявшій должность Главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, Статсъ-Секретарь Его Величества, Сенаторъ князь Сергѣй Николаевичъ *Урусовъ*.

Потомокъ древней княжеской фамиліи, владѣвшій довольно крупною земельною собственностью въ различныхъ губерніяхъ средней полосы Россіи, князь С. Н. Урусовъ родился въ 1816 году въ Москвѣ и уже 17-ти лѣтъ отъ роду поступилъ на службу въ канцелярію Московскаго военнаго губернатора. Состоя на службѣ, онъ посѣщалъ лекціи въ университетѣ, затѣмъ держалъ экзаменъ и былъ признанъ достойнымъ полученія ученаго аттестата. Въ 1839 году онъ

перешелъ на службу во II Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, гдѣ былъ младшимъ чиновникомъ до 1843 года, когда, по домашнимъ обстоятельствамъ, вышелъ въ отставку. Въ 1844 году онъ причислился къ Министерству Юстиціи и былъ назначенъ для занятій въ Московскихъ Сенатскихъ архивахъ вотчиннаго разряда и старыхъ дѣлъ, а нѣсколько позже — въ 8-й Департаментъ Сената (находившійся также въ Москвѣ). Въ 1859 году князю Урусову повелѣно было быть Директоромъ Духовнаго Учебнаго Правленія при Святѣйшемъ Синодѣ, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; почти одновременно онъ былъ назначенъ членомъ Главнаго Управленія Цензуры со стороны Православнаго духовнаго вѣдомства. Неоднократно исполняя должность Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода во время отлучекъ графа Протасова, въ 1859—1864 годахъ, князь Урусовъ имѣлъ случай обратить на себя вниманіе Государя Императора и въ 1862 году былъ пожалованъ въ Статсъ-Секретари Его Императорскаго Величества, а въ 1864 году назначенъ Оберъ-Прокуроромъ Синода, съ производствомъ въ тайные совѣтники и повелѣніемъ присутствовать въ Сенатѣ. Въ концѣ того же года, по случаю продолжительнаго отсутствія Главноуправляющаго II Отдѣленіемъ барона Корфа, князь Урусовъ былъ назначенъ временно исправляющимъ его должность, а затѣмъ, 1 Января 1865 года,—какъ уже сказано выше,—Государственнымъ Секретаремъ.

По отзыву одного изъ своихъ сослуживцевъ во II Отдѣленіи,[69] князь С. Н. Урусовъ отличался качествами, пріобрѣтавшими ему уваженіе и расположеніе всѣхъ его подчиненныхъ. «Онъ былъ чуждъ всякаго формализма и въ особенности всякихъ начальническихъ замашекъ, начальническаго тона, напускной важности и т. п. Онъ являлъ собою рѣдкій примѣръ замѣчательной скромности среди государственныхъ сановниковъ. Встрѣчаясь или бесѣдуя съ нимъ, нельзя было и подозрѣ-

вать, что видишь передъ собою одного изъ главныхъ сановниковъ Имперіи и притомъ пользующагося большимъ расположеніемъ Государя. Одѣвался онъ очень скромно, не шелъ, а скорѣе пробирался, стараясь быть незамѣченнымъ, въ свой кабинетъ, съ большимъ портфелемъ въ рукахъ, раскланиваясь съ каждымъ до крайности любезно и привѣтливо... Князь каждаго изъ своихъ подчиненныхъ зналъ и называлъ всегда по имени и отчеству; каждому, даже изъ самыхъ младшихъ, только что поступившихъ на службу, всегда давалъ руку; никогда не начиналъ съ подчиненнымъ объясненія по дѣлу, даже самаго краткаго, не принудивъ его, такъ сказать, сѣсть на кресло, стоявшее возлѣ его стола... Все это было поразительно въ тѣ годы и особенно — для лицъ, переходившихъ изъ другихъ вѣдомствъ. Князь самымъ невозмутимымъ образомъ выслушивалъ докладчика до конца, и если находилъ возможнымъ согласиться съ нимъ, то всегда благодарилъ за докладъ, оставлялъ у себя заготовленный проектъ и затѣмъ, сдѣлавъ иногда исправленія (всегда очень цѣлесообразныя и дѣльныя), высылалъ его въ Отдѣленіе для переписки. Если же онъ не соглашался съ докладчикомъ или находилъ докладъ неполнымъ, неточнымъ, неосновательнымъ, то начиналъ высказывать свои взгляды и предположенія въ самой вѣжливой формѣ, хотя иногда и не безъ ироніи... Обладая замѣчательною памятью, князь обыкновенно безошибочно указывалъ на дѣйствующіе законы, на состоявшіяся мнѣнія Государственнаго Совѣта, на отзывы, данные когда-то по дѣлу, имѣющему соотношеніе съ вновь возникшимъ, и т. п. Всѣ возраженія князя и вообще все, высказываемое имъ, отличалось ясностью, простотою и практическою дѣловитостью... Предметомъ особливой заботливости князя Урусова являлись представляемые имъ лично доклады Его Величеству. Не упоминая уже о томъ, что изложеніе этихъ докладовъ отличалось замѣчательною ясностью и краткостью, нельзя умолчать объ его стремленіи придавать имъ своего

рода занимательность, заинтересовывать ими Августѣйшаго Слушателя, вызывать Его на различные вопросы и замѣчанія и т. д... Бывало, находя почему-либо минуту неблагопріятною для доклада того или иного дѣла, князь по нѣскольку разъ возилъ его съ собою въ портфелѣ, не докладывая, пока не успѣвалъ уловить минуту, удобную для поднесенія его на Высочайшее воззрѣніе. Кромѣ того, будучи очень близокъ къ придворной жизни, онъ всегда очень хорошо зналъ, будетъ ли ему своевременно явиться къ Государю съ своимъ докладомъ и не соотвѣтственнѣе ли будетъ не утруждать Его Величества. Сообразно этому, князь всеподданнѣйше доносилъ, за день или за два, что дѣлъ, требующихъ Высочайшаго разрѣшенія, въ настоящую минуту не имѣется, и въ отвѣтъ получалъ, напримѣръ, такую резолюцію: «Прошу тебя быть ко Мнѣ вмѣсто доклада къ обѣду въ Царское Село, въ 6 часовъ».

Баронъ М. А. Корфъ, очень близко знавшій князя Урусова, въ особенности по служебнымъ отношеніямъ, говоритъ, что онъ былъ, «къ сожалѣнію, очень уклончивъ и податливъ, такъ что, избѣгая всякаго спора, рѣдко настаивалъ на своемъ мнѣніи. Пропасть ума и логики, но и пропасть уступчивости, не въ однихъ вопросахъ малозначущихъ или второстепенныхъ,... впрочемъ, болѣе въ пріемахъ, нежели въ характерѣ, благородство котораго не навлекаетъ на себя никакихъ нареканій». [70]

По вступленіи князя Урусова въ должность Государственнаго Секретаря, ему, прежде всего, пришлось завершить работу своего предшественника В. П. Буткова по Судебнымъ Уставамъ. Какъ уже было упомянуто выше, вновь образованная подъ предсѣдательствомъ Буткова Коммисія была отдѣлена отъ Государственной Канцеляріи, хотя все дѣлопроизводство по этой Коммисіи и лежало, по-прежнему, на чинахъ Канцеляріи, въ ней участвовавшихъ. Въ составъ ея вошли: Сенаторы *Плавскій, Буцковскій* и *Зубовъ*, Статсъ-Секретарь Департамента Законовъ *Зарудный*, исправлявшій

должность Статсъ-Секретаря Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ *Есиповичъ*, Оберъ-Прокуроръ 4-го Департамента Сената *Ковалевскій*, причисленный къ I Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи *Квистъ*, Симбирскій губернскій прокуроръ *Принцъ*, начальникъ отдѣленія Лѣсного Департамента *Рѣпинскій* и чиновникъ особыхъ порученій при Министрѣ Юстиціи *Книрим*ъ. Кромѣ этихъ лицъ, отъ Государственной Канцеляріи для занятій въ Коммисіи были командированы сверхштатные чиновники: экспедиторъ *Тарасовъ*, младшій его помощникъ *Рембелинскій* и состоявшіе при Канцеляріи профессоръ *Утинъ* и титулярный совѣтникъ баронъ *Корфъ* (сынъ Модеста Андреевича). Коммисія должна была составить: а) общій планъ и правила введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ 20 Ноября 1864 года; б) соображенія о томъ, какія изъ обязанностей мировыхъ по крестьянскому дѣлу учрежденій должны перейти къ мировымъ судебнымъ установленіямъ, образованнымъ по Уставамъ 20 Ноября 1864 года; в) предположенія о всѣхъ тѣхъ облегчительныхъ мѣрахъ, какія должны быть приняты по уголовному и гражданскому судопроизводствамъ въ старыхъ судебныхъ мѣстахъ, до замѣны ихъ новыми судебными учрежденіями; г) соображенія о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ 20 Ноября 1864 года къ разнымъ мѣстностямъ Имперіи, управляемымъ по особымъ учрежденіямъ, и гдѣ введеніе этихъ Уставовъ въ дѣйствіе потребуетъ нѣкоторыхъ изъятій или измѣненій; д) положеніе объ устройствѣ нотаріальной части; е) уставъ коммерческаго судопроизводства; ж) правила межевого судопроизводства и з) всѣ другія работы, касающіяся преобразованія судебной части вообще. Составленныя Коммисіею работы, по мѣрѣ ихъ окончанія, Высочайше повелѣно было сообщать на заключеніе Министровъ и Главноуправляющихъ, по принадлежности, и затѣмъ, по полученіи ихъ отзывовъ, вносить, вмѣстѣ съ соображеніями Коммисіи, на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Всѣ эти работы были быстро закончены, получили установленное движеніе, и 19 Октября 1865 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ въ двухъ судебныхъ округахъ, С.-Петербургскомъ и Московскомъ.

Закончивъ свои работы по судебной реформѣ, С. И. Зарудный привелъ въ порядокъ обширный матеріалъ «Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи», раздѣливъ его на 74 тома, и передалъ нѣсколько экземпляровъ этого «Дѣла» въ Петербургскіе архивы и книгохранилища. Кромѣ того, онъ подготовилъ къ печати «Судебные Уставы, съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны», изданные Государственною Канцеляріею, въ 4-хъ томахъ, 17 Апрѣля 1866 года. Составленное Зарудным къ этому изданію предисловіе, въ которомъ изложены цѣль и планъ комментарія, было разсмотрѣно, по Высочайшему повелѣнію, Предсѣдателемъ Департамента Законовъ барономъ Корфомъ. Въ нашей повременной печати изданіе Судебныхъ Уставовъ было встрѣчено большими похвалами, какъ настольная книга, необходимая не только для юристовъ, но и вообще для публики, и какъ «памятникъ того, что новые законы истекли отъ началъ истины и справедливости, въ той степени, въ какой эти начала выработаны наукою и опытомъ нашего времени».[71] Извѣстный публицистъ (впослѣдствіи академикъ) *В. П. Безобразовъ*, въ статьѣ: «Мысли по поводу мировой судебной власти», напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ»,[72] между прочимъ, писалъ:

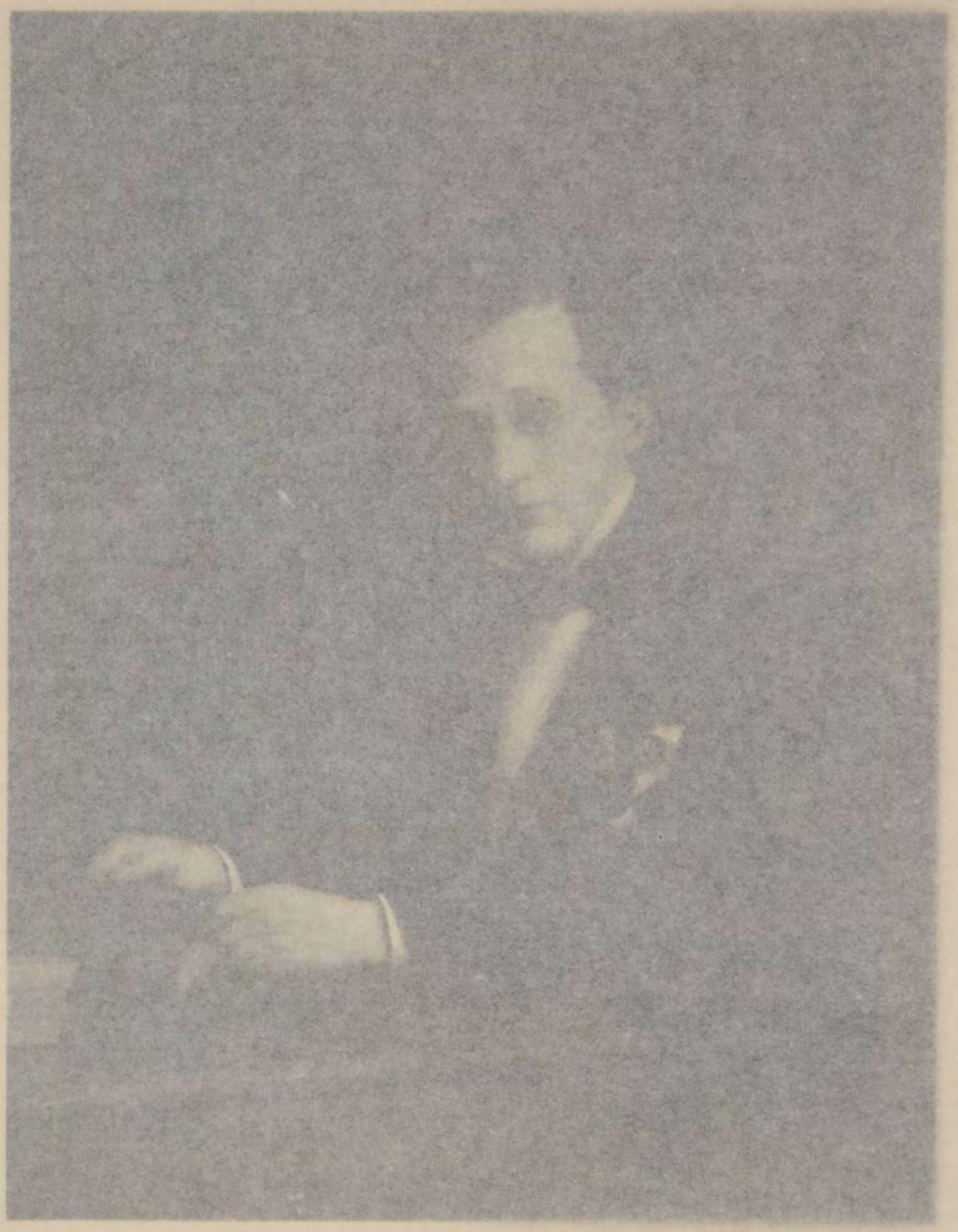
В. П. Безобразовъ.

«Наше новое судебное законодательство во всей совокупности, каковы бы ни были его техническіе недостатки,

о которыхъ мы не призваны судить, есть законодательный и вмѣстѣ съ тѣмъ умственный памятникъ, долженствующій служить въ отдаленномъ потомствѣ величайшею честью нашего времени. Посреди многихъ печальныхъ движеній нашей исторической эпохи, посреди заблужденій и увлеченій, по необходимости связанныхъ съ ея переходнымъ характеромъ, мы можемъ съ гордостью указывать на этотъ законодательный актъ. Его достоинства, могущія свидѣтельствовать въ пользу цѣлой исторической эпохи, въ особенности выпуклы въ *комментаріяхъ къ Судебнымъ Уставамъ*, изданныхъ Государственнымъ Совѣтомъ; чтеніе этого изданія чрезвычайно успокоительно дѣйствуетъ на умъ, встревоженный разными нравственными и умственными явленіями, сопровождающими современное броженіе нашего общества. Когда подъ впечатлѣніемъ, съ одной стороны, отважныхъ и крикливыхъ, хотя и не многочисленныхъ, голосовъ, подвергающихъ вопросу самыя несомнѣнныя основы общежитія, съ другой—какъ будто мертвой и безпредѣльной пустыни, гдѣ иногда господствуютъ эти немногіе голоса,—со страхомъ и недоумѣніемъ осматриваешься и ищешь болѣе отрадныхъ симптомовъ времени, тогда съ особеннымъ наслажденіемъ останавливаешься на произведеніяхъ современной законодательной дѣятельности, подобныхъ новымъ Судебнымъ Уставамъ».

Эту выписку С. И. Зарудный отослалъ къ князу Урусову, который передалъ ее въ Канцелярію съ помѣткой: «Не худо приложить къ самому производству о составленіи и изданіи комментарія».

Краснорѣчивымъ выразителемъ общественнаго мнѣнія о судебной реформѣ явился *М. Н. Катковъ*. «Поистинѣ, едва вѣрится», писалъ онъ, «чтобы въ столь короткое время такъ крѣпко и такъ успѣшно принялось дѣло столь важное и столь мало похожее на прежніе наши порядки, начиная съ основной мысли и до мельчайшихъ подробностей. Исторія не забудетъ ни одного имени, связаннаго съ этимъ великимъ дѣломъ гражданскаго обновленія Россіи».

Князь С. И. Урусов

и которыхъ мы не призываемъ судить, есть законодательный и вмѣстѣ съ тѣмъ учредительный памятникъ, долженствующій служить къ отдаленнѣйшему потомству величайшею честью нашего времени. Посреди многихъ печальныхъ движеній нашей исторической эпохи, посреди заблужденій и увлеченій, по необходимости связанныхъ съ ея переходнымъ характеромъ, мы можемъ съ гордостью указывать на этотъ законодательный актъ. Его достоинства, могущія свидѣтельствовать въ пользу цѣлой исторической эпохи, въ особенности выпуклы въ *Комментаріяхъ къ Судебнымъ Уставамъ*, изданныхъ Государственнымъ Совѣтомъ; чтеніе этого изданія чрезвычайно успокоительно дѣйствуетъ на умъ, встревоженный разными нравственными и умственными явленіями, сопровождающими современное броженіе нашего общества. Когда подъ впечатлѣніемъ, съ одной стороны, отважныхъ и крикливыхъ, хотя и не многочисленныхъ, голосовъ, подвергающихъ вопросу самыя несомнѣнныя основы общежитія, съ другой — какъ будто мертвой и безпредѣльной пустыни, гдѣ иногда господствуютъ эти немногіе голоса,—со страхомъ и недоумѣніемъ осматриваешься и ищешь болѣе отрадныхъ симптомовъ времени, тогда съ особеннымъ наслажденіемъ останавливаешься на произведеніяхъ современной законодательной дѣятельности, подобныхъ новымъ Судебнымъ Уставамъ».

Эту выписку С. И. Зарудный отослалъ къ князю Урусову, который передалъ ее въ Канцелярію съ помѣткой: «Не худо приложить къ самому производству о составленіи и изданіи комментарія».

Краснорѣчивымъ выразителемъ общественнаго мнѣнія о судебной реформѣ явился *М. Н. Катковъ*. «Поистинѣ, едва вѣрится», писалъ онъ, «чтобы въ столь короткое время такъ крѣпко и такъ успѣшно принялось дѣло столь важное и столь мало похожее на прежніе наши порядки, начиная съ основной мысли и до мельчайшихъ подробностей. Исторія не забудетъ ни одного имени, связаннаго съ этимъ великимъ дѣломъ гражданскаго обновленія Россіи».

Князь С. Н. Урусовъ.

Три года спустя, въ началѣ 1869 года, Августѣйшій Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, во всеподданнѣйшей докладной запискѣ о трудахъ Зарудnаго, между прочимъ, высказалъ объ изданіи Судебныхъ Уставовъ слѣдующее:

«Этотъ обширный и съ знаніемъ дѣла выполненный трудъ увѣнчался замѣчательнымъ успѣхомъ. Обращенное въ продажу, по Высочайшему Вашего Величества повелѣнію, первое изданіе сего труда разошлось по всей Россіи въ самое непродолжительное время, такъ что въ концѣ минувшаго года приступлено было къ печатанію новаго изданія, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ постановленій, кои удостоились Высочайшаго утвержденія послѣ 20 Ноября 1864 года. Второе изданіе также распродается съ большимъ успѣхомъ. Трудъ этотъ, въ которомъ Зарудный принималъ главное и почти исключительное участіе,[73] приноситъ, можно сказать, ежедневную пользу, служа незамѣнимымъ пособіемъ къ ознакомленію какъ судей, такъ и юристовъ-практиковъ, не только съ буквою, но съ разумомъ и цѣлью каждой статьи Судебныхъ Уставовъ 1864 года».

Одновременно съ назначеніемъ князя С. Н. Урусова Государственнымъ Секретаремъ послѣдовало назначеніе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. А такъ какъ Его Высочество былъ, съ 19 Февраля 1861 года, Предсѣдателемъ Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, то теперь сталъ называться Предсѣдательствующимъ въ этомъ Комитетѣ; на случай же Его отсутствія въ Комитетѣ замѣстителемъ Его былъ назначенъ князь *П. П. Гагаринъ*. При этомъ, 11 Января 1865 года, было Высочайше повелѣно: «Статсъ-Секретарю, управляющему дѣлами Главнаго Комитета, находиться подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Предсѣдательствующаго въ Комитетѣ; журналы Комитета по дѣламъ законодательнымъ, требующимъ разсмотрѣнія въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта,

передавать черезъ Статсъ-Секретаря, управляющаго дѣлами Комитета, Государственному Секретарю, для доклада Общему Собранію, съ тѣмъ, чтобы при докладѣ этихъ дѣлъ въ Общемъ Собраніи находился, для необходимыхъ объясненій, и Статсъ-Секретарь, управляющій дѣлами Комитета, и чтобы журналы Общаго Собранія изготовлялись по взаимному соглашенію Государственнаго Секретаря и сего Статсъ-Секретаря, подъ главнымъ вѣдѣніемъ Предсѣдательствующаго въ Комитетѣ; журналы Комитета по дѣламъ исполнительнымъ представлять Государю Императору чрезъ Предсѣдательствующаго въ Комитетѣ, съ тѣмъ, чтобы все исполненіе по этимъ журналамъ сообщалось Министрамъ и Главноуправляющимъ отдѣльными частями Статсъ-Секретаремъ, управляющимъ дѣлами Комитета». Такимъ образомъ, Отдѣленіе по устройству сельскаго состоянія хотя и продолжало находиться въ составѣ Государственной Канцеляріи, но, въ сущности, не было подчинено Государственному Секретарю. Дѣлопроизводствомъ этого Отдѣленія завѣдывалъ совершенно самостоятельно Статсъ-Секретарь, управлявшій дѣлами Главнаго Комитета. Предположенія этого должностного лица о замѣщеніи высшихъ вакантныхъ должностей по Отдѣленію, объ увольненіи лицъ, занимавшихъ эти должности, о наградахъ чинамъ Отдѣленія и пр., представлялись имъ непосредственно Предсѣдательствовавшему въ Комитетѣ Великому Князю, Который входилъ по этимъ предметамъ съ всеподданнѣйшими докладами къ Государю Императору. Испрошенныя такимъ порядкомъ Высочайшія повелѣнія сообщались затѣмъ Государственному Секретарю, для объявленія ихъ въ приказахъ по Государственной Канцеляріи. Этотъ порядокъ соблюдался во все время дальнѣйшаго существованія Главнаго Комитета, до его закрытія въ 1882 году.

Во время управленія Государственною Канцеляріею князя С. Н. Урусова стараніями Статсъ-Секретаря Департамента Государственной Экономіи А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго

былъ окончательно установленъ порядокъ работъ Отдѣленія Государственной Экономіи по разсмотрѣнію финансовыхъ смѣтъ и государственной росписи. Отдѣленію было вмѣнено въ обязанность, при разборѣ каждой отдѣльной смѣты, производить по каждой статьѣ самую тщательную и подробную повѣрку тѣхъ законныхъ титуловъ, на основаніи которыхъ исчисленъ данный доходъ или расходъ, представлять Департаменту результаты этой повѣрки и составлять свои предположенія о необходимыхъ въ смѣтѣ перемѣнахъ. Затѣмъ, по приготовленіи, такимъ образомъ, всего дѣла, отдѣльно по каждой смѣтѣ, къ докладу Департаменту Государственной Экономіи, Отдѣленіе должно было составлять по замѣчаніямъ Департамента подробныя соображенія, изготовлять журналы, производить обширную переписку по требованію отъ вѣдомствъ разныхъ дополнительныхъ свѣдѣній и, наконецъ, приготовлять всѣ исполнительныя бумаги по смѣтамъ и росписи. Впослѣдствіи, когда разсмотрѣніе смѣтъ стало уже дѣломъ болѣе привычнымъ, эта работа значительно облегчилась, такъ какъ Отдѣленіе было освобождено отъ обязанности представлять свои соображенія о тѣхъ или иныхъ перемѣнахъ въ смѣтныхъ назначеніяхъ; но за то особенное вниманіе было обращено на составленіе общаго журнала Департамента Экономіи по государственной росписи, въ которомъ обыкновенно представлялся, на основаніи смѣтнаго матеріала, болѣе или менѣе подробный обзоръ нашего государственнаго хозяйства и дѣлалась оцѣнка бюджетныхъ предположеній.

Не менѣе важный и серьезный трудъ, также требовавшій и большого вниманія, и быстроты въ исполненіи, лежалъ на обязанности Отдѣленія Государственной Экономіи по разсмотрѣнію смѣтъ и раскладокъ денежныхъ земскихъ повинностей.

На основаніи изданнаго въ 1851 году Устава о земскихъ повинностяхъ, эти смѣты и раскладки должны были составляться на три года, одновременно по всей Имперіи

и особо въ каждой губерніи, потомъ поступали на соображеніе Министерствъ: Финансовъ, Внутреннихъ Дѣлъ, Государственныхъ Имуществъ и другихъ вѣдомствъ, по предметамъ расходовъ, до нихъ относящихся, и, наконецъ, съ отзывами и замѣчаніями вѣдомствъ, вносились въ Департаментъ Государственной Экономіи. Здѣсь все дѣло окончательно разсматривалось, повѣрялось во всѣхъ подробностяхъ и чрезъ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта представлялось на Высочайшее утвержденіе.

Подготовка земскихъ смѣтъ и раскладокъ къ докладу въ Департаментѣ Государственной Экономіи производилась, такимъ образомъ, по истеченіи каждаго трехлѣтія и, по своей обширности и многосложности числовыхъ данныхъ, требовала усиленнаго труда. Въ прежніе годы на время разсмотрѣнія Государственнымъ Совѣтомъ этихъ смѣтъ прикомандировывались къ Государственной Канцеляріи, для усиленія ея личнаго состава, нѣсколько опытныхъ чиновниковъ изъ Министерствъ Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ; но впослѣдствіи это было признано неудобнымъ. Съ изданіемъ въ 1864 году временныхъ правилъ для земскихъ учрежденій послѣдовало новое распредѣленіе предметовъ земскихъ повинностей, потребовавшее перенесенія расходовъ изъ однѣхъ смѣтъ въ другія. Этимъ разсмотрѣніе и повѣрка смѣтъ еще болѣе усложнились. Представленное въ 1866 году изъ Министерства Финансовъ въ Государственный Совѣтъ дѣло по этому предмету заключало въ себѣ 77 отдѣльныхъ большихъ томовъ, содержавшихъ пространныя и весьма дробныя таблицы и цифры. Изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ Государственная Канцелярія должна была извлечь подробныя, но въ то же время сжатыя выписки и затѣмъ составить своды и общій журналъ по всѣмъ статьямъ смѣтъ и раскладокъ. Этотъ журналъ, заключающій въ себѣ до 160 печатныхъ страницъ, по свидѣтельству князя Урусова, былъ составленъ съ замѣчательною добросовѣстностью и отчетливостью: при самой тщательной его повѣркѣ, Государственный

Секретарь не нашелъ въ многосложныхъ выводахъ и цифрахъ ни ошибокъ, ни опечатокъ, и призналъ, что «этотъ достойный уваженія трудъ можетъ служить руководствомъ къ успѣшному исполненію сего важнаго и многотруднаго дѣла на будущее время». Объ этомъ, съ разрѣшенія Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, князь Урусовъ доложилъ Его Величеству при представленіи меморіи о земскихъ смѣтахъ.

Среди особыхъ трудовъ Государственной Канцеляріи, исполненныхъ ею подъ руководствомъ князя С. Н. Урусова, слѣдуетъ упомянуть о дѣлопроизводствѣ Верховнаго Уголовнаго Суда 1866 года.

При изданіи Судебныхъ Уставовъ 20 Ноября 1864 года государственныя преступленія были отнесены, въ видѣ общаго правила, къ вѣдѣнію Судебныхъ Палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей. На случай же обнаруженія въ разныхъ краяхъ государства общаго заговора противъ Верховной Власти или установленнаго образа правленія, либо порядка наслѣдованія Престола, учреждено особое высшее судилище подъ названіемъ Верховнаго Уголовнаго Суда. Судъ этотъ, созываемый по особому каждый разъ Высочайшему повелѣнію, составлялся, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, изъ Предсѣдателей его Департаментовъ и Первоприсутствующихъ въ Кассаціонныхъ Департаментахъ Правительствующаго Сената, а также въ Соединенномъ Присутствіи. Въ первый разъ Верховный Уголовный Судъ былъ учрежденъ Высочайшимъ повелѣніемъ 28 Іюня 1866 года, по дѣлу о злодѣйскомъ покушеніи Каракозова на жизнь Государя Императора. Предсѣдателемъ Верховнаго Суда былъ назначенъ князь *И. П. Гагаринъ,* а Членами изъ среды Государственнаго Совѣта—Принцъ П. Г. Ольденбургскій, графъ В. Н. Панинъ и адмиралъ Н. Ѳ. Мѣтлинъ. Обязанности секретаря были возложены на исправлявшаго должность Статсъ-Секретаря Гражданскаго Департамента *Я. Г. Есиповича,* который былъ для этого телеграммою вызванъ изъ Смоленской

губерніи, гдѣ находился въ отпуску; помощниками секретаря были назначены Начальникъ Отдѣленія Канцеляріи Комитета Министровъ (впослѣдствіи—Предсѣдатель Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта) *И. И. Селифонтовъ* и Помощникъ Управляющаго дѣлами Кавказскаго Комитета *Потѣхинъ;* архиваріусомъ и казначеемъ былъ экспедиторъ Государственной Канцеляріи *Нечаевъ;* для переписки бумагъ были взяты канцелярскіе чиновники Гражданскаго Отдѣленія *Суховъ* и *Андреевъ*. Верховный Судъ былъ закрытъ 5 Октября 1866 года.

«Работы у насъ была бездна», говоритъ въ своихъ запискахъ Я. Г. Есиповичъ: «не говоря о томъ страшномъ нравственномъ напряженіи, которое было неизбѣжно при такомъ дѣлѣ и при такой обстановкѣ, одной физической работы было намъ столько, что я не понимаю, какъ мы выдержали. Прежде всего надо было познакомиться, хотя поверхностно, съ слѣдственнымъ дѣломъ, заключавшимъ въ себѣ до шести тысячъ листовъ; до обозрѣнія этого дѣла нельзя было сдѣлать ни одного засѣданія; когда начались засѣданія, надо было записывать все, что въ нихъ говорилось и дѣлалось. Мы это дѣлали втроемъ: я, Селифонтовъ и Потѣхинъ; каждый изъ насъ записывалъ отдѣльно, потомъ мы читали вмѣстѣ свои записи, дополняли ихъ однѣ другими и такимъ образомъ составляли протоколы Верховнаго Уголовнаго Суда, могу сказать, съ величайшею точностію и подробностію. Но чего это намъ стоило? Часто надо было писать часовъ семь, восемь безъ остановки, да потомъ считывать то, что написано наскоро, дополнять, приводить въ порядокъ и потомъ уже отдавать переписывать. Переписчики наши, Суховъ и Андреевъ, также были завалены работою. Словомъ сказать, мы просидѣли въ крѣпости, за самою тяжелою работою, два мѣсяца, съ 5 Августа по 5 Октября 1866 года, являясь туда каждый день въ 9 или 10 часовъ утра и уѣзжая оттуда въ 10, или даже въ 11 и 12 часовъ ночи».[74]

Кромѣ обязанностей, возложенныхъ на князя С. Н. Урусова по должности Государственнаго Секретаря, на него были возлагаемы также и особыя Высочайшія порученія. Такъ, въ 1865 году ему было Высочайше повелѣно разобрать бумаги скончавшагося Предсѣдателя Департамента Государственной Экономіи графа *А. Д. Гурьева*. Найденныя имъ при этомъ разборѣ письма Императрицы Маріи Ѳеодоровны были представлены Государю Императору.

Въ отношеніи внутренней жизни Государственной Канцеляріи князь Урусовъ, между прочимъ, обратилъ вниманіе на постоянно возраставшее количество причисленныхъ и сверхштатныхъ чиновниковъ. Считая это явленіе ненормальнымъ, Государственный Секретарь предполагалъ, въ началѣ 1866 года, войти съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о томъ, чтобы впредь не принимать въ Государственную Канцелярію чиновниковъ сверхъ штата, допустивъ исключеніе изъ этого правила только для тѣхъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, какъ, напримѣръ, Александровскаго Лицея, которые будутъ особенно рекомендованы ихъ училищнымъ начальствомъ. Проектъ такого доклада былъ представленъ княземъ Урусовымъ Августѣйшему Предсѣдателю Государственнаго Совѣта. Великій Князь Константинъ Николаевичъ возвратилъ его съ надписью: «Совершенно съ этимъ согласенъ. Но не можетъ ли сіе быть исполнено нашей собственной властію, и нужно ли для сего безпокоить Государя?». Князь Урусовъ послѣдовалъ этому указанію и принялъ мѣры къ возможному ограниченію количества лицъ, числящихся по Канцеляріи, не занимая въ ней штатныхъ должностей, а иногда и вовсе не имѣя какихъ либо опредѣленныхъ занятій.

Кромѣ причисленныхъ, въ составѣ Государственной Канцеляріи уже съ давняго времени почти всегда было нѣсколько чиновниковъ, принятыхъ на службу сверхъ штата, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, иногда даже съ извѣстнымъ содержаніемъ, но чаще—безъ содержанія, въ

качествѣ кандидатовъ на штатныя должности. Число такихъ чиновниковъ особенно увеличилось въ первые годы царствованія Императора Александра II, какъ потому, что В. П. Бутковъ старался, не стѣсняясь количествомъ штатныхъ вакансій, привлекать на службу въ Канцелярію способныхъ и знающихъ людей, такъ и потому, что Предсѣдатель Государственнаго Совѣта графъ Д. Н. Блудовъ считалъ вообще необходимымъ установить, чтобы молодые люди, желающіе посвятить себя государственной службѣ, проходили, въ теченіе извѣстнаго періода, такъ сказать, практическую школу подготовки къ штатнымъ должностямъ. Эта мысль была со всею подробностью развита графомъ Блудовымъ въ представленной имъ Государю Императору, въ концѣ 1858 года, всеподданнѣйшей запискѣ «О введеніи у насъ въ дѣйство такъ называемой *аппликаціи* для приготовленія молодыхъ людей къ службѣ гражданской». Терминъ «аппликація» былъ заимствованъ изъ польской судебной практики, въ которой зачисленіе молодыхъ людей кандидатами на судебныя должности было установлено закономъ. Графъ Блудовъ, указывая на этотъ законъ, какъ на примѣръ, достойный подражанія, предлагалъ принять за общее правило, что никто не можетъ поступить на государственную службу, если не имѣетъ познаній, нужныхъ для точнаго исполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Поэтому молодые люди, при первоначальномъ поступленіи на службу, должны быть зачисляемы въ вѣдомство «аппликантами», соотвѣтственно полученному ими образованію: окончившіе курсъ въ гимназіяхъ или уѣздныхъ училищахъ—только въ низшія правительственныя учрежденія, а получившіе высшее образованіе—въ среднія и высшія. «Аппликанты» не должны получать содержанія, но имѣютъ право носить вицмундиръ того вѣдомства, въ которое они зачисляются. Срокъ для такой «аппликаціи» предполагался двухлѣтній.

Предположенія графа Блудова не получили осуществленія въ законодательномъ порядкѣ, но на практикѣ они

болѣе или менѣе осуществлялись во всѣхъ вѣдомствахъ, и особенно—въ Сенатѣ и Государственной Канцеляріи. В. П. Бутковъ, въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ, объяснялъ, что «молодые люди хорошихъ фамилій въ этой Канцеляріи болѣе другихъ установленій могутъ знакомиться съ ходомъ дѣлъ высшихъ государственныхъ учрежденій и, слѣдовательно, подготовляться къ занятію въ будущемъ соотвѣтствующихъ ихъ способностямъ высшихъ должностей; при этомъ онъ свидѣтельствовалъ, что «сіи молодые люди приносятъ чрезвычайно много пользы Канцеляріи: будучи прекрасно воспитаны, дѣятельны, усердны и занимаясь наравнѣ съ штатными чиновниками всѣми поручаемыми имъ дѣлами, они замѣняютъ сихъ послѣднихъ и служатъ чрезвычайнымъ пособіемъ Канцеляріи, особенно въ настоящее время, при множествѣ производящихся въ оной работъ» (1860 г.). Но, какъ уже отмѣчено выше, кромѣ начинающей молодежи, при Бутковѣ причислялись къ Государственной Канцеляріи, или опредѣлялись сверхъ штата, многіе уже опытные чиновники, занимавшіе болѣе или менѣе высокія должности въ другихъ вѣдомствахъ. Къ 1866 году число сверхштатныхъ чиновниковъ Канцеляріи достигло 28. Князь Урусовъ признавалъ наличный составъ Канцеляріи вполнѣ достаточнымъ для производства въ ней дѣлъ и находилъ, что «всякое увеличеніе числа сихъ чиновниковъ, не принося никакой пользы для службы, лишило бы ихъ возможности получать опредѣленныя занятія и тѣмъ пріобрѣсти опытность, необходимую для служебной дѣятельности». Поэтому за время управленія князя Урусова Государственною Канцеляріею назначеній на сверхштатныя по Канцеляріи должности вовсе не было.

Князь С. Н. Урусовъ оставался на посту Государственнаго Секретаря очень недолго,—всего одинъ годъ и три съ половиною мѣсяца: 16 Апрѣля 1867 года ему Высочайше повелѣно было быть Главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи,

причемъ на него было возложено также и временное управленіе Министерствомъ Юстиціи, продолжавшееся до 15 Октября 1867 года, когда за отличное управленіе этимъ Министерствомъ ему была объявлена душевная благодарность Его Величества. Затѣмъ, 1 Января 1872 года, князь Урусовъ, произведенный въ дѣйствительные тайные совѣтники, былъ назначенъ Предсѣдателемъ Департамента Законовъ, съ оставленіемъ въ должности Главноуправляющаго II Отдѣленіемъ, которую онъ занималъ до 15 Октября 1881 года. Въ концѣ этого года онъ заболѣлъ и, послѣ продолжительныхъ мученій, скончался 13 Октября 1883 года.

IV.

Преемникомъ князя С. Н. Урусова по должности Государственнаго Секретаря былъ Товарищъ Главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, Статсъ-Секретарь Его Величества, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитрій Мартыновичъ *Сольскій*.

Д. М. Сольскій родился въ Петербургѣ, въ 1833 году. По окончаніи, въ 1852 году, курса въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ съ первою золотою медалью и правомъ на чинъ IX класса, онъ поступилъ на службу во II Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и скоро обратилъ на себя вниманіе бывшихъ Главноуправляющихъ этимъ Отдѣленіемъ, въ особенности барона М. А. Корфа, не только трудолюбіемъ и усердіемъ къ службѣ, но и своими познаніями и государственными способностями, обнаруженными имъ какъ при разсмотрѣніи различныхъ законодательныхъ вопросовъ, поступавшихъ на заключеніе II Отдѣленія, такъ и при составленіи законопроектовъ, поручавшемся Отдѣленію по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ. Въ 1855 году онъ былъ назначенъ младшимъ

чиновникомъ Отдѣленія, 16 Мая 1863 года — старшимъ чиновникомъ, а 19 Февраля 1864 года произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ пожалованіемъ въ званіе Статсъ-Секретаря Его Императорскаго Величества и съ назначеніемъ Товарищемъ Главноуправляющаго. Затѣмъ, 16 Апрѣля 1867 года, послѣдовало назначеніе Д. М. Сольскаго Государственнымъ Секретаремъ. Объ обстоятельствахъ, которыми сопровождалось это назначеніе, одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Дмитрія Мартыновича, Статсъ-Секретарь Е. А. Перетцъ, разсказываетъ въ своихъ «Замѣткахъ» слѣдующее:

«Въ 1866 году, по случаю поѣздки за границу графа В. Н. Панина, управленіе II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи было поручено Товарищу Главноуправляющаго Д. М. Сольскому съ правомъ личнаго доклада Государю и присутствованія во всѣхъ высшихъ государственныхъ установленіяхъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Комитетѣ Министровъ, съ первыхъ же засѣданій, въ которыхъ Дмитрій Мартыновичъ присутствовалъ, онъ поразилъ всѣхъ какъ познаніями своими, умомъ и даромъ слова, такъ и умѣньемъ себя держать. Съ своей стороны, Государь, познакомившись съ Сольскимъ при еженедѣльныхъ въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ личныхъ докладахъ, также вполнѣ оцѣнилъ его и, по возвращеніи Панина, по собственному побужденію, даже не смотря на нѣкоторыя возраженія графа Виктора Никитича, назначилъ Дмитрія Мартыновича Государственнымъ Секретаремъ, хотя Великій Князь Константинъ Николаевичъ представилъ на эту должность совсѣмъ другихъ лицъ—Д. Н. Набокова и С. М. Жуковскаго. Когда Сольскій явился въ первый разъ къ Его Императорскому Высочеству въ качествѣ Государственнаго Секретаря, Великій Князь, принявъ его очень милостиво, откровенно сказалъ ему, что просилъ не о немъ, но что, познакомившись съ нимъ въ Совѣтѣ и вполнѣ оцѣнивъ его, радъ будетъ съ нимъ работать. Съ этихъ поръ новый Госу-

дарственный Секретарь былъ всѣми цѣнимъ и уважаемъ, и все пошло, какъ нельзя лучше».

Вскорѣ по вступленіи Д. М. Сольскаго въ должность Государственнаго Секретаря, въ личномъ составѣ, а также и въ устройствѣ Государственной Канцеляріи послѣдовали нѣкоторыя перемѣны.

Въ Маѣ 1867 года управлявшій дѣлами Отдѣленія Государственной Экономіи Статсъ-Секретарь *А. П. Заблоцкій-Десятовскій* просилъ объ увольненіи его, по разстроенному здоровью, отъ этой должности.

Августѣйшій Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, свидѣтельствуя о томъ, что Заблоцкій-Десятовскій, послѣ сорокалѣтнихъ неутомимыхъ трудовъ, посвященныхъ имъ государственной службѣ, дѣйствительно разстроилъ свое здоровье до такой степени, что уже не можетъ съ прежнею энергіею исполнять трудныя обязанности по управленію дѣлами Отдѣленія Экономіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, ходатайствовалъ предъ Его Величествомъ о назначеніи Заблоцкаго-Десятовскаго Членомъ Комитета Финансовъ, какъ человѣка, могущаго своими обширными познаніями и опытностью приносить еще несомнѣнную пользу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, озабочиваясь замѣщеніемъ вакансіи Статсъ-Секретаря Департамента Экономіи, Великій Князь, по совѣщаніи съ Предсѣдателемъ этого Департамента генералъ-адъютантомъ Чевкинымъ, пришелъ къ заключенію о трудности соединить въ лицѣ одного Статсъ-Секретаря завѣдываніе всѣми дѣлами столь важнаго Департамента.

«Дѣятельность Департамента Экономіи», писалъ Великій Князь въ Своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ по этому предмету, «весьма разнородна и въ послѣдніе годы въ значительной мѣрѣ развилась и усложнилась. Въ немъ сосредоточиваются почти всѣ законодательныя работы по разнымъ отраслямъ промышленности, торговли, финансовъ, земскихъ повинностей, хозяйства и счетоводства. Сверхъ того, въ Департаментъ этотъ поступаютъ: представленія

Министровъ и Главноуправляющихъ отдѣльными частями о сверхсмѣтныхъ кредитахъ и необходимыхъ расходахъ, какъ изъ суммъ Государственнаго Казначейства, такъ и изъ земскихъ сборовъ, дѣла по смѣтамъ и раскладкамъ государственныхъ земскихъ повинностей, всѣ вообще новые штаты, городскія смѣты доходовъ и расходовъ, дѣла объ учрежденіи компаній на акціяхъ, когда имъ испрашиваются особыя преимущества, о выдачѣ привилегій на разныя изобрѣтенія, и многія другія. Независимо отъ всѣхъ сихъ разнородныхъ дѣлъ, въ Департаментъ Экономіи ежегодно, начиная съ Іюля мѣсяца, вносятся смѣты доходовъ и расходовъ всѣхъ Министерствъ и Главныхъ Управленій. Разсмотрѣніе всѣхъ этихъ смѣтъ, требуя большого, усидчиваго труда и особаго вниманія, отнимаетъ почти все время управляющаго дѣлами Департамента Экономіи и лишаетъ его возможности заниматься въ теченіе полугода другими текущими дѣлами Департамента, чрезъ что неизбѣжно замедляется движеніе сихъ послѣднихъ». Для устраненія этого неудобства Великій Князь призналъ необходимымъ распредѣлить дѣла Департамента Государственной Экономіи между двумя Статсъ-Секретарями, изъ которыхъ одинъ завѣдывалъ бы дѣлами собственно по смѣтной части, а другой—дѣлами по части законодательной.

По штату Государственной Канцеляріи того времени полагалось всего пять Статсъ-Секретарей. Одинъ изъ нихъ *(П. А. Зубовъ)* считался прежде, собственно, въ Военномъ Департаментѣ, но завѣдывалъ уголовными и дворянскими дѣлами въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ. Въ 1862 году признано было возможнымъ поручить управленіе всѣми дѣлами этого послѣдняго Департамента одному Статсъ-Секретарю, и затѣмъ Высочайше разрѣшено, не замѣщая вакансіи Статсъ-Секретаря по Военному Департаменту, присвоенное этой должности содержаніе (5.078 р.) распредѣлять между наиболѣе достойными и нуждающимися Помощниками Статсъ-Секретаря, по ближайшему усмо-

трѣнію Государственнаго Секретаря. Такое Высочайшее повелѣніе исходатайствовано было во вниманіе къ крайне ограниченному содержанію (всего 2.000 р.), присвоенному должности Помощника Статсъ-Секретаря, занимаемой почти исключительно людьми, не имѣющими никакого собственнаго состоянія. Въ виду этого теперь, съ замѣщеніемъ вакансіи Статсъ-Секретаря, испрашивался отпускъ ежегодной суммы въ 5.000 р. на добавочное содержаніе Помощниковъ Статсъ-Секретаря и вообще на усиленіе штатныхъ средствъ Государственной Канцеляріи, по случаю увеличившихся ея занятій.

Всѣ эти предположенія Предсѣдателя Государственнаго Совѣта получили Высочайшее одобреніе, и затѣмъ, съ 15 Мая 1867 года, Отдѣленіе Государственной Экономіи было раздѣлено на два: смѣтное и законодательное. Статсъ-Секретаремъ по *смѣтной* части былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ *Пановъ*, о которомъ Государственный Секретарь далъ слѣдующій отзывъ: «Обладая обширными познаніями и опытностью по смѣтной части и отличаясь замѣчательнымъ трудолюбіемъ, онъ посвятилъ, можно сказать, всю свою жизнь служенію Престолу и Отечеству, причемъ безукоризненно честными, добросовѣстными и самоотверженными трудами по разсмотрѣнію государственныхъ росписей, равно какъ испрашивавшихся постоянно разными вѣдомствами сверхсмѣтныхъ кредитовъ, сберегъ государству не одинъ милліонъ рублей».[75] Статсъ-Секретаремъ по *законодательной* части былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ (нынѣ Сенаторъ) Михаилъ Павловичъ *Веселовскій*.

Вскорѣ послѣ того оставилъ службу въ Государственной Канцеляріи Статсъ-Секретарь Департамента Законовъ *С. И. Зарудный*, назначенный Сенаторомъ. Преемникомъ его, по ходатайству Д. М. Сольскаго, былъ назначенъ, 1 Января 1869 года, старшій чиновникъ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Егоръ Абрамовичъ *Перетцъ*,

десять лѣтъ спустя замѣнившій Д. М. Сольскаго на посту Государственнаго Секретаря. Вотъ какъ самъ Егоръ Абрамовичъ разсказываетъ объ этомъ назначеніи:

«Лѣтомъ 1868 года Сольскій пріѣхалъ къ Перетцу и объявилъ, что имѣетъ до него серьезное дѣло...

«С. И. Зарудный попросился въ Сенаторы, и Сольскій пріѣхалъ къ Перетцу, чтобы предложить мѣсто Заруднаго. Перетцъ принялъ предложеніе съ радостью, и въ исходѣ Декабря 1868 года указы о немъ и о Зарудномъ были подписаны».

Извѣщая объ этомъ Е. А. Перетца, Д. М. Сольскій писалъ ему, 30 Декабря 1868 года:

«Сегодня подписанъ Высочайшій указъ о назначеніи Васъ, любезный Егоръ Абрамовичъ, 1 Января, исправляющимъ должность Статсъ-Секретаря Департамента Законовъ. Я не имѣю надобности говорить Вамъ, какъ я этому счастливъ и какъ искренно поздравляю... *себя* съ этимъ назначеніемъ... Вамъ придется съ 1-го числа вступить въ должность, и нужно предварительно одуматься. Вы бы очень хорошо сдѣлали, если бы завтра заѣхали къ С. И. Зарудному условиться съ нимъ относительно передачи должности и дѣлъ. Я обѣщалъ ему, что попрошу Васъ объ этомъ.

«Относительно сохраненія за Вами получаемаго Вами добавочнаго содержанія 800 р. я говорилъ уже съ Великимъ Княземъ и Министромъ Финансовъ, и Его Высочество, и М. Х. Рейтернъ изъявили по этому предмету полное согласіе, и въ будущій понедѣльникъ будетъ объ этомъ доложено Государю.

«Итакъ, мы опять вмѣстѣ».

На слѣдующій день Е. А. Перетцъ получилъ отъ Предсѣдателя Департамента Законовъ, барона *М. А. Корфа*, слѣдующую записку, объясняющую порядокъ департаментскаго дѣлопроизводства и докладовъ:

«Засѣданія Департамента Законовъ бываютъ обыкновенно по субботамъ, въ 12½ часовъ. Въ тотъ же день,

передъ засѣданіемъ, въ 11 часовъ, Статсъ-Секретарь Департамента пріѣзжаетъ къ Предсѣдателю, для нужныхъ объясненій по дѣламъ, назначеннымъ къ слушанію. По обязательному дозволенію Сергія Ивановича (Заруднаго) при этихъ объясненіяхъ присутствовалъ всегда и мой сынъ.

Парадная форма Статсъ-Секретаря.

«Въ субботу же, послѣ засѣданія, Предсѣдателю представляется (за подписью одного изъ экспедиторовъ) вѣдомость о дѣлахъ, вновь поступившихъ въ теченіе недѣли и вообще остающихся по Департаменту недоложенными. Проекты журналовъ присылаются отъ Статсъ-Секретаря Предсѣдателю по мѣрѣ ихъ изготовленія и просмотра Государственнымъ Секретаремъ. По просмотрѣ Предсѣдателемъ, важнѣйшіе и болѣе сложные проекты журналовъ печатаются и разсылаются къ Членамъ въ корректурныхъ экземплярахъ, прочіе же или представляются къ подписанію во время засѣданій, или также разсылаются, для подписи, по домамъ и потомъ печатаются для Общаго Собранія.

«Для выиграніе времени при дальности разстояній, курьеру Статсъ-Секретаря, присылаемому къ Предсѣдателю съ бумагами, всегда приказывается спрашивать: не будетъ ли отвѣта или обратной посылки? Въ видахъ экономіи и для такого же выиграніе времени, у насъ съ Сергіемъ Ивановичемъ были заведены конверты съ *оборотными* надписями, которые и теперь могутъ идти въ ходъ, съ маленькою (рукописною) перемѣною въ адресѣ. Всякая формальность въ обоюдныхъ сношеніяхъ Предсѣдателя съ Статсъ-Секретаремъ строго отстранена. Въ запискахъ отъ одного къ другому не нужно ни какихъ-либо титулатуръ,

ни подписей, которыя подразумѣваются въ адресѣ. Время наше можетъ быть съ большею пользою употреблено для дѣла.

«Въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ постоянно должно имѣть въ виду, что Предсѣдатель Департамента есть только руководитель засѣданій и ихъ результатовъ; начальникъ же Канцеляріи есть исключительно Государственный Секретарь. Грань эту могутъ проложить и установить лишь собственный высшій тактъ и взаимная пріязнь».

По случаю увольненія С. И. Заруднаго отъ должности Статсъ-Секретаря, чиновники Отдѣленія Законовъ, желая «почтить память какъ совмѣстнаго съ нимъ служенія, такъ и долголѣтнихъ трудовъ его по юридической части и общеполезнымъ дѣламъ», пожертвовали 1.850 р. и ходатайствовали объ учрежденіи на проценты съ этой суммы (считая по 5½%) въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, мѣстѣ воспитанія Заруднаго, ежегодной преміи въ 101 р. 75 к. за лучшее сочиненіе по юридической части, съ присвоеніемъ ей названія: «премія Сергія Заруднаго». На это ходатайство послѣдовало Высочайшее соизволеніе.[76]

Внимательно слѣдя за дѣлопроизводствомъ Государственной Канцеляріи, Государственный Секретарь вскорѣ убѣдился, что множество дѣлъ, важность и сложность поступающихъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта законопроектовъ, требующихъ всесторонней и внимательной разработки, наконецъ, и самое количество механическаго труда— переписки докладовъ, журналовъ и исходящихъ бумагъ— далеко не соотвѣтствовали тогдашнимъ средствамъ Государственной Канцеляріи. Число чиновъ Канцеляріи и оклады ихъ содержанія, опредѣленные штатомъ 1838 года, отвѣчали какъ тогдашнему кругу ея дѣятельности, такъ и матеріальнымъ потребностямъ жизни того времени. Но въ

теченіе тридцати лѣтъ обстоятельства значительно измѣнились. Изъ отчетовъ за 1856—1867 гг. видно, что въ 1856 году въ производствѣ Канцеляріи было по Отдѣленіямъ: Законовъ—79, Гражданскому—201 и Экономіи—334 дѣла, всего 614 дѣлъ; въ 1867 году поступило въ Отдѣленія: Законовъ—203, Гражданское—477 и Экономіи—1,020 дѣлъ, всего 1,700, т. е. болѣе противъ 1856 года въ $2^1/_2$ раза. Но если, съ одной стороны, такое значительное увеличеніе числа дѣлъ усилило дѣятельность Канцеляріи, то, съ другой стороны, еще большее вліяніе на развитіе этой дѣятельности имѣла важность вносимыхъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта вопросовъ, вызванныхъ преобразованіями 60-хъ годовъ. Законодательныя работы, а также разсмотрѣніе финансовыхъ смѣтъ Министерствъ и Главныхъ Управленій и ежегодно возраставшее количество представленій о сверхсмѣтныхъ кредитахъ, до такой степени усложняли занятія Государственной Канцеляріи, что составъ ея оказывался крайне недостаточнымъ для успѣшнаго хода дѣлъ. Между тѣмъ, чины Канцеляріи продолжали пользоваться скуднымъ содержаніемъ по штату, изданному за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ, тогда какъ чины прочихъ вѣдомствъ стали уже давно получать за свои труды вознагражденіе въ размѣрѣ гораздо большемъ.[77] Въ виду этого, Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, по ходатайству Д. М. Сольскаго, испросилъ всеподданнѣйшимъ докладомъ дополнительное ассигнованіе на 1868 и 1869 годы по 10.000 р. для усиленія штатныхъ суммъ Государственной Канцеляріи. Затѣмъ, имѣя въ виду, что развитіе дѣятельности Государственнаго Совѣта и важность вносимыхъ въ Совѣтъ проектовъ по законодательной и финансовой частямъ требуютъ отъ дѣлопроизводителей не только неутомимаго усердія къ службѣ, но и опытности, познаній и природныхъ дарованій; что, при всеобщей дороговизнѣ на предметы первой необходимости въ Петербургѣ, скудное содержаніе, получаемое чиновниками Государственной Канцеляріи, недостаточно

на покрытіе расходовъ даже весьма скромнаго домашняго обихода, а между тѣмъ, при многочисленности и трудности своихъ занятій, чиновники эти рѣдко могутъ посторонними трудами увеличивать свои средства къ жизни, и что если бы даже они и могли часть своего времени посвящать для другихъ прибыльныхъ занятій, то допускать это не всегда представляется удобнымъ по самому характеру и свойству службы въ Государственной Канцеляріи,—Государственный Секретарь призналъ необходимымъ уравнять содержаніе чиновниковъ Государственной Канцеляріи съ тѣмъ, какое получается служащими въ другихъ высшихъ установленіяхъ, и въ 1869 году внесъ на законодательное разсмотрѣніе проектъ новаго штата Государственной Канцеляріи. Этотъ проектъ и удостоился Высочайшаго утвержденія 31 Декабря 1869 года.

По новому штату для удовлетворенія служебныхъ потребностей дѣлопроизводства собственно Государственнаго Совѣта назначены были должности: 5 Статсъ-Секретарей, съ годовымъ окладомъ по 7.000 р. каждому, 7 Помощниковъ Статсъ-Секретаря, съ содержаніемъ по 4.500 р. въ годъ, 10 дѣлопроизводителей съ окладомъ въ 2.400 р., 10 ихъ помощниковъ: 6 старшихъ—по 1.500 р. и 4 младшихъ—по 1.200 р. въ годъ и 3 секретарей при Предсѣдателяхъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта, съ окладомъ въ размѣрѣ 1.800 р. каждому. Сверхъ того, въ распоряженіе Государственнаго Секретаря ассигнована была ежегодная сумма въ 20.000 р. на вознагражденіе журналистовъ, 7 ихъ помощниковъ и 12 чиновниковъ для письма. На практикѣ содержаніе этихъ чиновъ опредѣлилось въ размѣрѣ: для первыхъ—825 р., для вторыхъ—715 р. и для третьихъ—605 р. въ годъ.

Такимъ образомъ, изъ штата Государственной Канцеляріи исключены были экспедиторы, переименованные теперь въ дѣлопроизводителей, и актуаріусы, переименованные въ чиновниковъ для письма.

Штатъ 1869 года, во вниманіе къ переходному, вслѣдствіе предпринятыхъ общихъ реформъ, положенію дѣлопроизводства Государственнаго Совѣта, былъ утвержденъ лишь въ видѣ временной мѣры, на три года. Предполагалось, что по минованіи этого срока въ достаточной степени выяснятся служебныя потребности Государственной Канцеляріи и окажется возможность установить, сообразно указаніямъ опыта, постоянный штатъ, вполнѣ соотвѣтствующій интересамъ службы въ Канцеляріи и значенію производимыхъ въ ней работъ. Ожиданія эти, однако, не оправдались: практика послѣдовавшихъ затѣмъ лѣтъ не установила тѣхъ данныхъ, которыя могли бы послужить твердымъ основаніемъ для составленія постояннаго штата. Поэтому Высочайше утвержденными 30 Декабря 1872 и 31 Декабря 1874 года мнѣніями Государственнаго Совѣта срокъ дѣйствія временнаго штата былъ продолженъ сначала до 1 Января 1875 года, а потомъ—до 1 Января 1877 года; 11 же Января 1877 года состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта о томъ, чтобы дѣйствіе этого штата, со всѣми сдѣланными въ немъ перемѣнами и дополненіями, продлить до тѣхъ поръ, пока состояніе дѣлопроизводства Государственнаго Совѣта дозволитъ изданіе для Государственной Канцеляріи постояннаго штата.

Въ связи съ составленіемъ новаго штата Государственной Канцеляріи возбужденъ былъ также вопросъ о классѣ должности и разрядѣ по мундиру Статсъ-Секретарей Государственнаго Совѣта. Въ самомъ началѣ 1869 года Статсъ-Секретарь Департамента Государственной Экономіи Пановъ представилъ Государственному Секретарю записку, въ которой, ссылаясь на прежніе штаты, доказывалъ, что «едва ли было бы правильно присвоивать Статсъ-Секретарямъ высшій разрядъ по мундиру противъ Директоровъ Департаментовъ, въ особенности въ настоящее время, когда Статсъ-Секретари или исправляющіе ихъ должность по окладамъ содер-

жанія сравнены только съ Вице-Директорами». На этой запискѣ Д. М. Сольскій написалъ:

«Принимая во вниманіе: 1) что въ приложенномъ къ Уставу о службѣ отъ правительства росписанію о мундирахъ мундиръ III класса присвоенъ *Статсъ-Секретарямъ и равнымъ должностямъ*, а мундиръ IV разряда — *исправляющимъ должность* Статсъ-Секретарей Государственнаго Совѣта, и 2) что Статсъ-Секретари Зарудный, Ренненкампфъ и Есиповичъ постоянно носили мундиръ III разряда, присутствовали въ немъ при засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта и имѣли счастье въ этой формѣ неоднократно представляться Государю Императору,— я не нахожу достаточныхъ основаній къ отступленію отъ установившагося въ семъ отношеніи порядка и посему, съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, предлагаю г. Статсъ-Секретарю Департамента Экономіи носить форму, одинаковую съ прочими Статсъ-Секретарями Государственнаго Совѣта».

Мундиръ
Помощника Статсъ-Секретаря.

Соотвѣтственно этому, въ штатѣ 31 Декабря 1869 года было положительно установлено, что Статсъ-Секретари полагаются въ III классѣ, а исправляющіе должность Статсъ-Секретаря — въ IV классѣ.

До изданія новаго штата Государственной Канцеляріи въ распоряженіи Государственнаго Секретаря всегда находились особыя суммы, остававшіяся частью отъ временнаго незамѣщенія нѣкоторыхъ штатныхъ должностей, частью же отъ средствъ, отпускавшихся на усиленіе содержанія чиновниковъ. Эти свободныя суммы обращались на выдачу посо-

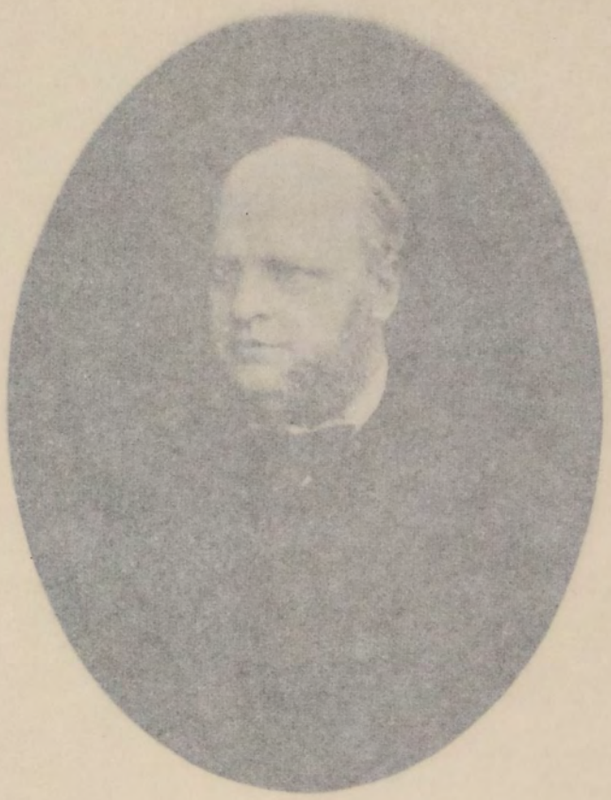
бій тѣмъ изъ младшихъ чиновъ Канцеляріи, которые по особымъ обстоятельствамъ, напр. болѣзни, смерти членовъ семейства и т. п., заслуживали особаго денежнаго вспомоществованія. Послѣ введенія въ дѣйствіе новаго штата постоянныхъ средствъ для выдачи подобныхъ пособій уже не оказалось, такъ какъ вся ассигнуемая по штату сумма должна была расходоваться на содержаніе штатныхъ чиновниковъ; обходиться безъ всякихъ средствъ для выдачи единовременныхъ пособій чиновникамъ въ исключительныхъ случаяхъ было, однако, крайне затруднительно, особенно въ отношеніи младшихъ чиновъ Канцеляріи. получавшихъ небольшое содержаніе. Между тѣмъ, Д. М. Сольскій относился къ нуждамъ этихъ чиновъ съ особенною заботливостью. «Положеніе этихъ чиновниковъ», писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ докладовъ Предсѣдателю Государственнаго Совѣта, «заслуживаетъ особаго вниманія. При настоящихъ высокихъ цѣнахъ на первыя жизненныя потребности, они обезпечены весьма скудно. Работа, на нихъ лежащая, хотя до нѣкоторой степени механическая, требуетъ, однако, по самому свойству дѣла, особенной отчетливости и, по временамъ, крайней спѣшности. Къ сожалѣнію, часто повторяющіеся примѣры душевныхъ болѣзней въ этой сравнительно малочисленной средѣ должны, кажется, убѣдить, что жизнь этихъ тружениковъ не легка ни со стороны матеріальной, ни со стороны нравственной»... Въ виду этого Государственный Секретарь призналъ необходимымъ при назначеніи указаннымъ чиновникамъ окладовъ содержанія изъ предоставленной въ его распоряженіе валовой суммы въ 20.000 р. опредѣлить размѣръ этихъ окладовъ такимъ образомъ, чтобы образовался нѣкоторый остатокъ, могущій служить для выдачи тѣмъ же лицамъ, въ теченіе года, чрезвычайныхъ пособій, по мѣрѣ необходимости. Такъ какъ семейное и домашнее положеніе этихъ лицъ было всего ближе извѣстно ихъ товарищамъ, которые, слѣдовательно, могли съ наибольшею достовѣрностью судить объ ихъ нуждѣ, то Д. М. Сольскій предо-

ставилъ чиновникамъ, имѣющимъ право на этого рода пособія, избрать изъ своей среды нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ, которымъ и поручить разсмотрѣніе просьбъ о выдачѣ пособій и представленіе заключеній о томъ, должно ли быть выдано пособіе, въ какомъ размѣрѣ, безвозвратно или заимообразно, и въ послѣднемъ случаѣ—на какихъ условіяхъ. Эти заключенія должны были приводиться въ исполненіе съ утвержденія Статсъ-Секретарей. Затѣмъ, если къ концу года оказывался остатокъ отъ назначенной на пособія суммы, то онъ распредѣлялся между всѣми имѣвшими право на пользованіе этою суммою чиновниками въ видѣ процентной прибавки къ ихъ содержанію.

Въ тѣхъ же видахъ улучшенія матеріальнаго положенія младшихъ чиновъ Государственной Канцеляріи Д. М. Сольскій весьма сочувственно отнесся къ возникшей въ ихъ средѣ, въ началѣ 70-хъ годовъ мысли объ учрежденіи для своихъ потребностей ссудо-сберегательной кассы. Для составленія проекта устава этой кассы были выбраны представители отъ всѣхъ Отдѣленій Канцеляріи; затѣмъ выработанный ими проектъ былъ разсмотрѣнъ, по порученію Государственнаго Секретаря, особою Коммисіею изъ высшихъ чиновъ Канцеляріи, подъ предсѣдательствомъ управлявшаго Отдѣленіемъ Дѣлъ Государственнаго Секретаря Статсъ-Секретаря (нынѣ—Членъ Государственнаго Совѣта) *И. И. Шамшина*. Въ 1877 году Государь Императоръ, по докладу Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Высочайше соизволилъ разрѣшить Государственному Секретарю утвердить составленные Коммисіею уставъ и правила кассы и передать для первоначальнаго образованія ея запаснаго капитала 2.000 р. изъ имѣвшихся въ распоряженіи Государственнаго Секретаря суммъ. Уставъ и правила кассы были утверждены Д. М. Сольскимъ 10 Мая 1877 года.

Почти одновременно съ утвержденіемъ для Государственной Канцеляріи новаго штата послѣдовало нѣкоторое сокращеніе дѣятельности Государственнаго Совѣта, конечно,

отразившееся и на объемѣ занятій Государственной Канцеляріи. Именно, Высочайше утвержденнымъ 29 Мая 1869 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта было вовсе прекращено внесеніе въ Совѣтъ многихъ судебныхъ дѣлъ изъ Сената. Кромѣ того, вслѣдствіе судебной реформы и облегчительныхъ мѣръ, принятыхъ по судопроизводству въ судебныхъ мѣстахъ прежняго устройства, стало все болѣе и болѣе уменьшаться и число дѣлъ, поступавшихъ на разсмотрѣніе Гражданскаго Департамента, такъ что возникало даже предположеніе о возможности уменьшенія состава Гражданскаго Отдѣленія Канцеляріи и, въ частности, объ упраздненіи одной изъ пяти должностей Статсъ-Секретарей. Далѣе, согласно Высочайше утвержденному 30 Марта 1870 года мнѣнію Государственнаго Совѣта, Министрамъ Финансовъ и Государственныхъ Имуществъ было предоставлено разрѣшать собственною властью выдачу привилегій на открытія и изобрѣтенія, безъ представленія о нихъ Государственному Совѣту. Вскорѣ затѣмъ, однако, труды Государственной Канцеляріи, нѣсколько уменьшившіеся вслѣдствіе указанныхъ измѣненій въ порядкѣ движенія дѣлъ, снова расширились: въ 1873 году при Государственномъ Совѣтѣ было учреждено Особое Присутствіе для предварительнаго разсмотрѣнія проектовъ Устава о воинской повинности и Положенія о призывѣ государственнаго ополченія. Присутствіе это было образовано, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича, изъ Предсѣдателей и Членовъ Департаментовъ Законовъ и Государственной Экономіи и нѣкоторыхъ другихъ Членовъ Государственнаго Совѣта. По утвержденіи Устава о воинской повинности, 4 Января 1874 года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы Присутствіе оставалось при Государственномъ Совѣтѣ, на правахъ Департамента, для предварительнаго разсмотрѣнія законодательныхъ предположеній, состоящихъ въ связи съ установленіемъ общей воинской повинности, а также для разрѣшенія такихъ вопросовъ и сомнѣній по

Д. М. Сольскій

(нынѣ графъ).

Государственной Канце-
лярскимъ 29 Мая 1869 года
было вовсе прекращено
судебныхъ дѣлъ изъ Сената.
судебной реформы и облегчитель-
производству въ судебныхъ
все болѣе и болѣе
поступавшихъ на разсмотрѣніе
должно» даже пред-
Гражданскаго
объ упраздненіи
Далѣе,
1870 года
разъ-
открытія
Государственной
указан-
сила рас-
Совѣтѣ
предварительнаго
воинской повинности и
ополченія. Присут-
предсѣдательствомъ Вели-
изъ Предсѣдателей
Хозяиновъ и Государственной
Членовъ Государственнаго
Устава о воинской повинности,
1871 года последовало Высочайшее повелѣніе о
томъ, чтобы Присутствіе оставалось при Государственномъ
Совѣтѣ, на правахъ Департамента, для предварительнаго
разсмотрѣнія законодательныхъ предположеній, состоящихъ
въ связи съ установленіемъ общей воинской повинности, а
также для разрѣшенія такихъ вопросовъ и сомнѣній по

Д. М. Сольскій
(нынѣ графъ).

приведенію въ исполненіе Устава, которые, по важности своей, будутъ требовать совокупнаго обсужденія. Дѣлопроизводство Присутствія возложено было на Государственную Канцелярію, по Отдѣленію Законовъ, которымъ въ то время управлялъ Статсъ-Секретарь *Е. А. Перетцъ*. Въ такомъ видѣ Присутствіе существовало до 26 Сентября 1881 года, когда оно было закрыто, съ передачею дѣлъ, остававшихся еще неконченными, въ Департаментъ Законовъ.

Независимо отъ этого, при Государственномъ Совѣтѣ нерѣдко учреждались, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, Коммисіи и Совѣщанія для предварительнаго разсмотрѣнія различныхъ законодательныхъ вопросовъ. Такъ, по Высочайшему повелѣнію 9 Марта 1868 года при Государственномъ Совѣтѣ было учреждено, для разсмотрѣнія внесеннаго Министромъ Финансовъ проекта общаго таможеннаго тарифа по Европейской торговлѣ, Особое Соединенное Присутствіе, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Департамента Государственной Экономіи генералъ-адъютанта *Чевкина*, изъ нѣкоторыхъ Членовъ названнаго Департамента и Комитета Финансовъ. Завѣдываніе дѣлопроизводствомъ Присутствія было возложено на Статсъ-Секретаря *Заблоцкаго-Десятовскаго*, а въ помощь ему были назначены: Помощникъ Статсъ-Секретаря *Измайловъ*, экспедиторъ Государственной Канцеляріи (нынѣ—Статсъ-Секретарь Его Императорскаго Величества, Членъ Государственнаго Совѣта) *Куломзинъ* и причисленный къ Канцеляріи коллежскій ассесоръ баронъ *Нолькенъ*. По окончаніи работъ Присутствія, Государственный Секретарь, свидѣтельствуя объ особыхъ трудахъ названныхъ лицъ, дающихъ имъ право на отличіе, въ особенности считалъ долгомъ обратить Высочайшее вниманіе на Помощника Статсъ-Секретаря Измайлова. «Этотъ вполнѣ достойный, усердный и полезный дѣятель Государственной Канцеляріи, отличающійся замѣчательными способностями», писалъ о

немъ Д. М. Сольскій, «непосредственно участвуя въ приготовленіи къ докладу и самомъ докладѣ дѣлъ Присутствія, а также въ редактированіи журналовъ, выказалъ при этомъ всю свою энергическую дѣятельность, основательныя познанія и необыкновенное трудолюбіе, соединенное съ быстротою и легкостью работы». Для Измайлова испрашивалось и было ему назначено добавочное содержаніе по 1.200 р. въ годъ, пока онъ будетъ состоять на службѣ. А. Н. Куломзинъ,—«прекрасно образованный молодой человѣкъ, обладающій обширными познаніями по части политической экономіи, весьма полезный и усердный по дѣлопроизводству Присутствія и могущій съ пользою для дѣла занять впослѣдствіи высшую должность»,—былъ награжденъ слѣдующимъ чиномъ. Баронъ В. Е. Нолькенъ (нынѣ—графъ Рейтернъ баронъ Нолькенъ, Членъ Государственнаго Совѣта по выборамъ) получилъ званіе Камеръ-Юнкера Высочайшаго Двора. На денежныя награды младшимъ чиновникамъ, занимавшимся весьма обширною и спѣшною перепискою журналовъ и другихъ бумагъ по тарифному дѣлу, было, по ходатайству Государственнаго Секретаря, отпущено 3.000 р.

Въ 1876 году, при разсмотрѣніи представленія Министра Финансовъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ Положеніи о С.-Петербургскомъ Технологическомъ Институтѣ, въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта послѣдовало разногласіе по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли предоставить воспитанникамъ этого Института, окончившимъ въ немъ курсъ наукъ, право на чины. Большинство Членовъ полагало предоставить это право при поступленіи въ гражданскую службу всѣмъ, удостоеннымъ степени инженеръ-технолога или званія технолога, а 4 Члена признавали болѣе правильнымъ ограничиться предоставленіемъ права на чины тѣмъ только изъ окончившихъ курсъ, которые вступятъ въ государственную службу на штатныя техническія должности или займутъ мѣста преподавателей техническихъ наукъ въ спеціальныхъ

или реальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Государь Императоръ на поднесенной Ему по этому дѣлу меморіи противъ мнѣнія 4-хъ Членовъ изволилъ начертать: «И Я, тѣмъ болѣе, что имѣю въ виду распространить эту мѣру и на всѣ прочія учебныя заведенія гражданскаго вѣдомства». По всеподданнѣйшему докладу Предсѣдателя Государственнаго Совѣта о мѣрахъ къ осуществленію приведенной резолюціи, Высочайше повелѣно было образовать подъ предсѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта Статсъ-Секретаря *Делянова* особую Коммисію для пересмотра существующихъ постановленій, опредѣляющихъ права на чины и другія по гражданской службѣ преимущества воспитанниковъ различныхъ учебныхъ заведеній. Въ виду предстоявшихъ значительныхъ работъ по выполненію возложеннаго на эту Коммисію порученія, Статсъ-Секретарь Деляновъ просилъ Государственнаго Секретаря командировать Помощника Статсъ-Секретаря *Евреинова* для завѣдыванія дѣлопроизводствомъ Коммисіи, съ назначеніемъ его ея Членомъ. Евреиновымъ были собраны подробныя свѣдѣнія о всѣхъ тѣхъ мѣрахъ, какія принимались правительствомъ въ видахъ привлеченія на гражданскую службу лицъ образованныхъ, а также и о предположеніяхъ, имѣвшихся въ виду по этому предмету. Впослѣдствіи въ эту же Коммисію была передана изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія вся переписка по вопросу о государственныхъ экзаменахъ.

Изъ другихъ подготовительныхъ совѣщаній, постоянно возникавшихъ въ средѣ Государственнаго Совѣта для разсмотрѣнія различныхъ законодательныхъ предположеній, слѣдуетъ упомянуть объ учрежденной по Высочайшему повелѣнію 15 Января 1878 года при Государственномъ Совѣтѣ особой Коммисіи для изысканія средствъ къ сокращенію государственныхъ расходовъ. Этой Коммисіи было предоставлено подвергнуть пересмотру всѣ смѣты отдѣльныхъ управленій съ цѣлью изысканія способовъ къ сокращенію расходовъ, «не стѣсняясь существующими

штатами, постановленіями и порядками». Управляющимъ дѣлами Коммисіи былъ Статсъ-Секретарь *М. С. Каханов*ъ, а дѣлопроизводителями — Помощники Статсъ-Секретаря *Измайлов*ъ, *Ренар*ъ и *Бестужевъ-Рюмин*ъ и чиновники Государственной Канцеляріи *Волков*ъ и *Зеленый*.

Съ другой стороны, чинамъ Государственной Канцеляріи нерѣдко приходилось, по назначенію Государственнаго Секретаря, принимать участіе въ различныхъ междувѣдомственныхъ Коммисіяхъ и Совѣщаніяхъ. Такъ, въ 1876 году Статсъ-Секретарь *И. И. Шамшин*ъ и исправлявшій должность Статсъ-Секретаря *В. А. Жельзников*ъ были членами образованной при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Коммисіи по вопросу о примѣненіи Городового Положенія 1870 года къ Одессѣ и городамъ Царства Польскаго.

По установленному уже ранѣе порядку, на время отсутствія Государя Императора изъ С.-Петербурга въ 70-хъ годахъ нѣсколько разъ образовывались, для разрѣшенія текущихъ дѣлъ, особыя негласныя Коммисіи, дѣлопроизводствомъ которыхъ завѣдывалъ Государственный Секретарь. Все исполненіе по этого рода Коммисіямъ лежало на обязанности Отдѣленія Дѣлъ Государственнаго Секретаря.

Въ отношеніи производства дѣлъ въ Государственной Канцеляріи Д. М. Сольскому, на первыхъ же порахъ его дѣятельности, пришлось озаботиться установленіемъ болѣе строгаго порядка. Внѣшнимъ поводомъ къ этому послужило выраженное Государемъ неудовольствіе на неряшливый видъ одной изъ поднесенныхъ Ему бумагъ. Въ самомъ концѣ Іюня 1867 года въ Государственной Канцеляріи былъ спѣшно изготовленъ къ Высочайшему подписанію проектъ указа Правительствующему Сенату о введеніи въ дѣйствіе Положенія объ управленіи Морскимъ Министерствомъ. Чиновникъ, переписывавшій этотъ довольно значительный по объему проектъ, сдѣлалъ въ немъ двѣ описки и, подскобливъ написанное, торопливо и небрежно нанесъ исправленія. Въ такомъ

видѣ, по оплошности экспедиціи, проектъ былъ посланъ Государю и возвратился отъ Него съ надписью:

«Прошу *не смѣть* представлять къ Моему подписанію указовъ съ *поправками* и *подчистками*. Требую, чтобы было взыскано съ виновныхъ въ сей оплошности».

Этимъ обстоятельствомъ былъ вызванъ слѣдующій приказъ Государственнаго Секретаря по Канцеляріи:

«Принявъ на себя предъ Его Величествомъ всю вину въ этомъ нарушеніи порядка, Всемилостивѣйше оставленномъ безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, я не могу не сознать, однако, что, при другихъ обязанностяхъ, мнѣ весьма трудно непосредственно наблюдать за канцелярскою исправностью многочисленныхъ бумагъ, заготовляемыхъ въ Государственной Канцеляріи; посему я прошу и ожидаю дѣятельной въ этомъ отношеніи помощи отъ моихъ сотрудниковъ, въ увѣренности, что они сумѣютъ оберечь себя и меня отъ повторенія случаевъ, подобныхъ бывшему. Для неуклоннаго же охраненія надлежащаго порядка считаю нужнымъ напомнить къ непремѣнному исполненію слѣдующее:

1) Согласно послѣдовавшему повелѣнію Государя Императора, въ подносимыхъ къ подписанію Его Императорскаго Величества проектахъ указовъ не допускать впредь подчистокъ и поправокъ ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ.

2) Не допускать равномѣрно, насколько это возможно, подчистокъ и поправокъ въ подлежащихъ Собственноручному Высочайшему утвержденію мнѣніяхъ Государственнаго Совѣта, положеніяхъ, штатахъ и т. п.

3) За точное исполненіе означенныхъ въ пп. 1 и 2 правилъ, равно какъ и вообще за исправность внѣшняго вида и вѣрность изложенія всѣхъ бумагъ, представляемыхъ мнѣ для подписанія или для поднесенія Государю Императору или Его Императорскому Высочеству Предсѣдателю Государственнаго Совѣта, отвѣчаютъ гг. Статсъ-Секретари или исправляющіе ихъ должность, управляющіе Отдѣле-

ніями, въ коихъ бумаги заготовляются. На что именно слѣдуетъ въ особенности обращать вниманіе при повѣркѣ бумагъ, подробно указано въ приказѣ Государственнаго Секретаря 27-го Февраля 1852 года, которымъ прошу въ точности руководствоваться.[78]

4) Непосредственный надзоръ за правильностью и чистотою переписки бумагъ гг. Статсъ-Секретари возлагаютъ на своихъ Помощниковъ, экспедиторовъ и другихъ чиновниковъ, по ближайшему усмотрѣнію, съ тѣмъ, чтобы: а) всякая начисто переписанная бумага, мнѣ представляемая, была прочитана и повѣрена, кромѣ Статсъ-Секретаря, по крайней мѣрѣ однимъ изъ вышеозначенныхъ лицъ, и б) чтобы въ Отдѣленіяхъ всегда отмѣчалось, кому изъ сихъ лицъ было поручено ближайшее наблюденіе за исправностью той или другой бумаги. Принятіе дополнительныхъ мѣръ осторожности, для предупрежденія неисправностей въ бумагахъ особенно важныхъ, какъ-то: подносимыхъ къ Высочайшему утвержденію или подписанію, также содержащихъ въ себѣ объявленіе Высочайшихъ повелѣній и т. п., зависитъ отъ усмотрѣнія гг. Статсъ-Секретарей.

5) Въ случаѣ, если переписанныя уже бумаги будутъ возвращены отъ меня съ исправленіями, требующими подчистокъ или переписки вновь, все исправленное или вновь переписанное должно быть просмотрѣно тѣмъ же порядкомъ, какъ означено въ предшедшемъ пунктѣ.

6) Приложенія къ меморіямъ, подлежащія Собственноручному Высочайшему подписанію или утвержденію, прошу доставлять мнѣ на просмотръ заблаговременно, именно, при обыкновенномъ порядкѣ, *не позже четверга;* для чего и передавать ихъ въ четвергъ утромъ въ Отдѣленіе Дѣлъ Государственнаго Секретаря.

«Отдѣленію Дѣлъ Государственнаго Секретаря должно принадлежать общее наблюденіе за исправностью всѣхъ бумагъ, исходящихъ отъ меня, въ особенности же представляемыхъ мною Государю Императору или Его Высочеству

Предсѣдателю Государственнаго Совѣта. Для сего всѣ бумаги, доставляемыя изъ другихъ Отдѣленій, должны быть здѣсь просматриваемы, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Управляющаго Отдѣленіемъ, однимъ изъ чиновниковъ по его назначенію, съ цѣлью удостовѣренія, нѣтъ ли въ нихъ неисправностей противъ канцелярскаго порядка.

«Всѣ бумаги, мною подписанныя или отъ меня возвращенныя, предъ отправленіемъ по назначенію, должны быть вновь просматриваемы, а бумаги, слѣдующія къ представленію Государю Императору, *послѣ меня еще разъ прочитываемы,* для удостовѣренія, все ли какъ слѣдуетъ измѣнено по сдѣланнымъ мною отмѣткамъ, и не остается ли въ нихъ какихъ либо неисправностей.

«Меморіи Государственнаго Совѣта и другія представляемыя одновременно съ ними бумаги стараться присылать для прочтенія по возможности ранѣе, хотя бы частями».

Государственный Секретарь не только напомнилъ чинамъ Канцеляріи о приказѣ Н. И. Бахтина 1852 года, но и призналъ нужнымъ вновь предложить къ руководству изданную Бахтинымъ въ 1850 году инструкцію относительно канцелярскаго порядка, конечно, съ соотвѣтствующими измѣненіями и дополненіями.

Ко времени управленія Государственною Канцеляріею Д. М. Сольскаго относится первый отчетъ по Государственному Совѣту, представленный Государю Императору въ печатномъ экземплярѣ. Въ прежнее время отчеты эти обыкновенно подносились Его Величеству дважды въ годъ: передъ наступленіемъ лѣтнихъ вакацій — полугодовой, а по закрытіи засѣданій передъ Новымъ Годомъ — годовой. Д. М. Сольскій, въ измѣненіе этого порядка, съ разрѣшенія Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, распорядился составленіемъ и напечатаніемъ одного общаго отчета за 1869 годъ. Отчетъ

этотъ дѣлится на двѣ самостоятельныя части. Первая, подписанная Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, заключаетъ въ себѣ краткое изложеніе важнѣйшихъ разсмотрѣнныхъ Совѣтомъ въ теченіе года дѣлъ законодательныхъ, по государственному хозяйству и судебныхъ, а также свѣдѣнія о перемѣнахъ въ личномъ составѣ Совѣта и о работахъ Государственной Канцеляріи. Вторая часть, подписанная Государственнымъ Секретаремъ, состоитъ изъ списка узаконеній, Высочайше утвержденныхъ въ отчетную сессію Государственнаго Совѣта, и свѣдѣній о службѣ скончавшихся въ 1869 году Членовъ Совѣта. Изложеніе дѣлъ въ этомъ первомъ отчетѣ отличается особенною сжатостью, такъ что первая часть обнимаетъ всего 133 страницы, весь же отчетъ не превышаетъ 177 страницъ. Отчеты за слѣдующіе годы были редактированы, вообще, по той же системѣ, но объемъ ихъ изъ года въ годъ увеличивался, отчасти въ зависимости отъ большого числа включавшихся въ отчеты дѣлъ, отчасти отъ увеличенія приложеній.[79] Въ видахъ наиболѣе правильнаго выбора дѣлъ, входящихъ въ текстъ отчета, и достиженія возможно лучшаго ихъ изложенія, а также полноты и точности заключающихся въ особыхъ, прилагаемыхъ къ отчету, вѣдомостяхъ свѣдѣній о дѣлахъ Государственнаго Совѣта, Д. М. Сольскимъ были установлены подробныя правила, изъ которыхъ видно, что проекты отдѣльныхъ статей отчета составлялись въ разныхъ Отдѣленіяхъ, по принадлежности, и сдавались въ Отдѣленіе Дѣлъ, гдѣ отчетъ получалъ окончательную обработку подъ наблюденіемъ Государственнаго Секретаря.

Д. М. Сольскому принадлежитъ также мысль объ устройствѣ при Государственномъ Совѣтѣ справочной библіотеки для Членовъ Совѣта и чиновъ Государственной Канцеляріи. Мысль эта получила осуществленіе, сначала въ очень скромныхъ размѣрахъ, въ 1876 году. Съ тѣхъ поръ, постепенно пополняясь новыми книгами и періодическими изданіями, библіотека эта въ настоящее время представляется уже до-

вольно обширною и вполнѣ удовлетворяетъ преднамѣченной для нея цѣли.

Вмѣстѣ съ заботою о библіотекѣ, Д. М. Сольскій энергично подвинулъ впередъ работы по описанію архива Государственнаго Совѣта, начатыя уже довольно давно, но не дававшія пока осязательныхъ результатовъ.

Мысль о составленіи и изданіи описанія архива Государственнаго Совѣта принадлежала профессору С.-Петербургской Духовной Академіи *И. А. Чистовичу*, который, въ Октябрѣ 1862 года, представилъ Государственному Секретарю В. П. Буткову подробную объ этомъ предметѣ записку. Государственный Секретарь, съ своей стороны, сообщилъ эту записку Предсѣдателю Государственнаго Совѣта графу Д. Н. Блудову, предлагая поручить исполненіе намѣченной задачи извѣстному ученому архивисту (впослѣдствіи—Сенатору) *Н. В. Калачеву* и назначить ближайшимъ ему помощникомъ Чистовича. По всеподданнѣйшему докладу графа Блудова, Калачевъ и Чистовичъ были тогда же причислены къ Государственной Канцеляріи, съ порученіемъ заняться систематическимъ изученіемъ и описаніемъ дѣлъ архива, съ тѣмъ, чтобы вся эта работа находилась въ завѣдываніи Государственнаго Секретаря, подъ высшимъ наблюденіемъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта. При ближайшемъ обсужденіи плана описанія, занятія между редакторами были распредѣлены такимъ образомъ, что на Калачева возложено, сверхъ общей редакціи, описаніе журналовъ, протоколовъ и другихъ матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ Государственнаго Совѣта собственно со времени «Образова-

Н. В. Калачевъ.

нія» 1810 года, съ подраздѣленіемъ этого описанія по царствованіямъ, а на Чистовича—описаніе матеріаловъ, относящихся къ дѣятельности прежнихъ Совѣтовъ до 1810 года (при Императрицѣ Екатеринѣ II, Императорѣ Павлѣ I и въ началѣ царствованія Императора Александра I). При этомъ каждому редактору вмѣнено было въ обязанность имѣть въ виду не только составленіе подробныхъ описей или реестровъ находящимся въ архивѣ матеріаламъ, но и систематическое изложеніе самаго содержанія ихъ, съ распредѣленіемъ его, при описаніи бумагъ Государственнаго Совѣта съ 1810 года, на рубрики или группы по разнымъ отдѣламъ законодательства, а за періодъ времени съ учрежденія Совѣтовъ до 1810 года—по различію предметовъ, которые обсуждались въ прежнихъ Совѣтахъ.

Въ теченіе 1863 и 1864 годовъ работы эти производились очень медленно. Въ 1864 году скончался графъ Блудовъ; 1 Января 1865 года Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта былъ назначенъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, а Государственнымъ Секретаремъ—князь С. Н. Урусовъ. Послѣднему В. П. Бутковъ передалъ записку Калачева о работахъ по описанію архива вмѣстѣ со всѣми относившимися къ этому дѣлу бумагами, причемъ писалъ ему: «Право, было бы очень жаль, если бы этотъ трудъ былъ теперь оставленъ безъ вниманія. Онъ можетъ принести чрезвычайно много пользы; но, конечно, для этого необходимо постоянное за онымъ наблюденіе, руководство и попеченіе».

Въ виду Высочайшаго повелѣнія о сокращеніи въ 1866 году расходовъ всѣхъ вѣдомствъ до предѣловъ крайней возможности, князь Урусовъ увѣдомилъ Калачева, что необходимо на время пріостановиться продолженіемъ работъ. Калачевъ настаивалъ на продолженіи, указывая на важность этого труда и сравнительную незначительность соединенныхъ съ нимъ издержекъ и объясняя, что первый томъ «Описанія» уже приготовленъ къ печати. Настоянія Калачева увѣнчались успѣхомъ, и разсмотрѣніе предста-

вленнаго имъ труда, въ началѣ 1867 года, было, по Высочайшему повелѣнію, возложено на Членовъ Государственнаго Совѣта князя П. А. Вяземскаго и П. А. Муханова, которые признали возможнымъ отпечатать его безъ всякихъ сокращеній и выпустить въ продажу. Но дѣло опять почему-то замедлилось, и только благодаря настойчивости Д. М. Сольскаго въ 1869 году были, наконецъ, выпущены въ свѣтъ двѣ части перваго тома, подъ заглавіемъ: «Архивъ Государственнаго Совѣта» (ч. I—отдѣленіе историческое, ч. II—отдѣленіе юридическое). Въ этихъ двухъ книгахъ, редактированныхъ И. А. Чистовичемъ, помѣщены документы Совѣта Императрицы Екатерины II (1768—1796). Затѣмъ, въ 1874 году были изданы двѣ части тома IV, заключающія въ себѣ журналы Департамента Законовъ съ 1810 по 19 Ноября 1825 года, редактированные Н. В. Калачевымъ и разсмотрѣнные П. А. Мухановымъ и барономъ М. А. Корфомъ, а въ 1878 году—двѣ части тома III, «Государственный Совѣтъ 1801—1810 гг.», подъ редакціей Чистовича и съ одобренія Члена Государственнаго Совѣта И. Д. Делянова. Такимъ образомъ, въ теченіе царствованія Императора Александра II выпущено было всего шесть книгъ «Архива Государственнаго Совѣта», и всѣ эти книги были напечатаны во время управленія Государственною Канцеляріею Д. М. Сольскаго.

По Высочайшему повелѣнію, на Государственнаго Секретаря былъ возложенъ, по прежде бывшимъ примѣрамъ, разборъ бумагъ скончавшихся въ 1876 году Предсѣдателя Департамента Законовъ графа *М. А. Корфа* и Предсѣдателя Департамента Государственной Экономіи *К. В. Чевкина*. Дневникъ графа Корфа и частныя его бумаги были, съ Высочайшаго соизволенія, отданы его сыну, бумаги же оффиціальныя отосланы по принадлежности. Въ числѣ этихъ бумагъ находились и матеріалы для исторіи Императора Николая I, которые Высочайше повелѣно было препроводить къ князю С. Н. Урусову. Изъ бумагъ К. В.

Чевкина часть была передана Статс-Секретарю Жуковскому, а остальныя поступили въ Отдѣленіе дѣлъ по устройству сельскаго состоянія.

Развитіе, со второй половины 50-хъ годовъ, политической печати, начавшей высказываться относительно различныхъ вопросовъ государственной и общественной жизни, обсужденіе которыхъ было ранѣе для нея недоступно, побуждало съ особою заботливостью относиться къ сохраненію въ тайнѣ дѣлъ Государственнаго Совѣта и строго слѣдить затѣмъ, чтобы въ печати не появлялось какихъ либо разглашеній по этимъ дѣламъ.

Въ началѣ 1868 года Августѣйшимъ Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта было замѣчено, что, по роду производящихся въ Государственной Канцеляріи дѣлъ, обязанности чиновъ ея несовмѣстимы съ участіемъ въ политической печати. Вслѣдствіе этого Его Высочество поручилъ Государственному Секретарю сдѣлать распоряженіе, чтобы чиновники Канцеляріи не участвовали въ изданіи политическихъ газетъ и журналовъ и не помѣщали въ нихъ статей, за исключеніемъ только статей ученаго или беллетристическаго содержанія. Признавая необходимымъ принять такое правило на будущее время, Великій Князь Константинъ Николаевичъ обратилъ, однако, вниманіе на положеніе тѣхъ чиновниковъ Канцеляріи, которые, при несуществованіи прямого запрещенія, до того времени сотрудничали въ періодическихъ изданіяхъ. Имѣя въ виду, что для нѣкоторыхъ изъ нихъ немедленное прекращеніе литературной дѣятельности можетъ быть сопряжено съ затрудненіями, Его Высочество поручилъ Государственному Секретарю войти въ обсужденіе указанныхъ обстоятельствъ и представить соображенія о назначеніи срока, съ истеченіемъ котораго предположенное правило должно сдѣлаться обязательнымъ для этихъ лицъ. Объявляя объ

этомъ по Государственной Канцеляріи, Д. М. Сольскій предложилъ тѣмъ изъ чиновниковъ, которые участвовали въ какихъ-либо періодическихъ изданіяхъ и, по обстоятельствамъ, сочли бы себя въ правѣ просить о назначеніи имъ особаго срока, представить ему свои объясненія въ теченіе десяти дней. Однако, въ Государственной Канцеляріи не оказалось ни одного чиновника, который отозвался бы на это предложеніе Государственнаго Секретаря. Очевидно, что или никто изъ нихъ не участвовалъ въ политической печати, или, если и участвовалъ, то немедленно прекратилъ свое сотрудничество, не считая удобнымъ испрашивать для этого какой-либо особой льготы.

Что касается сообщеній, появлявшихся иногда въ печати, о тѣхъ или иныхъ законодательныхъ предположеніяхъ, то въ этомъ отношеніи еще князь С. Н. Урусовъ, въ Ноябрѣ 1866 года, въ конфиденціальномъ циркулярѣ Статсъ-Секретарямъ, поручалъ имъ «имѣть особо строгое наблюденіе, чтобы, въ предотвращеніе нескромныхъ разглашеній, появляющихся въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, печатныя записки, а равно свѣдѣнія по дѣламъ, производящимся въ Государственномъ Совѣтѣ, не были сообщаемы частнымъ лицамъ». Циркуляръ этотъ былъ предъявленъ для прочтенія всѣмъ чинамъ Канцеляріи. Не смотря, однако, на принятыя мѣры, въ газетахъ иногда все-таки печатались указаннаго рода свѣдѣнія. Это обстоятельство побудило Государственнаго Секретаря, 27 Февраля 1871 года, обратиться ко всѣмъ Статсъ-Секретарямъ Государственнаго Совѣта съ письмами слѣдующаго общаго содержанія:

«Съ нѣкотораго времени стали появляться въ газетахъ[80] заявленія о дѣлахъ, находящихся въ разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта, съ изложеніемъ, иногда весьма точнымъ и подробнымъ, существа оныхъ и съ указаніемъ даже времени доклада ихъ Государственному Совѣту.

«Не желая подозрѣвать никого изъ служащихъ въ Государственной Канцеляріи въ недозволенномъ оглашеніи

канцелярской тайны, сохраненіемъ коей они обязываются не только общею приносимою при вступленіи въ службу присягою, но и особою при поступленіи въ Государственную Канцелярію, я, тѣмъ не менѣе, долгомъ считаю покорнѣйше просить Ваше Превосходительство предупредить всѣхъ подвѣдомственныхъ вамъ чиновниковъ, что въ случаѣ обнаруженія противозаконнаго оглашенія кѣмъ-либо изъ нихъ канцелярской тайны я вынужденъ буду поступить съ виновнымъ по всей строгости закона, безъ снисхожденія».

Въ Январѣ слѣдующаго года Шефъ Жандармовъ графъ Шуваловъ, по повелѣнію Государя Императора, передалъ Государственному Секретарю о неудовольствіи Его Величества на то, что въ газетахъ появился разсказъ о засѣданіи Общаго Собранія Государственнаго Совѣта. «По всей вѣроятности»,—писалъ Д. М. Сольскій Предсѣдателю Государственнаго Совѣта,—«вниманіе Государя было обращено на статью, очерченную краснымъ карандашемъ въ прилагаемомъ при семъ № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Ваше Высочество изволите усмотрѣть, какъ невѣрно въ ней передано самое содержаніе обсуждавшагося въ Совѣтѣ дѣла,—лучшій признакъ, что статья не есть плодъ канцелярской нескромности, а писана, вѣроятно, со слуховъ, предупредить которые, при многочисленности состава Государственнаго Совѣта, совершенно невозможно».

Дѣйствительно, въ дѣлахъ Государственной Канцеляріи не только 60-хъ и 70-хъ годовъ, но и позднѣйшаго времени, нѣтъ никакихъ указаній на случаи нескромности чиновниковъ въ отношеніи дѣлъ Государственнаго Совѣта. Высочайшее замѣчаніе, переданное графомъ Шуваловымъ, является въ своемъ родѣ единственнымъ. Это всего убѣдительнѣе доказываетъ, что чиновники Государственной Канцеляріи, изъ которыхъ многіе стояли близко къ литературѣ, а иные занимали въ ней даже видное мѣсто, всегда были проникнуты сознаніемъ своего служебнаго долга.

Начиная съ 1869 года, при Главномъ Управленіи по дѣламъ печати предпринято было изданіе одной общей для всѣхъ вѣдомствъ оффиціальной газеты «Правительственный Вѣстникъ», съ возложеніемъ на Министерства и Главныя Управленія обязанности сообщать въ редакцію этой газеты всѣ по ихъ вѣдомствамъ исходящія отъ Верховной Власти повелѣнія, Высочайшіе приказы, правительственныя распоряженія и другіе всякаго рода документы, отчеты и свѣдѣнія, входящіе въ составъ и программу изданія, и съ предоставленіемъ имъ права помѣщать въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» тѣ сообщенія, какія они найдутъ нужными. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ генералъ-адъютантъ *Тимашевъ*, письмами отъ 12 Декабря 1868 и 12 Февраля 1869 года, сообщилъ Государственному Секретарю, что въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» предполагается помѣщать, между прочимъ, свѣдѣнія о предпринимаемыхъ правительствомъ законодательныхъ мѣрахъ и разъясненія тѣхъ соображеній, которыми эти мѣры вызываются. Наилучшимъ источникомъ для такихъ сообщеній могли бы служить записки съ предположеніями Министерствъ и Главныхъ Управленій, вносимыя на разрѣшеніе Государственнаго Совѣта: записки эти представляютъ вполнѣ выработанные проекты, не только съ разъясненіемъ поводовъ и обстоятельствъ, ихъ вызвавшихъ, но и съ изложеніемъ соображеній относительно возможности и способовъ удовлетворенія имѣющихся въ виду потребностей. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ полагалъ, что такія именно сообщенія соотвѣтствуютъ задачѣ правительственной газеты, разъясняя въ общественномъ мнѣніи основанія предначертываемыхъ законоположеній и тѣмъ предупреждая превратные толки, нерѣдко сопровождающіе обнародованіе правительственныхъ постановленій и распоряженій. Поэтому генералъ-адъютантъ Тимашевъ просилъ Д. М. Сольскаго своевременно сообщать въ редакцію «Правительственнаго Вѣстника» поступающія въ Государственный Совѣтъ записки, съ предоставленіемъ ей права, въ тѣхъ случаяхъ, когда это

признано будетъ возможнымъ, извлекать изъ нихъ тѣ свѣдѣнія, которыя могутъ быть сообщаемы въ этомъ изданіи.

Государственный Секретарь не встрѣчалъ съ своей стороны препятствій къ осуществленію этого предположенія, полагая, что «оглашеніе соображеній, на коихъ основываются издаваемые вновь законы, равно какъ извѣстій о предпринимаемыхъ законодательныхъ мѣрахъ, будетъ въ большинствѣ случаевъ весьма полезно, содѣйствуя правильному пониманію и исполненію законовъ, предупреждая превратные толки и давая правительству возможность, прежде окончательнаго утвержденія возникшихъ предположеній, вызывать обмѣнъ мнѣній въ печати по тѣмъ вопросамъ, которые могутъ получить такимъ путемъ лучшее разъясненіе». Но, соглашаясь съ основною мыслью Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Д. М. Сольскій находилъ, что относительно способовъ ея исполненія представляются нѣкоторые вопросы, требующіе «особаго соображенія». «Нѣтъ сомнѣнія», писалъ онъ, «что не всѣ проекты и сужденія по законодательной части могутъ быть съ удобствомъ оглашаемы... Необходимо опредѣлить, на какихъ основаніяхъ, кѣмъ и съ чьего разрѣшенія будетъ дѣлаться назначеніе предметовъ для печатанія въ Вѣстникѣ. Равнымъ образомъ, имѣютъ важность вопросы о порядкѣ наблюденія за вѣрностью составляемыхъ для печати извлеченій, о формѣ ихъ и другихъ подробностяхъ, относящихся къ исполненію. Преподать по этимъ предметамъ, при самомъ приступѣ къ дѣлу, нѣкоторыя основныя правила тѣмъ болѣе нужно, что для достиженія предполагаемой цѣли, по всей вѣроятности, нельзя ограничиться печатаніемъ извлеченія изъ представленій, поступающихъ въ Государственный Совѣтъ. Такъ какъ представляемые Министерствами проекты въ самомъ Совѣтѣ нерѣдко подвергаются существеннымъ перемѣнамъ или пополненіямъ, то для вѣрнаго разъясненія основаній изданныхъ узаконеній во многихъ случаяхъ необходимо будетъ свѣдѣнія, заимствованныя изъ министерскихъ запи-

сокъ, дополнять нѣкоторыми извлеченіями изъ журналовъ Департаментовъ и даже Общаго Собранія Государственнаго Совѣта. Допустить же оглашеніе сихъ послѣднихъ безъ опредѣленія заранѣе тѣхъ условій, которыя при семъ должны быть соблюдаемы, было бы невозможно».

Въ виду этихъ соображеній, одобренныхъ Августѣйшимъ Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, Государственный Секретарь признавалъ необходимымъ составить предварительно проектъ правилъ, на основаніи которыхъ должно производиться оглашеніе въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» извѣстій о текущихъ законодательныхъ работахъ и разъясненіе соображеній, служащихъ основаніемъ вновь изданныхъ узаконеній. Такія правила и были выработаны Государственною Канцеляріею, по сношеніи съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и послѣ личныхъ объясненій Д. М. Сольскаго съ главнымъ редакторомъ «Правительственнаго Вѣстника», профессоромъ В. В. Григорьевымъ. Затѣмъ по всеподданнѣйшему докладу Предсѣдателя Государственнаго Совѣта послѣдовало, 26 Мая 1869 года, Высочайшее повелѣніе обсудить этотъ проектъ въ особомъ Совѣщаніи изъ Предсѣдателей Общаго Собранія и Департаментовъ Государственнаго Совѣта, Предсѣдателя Комитета Министровъ, Главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи и Государственнаго Секретаря и представить на утвержденіе Его Величества. Предварительно созыва этого совѣщанія Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщилъ проектъ на заключеніе прочихъ Министровъ и Главноуправляющихъ отдѣльными частями, которые и доставили, въ началѣ 1870 года, свои замѣчанія и соображенія.

Министръ Императорскаго Двора графъ *А. В. Адлербергъ* сообщилъ, что онъ «не дѣлаетъ никакихъ возраженій противъ проектированныхъ правилъ собственно въ отношеніи ихъ частностей, относительно же существенной цѣли ихъ изданія находитъ оную неудобною, такъ какъ подобная мѣра не

оправдывается ни коренными основаніями общаго нашего государственнаго строя, ниже какими либо особыми, несомнѣнно уважительными побужденіями».

Главноуправляющій II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи князь *С. Н. Урусовъ*, подробно разобравъ проектъ, сдѣлалъ въ немъ существенныя поправки, изъ которыхъ самая важная заключалась въ томъ, что въ соображеніяхъ, послужившихъ основаніемъ вновь изданнаго закона, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ излагать происходившихъ въ Государственномъ Совѣтѣ разногласій. Такое же замѣчаніе было сдѣлано Министромъ Финансовъ *М. Х. Рейтерномъ* и Шефомъ Жандармовъ графомъ *П. А. Шуваловымъ*. Министръ Юстиціи графъ *К. И. Паленъ* высказалъ, что печатаніе законодательныхъ проектовъ можетъ приносить пользу только въ томъ случаѣ, если оно будетъ сдѣлано не при внесеніи ихъ въ Государственный Совѣтъ, а гораздо ранѣе, по распоряженію самихъ Министровъ. А такъ какъ печатаніе законодательныхъ предположеній по распоряженію Министровъ, до вѣдомства которыхъ они относятся, производилось неоднократно и прежде, и можетъ быть производимо и впредь, безъ изданія какихъ либо на этотъ предметъ правилъ, то графъ Паленъ и не видѣлъ въ проектированныхъ правилахъ никакой необходимости. Что касается обнародованія мотивовъ вновь издаваемыхъ узаконеній, то этой цѣли, по мнѣнію Министра Юстиціи, трудно было бы достигнуть печатаніемъ соотвѣтствующихъ статей въ газетѣ, какъ потому, что отыскать нужную статью въ массѣ разнообразнаго матеріала было бы весьма затруднительно, такъ и потому, что рѣдко у кого бываетъ полный сборникъ періодическаго изданія. Поэтому наилучшимъ средствомъ дать желающимъ возможность всегда справляться съ мотивами закона графъ Паленъ признавалъ печатаніе законовъ съ ихъ мотивами, по распоряженію правительства, особымъ сборникомъ. Подобный сборникъ всего удобнѣе было бы издавать во II Отдѣ-

леніи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, на разрѣшеніе котораго графъ Паленъ и предлагалъ передать вопросъ объ этомъ изданіи.

Прочіе Министры не сдѣлали на сообщенный имъ проектъ правилъ никакихъ замѣчаній.

На этомъ дѣло и остановилось на два слишкомъ года. Только въ Августѣ 1872 года Государственный Секретарь сообщилъ управлявшему II Отдѣленіемъ въ отсутствіе князя Урусова Ѳ. А. Бруну о предложеніи графа Палена, спрашивая его, не имѣется ли во II Отдѣленіи какихъ либо предположеній о печатаніи мотивовъ къ узаконеніямъ. Брунъ отвѣчалъ, что мотивы помѣщались иногда въ Полномъ Собраніи Законовъ, но довольно рѣдко и безъ опредѣленной системы, и что по вопросу объ упорядоченіи этого дѣла при II Отдѣленіи еще въ 1868 году учреждена особая Коммисія, которая, однако, еще не успѣла придти къ опредѣленному результату.

Наконецъ, 30 Октября 1872 года, состоялось давно ожидавшееся Совѣщаніе для окончательнаго разсмотрѣнія проекта Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Совѣщаніе, въ сущности, согласилось съ доводами графа Палена и рѣшило, что для печатанія законопроектовъ по распоряженію Министровъ нѣтъ нужды устанавливать какія либо особыя правила, а что касается опубликованія мотивовъ узаконеній, то вопросъ этотъ удобнѣе всего передать на соображеніе учрежденной при II Отдѣленіи Коммисіи. На всеподданнѣйшемъ докладѣ объ этихъ результатахъ Совѣщанія, 13 Ноября 1872 года, Государю Императору благоугодно было начертать: «Такъ какъ это касается всѣхъ вѣдомствъ, то желаю, чтобы оно было еще разсмотрѣно въ Комитетѣ Министровъ и представлено оттуда на Мое окончательное утвержденіе».

По разсмотрѣніи этого дѣла въ Комитетѣ Министровъ, Высочайше утвержденнымъ 26 Января 1873 года положеніемъ Комитета было постановлено: 1) вопросъ о распубли-

кованіи уваженій, послужившихъ основаніемъ изданныхъ узаконеній, передать во II Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи; 2) въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ признаваться полезнымъ при изданіи новаго узаконенія сдѣлать общеизвѣстными соображенія, послужившія оному основаніемъ, предоставить Предсѣдателю Государственнаго Совѣта, по соглашенію съ тѣмъ Министромъ или Главноуправляющимъ, по представленію котораго новый законъ получилъ утвержденіе, дѣлать распоряженіе о напечатаніи означенныхъ соображеній въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

Статсъ-Секретарь Сольскій, произведенный 1 Января 1878 года въ дѣйствительные тайные совѣтники, 7 Іюля того же года былъ назначенъ Государственнымъ Контролеромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ удостоился Высочайшаго рескрипта, содержащаго слѣдующую оцѣнку его дѣятельности:

«Дмитрій Мартыновичъ. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, Лично оцѣнивъ ваши качества, Я избралъ васъ на важную должность Государственнаго Секретаря. Въ протекшій съ тѣхъ поръ періодъ времени, ознаменованный изданіемъ, по волѣ Моей, обширныхъ законоположеній первостепенной важности, вы постоянно оправдывали оказанное вамъ Мною довѣріе. Высокія ваши дарованія, истинно просвѣщенный взглядъ на дѣла государственныя и неутомимая дѣятельность, всегда соотвѣтствовавшая Моимъ намѣреніямъ, пріобрѣли вамъ общее уваженіе и даютъ вамъ право на особое благоволеніе Мое.

«Назначивъ васъ нынѣ Государственнымъ Контролеромъ и призвавъ васъ, такимъ образомъ, къ болѣе близкому, непосредственному участію въ дѣлахъ государственнаго управленія и хозяйства, Я вполнѣ увѣренъ, что даль-

нѣйшіе труды ваши на открываемомъ Мною для васъ новомъ высокомъ поприщѣ послужатъ къ вящшей пользѣ Престола и ко благу дорогого нашего Отечества.

Александръ».

Проектъ этого рескрипта былъ составленъ Е. А. Перетцомъ и одобренъ Государемъ безъ всякихъ измѣненій.

Десять лѣтъ спустя, Д. М. Сольскій былъ назначенъ Членомъ Государственнаго Совѣта, гдѣ съ 11 Іюля 1889 года былъ Предсѣдателемъ Департамента Законовъ, а съ 1 Января 1893 года—Предсѣдателемъ Департамента Государственной Экономіи. 1 Января 1902 года, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія своей государственной службы, Д. М. Сольскій былъ возведенъ въ графское достоинство. Въ 1905 году, 24 Августа, графу Сольскому Высочайше повелѣно было предсѣдательствовать въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ слѣдующемъ году, 9 Мая, графъ Сольскій былъ освобожденъ отъ предсѣдательства, съ оставленіемъ Членомъ Совѣта и въ званіи Статсъ-Секретаря, и 12 Мая произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники I класса.

V.

Одновременно съ назначеніемъ Д. М. Сольскаго Государственнымъ Контролеромъ, 7 Іюля 1878 года, на должность Государственнаго Секретаря былъ назначенъ Статсъ-Секретарь Департамента Законовъ, Статсъ-Секретарь Его Императорскаго Величества, тайный совѣтникъ Егоръ Абрамовичъ *Перетцъ*.

Е. А. Перетцъ родился 25 Января 1833 года, образованіе получилъ въ одной изъ С.-Петербургскихъ гимназій и на юридическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета; по окончаніи университетскаго курса въ 1855 году

былъ причисленъ ко II Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и въ 1862 году, занимая должность помощника старшаго чиновника, былъ назначенъ въ составъ учрежденной при Государственномъ Совѣтѣ Коммисіи для составленія Судебныхъ Уставовъ. Въ 1865 году Е. А. Перетцъ былъ уже старшимъ чиновникомъ II Отдѣленія, въ 1867 году произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а въ 1869 назначенъ исправляющимъ должность Статсъ-Секретаря Департамента Законовъ и принялъ дѣятельное участіе въ Высочайше учрежденной Коммисіи для разработки и составленія проекта закона о нѣкоторыхъ правахъ раскольниковъ. 1 Января 1871 года Е. А. Перетцъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника, а черезъ годъ—званіе Статсъ-Секретаря Его Императорскаго Величества.

«Пріятно мнѣ вспомнить»,—говоритъ онъ въ своихъ «Замѣткахъ»,—«о томъ, какъ былъ я пожалованъ въ Статсъ-Секретари.

«Въ концѣ Декабря 1870 года пріѣхалъ ко мнѣ Д. М. Сольскій и сообщилъ, что Великій Князь Константинъ Николаевичъ просилъ Государя (конечно, по ходатайству самого Дмитрія Мартыновича) о пожалованіи мнѣ къ Новому Году званія Статсъ-Секретаря Его Величества, съ производствомъ меня при этомъ въ тайные совѣтники. Государь, изъявивъ полное согласіе на награжденіе меня, замѣтилъ, однако, что такая двойная награда не соотвѣтствовала бы наблюдаемымъ имъ общимъ правиламъ. Такъ, по военному вѣдомству Его Величество никогда не даетъ званія генералъ-адъютанта одновременно съ производствомъ того же лица въ генералъ-лейтенанты. Государь согласенъ дать мнѣ либо то, либо другое изъ просимыхъ для меня отличій; выбрать нужно ту награду, которая для меня важнѣе. Великій Князь спросилъ тогда, можно ли предоставить выборъ мнѣ самому. Его Величество разрѣшилъ это—и, вслѣдствіе того, Сольскій пріѣхалъ узнать, какая изъ двухъ наградъ будетъ мнѣ пріятнѣе?

«Я былъ совершенно смущенъ всѣмъ, сообщеннымъ мнѣ, и не зналъ, какъ благодарить за такое ко мнѣ вниманіе. По существу же вопроса я отвѣтилъ, что выборъ вовсе не труденъ; хотя въ мои годы (мнѣ еще не было тогда 38 лѣтъ) чинъ тайнаго совѣтника — награда очень почетная, но все же это — чинъ, въ который производится масса служащихъ, тогда какъ званіе Статсъ-Секретаря Его Величества есть награда вполнѣ исключительная.

«Дмитрій Мартыновичъ нашелъ и съ своей стороны, что я совершенно правъ, предпочитая статсъ-секретарство чину тайнаго совѣтника. Объ отзывѣ моемъ доложилъ онъ Великому Князю, Который въ тотъ же вечеръ передалъ его Государю, при свиданіи на живыхъ картинахъ въ Михайловскомъ Дворцѣ. Его Величество, выслушавъ Августѣйшаго Брата, сказалъ: «Я тоже думалъ о награжденіи Перетца, но пришелъ къ другому заключенію. Пожалованіе ему теперь званія Статсъ-Секретаря хотя, конечно, весьма лестно, было бы, однако, для него въ сущности невыгодно, такъ какъ всѣ тѣ, которыхъ, между тѣмъ, производили бы въ тайные совѣтники, садились бы ему на шею, получая старшинство передъ нимъ. Поэтому Я произведу его теперь въ чинъ, съ утвержденіемъ въ должности Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта, а черезъ годъ Я дамъ ему званіе Моего Статсъ-Секретаря».

«Такъ все и было въ дѣйствительности исполнено.

«Черезъ годъ, 1 Января 1872 года, уже въ качествѣ Статсъ-Секретаря Его Величества, представился я Государю Императору, по принадлежавшему въ то время Статсъ-Секретарямъ Его Величества праву, безъ предварительнаго доклада, для принесенія благодарности.

«Государь благодарилъ за труды и затѣмъ, обратясь къ другимъ лицамъ, бывшимъ въ пріемной залѣ, сказалъ:

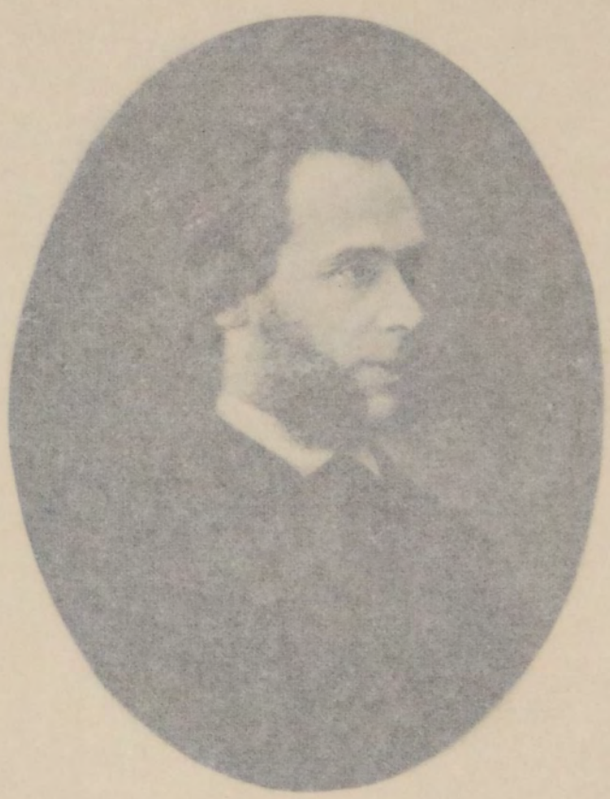
«По случаю назначенія Перетца Моимъ Статсъ-Секретаремъ Я учреждаю особый статсъ-секретарскій знакъ: золотой вензель Мой на лазоревой эмали, въ вѣнкѣ изъ

дубовыхъ и лавровыхъ листьевъ. Знакъ этотъ оказывается теперь необходимымъ, такъ какъ Перетцъ, въ качествѣ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта, носитъ уже статсъ-секретарскій мундиръ. Нужно же какое-нибудь отличіе, чтобы видно было, что онъ—*Мой* Статсъ-Секретарь».

«Затѣмъ, прикасаясь указательнымъ пальцемъ къ лѣвой сторонѣ груди Перетца, Государь добавилъ:

«Знакъ этотъ будетъ носиться здѣсь, вмѣстѣ со звѣздами».

Занимая должность Статсъ-Секретаря Департамента Законовъ, Е. А. Перетцъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ 1873 года, управлялъ дѣлами Особаго по воинской повинности Присутствія и былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Д. М. Сольскаго. «Почти десять лѣтъ прослужили мы вмѣстѣ въ Государственной Канцеляріи», разсказываетъ онъ,—«и во все это время отношенія наши были наилучшія, вполнѣ дружескія. Я помогалъ Дмитрію Мартыновичу, сколько могъ и какъ умѣлъ. Онъ, съ своей стороны, никогда не отказывалъ мнѣ ни въ добромъ совѣтѣ, ни даже въ личномъ своемъ трудѣ для дополненія и усовершенствованія тѣхъ журналовъ Государственнаго Совѣта, которые, по важности своей, требовали особой обработки. Дѣлая это, онъ никогда не говорилъ о томъ, и все хорошее приписывалъ исключительно мнѣ, повторяя всѣмъ и каждому, что по Департаменту Законовъ ему нечего дѣлать. Онъ былъ правъ только относительно. Конечно, ему приходилось работать несравненно менѣе, чѣмъ во времена Заруднаго; но онъ не жалѣлъ труда своего и въ мое время. Каждое дѣло и каждый мой журналъ онъ изучалъ до тонкости и возвращалъ мнѣ ихъ нерѣдко съ разными вопросами и замѣчаніями, чрезвычайно мѣткими и толковыми. Въ отношеніи къ служебнымъ наградамъ, играющимъ у насъ такую роль, Д. М. доставилъ мнѣ несравненно болѣе, чѣмъ я заслуживалъ и на что могъ разсчитывать. Въ особенности заботился Д. М. о сближеніи меня съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Такимъ образомъ, всѣмъ, чего я достигъ

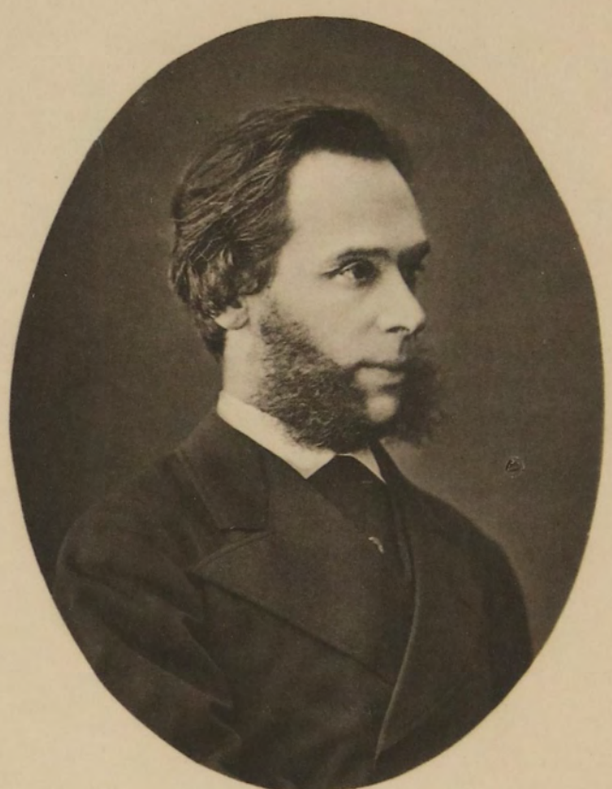
Е. А. Перетцъ.

дубовыхъ и обложеніе цвѣтныхъ. Знакъ этотъ оказывается теперь необходимымъ, такъ какъ Перетцъ, въ качествѣ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта, носитъ уже статсъ-секретарскій мундиръ. Нужно же какое-нибудь отличіе, чтобы разно было, кто онъ. Мой Статсъ-Секретарь».

«Затѣмъ, крестообразно указательнымъ пальцемъ къ лѣвой сторонѣ груди Перетца, Государь добавилъ:

«Здѣсь стоитъ будетъ висѣть тебѣ, вмѣстѣ со звѣздами».

Занимая должность Статсъ-Секретаря Департамента Военныхъ Д. А. Перетцъ вмѣстѣ съ тѣмъ, съ 1873 года, управлялъ дѣлами Особаго по воинской повинности Присутствія и былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Д. М. Сольскаго. «Почти десять лѣтъ прослужили мы вмѣстѣ въ Государственной Канцеляріи», разсказывалъ онъ, «и во все это время отношенія наши были наилучшія, полныя дружескія. Я помогалъ Дмитрію Мартыновичу, сколько могъ и какъ умѣлъ. Онъ, съ своей стороны, никогда не отказывалъ мнѣ ни въ добромъ совѣтѣ, ни даже въ личномъ своемъ трудѣ для дополненія и усовершенствованія тѣхъ журналовъ Государственнаго Совѣта, которые, по важности своей, требовали особой обработки. Дѣлая это, онъ никогда не говорилъ о томъ, и все хорошее приписывалъ исключительно мнѣ, повторяя всѣмъ и каждому, что по Департаменту Законовъ ему нечего дѣлать. Онъ былъ правъ только относительно. Конечно, ему приходилось работать несравненно менѣе, чѣмъ во времена Зарудняго; но онъ не жалѣлъ труда своего и въ мое время. Каждое дѣло и каждый мой журналъ онъ изучалъ до тонкости и возвращалъ мнѣ ихъ нерѣдко съ разными вопросами и замѣчаніями, чрезвычайно мѣткими и толковыми. Въ отношеніи къ служебнымъ наградамъ, играющимъ у насъ такую роль, Д. М. доставлялъ мнѣ несравненно болѣе, чѣмъ я заслуживалъ и на что могъ разсчитывать. Въ особенности заботился Д. М. о сближеніи меня съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Такимъ образомъ, всѣмъ, чего я достигъ

Е. А. Перетцъ.

на служебномъ поприщѣ, обязанъ я главнымъ образомъ Дмитрію Мартыновичу. Обязанъ я ему, въ особенности, также и тѣмъ, что, видя постоянно передъ собою этого высокочестнаго и благороднаго человѣка, никогда не кривившаго душою, я и самъ старался всѣми силами сдѣлаться лучше и благороднѣе.

«Въ заключеніе этого очерка моихъ отношеній къ наиболѣе уважаемому мною человѣку, я не могу не упомянуть, что въ 1878 году, по назначеніи Дмитрія Мартыновича Государственнымъ Контролеромъ, а меня—Государственнымъ Секретаремъ, мы вмѣстѣ представлялись Императору Александру II. Государь принялъ насъ весьма благосклонно. Тогда Дмитрій Мартыновичъ сказалъ, между прочимъ, Его Величеству, что мнѣ должность Государственнаго Секретаря будетъ несравненно труднѣе, нежели ему, потому что у меня не будетъ такого помощника, какимъ былъ я для него. Немногіе друзья способны на подобный отзывъ, особенно—Монарху, передъ Которымъ всѣ желаютъ выказать во всемъ блескѣ бремя понесенныхъ ими трудовъ...»

Двадцать лѣтъ спустя, вспоминая о своемъ преемникѣ, по случаю его кончины, Д. М. Сольскій, въ засѣданіи Соединенныхъ Департаментовъ, высказалъ, что «одаренный свѣтлымъ умомъ и блестящими природными дарованіями, Статсъ-Секретарь Перетцъ являлъ собою примѣръ государственнаго дѣятеля, беззавѣтно преданнаго долгу и чести. Стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ смѣло ихъ высказывалъ, искусно защищалъ и, при богатомъ запасѣ знаній и дѣловомъ опытѣ существенно содѣйствовалъ усовершенствованію нашего законодательства при знаменательныхъ преобразованіяхъ въ государственномъ и общественномъ строѣ Россіи. Въ памятную эпоху разработки судебной реформы ему было поручено начертаніе Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Уставъ этотъ остается памятникомъ его талантливаго пера и вѣрнаго пониманія законодательной задачи».

Одновременно съ назначеніемъ Е. А. Перетца Государственнымъ Секретаремъ послѣдовали нѣкоторыя перемѣны въ составѣ высшихъ чиновъ Государственной Канцеляріи. На освободившуюся должность Статсъ-Секретаря Департамента Законовъ былъ назначенъ, 26 Іюля 1878 года, Статсъ-Секретарь *И. И. Шамшинъ*, ранѣе (съ 19 Февраля 1875 года) управлявшій Отдѣленіемъ Дѣлъ Государственнаго Секретаря, а съ 1 Января 1878 года—Гражданскимъ Отдѣленіемъ. Мѣсто И. И. Шамшина въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ занялъ *В. А. Жельзниковъ*, управленіе же Отдѣленіемъ Дѣлъ Государственнаго Секретаря было возложено на Статсъ-Секретаря *Н. М. Рембелинскаго*.

Тотчасъ послѣ своего вступленія въ должность Государственнаго Секретаря, Е. А. Перетцъ долженъ былъ принять участіе, въ качествѣ Предсѣдателя, въ Коммисіи, составленной изъ представителей отъ разныхъ вѣдомствъ и чиновъ Государственной Канцеляріи (Статсъ-Секретарь Гражданскаго Департамента *Жельзниковъ* и Помощникъ Статсъ-Секретаря *Шидловскій*) для предварительнаго соображенія внесеннаго въ Государственный Совѣтъ Военнымъ Министромъ проекта положенія объ офицерахъ и чиновникахъ военнаго и военно-морского запаса. Коммисія окончила свою работу весною 1879 года и, въ виду особаго усердія, проявленнаго ея Предсѣдателемъ и Членами, имъ было объявлено Высочайшее благоволеніе.

Изъ другихъ особыхъ трудовъ Государственной Канцеляріи въ первые годы управленія ею Е. А. Перетца заслуживаютъ вниманія занятія по дѣлопроизводству Коммисій о преобразованіи тюремной части и о введеніи мировыхъ судебныхъ установленій въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Первая изъ этихъ Коммисій была учреждена Высочайшимъ повелѣніемъ 28 Февраля 1878 года подъ предсѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта Статсъ-Секретаря *К. К. Грота*, причемъ ея дѣлопроизводство было возложено на Отдѣленіе Законовъ. По распоряженію Государственнаго

Секретаря, съ Высочайшаго соизволенія, на все время существованія Коммисіи, былъ причисленъ къ Государственной Канцеляріи извѣстный ученый, спеціалистъ по тюрьмовѣдѣнію, доцентъ С.-Петербургскаго университета (нынѣ Сенаторъ) *И. Я. Фойницкій*, занимавшій въ то время должность Товарища Оберъ-Прокурора Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента. Вмѣстѣ съ нимъ въ трудахъ по дѣлопроизводству Коммисіи дѣятельно участвовалъ Помощникъ Статсъ-Секретаря (впослѣдствіи—Статсъ-Секретарь Департамента Государственной Экономіи по законодательной части, а затѣмъ Сенаторъ и Членъ Государственнаго Совѣта) *И. В. Шидловскій*. По свидѣтельству Государственнаго Секретаря, «лица сіи съ неусыпнымъ усердіемъ и рѣдкою добросовѣстностью исполняли всѣ возложенныя на нихъ Предсѣдателемъ Коммисіи работы, продолжая при этомъ текущія занятія по своимъ должностямъ. Блистательныя способности ихъ и ревностные труды по дѣлопроизводству Коммисіи немало способствовали тщательной разработкѣ всѣхъ проектированныхъ ею постановленій и ясному и вполнѣ обстоятельному изложенію обширныхъ соображеній оной по всѣмъ вопросамъ». Въ виду этихъ особыхъ и притомъ безвозмездныхъ трудовъ названныхъ лицъ, Государственный Секретарь ходатайствовалъ о награжденіи Шидловскаго чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а Фойницкаго—орденомъ Св. Владиміра 3 степени, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе.[81]

Дѣлопроизводствомъ Коммисіи о введеніи мировыхъ судебныхъ установленій въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, учрежденной въ Октябрѣ 1877 года подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря *Делянова*, завѣдывалъ Статсъ-Секретарь *Жельзниковъ*. Коммисія эта трудилась надъ исполненіемъ возложенной на нее задачи въ теченіе $2^1/_2$ лѣтъ и въ Январѣ 1880 года представила свои предположенія на уваженіе Соединенныхъ Департаментовъ Законовъ и Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ. Департаменты, а затѣмъ и Общее Собраніе Госу-

дарственнаго Совѣта, разсмотрѣвъ проектированныя Коммисіею особыя правила, «не могли не убѣдиться въ чрезвычайно тщательной и всесторонней разработкѣ порученнаго ей дѣла, сообщившей издаваемому узаконенію надлежащую полноту и законченность», и съ особою похвалою отозвались о трудахъ по этому дѣлу Государственной Канцеляріи.

Въ 1879 году Государственному Совѣту пришлось вторично исполнять обязанности Верховнаго Уголовнаго Суда — по дѣлу о покушеніи Соловьева на жизнь Государя Императора. Предсѣдателемъ Верховнаго Суда былъ назначенъ князь С. Н. Урусовъ, секретаремъ — Статсъ-Секретарь Департамента Законовъ *И. И. Шамшинъ* (нынѣ — Членъ Государственнаго Совѣта), а дѣлопроизводство лежало на обязанности чиновъ Гражданскаго Отдѣленія.

Произведенный въ слѣдующемъ году злодѣйскій взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ вызвалъ мысль о необходимости принять мѣры къ огражденію безопасности Государственнаго Совѣта. По этому поводу Государственный Секретарь считалъ себя обязаннымъ доложить Августѣйшему Предсѣдателю Совѣта слѣдующія свои соображенія:

«Не могу скрыть отъ Вашего Императорскаго Высочества, что страшныя событія послѣдняго времени, въ особенности же адское покушеніе 5 Февраля, наводятъ меня на мысль о томъ, не могутъ ли возобновиться подобнаго рода покушенія и въ другихъ частяхъ Зимняго Дворца, между прочимъ — въ той, которая занята Государственнымъ Совѣтомъ? Хотя всѣ усилія злодѣевъ были въ послѣднее время направлены не противъ должностныхъ лицъ, а исключительно противъ Священной Особы Его Величества, тѣмъ не менѣе, едва ли слѣдуетъ считать совершенно невозможными преступныя попытки ко взрыву нашей залы во время засѣданія. Не говоря уже о томъ, что еще весьма недавно были покушенія на жизнь двухъ Шефовъ Жандармовъ и нѣкоторыхъ губернаторовъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ засѣданіяхъ Общаго Собранія Государственнаго

Совѣта принимаютъ участіе шесть Членовъ Императорскаго Дома и въ числѣ ихъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, затѣмъ всѣ Министры и Главноуправляющіе отдѣльными частями и, наконецъ, почти всѣ другіе высшіе сановники Имперіи. При успѣхѣ подобной попытки,—отъ чего Богъ да охранитъ Россію,—въ управленіи государствомъ могло бы произойти чрезвычайное замѣшательство.

«Съ другой стороны, взрывъ нашей залы, находящейся въ 1-мъ этажѣ, непосредственно надъ подваломъ, былъ бы несравненно легче, нежели разрушеніе покоевъ, занимаемыхъ Самимъ Государемъ. Въ случаѣ покушенія обдуманнаго, зала Государственнаго Совѣта была бы, по всей вѣроятности, совершенно разрушена.

«При такихъ обстоятельствахъ необходимо, по моему мнѣнію, или дать Государственному Совѣту другое помѣщеніе, или совершенно закрыть подвалъ подъ нимъ, или же, по крайней мѣрѣ, допускать ко входу въ подвалъ со строгимъ разборомъ...

«Въ виду изложеннаго считаю долгомъ почтительнѣйше испрашивать разрѣшенія Вашего Императорскаго Высочества сообщить объ опасеніяхъ моихъ г. Министру Императорскаго Двора и просить его о принятіи мѣръ, которыя могли бы обезпечить Государственный Совѣтъ отъ могущей угрожать ему опасности. Впредь же до принятія такихъ мѣръ, я считалъ бы необходимымъ установить, въ дни засѣданій Государственнаго Совѣта, нѣкоторый хотя бы надзоръ за входящими въ подвалъ,—такъ сказать, домашними нашими средствами» (8 Февраля 1880 года).

На этой запискѣ Великій Князь написалъ: «Потрудитесь переговорить съ Министромъ Двора».

Лично Е. А. Перетцъ пользовался полнымъ довѣріемъ Государя и Августѣйшаго Предсѣдателя Государственнаго

Совѣта, который успѣлъ близко узнать и оцѣнить его еще въ бытность его Статсъ-Секретаремъ Департамента Законовъ. Представляя Его Величеству меморіи по дѣламъ Государственнаго Совѣта, Государственный Секретарь обыкновенно присоединялъ къ нимъ отъ себя памятную записку, въ которой обращалъ вниманіе Государя на важнѣйшія изъ этихъ дѣлъ и на тѣ или иные вопросы, возникавшіе при ихъ разсмотрѣніи. Это былъ своего рода комментарій къ оффиціальному изложенію выраженныхъ въ Совѣтѣ мнѣній, имѣвшій, несомнѣнно, весьма существенное значеніе. Другіе всеподданнѣйшіе доклады по дѣламъ Государственнаго Совѣта представлялись обыкновенно отъ имени Предсѣдателя Совѣта,—конечно, по предварительномъ ихъ одобреніи Его Высочествомъ.

Будучи точнымъ исполнителемъ Высочайшихъ предуказаній, Е. А. Перетцъ всегда стоялъ на стражѣ интересовъ Государственнаго Совѣта и иногда по собственному почину принималъ на себя заботу объ охранѣ традицій этого высокаго учрежденія, рискуя даже своимъ вмѣшательствомъ навлечь на себя неудовольствіе Государя. Въ Апрѣлѣ 1880 года Государь, по ходатайству Министра Императорскаго Двора графа Адлерберга, изъявилъ Свое согласіе на назначеніе бывшаго Директора Императорскихъ Театровъ, барона Кистера, Членомъ Государственнаго Совѣта. Извѣщенный объ этомъ, Е. А. Перетцъ немедленно послалъ Великому Князю Константину Николаевичу слѣдующую докладную записку:

«Получивъ отъ Вашего Императорскаго Высочества сообщенное графомъ Адлербергомъ Высочайшее повелѣніе о назначеніи барона Кистера Членомъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ его Управляющимъ Контролемъ и Кассою Министерства Императорскаго Двора, я немедленно распорядился заготовленіемъ исполнительныхъ бумагъ, которыя будутъ представлены Вашему Высочеству завтра утромъ.

«Между тѣмъ, считаю долгомъ совѣсти почтительнѣйше обратить вниманіе Ваше на то, что назначеніе барона Кистера Членомъ Совѣта, съ оставленіемъ въ нынѣшней административной его должности, *прямо подчиненной* Министру, будетъ въ исторіи Государственнаго Совѣта *первымъ примѣромъ* совмѣщенія обязанностей по мѣсту зависимому съ званіемъ Члена высшаго въ Имперіи учрежденія, которое, по мысли Августѣйшаго его Основателя, должно было состоять исключительно изъ людей, вполнѣ самостоятельныхъ. До сихъ поръ этотъ принципъ охранялся строго: лица, занимавшія второстепенныя административныя должности, съ назначеніемъ ихъ въ Члены Государственнаго Совѣта, всегда увольнялись отъ прежнихъ должностей.

«Отступленіе отъ сего коренного начала, котораго неуклонно держались три Монарха, могло бы послужить опаснымъ прецедентомъ.

«Въ военномъ вѣдомствѣ главными управленіями завѣдываютъ лица, въ высшей степени почтенныя и заслуженныя, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ даже Андреевскіе кавалеры (графъ Гейденъ и Баранцевъ) и, не смотря на то, они, по принципу, не были Членами Государственнаго Совѣта. Если же будетъ допущено отступленіе для барона Кистера, то не будетъ уже основанія къ неназначенію ихъ въ Совѣтъ; затѣмъ,—какъ всегда и вездѣ,—одно изъятіе повлечетъ за собою другое, и, такимъ образомъ, мало по малу, достоинство Государственнаго Совѣта, пользовавшагося доселѣ столь высокимъ значеніемъ, много пострадало бы, и Совѣтъ обратился бы въ учрежденіе, вовсе не соотвѣтствующее ни преданіямъ его, ни важности тѣхъ дѣлъ, обсужденіе которыхъ на него возложено закономъ.

«Простите, Ваше Императорское Высочество, эти откровенныя объясненія, быть можетъ, даже неумѣстныя. Но я считалъ бы, съ своей стороны, *упущеніемъ по должно-*

сти, если бы не доложилъ Вамъ о сомнѣніяхъ, представляющихся мнѣ по столь важному для будущности Совѣта вопросу» (18 Апрѣля 1880 г.).

Августѣйшій Предсѣдатель Государственнаго Совѣта немедленно препроводилъ эту записку, въ подлинникѣ, Его Величеству, съ такимъ объясненіемъ:

«Вчера вечеромъ я получилъ отъ графа А. В. Адлерберга отношеніе о назначеніи барона Кистера Членомъ Государственнаго Совѣта, съ *оставленіемъ* его въ теперешнихъ его должностяхъ. Я тотчасъ послалъ это отношеніе въ Государственную Канцелярію, для изготовленія исполнительныхъ бумагъ. Сегодня утромъ получилъ отъ Государственнаго Секретаря прилагаемую докладную записку. Соображенія, въ ней заключающіяся, нахожу столь важными, что считаю своимъ долгомъ Тебѣ эту записку представить на прочтеніе, прибавивъ къ этому, что съ своей стороны вполнѣ раздѣляю ихъ» (19 Апрѣля).

Записка была возвращена Великому Князю съ помѣтою Его Величества:

«Замѣчаніе это справедливо, и потому Я отмѣняю его назначеніе, а даю ему званіе Статсъ-Секретаря».

Въ царствованіе Императора Александра II нѣсколько разъ возникали предположенія, подобныя высказаннымъ еще въ Комитетѣ 6 Декабря 1826 года, объ измѣненіи состава Государственнаго Совѣта путемъ введенія въ него выборныхъ представителей отъ дворянства, земства и городовъ. Въ первый разъ мысль эта была высказана въ представленной Его Императорскому Величеству 13 Апрѣля 1863 года Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ П. А. Валуевымъ всеподданнѣйшей запискѣ съ проектомъ учрежденія при Государственномъ Совѣтѣ Съѣзда Государственныхъ Гласныхъ. Эта записка обсуждалась Совѣтомъ Министровъ въ

присутствіи Государя Императора, и осуществленіе намѣченныхъ въ ней мѣропріятій признано было преждевременнымъ. Три года спустя, въ Апрѣлѣ 1866 года, Великій Князь Константинъ Николаевичъ объяснилъ Государственному Секретарю князю С. Н. Урусову Свои предположенія о созывѣ при Государственномъ Совѣтѣ постоянныхъ съѣздовъ депутатовъ отъ земства и дворянства и поручилъ ему разработать соотвѣтственный проектъ, для представленія Государю. Князь Урусовъ исполнилъ это порученіе, но составленная имъ записка въ то время осталась безъ разсмотрѣнія.

Въ 1880 году, въ виду предстоявшаго двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ возникли различныя предположенія относительно принятія мѣръ, которыя содѣйствовали бы успокоенію умовъ, до крайности возбужденныхъ безуспѣшностью усилій правительства, направленныхъ къ обузданію злодѣйской крамолы. Тогда записка объ измѣненіи состава Государственнаго Совѣта, редактированная, по порученію Великаго Князя Константина Николаевича, въ 1866 году княземъ С. Н. Урусовымъ, по Высочайшему повелѣнію была подвергнута обсужденію въ Особомъ Совѣщаніи, подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, при участіи Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича, Предсѣдателя Комитета Министровъ П. А. Валуева, Предсѣдателя Департамента Законовъ князя С. Н. Урусова, Министра Внутреннихъ Дѣлъ Л. С. Макова, Шефа Жандармовъ А. Р. Дрентельна и Государственнаго Секретаря Е. А. Перетца. Совѣщаніе, разсмотрѣвъ эту записку и сдѣлавъ на нее существенныя возраженія, пришло къ заключенію о несвоевременности осуществленія проектированныхъ въ ней мѣропріятій. Вслѣдствіе этого Великій Князь снова обратился къ содѣйствію Государственнаго Секретаря, поручивъ ему исправить первоначальныя предположенія. Е. А. Перетцъ

исполнилъ это порученіе, но составленная имъ записка не получила дальнѣйшаго движенія.

Е. А. Перетцомъ былъ составленъ также проектъ особаго журнала Государственнаго Совѣта по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II. Журналъ этотъ, окончательно редактированный Особымъ Совѣщаніемъ, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича, при участіи Принца П. Г. Ольденбургскаго, А. Е. Тимашева, графа К. И. Палена, князя С. Н. Урусова, К. П. Побѣдоносцева, А. А. Абазы, А. В. Головнина, Д. М. Сольскаго и П. А. Валуева, былъ представленъ Его Величеству въ достопамятный день 19 Февраля 1880 года.

Въ царствованіе Императора Александра II къ составу Государственной Канцеляріи принадлежало немало лицъ, пріобрѣвшихъ извѣстность своею ученою или литературною дѣятельностью. Въ числѣ этихъ лицъ, кромѣ уже упомянутыхъ выше участниковъ крестьянской и судебной реформъ, находились: В. М. Бѣлозерскій, А. Ѳ. Гильфердингъ, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, А. М. Жемчужниковъ, Ю. Г. Жуковскій, А. В. Звенигородскій, И. А. Маннъ, А. П. Пятковскій и М. И. Семевскій.

Василій Михайловичъ *Бѣлозерскій* (1825—1899), извѣстный дѣятель малороссійской литературы, другъ Костомарова и Кулиша, по окончаніи курса въ университетѣ Св. Владиміра, въ 1847 году, былъ по Высочайшему повелѣнію назначенъ на службу въ Олонецкую губернію младшимъ помощникомъ правителя канцеляріи гражданскаго губернатора. Прослуживъ тамъ девять лѣтъ, онъ былъ переведенъ въ Петербургъ, на должность начальника отдѣленія въ канцеляріи военнаго генералъ-губернатора графа Игнатьева, а два года спустя, въ Октябрѣ 1858 года, причисленъ къ Государственной Канцеляріи, съ порученіемъ исправлять

должность экспедитора на время отсутствія уволеннаго въ заграничный отпускъ статскаго совѣтника Трусзона. Соглашаясь на перемѣщеніе Бѣлозерскаго въ Государственную Канцелярію, графъ П. Н. Игнатьевъ отозвался, что лишается въ его лицѣ «чиновника отличнаго во всѣхъ отношеніяхъ по твердости нравственныхъ правилъ, по замѣчательнымъ способностямъ и обширнымъ познаніямъ». При этомъ графъ Игнатьевъ сообщилъ Государственному Секретарю, что Бѣлозерскій, служа въ Олонецкой губерніи, состоялъ, по Высочайшему повелѣнію, подъ секретнымъ надзоромъ, но что надзоръ этотъ, учрежденный еще въ бытность Бѣлозерскаго студентомъ университета, впослѣдствіи, за постоянно одобрительными отзывами объ его поведеніи, былъ прекращенъ.

Намѣреваясь издавать, съ 1860 года, литературно-ученый журналъ подъ названіемъ «Порада» (совѣтъ, совѣщаніе), предметомъ котораго должно было быть «изученіе Южной Россіи со всѣхъ сторонъ ея природы и жизни ея обывателей», Бѣлозерскій просилъ Государственнаго Секретаря разрѣшить ему редактированіе этого журнала. В. П. Бутковъ написалъ Министру Народнаго Просвѣщенія, что «не встрѣчаетъ съ своей стороны никакого препятствія къ дозволенію г. Бѣлозерскому быть редакторомъ означеннаго изданія, если оное будетъ разрѣшено Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія», и прибавилъ что Бѣлозерскій, «по служенію его въ Государственной Канцеляріи, извѣстенъ съ отличной стороны въ отношеніи какъ способностей, такъ и нравственныхъ качествъ». Журналъ былъ разрѣшенъ и сталъ выходить съ 1860 года подъ названіемъ «Основа». Здѣсь Бѣлозерскимъ было помѣщено много статей этнографическаго и историческаго содержанія.

Въ 1859 году Бѣлозерскій былъ назначенъ экспедиторомъ Государственной Канцеляріи, а въ Іюлѣ 1864 года, въ чинѣ уже статскаго совѣтника, причисленъ къ Статсъ-Секретаріату Царства Польскаго и командированъ въ Варшаву, гдѣ и продолжалъ свою служебную дѣятельность.

Александръ Ѳедоровичъ *Гильфердингъ* (1831—1872), одинъ изъ выдающихся представителей русскаго славяновѣдѣнія и неутомимый собиратель памятниковъ русской народной поэзіи, окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ въ 1852 году. Получивъ затѣмъ степень магистра славянской словесности, онъ поступилъ на службу по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ и нѣкоторое время управлялъ консульствомъ въ Сараевѣ, а потомъ занималъ должность столоначальника въ Азіатскомъ Департаментѣ. Въ 1861 году онъ перешелъ на службу въ Государственную Канцелярію и былъ назначенъ экспедиторомъ Отдѣленія Государственной Экономіи, а черезъ мѣсяцъ былъ опредѣленъ, съ оставленіемъ въ этой должности, цензоромъ С.-Петербургскаго Почтамта для чтенія славянскихъ газетъ. Въ Государственной Канцеляріи, какъ видно изъ приведеннаго выше доклада В. П. Буткова, Гильфердингъ особенно усердно занимался смѣтнымъ дѣломъ и вообще, по засвидѣтельствованію Государственнаго Секретаря, «кромѣ своихъ литературныхъ трудовъ по части славянской словесности, постоянно обращалъ на себя вниманіе своими отличными способностями, неутомимою дѣятельностью, опытностью въ дѣлахъ и прекрасною во всѣхъ отношеніяхъ нравственностью». Въ 1863 году онъ былъ назначенъ Помощникомъ Статсъ-Секретаря. Дѣятельно продолжая научныя изысканія въ области славянской исторіи, литературы и древностей, Гильфердингъ во время своей лѣтней поѣздки 1871 года по русскому Сѣверу собралъ обширный запасъ старинныхъ народныхъ былинъ, еще уцѣлѣвшихъ въ глухихъ углахъ Онежскаго края, въ устной

А. Ѳ. Гильфердингъ.

передачѣ «сказителей». Желаніе еще болѣе пополнить это собраніе привело его, лѣтомъ 1872 года, въ г. Каргополь, гдѣ онъ внезапно заболѣлъ брюшнымъ тифомъ и скончался 20 Іюня 1872 года. Составленный имъ сборникъ былъ изданъ уже послѣ его смерти, осенью того же года, подъ названіемъ: «Онежскія Былины».

Августѣйшій Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, высоко цѣнившій труды Гильфердинга, въ представленной Государю Императору всеподданнѣйшей запискѣ характеризовалъ его дѣятельность слѣдующимъ образомъ:

«Въ должности Помощника Статсъ-Секретаря Гильфердингъ состоялъ сперва по Департаменту Государственной Экономіи, а съ 1865 года—по Главному Комитету объ устройствѣ сельскаго состоянія. Но еще до этого, въ началѣ 1864 года, Гильфердингъ, по просьбѣ Статсъ-Секретаря Н. А. Милютина, былъ командированъ для занятій при немъ по Высочайше возложеннымъ на него порученіямъ по Царству Польскому. По окончаніи сихъ занятій Статсъ-Секретарь Милютинъ всеподданнѣйше представлялъ Вашему Императорскому Величеству, что Гильфердингъ оказывалъ ему самую дѣятельную и усердную помощь и что при его ближайшемъ и исключительномъ участіи разработаны были, въ самое короткое время, проекты по учебной части въ Царствѣ Польскомъ, а также по устройству тамъ духовенства и по дѣлу о закрытіи католическихъ монастырей. Въ виду сего, признавъ особенно полезнымъ участіе Гильфердинга въ предстоявшихъ Комитету по дѣламъ Царства Польскаго важныхъ работахъ, Статсъ-Секретарь Милютинъ испросилъ Высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе на назначеніе Гильфердинга, независимо отъ постоянныхъ его обязанностей по званію Помощника Статсъ-Секретаря, для занятій по Польскому Комитету. Предсѣдательствующій въ семъ Комитетѣ генералъ-адъютантъ Чевкинъ свидѣтельствуетъ, что Гильфердингъ принималъ самое дѣятельное участіе въ ра-

ботахъ Комитета и своимъ всестороннимъ знаніемъ и дѣлъ, и мѣстныхъ отношеній, своимъ неутомимымъ трудолюбіемъ, приносилъ самую существенную пользу при разсмотрѣніи всѣхъ важныхъ проектовъ по преобразованіямъ въ Царствѣ.

«Независимо отъ служебной дѣятельности, Гильфердингъ оказалъ неоспоримыя заслуги на пользу отечественной науки. Посвятивъ свои труды преимущественно изслѣдованіямъ исторіи и быта славянскихъ народовъ, онъ издалъ по этой части сочиненія, которыя познакомили впервые русскихъ съ судьбами родственныхъ имъ племенъ и пріобрѣли ему почетную извѣстность не только у насъ въ Россіи, но и за границею. Бывъ Предсѣдателемъ Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, онъ предался изслѣдованію памятниковъ нашей народной поэзіи. Съ этою цѣлью онъ совершилъ въ 1871 году трудную поѣздку по самымъ глухимъ частямъ сѣверныхъ губерній и, желая дополнить начатыя имъ тогда изслѣдованія, палъ жертвою своей горячей любви къ наукѣ, которая лишилась въ немъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ и полезнѣйшихъ своихъ дѣятелей».

Графъ Арсеній Аркадьевичъ *Голенищевъ-Кутузовъ* (род. 1848), извѣстный поэтъ, воспитывался въ Московской 4-й гимназіи, гдѣ окончилъ курсъ съ золотою медалью, затѣмъ слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ и въ 1871 году былъ причисленъ къ Государственной Канцеляріи. Прослуживъ въ Канцеляріи два съ половиною года, въ Іюлѣ 1874 года онъ былъ перемѣщенъ на службу въ Главное Управленіе Намѣстника Кавказскаго. Впослѣдствіи графъ Голенищевъ-Кутузовъ былъ Управляющимъ Дворянскимъ Земельнымъ Банкомъ, а нынѣ состоитъ Гофмейстеромъ Высочайшаго Двора, Секретаремъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и почетнымъ академикомъ Императорской Академіи Наукъ по разряду изящной словесности.

Алексѣй Михайловичъ *Жемчужниковъ* (1821 — 1908), также извѣстный поэтъ и почетный академикъ, по окончаніи курса въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія, въ 1841 году былъ опредѣленъ на службу въ Канцелярію Правительствующаго Сената и, между прочимъ, былъ командированъ для занятій къ Сенатору Бѣгичеву, ревизовавшему Орловскую и Калужскую губерніи, и въ 1844 году получилъ званіе Камеръ-Юнкера Высочайшаго Двора. Въ 1847 году онъ былъ назначенъ помощникомъ юрисконсульта Министерства Юстиціи, а въ Мартѣ 1849 года Государственный Секретарь Н. И. Бахтинъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на опредѣленіе Жемчужникова на открывшуюся въ Государственной Канцеляріи вакансію экспедитора, какъ чиновника, лично ему извѣстнаго по своимъ способностямъ къ службѣ и отличнымъ нравственнымъ правиламъ. Представляя Императору Николаю Павловичу всеподданнѣйшій докладъ о наградахъ по Государственной Канцеляріи за 1853 годъ, Государственный Секретарь В. П. Бутковъ, между прочимъ, свидѣтельствовалъ, что Жемчужниковъ «со времени поступленія своего въ Канцелярію занимался съ отличнымъ усердіемъ дѣлопроизводствомъ въ Гражданскомъ Департаментѣ, въ началѣ же сего года, по уваженію его прекрасныхъ способностей, командированъ въ Департаментъ Дѣлъ Царства Польскаго, по случаю разсмотрѣнія въ ономъ проекта новаго Гражданскаго Уложенія Царства. Трудами своими по сему важному и обширному дѣлу, выходящими изъ разряда трудовъ обыкновенныхъ, Жемчужниковъ обратилъ на себя вниманіе начальства и заслуживаетъ вполнѣ осо-

А. М. Жемчужниковъ.

бой награды». Такою наградою былъ ему чинъ статскаго совѣтника. Въ Апрѣлѣ 1855 года Жемчужниковъ былъ назначенъ Помощникомъ Статсъ-Секретаря и переведенъ въ Отдѣленіе Законовъ, гдѣ принималъ дѣятельное участіе въ производствѣ многосложнаго дѣла по проекту правилъ для составленія инвентарей въ Бѣлорусскихъ и Западныхъ губерніяхъ, «всѣ порученныя ему по сему дѣлу работы выполнялъ съ отличнымъ успѣхомъ и трудами своими, выходящими изъ ряда обыкновенныхъ, пріобрѣлъ право на особое воздаяніе и поощреніе». Въ 1857 году Государственный Секретарь докладывалъ Его Величеству, что Жемчужниковъ «постоянно съ особеннымъ усердіемъ раздѣляетъ труды исправляющаго должность Статсъ-Секретаря Департамента Законовъ (В. Г. Черноглазова) по производству поступающихъ въ этотъ Департаментъ во множествѣ законодательныхъ дѣлъ, требующихъ отъ дѣлопроизводителя внимательнаго соображенія съ существующими законами и съ источниками оныхъ и, сверхъ того,—особенной ясности изложенія. Блистательными способностями, основательнымъ знаніемъ дѣла и опытностію, пріобрѣтенными имъ въ бытность въ Правительствующемъ Сенатѣ, этотъ полезный для службы чиновникъ постоянно обращаетъ на себя особенное вниманіе начальства». Въ самомъ концѣ того же года Жемчужниковъ, «имѣя надобность, по случаю разстройства домашнихъ его дѣлъ, прожить долгое время въ деревнѣ», просилъ объ отставкѣ и былъ уволенъ отъ службы, съ пожалованіемъ ему, въ видѣ награды, годового оклада содержанія (2.001 р. 44 к.).

Юлій Галактіоновичъ *Жуковскій* (1835—1902), публицистъ и экономистъ, одинъ изъ редакторовъ «Современника», воспитывался въ Училищѣ Правовѣдѣнія, затѣмъ служилъ въ Министерствѣ Юстиціи и 30 Іюля 1859 года былъ переведенъ въ Государственную Канцелярію на должность старшаго помощника экспедитора. Съ 1 Сентября 1861 года онъ былъ экспедиторомъ Гражданскаго Отдѣленія, а 31 Декабря 1864 года уволенъ отъ службы по болѣзни.

Впослѣдствіи Ю. Г. Жуковскій вновь поступилъ на службу и былъ Управляющимъ Государственнымъ Банкомъ и Членомъ Совѣта Министра Финансовъ.

Александръ Викторовичъ *Звенигородскій* (1837—1897), извѣстный археологъ и коллекціонеръ, воспитывался въ частномъ пансіонѣ въ Лифляндіи, затѣмъ въ 1854 году поступилъ въ военную службу—унтеръ-офицеромъ въ Оренбургскій линейный баталіонъ, въ 1856 году произведенъ въ прапорщики, въ 1860 году вышелъ въ отставку и поступилъ на службу въ Канцелярію Военнаго Министерства. Впослѣдствіи, съ 1867 года, онъ занималъ должность Управляющаго Конторою Двора Государя Наслѣдника Цесаревича и въ 1871 году, по желанію Его Высочества, былъ причисленъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, къ Государственной Канцеляріи. Произведенный въ 1873 году въ дѣйствительные статскіе совѣтники, въ 1878 году онъ былъ назначенъ Помощникомъ Статсъ-Секретаря, сверхъ штата, и продолжалъ свою службу въ Канцеляріи до 1883 года, когда, по прошенію, былъ уволенъ въ отставку.

Ипполитъ Александровичъ *Маннъ* (1823—1893), драматургъ и музыкальный критикъ, по окончаніи въ 1846 году курса въ Московскомъ университетѣ служилъ въ Инспекторскомъ Департаментѣ гражданскаго вѣдомства до его упраздненія въ 1858 году. За службу въ этомъ Департаментѣ Манну былъ пожалованъ, въ видѣ пенсіи, впредь до пріисканія другого мѣста, получавшійся имъ окладъ содержанія (1.429 р.). Въ началѣ 1870 года Маннъ былъ причисленъ къ Государственной Канцеляріи, а 1 Января 1871 года назначенъ Помощникомъ Статсъ-Секретаря, сверхъ штата, и постоянно работалъ въ Отдѣленіи Дѣлъ Государственнаго Секретаря. Въ концѣ 1878 года Государственный Секретарь Е. А. Перетцъ представилъ Государю Императору всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ свидѣтельствовалъ, что «дѣйствительный статскій совѣтникъ Маннъ съ примѣрнымъ усердіемъ исполняетъ свои обязанности на одинаковомъ основаніи съ штатными По-

мощниками Статсъ-Секретаря. Безвозмездные труды Манна тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что онъ не имѣетъ никакого состоянія. Въ виду сего предмѣстникъ мой считалъ своимъ долгомъ озаботиться обезпеченіемъ матеріальнаго положенія Манна. Сдавая мнѣ должность Государственнаго Секретаря, Статсъ-Секретарь Сольскій сообщилъ мнѣ, что Министръ Финансовъ не встрѣчаетъ препятствій къ производству Манну изъ государственнаго казначейства личнаго оклада въ 3.000 р., съ сохраненіемъ притомъ, въ видѣ особой Монаршей милости, не въ примѣръ другимъ, получаемой имъ пенсіи».

М. И. Семевскій.

На это послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ на Манна было возложено завѣдываніе казначейскою частью Государственной Канцеляріи, на правахъ Статсъ-Секретаря. Кромѣ того, ему поручалось составленіе отчетовъ по Государственному Совѣту.

Находясь на службѣ въ Государственной Канцеляріи, Маннъ былъ въ то же время депутатомъ отъ акціонеровъ въ С.-Петербургскомъ Частномъ Коммерческомъ Банкѣ и Директоромъ Русскаго Общества механическихъ и горныхъ заводовъ. Въ 1885 году, послѣ изданія закона о несовмѣстимости высшихъ должностей государственной службы съ платными должностями въ частныхъ акціонерныхъ предпріятіяхъ, Маннъ, съ Высочайшаго соизволенія, былъ уволенъ отъ должности Помощника Статсъ-Секретаря, съ причисленіемъ къ Государственной Канцеляріи и съ сохраненіемъ получаемаго имъ содержанія. Еще въ 70-хъ годахъ Маннъ заболѣлъ ракомъ нижней челюсти и перенесъ тяже-

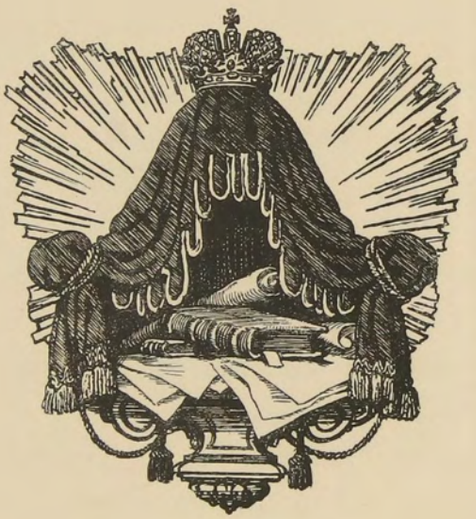
лую операцію, обезобразившую его лицо, но и послѣ этого былъ еще въ состояніи много лѣтъ оставаться на службѣ. Онъ вышелъ въ отставку только въ 1890 году.

Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ Маннъ былъ членомъ Театрально-Литературнаго Комитета при Дирекціи Императорскихъ Театровъ. Изъ его пьесъ пользовались въ свое время большимъ успѣхомъ комедіи: «Паутина», «Говоруны» и «Общее благо».

Александръ Петровичъ *Пятковскій* (1840—1902), кандидатъ юридическаго факультета С.-Петербургскаго университета, историкъ русской литературы и публицистъ, по окончаніи въ 1862 году университетскаго курса долгое время былъ преподавателемъ русскаго языка и словесности въ Маріинскомъ Институтѣ и въ началѣ 70-хъ годовъ занимался собираніемъ матеріаловъ для исторіи С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома. Къ Государственной Канцеляріи онъ былъ причисленъ, по распоряженію Д. М. Сольскаго, въ 1874 году, первоначально—для занятій по описанію архива Государственнаго Совѣта, затѣмъ въ 1877 году переведенъ въ Отдѣленіе Государственной Экономіи, гдѣ и оставался до конца 1881 года. Имѣя намѣреніе предпринять съ начала 1882 года изданіе литературно-политическаго журнала «Наблюдатель», Пятковскій подалъ прошеніе объ отставкѣ и, по ходатайству Государственнаго Секретаря Е. А. Перетца, во вниманіе къ безукоризненной, почти 20-лѣтней его службѣ и къ безвозмезднымъ занятіямъ его въ теченіе семи лѣтъ въ Государственной Канцеляріи, былъ пожалованъ, при увольненіи отъ службы, чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Михаилъ Ивановичъ *Семевскій* (1837—1892), авторъ изслѣдованій по новѣйшей русской исторіи и основатель (1870) журнала «Русская Старина», по окончаніи курса въ Константиновскомъ кадетскомъ корпусѣ (нынѣ—Константиновское военное училище) выпущенъ былъ въ 1855 году въ гвардію прапорщикомъ; служилъ въ л.-гв.

Павловскомъ полку, въ 1861 году вышелъ въ отставку, а въ 1864 году поступилъ въ Государственную Канцелярію младшимъ помощникомъ экспедитора, сверхъ штата. Въ теченіе всей своей службы въ Государственной Канцеляріи Семевскій былъ трудолюбивымъ работникомъ въ Отдѣленіи по устройству сельскаго состоянія, гдѣ онъ занималъ, съ 1878 года, должность Помощника Статсъ-Секретаря. Съ упраздненіемъ, въ 1882 году, Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, Семевскій былъ уволенъ въ отставку, съ чиномъ тайнаго совѣтника.

Царствованіе
Императора Александра III.

Александръ

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ.

I.

Первые годы царствованія Императора Александра III ознаменовались цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе существенныхъ измѣненій какъ въ личномъ составѣ Государственнаго Совѣта и Государственной Канцеляріи, такъ и въ устройствѣ различныхъ частей этихъ установленій.

Четыре мѣсяца спустя по вступленіи на Престолъ новаго Императора произошла перемѣна въ общемъ руководительствѣ дѣлами Государственнаго Совѣта: 13 Іюля 1881 года Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ былъ Всемилостивѣйше уволенъ отъ должностей Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Предсѣдательствующаго въ Главномъ Комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія и Предсѣдателя Особаго Присутствія о воинской

Тип. Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ.

I.

Первые годы царствованія Императора Александра III ознаменовались цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе существенныхъ измѣненій какъ въ личномъ составѣ Государственнаго Совѣта и Государственной Канцеляріи, такъ и въ устройствѣ различныхъ частей этихъ установленій.

Четыре мѣсяца спустя по вступленіи на Престолъ новаго Императора произошла перемѣна въ общемъ руководительствѣ дѣлами Государственнаго Совѣта: 13 Іюля 1881 года Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ былъ Всемилостивѣйше уволенъ отъ должностей Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Предсѣдательствующаго въ Главномъ Комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія и Предсѣдателя Особаго Присутствія о воинской

повинности. На слѣдующій день, 14 Іюля, Намѣстнику Кавказскому и Главнокомандующему Кавказскою арміею, Генералъ-Фельдмаршалу, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу Всемилостивѣйше повелѣно было быть Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ, отъѣзжая на югъ для поправленія здоровья и лично простившись съ Членами Государственнаго Совѣта, обратился къ Государственному Секретарю съ слѣдующимъ Собственноручнымъ рескриптомъ:

«Прошу Васъ принять и всей Государственной Канцеляріи передать Мое искреннее спасибо за эти 16 лѣтъ нашей совмѣстной работы. Сдѣлайте это какъ-нибудь не оффиціально,—что всегда холодно,—но сдѣлайте такъ, чтобы всѣ чины Государственной Канцеляріи поняли, что ихъ благодаритъ не казеннымъ образомъ ихъ старый начальникъ, а человѣкъ, который 16 лѣтъ былъ, можно сказать, ежедневнымъ свидѣтелемъ ихъ неутомимой и добросовѣстной службы. Спасибо имъ отъ души: и Статсъ-Секретарямъ, и ихъ Помощникамъ, и всѣмъ, и высшимъ, и низшимъ труженикамъ. Рекомендуйте ихъ отъ Меня Брату и скажите ему, что все, что Онъ сдѣлаетъ для нихъ, Я приму, какъ личную для Меня награду».

Вскорѣ затѣмъ, 26 Сентября 1881 года, было закрыто Особое по воинской повинности Присутствіе, а 25 Мая 1882 года упраздненъ и Главный Комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, вмѣстѣ съ соотвѣтствовавшимъ ему Отдѣленіемъ Государственной Канцеляріи.

Въ концѣ 1881 года Предсѣдатель Департамента Законовъ, князь *С. Н. Урусовъ*, тяжело заболѣлъ ракомъ на челюсти и перенесъ трудную операцію, послѣ которой просилъ о своемъ увольненіи отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей. Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, поручилъ Государственному Секретарю лично переговорить съ княземъ по поводу его

просьбы. Но князь еще ранѣе самъ вызвалъ къ себѣ Е. А. Перетца, который затѣмъ и представилъ Его Высочеству слѣдующій подробный отчетъ о происходившемъ между ними разговорѣ:

«Пріѣхавъ къ князю вслѣдствіе собственнаго его желанія меня видѣть, я засталъ его въ постели. Верхняя часть его лица худа и блѣдна, но черты не измѣнились; нижняя же часть лица нѣсколько обезображена, въ родѣ того, какъ у Помощника Статсъ-Секретаря Манна, подвергшагося, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, операціи подобной той, которую перенесъ теперь князь Урусовъ.

«Голосъ князя довольно твердый, но произношеніе его, къ сожалѣнію, далеко не такъ внятно и явственно, какъ было прежде. Въ теченіе нашей бесѣды мнѣ не разъ приходилось просить его повторить сказанное.

«Князь началъ съ извиненій въ томъ, что потревожилъ меня. Затѣмъ онъ заявилъ, что, не чувствуя себя въ силахъ продолжать трудиться, онъ намѣренъ просить Государя Императора, черезъ посредство Вашего Высочества, объ увольненіи отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей, сопряженныхъ съ дѣятельною службою.

«Я счелъ обязанностью просить князя не торопиться этимъ рѣшеніемъ, такъ какъ, по всей вѣроятности, силы его возвратятся. Онъ покачалъ головою и отвѣчалъ: «Нѣтъ, онѣ не могутъ вернуться. Рѣшеніе мое окончательное».

«Я возразилъ тогда, что, по словамъ докторовъ, онъ скоро поправится. На это князь сказалъ: «Доктора судятъ о моемъ здоровьѣ и силахъ по тому, что они выслушиваютъ здѣсь (онъ указалъ на грудь); но они не знаютъ того, что происходитъ тутъ (князь приложилъ палецъ ко лбу). Безъ головы нельзя быть Предсѣдателемъ и Главноуправляющимъ. Нѣтъ, я все это обдумалъ зрѣло и рѣшился... Мнѣ говорятъ, что я могу имѣть замѣстителей. Съ этимъ я не согласенъ... Очень прошу Васъ, передайте Его Высочеству слѣдующія мои просьбы. Если Вамъ угодно будетъ записать

ихъ, то вотъ карандашъ и бумага». И князь произнесъ, съ разстановкою, слѣдующее:

«Усердно прошу Его Императорское Высочество, нашего Предсѣдателя, повергнуть Государю Императору мое ходатайство:

1) объ освобожденіи меня отъ обязанностей Предсѣдателя Департамента Законовъ, но не лишить меня званія Члена Государственнаго Совѣта, прочихъ званій и получаемаго мною содержанія;

2) уволить меня отъ должности Главноуправляющаго Вторымъ Отдѣленіемъ, причемъ смѣю предложить, чтобы окончаніе матеріаловъ біографіи покойнаго Николая Павловича было поручено Директору Императорской Публичной Библіотеки (И. Д. Делянову), такъ какъ нынѣ этимъ дѣломъ занимаются чиновники Библіотеки;

3) при затруднительности устныхъ объясненій послѣ операціи и утомленіи нравственныхъ силъ, мнѣ трудно было бы подносить всеподданнѣйшіе доклады по Императорскому Человѣколюбивому Обществу. Если бъ Государь благоволилъ поручить эту обязанность такому же Члену Общества, какъ я, Помощнику Митрополита, генералъ-лейтенанту Гедеонову, то это возвысило бы его положеніе и принесло бы пользу, такъ какъ онъ единственный отвѣтственный распорядитель по дѣламъ этого Общества;

наконецъ, 4) прошу не останавливаться обсужденіемъ вопроса о дальнѣйшихъ судьбахъ Второго Отдѣленія, такъ какъ неопредѣленное положеніе его продолжаться не можетъ».

«Изложеніемъ этимъ князь Сергій Николаевичъ былъ видимо утомленъ, и потому я поспѣшилъ его оставить, тѣмъ болѣе, что докторъ князя совѣтовалъ мнѣ не оставаться долѣе 10 минутъ.

«Прощаясь со мною, князь просилъ меня не разглашать о нашемъ свиданіи, такъ какъ онъ не можетъ никого принимать» (24 Ноября 1881 года).

Представляя Великому Князю этотъ докладъ, Е. А. Перетцъ считалъ долгомъ обратить вниманіе Его Высочества на вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли просить Государя о пожалованіи князю Урусову, по случаю его увольненія, ордена Св. Андрея Первозваннаго, при рескриптѣ.

«Увольненіе князя отъ всѣхъ должностей просто Высочайшимъ указомъ», писалъ онъ, «могло бы быть принято за немилость, которой онъ, конечно, не заслужилъ. Мы, стоящіе въ средоточіи дѣлъ, очень хорошо знаемъ, что князь Урусовъ увольняется единственно потому, что *самъ* сознаетъ физическую невозможность продолжать прежніе дѣятельные свои труды. Но во внутреннихъ частяхъ Россіи и, можетъ быть, во многихъ слояхъ Петербургскаго даже общества этого не знаютъ и не поймутъ. По всей вѣроятности, про увольненіе его стали бы говорить, какъ про увольненіе графа Валуева. Для предотвращенія такихъ толковъ и для успокоенія самого князя, который оставляетъ дѣятельное поприще съ большимъ сожалѣніемъ, желательно было бы оказать ему знакъ Монаршаго вниманія. Я увѣренъ, что Андреевская лента и рескриптъ очень бы его утѣшили.

«Орденъ Св. Владиміра 1 степени князь Урусовъ получилъ 1 Января 1879 года; на службѣ онъ съ 1833 года, т. е. почти 49 лѣтъ.

«Прошу милостиваго снисхожденія Вашего Императорскаго Высочества къ тому, что дозволяю себѣ обращать вниманіе Ваше на подобный предметъ. Рѣшаюсь на это единственно въ виду того, что Ваше Высочество, высказывая предположенія Свои относительно увольненія князя, не изволили останавливаться на этой мысли, которая и мнѣ пришла въ голову только сегодня. Между тѣмъ, я вполнѣ увѣренъ въ справедливости Вашей и въ доброжелательности Вашего Высочества къ людямъ, которые, подобно князю Урусову, преданно и усердно трудились весь свой вѣкъ».

На этой запискѣ рукою Статсъ-Секретаря Перетца помѣчено:

«Его Высочество сообщилъ мнѣ, при свиданіи, что просьба князя Урусова очень озаботила Государя. Его Величество не желалъ бы уволить Сергія Николаевича отъ дѣятельной службы и готовъ облегчить ее, освободивъ князя отъ управленія Вторымъ Отдѣленіемъ и отъ трудовъ по исторіи царствованія Николая Павловича, но проситъ его остаться Предсѣдателемъ Департамента Законовъ и докладывать по дѣламъ Человѣколюбиваго Общества. Его Величество готовъ и по этимъ двумъ обязанностямъ дать князю время для отдохновенія и поправленія силъ. Государь поручилъ Его Высочеству лично передать все это, отъ Его Имени, князю Урусову».

Въ приведенномъ разговорѣ Е. А. Перетца съ княземъ Урусовымъ послѣдній, между прочимъ, просилъ «не останавливаться обсужденіемъ вопроса о дальнѣйшихъ судьбахъ II Отдѣленія». Дѣло въ томъ, что еще въ 1867 году, въ эпоху наибольшаго развитія задачъ и круга дѣйствій II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, было возбуждено предположеніе о желательности сблизить его дѣятельность съ дѣятельностью Государственной Канцеляріи. Починъ въ этомъ отношеніи принадлежалъ князю Урусову, который представилъ Императору Александру II особую записку по упомянутому вопросу. Сущность предлагавшихся въ этой запискѣ мѣръ сводилась къ передачѣ II Отдѣленія въ вѣдѣніе Государственнаго Секретаря, съ тѣмъ, чтобы возложенные на это учрежденіе труды, какъ редакціонные и кодификаціонные (приведеніе въ систему Свода вновь издаваемыхъ узаконеній и согласованіе съ ними дѣйствующихъ законовъ), такъ и консультативные (дополненіе поступающихъ въ Государственный Совѣтъ дѣлъ необходимыми справками и критическій разборъ проектируемыхъ узаконеній), производились совмѣстно чинами Отдѣленія и Государственной Канцеляріи. По мнѣнію

князя Урусова, съ установленіемъ такого порядка достигалось бы, съ одной стороны, устраненіе письменныхъ сношеній между Государственною Канцеляріею и II Отдѣленіемъ, неизбѣжно замедляющихъ движеніе дѣлъ, а съ другой—соединеніе силъ обоихъ учрежденій для выполненія поручаемыхъ имъ трудовъ, во многихъ случаяхъ совершенно однородныхъ. При такой общности занятій, редакторы различныхъ частей Свода, состоя вмѣстѣ съ Статсъ-Секретарями Департаментовъ Государственнаго Совѣта и ихъ Помощниками въ одинаковомъ распоряженіи Государственнаго Секретаря, могли бы облегчать своимъ участіемъ приготовленіе дѣлъ къ докладу и самый докладъ ихъ въ Департаментахъ.

По разсмотрѣніи этихъ предположеній, Государю Императору благоугодно было повелѣть для обсужденія способовъ сближенія дѣятельности II Отдѣленія съ дѣятельностью Государственнаго Совѣта учредить Особое Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта. Но дальнѣйшаго движенія это дѣло въ то время не получило.

Въ концѣ 1880 года князь Урусовъ препроводилъ Государственному Секретарю, секретно, прежнюю свою записку, а затѣмъ, вскорѣ по вступленіи на Престолъ Императора Александра III, Его Величеству благоугодно было остановить Свое вниманіе на дѣлѣ составленія и изданія отечественныхъ законовъ. Высочайшими повелѣніями 23 Апрѣля и 17 Сентября 1881 года указано было приступить къ обсужденію возбужденнаго запискою князя Урусова вопроса. Образованное съ этою цѣлью Особое Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Великаго Князя Михаила Николаевича, вполнѣ одобрило мысль объ установленіи возможно болѣе тѣсной связи между основнымъ въ области законодательства трудомъ высшаго учрежденія въ Имперіи, Государственнаго Совѣта, и кодификаціонными работами, составлявшими важ-

нѣйшую часть обязанностей II Отдѣленія. При этомъ наиболѣе соотвѣтственнымъ способомъ для осуществленія указанной основной мысли Совѣщаніе признало образованіе, взамѣнъ II Отдѣленія, особаго кодификаціоннаго учрежденія при Государственномъ Совѣтѣ, съ наименованіемъ его Кодификаціоннымъ Отдѣломъ. Перейдя, далѣе, къ предположенію князя Урусова о томъ, чтобы руководство кодификаціонными работами было, подъ высшимъ наблюденіемъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, возложено на Государственнаго Секретаря, Совѣщаніе предпочло отклонить эту мѣру, какъ въ виду сложности и разнообразія обязанностей Государственнаго Секретаря, такъ и во вниманіе къ трудности задачи по изданію Свода Законовъ, нуждавшагося въ то время въ коренной переработкѣ. Поэтому признано было полезнымъ поставить во главѣ кодификаціонныхъ работъ лицо, которое могло бы посвятить имъ всѣ свои силы. По тѣмъ же соображеніямъ Совѣщаніе нашло, что кругъ дѣятельности проектируемаго учрежденія долженъ быть строго ограниченъ предѣлами кодификаціи, съ освобожденіемъ его отъ лежащихъ на II Отдѣленіи работъ законодательныхъ и консультативныхъ. Работы перваго рода, по мнѣнію Совѣщанія, возможно было бы сосредоточить въ подлежащихъ вѣдомствахъ или въ особыхъ Коммисіяхъ, учреждаемыхъ либо при Министерствахъ и Главныхъ Управленіяхъ, либо при Государственномъ Совѣтѣ; что же касается дѣятельности консультативной, то она могла бы быть отнесена къ обязанности Министерствъ и Главныхъ Управленій, по принадлежности, причемъ значительная часть работъ этой категоріи осталась бы за Министерствомъ Юстиціи. Въ то же время Совѣщаніе отнеслось сочувственно къ высказанному въ его средѣ предположенію о развитіи дѣятельности Государственной Канцеляріи по подготовкѣ дѣлъ къ докладу въ Государственномъ Совѣтѣ (соображеніе вносимыхъ проектовъ съ дѣйствующими узаконеніями, дополненіе ихъ справками, исправленіе редакціи и т. п.).

Эти заключенія Особаго Совѣщанія удостоились Высочайшаго одобренія, и 23 Января 1882 года послѣдовалъ Именной Высочайшій указъ Государственному Совѣту о преобразованіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи въ Кодификаціонный Отдѣлъ при Государственномъ Совѣтѣ. Главноуправляющимъ Кодификаціоннымъ Отдѣломъ былъ назначенъ Членъ Государственнаго Совѣта дѣйствительный тайный совѣтникъ Егоръ Павловичъ *Старицкій*.

По вопросу о назначеніи Е. П. Старицкому содержанія по новой его должности Государственный Секретарь докладывалъ Августѣйшему Предсѣдателю Государственнаго Совѣта слѣдующее:

«...Самъ Егоръ Павловичъ, по свойственной ему скромности, заявилъ мнѣ, что, въ виду только что пожалованной ему пенсіи,[82] онъ находилъ бы нынѣ неудобнымъ увеличивать получаемое имъ содержаніе. Поэтому онъ считалъ бы для себя достаточнымъ, если бы ему было только предоставлено право занять квартиру въ домѣ, бывшемъ II Отдѣленія; квартирою этою онъ бы дорожилъ не только потому, что она избавила бы его отъ нѣкотораго расхода (около 2.000 руб.), но главнымъ образомъ по той причинѣ, что, пользуясь ею, онъ находился бы въ центрѣ новой своей дѣятельности, имѣя подъ рукою и ближайшихъ своихъ сотрудниковъ, и библіотеку, и всѣ дѣла Кодификаціоннаго Отдѣла. Такимъ образомъ онъ освободился бы отъ лишнихъ выѣздовъ, которыхъ онъ очень боится, такъ какъ петербургскій климатъ далеко не благопріятенъ для его здоровья.

«Затѣмъ, по порученію Вашего Высочества, я объяснялся по тому же вопросу съ Министромъ Финансовъ и Государственнымъ Контролеромъ. Оба они находятъ, что сколь ни желательно сбереженіе расходовъ казны, едва ли справедливо оставлять Е. П. Старицкаго по новой его должности, на которой ему придется напрягать всѣ свои силы,

безъ должнаго вознагражденія. Онъ получаетъ содержанія, какъ Членъ Государственнаго Совѣта, всего 10.000 р., тогда какъ большинство Членовъ, изъ которыхъ многіе даже не присутствуютъ въ Департаментахъ, получаютъ 12, 15, 18 и даже 26 тысячъ рублей. Если зачесть въ содержаніе Егора Павловича Всемилостивѣйше пожалованную ему пенсію, то этимъ значительно уменьшилось бы значеніе сей награды, пожалованной за особый, выходящій изъ общаго ряда трудъ, имѣвшій результатомъ сбереженіе для казны около двадцати милліоновъ рублей. Въ виду этого казалось бы справедливымъ и желательнымъ назначить Егору Павловичу, по должности Главноуправляющаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ, кромѣ квартиры, представляющейся довольно скромною, добавочное содержаніе въ размѣрѣ по крайней мѣрѣ двухъ тысячъ рублей. Въ случаѣ Высочайшаго на это соизволенія, онъ былъ бы сравненъ по окладу съ Государственнымъ Секретаремъ, получающимъ 12.000 руб.»

Его Величество соизволилъ какъ на назначеніе Е. П. Старицкому добавочнаго содержанія въ размѣрѣ 2.000 р., такъ и на предоставленіе ему квартиры.

Съ преобразованіемъ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи въ Кодификаціонный Отдѣлъ, въ вѣдѣніе послѣдняго перешла и принадлежавшая Отдѣленію типографія, получившая съ этого времени наименованіе Государственной. Денежныя средства II Отдѣленія были переданы въ распоряженіе Главноуправляющаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ, причемъ изъ нихъ было переведено въ смѣту Государственной Канцеляріи 9.000 р. для пополненія штата Канцеляріи двумя должностями Помощниковъ Статсъ-Секретаря.

Въ концѣ 1882 года князь С. Н. Урусовъ, вслѣдствіе усилившейся своей болѣзни, снова просилъ объ освобожденіи его отъ обязанностей Предсѣдателя Департамента Законовъ. Въ заботахъ о выборѣ ему преемника принялъ живое участіе Государственный Секретарь, озаботившійся, вмѣстѣ

съ тѣмъ, и вопросомъ о замѣщеніи престарѣлаго В. П. Титова на посту Предсѣдателя Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ. По совѣщаніи съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, Е. А. Перетцъ составилъ списокъ предполагаемыхъ кандидатовъ на обѣ высокія должности. Затѣмъ Великій Князь поручилъ ему переговорить по этому вопросу съ княземъ Урусовымъ. Объ исполненіи этого порученія Государственный Секретарь представилъ Его Высочеству слѣдующій докладъ:

«Князь Урусовъ былъ чрезвычайно обрадованъ знакомъ довѣрія Вашего Императорскаго Высочества. «Радъ сослужить *послѣднюю* службу,—*скоро умру*», сказалъ онъ, склонясь къ моему уху.

«Бесѣда съ княземъ очень трудна. Нужно просить его иногда по два и по три раза повторять сказанное; иногда же онъ долженъ прибѣгать къ мимикѣ и карандашу. Чтобы получить обстоятельные на все отвѣты, я просидѣлъ у него болѣе часа. Въ концѣ нашей бесѣды князь былъ чрезвычайно утомленъ.

«Князь Урусовъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, что нынѣшній Департаментъ Экономіи слишкомъ обремененъ и что отъ этого страдаетъ ходъ дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Всего лучше было бы раздѣлить его на два Департамента; но, въ виду оппозиціи графа Баранова, котораго оскорблять нежелательно, нужно передать законодательную финансовую часть въ Департаментъ Законовъ, а изъ этого Департамента дѣла юридическія и по народному просвѣщенію—въ Департаментъ Гражданскій.

«Когда мною предъявленъ былъ князю составленный по указаніямъ Вашего Высочества списокъ лицъ, могущихъ быть назначенными въ Предсѣдатели обоихъ Департаментовъ (Законовъ и Гражданскаго), онъ разсмотрѣлъ его весьма внимательно, видимо интересуясь дѣломъ...

«Резюмируя свои отзывы, князь Урусовъ указалъ окончательно на спискѣ: для Департамента Законовъ—Абазу и

Сольскаго, а для Департамента Гражданскаго—барона Николаи и Стояновскаго».

Предсѣдателемъ Департамента Законовъ былъ назначенъ, 1 Января 1883 года, Е. П. Старицкій, черезъ годъ замѣненный на этомъ посту барономъ А. П. Николаи. Предсѣдателемъ Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ былъ назначенъ, 1 Января 1884 года, Н. И. Стояновскій.

Е. А. Перетцъ продолжалъ и въ новое царствованіе внимательно слѣдить за всѣми, крупными и мелкими, событіями, имѣвшими какое либо отношеніе къ дѣятельности нашего высшаго законодательнаго установленія, причемъ нерѣдко высказывалъ по поводу распоряженій Предсѣдателя собственныя сужденія и дѣйствовалъ по личному своему почину. Въ дополненіе къ приведеннымъ выше примѣрамъ такого образа дѣйствій Государственнаго Секретаря можно указать еще на одинъ характерный для того времени случай.

Въ 1882 году, 20 Января, въ «Новомъ Времени» появилась слѣдующая замѣтка о *М. Н. Катковѣ:*

«Если вѣрить городскимъ слухамъ, М. Н. Катковъ, знаменитый редакторъ-издатель «Московскихъ Вѣдомостей», назначается членомъ Государственнаго Совѣта съ производствомъ въ тайные совѣтники

«Хотя, по тѣмъ же слухамъ, въ проектѣ указа г. Катковъ названъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и директоромъ лицея, но очевидно, что не за руководство этимъ частнымъ учебнымъ заведеніемъ правительство пожелало почтить московскаго политическаго оракула столь высокимъ административнымъ званіемъ. Награждена его не педагогическая, а долголѣтняя публицистическая дѣятельность.....

«Почтеніе, отданное литературнымъ заслугамъ г. Каткова, понятно, можетъ насъ только радовать» и т. д.

Эту статью Е. А. Перетцъ тотчасъ же, съ нарочнымъ, отослалъ Великому Князю Михаилу Николаевичу въ Гатчину, при запискѣ слѣдующаго содержанія:

«Считаю долгомъ почтительнѣйше обратить вниманіе Вашего Императорскаго Высочества на статью о Катковѣ въ представляемомъ при семъ нумерѣ «Новаго Времени».

«На прошедшей недѣлѣ распустили въ городѣ слухъ о назначеніи Каткова Членомъ Государственнаго Совѣта. Теперь печатаютъ объ этомъ статьи въ газетахъ почти какъ о совершившемся фактѣ, причемъ говорится даже о томъ, въ какихъ выраженіяхъ составленъ проектъ указа объ этомъ назначеніи.

«Не изволите ли Ваше Высочество признать, быть можетъ, полезнымъ испросить Высочайшее соизволеніе на оффиціальное опроверженіе распространяемаго слуха? Не скрою, что онъ волнуетъ не только общество, но даже и Членовъ Совѣта».

Узнавъ, затѣмъ, что Августѣйшій Предсѣдатель Государственнаго Совѣта находится въ Петербургѣ, Государственный Секретарь въ тотъ же день послалъ Ему вторую записку:

«Предполагая, что Ваше Высочество въ Гатчинѣ, я дозволилъ себѣ отправить туда съ нарочнымъ докладную записку, въ которой обращалъ вниманіе Ваше на сегодняшнюю статью «Новаго Времени» о назначеніи Каткова Членомъ Государственнаго Совѣта. Въ статьѣ этой приводятся даже выраженія, будто бы употребленныя въ указѣ о назначеніи его. Очень сожалѣю, что не могу приложить самой статьи, такъ какъ она отправлена была мною въ Гатчину при докладной запискѣ. По всей вѣроятности, «Новое Время» есть во Дворцѣ Вашего Высочества.

«Мнѣ казалось бы, что слѣдовало бы испросить Высочайшее соизволеніе Государя Императора на оффиціальное опроверженіе слуха, который волнуетъ не только общество, но даже и Членовъ Совѣта. Многіе изъ нихъ обращались

ко мнѣ съ вопросомъ о томъ, дѣйствительно ли Катковъ назначается въ Государственный Совѣтъ? Къ тому же, указаніе Высшему Правительству кандидатовъ въ Члены Государственнаго Совѣта едва ли есть дѣло журналистовъ.

Послѣднее засѣданіе Общаго Собранія въ Зимнемъ Дворцѣ.

Безъ сомнѣнія, они будутъ рады провести кого-либо изъ своей среды....»

Нѣсколько дней спустя, въ той же газетѣ появилась новая замѣтка о томъ же предметѣ. Тогда Государственный Секретарь снова написалъ Его Высочеству:

«Въ «Новомъ Времени» въ воскресенье опять появилась статья о назначеніи Каткова Членомъ Государственнаго Совѣта. Въ статьѣ этой говорится, между прочимъ, что должность эта для него *не находка* и что онъ отъ нея *отказался*. Весьма многіе Члены Совѣта глубоко оскорблены такими недостойными выходками. На случай, если бы Вашему Высочеству угодно было испросить Высочайшее соизволеніе Государя Императора на оффиціальное опроверженіе распущенныхъ слуховъ, я имѣю честь представить проектъ такого опроверженія. Оно составлено мною по

возможности кратко, безъ всякой полемики. Мнѣ кажется, что достоинство Правительства не дозволяетъ входить въ какія либо сужденія по такому вопросу».

Одобренное Государемъ и напечатанное, два дня спустя, въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» опроверженіе было составлено въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«*Правительственное сообщеніе.* Въ нѣкоторыхъ повременныхъ изданіяхъ сообщены были слухи о предстоявшемъ, будто бы, назначеніи редактора «Московскихъ Вѣдомостей» тайнаго совѣтника Каткова Членомъ Государственнаго Совѣта, и даже о томъ, будто бы онъ отказался отъ высокаго сего назначенія.

«Оба эти слуха лишены *всякаго основанія*».

1 Января 1883 года Е. А. Перетцъ былъ назначенъ Членомъ Государственнаго Совѣта, съ производствомъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Болѣе 16 лѣтъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ Членовъ Департамента Законовъ и скончался 19 Февраля 1899 года.

II.

Одновременно съ увольненіемъ Е. А. Перетца отъ должности Государственнаго Секретаря, 1 Января 1883 года, послѣдовало назначеніе на эту должность Статсъ-Секретаря Его Императорскаго Величества, Сенатора, тайнаго совѣтника Александра Александровича *Половцова.*

А. А. Половцовъ (1832—1909), по окончаніи курса въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія, поступилъ на службу въ Правительствующій Сенатъ, гдѣ и прошла вся его служебная дѣятельность до назначенія его Государственнымъ Секретаремъ. Занимая должности оберъ-секретаря, а затѣмъ—оберъ-прокурора I Департамента, въ 1873 году онъ былъ назначенъ Сенаторомъ и въ 1880—1881 годахъ

ревизовалъ, по Высочайшему повелѣнію, губерніи Черниговскую и Кіевскую, причемъ въ дѣлопроизводствѣ по этой ревизіи принимали участіе нѣкоторые чины Государственной Канцеляріи. Но дѣятельность А. А. Половцова не ограничивалась одною служебною работою. Обладая обширными познаніями въ новѣйшей русской исторіи, онъ былъ въ 1866 году однимъ изъ учредителей Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, въ которомъ, съ самаго его основанія, занималъ должность секретаря до 1878 года, когда, по смерти князя П. А. Вяземскаго, былъ избранъ въ предсѣдатели. Подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ и при дѣятельномъ его участіи издано 15 томовъ «Сборника» названнаго Общества, заключающихъ въ себѣ богатѣйшій матеріалъ для исторіи Россіи въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. По его же мысли и подъ его редакціей начато изданіе Русскаго Біографическаго Словаря. Ученые труды А. А. Половцова были оцѣнены по достоинству Императорской Академіей Наукъ и въ торжественномъ ея засѣданіи 29 Декабря 1884 года онъ былъ провозглашенъ почетнымъ членомъ ея. Извѣщая Статсъ-Секретаря Половцова о послѣдовавшемъ избраніи его, Академія сочла нужнымъ высказать, что она считаетъ и считала для себя высокою честью пріобщить покойнаго къ личному своему составу. Какъ любитель искусства, А. А. Половцовъ состоялъ попечителемъ Центральнаго училища техническаго рисованія барона Штиглица и съ большою заботливостью относился къ нуждамъ этого учрежденія. Имъ собрана также замѣчательная коллекція картинъ и художественныхъ вещей.

Вскорѣ по назначеніи А. А. Половцова Государственнымъ Секретаремъ Главноуправлявшій Кодификаціоннымъ Отдѣломъ Е. П. Старицкій, по болѣзни, былъ уволенъ отъ своей должности. По случаю этого увольненія Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть вновь разсмотрѣть въ Совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта вопросъ о сближеніи

дѣятельности кодификаціоннаго учрежденія съ дѣятельностью Государственной Канцеляріи.

Приступивъ къ исполненію Высочайшей воли, Совѣщаніе выслушало объясненія бывшаго Главноуправляющаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ, изложившаго вкратцѣ сущность своихъ предположеній относительно трудовъ по разработкѣ Свода и изданію Полнаго Собранія Законовъ. При этомъ Е. П. Старицкій высказалъ убѣжденіе, что указанная задача должна быть исполнена, по возможности, быстрымъ и одновременнымъ изданіемъ вновь всѣхъ томовъ Свода Законовъ и потому не можетъ не потребовать трехъ или четырехъ лѣтъ усиленной дѣятельности лица, къ этому дѣлу исключительно призваннаго. Съ своей стороны, Государственный Секретарь заявилъ, что при опредѣленіи въ указанныхъ размѣрахъ задачи Кодификаціоннаго Отдѣла, соединеніе его съ Государственною Канцеляріею едва ли представляется возможнымъ. Статсъ-Секретарь Д. М. Сольскій, также участвовавшій въ Совѣщаніи, считалъ необходимымъ оговорить, что задача Отдѣла по изданію Свода Законовъ, во всякомъ случаѣ, должна считаться лишь временною и что, вслѣдъ за ея исполненіемъ, Отдѣлъ долженъ войти въ составъ Государственной Канцеляріи. Раздѣляя это мнѣніе, Совѣщаніе положило, не измѣняя порядка, установленнаго для дѣятельности Кодификаціоннаго Отдѣла указомъ 23 Января 1882 года, признать, что вслѣдъ за новымъ изданіемъ Свода Законовъ Кодификаціонный Отдѣлъ долженъ войти въ составъ Государственной Канцеляріи. Это заключеніе и удостоилось, 9 Марта 1883 года, Высочайшаго утвержденія. На должность Главноуправляющаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ былъ назначенъ, 17 Апрѣля того же года, Членъ Государственнаго Совѣта Статсъ-Секретарь, тайный (впослѣдствіи—дѣйствительный тайный) совѣтникъ Эдуардъ Васильевичъ *Фришъ*.

По прежде бывшимъ примѣрамъ, въ 1883 году нѣкоторые чины Государственной Канцеляріи (а именно: Статсъ-Секретари Департамента Законовъ и Отдѣленія Дѣлъ Государственнаго Секретаря, журналистъ, его помощникъ, чиновникъ для письма и двое причисленныхъ) были командированы въ Москву на время Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Пребываніе ихъ въ Москвѣ продолжалось съ 8 Мая по 1 Іюня.

Высочайшимъ повелѣніемъ 9 Іюня 1884 года было учреждено при Государственномъ Совѣтѣ Временное Присутствіе для предварительнаго разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ жалобъ на опредѣленія Департаментовъ Правительствующаго Сената. Предсѣдателемъ этого Присутствія былъ назначенъ Статсъ-Секретарь Его Императорскаго Величества, дѣйствительный тайный совѣтникъ *М. С. Каханов*ъ, а дѣлопроизводство возложено на Государственную Канцелярію. Въ слѣдующемъ году, 25 Мая, Высочайше повелѣно было сохранить Временное Присутствіе на существующихъ основаніяхъ впредь до особаго Высочайшаго указанія. Затѣмъ, 21 Марта 1890 года, этому временному учрежденію присвоено названіе Особаго при Государственномъ Совѣтѣ Присутствія для предварительнаго разсмотрѣнія жалобъ на опредѣленія Департаментовъ Правительствующаго Сената, и штатъ Государственной Канцеляріи усиленъ должностями: одного Помощника Статсъ-Секретаря, одного дѣлопроизводителя, двухъ старшихъ помощниковъ дѣлопроизводителя, одного журналиста, одного помощника журналиста и двухъ чиновниковъ для письма.

Вступивъ въ должность Государственнаго Секретаря, А. А. Половцовъ, подобно своему предшественнику Е. А. Перетцу, не могъ не обратить серьезнаго вниманія на вопросъ объ огражденіи безопасности помѣщенія, занимаемаго

А. А. Половцовъ.

По прежде бывшимъ примѣрамъ, въ 1883 году нѣкоторые члены Государственной Канцеляріи (а именно: Статсъ-Секретарь Департамента Законовъ и Отдѣленія Дѣлъ Государственнаго Секретаря, журналистъ, его помощникъ, чиновникъ для письма и двое причисленныхъ) были командированы въ Москву на время Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Пребываніе ихъ въ Москвѣ продолжалось съ 8 Мая по 1 Іюня.

Высочайшимъ повелѣніемъ 9 Іюня 1884 года было учреждено при Государственномъ Совѣтѣ Временное Присутствіе для предварительнаго разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ жалобъ на опредѣленія Департаментовъ Правительствующаго Сената. Предсѣдателемъ этого Присутствія былъ назначенъ Статсъ-Секретарь Его Императорскаго Величества, дѣйствительный тайный совѣтникъ *М. С. Каханов*ъ, а дѣлопроизводство возложено на Государственную Канцелярію. Въ слѣдующемъ году, 25 Мая, Высочайше повелѣно было сохранить Временное Присутствіе на существующихъ основаніяхъ впредь до особаго Высочайшаго указанія. Затѣмъ, 21 Марта 1890 года, этому временному учрежденію присвоено названіе Особаго при Государственномъ Совѣтѣ Присутствія для предварительнаго разсмотрѣнія жалобъ на опредѣленія Департаментовъ Правительствующаго Сената, и штатъ Государственной Канцеляріи усиленъ должностями: одного Помощника Статсъ-Секретаря, одного дѣлопроизводителя, двухъ старшихъ помощниковъ дѣлопроизводителя, одного журналиста, одного помощника журналиста и двухъ чиновниковъ для письма.

Вступивъ въ должность Государственнаго Секретаря, А. А. Половцовъ, подобно своему предшественнику Е. А. Перетцу, не могъ не обратить серьезнаго вниманія на вопросъ объ огражденіи безопасности помѣщенія, занимаемаго

А. А. Половцовъ.

Маріинскій Дворецъ.

въ Зимнемъ Дворцѣ Государственнымъ Совѣтомъ. Одному изъ чиновниковъ Государственной Канцеляріи было поручено произвести подробный осмотръ подваловъ подъ комнатами Государственнаго Совѣта и Государственной Канцеляріи. Вслѣдствіе доклада этого чиновника, Государственный Секретарь пришелъ къ убѣжденію въ необходимости немедленно принять нѣкоторыя мѣры для достиженія указанной цѣли, а именно: перевести винный погребъ Зимняго Дворца и служителей этого погреба, занимавшихъ большую часть подвальнаго этажа Стараго Эрмитажа (и притомъ—непосредственно подъ присутственнымъ заломъ и столовой Государственнаго Совѣта) въ другое помѣщеніе; устроить металлическія сѣтки, ставни или рѣшетки въ окнахъ этого этажа, выходящихъ на набережную Невы; установить въ подвальномъ этажѣ постоянное дежурство и предоставить особо назначеннымъ для этого чиновникамъ Государственной Канцеляріи право производить, по распоряженію Государственнаго Секретаря, осмотры подвальныхъ

помѣщеній, находящихся подъ комнатами Государственнаго Совѣта и Государственной Канцеляріи и, въ случаѣ надобности, дежурить въ этихъ помѣщеніяхъ въ дни и часы засѣданій Государственнаго Совѣта.

Вообще, неудобства помѣщеній, отведенныхъ въ Зимнемъ Дворцѣ Государственному Совѣту и Государственной Канцеляріи, съ каждымъ годомъ ощущались все сильнѣе. По всеподданнѣйшему докладу Государственнаго Секретаря, лѣтомъ 1884 года было образовано Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Департамента Государственной Экономіи графа *Э. Т. Баранова,* для обсужденія вопроса о пріобрѣтеніи въ казну принадлежавшаго Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Герцогамъ Лейхтенбергскимъ Маріинскаго Дворца, для помѣщенія въ немъ какъ Государственнаго Совѣта и Государственной Канцеляріи, такъ и нѣкоторыхъ другихъ высшихъ государственныхъ учрежденій. Результатомъ трудовъ этого Совѣщанія явился Высочайшій указъ 14 Іюля 1884 года на имя Министра Императорскаго Двора о пріобрѣтеніи въ казну зданій Маріинскаго Дворца, въ которомъ, кромѣ Государственнаго Совѣта и Государственной Канцеляріи, были помѣщены Комитетъ Министровъ съ своею Канцеляріею и Канцелярія Его Императорскаго Величества по принятію прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ. Торжественное освященіе новаго помѣщенія Государственнаго Совѣта и Государственной Канцеляріи, а также и первое Общее Собраніе Совѣта въ новомъ залѣ, состоялись 11 Февраля 1885 года.

Маріинскій Дворецъ былъ построенъ въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ для Великой Княгини Маріи Николаевны архитекторомъ *Штакеншнейдеромъ,* ученикомъ Монферана. На мѣстѣ, занимаемомъ теперь Дворцомъ, стоялъ въ концѣ XVIII вѣка домъ графа Захарія Григорьевича Чернышева, пріобрѣтенный послѣ смерти графа въ казну и отданный затѣмъ первоначально—подъ помѣщеніе военной коллегіи,

а съ 1822 по 1838 годъ—подъ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Величественный наружный видъ Дворца, построеннаго въ стилѣ поздняго итальянскаго Возрожденія, находится въ полномъ соотвѣтствіи съ величавой красотой его многочисленныхъ парадныхъ залъ и покоевъ. Необыкновеннымъ изяществомъ отличается средняя круглая зала второго этажа, въ которой прежде происходили засѣданія Общаго Собранія Государственнаго Совѣта. Зала эта окружена высокими бѣлыми колоннами, стоящими въ два яруса одна надъ другою, и увѣнчана легкимъ, изящнымъ куполомъ, сквозь который она освѣщается верхнимъ свѣтомъ. Особенно роскошна зала, служившая для засѣданій Соединенныхъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта. Ея семь палисандровыхъ дверей, покрытыхъ искуснымъ наборомъ изъ бронзы, стоили 35.000 р. и были исполнены въ Мюнхенѣ, Нимфенбургскимъ мастеромъ Ксаверіемъ Фортнеромъ. Онѣ завершаются полукруглыми арками съ лѣпными барельефами классическаго содержанія, которые приписываются знаменитому Торвальдсену. Такіе же барельефы обрамляютъ, по карнизу, и четыре стѣны этой залы. Замѣчательны также зала, служившая для засѣданій Комитета Министровъ, съ типичной, въ томъ же стилѣ поздняго Возрожденія, фресковой живописью, и маленькій, очаровательный будуаръ Великой Княгини, весь въ зеркалахъ, весь обтянутый штофомъ, на которомъ причудливо извиваются легкія узорчатыя рамочки изъ золоченаго дерева въ стилѣ рокайль, окаймляющія наверху медальоны съ живописью. Не менѣе достойны вниманія и нѣкоторыя детали внутренняго убранства Дворца,—его мраморные фигурные камины съ тонкой мозаикой, каріатиды, лѣпные и расписные потолки, нѣсколько сохранившихся отъ прежняго времени бюстовъ. Небольшая дворцовая церковь интересна, между прочимъ, тѣмъ, что ея запрестольный образъ написанъ бывшимъ Вице-Президентомъ Академіи Художествъ, княземъ *Г. Г. Гагаринымъ.*

Управленіе Маріинскимъ Дворцомъ и завѣдываніе хозяйственною въ немъ частью было возложено, въ видахъ единства и удобства хозяйственныхъ распоряженій, подъ высшимъ наблюденіемъ Государственнаго Секретаря, на одного изъ подчиненныхъ ему лицъ, именно—смотрителя. Для ближайшаго же наблюденія за дѣйствіями и распоряженіями смотрителя учрежденъ при Государственной Канцеляріи Хозяйственный Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ одного изъ Помощниковъ Статсъ-Секретаря, изъ двухъ членовъ изъ числа чиновъ Канцеляріи, смотрителя и архитектора зданій Маріинскаго Дворца и (впослѣдствіи) архива Государственнаго Совѣта. Кромѣ этихъ членовъ Комитета, въ его засѣданіяхъ положено присутствовать чиновнику отъ Государственнаго Контроля. На обязанность Комитета возложены: разсмотрѣніе составляемой смотрителемъ годовой смѣты расходовъ по содержанію дворцовыхъ и архивныхъ зданій, а также предположеній смотрителя и архитектора относительно предстоящихъ ремонтныхъ работъ и способовъ удовлетворенія разныхъ хозяйственныхъ потребностей; обсужденіе проектовъ договоровъ и условій на производство работъ и поставку хозяйственныхъ предметовъ; повѣрка правильности производимыхъ по хозяйству Дворца и архива расходовъ, работъ и поставокъ и соображеніе всѣхъ прочихъ вопросовъ, относящихся до хозяйственной части дворцовыхъ и архивныхъ зданій, въ тѣхъ случаяхъ, когда Государственный Секретарь признаетъ нужнымъ имѣть по этимъ вопросамъ заключеніе Комитета.

Одновременно съ принятіемъ Маріинскаго Дворца въ вѣдѣніе Государственнаго Секретаря, по всеподданнѣйшему докладу А. А. Половцова послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы въ зданіи Дворца, по размѣщеніи въ немъ высшихъ государственныхъ учрежденій, жилыя помѣщенія устроены были только для лицъ, которыя, по свойству своихъ обязанностей, должны жить въ самомъ Дворцѣ, а именно—для смотрителя, его помощника и дворцовой

прислуги. Впослѣдствіи, въ 1893 году, по докладу Государственнаго Секретаря Н. В. Муравьева, въ Маріинскомъ Дворцѣ была отведена квартира для экспедитора Отдѣленія Дѣлъ Государственнаго Секретаря, въ виду того, что «по роду своей весьма отвѣтственной службы, названный чиновникъ долженъ быть во всякое время налицо для исполненія иногда очень спѣшныхъ, не терпящихъ отлагательства, распоряженій начальства».

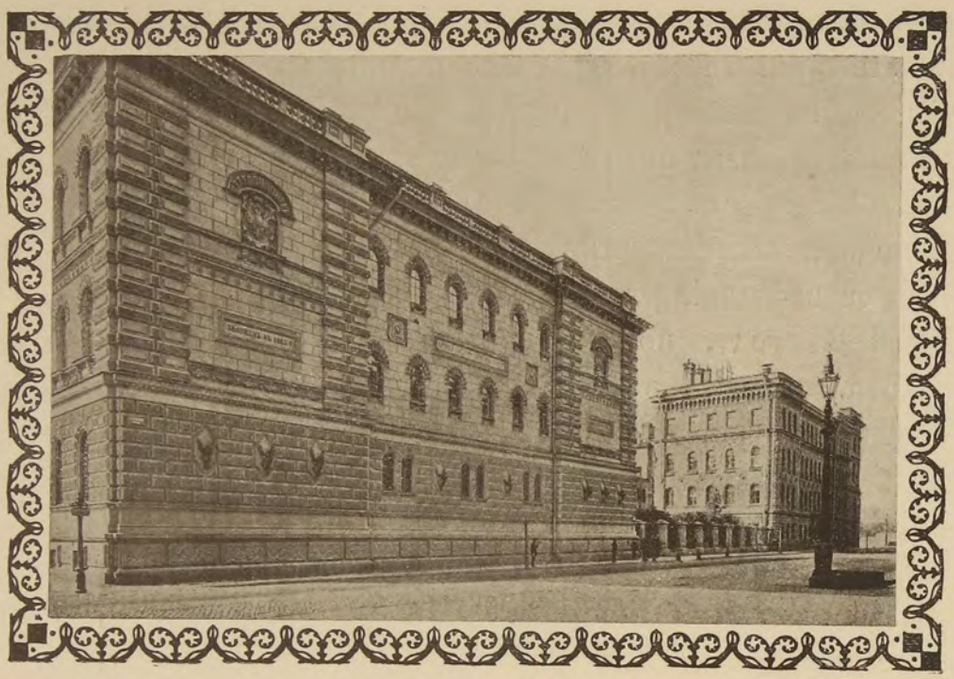
Во время управленія Государственною Канцеляріею А. А. Половцова былъ окончательно разрѣшенъ также и другой важный вопросъ, уже давно бывшій предметомъ заботъ Государственныхъ Секретарей,—о помѣщеніи архива Государственнаго Совѣта.

Какъ было сказано выше, послѣ бывшаго въ 1837 году въ Зимнемъ Дворцѣ пожара, архивъ Государственнаго Совѣта былъ, по Высочайшему повелѣнію, переведенъ въ зданіе Сената. Съ тѣхъ поръ Министромъ Юстиціи нѣсколько разъ высказывалось пожеланіе объ освобожденіи сенатскаго зданія отъ этого архива, но, за неимѣніемъ для него другого помѣщенія, желаніе это не могло быть исполнено. Въ 1871 году Министръ Юстиціи сообщилъ Государственному Секретарю, что за отводомъ въ зданіи Сената помѣщенія для Кассаціонныхъ Департаментовъ, а также въ виду необходимости расширить помѣщеніе Сенатскаго архива, въ которомъ число дѣлъ ежегодно увеличивается, совершенно необходимо вывести архивъ Государственнаго Совѣта изъ занимаемыхъ имъ комнатъ. Поэтому, а также въ виду того, что помѣщеніе архива въ зданіи Сената было крайне тѣсно, еще Д. М. Сольскій обращался въ разныя Министерства съ просьбою объ отводѣ удобнаго помѣщенія для архива, но получилъ отзывы, что въ ихъ распоряженіи нѣтъ удобныхъ зданій, и, наконецъ, пришелъ къ убѣжденію, что для окончательнаго разрѣшенія вопроса объ архивѣ нѣтъ другого средства, какъ покупка дома, по возможности, вблизи Зимняго Дворца. Для пріисканія такого дома была образо-

вана, въ Декабрѣ 1874 года, при Государственной Канцеляріи особая Коммисія, подъ предсѣдательствомъ управлявшаго Отдѣленіемъ дѣлъ Государственнаго Секретаря Статсъ-Секретаря *Ренненкампфа*. Коммисія эта, однако, не могла исполнить возложеннаго на нее порученія по причинѣ чрезмѣрно высокихъ цѣнъ на дома въ указанной части столицы. Между тѣмъ, въ Военномъ Министерствѣ возникла мысль о перестройкѣ зданія экзерциргауза при Зимнемъ Дворцѣ, и Военный Министръ Д. А. Милютинъ согласился уступить часть освободившагося отъ сломки стараго зданія мѣста подъ постройку дома для архива Государственнаго Совѣта. Планъ этой постройки былъ выработанъ Главнымъ Инженернымъ Управленіемъ, но къ его осуществленію можно было приступить, по соображеніямъ финансоваго свойства, только въ 1882 году. Новое зданіе архива было закончено постройкою въ 1887 году, а 10 Марта 1888 года состоялось открытіе архива въ новомъ его помѣщеніи. Такимъ образомъ, вся забота объ окончательномъ устройствѣ помѣщенія для архива Государственнаго Совѣта выпала на долю А. А. Половцова.

Но Государственный Секретарь заботился не только о томъ, чтобы обезпечить архивъ Государственнаго Совѣта помѣщеніемъ, вполнѣ отвѣчающимъ его назначенію и важности хранимыхъ въ немъ бумагъ; сознавая чрезвычайно важное значеніе этого архива для изученія отечественной исторіи, А. А. Половцовъ стремился дать архиву возможно болѣе удовлетворительное устройство и вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть возможной полноты его состава. Еще въ 1884 году онъ вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о сосредоточеніи въ архивѣ Государственнаго Совѣта хранящихся въ различныхъ мѣстахъ актовъ и документовъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе, за время, начиная съ царствованія Императора Петра Великаго. Императоръ Александръ III, всегда живо интересовавшійся успѣхами русской исторической науки, отнесся къ мысли Государствен-

наго Секретаря съ полнымъ одобреніемъ и Высочайше соизволилъ на учрежденіе подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря Половцова особой Коммисіи для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ такимъ пополненіемъ архива, изъ членовъ отъ Правительствующаго Сената, Святѣйшаго Синода и Министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ и Военнаго. Первое засѣданіе этой Коммисіи состоялось, однако, лишь въ 1888 году, по окончаніи устройства новаго зданія архива, причемъ въ это засѣданіе явились только члены отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ—тайный совѣтникъ баронъ Стуартъ и отъ Военнаго Министерства—генералъ-маіоръ Ореусъ, такъ что предсѣдатель Коммисіи не призналъ возможнымъ придать этому засѣданію строго-оффиціальное значеніе, а предпочелъ обратить его въ предварительное частное совѣщаніе. По обмѣнѣ мнѣній присутствовавшіе пришли къ заключенію, что, независимо отъ отдѣльныхъ актовъ, дѣлъ и документовъ, которые Государю Императору благоугодно будетъ повелѣть сосредоточить во вновь образуемомъ при Государственномъ Совѣтѣ центральномъ архивѣ, при постепенномъ его развитіи, въ архивъ этотъ нынѣ же должны быть переданы дѣла всѣхъ тѣхъ упраздненныхъ учрежденій, изъ которыхъ образовался Государственный Совѣтъ, каковы: 1) Ближняя Канцелярія 1705—1726 гг.; 2) Верховный Тайный Совѣтъ 1726—1730 гг.; 3) Кабинетъ Ея Величества 1731—1741 гг.; 4) Конференція 1741—1768 гг., и 5) Совѣты 1768—1801 гг. Документы Совѣтовъ 1768—1801 гг. уже и ранѣе находились въ архивѣ Государственнаго Совѣта и, какъ было сказано выше, послужили матеріаломъ для историческаго очерка В. И. Туманскаго; къ мысли же о передачѣ документовъ болѣе ранней эпохи владѣющія ими учрежденія, въ особенности Главный Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, отнеслись далеко не съ полною готовностью. Это побудило Статсъ-Секретаря Половцова испросить Высочайшее соизволеніе на внесеніе въ Государственный

Архивъ Государственнаго Совѣта.

Совѣтъ представленія объ образованіи Центральнаго Архива государственныхъ актовъ и документовъ и о передачѣ въ него нѣкоторыхъ дѣлъ. Представленіе это, внесенное 28 Февраля 1889 года, осталось, однако же, не разсмотрѣннымъ въ теченіе болѣе десяти лѣтъ и 28 Октября 1899 года было возвращено Государственному Секретарю В. К. Плеве, согласно заявленному имъ желанію.

Стараніями А. А. Половцова возобновились также и работы по описанію архива Государственнаго Совѣта, прерванныя въ 1885 году смертью Н. В. Калачева. По всеподданнѣйшему докладу Государственнаго Секретаря о томъ, что предпринятое въ 1869 году изданіе «Архива Государственнаго Совѣта», въ качествѣ подробной справочной книги прошлаго, представляетъ важное пособіе для современныхъ законодательныхъ работъ и въ то же время служитъ цѣннымъ матеріаломъ для ученыхъ изслѣдованій по исторіи отечественнаго законодательства, Государь Императоръ, 10 Декабря 1886 года, Высочайше повелѣть соизво-

лилъ продолжать систематическое описаніе архива Государственнаго Совѣта, возложивъ его дальнѣйшее составленіе и редактированіе на члена Археографической Коммиссіи Министерства Народнаго Просвѣщенія *Г. Ѳ. Штендмана* и Помощника Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта (нынѣ — Членъ Государственнаго Совѣта, оберъ-гофмейстеръ Высочайшаго Двора) *П. М.* фонъ-*Кауфмана,* подъ ближайшимъ руководствомъ Статсъ-Секретаря Половцова, съ тѣмъ, чтобы общее наблюденіе за этою работою оставалось, по-прежнему, за Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Такимъ образомъ, послѣ двухъ частей тома IV, заключающихъ въ себѣ журналы Департамента Государственной Экономіи съ 1810 по 1825 годъ и вышедшихъ въ концѣ 1881 года подъ редакціей Н. В. Калачева, былъ изданъ въ 1888 году томъ II («Совѣтъ въ царствованіе Императора Павла I»); затѣмъ, въ 1892 году появилась еще одна книга (названная т. IV, ч. 1), содержащая журналы Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ за время царствованія Императора Александра I, а въ слѣдующемъ году—3-я часть того же IV тома, съ журналами Департамента Законовъ, по Гражданскому Отдѣленію, за тотъ же періодъ времени. Эта послѣдняя книга была редактирована Г. Ѳ. Штендманомъ и чиновникомъ Государственной Канцеляріи *Н. Я. Розенфельдъ-Фрейбергомъ,* замѣнившимъ П. М. Кауфмана.

Наряду съ работами по описанію старыхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта, А. А. Половцовымъ обращено было вниманіе и на ежегодные отчеты по новымъ дѣламъ. Государственный Секретарь нашелъ, что въ этихъ отчетахъ помѣщается много свѣдѣній и матеріаловъ по такимъ предметамъ, которые не имѣютъ существеннаго значенія для характеристики основной дѣятельности Государственнаго Совѣта, какъ высшаго въ Имперіи установленія, вѣдающаго преимущественно законодательныя и финансовыя дѣла, и потому не могутъ представлять интереса ни для Его Императорскаго Величества, ни для тѣхъ лицъ и учрежденій,

которымъ отчеты, съ Высочайшаго соизволенія, ежегодно разсылаются. По этимъ соображеніямъ содержаніе отчетовъ было значительно сокращено, такъ что отчеты за 1882 и 1883 годы по своему объему были вдвое меньше отчетовъ за предшествовавшіе три года; но затѣмъ объемъ отчетовъ снова значительно увеличился, такъ что отчетъ за 1888 годъ составилъ книгу уже въ 900 страницъ. Это увеличеніе объема отчетовъ объясняется какъ увеличеніемъ количества дѣлъ, поступавшихъ на уваженіе Государственнаго Совѣта, такъ и тѣмъ, что дѣла эти стали излагаться все болѣе и болѣе подробно, особенно—въ той ихъ части, которая передавала сужденія Государственнаго Совѣта и, въ большинствѣ случаевъ, являлась почти простою перепечаткою журналовъ или меморій.

Изъ событій внутренней жизни Государственной Канцеляріи за время управленія ею А. А. Половцова слѣдуетъ отмѣтить установленіе, по всеподданнѣйшему докладу Августѣйшаго Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, 27 Марта 1885 года, лѣтнихъ вакацій для Департамента Государственной Экономіи. До 1885 года этотъ Департаментъ въ теченіе вакантнаго въ Государственномъ Совѣтѣ времени обыкновенно продолжалъ имѣть засѣданія для разрѣшенія дѣлъ, касавшихся преимущественно отпуска сверхсмѣтныхъ кредитовъ. Съ принятіемъ мѣръ къ возможному сокращенію сверхсмѣтныхъ ассигнованій представилась возможность прекращать и лѣтнія засѣданія Департамента Экономіи. Такимъ образомъ, и чины Отдѣленія Экономіи, работавшіе прежде въ теченіе цѣлаго года, были уравнены, въ отношеніи пользованія лѣтнимъ свободнымъ временемъ, съ прочими своими товарищами по Канцеляріи.

Изъ числа ближайшихъ сотрудниковъ А. А. Половцова Статсъ-Секретарь Департамента Законовъ *В. А. Желѣзниковъ* занималъ эту должность съ 1880 года (ранѣе былъ Статсъ-Секретаремъ Гражданскаго Департамента) до своей кончины (21 Ноября 1889 года); на его мѣсто былъ пере-

веденъ управлявшій съ 1886 года Отдѣленіемъ Дѣлъ Государственнаго Секретаря *М. В. Красовскій* (нынѣ Членъ Государственнаго Совѣта по выборамъ отъ Черниговскаго земства). По назначеніи М. В. Красовскаго, въ 1890 году, Директоромъ I Департамента Министерства Юстиціи, должность Статсъ-Секретаря Департамента Законовъ занялъ *Н. Э. Шмеманъ* (нынѣ—Членъ Государственнаго Совѣта), бывшій ранѣе (съ 1885 года) Помощникомъ Статсъ-Секретаря и, по свидѣтельству А. А. Половцова, постоянно обращавшій на себя вниманіе прекрасными способностями и усерднымъ исполненіемъ своихъ обязанностей. Статсъ-Секретарь Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ *И. И. Кабатъ*, занимавшій эту должность съ 1 Января 1880 года, въ Сентябрѣ 1883 года былъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, уволенъ отъ службы; преемникомъ его былъ *Н. П. Боголюбовъ*, всего за 8 мѣсяцевъ передъ тѣмъ назначенный Помощникомъ Статсъ-Секретаря, а ранѣе бывшій юрисконсультомъ Министерства Юстиціи. Управленіе Отдѣленіемъ Дѣлъ Государственнаго Секретаря, послѣ перемѣщенія М. В. Красовскаго, было возложено на Статсъ- Секретаря *Г. Г. Яковлева*, который и занималъ эту должность до назначенія своего, въ 1893 году, Сенаторомъ.

Отношенія А. А. Половцова къ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ по Государственной Канцеляріи, а также и ко всѣмъ прочимъ ея чинамъ, всегда отличались доброжелательностью. Въ особенности Государственный Секретарь цѣнилъ труды Статсъ-Секретарей. «Вашему Величеству извѣстно», писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ, «сколь отвѣтственной и трудной представляется служба упомянутыхъ чиновъ. Въ качествѣ докладчиковъ въ высшемъ государственномъ установленіи Имперіи, отъ нихъ не только требуются обширныя познанія по разнообразнымъ отраслямъ законодательства и управленія, но, при крайне ограниченномъ составѣ Государственной Канцеляріи, на нихъ же упадаетъ и огромное бремя исполнительнаго труда,

который, по самой его сложности и свойству, нерѣдко превышаетъ силы ихъ сотрудниковъ. Въ другихъ вѣдомствахъ дѣла и отвѣтственность распредѣляются между служащими. Въ Департаментахъ Совѣта все лежитъ на одномъ Статсъ-Секретарѣ, который, силою закона, ставится въ обязанность сознательно отнестись къ каждому слову, провѣрить каждую, можно сказать, букву подносимыхъ къ утвержденію Вашему законодательныхъ актовъ. При развитіи, котораго достигла, въ послѣднее время, дѣятельность Государственнаго Совѣта, такой трудъ принялъ размѣры поистинѣ колоссальные. Являясь ежедневнымъ свидѣтелемъ посвящаемыхъ ему напряженныхъ усилій, не могу умолчать, что они далеко не вознаграждаются прямыми служебными выгодами. Достаточно замѣтить, что содержаніе, назначенное Статсъ-Секретарямъ, не достигаетъ, по величинѣ, многихъ изъ окладовъ, получаемыхъ въ другихъ вѣдомствахъ лицами, ниже ихъ поставленными. Если, не смотря на это, Статсъ-Секретари, не жалѣя усилій, всецѣло посвящаютъ себя тяжкой и отвѣтственной службѣ, то это объясняется единственно выборомъ лицъ, сознающихъ важное значеніе своей дѣятельности и беззавѣтно преданныхъ долгу. Для поддержанія въ такихъ лицахъ энергіи возможенъ одинъ только путь: они должны имѣть увѣренность, что ихъ усилія лично извѣстны Монарху и что ихъ преданность Престолу встрѣчаетъ въ Немъ благосклонную признательность и справедливую оцѣнку».

Въ отношеніи младшихъ чиновъ Государственной Канцеляріи А. А. Половцовъ замѣтилъ, что получаемые ими оклады не соотвѣтствуютъ современной стоимости канцелярскаго труда, и потому особенно заботился объ увеличеніи ихъ вознагражденія какъ на счетъ особаго награднаго кредита, положеннаго по смѣтѣ Государственной Канцеляріи, такъ и на счетъ остатковъ отъ смѣтныхъ назначеній. Но такъ какъ эти суммы иногда оказывались недостаточными, то Государственный Секретарь остановился на мысли, во избѣжаніе ходатайства о назначеніи на этотъ предметъ доба-

вочнаго кредита, обратить на указанную надобность часть суммы, составлявшей его собственное содержаніе за время лѣтняго отпуска, въ размѣрѣ 4.409 р., и, по соглашенію съ Министромъ Финансовъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вносилъ въ Государственный Совѣтъ представленія о подкрѣпленіи этою суммою награднаго кредита. Этотъ добавочный кредитъ расходовался преимущественно на выдачу пособій лицамъ, причисленнымъ къ Государственной Канцеляріи или занимавшимъ сверхштатныя должности.

1 Іюля 1892 года А. А. Половцовъ былъ назначенъ Членомъ Государственнаго Совѣта и до послѣдняго преобразованія Совѣта присутствовалъ въ Департаментѣ Законовъ. Скончался 24 Сентября 1909 года.

III.

Преемникомъ А. А. Половцова по должности Государственнаго Секретаря 22 Іюля 1892 года Всемилостивѣйше повелѣно было быть оберъ-прокурору Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, тайному совѣтнику (впослѣдствіи—дѣйствительный тайный совѣтникъ и Статсъ-Секретарь Его Императорскаго Величества) Николаю Валеріановичу *Муравьеву*.

Н. В. Муравьевъ (1850—1908), окончивъ въ 1870 году курсъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета со степенью кандидата правъ, въ томъ же году поступилъ на службу кандидатомъ на судебныя должности при прокурорѣ Московской судебной палаты, затѣмъ послѣдовательно занималъ должности товарища прокурора Рязанскаго и Московскаго окружныхъ судовъ, а въ 1879 году былъ назначенъ товарищемъ прокурора С.-Петербургской судебной палаты. Состоя въ этой должности, Н. В. Муравьевъ исполнялъ, между прочимъ, прокурорскія обязанности при Осо-

бомъ Присутствіи Правительствующаго Сената, учрежденномъ для сужденія дѣла о злодѣяніи 1 Марта 1881 года. Съ 1881 года Н. В. Муравьевъ занималъ должности прокурора сначала С.-Петербургской, затѣмъ—Московской судебной палаты, а съ 4 Декабря 1891 года былъ оберъ-прокуроромъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента.

Въ ряду задачъ, осуществленіе которыхъ выпало на долю новаго Государственнаго Секретаря, первое, по времени, мѣсто занимаетъ установленіе новаго, постояннаго, штата Государственной Канцеляріи, съ цѣлью вывести ее изъ того переходнаго состоянія, въ которомъ она дотолѣ находилась, и придать ей болѣе опредѣленную и стройную организацію, согласованную съ условіями ея тогдашней дѣятельности. Временный штатъ Канцеляріи, Высочайше утвержденный 31 Декабря 1869 года и затѣмъ, какъ сказано выше, особыми Высочайшими повелѣніями продленный на неопредѣленное время, въ началѣ 1890-хъ годовъ уже не отвѣчалъ настоятельнымъ потребностямъ Канцеляріи. Вокругъ него, въ удовлетвореніе разнаго рода практическихъ надобностей, постепенно образовались разнородныя наслоенія, глубоко его видоизмѣнившія, не безъ ущерба для ясности и простоты не только самаго штата, но и канцелярскаго счетоводства. Слагаясь хотя и по отдѣльнымъ поводамъ, такія видоизмѣненія, тѣмъ не менѣе, быстро укоренялись и продолжали иногда существовать даже и по минованіи причинъ, ихъ вызвавшихъ. Достаточно сказать, что въ теченіе 23 лѣтъ существованія временнаго штата состоялось, въ дополненіе къ нему, 20 Высочайше утвержденныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта и особыхъ Высочайшихъ повелѣній. Притомъ, лишь немногія изъ числа этихъ узаконеній имѣли предметомъ увеличеніе количества штатныхъ чиновъ Канцеляріи. Именно, на основаніи Высочайшихъ повелѣній 23 Января и 25 Мая 1882 года штатъ Канцеляріи былъ увеличенъ должностями трехъ Помощниковъ Статсъ-Секретаря, одного журналиста и одного помощ-

ника журналиста; затѣмъ, въ силу Высочайшихъ повелѣній 30 Декабря 1872 и 7 Января 1887 года, учреждены были двѣ должности дѣлопроизводителей сверхъ штата, съ содержаніемъ по 1.500 р. каждому. Всѣ же остальныя мѣры ограничивались ассигнованіемъ дополнительныхъ кредитовъ частью на вознагражденіе отдѣльныхъ лицъ, главнымъ же образомъ вообще на усиленіе личнаго состава Государственной Канцеляріи.

Ближайшимъ послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ явилось постоянное учрежденіе, за недостаточностью штатнаго состава, сверхштатныхъ должностей, съ присвоеніемъ нѣкоторымъ изъ нихъ, равно какъ и многимъ изъ причисленныхъ къ Канцеляріи, окладовъ содержанія на счетъ суммъ, отпускавшихся на усиленіе личнаго ея состава. При этомъ вознагражденіе всѣмъ упомянутымъ лицамъ назначалось, по необходимости, въ самыхъ разнообразныхъ размѣрахъ, въ зависимости отъ имѣвшихся въ данное время свободныхъ средствъ и личныхъ заслугъ чиновниковъ, занимавшихъ сверхштатныя должности. Кромѣ того, потребность въ большемъ числѣ чиновниковъ съ опредѣленными окладами содержанія удовлетворялась нерѣдко путемъ дробленія штатныхъ окладовъ и незамѣщенія, иногда подолгу, нѣкоторыхъ штатныхъ вакансій. Существованіе значительнаго числа сверхштатныхъ должностей наряду со штатными тѣхъ же наименованій, при невозможности замѣщенія многихъ изъ этихъ послѣднихъ, въ связи съ неравномѣрнымъ и отчасти произвольнымъ вознагражденіемъ сверхштатныхъ чиновниковъ и причисленныхъ, создали для службы въ Государственной Канцеляріи такія условія, которыя не могли не имѣть неблагопріятнаго вліянія на стройную цѣльность ея состава и правильное распредѣленіе его занятій. Трудно было, конечно, признать желательнымъ и справедливымъ такой порядокъ, при которомъ должностныя лица, несущія однородныя обязанности, были неодинаково обезпечены въ матеріальномъ отношеніи, причемъ и самое это обезпеченіе

было установлено не закономъ, а распоряженіемъ начальства, связаннаго, въ свою очередь, въ этомъ отношеніи измѣнчивою наличностью денежныхъ средствъ, которыми оно могло располагать.

Всѣ эти соображенія привели Н. В. Муравьева, вскорѣ по вступленіи его въ управленіе Государственною Канцеляріею, къ убѣжденію въ своевременности и настоятельной необходимости издать новый постоянный штатъ этого учрежденія.

«Не подлежитъ сомнѣнію», писалъ Государственный Секретарь въ своемъ представленіи по этому предмету въ Государственный Совѣтъ, «что трудно создать для служебной дѣятельности Государственной Канцеляріи, какъ и для всякаго другого государственнаго установленія, разъ навсегда опредѣленныя и неподвижныя рамки, ибо размѣръ и характеръ этой дѣятельности, очевидно, находятся въ прямой зависимости отъ политическаго и экономическаго роста Россіи, вызывающаго непрерывно новыя законодательныя и финансовыя мѣропріятія. Однако, 23-лѣтній опытъ существованія временнаго штата 1869 года, несомнѣнно, даетъ уже возможность выяснить средній уровень обращаемыхъ къ Государственной Канцеляріи требованій и тѣмъ самымъ установить, съ удовлетворительною точностью, размѣры и служебныя условія необходимаго для Канцеляріи состава на продолжительное время. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нынѣ можетъ найти себѣ разрѣшеніе и весьма существенный вопросъ о доведеніи служебнаго вознагражденія нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ Канцеляріи до размѣровъ, отвѣчающихъ какъ количеству и значенію возлагаемой на нихъ работы, такъ и современнымъ цѣнамъ на всѣ жизненныя потребности, и болѣе соотвѣтствующихъ окладамъ равныхъ должностей въ Министерствахъ. Въ то время, какъ штатная организація другихъ вѣдомствъ правильно и постепенно совершенствовалась органическимъ и законодательнымъ путемъ, сообразно нароставшимъ требованіямъ службы и лучшаго матеріаль-

Н. В. Муравьевъ.

было устроено не закономъ, а распоряженіемъ начальства, связаннаго, въ свою очередь, въ этомъ отношеніи извѣстною наличностью денежныхъ средствъ, которыми оно могло располагать.

Всѣ эти соображенія привели Н. В. Муравьева, вскорѣ по вступленіи его въ управленіе Государственною Канцеляріею, къ убѣжденію въ своевременности и настоятельной необходимости издать новый постоянный штатъ этого учрежденія.

«Не подлежитъ сомнѣнію», писалъ Государственный Секретарь въ своемъ представленіи по этому предмету въ Государственный Совѣтъ, «что трудно создать для служебной дѣятельности Государственной Канцеляріи, какъ и для всякаго другого государственнаго установленія, разъ навсегда опредѣленныя и неподвижныя рамки, ибо размѣръ и характеръ этой дѣятельности, очевидно, находятся въ прямой зависимости отъ политическаго и экономическаго роста Россіи, вызывающаго непрерывно новыя законодательныя и финансовыя мѣропріятія. Однако, 23-лѣтній опытъ существованія временнаго штата 1869 года, несомнѣнно, даетъ уже возможность выяснить средній уровень обращаемыхъ къ Государственной Канцеляріи требованій и тѣмъ самымъ установить, съ удовлетворительною точностью, размѣры и служебныя условія необходимаго для Канцеляріи состава на продолжительное время. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нынѣ можетъ найти себѣ разрѣшеніе и весьма существенный вопросъ о доведеніи служебнаго вознагражденія нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ Канцеляріи до размѣровъ, отвѣчающихъ какъ количеству и значенію возлагаемой на нихъ работы, такъ и современнымъ цѣнамъ на всѣ жизненныя потребности, и болѣе соотвѣтствующихъ окладамъ равныхъ должностей въ Министерствахъ. Въ то время, какъ штатная организація другихъ вѣдомствъ правильно и постепенно совершенствовалась органическимъ и законодательнымъ путемъ, сообразно нараставшимъ требованіямъ службы и лучшаго матеріаль-

Н. В. Муравьевъ.

наго обезпеченія служащихъ,—временный штатъ Государственной Канцеляріи становился устарѣлымъ, искусственно поддерживался на уровнѣ наиболѣе настоятельныхъ практическихъ потребностей лишь частными мѣропріятіями и, мало по малу, утратилъ всякую стройность и опредѣленность. Поэтому дальнѣйшее промедленіе въ замѣнѣ сего штата новымъ, цѣльнымъ и притомъ—постояннымъ законоположеніемъ было бы вполнѣ несогласно съ пользою дѣла и могло бы довести штатное неустройство Государственной Канцеляріи до крайнихъ предѣловъ шаткости и запутанности».

Обращаясь къ установленію новаго штата, Государственный Секретарь отмѣтилъ, прежде всего, что всѣ служащіе въ Государственной Канцеляріи, по роду ихъ занятій, дѣлятся на двѣ совершенно отличныя одна отъ другой категоріи: къ первой относятся лица, занимающіяся *дѣлопроизводствомъ* Государственнаго Совѣта, а ко второй—чиновники, исполняющіе собственно *канцелярскія* обязанности. Въ прежнихъ штатахъ это различіе не было проведено съ достаточною послѣдовательностью. Между тѣмъ, какъ по самому свойству занятій, такъ и по тѣмъ требованіямъ, какія должны быть предъявляемы къ лицамъ той и другой категоріи, они имѣютъ между собою такъ мало общаго, что ихъ признано было необходимымъ строго разграничить не только въ отношеніи окладовъ и движенія по службѣ, но также и путемъ различнаго наименованія занимаемыхъ ими должностей. Соотвѣтственно этому, къ первой категоріи были отнесены Статсъ-Секретари, ихъ Помощники и дѣлопроизводители, получившіе въ новомъ штатѣ наименованія старшихъ и младшихъ (VI и VII классовъ, съ окладами въ 2.800 и 1.800 р.), а также 3 должности секретарей при Предсѣдателяхъ Департаментовъ; ко второй—чиновники, поставленные во главѣ канцеляріи каждаго Отдѣленія и получившіе давно упраздненное наименованіе *экспедиторовъ*, съ окладомъ въ 3.000 р., ихъ помощники, архиваріусъ, реги-

страторъ, казначей, его помощникъ, библіотекарь и журналисты трехъ разрядовъ: IX, X и XII класса. Оклады и служебныя права Статсъ-Секретарей и Помощниковъ Статсъ-Секретаря оставлены были безъ измѣненій, но положенное по временному штату число Помощниковъ Статсъ-Секретаря (11) было признано совершенно недостаточнымъ. «Извѣстно», писалъ Н. В. Муравьевъ въ томъ же представленіи, «что Помощники Статсъ-Секретаря составляютъ важную рабочую силу Государственной Канцеляріи. Являясь ближайшими сотрудниками Статсъ-Секретарей, они несутъ сложныя и отвѣтственныя обязанности по производству дѣлъ, разсматриваемыхъ Государственнымъ Совѣтомъ. На нихъ возлагается изготовленіе журналовъ по всѣмъ существеннымъ законопроектамъ, разсмотрѣннымъ въ Департаментахъ Совѣта, и по всѣмъ безъ исключенія дѣламъ, вносимымъ на уваженіе Общаго его Собранія, такъ какъ, кромѣ Статсъ-Секретарей, изъ числа другихъ чиновъ Канцеляріи только Помощники Статсъ-Секретаря имѣютъ доступъ въ засѣданія означеннаго Собранія. Кромѣ того, этимъ же должностнымъ лицамъ поручается изготовленіе болѣе сложныхъ меморій, подносимыхъ на Высочайшее Имя, а равно управленіе архивомъ, завѣдываніе казначейскою частью и предсѣдательствованіе въ Хозяйственномъ Комитетѣ Канцеляріи. При такой постановкѣ должности Помощника Статсъ-Секретаря очевидно, что успѣхъ служебной дѣятельности Государственной Канцеляріи находится въ непосредственной зависимости отъ достаточнаго числа этихъ должностей»,— которое и было по новому штату доведено до 14-ти, считая въ томъ числѣ управляющаго архивомъ и завѣдующаго дѣлопроизводствомъ Особаго Присутствія для разсмотрѣнія жалобъ на опредѣленія Правительствующаго Сената. Число дѣлопроизводителей—старшихъ и младшихъ—было ограничено 15-ю, соотвѣтственно выяснившейся въ то время потребности. Что касается младшихъ чиновъ Канцеляріи—журналистовъ, ихъ помощниковъ и чиновниковъ для письма, которые

всѣ получили въ новомъ штатѣ наименованіе «журналистовъ», съ подраздѣленіемъ только по классамъ, должностей, то прежнее ихъ количество (33) признано было излишнимъ и уменьшено до 29-ти; но за то присвоенные имъ оклады (825, 715 и 605 р.) были повышены до 1.200, 1.000 и 800 р. «Условія службы по переписочной части въ Государственной Канцеляріи таковы», сказано было въ упомянутомъ представленіи, «что пополненіе этихъ должностей представляетъ большія трудности. Лица эти должны, по образованію или происхожденію, пользоваться правами государственной службы. [83] Затѣмъ необходимо, чтобы они были совершенно безупречны въ нравственномъ отношеніи, въ виду высокой важности переписываемыхъ ими бумагъ, содержаніе коихъ, по закону, должно быть сохраняемо въ тайнѣ. Кромѣ того, переписка бумагъ, на Высочайшее Имя подносимыхъ, требуетъ, при полномъ знаніи правописанія, весьма тщательной каллиграфической отдѣлки и чрезвычайно усидчиваго труда, иногда соединеннаго съ особымъ напряженіемъ физическихъ силъ». Распредѣленіе этихъ лицъ по разрядамъ, соотвѣтственно ихъ служебнымъ качествамъ, предоставлено усмотрѣнію Государственнаго Секретаря. На награды и пособія всѣмъ безъ различія чинамъ Канцеляріи въ штатъ была включена сумма въ 32.000 р.

Штатъ этотъ, удостоившійся Высочайшаго утвержденія 14 Декабря 1892 года, былъ введенъ въ дѣйствіе съ 1 Января 1893 года.

Независимо отъ новаго штата Государственной Канцеляріи, Н. В. Муравьевъ, въ Ноябрѣ 1893 года, вошелъ въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ объ увеличеніи оклада содержанія, присвоеннаго должности Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта. Въ этомъ представленіи Государственный Секретарь объяснялъ, что Статсъ-Секретари должны довольствоваться исключительно содержаніемъ, размѣръ котораго, установленный почти 25 лѣтъ тому назадъ (7.000 р.), представляется совершенно недостаточнымъ, такъ

какъ большинство должностныхъ лицъ другихъ вѣдомствъ, стоящихъ не только на равныхъ съ Статсъ-Секретарями, но и на низшихъ ступеняхъ служебной іерархіи, находятся въ матеріальномъ отношеніи въ условіяхъ, несравненно болѣе благопріятныхъ. Этимъ обстоятельствомъ и объясняются неоднократно повторявшіеся случаи перехода Статсъ-Секретарей на должности Директоровъ Департаментовъ, всегда отзывающіеся извѣстнымъ ущербомъ для правильнаго и успѣшнаго теченія дѣлопроизводства. «Между тѣмъ, занятіе Статсъ-Секретарской должности однимъ и тѣмъ же лицомъ въ теченіе продолжительнаго времени»,—сказано было въ представленіи,—«является для пользы дѣла существенно важнымъ. Надлежащее исполненіе сложныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей Статсъ-Секретаря требуетъ не только выдающихся способностей, знаній и искуснаго пера, но также и большой опытности. Поэтому замѣщеніе вновь должности Статсъ-Секретаря достойнымъ лицомъ бываетъ сопряжено съ большими затрудненіями, а удержаніе такого лица на этой должности на многіе годы крайне желательно, ибо только путемъ основательнаго усвоенія законодательной практики и близкаго знакомства съ ходомъ законодательныхъ работъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ можетъ быть достигнуто вполнѣ вѣрное и отвѣчающее важности предмета изложеніе сужденій Государственнаго Совѣта въ его журналахъ, меморіяхъ и мнѣніяхъ». По этимъ соображеніямъ Государственный Секретарь признавалъ необходимымъ уравнять матеріальное положеніе Статсъ-Секретарей Государственнаго Совѣта съ тѣмъ обезпеченіемъ, какимъ пользуются Директоры министерскихъ Департаментовъ, повысивъ ихъ содержаніе до 9.000 р. въ годъ.

Это представленіе, одобренное Государственнымъ Совѣтомъ, удостоилось Высочайшаго утвержденія 20 Декабря 1893 года.

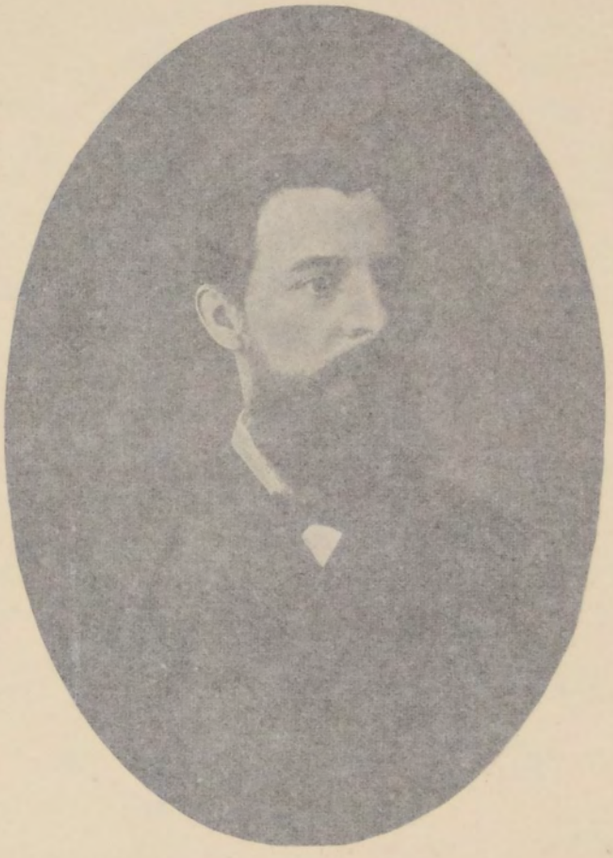
Другимъ важнымъ предметомъ заботъ Н. В. Муравьева было окончательное устройство кодификаціонной части въ Государственной Канцеляріи.

Согласно Высочайше утвержденному 9 Марта 1883 года журналу Особаго Совѣщанія о сближеніи кодификаціонныхъ работъ съ занятіями Государственной Канцеляріи, Кодификаціонный Отдѣлъ при Государственномъ Совѣтѣ долженъ былъ войти въ ея составъ вслѣдъ за новымъ изданіемъ Свода Законовъ, на что тогда предполагалось нужнымъ отъ трехъ до четырехъ лѣтъ. Въ дѣйствительности исполненіе этой задачи потребовало гораздо болѣе продолжительнаго времени. Только благодаря усиленной дѣятельности, подъ непосредственнымъ руководствомъ бывшаго Главноуправляющаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ Статсъ-Секретаря Фриша, въ теченіе одиннадцати лѣтъ, прошедшихъ со времени учрежденія Отдѣла, имъ была переиздана большая часть Свода Законовъ, и послѣдній приведенъ въ такое положеніе, при которомъ въ значительной степени были устранены несовершенства, затруднявшія пользованіе имъ на практикѣ. [84] Вслѣдствіе этого въ 1893 году Высочайшею волею признано было своевременнымъ осуществить полное объединеніе частей законодательной и кодификаціонной въ вѣдомствѣ Государственнаго Совѣта и Государственной Канцеляріи. Указомъ Государственному Совѣту 18 Сентября 1893 года Кодификаціонный Отдѣлъ и состоявшая при немъ Государственная Типографія, съ принадлежащими къ нимъ зданіями, переданы были въ завѣдываніе Государственнаго Секретаря, которому повелѣно немедленно составить и внести на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ предположенія объ окончательномъ сліяніи Отдѣла съ Государственною Канцеляріею и объ устройствѣ въ ея составѣ органовъ и работъ по сведенію воедино и изданію законовъ. При этомъ, для содѣйствія Государственному Секретарю, учреждена должность Товарища его, съ тѣмъ же служебнымъ положеніемъ, какое принадлежало бывшему Товарищу Главноуправляющаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ, т. е. съ правами и обязанностями Товарища Министра. Засимъ, въ соотвѣтствіи съ полномочіями, присвоенными бывшему Главноуправляющему

Кодификаціоннымъ Отдѣломъ, на Государственнаго Секретаря возложены обязанности, истекающія изъ поручаемаго ему управленія кодификаціонною частью и необходимыя для успѣшнаго ея направленія, а именно: 1) по предметамъ кодификаціонной части, подлежащимъ непосредственному разрѣшенію Его Императорскаго Величества, испрашивать Высочайшихъ указаній всеподданнѣйшими докладами; 2) вносить въ Государственный Совѣтъ представленія по кодификаціоннымъ вопросамъ, требующія законодательнаго утвержденія; 3) при разсмотрѣніи всѣхъ вообще дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ представлять въ подлежащихъ случаяхъ объясненія и заключенія по вопросамъ кодификаціоннаго характера, и 4) присутствовать въ Комитетѣ Министровъ.

Въ тотъ же день, 18 Сентября 1893 года, на вновь учрежденную должность Товарища Государственнаго Секретаря былъ назначенъ извѣстный русскій криминалистъ, оберъ-прокуроръ Общаго Собранія и Соединеннаго Присутствія Перваго и Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената и преподаватель Военно-Юридической Академіи, тайный совѣтникъ Николай Адріановичъ *Неклюдовъ*.

Н. А. Неклюдовъ (1840—1896) воспитывался въ Пензенскомъ Дворянскомъ Институтѣ, затѣмъ, по окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ, пробылъ, на собственный счетъ, два года за границей, занимаясь спеціально изученіемъ уголовнаго права. Въ 1865 году онъ получилъ степень магистра, въ 1866 году былъ избранъ мировымъ судьею города С.-Петербурга и въ 1869 году занялъ должность Предсѣдателя С.-Петербургскаго Мирового Съѣзда. Въ 1871 году Н. А. Неклюдовъ былъ назначенъ юрисконсультомъ Консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, а въ слѣдующемъ году былъ командированъ въ качествѣ эксперта отъ Министерства Юстиціи въ учрежденную при Государственной Канцеляріи Коммисію для разсмотрѣнія постановленій по паспортной части. Занявъ,

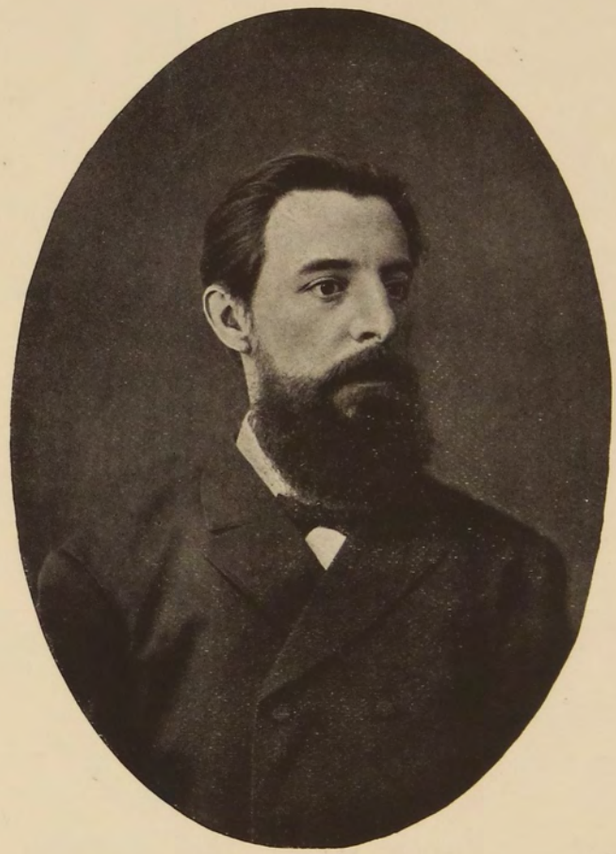

Н. А. Неклюдовъ.

Кодификаціоннымъ Отдѣломъ, на Государственнаго Секретаря возложены обязанности, истекающія изъ поручаемаго ему управленія кодификаціонною частью и необходимыя для успѣшнаго ея направленія, а именно: 1) по предметамъ кодификаціонной части, подлежащимъ непосредственному разрѣшенію Его Императорскаго Величества, испрашивать Высочайшихъ указаній всеподданнѣйшими докладами; 2) вносить въ Государственный Совѣтъ представленія по кодификаціоннымъ вопросамъ, требующія законодательнаго утвержденія; 3) при разсмотрѣніи всѣхъ вообще дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ представлять въ подлежащихъ случаяхъ объясненія и заключенія по вопросамъ кодификаціоннаго характера, и 4) присутствовать въ Комитетѣ Министровъ.

Въ тотъ же день, 18 Сентября 1893 года, на вновь учрежденную должность Товарища Государственнаго Секретаря былъ назначенъ извѣстный русскій криминалистъ, обер-прокуроръ Общаго Собранія и Соединеннаго Присутствія Перваго и Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената и преподаватель Военно-Юридической Академіи, тайный совѣтникъ Николай Адріановичъ *Неклюдовъ*.

Н. А. Неклюдовъ (1840—1896) воспитывался въ Пензенскомъ Дворянскомъ Институтѣ, затѣмъ, по окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ, пробылъ, на собственный счетъ, два года за границей, занимаясь спеціально изученіемъ уголовнаго права. Въ 1865 году онъ получилъ степень магистра, въ 1866 году былъ избранъ мировымъ судьею города С.-Петербурга и въ 1869 году занялъ должность Предсѣдателя С.-Петербургскаго Мирового Съѣзда. Въ 1871 году Н. А. Неклюдовъ былъ назначенъ юрисконсультомъ Консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, а въ слѣдующемъ году былъ командированъ въ качествѣ эксперта отъ Министерства Юстиціи въ учрежденную при Государственной Канцеляріи Коммисію для разсмотрѣнія постановленій по паспортной части. Занявъ,

Н. А. Неклюдовъ.

въ томъ же году, должность старшаго юрисконсульта Консультаціи, Николай Адріановичъ сдѣлался въ то же время преподавателемъ уголовнаго права и судопроизводства въ Военно-Юридической Академіи и нѣсколько лѣтъ спустя, во вниманіе къ своимъ выдающимся заслугамъ на поприщѣ правовѣдѣнія и ученымъ трудамъ, доставившимъ ему общую извѣстность, былъ избранъ Членомъ конференціи Академіи. Въ 1879 году онъ принималъ участіе въ образованной при Государственномъ Совѣтѣ Коммисіи по вопросу о тюремномъ преобразованіи; въ 1881 году назначенъ оберъ-прокуроромъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, а въ 1885 году—оберъ-прокуроромъ Общаго Собранія и Соединеннаго Присутствія Перваго и Кассаціонныхъ Департаментовъ и произведенъ въ тайные совѣтники.

Вслѣдъ за назначеніемъ Н. А. Неклюдова Товарищемъ Государственнаго Секретаря, подъ его предсѣдательствомъ была образована Коммисія для предварительной разработки предположеній о сліяніи Кодификаціоннаго Отдѣла съ Государственною Канцеляріею. Въ составъ этой Коммисіи вошли изъ чиновъ Государственной Канцеляріи: Статсъ-Секретарь, управлявшій Отдѣленіемъ Дѣлъ Государственнаго Секретаря, *Г. Г. Яковлевъ* и Помощники Статсъ-Секретаря: баронъ *Ю. А. Икскуль фонъ-Гильденбандтъ*, *Н. Ѳ. Дерюжинскій* и князь *Д. П. Голицынъ*, а изъ чиновъ Кодификаціоннаго Отдѣла—старшіе чиновники: *К. И. Малышевъ*, *Н. П. Шалфѣевъ*, баронъ *Э. Ю. Нольде* и *П. А. Харитоновъ*; дѣлопроизводство Коммисіи было возложено на барона Э. Ю. Нольде и Н. Ѳ. Дерюжинскаго. Коммисія выработала подробно мотивированное представленіе объ устройствѣ кодификаціонной части въ Государственной Канцеляріи, которое и было внесено Государственнымъ Секретаремъ въ Государственный Совѣтъ. Объясняя свои предположенія въ засѣданіи Соединенныхъ Департаментовъ 4 Декабря 1893 года, Н. В. Муравьевъ съ особенною подробностью остановился на руководящей идеѣ объеди-

ненія кодификаціонной и законодательной дѣятельности въ вѣдѣніи одного государственнаго установленія. «Необходимо», говорилъ Государственный Секретарь, «чтобы въ самомъ существѣ, въ характерѣ и содержаніи труда, отнынѣ возлагаемаго на Государственную Канцелярію по участію ея въ томъ, что можно бы назвать законостроительствомъ, заключалась внутренняя, органическая и притомъ — непрестанная и непрерывная связь между изложеніемъ законовъ съ одной стороны и систематическимъ сведеніемъ ихъ воедино для всеобщаго свѣдѣнія и пользованія — съ другой. А для этого нужно, чтобы обѣ эти отрасли великаго дѣла изданія законовъ были поставлены, по возможности, въ одинаковую близость къ высшему учрежденію, подносящему ихъ на утвержденіе Верховной Власти; чтобы санкція Государственнаго Совѣта простиралась не только на редакцію узаконеній, но въ потребныхъ случаяхъ — на опредѣленіе того мѣста и той формы, которыя должны быть имъ присвоены въ сборникахъ законодательства. Тогда многосложный, кропотливый, даже сухой и подчасъ мелочной процессъ кодификаціи законовъ будетъ значительно облегченъ и всегда проникнутъ, такъ сказать, одухотворенъ истинными и живыми намѣреніями законодателя; тогда сбудется, наконецъ, та давняя мысль его о сближеніи законодательства съ законосведеніемъ,—мысль, которую смѣло можно считать историческою, потому что она, по временамъ какъ бы блѣднѣя и стушевываясь, но никогда не теряясь вовсе, преемственно проходитъ, со дня учрежденія Государственнаго Совѣта, черезъ всѣ фазисы развитія законодательной дѣятельности въ нашемъ отечествѣ».

Такимъ образомъ, сліяніе учрежденія кодификаціоннаго съ законодательнымъ являлось въ глазахъ Н. В. Муравьева не «соединеніемъ», а, такъ сказать, «возсоединеніемъ» этихъ двухъ учрежденій,—возвращеніемъ къ исторической традиціи первыхъ лѣтъ существованія Государственнаго Совѣта, когда Сперанскій былъ одновременно и Директо-

ромъ Коммисіи составленія законовъ, — кодификаціоннаго учрежденія того времени, — и Государственнымъ Секретаремъ. Начальнику Государственной Канцеляріи, силою Высочайшаго указа 18 Сентября 1893 года, предоставлялось, или, по словамъ Н. В. Муравьева, возвращалось утраченное имъ съ теченіемъ времени право законодательнаго почина въ отношеніи разъясненія, измѣненія или дополненія законовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда при кодификаціонныхъ работахъ обнаружится неполнота или недостаточность тѣхъ или иныхъ узаконеній, препятствующая надлежащей ихъ кодификаціи. Затѣмъ, на Государственнаго Секретаря возлагалась обязанность при разсмотрѣніи дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ представлять, въ случаѣ надобности, объясненія и заключенія объ отношеніи обсуждаемаго дѣла къ постановленіямъ дѣйствующаго законодательства и къ разработкѣ Свода Законовъ. Говоря о характерѣ этихъ заключеній, Н. В. Муравьевъ замѣтилъ, что «здѣсь имѣется въ виду не одна лишь безличная и объективная справка, а нѣчто большее,—сужденіе или мнѣніе по кодификаціонному вопросу, въ качествѣ цѣлаго силлогизма, состоящаго изъ посылокъ и вывода... Для правильнаго изложенія и затѣмъ помѣщенія, куда слѣдуетъ, новаго закона нельзя не принять во вниманіе: 1) какъ онъ относится къ законодательству минувшему и, слѣдовательно, каково его значеніе въ историческомъ развитіи соотвѣтствующихъ законовъ; 2) какія дополнительныя измѣненія или нововведенія вноситъ онъ въ законодательство дѣйствующее, и 3) какое мѣсто должно быть отведено ему въ будущемъ сводѣ однопредметныхъ или однородныхъ съ нимъ законовъ. Обратно, соображенія, вытекающія изъ предварительнаго изученія и знанія распорядковъ и воззрѣній Свода Законовъ, не могутъ въ извѣстной мѣрѣ не вліять на самое изложеніе разсматриваемаго узаконенія. Всѣ эти предметы, изъ которыхъ, въ сущности, и слагается успѣшная и правильная редакція и кодификація законовъ, должны и могутъ войти въ коди-

фикаціонныя объясненія Государственнаго Секретаря предъ Государственнымъ Совѣтомъ».

Такимъ образомъ, съ осуществленіемъ этого преобразованія, должность Государственнаго Секретаря, сдѣлавшагося, притомъ, и Членомъ Комитета Министровъ, получила новое значеніе. Высочайше утвержденнымъ 27 Декабря 1893 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта въ составѣ Государственной Канцеляріи образовано Отдѣленіе Свода Законовъ. Обязанности этого Отдѣленія заключаются въ разработкѣ и изданіи Свода Законовъ и мѣстныхъ узаконеній Россійской Имперіи и въ изданіи Полнаго Собранія Законовъ. Сверхъ того, на Отдѣленіе были возложены повѣрка справокъ о законахъ въ поступавшихъ на уваженіе Государственнаго Совѣта законодательныхъ представленіяхъ и, въ случаѣ надобности, дополненіе и составленіе такихъ справокъ, а также дѣлопроизводство по подлежавшимъ разсмотрѣнію Государственнаго Совѣта дѣламъ о разъясненіи, измѣненіи или дополненіи соотвѣтствующихъ статей Свода или другихъ узаконеній. Въ составъ этого новаго Отдѣленія Государственной Канцеляріи, согласно Высочайше утвержденному въ тотъ же день дополнительному штату, вошли: Статсъ-Секретарь, 8 Помощниковъ Статсъ-Секретаря, 13 дѣлопроизводителей, 1 помощникъ экспедитора, 1 библіотекарь и соотвѣтствующее число журналистовъ, ближайшее опредѣленіе котораго было предоставлено Государственному Секретарю, въ предѣлахъ назначенной на ихъ содержаніе суммы 5.800 р. Помощникамъ Статсъ-Секретаря была поручена редакція отдѣльныхъ частей Свода Законовъ, при ближайшемъ сотрудничествѣ дѣлопроизводителей, въ помощь которымъ Государственный Секретарь назначилъ нѣсколькихъ причисленныхъ въ Канцеляріи молодыхъ чиновниковъ. Статсъ-Секретаремъ Отдѣленія Свода Законовъ былъ назначенъ 29 Декабря 1893 года старшій чиновникъ бывшаго Кодификаціоннаго Отдѣла, бывшій доцентъ С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ гражданскаго судо-

производства, тайный совѣтникъ Кронидъ Ивановичъ *Малышевъ*.

К. И. Малышевъ (1842—1907) происходилъ изъ духовнаго званія и, по окончаніи курса въ Уфимской семинаріи, поставилъ себѣ цѣлью достигнуть высшаго образованія. Пройдя пѣшкомъ большую часть пути до Москвы, онъ поступилъ сначала въ Московскій университетъ, затѣмъ перешелъ въ С.-Петербургскій. Здѣсь, пользуясь поддержкою извѣстнаго въ свое время богача Базилевскаго и отчасти добывая средства къ существованію литературнымъ трудомъ, онъ скоро обратилъ на себя вниманіе профессоровъ своимъ чрезвычайнымъ трудолюбіемъ и выдающимися способностями; по окончаніи курса въ 1868 году былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорской каѳедрѣ и въ 1871 году получилъ степень магистра гражданскаго права за диссертацію: «Историческій очеркъ конкурснаго процесса». Занявъ въ томъ же году должность штатнаго доцента, онъ былъ командированъ, для ученыхъ занятій, на два года за границу, а по возвращеніи въ Петербургъ причисленъ ко II Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, гдѣ впослѣдствіи былъ старшимъ чиновникомъ. Съ преобразованіемъ II Отдѣленія въ Кодификаціонный Отдѣлъ К. И. Малышевъ остался старшимъ чиновникомъ Отдѣла. Въ 1883 году онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, въ 1888 году назначенъ Членомъ Консультаціи при Министерствѣ Юстиціи, а въ 1889 году Членомъ-Редакторомъ Коммисіи по составленію проекта гражданскаго уложенія.

К. И. Малышевъ.

Затѣмъ, въ 1891 году, К. И. Малышевъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники, а въ 1893 году назначенъ Членомъ Высочайше учрежденной Коммисіи для подготовленія проектовъ кодификаціи основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго. Членомъ Консультаціи и обѣихъ названныхъ Коммисій онъ остался и послѣ назначенія своего Статсъ-Секретаремъ, управляющимъ Отдѣленіемъ Свода Законовъ.

Одновременно съ образованіемъ Отдѣленія Свода Законовъ утверждены были Государственнымъ Секретаремъ и правила объ отношеніяхъ этого Отдѣленія къ дѣламъ, производящимся въ Государственномъ Совѣтѣ,—слѣдующаго содержанія:

«1) Немедленно по поступленіи въ подлежащее Отдѣленіе Государственной Канцеляріи представленія по дѣлу въ печатномъ видѣ, или по отпечатаніи его, 5 экземпляровъ препровождаются въ Отдѣленіе Свода Законовъ.

2) Отдѣленіе Свода Законовъ увѣдомляетъ подлежащаго Статсъ-Секретаря, въ возможно непродолжительномъ времени, и во всякомъ случаѣ—не позже недѣли по полученіи представленія, послѣдуютъ ли съ его стороны по представленію замѣчанія или справки.

3) Замѣчанія и справки Отдѣленія Свода Законовъ сообщаются непосредственно Статсъ-Секретарямъ, докладывающимъ дѣло, которые препровождаютъ ихъ, со своимъ, буде признаютъ нужнымъ, заключеніемъ, не позднѣе, какъ за три дня до засѣданія, въ которомъ дѣло слушается, Государственному Секретарю или его Товарищу, смотря по тому, кто изъ сихъ лицъ будетъ участвовать въ засѣданіи.

4) Исполненія по Высочайше утвержденнымъ мнѣніямъ Государственнаго Совѣта изготовляются подлежащими Отдѣленіями въ двухъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ, подлинный, препровождается, на прежнемъ основаніи, въ Отдѣленіе Дѣлъ Государственнаго Секретаря, для дальнѣйшаго направленія, а другой, въ видѣ копіи, за подписью Статсъ-

Секретаря и скрѣпою экспедитора, отсылается въ Отдѣленіе Свода Законовъ.

5) Изложенныя въ п.п. 1—4 правила не относятся до дѣлъ судебныхъ и представленій, касающихся принудительнаго отчужденія имуществъ по распоряженію правительства, вознагражденія за такія имущества, расходовъ, не сопряженныхъ съ изданіемъ новаго закона, а равно смѣтъ государственныхъ и земскихъ, за исключеніемъ лишь случаевъ, когда, по разсмотрѣніи сихъ дѣлъ, состоялось положеніе Государственнаго Совѣта, дополняющее, измѣняющее или отмѣняющее постановленія дѣйствующаго законодательства.

6) Проекты журналовъ посылаются въ Отдѣленіе Свода Законовъ только по особому распоряженію Государственнаго Секретаря или его Товарища,—одновременно съ разсылкою Членамъ Департаментовъ, а послѣдовавшія по нимъ замѣчанія Отдѣленія представляются Государственному Секретарю или его Товарищу, по принадлежности».

За послѣдовавшимъ упраздненіемъ Кодификаціоннаго Отдѣла, въ вѣдѣніе Государственнаго Секретаря были переданы: обширный архивъ Отдѣла, заключавшій въ себѣ также дѣла бывшихъ Коммисій составленія законовъ и II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи; библіотека, состоявшая болѣе чѣмъ изъ 25.000 названій и являющаяся едва ли не богатѣйшимъ въ Россіи книгохранилищемъ по части юридическихъ наукъ; домъ (бывшій II Отдѣленія), получившій наименованіе «отдѣльнаго зданія Государственной Канцеляріи», и Государственная Типографія.

Библіотека Кодификаціоннаго Отдѣла, перешедшая къ нему отъ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, была первоначально образована для надобностей Коммисіи составленія законовъ, для которой было пріобрѣтено въ Швейцаріи собраніе юридическихъ книгъ, заключавшее въ себѣ преимущественно сочиненія нѣмецкихъ юристовъ, изданныя въ XVIII столѣ-

тіи. Библіотека эта ежегодно пополнялась, преимущественно выпискою книгъ изъ-за границы; расходы по ея содержанію покрывались изъ суммъ, ассигнованныхъ вообще на Коммисію. Впослѣдствіи, въ 1835 году, М. М. Сперанскій испросилъ Высочайшее соизволеніе отпускать ежегодно на пополненіе библіотеки отъ 5.000 до 10.000 р. асс. изъ экономическихъ суммъ типографіи II Отдѣленія.[85] Въ особенности много заботился о библіотекѣ, въ бытность свою Главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ, графъ Д. Н. Блудовъ, которому она и обязана своею исключительною по тому времени полнотою. По штату Кодификаціоннаго Отдѣла на содержаніе библіотеки не было назначено особой суммы; она содержалась на счетъ общаго кредита, опредѣленнаго на хозяйственныя и канцелярскія потребности, причемъ положена была по штату должность библіотекаря, съ содержаніемъ въ 900 р. въ годъ. По Высочайше утвержденному 27 Декабря 1893 года дополнительному штату Государственной Канцеляріи содержаніе библіотекаря было увеличено до 1.200 р. въ годъ, но на пополненіе библіотеки, какъ и ранѣе, не было назначено опредѣленной суммы.

«Отдѣльное зданіе Государственной Канцеляріи» также имѣетъ свою исторію. По преданію, на мѣстѣ, гдѣ находилось II Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, стоялъ нѣкогда домъ фельдмаршала графа Миниха, впослѣдствіи пріобрѣтенный въ казну. Достовѣрно извѣстно, что въ 1797 году въ этомъ домѣ помѣщался Государственный Вспомогательный Банкъ для дворянства. По упраздненіи этого Банка, въ 1801 году, старый каменный домъ былъ назначенъ для помѣщенія состоявшаго при Сенатѣ Юнкерскаго Института, преобразованнаго въ 1804 году въ Высшее Училище Правовѣдѣнія, находившееся въ вѣдомствѣ Коммисіи составленія законовъ. Въ 1826 году, по образованіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, домъ этотъ переданъ былъ Отдѣленію, потомъ, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, много

разъ передѣлывался и, наконецъ, обмѣненъ на сосѣдній домъ г. Пеля, затѣмъ совершенно перестроенный заново.[86]

Типографія была учреждена при Коммисіи составленія законовъ, по всеподданнѣйшему докладу князя П. В. Лопухина, 18 Марта 1817 года, для печатанія «проектовъ, сводовъ и другихъ до законодательства относящихся сочиненій». Она помѣщалась сначала въ домѣ Коммисіи, но въ 1827 году, когда потребовался капитальный ремонтъ этого дома, была переведена въ домъ, принадлежавшій прежде Библейскому Обществу и находившійся на томъ же мѣстѣ, гдѣ и теперь находится зданіе Государственной Типографіи. Съ передачею ея, въ 1826 году, Второму Отдѣленію, типографія была значительно расширена, и 22 Сентября 1827 года для нея былъ Высочайше утвержденъ особый штатъ. На содержаніе типографіи, по штату 1827 года, ежегодно отпускалось 78.538 р. асс., но эта сумма возмѣщалась государственному казначейству книгами законовъ, въ типографіи отпечатанными, которыя, по Высочайшимъ повелѣніямъ, разсылались различнымъ присутственнымъ мѣстамъ за счетъ казны. Кромѣ того, типографія получала доходы отъ вольной продажи книгъ законовъ и отъ типографскихъ работъ, исполняемыхъ по заказамъ частныхъ лицъ. Изъ этихъ доходовъ образовалась такъ называемая экономическая сумма типографіи, изъ которой, съ разрѣшенія начальства, производились расходы на удовлетвореніе различныхъ потребностей, какъ типографіи, такъ и вообще II Отдѣленія.[87] Въ позднѣйшее время, именно въ 1845 и 1862 годахъ, для типографіи были выработаны и получили Высочайшее утвержденіе новые штаты и Положеніе, которые затѣмъ неоднократно подвергались частичнымъ измѣненіямъ и ко времени передачи типографіи въ вѣдѣніе Государственнаго Секретаря оказались уже настолько устарѣвшими и не отвѣчающими состоянію типографіи, что явилась необходимость въ коренной ихъ переработкѣ. Эта задача, впрочемъ, была исполнена только уже преемникомъ Н. В. Муравьева.

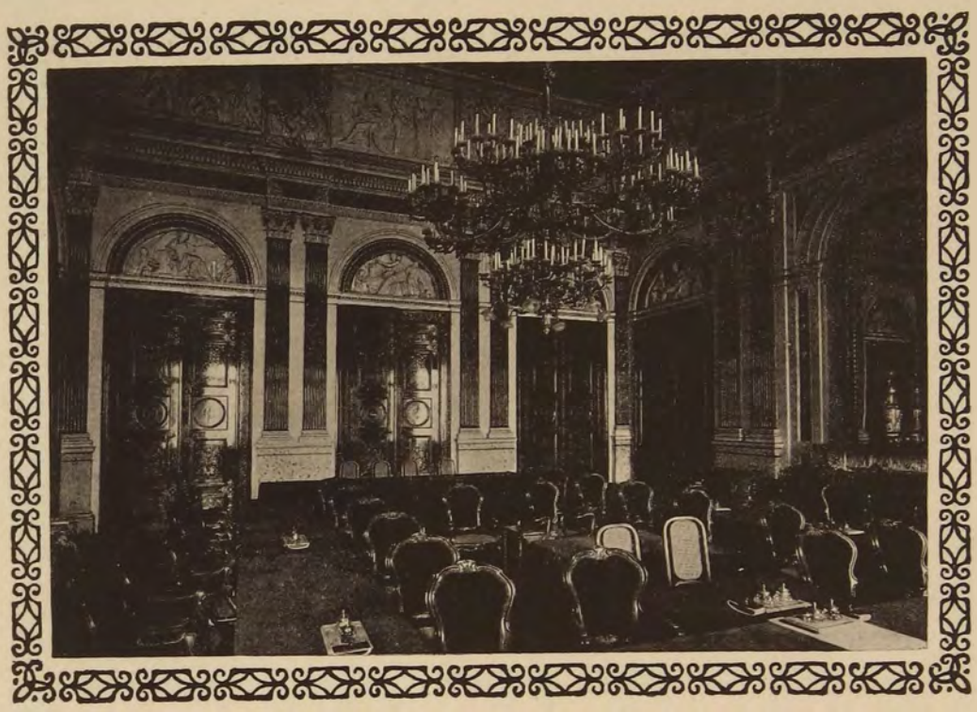
Съ присоединеніемъ къ Государственной Канцеляріи Кодификаціоннаго Отдѣла личный составъ Канцеляріи, не превышавшій, по новому ея штату, 70 лицъ, увеличился на 30 лицъ, не считая служебнаго персонала Государственной Типографіи.

Въ періодъ управленія Н. В. Муравьева Государственною Канцеляріею получилъ разрѣшеніе возбужденный первоначально еще въ 1868 году вопросъ о печатаніи въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» свѣдѣній о законодательныхъ работахъ Государственнаго Совѣта.

Въ Апрѣлѣ 1892 года Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Статсъ-Секретарь *И. Н. Дурново* обратился къ Государственному Секретарю А. А. Половцову съ письмомъ, въ которомъ, напоминая о происходившей ранѣе по этому вопросу перепискѣ и не считая удобнымъ возбужденіе его вновь въ прежнихъ его размѣрахъ, выражалъ, однако, желаніе, чтобы, въ виду постояннаго появленія въ печати недостовѣрныхъ свѣдѣній о засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, были помѣщаемы въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» оффиціальныя извѣщенія по этому предмету, хотя бы краткія, но вѣрныя и своевременныя. При этомъ Статсъ-Секретарь Дурново признавалъ печатаніе подобныхъ извѣщеній возможнымъ не по всѣмъ засѣданіямъ и дѣламъ и полагалъ, что выборъ предметовъ, подлежащихъ оглашенію, и редакцію составляемыхъ о нихъ сообщеній слѣдовало бы предоставить тому учрежденію, на обязанность котораго будетъ возложено доставленіе этихъ сообщеній оффиціальной газетѣ.

Государственный Секретарь нашелъ, что эта мѣра заслуживаетъ полнаго сочувствія, и немедленно сдѣлалъ по Канцеляріи распоряженіе о предоставленіи необходимыхъ для этой цѣли свѣдѣній тому лицу, которое будетъ уполномочено Министромъ. Окончательное разрѣшеніе вопросъ этотъ получилъ, однако, только при преемникѣ А. А. Полов-

цова. «Въ виду чрезвычайнаго интереса, возбуждаемаго законодательною дѣятельностью правительства»,—писалъ Н. В. Муравьевъ Предсѣдателю Государственнаго Совѣта,—«въ періодическихъ изданіяхъ нашей печати постоянно появля-

Залъ Соединенныхъ Департаментовъ.

ются слухи о законопроектахъ, вырабатываемыхъ различными вѣдомствами и вносимыхъ ими на обсужденіе Государственнаго Совѣта. Свѣдѣнія эти въ большинствѣ случаевъ отличаются крайнею неточностью. Въ нихъ весьма часто не только искажается самая сущность разсматриваемыхъ Государственнымъ Совѣтомъ дѣлъ, но приписываются правительству такія предположенія, которыхъ оно вовсе не имѣетъ. Между тѣмъ, означенныя свѣдѣнія распространяются по всему пространству Имперіи, вызывая неосновательныя ожиданія и превратные толки. Нѣтъ лучшаго средства къ прекращенію вышеупомянутыхъ ложныхъ извѣстій, какъ помѣщеніе въ правительственной газетѣ составляемыхъ Государственною Канцеляріею сообщеній о проектахъ,

назначаемыхъ къ слушанію въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта».

Основанный на этихъ разсужденіяхъ всеподданнѣйшій докладъ Августѣйшаго Предсѣдателя Государственнаго Совѣта получилъ Высочайшее утвержденіе 12 Ноября 1892 года. Согласно этому докладу, Государственному Секретарю было предоставлено, съ разрѣшенія Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, сообщать въ редакцію «Правительственнаго Вѣстника» краткія свѣдѣнія о дѣлахъ, назначенныхъ къ слушанію въ Совѣтѣ, а Министрамъ и Главноуправляющимъ отдѣльными частями сообщено, что въ тѣхъ случаяхъ, когда они признаютъ неудобнымъ помѣщеніе въ оффиціальной газетѣ свѣдѣній о вносимыхъ ими въ Государственный Совѣтъ представленіяхъ, они должны заявлять объ этомъ Государственному Секретарю при самомъ внесеніи дѣла на уваженіе Совѣта.

Вслѣдствіе этого Государственнымъ Секретаремъ сдѣлано было распоряженіе по всѣмъ Отдѣленіямъ Канцеляріи, чтобы списки дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ Государственномъ Совѣтѣ, доставлялись еженедѣльно въ редакцію «Правительственнаго Вѣстника», по предварительномъ просмотрѣ этихъ списковъ Государственнымъ Секретаремъ. Такой порядокъ и соблюдался нѣкоторое время, начиная съ 1893 года. Но затѣмъ, по вступленіи въ должность Государственнаго Секретаря В. К. Плеве, это было отмѣнено.

Въ связи съ этимъ вопросомъ и одновременно съ нимъ, по всеподданнѣйшему докладу Августѣйшаго Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, 12 Ноября 1892 года, разрѣшенъ былъ и другой вопросъ — о порядкѣ изданія Государственною Канцеляріею новыхъ законоположеній съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны.

Въ докладѣ было выражено, что соображенія, на которыхъ основываются вновь издаваемые законы, служатъ весьма полезнымъ руководствомъ къ правильному пони-

манію и примѣненію этихъ законовъ. Между тѣмъ, соображенія эти, заключающіяся въ министерскихъ запискахъ и журналахъ Государственнаго Совѣта, остаются недоступными для общаго пользованія. Хотя упомянутыя соображенія и разрѣшено помѣщать въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи, однако, по обширности объема и медленности появленія въ свѣтъ этого изданія, предназначеннаго, собственно, служить историческимъ архивомъ законодательной дѣятельности государства, мѣра эта не можетъ удовлетворить насущнымъ потребностямъ практики. Для послѣдней необходимы такія изданія, которыя, совмѣщая текстъ закона съ мотивами къ нему, появлялись бы ко времени утвержденія или вступленія его въ дѣйствіе и были бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, доступны каждому по своему объему и цѣнѣ. Недостатокъ подобныхъ изданій ощущается постоянно и приводитъ къ немаловажнымъ затрудненіямъ при примѣненіи новыхъ узаконеній. Въ виду этого Государственный Секретарь ходатайствовалъ о предоставленіи Государственной Канцеляріи, съ разрѣшенія Предсѣдателя Государственнаго Совѣта и по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, издавать законоположенія, выдающіяся по ихъ значенію, съ изложеніемъ соображеній, на коихъ они основаны, подобно тому, какъ это было сдѣлано при утвержденіи Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II.

На основаніи этого доклада Высочайше разрѣшено было изготовлять подобныя изданія въ Государственной Типографіи на казенный счетъ и обращать въ продажу, съ тѣмъ, чтобы вырученныя деньги были употребляемы на возмѣщеніе издержекъ по печатанію этихъ изданій и затѣмъ поступали въ распоряженіе Государственнаго Секретаря для усиленія средствъ Государственной Канцеляріи и, въ частности, для распредѣленія между лицами, участвующими въ составленіи такихъ трудовъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, по докладамъ Государственнаго Секретаря, Августѣйшимъ Предсѣдателемъ Государственнаго Со-

вѣта были разрѣшены и выпущены въ свѣтъ въ 1893 году слѣдующія изданія Государственной Канцеляріи:

Сводъ руководящихъ сужденій Государственнаго Совѣта, извлеченныхъ изъ дѣлъ объ отчужденіи частныхъ недвижимыхъ имуществъ на государственную и общественную надобность и о вознагражденіи владѣльцевъ сихъ имуществъ.

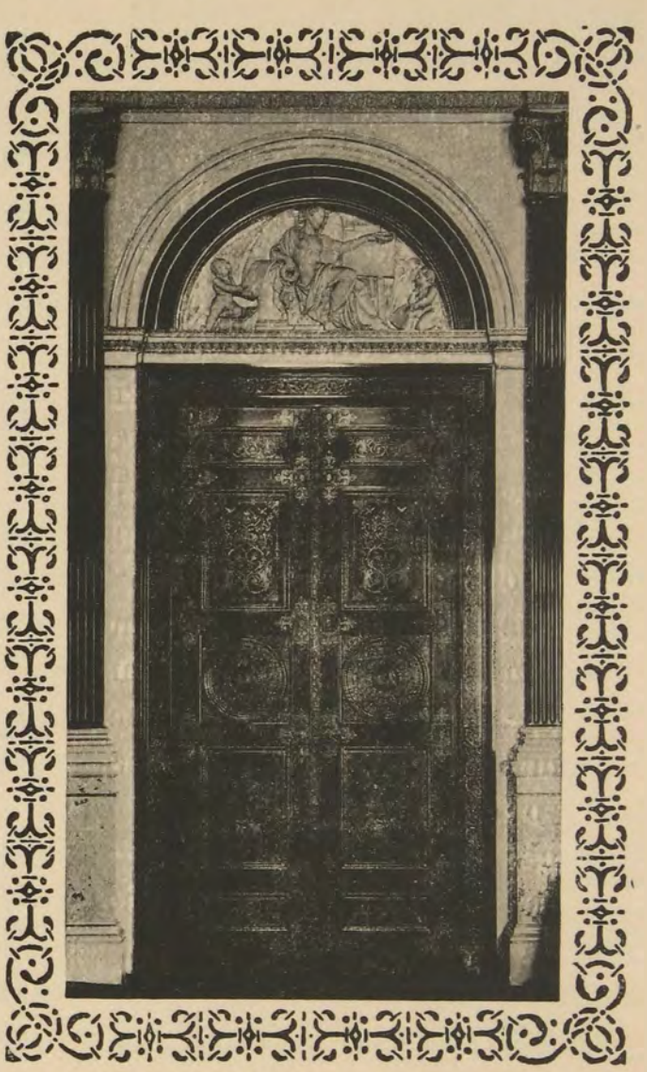
Положеніе о государственномъ квартирномъ налогѣ.

Законъ о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій.

Каждое изъ названныхъ изданій печаталось въ количествѣ 3.000 экземпляровъ, изъ которыхъ въ продажу поступало около 2.800. До какой степени эти изданія удовлетворяли общей потребности, видно какъ изъ того, что они очень быстро распродавались, такъ и изъ того, что нѣкоторыя изъ нихъ перепечатывались разными частными издателями. Неоднократное повтореніе подобныхъ перепечатокъ вызвало, наконецъ, въ 1901 году, циркуляръ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, въ которомъ было указано, что обнародованіе во всеобщее свѣдѣніе сужденій Государственнаго Совѣта, ранѣе напечатанія ихъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, принадлежитъ *исключительно* Государственной Канцеляріи, и приказано объявить всѣмъ содержателямъ типографій о воспрещеніи печатать извлеченія изъ журналовъ Государственнаго Совѣта въ какихъ бы то ни было частныхъ изданіяхъ, безъ предварительнаго разрѣшенія Государственнаго Секретаря. Вслѣдъ за тѣмъ въ новое Учрежденіе Государственнаго Совѣта 1901 года была включена особая статья (139), въ силу которой Государственному Секретарю, съ разрѣшенія Предсѣдателя Государственнаго Совѣта и по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, предоставлялось издавать отдѣльныя законоположенія съ изложеніемъ ранѣе неопубликованныхъ разсужденій, на коихъ они основаны, а также дозволять такого рода изданія.

Н. В. Муравьевымъ было также обращено серьезное вниманіе на содержаніе и порядокъ составленія ежегодныхъ

отчетовъ по Государственному Совѣту. Въ этомъ отношеніи имъ прежде всего было замѣчено, что, въ отличіе отъ другихъ правительственныхъ установленій, дѣятельность Государственнаго Совѣта и Государственной Канцеляріи проявляется далеко не въ продолженіе всего года, прерываясь четырехмѣсячнымъ вакантнымъ временемъ. Такимъ образомъ, разсмотрѣніе большей части дѣлъ начинается во второй половинѣ одного года и заканчивается или въ теченіе зимы, или весною послѣдующаго года. Вслѣдствіе этого при составленіи отчетовъ за календарный годъ изложеніе ихъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣятельности Государственнаго Совѣта, для котораго переходъ изъ одного календарнаго года въ другой вовсе не является перерывомъ сессіи. Въ виду этой особенности дѣлопроизводства по Государственному Совѣту, Н. В. Муравьевъ призналъ болѣе правильнымъ установить, что каждый отчетъ по Государственному Совѣту долженъ обнимать собою отдѣльную законодательную сессію, хотя и

Двери зала Соединенныхъ Департаментовъ.

простирающуюся на два полугодія двухъ смежныхъ годовъ.

Независимо отъ этого, принятый дотолѣ порядокъ составленія отчетовъ представлялъ, по мнѣнію Государственнаго Секретаря, еще и другія неудобства: заключая въ одномъ, весьма объемистомъ томѣ законодательные мотивы и рѣшенія по наиболѣе важнымъ предметамъ, въ видѣ особыхъ по каждому дѣлу статей, отчеты не давали сколько-нибудь нагляднаго представленія о дѣятельности Государственнаго Совѣта. Притомъ, эти отчеты были и недостаточно полны. Въ нихъ изложеніе дѣла ограничивалось воспроизведеніемъ составленной о немъ меморіи и вовсе не помѣщались тѣ, иногда весьма важные, статистическіе и иные матеріалы, которые послужили основаніемъ къ возбужденію законодательнаго вопроса, при разработкѣ его и, наконецъ, при разрѣшеніи дѣла Государственнымъ Совѣтомъ. Равнымъ образомъ, въ отчетахъ совершенно отсутствовали свѣдѣнія о Государственной Канцеляріи, дѣятельность которой, однако, органически связана съ трудами Совѣта.

Желая устранить эти недостатки отчетовъ, Государственный Секретарь пришелъ къ мысли, во-первыхъ, издавать отчеты не за календарный годъ, а за сессію двухъ смежныхъ годовъ и, во-вторыхъ, вмѣсто одного издавать два отчета. Одинъ изъ нихъ, подъ заглавіемъ «Всеподданнѣйшій отчетъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта», долженъ былъ содержать въ себѣ, въ видѣ сжатаго очерка, указанія на выдающіяся законодательныя мѣропріятія и наиболѣе существенныя сужденія о нихъ Государственнаго Совѣта, а также, въ случаѣ надобности, и замѣчанія Предсѣдателя Совѣта о тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, имѣвшихъ особое значеніе въ обозрѣваемомъ періодѣ дѣятельности Совѣта и, въ видѣ приложенія, краткія справочныя свѣдѣнія о личномъ составѣ Совѣта и движеніи въ немъ дѣлъ. Этотъ отчетъ, послѣ поднесенія его Государю Императору, предполагалось разсылать только Особамъ Импера-

торской Фамиліи, Членамъ Государственнаго Совѣта и Министрамъ. Другой отчетъ, подъ заглавіемъ «Отчетъ по дѣлопроизводству Государственнаго Совѣта», долженъ былъ представлять подробный дѣловой сводъ данныхъ о дѣятельности Государственнаго Совѣта и Государственной Канцеляріи и заключать въ себѣ всѣ справочныя свѣдѣнія объ этихъ установленіяхъ. Этотъ отчетъ, кромѣ лицъ, получающихъ всеподданнѣйшій отчетъ Предсѣдателя, предположено было разсылать также еще нѣкоторымъ высшимъ въ губерніяхъ должностнымъ лицамъ, какъ, напримѣръ: командующимъ войсками, епархіальнымъ архіереямъ, губернаторамъ, губернскимъ предводителямъ дворянства, старшимъ предсѣдателямъ и прокурорамъ судебныхъ палатъ, а также ректорамъ университетовъ.

Эти предположенія Государственнаго Секретаря удостоились, 15 Февраля 1893 года, Высочайшаго одобренія и, начиная съ отчета за 1892—1893 годы, приняты были къ исполненію.

Въ отношеніи дѣлопроизводства Государственной Канцеляріи Н. В. Муравьевъ исходатайствовалъ, всеподданнѣйшимъ докладомъ 17 Мая 1893 года, Высочайшее разрѣшеніе, для достиженія большей скорости и удобства, представлять Его Императорскому Величеству меморіи Государственнаго Совѣта въ печатномъ видѣ.

Для обсужденія болѣе важныхъ дѣлъ и вопросовъ общаго по Государственной Канцеляріи значенія Н. В. Муравьевымъ было установлено періодическое Совѣщаніе Статсъ-Секретарей, при личномъ его участіи. Предметы, подлежавшіе обсужденію въ этомъ Совѣщаніи, опредѣлялись Государственнымъ Секретаремъ какъ непосредственно, такъ и по заявленіямъ Статсъ-Секретарей, а дѣлопроизводство по Совѣщанію было возложено на чиновъ Канцеляріи, особо къ тому назначенныхъ. На первый разъ, въ Октябрѣ 1892 года, на обсужденіе Совѣщанія переданы были вопросы: 1) о проектѣ новаго, постояннаго штата Государственной Канце-

ляріи; 2) объ измѣненіяхъ въ годовомъ отчетѣ; 3) объ опубликованіи свѣдѣній о дѣятельности Государственнаго Совѣта и законодательныхъ мотивовъ, и 4) о пополненіи и устройствѣ библіотеки.

Н. В. Муравьевъ заинтересовался также исторіей Государственной Канцеляріи и въ Февралѣ 1893 года выразилъ пожеланіе, чтобы изъ причисленныхъ къ Канцеляріи чиновниковъ была составлена, подъ руководствомъ Помощника Статсъ-Секретаря князя *Д. П. Голицына* (нынѣ Товарищъ Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи), Коммисія для собиранія матеріаловъ по этой исторіи, планъ которой предлагалось заранѣе выработать и представить на просмотръ Государственному Секретарю. «Въ Коммисію», писалъ Н. В. Муравьевъ, «должны войти только тѣ изъ гг. причисленныхъ, которые изъявятъ желаніе дѣйствительно поработать по указанному вопросу, причемъ успѣшное исполненіе этой работы будетъ поставлено въ прямую и выдающуюся служебную заслугу». Въ составъ этой Коммисіи вошло нѣсколько причисленныхъ къ Государственной Канцеляріи, а также архиваріусъ, которые и предполагали заняться собираніемъ матеріаловъ, но не успѣли приступить къ этой работѣ за послѣдовавшимъ увольненіемъ Н. В. Муравьева отъ должности Государственнаго Секретаря, по случаю назначенія его, 1 Января 1894 года, Управляющимъ Министерствомъ Юстиціи.

На посту Управляющаго Министерствомъ, а потомъ—Министра Юстиціи Н. В. Муравьевъ оставался до 1904 года и получилъ за это время чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званіе Статсъ-Секретаря Его Императорскаго Величества. Затѣмъ онъ былъ назначенъ Императорскимъ Россійскимъ Посломъ при Его Величествѣ Королѣ Италіи и скончался въ Римѣ, 1 Декабря 1908 года.

1 Января 1894 года на должность Государственнаго Секретаря былъ назначенъ Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, тайный совѣтникъ (впослѣдствіи—дѣйствительный тайный совѣтникъ и Статсъ-Секретарь Его Императорскаго Величества) Вячеславъ Константиновичъ *Плеве*. Дѣятельность В. К. Плеве, остававшагося на посту Государственнаго Секретаря болѣе восьми лѣтъ, почти всецѣло относится уже къ послѣдующему царствованію, почему о ней и сказано будетъ ниже.

Въ царствованіе Императора Александра III, какъ и прежде, при Государственномъ Совѣтѣ образовывались, для предварительнаго обсужденія особенно важныхъ законодательныхъ предположеній, особыя Коммисіи и Совѣщанія, дѣлопроизводство которыхъ обыкновенно возлагалось на одно изъ Отдѣленій Государственной Канцеляріи, по принадлежности. Важнѣйшими изъ нихъ были слѣдующія.

По Высочайшему повелѣнію 7 Октября 1881 года была образована особая Коммисія для подробной разработки проектовъ законоположеній объ укрѣпленіи правъ на недвижимое имущество, подъ предсѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника *М. Н. Любощинскаго*. Дѣлопроизводствомъ этой Коммисіи завѣдывалъ Помощникъ Статсъ-Секретаря *А. Т. Аракинъ* (впослѣдствіи—Статсъ-Секретарь Департамента Законовъ, а затѣмъ Товарищъ Министра Юстиціи). Учрежденію ея предшествовала одна изъ самыхъ сложныхъ и многотрудныхъ работъ Государственной Канцеляріи, потребовавшая нѣсколькихъ лѣтъ усиленнаго труда. Еще въ 1875 году Министръ Юстиціи графъ К. И. Паленъ внесъ на уваженіе Государственнаго Совѣта выработанный особою Коммисіею обширный проектъ введенія ипотечной системы, вмѣстѣ съ проектомъ положенія объ укрѣпленіи правъ на недвижимыя иму-

щества. Подготовка этого дѣла къ докладу въ Соединенныхъ Департаментахъ Законовъ, Государственной Экономіи и Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, подъ руководствомъ Статсъ-Секретаря Е. А. Перетца, заняла цѣлые два года,

Барельефы надъ дверями зала Соединенныхъ Департаментовъ.

такъ какъ оказалось необходимымъ предварительно собрать и привести въ извѣстную систему мнѣнія различныхъ вѣдомствъ и спеціалистовъ. Соединенные Департаменты въ 1877 и 1878 годахъ посвятили этому дѣлу девять засѣданій. Проектъ журнала, составленный Е. А. Перетцомъ, былъ разосланъ всѣмъ Членамъ и участвовавшимъ въ разсмотрѣніи дѣла Министрамъ и ихъ Товарищамъ, для доставленія Государственной Канцеляріи могущихъ встрѣтиться замѣчаній. По полученіи этихъ замѣчаній былъ составленъ общій ихъ сводъ. Затѣмъ, въ виду послѣдовавшаго увольненія графа К. И. Палена отъ должности Министра Юстиціи, всѣ проекты, вмѣстѣ съ замѣчаніями, были переданы на разсмотрѣніе новаго Министра, Статсъ-Секретаря Д. Н.

Набокова, который и сообщилъ Государственному Секретарю свой отзывъ въ концѣ 1880 года. Въ Январѣ 1881 года Соединенные Департаменты вновь разсмотрѣли это дѣло въ двухъ засѣданіяхъ и положили: исправленный проектъ главныхъ основаній предполагаемаго порядка укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества представить, чрезъ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта, на Высочайшее утвержденіе и, по воспослѣдованіи такового, исходатайствовать Высочайшее соизволеніе на то, чтобы всѣ остальныя проектированныя Министерствомъ Юстиціи по этому предмету предположенія были предварительно разсмотрѣны и согласованы съ Высочайше утвержденными главными основаніями въ особой Коммисіи изъ Членовъ Государственнаго Совѣта, заключеніе которыхъ подлежало бы снова внесенію на уваженіе Соединенныхъ Департаментовъ. Соотвѣтственно этому заключенію и была учреждена Коммисія подъ предсѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта *М. Н. Любощинскаго*. Ея занятія были, впрочемъ, непродолжительны: 3 Ноября 1882 года состоялось новое Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы начертаніе проекта положенія объ укрѣпленіи правъ на недвижимыя имущества возложить на Редакціонную Коммисію, образованную въ составѣ Высочайше учрежденнаго Комитета для составленія проекта гражданскаго уложенія.

20 Января 1884 года было образовано особое Совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Великаго Князя Михаила Николаевича, для обсужденія записки инженера Палашковскаго объ устройствѣ керосинопровода отъ Каспійскаго моря къ Персидскому заливу. Дѣлопроизводителемъ этого Совѣщанія былъ Статсъ-Секретарь Департамента Государственной Экономіи по законодательной части (впослѣдствіи — Членъ Государственнаго Совѣта) *Н. В. Шидловскій*.

Въ 1885 году, 17 Марта, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Департамента Государственной Экономіи,

дѣйствительнаго тайнаго совѣтника *А. А. Абазы*, образовано было особое Совѣщаніе о расходахъ на судостроеніе. Дѣлопроизводителемъ этого Совѣщанія былъ Статсъ-Секретарь Департамента Государственной Экономіи по смѣтной части (впослѣдствіи—Сенаторъ) *И. И. Вильсонъ*.

Въ томъ же 1885 году завершилась дѣятельность Особой Коммисіи, образованной еще въ 1876 году, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта графа *Э. Т. Баранова*, изъ представителей подлежащихъ вѣдомствъ, для всесторонняго изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. Въ трудахъ Коммисіи и въ ея дѣлопроизводствѣ принимали участіе также и чины Государственной Канцеляріи. Результатомъ этихъ трудовъ явились—Общій Уставъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ и Положеніе о Совѣтѣ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ, удостоенные Высочайшаго утвержденія 12 Іюня 1885 года.

Въ 1889 году, 19 Января, было учреждено, подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Великаго Князя Михаила Николаевича, особое Совѣщаніе для выясненія степени прикосновенности высшихъ чиновъ Министерства Путей Сообщенія къ дѣлу о крушеніи, постигшемъ 17 Октября 1888 года Императорскій поѣздъ на линіи Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги. Въ числѣ Членовъ этого Совѣщанія находился Государственный Секретарь А. А. Половцовъ, а дѣлопроизводство было возложено на Отдѣленіе Дѣлъ Государственнаго Секретаря, подъ руководствомъ Статсъ-Секретаря *М. В. Красовскаго*. Журналъ Совѣщанія былъ представленъ непосредственно Его Императорскому Величеству.

По Высочайшему повелѣнію 20 Ноября 1891 года была образована особая Коммисія, подъ предсѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта Гофмейстера *И. С. Абазы*, изъ представителей отъ Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ, Государственныхъ Имуществъ и Юстиціи, для обсужденія возбужденнаго нѣкоторыми дво-

рянскими собраніями вопроса о мѣрахъ къ поддержанію дворянскаго землевладѣнія. Дѣлопроизводство этой Коммисіи было возложено на Помощника Статсъ-Секретаря Департамента Законовъ *Н. А. Воеводскаго* (нынѣ—Товарищъ Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею).

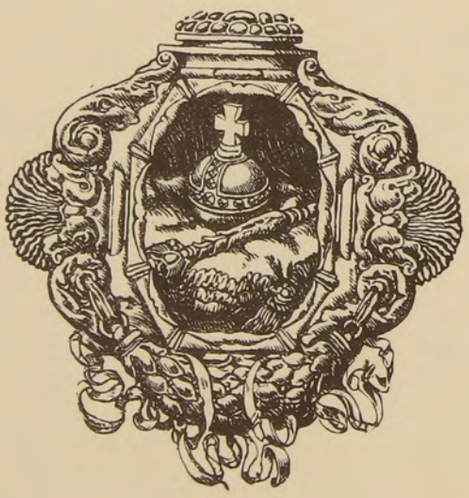
13 Февраля 1893 года, по всеподданнѣйшему докладу Министра Финансовъ С. Ю. Витте, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ образовать особое Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Комитета Министровъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника *Н. Х. Бунге* и при участіи Адмирала Н. М. Чихачева, Государственнаго Контролера, Министра Финансовъ и Государственнаго Секретаря, для разсмотрѣнія дѣла о выдачѣ изъ Государственнаго Банка дополнительной ссуды торговому дому «Ф. Рафаловичъ и К°» въ Одессѣ. Дѣлопроизводство по этому Совѣщанію было возложено на Отдѣленіе Государственной Экономіи.

Независимо отъ Коммисій и Совѣщаній, образуемыхъ въ средѣ Государственнаго Совѣта, чины Государственной Канцеляріи нерѣдко принимали участіе въ различныхъ междувѣдомственныхъ Коммисіяхъ по разсмотрѣнію болѣе или менѣе важныхъ законодательныхъ предположеній.

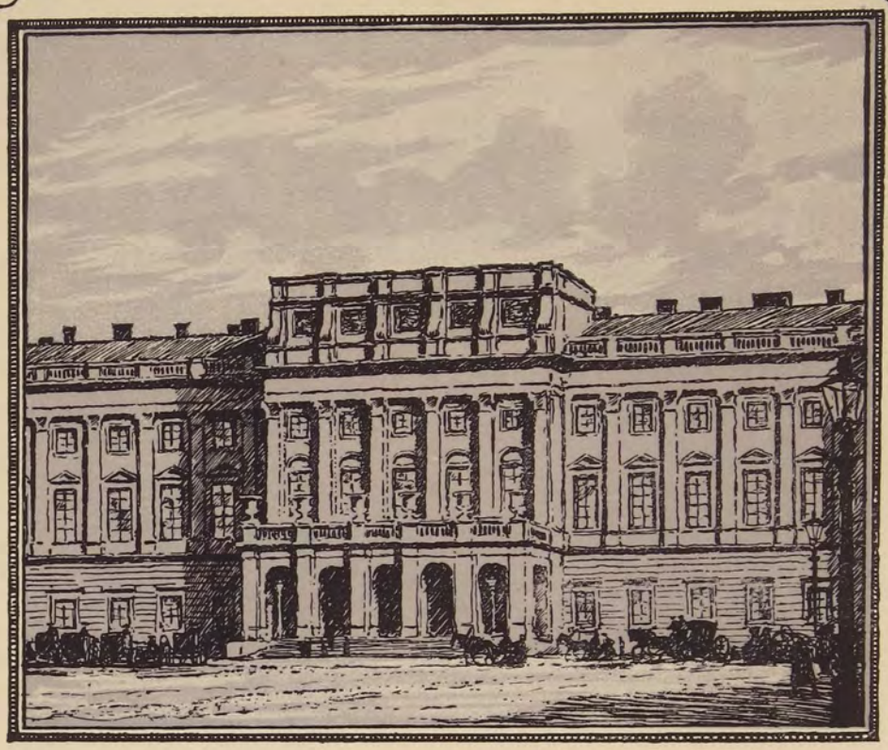
Среди многочисленныхъ законодательныхъ работъ, исполненныхъ Государственною Канцеляріею въ царствованіе Императора Александра III, особеннаго вниманія по своей важности и сложности заслуживаютъ труды по разработкѣ Положенія о земскихъ начальникахъ, а также правилъ о производствѣ судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ (1887—1889 гг.) и затѣмъ—по проекту новаго Положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ. Разсмотрѣніе этого проекта Государственнымъ Совѣтомъ, потребовавшее цѣлаго ряда засѣданій Соединенныхъ Департаментовъ, вызвало чрезвычайно напряженную работу Государственной Канцеляріи по

составленію многочисленныхъ справокъ, проектовъ редакціи отдѣльныхъ статей, по своду замѣчаній Членовъ Совѣта и представителей вѣдомствъ и т. д. Вся эта работа была исполнена подъ ближайшимъ руководствомъ Статсъ-Секретарей Департамента Законовъ, сначала—*В. А. Жельзникова*, а затѣмъ—*М. В. Красовскаго*. На долю преемника послѣдняго по должности Статсъ-Секретаря, *Н. Э. Шмемана*, выпало не менѣе дѣятельное участіе въ трудахъ по разработкѣ новаго Городового Положенія, Высочайше утвержденнаго 11 Іюня 1892 года.

Въ числѣ особенно выдающихся трудовъ Отдѣленія Государственной Экономіи за тотъ же періодъ времени должны быть упомянуты: разработка Положенія о Крестьянскомъ Поземельномъ Банкѣ (Высочайше утверждено 18 Мая 1882 года); общій пересмотръ таможеннаго тарифа по Европейской торговлѣ 1891 года; Положеніе о государственномъ квартирномъ налогѣ 1893 года и, наконецъ, новый уставъ Государственнаго Банка, удостоившійся Высочайшаго утвержденія 6 Іюня 1894 года.

Царствованіе
Императора Николая II.

Маріинскій Дворецъ

I.

Съ вступленіемъ на Престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича дѣятельность Государственной Канцеляріи значительно усложнилась вслѣдствіе выпавшей на долю Государственнаго Совѣта усиленной разработки многихъ важныхъ и обширныхъ законодательныхъ предположеній. Эта усиленная законодательная дѣятельность имѣла послѣдствіемъ нѣкоторыя преобразованія въ самомъ устройствѣ Государ-

ственнаго Совѣта, которыя, въ свою очередь, вызвали необходимость увеличенія личнаго состава Государственной Канцеляріи.

Новое царствованіе застало на посту Государственнаго Секретаря Вячеслава Константиновича *Плеве*.

В. К. Плеве (1846—1904), уроженецъ города Мещовска, Калужской губерніи, по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата правъ, въ 1867 году, поступилъ на службу по судебному вѣдомству. Въ 1874 году онъ занялъ должность прокурора Вологодскаго окружнаго суда. Обративъ на себя въ этой должности особое вниманіе Министра Юстиціи, В. К. Плеве былъ назначенъ въ 1876 году товарищемъ прокурора Варшавской судебной палаты, а въ 1880 году—прокуроромъ С.-Петербургской судебной палаты. Занимая эту послѣднюю должность, онъ сдѣлался лично извѣстнымъ Государю Императору Александру II и, по Высочайшему повелѣнію, докладывалъ Его Величеству всѣ подробности о ходѣ слѣдственнаго производства по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. Въ Апрѣлѣ 1881 года В. К. Плеве, произведенный въ дѣйствительные статскіе совѣтники, былъ назначенъ Директоромъ Департамента Государственной Полиціи, въ 1884 году—Сенаторомъ, а въ началѣ 1885 года — Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Въ этой должности онъ и оставался почти девять лѣтъ, до назначенія своего Государственнымъ Секретаремъ.

Во главѣ Государственной Канцеляріи В. К. Плеве пробылъ немного болѣе восьми лѣтъ. «Служебныя его отношенія къ чинамъ Канцеляріи», говоритъ его біографъ, бывшій однимъ изъ его подчиненныхъ,[88] — «наружно всегда были строгія: онъ являлся требовательнымъ начальникомъ; но суровость его была лишь видимая, и всѣ, кому приходилось обращаться къ нему по какимъ либо дѣламъ и съ личными просьбами, знаютъ, съ какою внимательностью и

сердечностью онъ къ нимъ относился. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чуждый всякаго мелочнаго самолюбія, Вячеславъ Константиновичъ давалъ своимъ подчиненнымъ тотъ просторъ почина и самодѣятельности, который является главнымъ залогомъ успѣха въ каждомъ дѣлѣ».

Прощаясь съ Государственною Канцеляріею 7 Апрѣля 1902 года и отвѣчая на слова Товарища Государственнаго Секретаря, В. К. Плеве самъ охарактеризовалъ свои отношенія къ чинамъ Канцеляріи въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Восемь лѣтъ тому назадъ я знакомился съ вами, какъ съ новыми моими подчиненными по должности Государственнаго Секретаря. Многимъ изъ васъ, вѣроятно, еще памятно первое впечатлѣніе о малообщительномъ и угрюмомъ новомъ начальникѣ, особенно послѣ блестящей прощальной рѣчи моего предмѣстника. Я ограничился тогда только пожатіемъ рукъ. Въ настоящее время, разставаясь съ вами, я считаю умѣстнымъ разъяснить эту казавшуюся угрюмость. Принимая какую-либо должность, можно говорить объ ея общественномъ значеніи, о программѣ предстоящей дѣятельности или, наконецъ, о личныхъ отношеніяхъ. Должность Государственнаго Секретаря поставлена такъ, что всякія замѣчанія о ея значеніи и программѣ дѣятельности излишни; остаются личныя отношенія. Я васъ тогда не зналъ—и потому, что бы въ то время я ни сказалъ, все звучало бы неискренностью...»

По словамъ того же біографа,[89] В. К. Плеве «не разъ говорилъ, что онъ вступилъ въ исполненіе обязанностей Государственнаго Секретаря съ нѣкоторыми предвзятыми понятіями, которыя сложились, до извѣстной степени, подъ вліяніемъ обычнаго взгляда вѣдомствъ на Государственный Совѣтъ... Достаточно было краткаго промежутка времени, чтобы эти сомнѣнія разсѣялись. Сдѣлавшись сопричастнымъ повседневной жизни Государственнаго Совѣта, В. К. Плеве не могъ не убѣдиться, что главной ея пружиной, неизмѣнно,

изъ поколѣнія въ поколѣніе, является добросовѣстное искаціе блага Россіи, въ широкомъ его обобщеніи, внѣ зависимости отъ преслѣдованія какихъ либо частныхъ и мелкихъ цѣлей»...

На долю В. К. Плеве выпало, прежде всего, осуществленіе на практикѣ только что получившаго Высочайшее утвержденіе преобразованія кодификаціонной части. Въ новой постановкѣ должности Государственнаго Секретаря многое должно быть приписано личнымъ качествамъ Вячеслава Константиновича. «Давая заключенія съ кодификаціонной точки зрѣнія по различнымъ вопросамъ въ Департаментѣ Законовъ, на засѣданіяхъ котораго онъ неизмѣнно присутствовалъ, онъ умѣлъ, оставаясь въ предѣлахъ кодификаціонныхъ замѣчаній, касаться самаго существа предмета и постоянно содѣйствовать выясненію и правильному разрѣшенію наиболѣе запутанныхъ и сложныхъ вопросовъ. Члены Государственнаго Совѣта всегда прислушивались къ мнѣніямъ В. К. Плеве съ особымъ вниманіемъ, не только въ залѣ засѣданія, но и внѣ ея, при предшествующей рѣшенію дѣла или сопутствующей ему болѣе свободной бесѣдѣ. Такимъ образомъ установились отношенія взаимнаго довѣрія и уваженія. В. К. Плеве всегда говорилъ, что одною изъ главныхъ задачъ Государственнаго Секретаря онъ считаетъ оказаніе всякаго содѣйствія лицамъ, призваннымъ Высочайшею волею въ среду Государственнаго Совѣта, въ осуществленіи ихъ высокихъ обязанностей. Это понимали и цѣнили».

Отчасти въ связи съ успѣвшими уже выясниться потребностями новаго кодификаціоннаго учрежденія, отчасти же и вслѣдствіе усиленія работъ Государственной Канцеляріи вообще, вскорѣ возникъ вопросъ о необходимости нѣкоторыхъ измѣненій и дополненій въ штатѣ Канцеляріи. По представленію Государственнаго Секретаря, Высочайше утвержденнымъ 16 Января 1895 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта было установлено, съ 1 Января того же

года, для Помощниковъ Статсъ-Секретаря шесть дополнительныхъ, по 1.500 р. въ годъ каждый, окладовъ содержанія, назначеніе которыхъ предоставлено ближайшему усмотрѣнію Государственнаго Секретаря. Возникновеніе этихъ окладовъ нельзя не приписать почину Государственнаго Совѣта, всегда съ большимъ вниманіемъ относившагося къ трудамъ Государственной Канцеляріи. При обсужденіи, въ 1893 году, представленія Н. В. Муравьева объ увеличеніи оклада содержанія, присвоеннаго должности Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта, Соединенные Департаменты Государственной Экономіи и Законовъ остановились на вопросѣ о томъ, не слѣдуетъ ли одновременно съ разрѣшеніемъ обсуждаемаго представленія озаботиться усиленіемъ штатнаго содержанія Помощниковъ Статсъ-Секретаря. «Содержаніе это», разсуждали Департаменты, «представляется недостаточнымъ и значительно уступаетъ вознагражденію, которымъ пользуются Вице-Директоры министерскихъ Департаментовъ, состоящіе въ томъ же классѣ должности, какъ и Помощники Статсъ-Секретаря. Вслѣдствіе этого въ средѣ послѣднихъ иногда замѣчается стремленіе переходить на службу въ другія вѣдомства, лучше оплачивающія ихъ трудъ, и такимъ образомъ Государственная Канцелярія нерѣдко лишается весьма способныхъ чиновниковъ». Государственный Секретарь, съ своей стороны, объяснилъ, что недостаточность вознагражденія высшихъ чиновъ Государственной Канцеляріи сознавалась еще при разработкѣ проекта постояннаго штата. Сохраненіе этихъ окладовъ въ прежнемъ размѣрѣ обусловливалось только необходимостью отложить до болѣе благопріятнаго въ финансовомъ отношеніи времени возбужденіе вопросовъ, связанныхъ съ новыми ассигнованіями изъ казны; но вопросъ о повышеніи оклада Помощниковъ Статсъ-Секретаря продолжаетъ оставаться на очереди, и разрѣшеніе его, отвѣчая назрѣвшимъ служебнымъ потребностямъ Государственной Канцеляріи, является крайне важнымъ для послѣдней. По этому поводу Департаменты

замѣтили, что мѣру эту, въ видахъ устраненія ненормальнаго положенія Помощниковъ Статсъ-Секретаря въ матеріальномъ отношеніи, было бы нежелательно откладывать на долгое время. Съ другой стороны, немедленное разрѣшеніе этого вопроса представлялось, по мнѣнію Департаментовъ, неудобнымъ, такъ какъ для этого необходимо было всестороннее его соображеніе. При такихъ условіяхъ Департаменты сочли всего правильнѣе предоставить возбужденіе ходатайства по этому предмету попеченію Государственнаго Секретаря. Эти соображенія и послужили основаніемъ для ходатайства В. К. Плеве объ установленіи шести дополнительныхъ окладовъ. При этомъ Государственный Секретарь, въ присутствіи Соединенныхъ Департаментовъ, высказалъ, что если въ будущемъ окажется надобность въ созданіи еще нѣкотораго числа такихъ окладовъ, для дальнѣйшаго поощренія тѣхъ изъ Помощниковъ Статсъ-Секретаря, которые, по лѣтамъ своей службы и трудамъ, пріобрѣтутъ на сіе право, то онъ сочтетъ своею обязанностью войти, въ свое время, въ Государственный Совѣтъ съ надлежащимъ по этому предмету представленіемъ. Впослѣдствіи, Высочайше утвержденнымъ 27 Марта 1900 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, число этихъ дополнительныхъ окладовъ было увеличено еще на два.

Затѣмъ, въ 1896 году (19 Марта) были Высочайше утверждены новое Положеніе о Государственной Типографіи и штатъ ея, причемъ расширена компетенція Хозяйственнаго Комитета при Государственной Канцеляріи возложеніемъ на него надзора за Типографіею и учреждена особая должность дѣлопроизводителя этого Комитета.

Въ личномъ составѣ Государственной Канцеляріи произошли, въ 1895 году, двѣ существенныя перемѣны: въ Іюлѣ оставилъ свою должность Статсъ-Секретарь Отдѣленія Свода Законовъ, К. И. Малышевъ; оставшись только членомъ Консультаціи при Министерствѣ Юстиціи, онъ велъ

уединенную жизнь кабинетнаго ученаго, занимаясь преимущественно переводами законодательныхъ актовъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Скончался 3 Января 1907 года, завѣщавъ свою обширную библіотеку и все свое состояніе (до 20.000 р.) «самому восточному изъ русскихъ университетовъ». Преемникомъ К. И. Малышева въ должности Статсъ-Секретаря, управляющаго Отдѣленіемъ Свода Законовъ, былъ назначенъ Помощникъ Статсъ-Секретаря, профессоръ С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ уголовнаго права, *Н. Д. Сергѣевскій*, а на освободившуюся вакансію Помощника Статсъ-Секретаря опредѣленъ ординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета, докторъ государственнаго права *Н. М. Коркуновъ*.

Н. М. Коркуновъ.

Николай Дмитріевичъ *Сергѣевскій* (1849—1908), по окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ 1872 году, былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ экзамену на степень магистра, которую и получилъ въ 1874 году, за диссертацію «О значеніи причинной связи въ уголовномъ правѣ». Въ томъ же году онъ былъ назначенъ доцентомъ Ярославскаго Демидовскаго Лицея по кафедрѣ уголовнаго права, а въ 1882 году перешелъ доцентомъ же въ С.-Петербургскій университетъ. Получивъ въ 1888 году степень доктора, онъ занялъ, въ слѣдующемъ году, должность ординарнаго профессора С.-Петербургскаго университета. Въ 1893 году, 29 Декабря, Н. Д. Сергѣевскій былъ назначенъ Помощникомъ Статсъ-Секретаря, съ оставленіемъ въ должности профессора, а въ 1895 году—Членомъ Консультаціи при Министерствѣ Юстиціи и (18 Іюля) испра-

вляющимъ должность Статсъ-Секретаря, въ которой былъ утвержденъ 1 Января 1897 года. Въ эти же годы онъ былъ, въ теченіе нѣкотораго времени, редакторомъ «Журнала Министерства Юстиціи», гдѣ помѣстилъ немало статей юридическаго и политическаго содержанія. Обративъ на себя особое вниманіе своими дарованіями и выдающимся трудолюбіемъ, при глубокой научной эрудиціи и большой опытности въ кодификаціонныхъ работахъ, Н. Д. Сергѣевскій былъ назначенъ, 29 Октября 1904 года, Сенаторомъ, а въ 1907 году—Членомъ Государственнаго Совѣта. Скончался 25 Сентября 1908 года.

Въ 1906 году Н. Д. Сергѣевскимъ была основана еженедѣльная газета «Окраины Россіи», а въ 1908 году—«Русское Окраинное Общество», на организацію котораго онъ потратилъ немало энергіи. Въ эти послѣдніе годы своей жизни онъ напечаталъ нѣсколько популярныхъ брошюръ политическаго содержанія преимущественно по финляндскому вопросу, который былъ имъ изученъ глубоко и всесторонне («Финляндская сказка про бѣлаго бычка», «Русскій духъ», «Ѣшь меня, собака!» и др.) [90]

Николай Михайловичъ *Коркуновъ* (1853—1904), по окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ 1874 году, былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ экзамену на степень магистра. Въ 1876 году началъ преподавать энциклопедію права въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ, а въ 1878 году—въ С.-Петербургскомъ университетѣ; въ 1879 году назначенъ штатнымъ преподавателемъ Военно-Юридической Академіи, въ 1883 году—инспекторомъ классовъ Александровскаго Лицея и въ 1888 году произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Получивъ въ 1893 году степень магистра государственнаго права, Н. М. Коркуновъ въ томъ же году былъ назначенъ членомъ Высочайше учрежденной Комиссіи для подготовленія проекта кодификаціи основныхъ законовъ Финляндіи, а въ слѣдующемъ году получилъ степень

В. К. фонъ-Плеве.

вляющимъ должность Статсъ-Секретаря, въ которой былъ утвержденъ 1 Января 1897 года. Въ эти же годы онъ былъ, въ теченіе нѣкотораго времени, редакторомъ «Журнала Министерства Юстиціи», гдѣ помѣстилъ немало статей юридическаго и политическаго содержанія. Обративъ на себя особое вниманіе своими дарованіями и выдающимся трудолюбіемъ, при глубокой научной эрудиціи и большой опытности въ кодификаціонныхъ работахъ, Н. Д. Сергѣевскій былъ назначенъ, 29 Октября 1904 года, Сенаторомъ, а въ 1907 году—Членомъ Государственнаго Совѣта. Скончался 25 Сентября 1908 года.

Въ 1906 году Н. Д. Сергѣевскимъ была основана еженедѣльная газета «Окраины Россіи», а въ 1908 году—«Русское Окраинное Общество», на организацію котораго онъ потратилъ немало энергіи. Въ эти послѣдніе годы своей жизни онъ напечаталъ нѣсколько популярныхъ брошюръ политическаго содержанія преимущественно по финляндскому вопросу, который былъ имъ изученъ глубоко и всесторонне («Финляндская сказка про бѣлаго бычка», «Русскій духъ», «Бынь меня, собака!» и др.) [90]

Николай Михайловичъ *Коркуновъ* (1853—1904), по окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ 1874 году, былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ экзамену на степень магистра. Въ 1876 году началъ преподавать энциклопедію права въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ, а въ 1878 году—въ С.-Петербургскомъ университетѣ; въ 1879 году назначенъ штатнымъ преподавателемъ Военно-Юридической Академіи, въ 1883 году—инспекторомъ классовъ Александровскаго Лицея и въ 1888 году произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Получивъ въ 1893 году степень магистра государственнаго права, Н. М. Коркуновъ въ томъ же году былъ назначенъ членомъ Высочайше учрежденной Коммиссіи для подготовленія проекта кодификаціи основныхъ законовъ Финляндіи, а въ слѣдующемъ году получилъ степень

В. К. фонъ-Плеве.

доктора и занялъ каѳедру ординарнаго профессора. На службѣ въ Государственной Канцеляріи онъ оставался до Августа 1898 года, когда заболѣлъ хроническимъ нервнымъ разстройствомъ, не дававшимъ надежды на излеченіе. Скончался 27 Ноября 1904 года.

Въ числѣ Помощниковъ Статсъ-Секретаря одновременно съ Н. Д. Сергѣевскимъ находился также извѣстный русскій юристъ Александръ Львовичъ *Боровиковскій* (1844—1905). Воспитанникъ 1-й Харьковской гимназіи и кандидатъ правъ Харьковскаго университета, А. Л. Боровиковскій, по окончаніи въ 1866 году университетскаго курса, былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ магистерскому экзамену по исторіи русскаго права и командированъ въ Москву, для занятій подъ руководствомъ профессоровъ И. Д. Бѣляева и С. М. Соловьева. Въ 1867 году онъ возвратился въ Харьковъ и занялся адвокатурой, а три года спустя былъ назначенъ товарищемъ прокурора Симбирскаго окружнаго суда, но занималъ эту должность очень недолго и въ 1871 году переселился въ Петербургъ, гдѣ вступилъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ. Въ 1883 году А. Л. Боровиковскій былъ назначенъ членомъ Одесской судебной палаты и съ 1887 года читалъ, въ качествѣ приватъ-доцента, лекціи по гражданскому процессу въ Новороссійскомъ университетѣ. Въ Маѣ 1894 года, по приглашенію В. К. Плеве, онъ занялъ должность Помощника Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта по Отдѣленію Свода Законовъ, въ которой, однако, оставался менѣе года, до Апрѣля 1895 года, когда былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Гражданскаго Кассаціоннаго

А. Л. Боровиковскій.

Департамента. Съ 1898 года А. Л. Боровиковскій былъ Сенаторомъ того же Департамента и скончался въ Декабрѣ 1905 года. Въ юридической литературѣ онъ извѣстенъ своими трудами: «Законы Гражданскіе, съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената», «Уставъ гражданскаго судопроизводства» и «Отчетъ судьи», выдержавшими по нѣскольку изданій. Кромѣ того, имъ помѣщено много статей въ юридическихъ и обще-литературныхъ журналахъ.

Товарищу Государственнаго Секретаря Н. А. Неклюдову 14 Декабря 1895 года Высочайше повелѣно быть Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ;[91] на должность же Товарища Государственнаго Секретаря былъ назначенъ, 19 Декабря того же года, Статсъ-Секретарь Департамента Государственной Экономіи по смѣтной части Владиміръ Николаевичъ *Коковцовъ*.

В. Н. Коковцовъ (р. 1853), по окончаніи курса въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ, продолжалъ свое образованіе въ С.-Петербургскомъ университетѣ и затѣмъ, въ 1873 году, поступилъ на службу въ Департаментъ Министерства Юстиціи, гдѣ занималъ должности младшаго и старшаго помощника столоначальника, потомъ — столоначальника сначала статистическаго, а затѣмъ уголовнаго отдѣленія. Назначенный состоять въ распоряженіи Статсъ-Секретаря К. К. Грота для занятій по преобразованію тюремнаго дѣла, В. Н. Коковцовъ былъ въ 1878 году командированъ за границу для ознакомленія съ тюремнымъ вопросомъ въ иностранныхъ государствахъ, особенно въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ пенитенціарныя учрежденія получили наибольшее развитіе, въ видахъ наилучшаго устройства подобныхъ учрежденій въ Россіи. Въ слѣдующемъ году онъ былъ переведенъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, исправляющимъ должность инспектора V класса Главнаго Тюремнаго Управленія, а въ 1882 году занялъ должность Помощника Начальника названнаго Управленія. Произве-

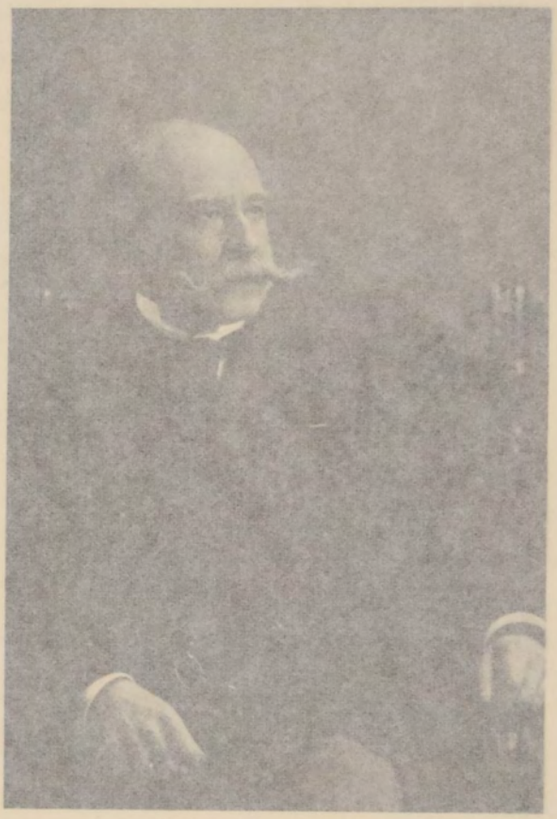
денный въ 1888 году въ дѣйствительные статскіе совѣтники, В. Н. Коковцовъ въ 1890 году перешелъ на службу въ Государственную Канцелярію и былъ назначенъ (6 Іюня) Помощникомъ Статсъ-Секретаря, причемъ на него было возложено предсѣдательствованіе въ Хозяйственномъ Комитетѣ. Въ Январѣ 1892 года онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность Статсъ-Секретаря Департамента Государственной Экономіи по смѣтной части и въ слѣдующемъ году утвержденъ въ этой должности. Къ этому времени относится изданный Государственною Канцеляріею трудъ Владиміра Николаевича: «Поступленіе обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ за пятилѣтіе 1887—1891 годовъ, въ сравненіи съ смѣтными за то же время назначеніями. Краткія соображенія къ исчисленію государственныхъ доходовъ на 1894 годъ» (Спб. 1893).

Товарищемъ Государственнаго Секретаря В. Н. Коковцовъ былъ только два съ половиною мѣсяца, такъ какъ 1 Марта 1896 года онъ былъ назначенъ Товарищемъ Министра Финансовъ. Преемникомъ В. Н. Коковцова въ должности Товарища Государственнаго Секретаря былъ, съ 4 Марта 1896 года, Управлявшій Земскимъ Отдѣломъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Семеновичъ *Стишинскій*.

А. С. Стишинскій (р. 1851) не былъ для Государственной Канцеляріи человѣкомъ новымъ, такъ какъ ранѣе прослужилъ въ ней около 13 лѣтъ и хорошо зналъ всѣ ея служебные порядки. По окончаніи курса на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета, въ 1872 году, онъ сначала причислился къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, но затѣмъ, въ томъ же году, перешелъ на службу въ Государственную Канцелярію, гдѣ работалъ по Отдѣленію Законовъ сперва въ качествѣ причисленнаго, затѣмъ — сверхштатнаго и, наконецъ штатнаго старшаго помощника дѣлопроизводителя. Въ 1878 году онъ былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ въ Отдѣленіе Дѣлъ Государственнаго Се-

кретаря, а въ 1882 году—Помощникомъ Статсъ-Секретаря. При переходѣ Государственнаго Совѣта и Государственной Канцеляріи въ Маріинскій Дворецъ, А. С. Стишинскому было поручено завѣдываніе дѣлами, до Дворца относящимися. Въ 1885 году онъ оставилъ службу въ Государственной Канцеляріи и перешелъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, чиновникомъ особыхъ порученій V класса; въ 1887 году произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а въ 1889 году назначенъ Управляющимъ Земскимъ Отдѣломъ. Занимая должность Товарища Государственнаго Секретаря, А. С. Стишинскій, кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей по этой должности, не прекращавшихся и въ лѣтнее время, много потрудился по разработкѣ обширныхъ и сложныхъ дѣлъ, разсматривавшихся въ Департаментахъ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ и Государственной Экономіи. Въ 1898 году онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники. Затѣмъ, 18 Ноября 1899 года, ему Высочайше повелѣно было быть Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ.[92] 19 Ноября того же года Товарищемъ Государственнаго Секретаря былъ назначенъ Товарищъ Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, тайный совѣтникъ баронъ Юлій Александровичъ *Икскуль фонъ-Гильденбандтъ.*

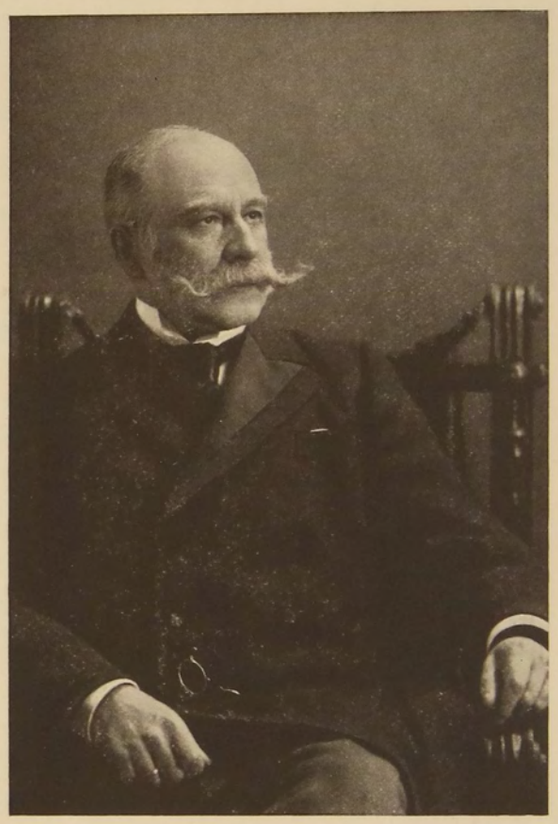
Почти вся предшествовавшая этому назначенію служба барона Юлія Александровича (р. 1852) прошла также въ Государственной Канцеляріи. По окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ 1875 году, онъ былъ причисленъ къ Министерству Юстиціи и откомандированъ въ Первый Департаментъ Правительствующаго Сената, а затѣмъ, въ 1878 году, переведенъ въ Государственную Канцелярію. Занимаясь въ Отдѣленіи Законовъ и пробывъ слишкомъ три года причисленнымъ, онъ былъ, въ началѣ 1882 года, назначенъ дѣлопроизводителемъ, а 20 Ноября 1885 года—Помощникомъ Статсъ-Секретаря. Здѣсь, между прочимъ, барономъ Юліемъ Александровичемъ, вмѣстѣ съ Н. А. Вое-

А. С. Стишинскій.

кретаря, а въ 1882 году—Помощникомъ Статсъ-Секретаря. При переходѣ Государственнаго Совѣта и Государственной Канцеляріи въ Маріинскій Дворецъ, А. С. Стишинскому было поручено завѣдываніе дѣлами, до Дворца относящимися. Въ 1885 году онъ оставилъ службу въ Государственной Канцеляріи и перешелъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, чиновникомъ особыхъ порученій V класса; въ 1887 году произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а въ 1889 году назначенъ Управляющимъ Земскимъ Отдѣломъ. Занимая должность Товарища Государственнаго Секретаря, А. С. Стишинскій, кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей по этой должности, не прекращавшихся и въ лѣтнее время, много потрудился по разработкѣ обширныхъ и сложныхъ дѣлъ, разсматривавшихся въ Департаментахъ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ и Государственной Экономіи. Въ 1898 году онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники. Затѣмъ, 18 Ноября 1899 года, ему Высочайше повелѣно было быть Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ.[92] 19 Ноября того же года Товарищемъ Государственнаго Секретаря былъ назначенъ Товарищъ Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, тайный совѣтникъ баронъ Юлій Александровичъ *Икскуль фонъ-Гильденбандтъ*.

Почти вся предшествовавшая этому назначенію служба барона Юлія Александровича (р. 1852) прошла также въ Государственной Канцеляріи. По окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ 1875 году, онъ былъ причисленъ къ Министерству Юстиціи и откомандированъ въ Первый Департаментъ Правительствующаго Сената, а затѣмъ, въ 1878 году, переведенъ въ Государственную Канцелярію. Занимаясь въ Отдѣленіи Законовъ и пробывъ слишкомъ три года причисленнымъ, онъ былъ, въ началѣ 1882 года, назначенъ дѣлопроизводителемъ, а 20 Ноября 1885 года—Помощникомъ Статсъ-Секретаря. Здѣсь, между прочимъ, барономъ Юліемъ Александровичемъ, вмѣстѣ съ Н. А. Вое-

А. С. Стишинскій.

водскимъ, былъ изданъ «Сводъ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 12 Іюня 1890 года и дополнительныхъ постановленій объ отдѣльныхъ отрасляхъ дѣятельности земства»,— трудъ, за который составители удостоились Высочайшей благодарности. Произведенный 1 Января 1891 года въ дѣйствительные статскіе совѣтники, баронъ Юлій Александровичъ былъ 26 Октября 1893 года назначенъ исправляющимъ должность Статсъ-Секретаря Департамента Законовъ и 1 Января 1895 года утвержденъ въ этой должности. По свидѣтельству Государственнаго Секретаря, баронъ Юлій Александровичъ, «какъ по обширнымъ познаніямъ своимъ въ законодательныхъ вопросахъ, такъ и по ревностному отношенію къ лежащимъ на немъ многосложнымъ обязанностямъ», вполнѣ заслуживалъ выдающагося отличія. Затѣмъ, 1 Января 1899 года, ему Высочайше повелѣно быть Товарищемъ Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Въ этой должности, однако, баронъ Юлій Александровичъ пробылъ менѣе 11 мѣсяцевъ и возвратился въ Государственную Канцелярію, гдѣ передъ тѣмъ прослужилъ болѣе 20 лѣтъ.

1896 годъ ознаменовался въ жизни Государственной Канцеляріи двумя событіями. На время пребыванія Государственнаго Совѣта въ Москвѣ, по случаю Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, туда были командированы два Статсъ-Секретаря, одинъ Помощникъ Статсъ-Секретаря, три старшихъ дѣлопроизводителя, одинъ причисленный, одинъ экспедиторъ, его помощникъ и два журналиста. Затѣмъ, когда выяснилось, что въ Москвѣ, кромѣ Общихъ Собраній и засѣданій Департамента Законовъ, должны состояться еще засѣданія Высочайше учрежденнаго Совѣщанія для обсужденія вопроса о порядкѣ завѣдыванія Кавказскими минеральными водами, а по Департаменту Государственной Экономіи — для разсмотрѣнія смѣтныхъ дѣлъ и

вопроса о строительныхъ кредитахъ Министерства Путей Сообщенія, тогда, для участія въ этихъ засѣданіяхъ, отправились въ Москву Товарищъ Государственнаго Секретаря А. С. Стишинскій и исправлявшій должность Статсъ-Секретаря Департамента Государственной Экономіи по смѣтной части С. В. Рухловъ.

25 Іюня 1896 года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Императора Николая Павловича. По этому случаю чинами Отдѣленія Свода Законовъ было испрошено, чрезъ Государственнаго Секретаря, Высочайшее разрѣшеніе поставить въ залѣ ихъ совѣщаній сооруженный на ихъ иждивеніе художественной работы бронзовый бюстъ въ Бозѣ почившаго Императора и назначить премію, въ размѣрѣ 4.000 руб., за лучшее сочиненіе по исторіи Свода Законовъ. Срокъ для представленія сочиненій на соисканіе преміи былъ опредѣленъ въ 4 года. Къ началу 1901 года было представлено два сочиненія, изъ которыхъ авторомъ одного оказался *А. Н. Харузинъ*, а другого—*П. М. Майковъ*. Разсматривавшая эти сочиненія Коммисія, подъ предсѣдательствомъ Товарища Государственнаго Секретаря барона Ю. А. Икскуля фонъ-Гильденбандта, изъ профессоровъ университетовъ: С.-Петербургскаго—В. И. Сергѣевича и Юрьевскаго—А. Н. Филиппова, редактора Журнала Министерства Юстиціи В. Ѳ. Дерюжинскаго, барона Э. Ю. Нольде и Помощниковъ Статсъ-Секретаря Э. Н. Берендтса и Н. Н. Корево, не признала ихъ заслуживающими преміи, но, въ поощреніе авторовъ, постановила выдать имъ по 600 руб.

Въ 1899 году государственная дѣятельность В. К. Плеве значительно осложнилась. Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату 17 Августа этого года онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго, а

1 Января 1900 года утвержденъ въ этой должности, съ оставленіемъ Государственнымъ Секретаремъ.

Еще ранѣе этого назначенія Вячеславу Константиновичу пришлось принять участіе въ Высочайше учрежденномъ подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Предсѣдателя Государственнаго Совѣта Совѣщаніи для выработки Основныхъ Положеній о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, а также въ учрежденной 31 Декабря 1898 года, по всеподданнѣйшему докладу Министра Финансовъ, Коммисіи для опредѣленія основаній введенія въ Финляндіи россійской монетной системы (дѣлопроизводство по упомянутымъ Совѣщанію и Коммисіи было возложено на Статсъ-Секретаря Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ *П. А. Харитонова*). Результатомъ Совѣщанія явились Высочайшій Манифестъ 3 Февраля 1899 года и приложенныя къ нему Основныя Положенія, силою которыхъ Государственный Совѣтъ привлекался къ участію въ финляндскомъ законодательствѣ общегосударственнаго значенія. Затѣмъ, въ Апрѣлѣ 1899 года, по всеподданнѣйшему докладу В. К. Плеве, была Высочайше учреждена при Государственной Канцеляріи временная Коммисія для составленія свѣдѣній по финляндскимъ законамъ и систематизаціи сихъ законовъ вообще.

«Благотворное направленіе законодательной дѣятельности, которое указано Основными Положеніями 3 Февраля»,— писалъ Государственный Секретарь въ упомянутомъ докладѣ,— «несомнѣнно, вызоветъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ насущную потребность постояннаго обращенія съ актами финляндскихъ законоположеній и выясненія ихъ отношеній къ законодательству Имперіи. Потребность сія могла бы быть удовлетворена образованіемъ при Государственной Канцеляріи временной Коммисіи изъ русскихъ и финляндскихъ юристовъ, подъ предсѣдательствомъ одного изъ Статсъ-Секретарей Государственнаго Совѣта, съ цѣлью составленія

справокъ, свѣдѣній и соображеній по финляндскимъ законамъ, необходимыхъ для производства дѣлъ, вносимыхъ на уваженіе Государственнаго Совѣта въ порядкѣ, Основными Положеніями 3 Февраля 1899 года установленномъ. Къ обязанностямъ Коммисіи, сообразно сему, относилось бы: собраніе, а въ подлежащихъ случаяхъ переводъ на русскій языкъ, систематизація и выясненіе взаимнаго между собою и къ законамъ Имперіи отношенія финляндскихъ законоположеній, заключающихся какъ въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи, такъ и въ Сборникѣ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго и въ другихъ примѣняемыхъ въ Финляндіи Сборникахъ. Служа текущимъ потребностямъ законодательной дѣятельности Государственнаго Совѣта, такая Коммисія, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно содѣйствовала бы своими трудами спокойному и постепенному выясненію тѣхъ недоразумѣній, кои затемняли собою весь вопросъ объ Основныхъ Законахъ Финляндіи».

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, Государственный Секретарь испрашивалъ Высочайшаго разрѣшенія: 1) учредить при Государственной Канцеляріи временную Коммисію для составленія свѣдѣній по финляндскимъ законамъ, необходимыхъ при производствѣ дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ, и для систематизаціи сихъ законовъ вообще; 2) предоставить Государственному Секретарю возлагать обязанности Предсѣдателя означенной Коммисіи на одного изъ Статсъ-Секретарей Государственнаго Совѣта; 3) предоставить Государственному Секретарю: а) назначать членовъ Коммисіи, равно дѣлопроизводителей оной, изъ чиновъ Государственной Канцеляріи—по своему усмотрѣнію, а изъ чиновъ другихъ вѣдомствъ—по соглашенію съ подлежащими Министрами, а также съ властями Великаго Княжества Финляндскаго; б) войти въ сношеніе съ Министромъ Финансовъ объ отпускѣ на первое время изъ государственнаго казначейства средствъ на дѣлопроизводство Коммисіи, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи сіи расходы, въ размѣрѣ

выяснившейся потребности, были отнесены, въ установленномъ порядкѣ, на казну Великаго Княжества Финляндскаго, и 4) предоставить Предсѣдателю Коммисіи право приглашать къ участію въ ея занятіяхъ по отдѣльнымъ вопросамъ лицъ, могущихъ принести пользу своими познаніями.

Этотъ докладъ Государственнаго Секретаря удостоился Высочайшаго утвержденія 6 Апрѣля 1899 года.

Н. Д. Сергѣевскій.

Какъ видно изъ содержанія доклада, на временную Коммисію съ самаго начала была возложена обширная и сложная задача. Впослѣдствіи эта задача была расширена еще болѣе.

Немедленно по полученіи Высочайшаго соизволенія Государственный Секретарь приступилъ къ формированію временной Коммисіи. 10 Апрѣля 1899 года Статсъ-Секретарю Государственнаго Совѣта, управлявшему Отдѣленіемъ Свода Законовъ Государственной Канцеляріи, *Н. Д. Сергѣевскому* было предложено принять на себя обязанности Предсѣдателя Коммисіи. Вскорѣ затѣмъ были назначены членами Коммисіи Помощники Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта *Н. П. Гаринъ*, *Д. Н. Любимовъ* и профессоръ финансоваго права *Э. Н. Берендтсъ*, а также старшіе дѣлопроизводители Канцеляріи *Н. Н. Корево* и *А. І. Липскій*. Сверхъ того, къ занятіямъ Коммисіи были привлечены, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами: Юрисконсультъ Министерства Юстиціи *Э. А. Эрштремъ* (котораго позже замѣнилъ товарищъ оберъ-прокурора Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената *А. К. фонъ-Резонъ*), военный судья С.-Петербургскаго военно-окружнаго суда полковникъ *М. М. Бородкинъ* и референдарій-

секретарь Экспедиціи Юстиціи Хозяйственнаго Департамента Императорскаго Финляндскаго Сената *Форсель*. Завѣдываніе всѣмъ дѣлопроизводствомъ Коммисіи было возложено на члена ея Н. Н. Корево. На покрытіе расходовъ по ея содержанію, пріобрѣтеніе необходимыхъ пособій, книгъ, канцелярскихъ принадлежностей и пр. было ассигновано, на первый 1899 годъ, 5.000 р.[93]

Руководствуясь всеподданнѣйшимъ докладомъ 6 Апрѣля 1899 года и дополнительными указаніями Государственнаго Секретаря, Коммисія составила и издала цѣлый рядъ справочныхъ изданій по финляндскому законодательству, какъ сеймовому, такъ и административному. Многія изъ этихъ изданій, вслѣдствіе своей систематичности и полноты, имѣютъ, однако, не только значеніе справочныхъ, но и подготовительно-кодификаціонныхъ работъ. Изъ нихъ особаго вниманія заслуживаютъ: 1) Собраніе Постановленій Финляндскихъ; 2) Алфавитный Указатель къ постановленіямъ Великаго Княжества Финляндскаго, и 3) Параллельный русскій, финскій и шведскій словарь по Общему Уложенію и Постановленіямъ Великаго Княжества Финляндскаго.

«Собраніе Постановленій Финляндскихъ» представляетъ Сборникъ расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ узаконеній, обнародованныхъ на русскомъ языкѣ. Въ настоящее время издано уже три тома этого сборника, въ который вошло 717 узаконеній, обнародованныхъ на русскомъ языкѣ, съ 1809 по 1859 годъ, со всѣми приложеніями (формулярами, образцами вѣдомостей, таблицами и пр.), и составляющихъ, въ общей сложности, 2058 страницъ большого формата.[94] Въ слѣдующіе томы этого сборника должны войти необнародованные на русскомъ языкѣ подлинники Высочайше утвержденныхъ постановленій и переводы тѣхъ узаконеній, подлинные русскіе тексты которыхъ остались неизвѣстными дѣлопроизводству Коммисіи.

Для составленія «Собранія Постановленій Финляндскихъ» дѣлопроизводству Коммисіи пришлось потратить немало труда на архивныя разысканія, такъ какъ многіе изъ вошедшихъ въ это Собраніе актовъ печатались въ свое время въ видѣ отдѣльныхъ листовъ и тетрадей и сохранились лишь въ немногихъ экземплярахъ въ различныхъ архивахъ. Пользуясь лѣтнимъ, свободнымъ отъ занятій въ Государственной Канцеляріи временемъ, дѣлопроизводство Коммисіи въ теченіе 4 лѣтъ выѣзжало въ Гельсингфорсъ для работъ въ мѣстномъ Статсъ-Архивѣ.

Въ связи съ работами Коммисіи, а также въ виду того, что Статсъ-Секретаріатъ Великаго Княжества Финляндскаго находится въ С.-Петербургѣ, Государственнымъ Секретаремъ было испрошено, 23 Января 1901 года, Высочайшее повелѣніе о передачѣ изъ Финляндскаго Статсъ-Архива въ Гельсингфорсѣ въ архивъ Государственнаго Совѣта всѣхъ дѣлъ названнаго Статсъ-Секретаріата и состоявшихъ при немъ Коммисій и Комитетовъ, относящихся къ періоду времени до 1860 года включительно. Соотвѣтственно этому и въ Учрежденіи Государственнаго Совѣта 1901 года (ст. 152, п. 7) было сдѣлано указаніе, что въ составъ архива Государственнаго Совѣта входятъ, между прочимъ, дѣла Статсъ-Секретаріата Великаго Княжества Финляндскаго. Однако впослѣдствіи, по всеподданнѣйшему докладу Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на передачу всѣхъ этихъ дѣлъ обратно въ Статсъ-Архивъ. Въ настоящее время при Статсъ-Секретаріатѣ Великаго Княжества устроено особое помѣщеніе, въ которомъ будутъ храниться упомянутыя дѣла, подлежащія возвращенію въ С.-Петербургъ.

Вторымъ капитальнымъ изданіемъ, выпущеннымъ въ свѣтъ при содѣйствіи Коммисіи, является составленный членомъ (нынѣ предсѣдателемъ) Коммисіи *Н. Н. Коревo* Алфавитный Указатель къ Постановленіямъ, относящимся до Великаго Княжества Финляндскаго. Настоятельная по-

требность въ предметномъ указателѣ, при помощи котораго можно было бы ознакомиться съ подробностями разнообразнаго и сложнаго законодательства Финляндіи, ощущалась давно; но ограниченность средствъ и силъ Коммисіи не позволили ей сразу приступить къ сложной работѣ составленія указателя, которую началъ въ 1900 году и выполнилъ по своей личной инициативѣ Н. Н. Корево. Въ настоящее время весь этотъ обширный трудъ законченъ и вышелъ въ свѣтъ въ трехъ томахъ большого формата.[95]

Этотъ трудъ, явившійся плодомъ девятилѣтней работы, удостоился Высочайшихъ одобреній. На всеподданнѣйшемъ докладѣ Государственнаго Секретаря барона Икскуля фонъ-Гильденбандта отъ 24 Января 1907 года о выходѣ въ свѣтъ перваго тома Указателя Государь Императоръ соизволилъ Собственноручно начертать: «Полезный трудъ», а при представленіи 9 Декабря 1908 года третьяго тома Указателя Его Императорское Величество Всемилостивѣйше изволилъ повелѣть «благодарить составителя за сложный трудъ».[96]

Третьимъ, заслуживающимъ особаго вниманія, изданіемъ временной Коммисіи является Параллельный Словарь, русскій, финскій и шведскій, различныхъ юридическихъ терминовъ и выраженій, встрѣчающихся въ финляндскихъ законодательныхъ актахъ.[97] Этотъ Словарь является полезнымъ пособіемъ при работахъ съ оффиціальными финляндскими юридическими и историческими документами. Изданіемъ Словаря Коммисія не имѣла въ виду дать филологическій трудъ, отвѣчающій требованіямъ лексикографіи; но, при отсутствіи въ русской филологической литературѣ хорошихъ шведскихъ и финскихъ словарей, изданіе Коммисіи представляетъ въ настоящее время едва ли не единственный технической русско-шведско-финскій словарь и, во всякомъ случаѣ, послужитъ цѣннымъ матеріаломъ для будущихъ подробныхъ шведско-русскихъ и финско-русскихъ словарей. Всѣ три части Словаря вмѣстѣ составляютъ обширный томъ, свыше 800 страницъ.

Кромѣ этихъ капитальныхъ трудовъ, Коммисія за время своего существованія составила и отпечатала цѣлый рядъ изданій справочнаго характера.[98]

Перечисленными изданіями, однако, далеко не исчерпывается справочная дѣятельность Коммисіи. Ея дѣлопроизводствомъ составлялись также различныя справки по отдѣльнымъ вопросамъ финляндскаго законодательства, переводились и печатались для надобностей самой Коммисіи отдѣльныя постановленія, законодательные акты, юридическія изслѣдованія, составлялись записки о различныхъ мѣропріятіяхъ правительства въ отношеніи Финляндіи и т. п. Съ теченіемъ времени эти работы Коммисіи значительно умножились.

Высочайшимъ повелѣніемъ $^{14}/_{27}$ Августа 1900 года на временную Коммисію была возложена выработка первоначальныхъ предположеній по пересмотру нѣкоторыхъ законоположеній, касающихся Финляндскаго управленія. Главнымъ основаніемъ предстоявшаго преобразованія было поставлено: 1) устраненіе существующаго въ управленіи Финляндіи двоевластія и установленіе, взамѣнъ двухъ параллельно дѣйствующихъ властей, Генералъ-Губернатора и Сената, единой административной власти, съ предоставленіемъ ей способовъ управлять краемъ по предметамъ, требующимъ ея ближайшаго воздѣйствія, непосредственно, а по прочимъ—черезъ Сенатъ, и 2) направленіе дѣятельности мѣстныхъ властей соотвѣтственно потребностямъ общегосударственной жизни и согласованіе всего хода управленія съ положеніемъ Финляндіи, какъ нераздѣльной части Россійскаго Государства.

Какъ видно изъ приведенныхъ положеній, Коммисіи была предуказана обширная задача пересмотра весьма значительнаго числа узаконеній Великаго Княжества и приведенія ихъ въ болѣе стройную систему, отвѣчающую интересамъ государства. Пересмотръ этотъ долженъ былъ коснуться всей области Финляндскаго управленія.

Независимо отъ этого обширнаго пересмотра законовъ, Высочайшимъ повелѣніемъ $^{14}/_{27}$ Августа 1900 года на Коммисію былъ возложенъ еще и пересмотръ составленныхъ Особою Коммисіею генералъ-лейтенанта Шипова и Финляндскимъ Сенатомъ проектовъ расширенія круга дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію губернаторовъ, и соображеній о возвышеніи ихъ служебнаго положенія.

Для облегченія исполненія возложеннаго на Коммисію труда, распоряженіемъ тогдашняго ея Предсѣдателя Н. Д. Сергѣевскаго были предприняты ея дѣлопроизводствомъ подготовительныя работы и собранъ справочный матеріалъ, выясняющій положеніе соотвѣтственныхъ отдѣловъ финляндскаго законодательства, а равно и ходъ его историческаго развитія и его отношеніе къ общему законодательству Имперіи.

Предположенія Коммисіи поступили на обсужденіе Высочайше учрежденной при Финляндскомъ Статсъ-Секретаріатѣ Особой Коммисіи, подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря Плеве, изъ Помощника Финляндскаго Генералъ-Губернатора, Предсѣдателя Коммисіи для систематизаціи финляндскихъ законовъ, двухъ Сенаторовъ Финляндскаго Сената, представителей отъ Министерствъ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ и Управляющаго дѣлами Финляндской Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Затѣмъ эти предположенія, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, послужили основаніемъ для цѣлаго ряда законодательныхъ актовъ.

Какъ видно изъ предыдущаго изложенія, число дѣлъ, поступавшихъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, стало особенно быстро увеличиваться съ начала 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія. Учредительнаго характера преобразованія въ области крестьянскаго законодательства, суда, земскаго и городского управленій, установленіе всеобщей воин-

ской повинности и другія реформы, въ связи съ развитіемъ положенныхъ въ ихъ основаніе началъ и постепеннымъ распространеніемъ круга ихъ дѣйствія, не могли не отразиться на дѣятельности Департаментовъ Государственнаго Совѣта. Особое обремененіе ощущалось при этомъ въ Департаментѣ Законовъ; нѣкоторое облегченіе его достигнуто было лишь передачею законодательныхъ дѣлъ, касавшихся финансовъ, торговли и промышленности, въ вѣдѣніе Департамента Государственной Экономіи.

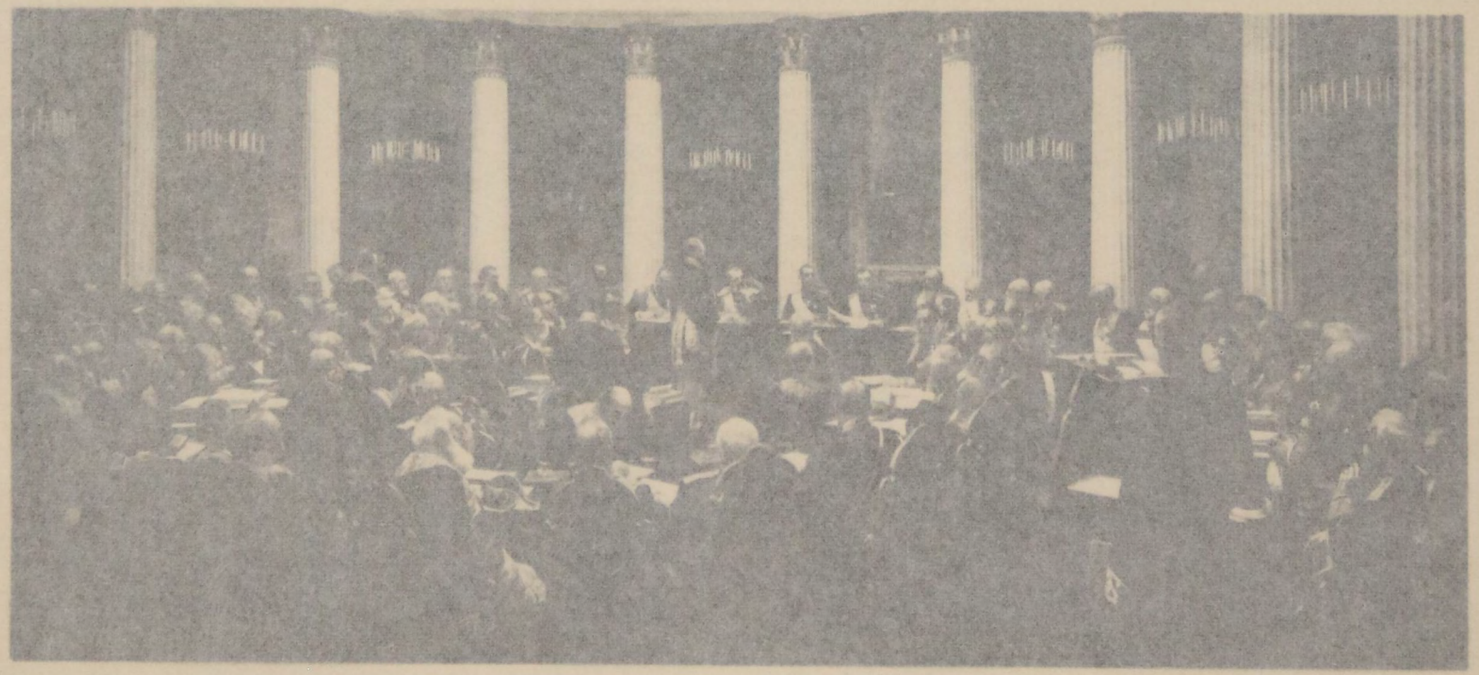
Въ 80-хъ и особенно въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія центръ тяжести законодательной дѣятельности сталъ перемѣщаться въ сторону финансовыхъ вопросовъ. Развитіе производительныхъ силъ страны, увеличеніе арміи и ея перевооруженіе, расширеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ и проведеніе Великаго Сибирскаго рельсоваго пути выдвинули на первый планъ множество новыхъ потребностей государственнаго управленія и хозяйства. Съ другой стороны, усложненіе государственной жизни вообще вызвало цѣлый рядъ преобразованій въ дѣлѣ финансоваго управленія и развитія народнаго образованія, промышленности и торговли. Новыя мѣропріятія въ областяхъ податной, таможенной и желѣзнодорожной быстро слѣдовали одно за другимъ. Всѣ возникавшіе въ связи съ ними проекты новыхъ узаконеній подлежали разсмотрѣнію Департамента Государственной Экономіи. Важныя неудобства, проистекавшія отъ обремененія названнаго Департамента этого рода дѣлами, вызвали, наконецъ, измѣненіе въ самомъ устройствѣ Государственнаго Совѣта. Именнымъ Высочайшимъ указомъ Государственному Совѣту 1 Января 1900 года, въ виду обширности задачъ по распространенію просвѣщенія въ народѣ и по обезпеченію производительности народнаго труда въ его главнѣйшихъ отрасляхъ—земледѣліи, обрабатывающей промышленности и торговлѣ,—въ составѣ Государственнаго Совѣта былъ учрежденъ новый Департаментъ Промышленности, Наукъ и Торговли, а въ составѣ Государственной Канцеляріи—со-

отвѣтствующее этому Департаменту Отдѣленіе. Управленіе дѣлами этого Отдѣленія было возложено на исправлявшаго должность Статсъ-Секретаря Департамента Государственной Экономіи по законодательной части, статскаго совѣтника *Д. А. Философова,* который, пять мѣсяцевъ спустя, былъ утвержденъ въ должности Статсъ-Секретаря. [99]

Важнѣйшими трудами, исполненными Отдѣленіемъ Промышленности, Наукъ и Торговли за пять съ половиною лѣтъ его существованія, были: разработка положеній о добровольномъ флотѣ, о церковныхъ школахъ вѣдомства Православнаго Исповѣданія, о художественно-промышленномъ и сельско-хозяйственномъ образованіи, законъ объ организаціи страхованія капиталовъ и доходовъ при посредствѣ государственныхъ сберегательныхъ кассъ и др. По этимъ дѣламъ Отдѣленіемъ былъ собранъ обширный справочный матеріалъ и составлены весьма подробные журналы.

Учрежденіе новаго Отдѣленія, въ связи съ другими назрѣвшими къ тому времени нуждами Государственной Канцеляріи, побудило Государственнаго Секретаря войти съ представленіемъ о дополненіи и измѣненіи штата Канцеляріи.

Къ 1 Января 1900 года въ личномъ составѣ Государственной Канцеляріи, не считая причисленныхъ, находилось: 6 Статсъ-Секретарей или исправляющихъ ихъ должность, 22 Помощника Статсъ-Секретаря, 28 дѣлопроизводителей старшихъ и младшихъ, 3 секретаря при Предсѣдателяхъ Департаментовъ, 5 экспедиторовъ, 6 ихъ помощниковъ, 1 архиваріусъ, 1 регистраторъ, 1 казначей, 1 бухгалтеръ, 2 библіотекаря, 1 завѣдывающій зданіями, 1 дѣлопроизводитель Хозяйственнаго Комитета, 1 архитекторъ и 1 врачъ. Сумма, отпускавшаяся на производство содержанія журналистамъ, была разсчитана на 35 лицъ. Такимъ образомъ, общее число штатныхъ чиновъ Канцеляріи составляло 115 лицъ. Этотъ личный составъ, образовавшійся, въ главныхъ чертахъ, за семь лѣтъ передъ тѣмъ, уже не соотвѣт-

Торжественное засѣданіе въ день столѣтняго юбилея Государственнаго Совѣта

7 Мая 1901 года.

Съ картины И. Рѣпина.

ответствующее этому Департаменту Отдѣленіе. Управленіе дѣлами этого Отдѣленія было возложено на исправлявшаго должность Статсъ-Секретаря Департамента Государственной Экономіи по законодательной части, статскаго совѣтника *Д. А. Философова*, который, пять мѣсяцевъ спустя, былъ утвержденъ въ должности Статсъ-Секретаря. [99]

Важнѣйшими трудами, исполненными Отдѣленіемъ Промышленности, Наукъ и Торговли за пять съ половиною лѣтъ его существованія, были: разработка положеній о добровольномъ флотѣ, о церковныхъ школахъ вѣдомства Православнаго Исповѣданія, о художественно-промышленномъ и сельско-хозяйственномъ образованіи, законъ объ организаціи страхованія капиталовъ и доходовъ при посредствѣ государственныхъ сберегательныхъ кассъ и др. По этимъ дѣламъ

Отдѣленіе, собравъ обширный справочный матеріалъ и составивъ весьма подробные журналы.

Управляющій вновь Отдѣленія, въ связи съ другими назрѣвшими въ то время нуждами Государственной Канцеляріи, ходатайствовалъ передъ Государственнаго Секретаря войти съ представленіемъ о дополненіи и измѣненіи штата Канцеляріи.

Къ 1 января 1900 года въ личномъ составѣ Государственной Канцеляріи, не считая причисленныхъ, находилось: 6 Статсъ-Секретарей или исправляющихъ ихъ должность, 10 Помощниковъ Статсъ-Секретаря, 28 дѣлопроизводителей старшихъ и младшихъ, 3 секретаря при Предсѣдателяхъ Департаментовъ, 5 экспедиторовъ, 6 ихъ помощниковъ, 1 эконому, 1 регистраторъ, 1 казначей, 1 бухгалтеръ, 2 библіотекаря, 1 заѣдывающій хозяйствомъ, 1 дѣлопроизводитель Хозяйственнаго Комитета, 1 архитекторъ и 1 врачъ. Сумма, отпускавшаяся на производство содержанія журналистамъ, была разсчитана на 35 лицъ. Такимъ образомъ, общее число штатныхъ чиновъ Канцеляріи составляло 115 лицъ. Этотъ личный составъ, образовавшійся, въ главныхъ чертахъ, за семь лѣтъ передъ тѣмъ, уже не соотвѣт-

Торжественное засѣданіе въ день столѣтняго юбилея Государственнаго Совѣта

7 Мая 1901 года.

Съ картины И. Рѣпина.

ствовалъ возлагаемымъ на Государственную Канцелярію требованіямъ. Достаточно сказать, что съ 1894 по 1899 годъ количество дѣлъ, разсмотрѣнныхъ Государственнымъ Совѣтомъ въ теченіе его сессій, возросло съ 853 до 1.011. Это численное увеличеніе, въ связи съ развитіемъ государственной жизни Имперіи, сопровождалось и большею сложностью вносимыхъ въ Государственный Совѣтъ представленій. При этихъ условіяхъ стала ощущаться недостаточность средствъ Государственной Канцеляріи для исполненія увеличившихся ея работъ, и усиленіе ея состава оказалось необходимымъ. Соотвѣтственно выяснившимся потребностямъ, Государственный Секретарь признавалъ нужнымъ, прежде всего, дополнить штатъ тремя новыми должностями Помощниковъ Статсъ-Секретаря: одного — для усиленія новаго Отдѣленія Промышленности, Наукъ и Торговли, которое хотя и было образовано изъ имѣвшагося уже Отдѣленія Государственной Экономіи по законодательной части, но, въ виду возложеннаго на него обширнаго и разнообразнаго труда, требовало увеличенія личнаго состава; другого— для редакціи Полнаго Собранія Законовъ; третьяго—для общаго завѣдыванія библіотеками. Далѣе, В. К. Плеве ходатайствовалъ объ увеличеніи общаго числа дѣлопроизводителей семью должностями, изъ которыхъ 4 признавались необходимыми для надобностей редакціи Свода Законовъ, а 3—для Гражданскаго Отдѣленія. При этомъ, озабочиваясь возможнымъ ограниченіемъ размѣра испрашиваемыхъ новыхъ ассигнованій, безъ ущерба для правильнаго удовлетворенія потребностей Государственной Канцеляріи, Государственный Секретарь остановился на мысли о подраздѣленіи должностей младшихъ дѣлопроизводителей на два разряда—высшаго и низшаго оклада (VII и VIII класса по чинопроизводству), предполагая поручать этимъ послѣднимъ менѣе важныя работы, какъ, напримѣръ, наведеніе справокъ, считку журналовъ, вѣдомостей и корректуръ, подготовленіе матеріаловъ по разнороднымъ дѣламъ,

составленіе несложныхъ журналовъ и меморіальныхъ статей и пр. Затѣмъ, предположено было учредить двѣ новыя должности помощника бухгалтера и помощника архиваріуса и, вмѣстѣ съ увеличеніемъ содержанія, предоставить нѣкоторыя новыя служебныя права и преимущества должностямъ казначея, архиваріуса, завѣдывающаго зданіями Маріинскаго Дворца и архива Государственнаго Совѣта и отдѣльнымъ зданіемъ Государственной Канцеляріи, бухгалтеру и врачу, а также увеличить суммы, отпускаемыя на содержаніе журналистовъ и на хозяйственные расходы, канцелярскіе матеріалы и библіотеку, и сверхъ шести дополнительныхъ окладовъ содержанія для Помощниковъ Статсъ-Секретаря установить еще два такихъ оклада.

Всѣ эти предположенія, одобренныя Государственнымъ Совѣтомъ, удостоились Высочайшаго утвержденія 27 Марта 1900 года.

Въ 1901 году, 30 Марта, минуло сто лѣтъ со дня учрежденія Императоромъ Александромъ I Государственнаго Совѣта. Соображая, чѣмъ надлежало бы ознаменовать юбилейное торжество, Августѣйшій Предсѣдатель Государственнаго Совѣта принялъ во вниманіе, что дѣйствовавшее въ то время Учрежденіе Совѣта было издано въ 1842 году. За истекшее съ тѣхъ поръ время нѣкоторыя части этого закона уже обветшали, а другія были измѣнены послѣдовавшими узаконеніями и практикою, такъ что Учрежденіе утратило единство и стройность, приличествующія столь важному законодательному акту. Поэтому Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ полагалъ, что было бы своевременно замѣнить это Учрежденіе новымъ, которое могло бы быть преподано къ руководству Государственному Совѣту при Высочайшей Грамотѣ, въ особомъ, торжественномъ засѣданіи, въ присутствіи Его Императорскаго Величества. Сверхъ того, предположено было

издать ко дню юбилея историческій очеркъ Государственнаго Совѣта. Оба эти предположенія удостоились Высочайшаго одобренія.

30 Марта въ 1901 году приходилось въ Страстную Пятницу, въ виду чего торжественное юбилейное засѣданіе

Кабинетъ Государственнаго Секретаря.

Государственнаго Совѣта было перенесено на 7 Мая. Къ этому дню было изготовлено упомянутое юбилейное изданіе,[100] составленное, подъ ближайшимъ руководствомъ и при участіи В. К. Плеве, чинами Государственной Канцеляріи, а также выбиты юбилейныя медали. Затѣмъ, по порученію Его Императорскаго Высочества Предсѣдателя Государственнаго Совѣта и съ Высочайшаго соизволенія, академикомъ *И. Е. Рѣпинымъ* была написана большая картина, изображающая достопамятное засѣданіе 7 Мая 1901 года. На этой картинѣ изображены 62 Члена Государственнаго Совѣта, Государственный Секретарь и его Товарищъ и 16 чиновъ Государственной Канцеляріи. Въ настоящее время она слу-

житъ украшеніемъ зала Общихъ Собраній Государственнаго Совѣта.

Въ день столѣтія существованія Государственнаго Совѣта, 30 Марта 1901 года, было Высочайше утверждено новое Учрежденіе Государственнаго Совѣта, которое свело въ одно стройное цѣлое всѣ отдѣльныя узаконенія, измѣнившія или дополнившія Учрежденіе 1842 года въ теченіе 59 лѣтъ его дѣйствія. Въ отношеніи собственно Государственной Канцеляріи, обязанностей составляющихъ ее чиновъ и порядка дѣлопроизводства этотъ новый законодательный актъ, по существу, весьма мало отличался отъ постановленій 1842 года; наиболѣе важнымъ отличіемъ явилось лишь опредѣленіе обязанностей, возлагаемыхъ на Отдѣленіе Свода Законовъ.

Во время управленія В. К. Плеве Государственною Канцеляріею были изданы:

Положеніе о видахъ на жительство, съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ оно основано (1893).

Обзоръ дѣятельности Государственнаго Совѣта въ царствованіе Государя Императора Александра III (всеподданнѣйшій отчетъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта).

Очеркъ хода дѣла объ устройствѣ денежной системы въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1887—1889 годахъ (1896).

О составѣ, правахъ и преимуществахъ россійскаго дворянства (1897).

Сборникъ изслѣдованій и статей по вопросу объ условномъ осужденіи (1898).

Положеніе о государственномъ промысловомъ налогѣ (1899).

Уставъ о гербовомъ сборѣ (1901).

Отчеты по дѣлопроизводству Государственнаго Совѣта, благодаря весьма подробному изложенію разсмотрѣнныхъ

Совѣтомъ законодательныхъ дѣлъ, достигли чрезвычайно обширныхъ размѣровъ. Такъ, напримѣръ, отчетъ за сессію 1893—1894 годовъ обнимаетъ 1768 страницъ, отчетъ за сессію 1899—1900 годовъ—1614 страницъ. Какъ историческій памятникъ мотивированнаго законодательства, въ его важнѣйшихъ, по крайней мѣрѣ, частяхъ, отчетъ по дѣлопроизводству Государственнаго Совѣта пріобрѣлъ характеръ весьма важнаго руководства къ правильному пониманію издаваемыхъ законоположеній; въ виду этого труды Государственной Канцеляріи по составленію отчета обращали на себя особое вниманіе Государственнаго Секретаря.

Въ числѣ другихъ работъ Государственной Канцеляріи, В. К. Плеве озаботился продолженіемъ трудовъ по изданію «Архива Государственнаго Совѣта». По его распоряженію и подъ редакціею *Г. Ѳ. Штендмана* въ теченіе 1896—1901 годовъ было выпущено четыре тома этого изданія, а именно: въ 1896 году части 2-я и 3-я журналовъ Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ за время царствованія Императора Александра I, въ 1899 году—часть 4-я тѣхъ же журналовъ (книга 1-я) и въ 1901 году—ея окончаніе (книга 2-я). Такимъ образомъ, всего, съ начала изданія, выпущено было 15 большихъ томовъ этого весьма цѣннаго матеріала для исторіи нашего законодательства въ первой четверти минувшаго столѣтія.

Количество учреждавшихся въ составѣ Государственнаго Совѣта особыхъ Совѣщаній и Коммисій для предварительнаго разсмотрѣнія важныхъ и сложныхъ законодательныхъ предположеній со второй половины 90-хъ годовъ минувшаго столѣтія постоянно возрастало, а предметами ихъ обсужденія захватывался все болѣе и болѣе широкій кругъ законодательной дѣятельности правительства. Важнѣйшими изъ этихъ совѣщательныхъ присутствій, дѣлопроизводство которыхъ, требовавшее иногда весьма обширныхъ подготовительныхъ работъ, лежало на Государственной Кан-

целяріи, за время управленія ею В. К. Плеве, были слѣдующія:

Въ 1894 году Соединенные Департаменты Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, Законовъ и Государственной Экономіи, обозрѣвъ представленіе Министра Юстиціи о преобразованіи межевой части, приняли во вниманіе, что выработаннымъ по этому предмету обширнымъ законопроектомъ затрогивается цѣлый рядъ весьма важныхъ и сложныхъ вопросовъ въ области нашего гражданскаго и межевого законодательства. Находя поэтому, что внимательное и всестороннее разсмотрѣніе означеннаго законопроекта въ многочисленномъ составѣ Соединеннаго Присутствія представлялось бы затруднительнымъ, Департаменты положили испросить Высочайшее соизволеніе на учрежденіе при Государственномъ Совѣтѣ, для предварительнаго обсужденія этого дѣла, особой Коммисіи, предоставивъ ей приглашать въ свои засѣданія подлежащихъ Министровъ и лицъ, имѣющихъ спеціальныя свѣдѣнія въ межевомъ дѣлѣ, съ тѣмъ, чтобы Коммисія внесла свое заключеніе на уваженіе Соединенныхъ Департаментовъ. Предсѣдателемъ этой Коммисіи былъ назначенъ Предсѣдатель Гражданскаго Департамента дѣйствительный тайный совѣтникъ *Н. И. Стояновскій*, котораго впослѣдствіи замѣнилъ дѣйствительный тайный совѣтникъ *В. М. Маркусъ*, Членами были четыре Члена Государственнаго Совѣта и Управлявшій межевою частью Сенаторъ (впослѣдствіи—Министръ Внутреннихъ Дѣлъ и Предсѣдатель Совѣта Министровъ, нынѣ—Членъ Государственнаго Совѣта) *И. Л. Горемыкинъ*, а дѣлопроизводствомъ завѣдывалъ временно причисленный къ Государственной Канцеляріи Членъ Консультаціи при Министерствѣ Юстиціи *А. О. Регекампфъ*, при участіи чиновъ Отдѣленія Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ. Коммисія окончила свои занятія и внесла на разсмотрѣніе Соединенныхъ Департаментовъ свой заключительный журналъ въ 1901 году. Главныя основанія предположеннаго преобразованія межевой части, выработанныя

Коммисіею, были одобрены Государственнымъ Совѣтомъ, и затѣмъ Министромъ Юстиціи внесенъ на законодательное разсмотрѣніе составленный согласно съ этими основаніями проектъ межевого устава. Тогда въ составѣ Государственнаго Совѣта вновь было учреждено особое Совѣщаніе для подробнаго соображенія этого проекта, въ связи съ измѣненіями соприкасающихся съ нимъ постановленій дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ о давности и съ правилами о судебно-межевомъ разбирательствѣ, которыя должны были быть составлены Министерствомъ Юстиціи. За неокончаніемъ этого дѣла ко времени преобразованія нашего законодательнаго строя, особое Совѣщаніе было, 23 Сентября 1905 года, закрыто, а проектъ межевого устава возвращенъ Министру Юстиціи.

Въ 1895 году образованы были Коммисіи: для выработки проекта законоположеній по устройству Черноморскаго побережья Кавказа,—подъ предсѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта Гофмейстера *Н. С. Абазы* (дѣлопроизводствомъ завѣдывали Помощники Статсъ-Секретаря Департамента Государственной Экономіи: сначала *С. В. Рухловъ*, потомъ—*А. М. Максимовскій*); для предварительнаго обсужденія представленія Министерствъ Юстиціи и Финансовъ по проекту устава о векселяхъ,—подъ предсѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта *Н. И. Стояновскаго* (дѣлопроизводство было возложено на Отдѣленіе Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ); для пересмотра устава о службѣ гражданской,—подъ предсѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта *Е. А. Перетца*, а послѣ его смерти—Члена Государственнаго Совѣта *И. И. Шамшина*. Труды этой послѣдней Коммисіи, дѣлопроизводствомъ которой завѣдывалъ Помощникъ Статсъ-Секретаря *Н. П. Гаринъ* (нынѣ Сенаторъ), по Высочайшему повелѣнію 23 Сентября 1905 года, были переданы, для дальнѣйшаго направленія установленнымъ порядкомъ, Главноуправляющему Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею.

Въ 1896 году была образована, подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря *Н. И. Стояновскаго,* Коммисія для разсмотрѣнія предположеній по вотчинному законодательству, внесенныхъ въ Государственный Совѣтъ Редакціонною Коммисіею по начертанію проекта гражданскаго уложенія. Дѣлопроизводство этой Коммисіи было возложено на Отдѣленіе Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, подъ ближайшимъ руководствомъ Статсъ-Секретаря *П. А. Харитонова* и при участіи временно причисленнаго къ Государственной Канцеляріи, состоявшаго за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ 4-мъ Департаментѣ Сената, *А. И. Лыкошина* (нынѣ—Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ). Въ 1902 году, за смертью Н. И. Стояновскаго, предсѣдательствованіе въ этой Коммисіи было Высочайше возложено на Члена Государственнаго Совѣта Статсъ-Секретаря *А. А. Сабурова 1-го.* Въ числѣ Членовъ этой Коммисіи находился Товарищъ Государственнаго Секретаря. Въ 1905 году Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть, чтобы, по завершеніи трудовъ Коммисіи, составленные ею проекты были препровождены къ Министру Юстиціи, для дальнѣйшаго направленія установленнымъ порядкомъ.

Въ томъ же 1896 году было образовано, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Департамента Государственной Экономіи и при участіи Государственнаго Секретаря, Особое Совѣщаніе для обсужденія вопроса о необходимыхъ измѣненіяхъ въ существующемъ порядкѣ испрошенія расходовъ изъ государственнаго казначейства. Дѣлопроизводствомъ этого Совѣщанія завѣдывалъ Статсъ-Секретарь Департамента Государственной Экономіи по смѣтной части *С. В. Рухловъ* (нынѣ—Министръ Путей Сообщенія).

Затѣмъ, въ 1896 году, по всеподданнѣйшему докладу Августѣйшаго Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Великаго Князя Михаила Николаевича, было образовано, подъ Его предсѣдательствомъ и также при участіи Государственнаго Секретаря, Особое Совѣщаніе по вопросу о порядкѣ завѣды-

ванія Кавказскими минеральными водами. Дѣлопроизводство по этому Совѣщанію было возложено на Товарища Государственнаго Секретаря *А. С. Стишинскаго*. Журналъ Совѣщанія былъ представленъ непосредственно на Высочайшее благовоззрѣніе и удостоился утвержденія Государя Императора.

По Высочайшему повелѣнію, въ 1897 году было учреждено, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Комитета Министровъ Статсъ-Секретаря *И. Н. Дурново*, Особое Совѣщаніе по дѣламъ дворянскаго сословія. Дѣятельность этого Совѣщанія продолжалась пять лѣтъ, а дѣлопроизводство было поручено Государственной Канцеляріи, подъ ближайшимъ руководствомъ Товарища Государственнаго Секретаря *А. С. Стишинскаго*, сотрудниками котораго были Помощники Статсъ-Секретаря: князь *Д. П. Голицынъ*, баронъ *Р. А. Дистерло*, *Д. Ѳ. Ермоловъ* и *А. Ѳ. Треповъ*.

Въ 1899 году была образована Коммисія, подъ предсѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта *Ѳ. Г. Тернера*, для предварительнаго разсмотрѣнія представленія Министра Финансовъ по проекту новаго устава о гербовомъ сборѣ. Въ числѣ Членовъ этой Коммисіи былъ Товарищъ Государственнаго Секретаря баронъ *Ю. А. Икскуль-фонъ-Гильденбандтъ*.

Наконецъ, въ 1900 году было учреждено, подъ предсѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта *Н. Н. Герарда*, Особое Совѣщаніе для разсмотрѣнія вопросовъ о признаніи за дворянствомъ Прибалтійскихъ губерній правъ полной собственности на состоящія въ его владѣніи такъ называемыя дворянскія имѣнія и объ условіяхъ поземельнаго устройства крестьянъ, водворенныхъ на земляхъ этихъ имѣній. Дѣлопроизводствомъ этого совѣщанія завѣдывалъ Помощникъ Статсъ-Секретаря Департамента Промышленности, Наукъ и Торговли *В. І. Гурко* (бывшій впослѣдствіи Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ).

За время своего управленія Государственною Канцеляріею В. К. Плеве удостоился высокихъ выраженій Монаршаго благоволенія. Въ день Священнаго Коронованія Государя Императора, 14 Мая 1896 года, Государственный Секретарь былъ пожалованъ званіемъ Статсъ-Секретаря Его Императорскаго Величества, а въ 1899 году произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Въ 1902 году, 4 Апрѣля, В. К. Плеве Высочайше повелѣно быть Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Разставаясь съ своимъ начальникомъ, чины Государственной Канцеляріи поднесли ему, на память, копію съ исполненной И. Е. Рѣпинымъ картины торжественнаго засѣданія Государственнаго Совѣта 7 Мая 1901 года, въ которой одною изъ центральныхъ фигуръ является Государственный Секретарь, стоящій передъ Государемъ. Копія эта, написанная художникомъ *Б. М. Кустодіевымъ*, постоянно находилась съ тѣхъ поръ въ кабинетѣ В. К. Плеве.

На новомъ посту Вячеславу Константиновичу суждено было погибнуть при исполненіи своего служебнаго долга. Направляясь, 15 Іюля 1904 года, на Балтійскій вокзалъ, для поѣздки въ Петергофъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ Государю Императору, В. К. Плеве былъ злодѣйски убитъ взрывомъ бомбы, брошенной въ его карету.

II.

Преемникомъ В. К. Плеве по должности Государственнаго Секретаря былъ, съ 14 Апрѣля 1902 года, Товарищъ Министра Финансовъ, Сенаторъ, тайный совѣтникъ Владиміръ Николаевичъ *Коковцовъ*.

Вскорѣ по вступленіи своемъ въ управленіе Государственною Канцеляріею В. Н. Коковцовъ призналъ необходимымъ озаботиться приведеніемъ ея личнаго со-

става въ соотвѣтствіе съ современными служебными потребностями.

Безостановочно возраставшая дѣятельность всѣхъ правительственныхъ учрежденій въ области законодательства отразилась значительнымъ увеличеніемъ количества дѣлъ, восходившихъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Число этихъ дѣлъ въ сессію 1892—1893 годовъ, когда въ послѣдній разъ былъ установленъ основной штатъ Государственной Канцеляріи, составляло всего 820, въ сессію же 1901—1902 годовъ достигло уже 1.471. Между тѣмъ, штатъ 1893 года подвергся за это время лишь незначительному измѣненію: въ 1900 году были учреждены три новыя должности Помощниковъ Статсъ-Секретаря, семь должностей дѣлопроизводителей, одна должность помощника бухгалтера и одна—помощника архиваріуса. Въ виду увеличенія количества производствъ по вступавшимъ въ Государственный Совѣтъ законодательнымъ дѣламъ, изъ которыхъ многія, по своей обширности и сложности, могли быть поручаемы только старшимъ чинамъ Государственной Канцеляріи, ея служебный персоналъ являлся совершенно недостаточнымъ для удовлетворенія нуждъ тѣхъ Отдѣленій, на которыя было возложено производство упомянутыхъ дѣлъ. Это обстоятельство побудило В. Н. Коковцова войти въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ, въ которомъ онъ ходатайствовалъ объ усиленіи штата Государственной Канцеляріи «лишь въ мѣрѣ, отвѣчающей самымъ неотложнымъ и давно назрѣвшимъ ея потребностямъ», 15-ю новыми должностями дѣлопроизводителей, двумя должностями помощниковъ экспедитора и одною—помощника архиваріуса и объ установленіи, сверхъ существовавшихъ уже восьми дополнительныхъ окладовъ для Помощниковъ Статсъ-Секретаря, еще трехъ такихъ окладовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государственный Секретарь признавалъ необходимымъ увеличить на 800 р. сумму, ассигнуемую на содержаніе журналистовъ, и на 3.000 р.—кредитъ, назначенный на награды и пособія

чинамъ Канцеляріи. Всѣ эти предположенія были одобрены Государственнымъ Совѣтомъ, и новый штатъ Государственной Канцеляріи, Высочайше утвержденный 28 Апрѣля 1903 года, былъ введенъ въ дѣйствіе съ 1 Октября того же года.

Независимо отъ обусловленнаго развитіемъ законодательной дѣятельности усиленія штатнаго состава Государственной Канцеляріи, Государственный Секретарь долженъ былъ озаботиться также и болѣе равномѣрнымъ распредѣленіемъ работъ, лежавшихъ на обязанности отдѣльныхъ ея частей. Въ этомъ отношеніи нельзя было не обратить особаго вниманія на дѣлопроизводство по Департаменту Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ. Конецъ 90-хъ годовъ минувшаго столѣтія и первые годы текущаго ознаменовались поступленіемъ въ Государственный Совѣтъ первостепенной важности дѣлъ въ области уголовнаго и гражданскаго законодательства. Высочайше возложенные въ разное время на подлежащія вѣдомства и особыя Коммисіи обширные труды получили свое завершеніе въ цѣломъ рядѣ законопроектовъ, внесенныхъ на уваженіе Государственнаго Совѣта. Таковы: новый уставъ о векселяхъ, труды Коммисій по отмѣнѣ ссылки въ Сибирь, по составленію проектовъ новыхъ уголовнаго и гражданскаго уложеній, по судоустройству и судопроизводству, по преобразованію межевой части и другіе. Нѣкоторые изъ этихъ законопроектовъ, удостоенныхъ, по разсмотрѣніи ихъ Государственнымъ Совѣтомъ, Высочайшаго утвержденія, въ свою очередь вызвали новыя и сложныя законодательныя работы, связанныя съ введеніемъ этихъ законоположеній въ дѣйствіе. Такъ, между прочимъ, еще въ 1898 году въ составѣ Государственнаго Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ Статсъ-Секретаря *Э. В. Фриша*, было образовано Особое Совѣщаніе для разсмотрѣнія внесеннаго Министромъ Юстиціи проекта уголовнаго уложенія, выработаннаго особой Редакціонной Коммисіей. Въ

Октябрѣ 1901 года Совѣщаніе окончило порученную ему задачу, и результаты его занятій были переданы на обсужденіе учрежденнаго, по Высочайшему повелѣнію, подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря графа *К. И. Палена*, Особаго Присутствія, въ составъ котораго вошли Предсѣдатели и Члены четырехъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта, Члены Государственнаго Совѣта Розингъ и фонъ-Дервизъ, Министры и Главноуправляющіе отдѣльными частями, Государственный Секретарь и Первоприсутствовавшій въ Уголовномъ Кассаціонномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената (нынѣ Членъ Государственнаго Совѣта) Н. С. Таганцевъ. За время своихъ занятій, продолжавшихся съ 19 Декабря 1901 по 17 Мая 1902 года, Особое Присутствіе имѣло 17 засѣданій, въ теченіе которыхъ проектъ уголовнаго уложенія былъ вновь подвергнутъ тщательному разсмотрѣнію и исправленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Присутствіе выработало рядъ вызываемыхъ изданіемъ новаго уложенія дополнительныхъ постановленій въ области уголовнаго судопроизводства и дѣйствующей карательной системы. Состоявшіяся по этому предмету заключенія Особаго Присутствія и исправленный имъ проектъ уголовнаго уложенія внесены были на уваженіе Общаго Собранія Государственнаго Совѣта и, по одобреніи ихъ, удостоились, 22 Марта 1903 года, Высочайшаго утвержденія. Весь огромный трудъ по производству этого сложнаго дѣла былъ выполненъ Отдѣленіемъ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, подъ руководствомъ и при ближайшемъ участіи управлявшаго этимъ Отдѣленіемъ Статсъ-Секретаря *П. А. Харитонова.*

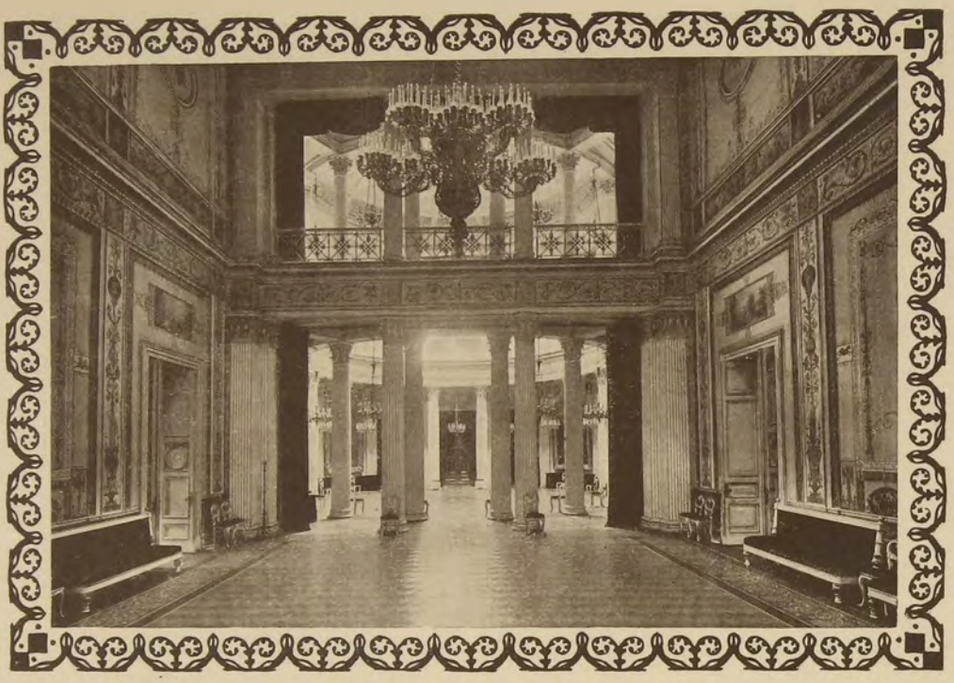
Для разсмотрѣнія многихъ другихъ законопроектовъ въ составѣ Государственнаго Совѣта учреждались, въ началѣ текущаго столѣтія, особыя Коммисіи и Совѣщанія, съ привлеченіемъ къ участію въ нихъ преимущественно Членовъ Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, а къ дѣлопроизводству — чиновъ Гражданскаго Отдѣленія Государ-

ственной Канцеляріи. Независимо отъ этого, вѣдѣнію названнаго Департамента подлежали, по закону, дѣла: а) поступающія изъ Общихъ Собраній Правительствующаго Сената, на основаніи его Учрежденія, а также дѣла по разномысліямъ Общаго Собранія Сената съ Адмиралтействъ и Военнымъ Совѣтами; б) дѣла объ отчужденіи какой-либо части государственныхъ имуществъ, когда на это требовалось Высочайшее соизволеніе; в) дѣла объ учрежденіи заповѣдныхъ имѣній, и г) дѣла объ утвержденіи въ почетныхъ достоинствахъ (княжескомъ, графскомъ и баронскомъ) и о передачѣ дворянами фамилій, гербовъ и титуловъ. Сравнительно незначительное количество дѣлъ этого рода и ихъ несложность не затрудняли ихъ разрѣшенія, за исключеніемъ, впрочемъ, дѣлъ, поступавшихъ изъ Общаго Собранія Сената, по которымъ нерѣдко возникали разномыслія не только въ средѣ Департаментовъ, но и въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта.

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ категорій дѣлъ, на обязанности Гражданскаго Департамента лежало также разрѣшеніе вопросовъ о принудительномъ отчужденіи недвижимыхъ имуществъ въ видахъ государственной или общественной пользы, о временномъ ихъ занятіи и объ установленіи права участія въ пользованіи ими, а также—дѣлъ о вознагражденіи ихъ владѣльцевъ. Количество такихъ дѣлъ, еще въ концѣ 90-хъ годовъ минувшаго столѣтія не превышавшее 280, съ 1900 года стало быстро увеличиваться: въ 1900 году ихъ было 416, а въ 1901 и 1902 годахъ—уже болѣе 700. Это явленіе, помимо быстраго развитія нашей желѣзнодорожной сѣти, объясняется еще и тѣмъ, что дѣла этого рода, остававшіяся нѣкоторое время безъ движенія въ центральныхъ установленіяхъ Министерства Путей Сообщенія по недостатку личныхъ и матеріальныхъ его средствъ, съ учрежденіемъ въ составѣ Канцеляріи Министра особаго Отдѣла по отчужденію имуществъ получили надлежащее дальнѣйшее направленіе въ установленномъ порядкѣ.

Разсмотрѣніе всѣхъ этихъ дѣлъ крайне усложняло и безъ того напряженную дѣятельность Гражданскаго Департамента. Число ихъ въ засѣданіяхъ Департамента иногда превышало 100, и, не смотря на то, къ концу сессіи все таки образовывался нѣкоторый остатокъ неразсмотрѣнныхъ дѣлъ, за невозможностью разрѣшить ихъ всѣ до наступленія вакантнаго времени. Это обстоятельство обратило на себя Высочайшее вниманіе Государя Императора. Его Величеству благоугодно было указать на значительное число подносимыхъ къ Собственноручному Его подписанію Именныхъ Высочайшихъ указовъ объ отчужденіи имуществъ на государственныя и общественныя надобности, а также на неравномѣрность распредѣленія дѣлъ по Государственному Совѣту, вслѣдствіе которой Его Величество былъ обремененъ въ весенніе мѣсяцы каждаго года огромнымъ количествомъ представляемыхъ Совѣтомъ на Высочайшее благовоззрѣніе дѣлъ, тогда какъ въ осеннее время число ихъ было, сравнительно, невелико.

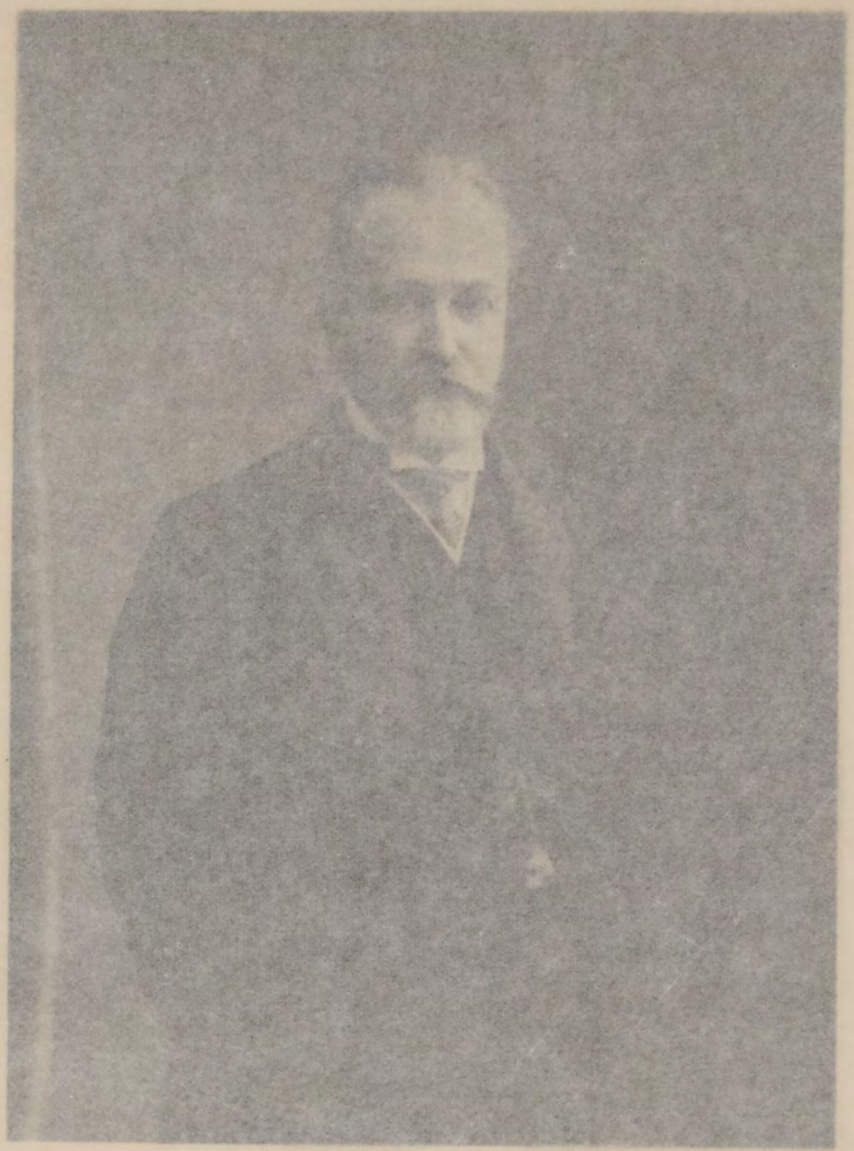
По этому поводу Государственный Секретарь всеподданнѣйше докладывалъ Государю Императору, что обстоятельство, обратившее на себя Высочайшее вниманіе Его Величества, проистекаетъ, въ числѣ другихъ причинъ, отъ несоотвѣтствія, въ нѣкоторыхъ частяхъ, дѣйствующихъ законоположеній о порядкѣ разрѣшенія отчужденія имуществъ на государственныя или общественныя надобности съ измѣнившимися условіями государственной жизни. Къ числу такихъ условій, повліявшихъ на увеличеніе указаннаго рода дѣлъ, должны быть отнесены развитіе усовершенствованныхъ путей сообщенія, а также потребности военнаго и морского дѣла, требующія все большихъ и большихъ земельныхъ пространствъ подъ полигоны, форты, стрѣльбища и на другія стратегическія надобности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ подъема вообще экономическихъ и торговопромышленныхъ силъ государства, возникъ цѣлый рядъ общеполезныхъ предпріятій, для которыхъ принуди-

Просвѣтный залъ.

тельное отчужденіе имуществъ нерѣдко представлялось необходимымъ. Наконецъ, какъ показалъ опытъ, удовлетвореніе многочисленныхъ городскихъ и сельскихъ нуждъ, каковы: проведеніе и расширеніе улицъ, устройство канализаціи, новыхъ кладбищъ и т. п., вызывало также потребность въ отчужденіи недвижимостей.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, по всеподданнѣйшему докладу В. Н. Коковцова, 4 Іюня 1902 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе приступить къ составленію предположеній о возможныхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ законоположеніяхъ о порядкѣ разрѣшенія дѣлъ по отчужденію имуществъ, съ тѣмъ, чтобы выработанныя по этому предмету предположенія были внесены на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, въ установленномъ порядкѣ, по Государственной Канцеляріи. Во исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія Государственный Секретарь внесъ въ Государственный Совѣтъ, 23 Февраля и 4 Мая 1903 года, соотвѣтствующія представленія. Сущность предположеній

В. Н. Коковцовъ.

Просѣчный залъ.

нерѣдко представлялось необходимымъ. Опытъ показалъ, что удовлетвореніе многосложныхъ городскихъ и сельскихъ нуждъ, каковы: прокладка и расширеніе улицъ, устройство канализаціи, новыхъ кладбищъ и т. п., вызывало также потребность въ отчужденіи недвижимостей.

По этимъ и нѣкоторымъ другимъ соображеній, по всеподданнѣйшему докладу Г. Г. Кояловича, 4 Іюня 1902 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе приступить къ составленію предположеній о желательныхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ постановленіяхъ о порядкѣ разрѣшенія дѣлъ по отчужденію имуществъ, съ тѣмъ, чтобы выработанныя по этому предмету предположенія были внесены на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, въ установленномъ порядкѣ, по Государственной Канцеляріи. Во исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія Государственный Секретарь внесъ въ Государственный Совѣтъ, 23 Февраля и 4 Мая 1903 года, соотвѣтствующія представленія. Сущность предположеній

В. Н. Коковцовъ.

В. Н. Коковцова въ отношеніи собственно дѣлъ по отчужденію имуществъ сводилась, во-первыхъ, къ передачѣ части этихъ дѣлъ, именно — по отчужденію имуществъ для сооруженія новыхъ желѣзнодорожныхъ линій и подъѣздныхъ путей общаго пользованія, на разсмотрѣніе Соединеннаго Присутствія Комитета Министровъ и Департамента Государственной Экономіи и, во-вторыхъ, по отношенію къ остальнымъ случаямъ отчужденія для надобностей желѣзныхъ дорогъ, дающимъ наибольшее количество указовъ,— къ установленію опредѣленныхъ сроковъ для внесенія проектовъ этихъ указовъ въ Государственный Совѣтъ, съ соединеніемъ въ такихъ представленіяхъ всѣхъ возникающихъ на мѣстахъ отдѣльныхъ случаевъ отчужденія по мѣстнымъ управленіямъ и обществамъ желѣзныхъ дорогъ. Что касается дѣлъ о вознагражденіи владѣльцевъ отчужденныхъ имуществъ, то предположенія Государственнаго Секретаря были направлены къ расширенію власти Министерствъ и Главныхъ Управленій по окончательному разрѣшенію нѣкоторыхъ оцѣночныхъ производствъ, дотолѣ восходившихъ на обсужденіе Государственнаго Совѣта. Въ этомъ отношеніи Министрамъ и Главноуправляющимъ предполагалось предоставить утверждать оцѣнки мѣстныхъ коммисій, при отсутствіи возраженій заинтересованныхъ сторонъ, на всякую сумму, а не до 3.000 р., какъ того требовалъ дѣйствовавшій законъ. Эти предположенія В. Н. Коковцова были одобрены Государственнымъ Совѣтомъ и затѣмъ удостоились Высочайшаго утвержденія 5 Мая и 8 Іюня 1903 года.

Такимъ образомъ, съ введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ правилъ объ отчужденіи имуществъ, число этого рода дѣлъ въ производствѣ Государственной Канцеляріи нѣсколько уменьшилось. Но, съ другой стороны, на Государственную Канцелярію было возложено дѣлопроизводство Высочайше учрежденнаго 11 Іюля 1903 года особаго Комитета по дѣламъ земельнаго кредита, членомъ котораго былъ назначенъ В. Н. Коковцовъ, такъ что въ Канцеляріи были со-

средоточены предварительная разработка вопросовъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію Комитета, подготовленіе дѣлъ къ докладу, составленіе журналовъ и все по нимъ исполненіе.

Во время управленія В. Н. Коковцова Государственною Канцеляріею въ составѣ Государственнаго Совѣта учреждены были слѣдующія особыя Коммисіи и Совѣщанія:

Въ 1902 году была образована подготовительная Коммисія, подъ предсѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта Инженеръ-Генерала *Н. П. Петрова*, для предварительнаго соображенія и переработки внесеннаго Министромъ Финансовъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта проекта правилъ о привозѣ иностранныхъ товаровъ. Членомъ-дѣлопроизводителемъ этой Коммисіи былъ назначенъ Помощникъ Статсъ-Секретаря *С. Ф. Раселли*. Выработанныя ею правила были внесены на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта и, по одобреніи ихъ Совѣтомъ, удостоились Высочайшаго утвержденія 8 Іюня 1903 года.

Въ 1903 году особой подготовительной Коммисіи, подъ предсѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта (нынѣ—Вице-Предсѣдатель Государственнаго Совѣта) *И. Я. Голубева* было поручено переработать внесенный Военнымъ Министромъ проектъ правилъ о пенсіяхъ вольнонаемнымъ мастеровымъ и рабочимъ артиллерійскаго вѣдомства. Дѣлопроизводство этой Коммисіи было возложено на Помощника Статсъ-Секретаря *Н. Л. Петерсона*. Исполненный Коммисіею трудъ былъ представленъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта и затѣмъ удостоился Высочайшаго утвержденія 9 Іюня 1904 года. Впослѣдствіи, Высочайше утвержденнымъ 19 Декабря 1905 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, дѣйствіе закона 9 Іюня 1904 года распространено на служащихъ въ Государственной Типографіи, и для назначенія пенсій и пособій служащимъ и рабочимъ Типографіи, потерпѣвшимъ вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ или утратившимъ трудоспособность, а равно членамъ семействъ сихъ лицъ, учреждено въ составѣ Государственной Канцеляріи

Особое Присутствіе, подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря, управляющаго Отдѣленіемъ личнаго состава и общихъ дѣлъ, изъ двухъ Помощниковъ Статсъ-Секретаря *(Ѳ. К. Пистолькорса* и *П. О. Морозова)*.

Въ 1904 году была учреждена Коммисія подъ Предсѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта *Д. Г. фонъ-Дервиза*, для предварительнаго соображенія внесенныхъ Редакціонною Коммисіею для начертанія проекта гражданскаго уложенія правилъ о раздѣльномъ жительствѣ супруговъ, въ связи съ измѣненіями соотвѣтственныхъ паспортныхъ узаконеній, а также другихъ постановленій дѣйствующаго законодательства. Дѣлопроизводство въ этой Коммисіи было возложено на Помощника Статсъ-Секретаря *В. А. Верещагина*.

Въ бытность В. Н. Коковцова Государственнымъ Секретаремъ въ составѣ высшихъ чиновъ Государственной Канцеляріи произошли нѣкоторыя перемѣны. Въ 1902 году Статсъ-Секретарь Департамента Законовъ *Г. И. Шамшинъ*, занимавшій эту должность съ 1899 года, а ранѣе (съ 1892 года) состоявшій Статсъ-Секретаремъ Департамента Государственной Экономіи по законодательной части, былъ назначенъ Сенаторомъ; преемникомъ его въ Департаментѣ Законовъ былъ *Н. А. Воеводскій*, вскорѣ (1903) назначенный Товарищемъ Главноуправляющаго Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи; затѣмъ на должность Статсъ-Секретаря Департамента Законовъ былъ перемѣщенъ управлявшій съ 1901 года Отдѣленіемъ Дѣлъ Государственнаго Секретаря Статсъ-Секретарь баронъ *Р. А. Дистерло*, а управленіе Отдѣленіемъ Дѣлъ Государственнаго Секретаря возложено на Статсъ-Секретаря *Н. Ѳ. Дерюжинскаго*. Статсъ-Секретарь Департамента Промышленности, Наукъ и Торговли *Д. А. Философовъ* въ 1901 году былъ назначенъ Товарищемъ Государственнаго Контролера. Его преемниками были: сначала *С. К. Тецнеръ*, а послѣ перемѣщенія его въ 1903 году на должность Статсъ-Секретаря Департамента Государ-

ственной Экономіи (освободившуюся за назначеніемъ С. В. Рухлова Товарищемъ Главноуправляющаго Торговымъ Мореплаваніемъ и Портами)—*Н. Н. Покровскій* (нынѣ Товарищъ Министра Финансовъ). По смерти С. К. Тецнера (1903) Н. Н. Покровскій занялъ его мѣсто, а Статсъ-Секретаремъ Департамента Промышленности былъ назначенъ *А. Г. Тимротъ*.

В. Н. Коковцовъ оставался во главѣ Государственной Канцеляріи менѣе двухъ лѣтъ: 5 Февраля 1904 года онъ былъ назначенъ Министромъ Финансовъ. Получивъ на этомъ посту званіе Статсъ-Секретаря Его Императорскаго Величества и чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, В. Н. Коковцовъ былъ, 24 Октября 1905 года, уволенъ отъ должности Министра, съ назначеніемъ Членомъ Государственнаго Совѣта, а 26 Апрѣля 1906 года вновь назначенъ Министромъ Финансовъ.

III.

На освободившуюся, за перемѣщеніемъ В. Н. Коковцова, должность Государственнаго Секретаря былъ назначенъ, 8 Февраля 1904 года, Товарищъ Государственнаго Секретаря, Сенаторъ, тайный совѣтникъ баронъ Юлій Александровичъ *Икскуль фонъ-Гильденбандтъ*, Товарищемъ же Государственнаго Секретаря Всемилостивѣйше повелѣно быть Статсъ-Секретарю Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, тайному совѣтнику Петру Алексѣевичу *Харитонову*.

П. А. Харитоновъ (р. 1852), по окончаніи курса въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія, началъ службу въ Департаментѣ Министерства Юстиціи, откуда перешелъ впослѣдствіи въ Кодификаціонный Отдѣлъ при Государственномъ Совѣтѣ и въ 1886 году былъ назначенъ старшимъ чиновникомъ. Въ 1891—1893 годахъ на П. А. Харитонова

было временно возложено управленіе Государственною Типографіею. Въ Октябрѣ 1893 года онъ былъ назначенъ Помощникомъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта, въ 1897 году—исправляющимъ должность Статсъ-Секретаря Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ и въ слѣдующемъ году утвержденъ въ этой должности. На обязанности П. А. Харитонова, въ бытность его Статсъ-Секретаремъ Гражданскаго Департамента, лежало завѣдываніе дѣлопроизводствомъ многихъ особыхъ Коммисій и Совѣщаній, учреждавшихся для предварительнаго разсмотрѣнія важныхъ и сложныхъ законодательныхъ предположеній.

Новымъ Государственнымъ Секретаремъ обращено было вниманіе на чрезвычайное обремененіе дѣлами Гражданскаго Департамента. Занятія этого Департамента по законодательной части, въ соединеніи съ другими подлежавшими его вѣдѣнію вопросами, по своей обширности и многочисленности, стали требовать отъ его Членовъ чрезмѣрнаго труда. По этой причинѣ и въ виду ожидавшагося дальнѣйшаго увеличенія количества поступавшихъ на уваженіе Государственнаго Совѣта законодательныхъ дѣлъ, снова поставленъ былъ на очередь вопросъ объ измѣненіи порядка разсмотрѣнія Государственнымъ Совѣтомъ многочисленныхъ дѣлъ по отчужденію недвижимыхъ имуществъ. По представленію Государственнаго Секретаря, одобренному Государственнымъ Совѣтомъ, 3 Января 1905 года въ составѣ Государственнаго Совѣта было учреждено Особое Присутствіе по дѣламъ объ отчужденіи недвижимыхъ имуществъ и вознагражденіи ихъ владѣльцевъ. Присутствіе состоитъ изъ назначаемыхъ Высочайшею властью четырехъ Членовъ Государственнаго Совѣта, на одного изъ которыхъ возлагаются обязанности Предсѣдателя. Этому установленію, въ отношеніи порядка разсмотрѣнія подвѣдомственныхъ ему дѣлъ, были присвоены тѣ же права, какія принадлежали вообще Департаментамъ Государственнаго Совѣта, за исключеніемъ лишь особо важныхъ и сложныхъ вопросовъ, подлежавшихъ внесенію

въ Департаментъ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ для разсмотрѣнія ихъ въ соединеніи съ подлежащими Департаментами и Особымъ Присутствіемъ. Дѣлопроизводство Особаго Присутствія возложено на Помощника Статсъ-Секретаря, дѣйствующаго по своей части съ тѣми же правами и обязанностями, какъ Статсъ-Секретари по Департаментамъ.

Другое весьма важное совѣщательное присутствіе при Государственномъ Совѣтѣ было вызвано къ дѣятельности событіями на Дальнемъ Востокѣ 1903 года и послѣдовавшею за ними Русско-Японскою войною. Это было образованное на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ о предѣльномъ бюджетѣ Военнаго и Морского Министерствъ Особое Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Департамента Государственной Экономіи, изъ Министровъ Финансовъ, Военнаго, Морского и Государственнаго Контролера, для разрѣшенія чрезвычайныхъ сверхсмѣтныхъ кредитовъ на военныя надобности, а впослѣдствіи — на расходы, вызванные Русско-Японскою войною. Дѣлопроизводствомъ этого Совѣщанія, требовавшимъ особой быстроты исполненія, а вмѣстѣ съ тѣмъ — сохраненія тайны, завѣдывалъ Статсъ-Секретарь Департамента Государственной Экономіи, раздѣляя свои труды только съ двумя изъ чиновъ Отдѣленія. Особенно напряженнаго труда требовали занятія Совѣщанія въ пору войны и въ первые мѣсяцы по ея окончаніи, когда меморіи Совѣщанія представлялись на Высочайшее благовоззрѣніе обыкновенно не позже слѣдовавшаго за засѣданіемъ дня. Въ то время Предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія былъ графъ *Д. М. Сольскій*, а всѣми подготовительными и исполнительными работами руководилъ Помощникъ Статсъ-Секретаря (впослѣдствіи Статсъ-Секретарь) Департамента Государственной Экономіи *А. И. Кобеляцкій*.[101]

Въ самомъ началѣ войны, 18 Февраля 1904 года, Государственный Секретарь имѣлъ счастіе всеподданнѣйше доложить Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ о томъ, что чины Государствен-

ной Канцеляріи, желая по мѣрѣ силъ содѣйствовать святому дѣлу облегченія участи больныхъ и раненыхъ нашихъ воиновъ, постановили отчислять на время войны часть получаемаго ими содержанія на нужды Россійскаго Общества Краснаго Креста, въ распоряженіе Ея Императорскаго Величества.

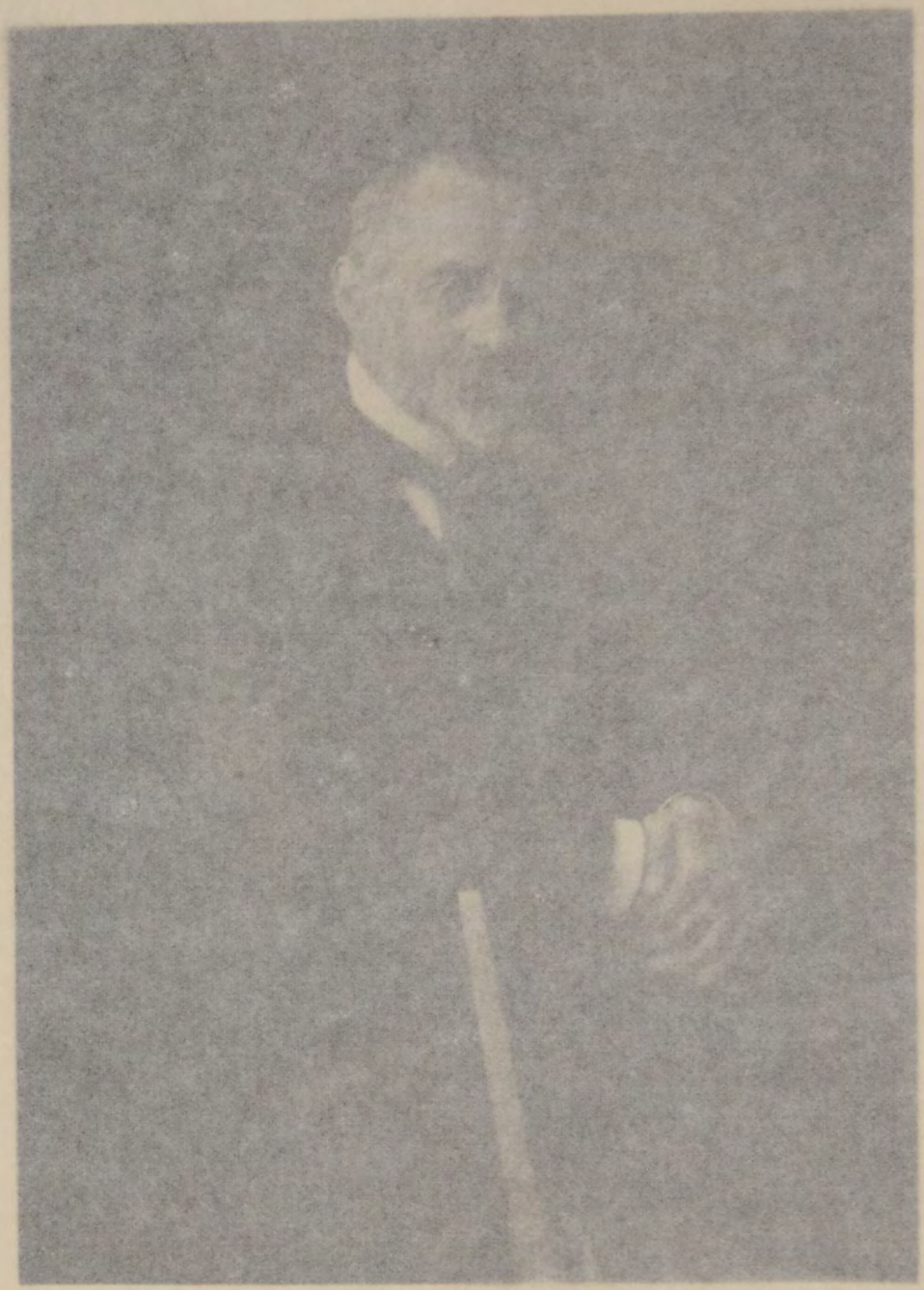
Государыня Императрица, благосклонно выслушавъ докладъ барона Ю. А. Икскуля, соизволила обратиться къ Государственному Секретарю съ слѣдующими Высокомилостивыми словами:

«Прошу передать чинамъ Государственной Канцеляріи, что Я очень, очень тронута и сердечно всѣхъ благодарю».

Въ связи съ наступившими военными событіями установлены были также правила объ обезпеченіи судьбы осиротѣвшихъ дѣтей офицерскихъ и нижнихъ чиновъ, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ и болѣзней въ войну съ Японіей.

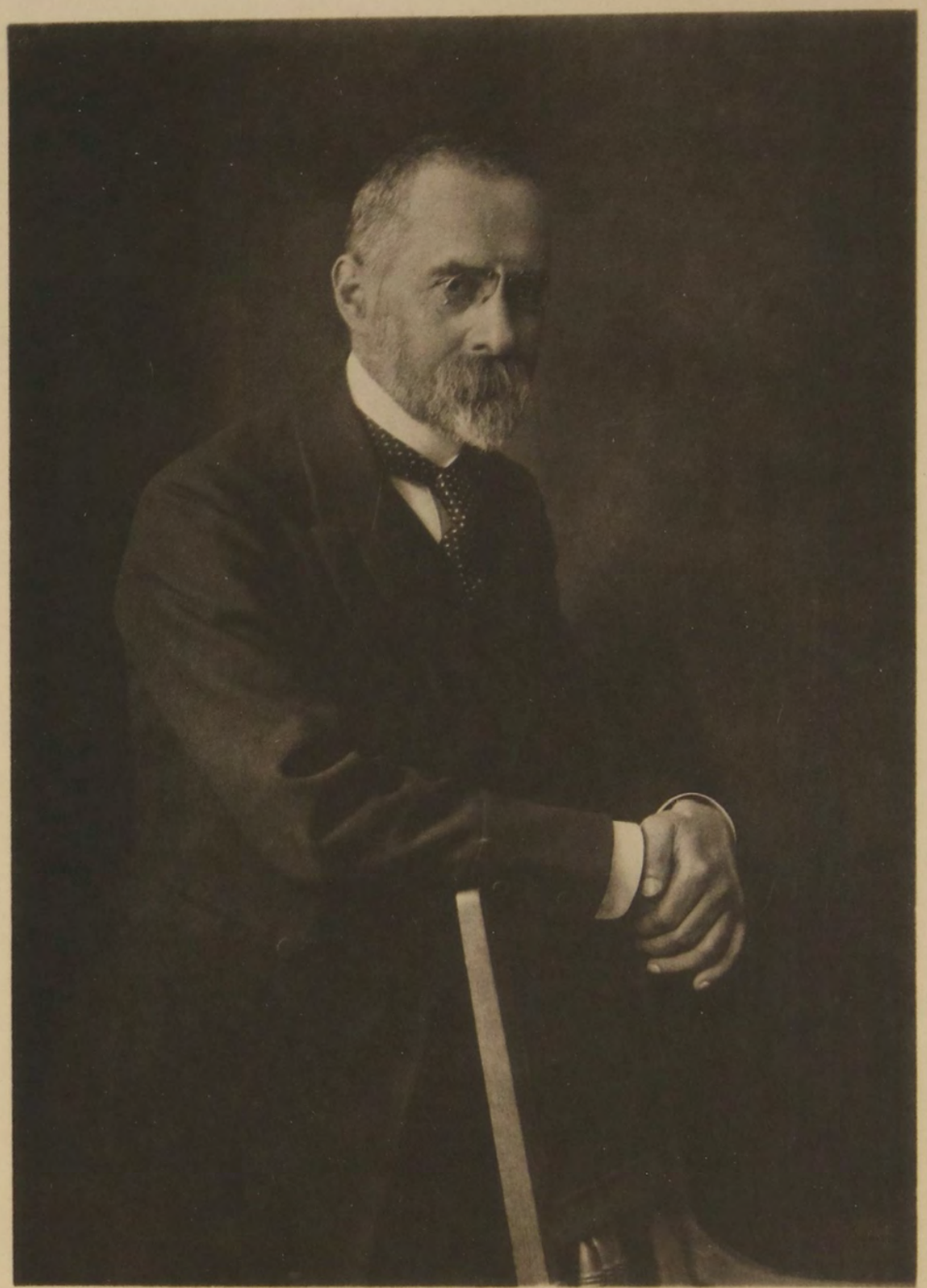
Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ 11 Августа 1904 года объявлена была Высочайшая Его Императорскаго Величества воля о принятіи потребныхъ на этотъ предметъ расходовъ на счетъ казны. Осуществленіе Высочайшихъ предначертаній было возложено на Особое Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ графа *Д. М. Сольскаго;* дѣлопроизводствомъ Совѣщанія завѣдывалъ Статсъ-Секретарь *А. И. Кобеляцкій.* Результатомъ этого Совѣщанія явилось учрежденіе, для высшаго руководительства дѣломъ обезпеченія упомянутыхъ дѣтей, особаго Главнаго Комитета, которому Именнымъ указомъ 16 Іюня 1905 года Высочайше присвоено наименованіе Алексѣевскаго. Въ составъ Членовъ Комитета вошелъ баронъ Ю. А. Икскуль, а для дѣлопроизводства по Комитету учреждена должность Управляющаго дѣлами, съ особой при немъ канцеляріей. Должность эту при самомъ учрежденіи Комитета занялъ Помощникъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта *А. Ѳ. Треповъ,* а за послѣдовавшимъ затѣмъ назначеніемъ его Сенаторомъ, преемникомъ его былъ назначенъ также Помощникъ Статсъ-Секретаря *Ѳ. Ѳ. Оомъ.*

Ко времени управленія барона Ю. А. Икскуля Государственною Канцеляріею относится дѣятельность значительнаго количества Особыхъ Совѣщаній, касавшихся, притомъ, особенно важныхъ законодательныхъ вопросовъ. Такъ, Высочайшимъ повелѣніемъ 22 Января 1905 года образовано было Особое Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта Статсъ-Секретаря *А. А. Сабурова* 1-го, для пересмотра Учрежденія Правительствующаго Сената и выработки, въ связи съ преобразованіемъ Сената, законоположеній о мѣстныхъ административныхъ судахъ; дѣлопроизводство этого Совѣщанія было возложено на управлявшаго Отдѣленіемъ Дѣлъ Государственнаго Секретаря Статсъ-Секретаря *Н. Ѳ. Дерюжинскаго*. Высочайшимъ повелѣніемъ 23 того же Января было учреждено, подъ предсѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта *Д. Ѳ. Кобеко*, для составленія проекта новаго устава о печати, Особое Совѣщаніе, въ составѣ котораго, кромѣ представителей вѣдомствъ, находились извѣстные ученые, литераторы и редакторы нѣкоторыхъ періодическихъ изданій. Это Совѣщаніе имѣло 36 засѣданій, съ 10 Февраля по 18 Декабря 1905 года. Имъ былъ собранъ и подвергнутъ всестороннему обсужденію обширный и весьма цѣнный для исторіи нашей печати матеріалъ и выработанъ проектъ устава о печати, не получившій, однако, дальнѣйшаго движенія. Дѣлопроизводствомъ этого Совѣщанія завѣдывалъ Помощникъ Статсъ-Секретаря *В. А. Верещагинъ*. Далѣе, въ соотвѣтствіе началамъ, начертаннымъ въ Именномъ Высочайшемъ указѣ 12 Декабря 1904 года, было учреждено, подъ предсѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта графа *А. П. Игнатьева* 2-го, Особое Совѣщаніе по пересмотру установленныхъ для охраны государственнаго порядка исключительныхъ законоположеній, издавшее 10 томовъ матеріаловъ и выработавшее соотвѣтственные проекты. Дѣлопроизводство этого Совѣщанія было возложено на Помощника Статсъ-Секретаря *Б. М. Якунчикова* (нынѣ Статсъ-Секретарь Го-

Баронъ Ю. А. Икскуль-фонъ-Гильденбандтъ.

Ко времени управленія барона Ю. А. Икскуля Государственною Канцеляріею относится дѣятельность значительнаго количества Особыхъ Совѣщаній, касавшихся, притомъ, особенно важныхъ законодательныхъ вопросовъ. Такъ, Высочайшимъ повелѣніемъ 22 Января 1905 года образовано было Особое Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта Статсъ-Секретаря *А. А. Сабурова* 1-го, для пересмотра Учрежденія Правительствующаго Сената и выработки, въ связи съ преобразованіемъ Сената, законоположеній о мѣстныхъ административныхъ судахъ; дѣлопроизводство этого Совѣщанія было возложено на управлявшаго Отдѣленіемъ Дѣлъ Государственнаго Секретаря Статсъ-Секретаря *И. Ѳ. Дерюжинскаго*. Высочайшимъ повелѣніемъ 23 того же Января было учреждено, подъ предсѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта *Д. Ѳ. Кобеко*, для составленія проекта новаго устава о печати, Особое Совѣщаніе, въ составѣ котораго, кромѣ представителей вѣдомствъ, находились извѣстные ученые, литераторы и редакторы нѣкоторыхъ періодическихъ изданій. Это Совѣщаніе имѣло 36 засѣданій, съ 10 Февраля по 18 Декабря 1905 года. Имъ былъ собранъ и подвергнутъ всестороннему обсужденію обширный и весьма цѣнный для исторіи нашей печати матеріалъ и выработанъ проектъ устава о печати, не получившій, однако, дальнѣйшаго движенія. Дѣлопроизводствомъ этого Совѣщанія завѣдывалъ Помощникъ Статсъ-Секретаря *В. А. Верещагинъ*. Далѣе, въ соотвѣтствіе началамъ, начертаннымъ въ Именномъ Высочайшемъ указѣ 12 Декабря 1904 года, было учреждено, подъ предсѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта графа *А. П. Игнатьева* 2-го, Особое Совѣщаніе по пересмотру установленныхъ для охраны государственнаго порядка исключительныхъ законоположеній, издавшее 10 томовъ матеріаловъ и выработавшее соотвѣтственные проекты. Дѣлопроизводство этого Совѣщанія было возложено на Помощника Статсъ-Секретаря *Б. М. Якунчикова* (нынѣ Статсъ-Секретарь Го-

Баронъ Ю. А. Икскуль-фонъ-Гильденбандтъ.

сударственнаго Совѣта). Затѣмъ, по всеподданнѣйшему докладу графа Д. М. Сольскаго, 16 Декабря 1905 года, учреждено было, подъ его предсѣдательствомъ (потомъ—подъ предсѣдательствомъ *И. Я. Голубева)* Особое Совѣщаніе изъ Предсѣдателей Департаментовъ Государственнаго Совѣта, Предсѣдателя Совѣта Министровъ, Государственнаго Секретаря, Главноуправляющаго Канцеляріею Его Величества по принятію прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ, и Министровъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи, Финансовъ и Торговли и Промышленности, а также Главноуправляющаго Землеустройствомъ и Земледѣліемъ, «для всесторонняго разсмотрѣнія по существу возбужденныхъ Управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и бывшимъ Главноуправляющимъ Торговымъ Мореплаваніемъ и Портами вопросовъ объ оказаніи матеріальнаго вспомоществованія частнымъ лицамъ, пострадавшимъ во время аграрныхъ безпорядковъ, а также пароходнымъ и транспортнымъ предпріятіямъ, понесшимъ ущербъ во время происходившихъ на югѣ волненій». Дѣлопроизводствомъ этого Совѣщанія завѣдывалъ Статсъ-Секретарь Департамента Государственной Экономіи *А. И. Кобеляцкій.* Выработанный Совѣщаніемъ проектъ правилъ, по одобреніи его Государственнымъ Совѣтомъ, удостоился, 15 Марта 1906 года, Высочайшаго утвержденія.

Наконецъ, въ 1906 году Высочайше учреждено Особое Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта *В. П. Череванскаго,* для разрѣшенія вызванныхъ обстоятельствами Русско-Японской войны претензій къ казнѣ, не предусматриваемыхъ дѣйствующимъ законодательствомъ. Дѣлопроизводителемъ этого Совѣщанія, дѣятельность котораго продолжается до настоящаго времени, состоитъ Помощникъ Статсъ-Секретаря *М. И. Неклюдовъ.*

Но первенствующее среди упомянутыхъ вопросовъ значеніе имѣли, безъ сомнѣнія, начавшіеся въ 1905 году при участіи Государственнаго Совѣта и Государственной Кан-

целяріи труды по преобразованію нашего законодательнаго строя.

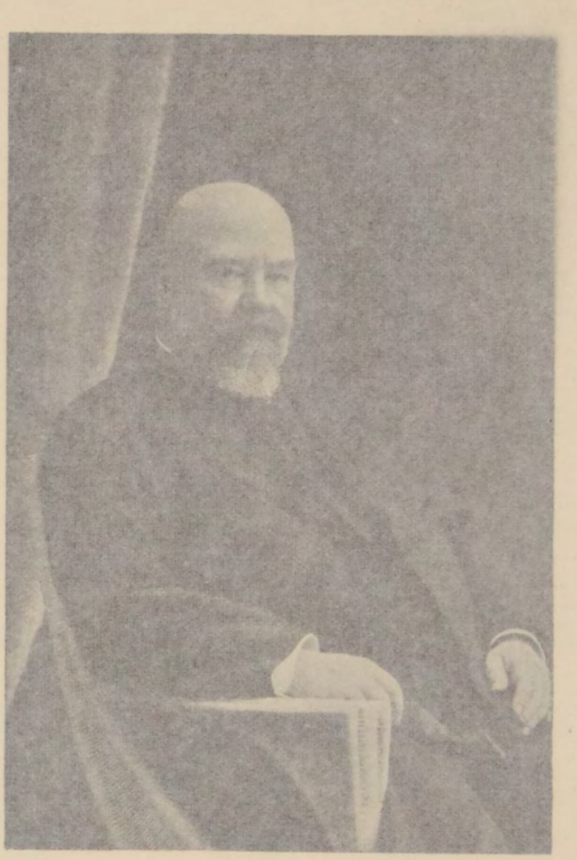
Высочайшимъ Рескриптомъ, даннымъ на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ *А. Г. Булыгина* 18 Февраля 1905 года, Его Императорскому Величеству благоугодно было возвѣстить о намѣреніи Своемъ «привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній» и учредить, подъ предсѣдательствомъ А. Г. Булыгина, Особое Совѣщаніе для обсужденія путей осуществленія сей Монаршей воли. Затѣмъ, для разсмотрѣнія выработанныхъ этимъ Совѣщаніемъ предначертаній, Высочайше учреждено было, 16 Іюля 1905 года, Особое Совѣщаніе, подъ Личнымъ Его Императорскаго Величества предсѣдательствомъ. Въ составъ этого Совѣщанія входилъ Государственный Секретарь, а дѣлопроизводство было возложено на Товарища Государственнаго Секретаря *П. А. Харитонова,* при участіи Статсъ-Секретарей *А. И. Кобеляцкаго* и *А. Г. Тимрота* и Помощника Статсъ-Секретаря *А. Ѳ. Трепова.* Результатомъ трудовъ этого Совѣщанія были Высочайше утвержденныя 6 Августа 1905 года Учрежденіе Государственной Думы и Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу. Въ тотъ же день Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть образовать, подъ предсѣдательствомъ графа *Д. М. Сольскаго* и также при участіи Государственнаго Секретаря, Особое Совѣщаніе для разсмотрѣнія дополнительныхъ къ узаконеніямъ о Государственной Думѣ правилъ, въ томъ числѣ: 1) о выборахъ въ Государственную Думу отъ губерній Царства Польскаго, областей Уральской и Тургайской и губерній и областей: Сибирскихъ, генералъ-губернаторствъ Степного и Туркестанскаго и намѣстничества Кавказскаго, а также о выборахъ отъ кочевыхъ инородцевъ, 2) о приведеніи въ дѣйствіе Положенія о выборахъ въ Думу и 3) о порядкѣ разсмотрѣнія финансовыхъ

смѣтъ Министерствъ и Главныхъ Управленій и государственной росписи доходовъ и расходовъ, а равно о производствѣ изъ казны ассигнованій, росписью не предусмотрѣнныхъ. Дѣлопроизводство этого новаго Совѣщанія было возложено также на Товарища Государственнаго Секретаря *П. А. Харитонова,* въ качествѣ Члена-дѣлопроизводителя, и на чиновъ Государственной Канцеляріи, по указанію Государственнаго Секретаря. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть, чтобы вопросы, вызываемые приведеніемъ въ дѣйствіе узаконеній о Государственной Думѣ, были разработаны въ самомъ скоромъ времени. Въ теченіе Августа и Сентября мѣсяцевъ Особое Совѣщаніе исполнило возложенную на него задачу, составивъ указанныя выше правила, удостоившіяся Высочайшаго утвержденія. Вслѣдъ за тѣмъ, 17 Октября 1905 года, Его Императорскому Величеству благоугодно было одобрить предположенія о переустройствѣ Государственнаго Совѣта на началахъ виднаго участія въ немъ выборныхъ отъ населенія Членовъ. Для разработки оказавшихся такимъ образомъ необходимыми въ дѣйствующемъ Учрежденіи Государственнаго Совѣта измѣненій образовано было 28 Октября Особое Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ графа *Д. М. Сольскаго* и при участіи Государственнаго Секретаря, а въ качествѣ Члена-дѣлопроизводителя—его Товарища. Этимъ Совѣщаніемъ былъ составленъ проектъ новаго Учрежденія Государственнаго Совѣта, подвергшійся затѣмъ еще нѣкоторой переработкѣ въ двухъ Совѣщаніяхъ подъ Личнымъ Его Императорскаго Величества предсѣдательствомъ и съ участіемъ Государственнаго Секретаря: 1) для разсмотрѣнія предположеній Совѣта Министровъ о способахъ осуществленія Высочайшихъ предуказаній, возвѣщенныхъ въ Манифестѣ 17 Октября 1905 года (Декабрь 1905), 2) для разсмотрѣнія предположенныхъ въ Учрежденіяхъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы измѣненій (Февраль 1906) и 3) по пересмотру Основныхъ Государ-

ственныхъ Законовъ (Апрѣль 1906). Дѣлопроизводство по этимъ Совѣщаніямъ лежало также на обязанности Товарища Государственнаго Секретаря *П. А. Харитонова.* Въ связи съ трудами этихъ Совѣщаній Отдѣленіемъ Свода Законовъ Государственной Канцеляріи была составлена и издана въ 1906 году обширная справочная работа подъ заглавіемъ: «Самодержавіе (исторія, законъ, юридическая конструкція)».

Новое Учрежденіе Государственнаго Совѣта Высочайше утверждено 24 Апрѣля 1906 года.

Преобразованіе Государственнаго Совѣта не могло не отразиться и на устройствѣ Государственной Канцеляріи. Прежнее раздѣленіе Канцеляріи на шесть Отдѣленій, изъ которыхъ четыре занимались дѣлопроизводствомъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта, по новому Учрежденію упразднено; въ статьѣ 111 содержится лишь общее постановленіе о томъ, что въ составѣ Канцеляріи образуются Отдѣленія, управляемыя Статсъ-Секретарями или, по распоряженію Государственнаго Секретаря, Помощниками Статсъ-Секретаря на правахъ Статсъ-Секретарей. Къ этому прибавлено, что должностныя лица Канцеляріи распредѣляются по Отдѣленіямъ Государственнымъ Секретаремъ. Далѣе, устранено постановленіе о Помощникѣ Статсъ-Секретаря, состоявшемъ, по Учрежденію 1901 года, при Предсѣдателѣ Государственнаго Совѣта, и о секретаряхъ при Предсѣдателяхъ Департаментовъ, а равно и требованіе отъ каждаго поступающаго въ Государственную Канцелярію чиновника присяги по особо установленной формѣ. Наконецъ, въ новомъ Учрежденіи совершенно исключены постановленія, опредѣлявшія порядокъ производства дѣлъ въ Государственной Канцеляріи и особенныя обязанности ея чиновъ. Всѣ эти постановленія замѣнены общимъ указаніемъ, что Государственному Секретарю предоставляется опредѣлять число дѣлопроизводителей и другихъ назначаемыхъ имъ на должности чиновъ Государственной Канцеляріи, не выходя изъ предѣловъ суммъ, ассигнуемыхъ по ея штатамъ, распредѣлять

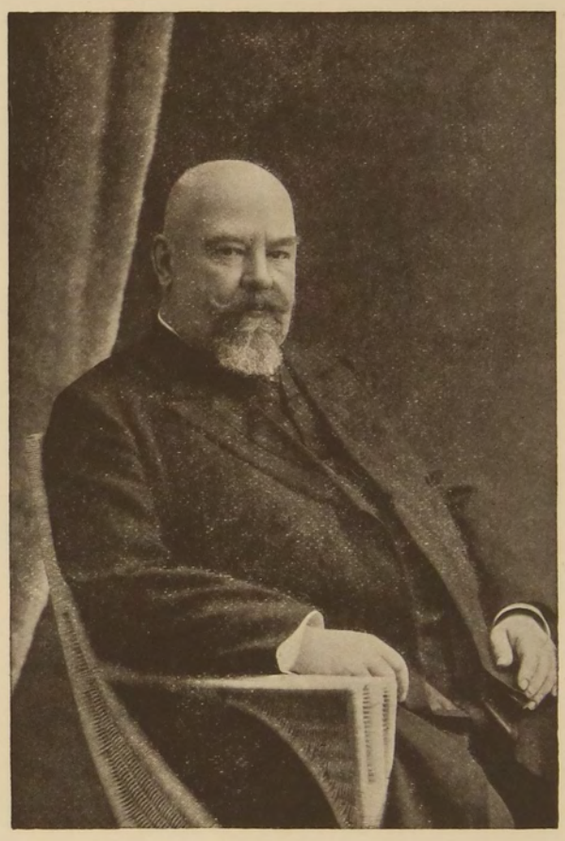

П. А. Харитоновъ.

ственныхъ Законовъ (Апрѣль 1906). Дѣлопроизводство по этимъ Совѣщаніямъ лежало также на обязанности Товарища Государственнаго Секретаря *П. А. Харитонова.* Въ связи съ трудами этихъ Совѣщаній Отдѣленіемъ Свода Законовъ Государственной Канцеляріи была составлена и издана въ 1908 году обширная справочная работа подъ заглавіемъ: «Самодержавіе (исторія, законъ, юридическая конструкція)».

Новое Учрежденіе Государственнаго Совѣта Высочайше утверждено 24 Апрѣля 1906 года.

Преобразованіе Государственнаго Совѣта не могло не отразиться и на устройствѣ Государственной Канцеляріи. Прежнее раздѣленіе Канцеляріи на шесть Отдѣленій, изъ которыхъ четыре занимались дѣлопроизводствомъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта, по новому Учрежденію упразднено; въ статьѣ 111 содержится лишь общее постановленіе о томъ, что въ составѣ Канцеляріи образуются Отдѣленія, управляемыя Статсъ-Секретарями или, по распоряженію Государственнаго Секретаря, Помощниками Статсъ-Секретаря на правахъ Статсъ-Секретарей. Къ этому прибавлено, что должностныя лица Канцеляріи распредѣляются по Отдѣленіямъ Государственнымъ Секретаремъ. Далѣе, устранено постановленіе о Помощникѣ Статсъ-Секретаря, состоявшемъ, по Учрежденію 1901 года, при Предсѣдателѣ Государственнаго Совѣта, и о секретаряхъ при Предсѣдателяхъ Департаментовъ, а равно и требованіе отъ каждаго поступающаго въ Государственную Канцелярію чиновника присяги по особо установленной формѣ. Наконецъ, въ новомъ Учрежденіи совершенно исключены постановленія, опредѣлявшія порядокъ производства дѣлъ въ Государственной Канцеляріи и особенныя обязанности ея чиновъ. Всѣ эти постановленія замѣнены общимъ указаніемъ, что Государственному Секретарю предоставляется опредѣлять число дѣлопроизводителей и другихъ назначаемыхъ имъ на должности чиновъ Государственной Канцеляріи, не выходя изъ предѣловъ суммъ, ассигнуемыхъ по ея штатамъ, распредѣлять

П. А. Харитоновъ.

дѣла по Отдѣленіямъ Канцеляріи и устанавливать порядокъ дѣлопроизводства по Канцеляріи и обязанности ея чиновъ, равно какъ порядокъ присутствованія ихъ въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта. Въ составѣ Государственной Канцеляріи учреждены новыя должности Пристава Государственнаго Совѣта съ помощниками, причемъ Приставъ по служебнымъ преимуществамъ приравненъ къ Помощникамъ Статсъ-Секретаря, а помощники Пристава—къ старшимъ дѣлопроизводителямъ. Должности Статсъ-Секретарей, положенныхъ по Учрежденію 1901 года при каждомъ изъ прежнихъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта, а также для управленія двумя изъ Отдѣленій Государственной Канцеляріи, пріурочены вообще къ Государственному Совѣту, и лица, занимающія эти должности, стали именоваться Статсъ-Секретарями Государственнаго Совѣта.

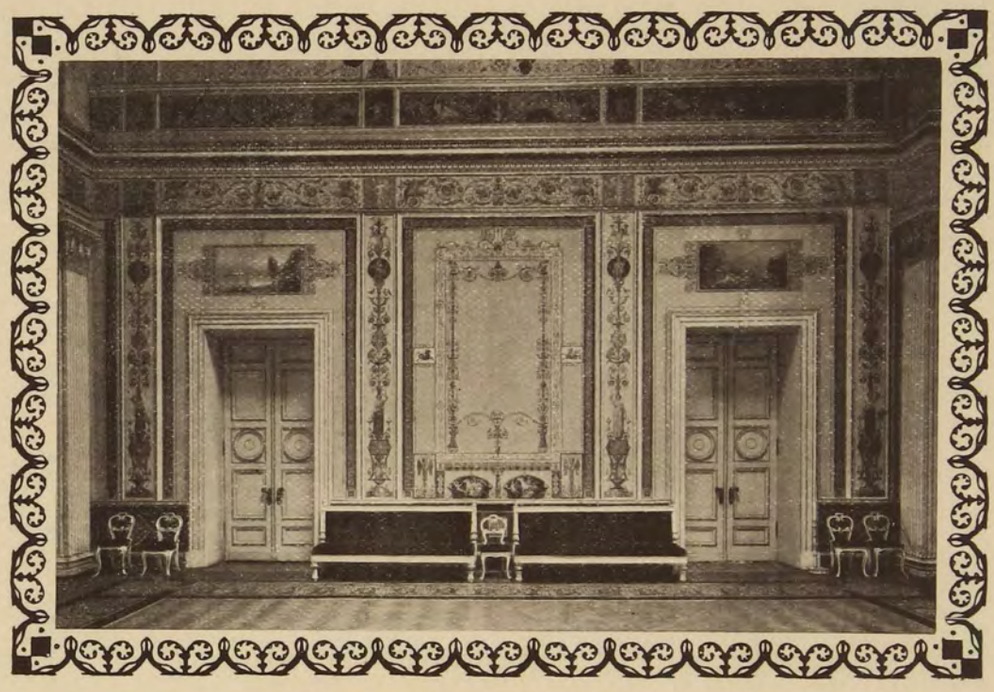
Всѣ упомянутыя преобразованія нашего законодательнаго строя потребовали отъ Государственной Канцеляріи усиленнаго и крайне спѣшнаго труда. Независимо отъ занятій по дѣлопроизводству Особыхъ Совѣщаній, чинами Отдѣленія Государственной Экономіи, подъ наблюденіемъ Статсъ-Секретаря *Кобеляцкаго,* были переведены регламенты палатъ прусскаго сейма и германскаго рейхстага, французскихъ палаты депутатовъ и сената и австрійскаго рейхсрата и составлено сравнительное ихъ изложеніе; затѣмъ переведена (Помощникомъ Статсъ-Секретаря *П. О. Морозовымъ)* шведская конституція и составлены подробныя справки о составѣ верхнихъ палатъ и о государственныхъ совѣтахъ и однородныхъ съ ними учрежденіяхъ въ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ, а также о порядкѣ составленія и разсмотрѣнія государственнаго бюджета въ различныхъ государствахъ. Помощникъ Статсъ-Секретаря *А. Ѳ. Треповъ* былъ командированъ, съ Высочайшаго соизволенія, за границу для собранія точныхъ свѣдѣній о примѣняемыхъ на практикѣ правилахъ внутренняго распорядка въ законодательныхъ установленіяхъ главнѣйшихъ европей-

скихъ государствъ. Въ помощь ему, по распоряженію Государственнаго Секретаря, былъ назначенъ секретарь при Предсѣдателѣ Департамента Государственной Экономіи *С. Г. Ѳеодосьевъ*. Извлеченіе изъ подробнаго отчета по этой командировкѣ было напечатано подъ заглавіемъ: «Очеркъ внутренней жизни представительныхъ учрежденій Западной Европы» (Спб. 1906).

Отдѣленіемъ Государственной Экономіи были изданы также правила о порядкѣ составленія, разсмотрѣнія и утвержденія финансовыхъ смѣтъ Министерствъ и Главныхъ Управленій и государственной росписи доходовъ и расходовъ, со всѣми относящимися къ этому предмету узаконеніями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Отдѣленіе приняло дѣятельное участіе въ разработкѣ правилъ о разсмотрѣніи государственной росписи, Высочайше утвержденныхъ 8 Марта 1906 года.

Впредь до открытія законодательной дѣятельности на новыхъ, возвѣщенныхъ съ высоты Престола, началахъ, законопроекты, представлявшіеся неотложными, а равно финансовыя смѣты Министерствъ и Главныхъ Управленій и государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1906 годъ, подлежали, согласно Высочайшему повелѣнію отъ 23 Сентября 1905 года, разсмотрѣнію Государственнаго Совѣта на прежнихъ основаніяхъ. Такихъ неотложныхъ законопроектовъ, разсмотрѣніемъ которыхъ завершилась дѣятельность Государственнаго Совѣта по прежнему его Учрежденію, оказалось весьма значительное количество, такъ что производство всѣхъ этихъ дѣлъ, въ виду краткости сессіи, продолжавшейся всего полгода (съ 6 Октября 1905 до 17 Апрѣля 1906 года), потребовало усиленныхъ работъ Государственной Канцеляріи. Въ теченіе этой послѣдней своей сессіи Государственный Совѣтъ имѣлъ 126 засѣданій, въ томъ числѣ 97—въ Департаментахъ и Особомъ Присутствіи по дѣламъ о принудительномъ отчужденіи недвижимыхъ имуществъ и 29—въ Общемъ Собраніи; общее количество всѣхъ разсмотрѣнныхъ за это

время дѣлъ составило 981, причемъ въ ихъ числѣ было немало и такихъ, которыя требовали обширной и сложной подготовительной работы, какъ, напримѣръ, проектъ временныхъ правилъ объ обществахъ и союзахъ, постановленія о расширеніи дѣятельности Крестьянскаго Поземель-

Деталь стѣны просвѣтнаго зала.

наго Банка, объ обращеніи въ рессурсы казны нѣкоторыхъ капиталовъ, числящихся въ спеціальныхъ средствахъ и депозитахъ различныхъ вѣдомствъ, и многія другія.

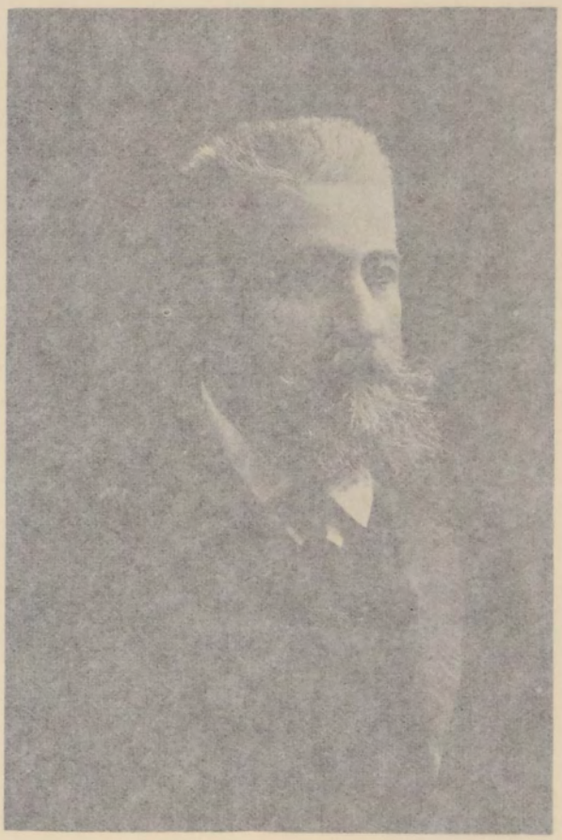
Кромѣ указанныхъ трудовъ справочнаго и законоподготовительнаго характера, Государственный Секретарь, согласно правиламъ о введеніи въ дѣйствіе учрежденія Государственной Думы (Сентябрь 1906), дополненнымъ особыми указаніями Совѣта Министровъ (Февраль 1907), долженъ былъ озаботиться устройствомъ ея Канцеляріи, управленіе которою лежало на его обязанности впредь до избранія Думою своего Секретаря. Съ этою цѣлью въ Государственную Думу были откомандированы старшіе и млад-

шіе чины Государственной Канцеляріи, которыми и были исполнены всѣ подготовительныя работы къ открытію первой сессіи Думы. Затѣмъ изъ этихъ же лицъ образовался весь составъ Канцеляріи Государственной Думы перваго созыва[102] и почти весь составъ Канцеляріи Думы второго созыва; по утвержденіи же, 1 Іюля 1908 года, штата Канцеляріи Государственной Думы многіе изъ чиновъ Государственной Канцеляріи перешли на службу въ Думу и содѣйствовали упроченію въ дѣлопроизводствѣ новой Канцеляріи тѣхъ пріемовъ и порядковъ, польза и необходимость которыхъ были доказаны многолѣтнимъ опытомъ Государственной Канцеляріи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо было также безотлагательно начать работы по приспособленію Таврическаго Дворца для помѣщенія въ немъ Государственной Думы. Для направленія этихъ работъ, требовавшихъ особой быстроты, была учреждена въ составѣ Государственной Канцеляріи, при участіи спеціалистовъ по строительной и технической частямъ, особая Коммисія подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта (впослѣдствіи Товарищъ Государственнаго Секретаря) *Н. Ѳ. Дерюжинскаго*. Всѣ необходимыя работы были закончены къ открытію засѣданій Государственной Думы, 27 Апрѣля 1906 года, но затѣмъ потребовавшіяся по указаніямъ опыта передѣлки и новыя приспособленія дворцовыхъ помѣщеній продолжались еще въ теченіе нѣкотораго времени.

Баронъ Ю. А. Икскуль 6 Мая 1905 года получилъ званіе Статсъ-Секретаря Его Императорскаго Величества, а затѣмъ за понесенные имъ труды, связанные съ преобразованіемъ законодательнаго строя, удостоился, 6 Мая 1906 года, слѣдующаго Высочайшаго рескрипта:

«Баронъ Юлій Александровичъ. Во вниманіе къ вашимъ разностороннимъ познаніямъ въ дѣлахъ законодательныхъ, Я въ 1904 году призвалъ васъ на должность Государственнаго Секретаря. На этомъ посту, въ періодъ особо слож-

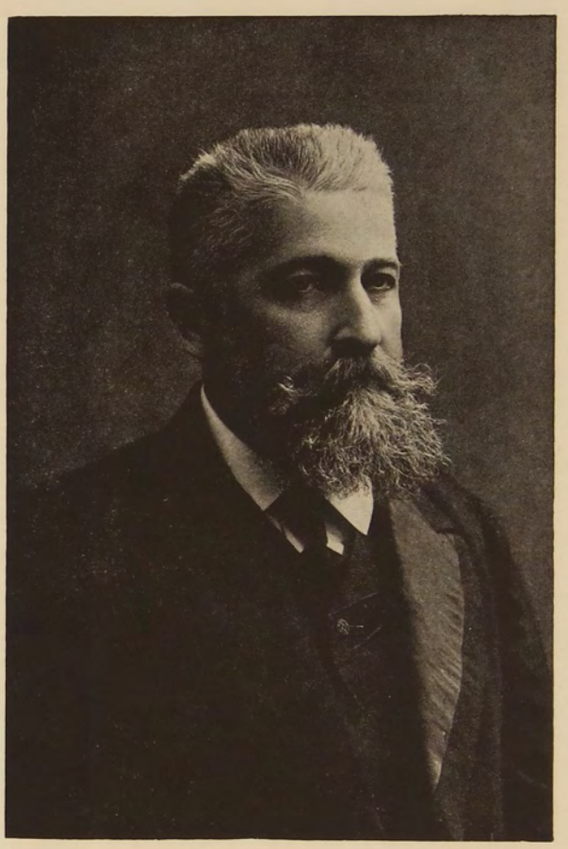
Н. Ѳ. Дерюжинскій.

шіе чины Государственной Канцеляріи, которыми и были исполнены всѣ подготовительныя работы къ открытію первой сессіи Думы. Затѣмъ изъ этихъ же лицъ образовался весь составъ Канцеляріи Государственной Думы перваго созыва[192] и почти весь составъ Канцеляріи Думы второго созыва; по утвержденіи же, 1 Іюля 1908 года, штата Канцеляріи Государственной Думы многіе изъ чиновъ Государственной Канцеляріи перешли на службу въ Думу и содѣйствовали упроченію въ дѣлопроизводствѣ новой Канцеляріи тѣхъ пріемовъ и порядковъ, польза и необходимость которыхъ были доказаны многолѣтнимъ опытомъ Государственной Канцеляріи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо было также безотлагательно начать работы по приспособленію Таврическаго Дворца для помѣщенія въ немъ Государственной Думы. Для направленія этихъ работъ, требовавшихъ особой быстроты, была учреждена въ составѣ Государственной Канцеляріи, при участіи спеціалистовъ по строительной и технической частямъ, особая Коммисія подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта (впослѣдствіи Товарищъ Государственнаго Секретаря) *Н. Ѳ. Дерюжинскаго*. Всѣ необходимыя работы были закончены къ открытію засѣданій Государственной Думы, 27 Апрѣля 1906 года, но затѣмъ потребовавшіяся по указаніямъ опыта передѣлки и новыя приспособленія дворцовыхъ помѣщеній продолжались еще въ теченіе нѣкотораго времени.

Баронъ Ю. А. Икскуль 6 Мая 1905 года получилъ званіе Статсъ-Секретаря Его Императорскаго Величества, а затѣмъ за понесенные имъ труды, связанные съ преобразованіемъ законодательнаго строя, удостоился, 6 Мая 1906 года, слѣдующаго Высочайшаго рескрипта:

«Баронъ Юлій Александровичъ. Во вниманіе къ вашимъ разностороннимъ познаніямъ въ дѣлахъ законодательныхъ, Я въ 1904 году призвалъ васъ на должность Государственнаго Секретаря. На этомъ посту, въ періодъ особо слож-

Н. Ѳ. Дерюжинскій.

ной и напряженной дѣятельности Государственнаго Совѣта, вы въ полной мѣрѣ оправдали Монаршее довѣріе. Подъ вашимъ руководствомъ Государственная Канцелярія, отмѣнное достоинство трудовъ коей Я всегда высоко цѣнилъ, подготовила и выполнила обширныя и важныя работы, Мною на нее возложенныя.

«Выражая вамъ Мою искреннюю признательность за понесенные вами при этомъ усиленные труды, Я надѣюсь, что отличающія васъ дѣловая опытность и основательное знакомство съ отечественнымъ законодательствомъ найдутъ себѣ полезное примѣненіе и при новомъ порядкѣ восхожденія законопроектовъ на Мое утвержденіе.

«Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный
Николай».

Въ личномъ составѣ Государственной Канцеляріи произошла въ 1906 году одна крупная перемѣна: Товарищу Государственнаго Секретаря П. А. Харитонову, назначенному 1 Января 1906 года Сенаторомъ, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности, 23 Апрѣля того же года было Высочайше повелѣно быть Членомъ Государственнаго Совѣта (въ настоящее время П. А. Харитоновъ занимаетъ постъ Государственнаго Контролера). Преемникомъ его по должности Товарища Государственнаго Секретаря состоитъ, съ 1 Мая 1906 года, Статсъ-Секретарь Государственнаго Совѣта, управлявшій ранѣе Отдѣленіемъ Дѣлъ Государственнаго Секретаря, тайный совѣтникъ Николай Ѳедоровичъ *Дерюжинскій*.

Н. Ѳ. Дерюжинскій (р. 1855), по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата правъ, былъ оставленъ при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ и въ 1878 году опредѣленъ на службу исправляющимъ должность секретаря при прокурорѣ Ярославскаго окружнаго суда. Черезъ два года онъ былъ зачисленъ кандидатомъ на судебныя должности при прокурорѣ

Московской судебной палаты, а въ 1883 году перешелъ на службу въ Кодификаціонный Отдѣлъ при Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ съ 1887 года занималъ должность помощника старшаго чиновника. Въ 1889 году, по защитѣ диссертаціи: «Отводы и возраженія по русскому гражданскому процессу», Н. Ѳ. Дерюжинскій былъ опредѣленъ преподавателемъ гражданскаго судопроизводства въ Военно-Юридической Академіи, съ оставленіемъ въ должности помощника старшаго чиновника; въ 1892 году назначенъ Помощникомъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта и занимался сначала въ Гражданскомъ Отдѣленіи (причемъ, независимо отъ обычныхъ занятій, на него было возложено руководство трудами лицъ, завѣдывавшихъ библіотекою Государственнаго Совѣта, и общее попеченіе объ ея переустройствѣ), затѣмъ—въ Отдѣленіи Законовъ и, наконецъ, съ 1896 года, въ Отдѣленіи Свода Законовъ. Произведенный въ 1896 году въ дѣйствительные статскіе совѣтники, онъ былъ назначенъ въ 1901 году, Членомъ Консультаціи при Министерствѣ Юстиціи, а въ 1903 году—исправляющимъ должность Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта, управляющимъ Отдѣленіемъ Дѣлъ Государственнаго Секретаря. Въ 1904 году Н. Ѳ. Дерюжинскій былъ утвержденъ въ должности Статсъ-Секретаря, а 1 Января 1906 года произведенъ въ тайные совѣтники.

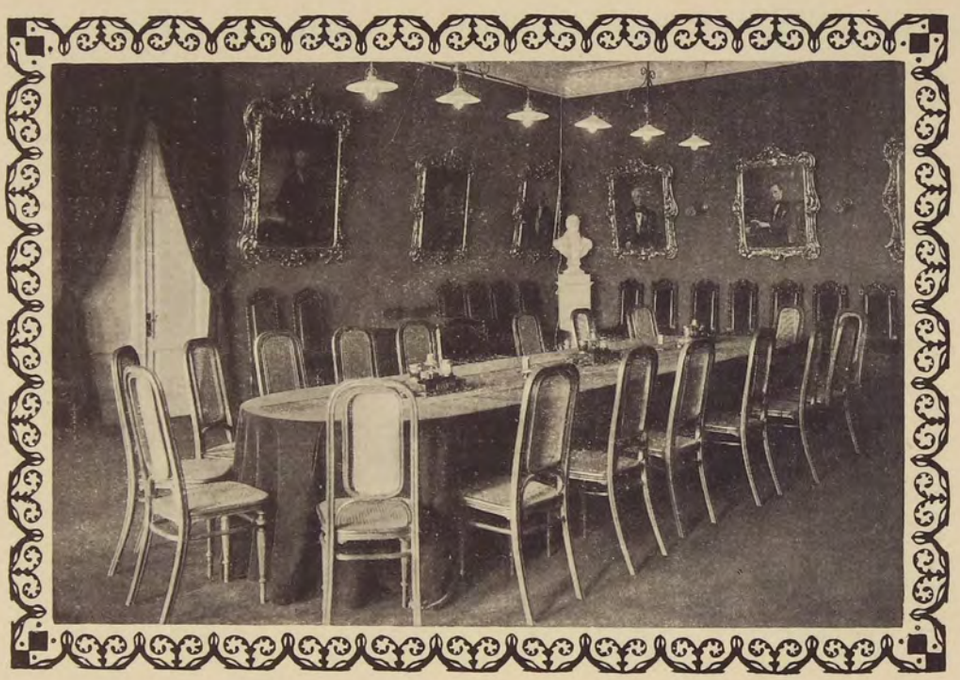
Соотвѣтственно измѣнившемуся порядку и характеру дѣятельности Государственнаго Совѣта, въ 1906 году послѣдовало новое раздѣленіе Государственной Канцеляріи. Приказомъ Государственнаго Секретаря установлены были слѣдующія Отдѣленія: 1) Личнаго состава и общихъ дѣлъ (Статсъ-Секретарь сначала *В. А. Лыщинскій*, потомъ *Б. М. Якунчиковъ*); 2) Первое по дѣламъ законодательнымъ (Статсъ-Секретарь *Д. А. Коптевъ*); 3) Второе по дѣламъ законодательнымъ (Статсъ-Секретарь баронъ *Р. А. Дистерло*); 4) Финансовъ (Статсъ-Секретарь сначала *А. И. Кобеляцкій*, потомъ *А. Г. Тимротъ*); 5) Общаго Собранія (Статсъ-Секре-

тарь *В. А. Лыщинскій*); 6) Свода Законовъ (Статсъ-Секретарь *С. В. Безобразовъ*); 7) по дѣламъ Особаго Присутствія по отчужденію недвижимыхъ имуществъ (Помощникъ Статсъ-Секретаря сначала *Б. М. Якунчиковъ*, потомъ баронъ *А. А. фонъ-Гойнингенъ-Гюне*), и 8) по дѣламъ Особаго Присутствія для предварительнаго разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ жалобъ на опредѣленія Департаментовъ Правительствующаго Сената (Помощникъ Статсъ-Секретаря *В. Ѳ. Гребнеръ*). Устанавливая число Отдѣленій и распредѣляя между ними занятія и личный составъ Канцеляріи, Государственный Секретарь имѣлъ въ виду, по возможности, избѣжать существенныхъ измѣненій какъ въ отношеніи состава прежнихъ Отдѣленій, такъ и въ отношеніи подлежавшихъ ихъ вѣдѣнію дѣлъ. При этомъ дѣлопроизводство по вновь образованному Первому Департаменту Государственнаго Совѣта было возложено на Первое Отдѣленіе по дѣламъ законодательнымъ, а дѣлопроизводство по Второму Департаменту—на Отдѣленіе Финансовъ.

Вслѣдъ за открытіемъ, 27 Апрѣля 1906 года, первой сессіи преобразованнаго Государственнаго Совѣта, была учреждена изъ его Членовъ, подъ предсѣдательствомъ Вице-Предсѣдателя Государственнаго Совѣта *И. Я. Голубева*, Коммисія для составленія Наказа Совѣта. Дѣлопроизводство по этой Коммисіи было возложено на Статсъ-Секретаря барона *Р. А. Дистерло*, причемъ Коммисія отчасти воспользовалась для своихъ занятій упомянутыми выше справочными матеріалами и свѣдѣніями, собранными, по распоряженію Государственнаго Секретаря, для Особаго Совѣщанія по составленію новаго Учрежденія Государственнаго Совѣта. На основаніи Наказа, изданнаго 12 Мая и 14 Декабря 1907 года, въ составѣ Государственнаго Совѣта учреждаются постоянныя и временныя Коммисіи. Постоянныхъ Коммисій образовано три: 1) личнаго состава и внутренняго распорядка; 2) финансовая и 3) законодательныхъ предположеній. Дѣлопроизводство по Коммисіямъ, какъ постоян-

нымъ, такъ и временнымъ, учреждаемымъ для предварительнаго соображенія законопроектовъ, лежитъ на чинахъ Государственной Канцеляріи.

По распоряженію Государственнаго Секретаря, Вторымъ Отдѣленіемъ по дѣламъ законодательнымъ, подъ на-

Залъ Совѣщаній Отдѣленія Свода Законовъ.

блюденіемъ Статсъ-Секретаря барона *Р. А. Дистерло*, былъ изданъ въ 1908 году Наказъ Государственнаго Совѣта съ соображеніями, на коихъ онъ основанъ, и съ предметнымъ къ нему указателемъ. Кромѣ того, тѣмъ же Отдѣленіемъ составляется и издается, особыми выпусками за каждую сессію Совѣта, «Указатель положеній, которыя примѣнялись въ дѣятельности Государственнаго Совѣта».

Независимо отъ прямыхъ своихъ обязанностей по редактированію стенографическаго отчета и составленію протоколовъ засѣданій Государственнаго Совѣта, по дѣлопроизводству Коммисій, Департаментовъ и Особыхъ Присутствій, по изготовленію справокъ и докладовъ по дѣламъ,

подлежащимъ обсужденію въ Совѣтѣ, и меморій, подносимыхъ на Высочайшее благовоззрѣніе,—нѣкоторые чины Государственной Канцеляріи, во второй половинѣ 1906 года, были, по просьбѣ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, временно командированы въ Канцелярію означеннаго Совѣта для занятій по законодательнымъ дѣламъ, разсматривавшимся въ Совѣтѣ во время прекращенія дѣятельности Государственной Думы. Равнымъ образомъ, по просьбѣ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, въ Февралѣ 1907 года Государственною Канцеляріею была составлена, для надобностей Совѣта, подробная справка о содержащихся въ Сводѣ Законовъ постановленіяхъ касательно ограниченія правъ россійскихъ подданныхъ въ зависимости отъ вѣроисповѣданія, сословій и національности, подъ заглавіемъ: «Перечень постановленій дѣйствующаго закона о различіи въ правахъ отдѣльныхъ классовъ населенія». Трудъ этотъ былъ исполненъ Помощникомъ Статсъ-Секретаря *Г. Э. Блосфельдтомъ*. Сверхъ того, съ Высочайшаго соизволенія, на Государственную Канцелярію были возложены новыя обязанности по дѣлопроизводству въ собраніяхъ группъ, образовавшихся въ средѣ Государственнаго Совѣта а также по сообщенію заключеній относительно вырабатываемыхъ вѣдомствами законопроектовъ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи въ началѣ 1908 года Совѣтъ Министровъ, по обсужденіи соображеній Государственнаго Секретаря, призналъ, что замѣчанія Государственной Канцеляріи, оцѣнивающія вносимые вѣдомствами законопроекты по связи ихъ съ текущимъ законодательствомъ и съ точки зрѣнія законодательной техники, могутъ, если будутъ своевременно приняты во вниманіе, существенно улучшить достоинство этихъ законопроектовъ. Вслѣдствіе этого Совѣтъ Министровъ полагалъ, что замѣчанія эти должны быть препровождаемы Государственнымъ Секретаремъ самимъ вѣдомствамъ, еще до представленія ими соотвѣтствующихъ законопроектовъ на за-

конодательное разсмотрѣніе. Согласно изложенному, Совѣтъ Министровъ нашелъ необходимымъ поручить вѣдомствамъ: 1) вырабатываемыя ими предположенія объ изданіи законовъ и штатовъ, а также объ ихъ измѣненіи, дополненіи, пріостановленіи дѣйствія и отмѣнѣ, предварительно внесенія въ Государственную Думу или Государственный Совѣтъ, сообщать на заключеніе Государственнаго Секретаря и 2) приглашать представителей Государственной Канцеляріи къ участію въ разработкѣ особо сложныхъ законопроектовъ въ образуемыхъ съ этою цѣлью междувѣдомственныхъ коммисіяхъ. Составленный въ этомъ смыслѣ особый журналъ Совѣта Министровъ удостоился 23 Апрѣля 1908 года Высочайшаго утвержденія.

Этимъ Высочайшимъ повелѣніемъ Государственная Канцелярія призвана исполнять лежавшую прежде на II Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, а затѣмъ на Кодификаціонномъ Отдѣлѣ при Государственномъ Совѣтѣ, обязанность блюсти за техническою правильностью и взаимнымъ согласованіемъ въ движеніи законоподготовительныхъ работъ.

Замѣчанія по законодательнымъ предположеніямъ вѣдомствъ въ прежнее время составлялись почти исключительно Отдѣленіемъ Свода Законовъ. Такой порядокъ, однако, не всегда обезпечивалъ полноту составляемыхъ заключеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ обременителенъ и для названнаго Отдѣленія. Въ устраненіе этихъ неудобствъ, Статсъ-Секретаремъ *С. В. Безобразовымъ*, по порученію Государственнаго Секретаря, былъ выработанъ проектъ правилъ объ участіи чиновъ Государственной Канцеляріи въ составленіи заключеній по законодательнымъ предположеніямъ вѣдомствъ, а также о порядкѣ назначенія чиновъ Государственной Канцеляріи ея представителями въ междувѣдомственныхъ Коммисіяхъ. Этотъ проектъ былъ затѣмъ разсмотрѣнъ въ Особомъ Совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ Государственнаго Секретаря, при участіи Статсъ-Секретарей и нѣкоторыхъ

Помощниковъ Статсъ-Секретаря. Означеннымъ Совѣщаніемъ были установлены слѣдующія правила:

1) Поступающія на заключеніе Государственнаго Секретаря предположенія вѣдомствъ объ изданіи законовъ и штатовъ, а также объ измѣненіи ихъ, дополненіи, пріостановленіи дѣйствія и отмѣнѣ, направляются, для составленія проектовъ заключеній, въ Отдѣленіе Свода Законовъ.

2) По дѣламъ, имѣющимъ ближайшее отношеніе къ предметамъ занятій другихъ Отдѣленій Государственной Канцеляріи, проекты заключеній составляются, по особымъ распоряженіямъ Государственнаго Секретаря, въ этихъ Отдѣленіяхъ, при содѣйствіи, въ подлежащихъ случаяхъ, Отдѣленія Свода Законовъ.

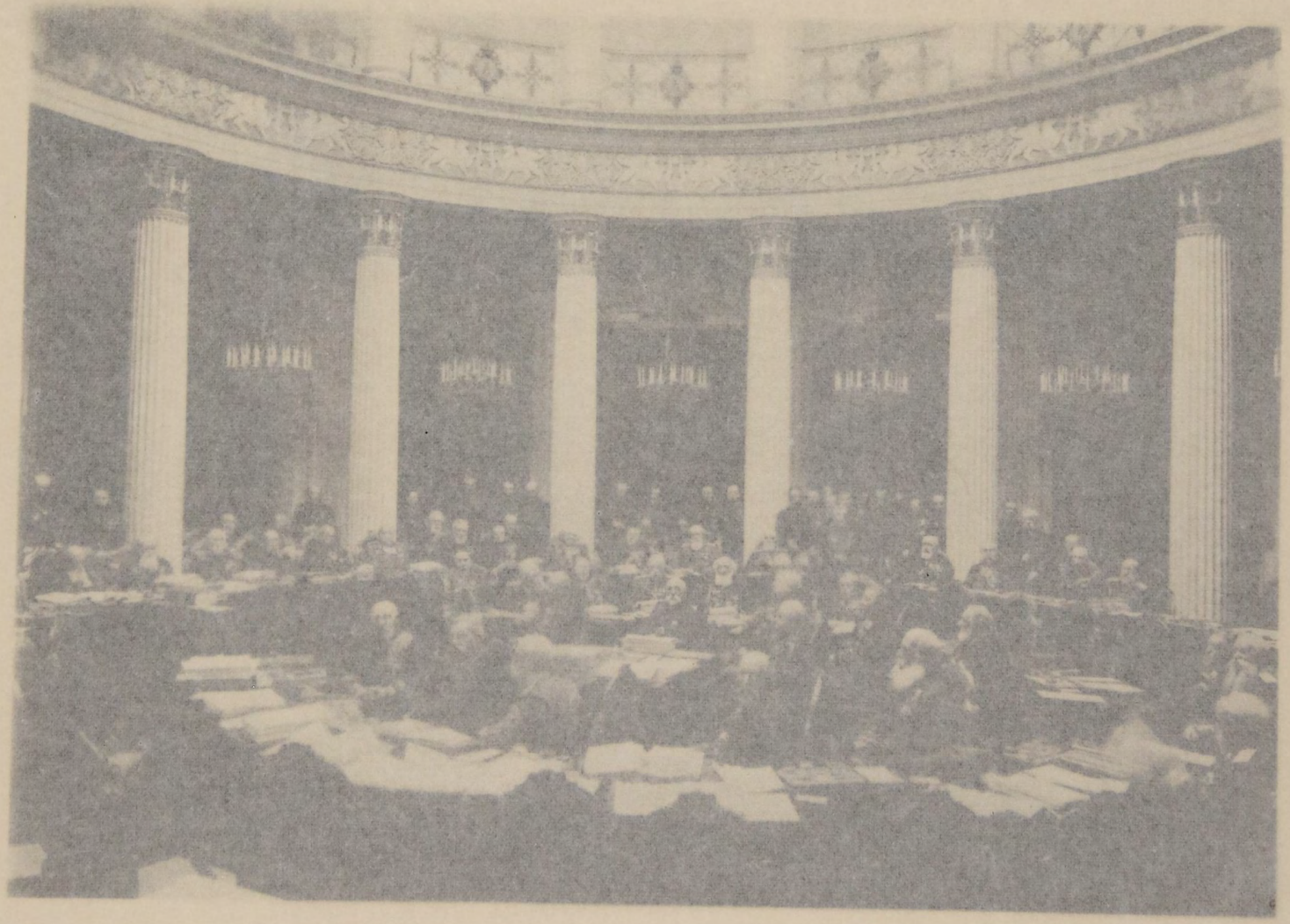
3) Вопросы объ основаніяхъ и порядкѣ составленія проектовъ заключеній по особо важнымъ дѣламъ, равно какъ и составленные уже проекты заключеній, могутъ быть вносимы, по распоряженію Государственнаго Секретаря, въ Особое Совѣщаніе, которое образуется въ составѣ Государственной Канцеляріи, подъ предсѣдательствомъ Государственнаго Секретаря, изъ Товарища Государственнаго Секретаря и Статсъ-Секретарей Государственнаго Совѣта. Въ этомъ Совѣщаніи могутъ участвовать, по назначенію Государственнаго Секретаря, также и другіе чины Государственной Канцеляріи.

4) Чины Государственной Канцеляріи, назначаемые для участія въ разработкѣ законопроектовъ въ междувѣдомственныхъ коммисіяхъ, испрашиваютъ соотвѣтствующія указанія отъ Государственнаго Секретаря, въ подлежащихъ случаяхъ, чрезъ Статсъ-Секретарей Государственнаго Совѣта. Вопросы о преподаніи помянутыхъ указаній могутъ быть вносимы Государственнымъ Секретаремъ въ означенное въ статьѣ 3 Особое Совѣщаніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Совѣщаніе признавало справедливымъ, чтобы въ теченіе лѣтняго времени привлекались, по заранѣе

опредѣленной очереди, къ составленію заключеній соотвѣтствующіе чины всѣхъ вообще Отдѣленій Государственной Канцеляріи.

Возложенные на Государственную Канцелярію со времени учрежденія Государственной Думы труды по дѣлопроизводству этого установленія, а также по завѣдыванію казначейскою и хозяйственною его частями и по приспособленію для занятій Думы Таврическаго Дворца, закончились съ утвержденіемъ, 1 Іюля 1908 года, штата Думской Канцеляріи. По этому поводу Государственный Секретарь счелъ своею обязанностью засвидѣтельствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ объ отличномъ, полномъ преданности долгу и служебнаго такта, исполненіи чинами Государственной Канцеляріи, командированными въ Государственную Думу, возложенныхъ на нихъ обязанностей. «Занятія многихъ чиновъ Государственной Канцеляріи по Государственной Думѣ, продолжавшіяся слишкомъ два года»,—удостовѣрялъ баронъ Ю. А. Икскуль въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ,—«потребовали значительнаго напряженія силъ какъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, исполнявшихъ одновременно свои обязанности и по Государственному Совѣту, такъ и тѣхъ, которые не были откомандированы въ Думу и несли работу собственно по Канцеляріи и за себя, и за своихъ товарищей, оставившихъ на время постоянное мѣсто служенія... Не смотря на указанныя тяжелыя условія, служащіе Государственной Канцеляріи несли свои занятія съ неизмѣннымъ рвеніемъ. Такъ, Отдѣленіемъ Финансовъ Государственной Канцеляріи, во главѣ котораго стоитъ Статсъ-Секретарь Государственнаго Совѣта Тимротъ, исполнена особо трудная работа,—составленіе росписи доходовъ и расходовъ на 1908 годъ, впервые производившаяся при новомъ порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ законодательными установленіями. Не могу обойти молчаніемъ и трудовъ Государствен-

Послѣднее засѣданіе Общаго Собранія Государственнаго Совѣта прежняго устройства

17 Апрѣля 1906 года.

опредѣленной очереди, къ составленію заключеній соотвѣтствующіе чины всѣхъ вообще Отдѣленій Государственной Канцеляріи.

Возложенные на Государственную Канцелярію со времени учрежденія Государственной Думы труды по дѣлопроизводству этого установленія, а также по завѣдыванію казначейскою и хозяйственною его частями и по приспособленію для занятій Думы Таврическаго Дворца, закончились съ утвержденіемъ, 1 Іюля 1908 года, штата Думской Канцеляріи. По этому поводу Государственный Секретарь счелъ своею обязанностью засвидѣтельствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ объ отличномъ, полномъ преданности долгу и служебнаго такта, исполненіи чинами Государственной Канцеляріи, командированными въ Государственную Думу, возложенныхъ на нихъ обязанностей. «Занятія многихъ чиновъ Государственной Канцеляріи по Государственной Думѣ, продолжавшіяся слишкомъ два года»,—удостовѣрялъ баронъ Ю. А. Икскуль въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ,—«потребовали значительнаго напряженія силъ какъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, исполнявшихъ одновременно свои обязанности и по Государственному Совѣту, такъ и тѣхъ, которые не были откомандированы въ Думу и несли работу собственно по Канцеляріи и за себя, и за своихъ товарищей, оставившихъ на время постоянное мѣсто служенія... Не смотря на указанныя тяжелыя условія, служащіе Государственной Канцеляріи несли свои занятія съ неизмѣннымъ рвеніемъ. Такъ, Отдѣленіемъ Финансовъ Государственной Канцеляріи, во главѣ котораго стоитъ Статсъ-Секретарь Государственнаго Совѣта Тимротъ, исполнена особо трудная работа,—составленіе росписи доходовъ и расходовъ на 1908 годъ, впервые производившаяся при новомъ порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ законодательными установленіями. Не могу обойти молчаніемъ и трудовъ Государствен-

Послѣднее засѣданіе Общаго Собранія Государственнаго Совѣта прежняго устройства

17 Апрѣля 1906 года.

Благодарю Государственную Канцелярію за труды.

Въ Петергофъ 10 Іюля 1908 года

1 сего Іюля удостоился ВЫСОЧАЙШАГО ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА утвержденія проектъ штата Канцеляріи Государственной Думы. Съ введеніемъ этого штата въ дѣйствіе, заканчиваются работы по Государственной Думѣ чиновъ Государственной Канцеляріи. Нѣсколько раньше завершились-передачею Думѣ помѣщеній, отведенныхъ ей въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Таврическомъ Дворцѣ,-труды ВЫСОЧАЙШЕ учрежденной особой коммисіи по приспособленію зданія Дворца для указанной цѣли. Въ работахъ коммисіи этой, состоявшей подъ предсѣдательствомъ Товарища Государственнаго Секретаря, также принимали участіе чины Государственной Канцеляріи.

За окончаніемъ, такимъ образомъ, возложенныхъ на Государственную Канцелярію трудовъ по Государственной Думѣ, я вмѣняю себѣ въ обязанность засвидѣтельствовать ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ объ отличномъ, полномъ преданности долгу и служебнаго такта, исполненіи чинами

ной Типографіи, день и ночь обслуживавшей Государственный Совѣтъ и Государственную Думу въ пору до крайности напряженной ихъ дѣятельности. Послѣднія страницы въ исторіи Государственной Канцеляріи служатъ ручательствомъ того, что чины ея и впредь почтутъ за счастіе посвятить съ неизмѣннымъ воодушевленіемъ всѣ свои способности и силы службѣ Вашего Императорскаго Величества».

На этомъ докладѣ Государю Императору, 10 Іюля 1908 года, благоугодно было Собственноручно начертать:

«Благодарю Государственную Канцелярію за труды».

Изъ обычныхъ работъ Государственной Канцеляріи барономъ Ю. А. Икскулемъ было обращено особенное вниманіе на порядокъ составленія ежегодныхъ отчетовъ по дѣлопроизводству Государственнаго Совѣта. Въ этомъ отношеніи Государственный Секретарь замѣтилъ, что классификація отчетнаго матеріала отличается сбивчивостью и неопредѣленностью, и призналъ желательнымъ установить разъ навсегда неизмѣнныя категоріи, къ которымъ всѣ вносимыя въ Государственный Совѣтъ дѣла пріурочивались бы единообразно изъ года въ годъ. Для установленія такихъ категорій самымъ простымъ, безспорнымъ и яснымъ критеріемъ должна была послужить, по мнѣнію барона Ю. А. Икскуля, система Свода Законовъ, въ соотвѣтствіи съ которою отчетъ былъ раздѣленъ на слѣдующія части:

Отдѣленіе I: 1) Православная Церковь; 2) государственная оборона; 3) учрежденія; 4) повинности; 5) уставы казеннаго управленія; 6) законы о состояніяхъ; 7) законы гражданскіе и межевые; 8) государственное благоустройство; 9) уставы благочинія; 10) законы уголовные; 11) судоустройство и судопроизводство. Отдѣленіе II: дѣла государственнаго хозяйства.

По этой системѣ составлены были отчеты за сессіи 1903/04, 1904/05 и 1905/06 годовъ. Затѣмъ составленіе отчетовъ по дѣлопроизводству Государственнаго Совѣта прекратилось и, начиная съ первой сессіи по новому Учрежденію 1906 года, стали составляться только краткіе по каждой сессіи всеподданнѣйшіе отчеты Предсѣдателя Государственнаго Совѣта.

Церковь Маріинскаго Дворца.

Отдѣленіемъ Свода Законовъ, кромѣ постоянныхъ его трудовъ по составленію новыхъ изданій и продолженій Свода, а также по изданію очередныхъ томовъ Полнаго Собранія Законовъ, въ 1906 году были изданы: Основные Государственные Законы, Учрежденіе Государственнаго Совѣта, Учрежденіе Государственной Думы, Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу и Правила о порядкѣ разсмотрѣнія государственной росписи доходовъ и расходовъ, а равно о производствѣ изъ казны расходовъ, росписью не предусмотрѣнныхъ. Кромѣ того, составлены: сводное Продолженіе 1906 года къ Своду Законовъ (въ пяти частяхъ) и новыя, выпущенныя совмѣстно съ этимъ Продолженіемъ, изданія нѣкоторыхъ частей Свода. Въ это Продолженіе и въ упомянутыя изданія внесены узаконенія, обнародованныя въ Собраніи узаконеній и распоряженій правительства до 1 Іюля 1906 года, а также тѣ изъ обнародованныхъ послѣ этого срока мнѣній Государственнаго Совѣта, Высочайшее утвержденіе которыхъ состоялось по 26 Апрѣля 1906 года включительно. Такимъ образомъ,

Продолженіе 1906 года имѣло цѣлью кодификацію узаконеній, изданныхъ въ прежнемъ законодательномъ порядкѣ.

Одновременно съ Продолженіемъ 1906 года Государственною Канцеляріею былъ изготовленъ Сборникъ постановленій, изданныхъ въ порядкѣ статьи 87 Основныхъ Государственныхъ Законовъ. Этотъ Сборникъ имѣетъ цѣлью: 1) объединить въ одномъ изданіи постановленія, состоявшіяся въ указанномъ порядкѣ въ теченіе 1906 и 1907 годовъ, и 2) указать тѣ перемѣны, которыя были внесены этими временными постановленіями въ правила дѣйствующаго законодательства.

Кромѣ указанныхъ трудовъ Отдѣленія Свода Законовъ, въ 1907 году напечатано дополненіе къ изданному еще въ 1900 году труду Помощника Статсъ-Секретаря *Н. Н. Корево:* «Объ изданіяхъ законовъ Россійской Имперіи», а также изданы утвержденныя Государственнымъ Секретаремъ 25 Октября 1907 года «Формы, соблюдаемыя въ продолженіяхъ и новыхъ изданіяхъ Свода Законовъ» и «Порядокъ кодификаціонныхъ работъ по Своду Законовъ».

Въ отношеніи работъ по архиву Государственнаго Совѣта управляющій архивомъ *С. А. Панчулидзевъ* представилъ Государственному Секретарю, въ концѣ 1903 года, докладъ, въ которомъ предлагалъ закончить по прежней системѣ печатаніе дѣлъ Государственнаго Совѣта за время царствованія Императора Александра I и затѣмъ перейти къ другой системѣ, а именно—издавать: 1) «Опись дѣламъ архива Государственнаго Совѣта» со времени его учрежденія и 2) «Сборникъ архива Государственнаго Совѣта», который заключалъ бы въ себѣ наиболѣе выдающіяся дѣла со времени вступленія на Престолъ Императора Николая I. Эти предположенія были разсмотрѣны въ Особомъ Совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ Государственнаго Секретаря, которое признало необходимымъ прежде всего приступить къ изданію Описи. Въ послѣдующіе затѣмъ годы это изданіе было начато и доведено до 1850 года. Что касается изданія

Сборника, то вопросъ объ его содержаніи и способѣ составленія подлежитъ еще дальнѣйшему обсужденію.

Наконецъ, въ области собственно хозяйственнаго управленія Государственной Канцеляріи за послѣдніе годы слѣдуетъ отмѣтить работы по переустройству Маріинскаго Дворца. Подъ руководствомъ особой Высочайше учрежденной 4 Іюля 1906 года Коммисіи, состоявшей, подъ предсѣдательствомъ Государственнаго Секретаря, изъ Товарища его, чиновъ Государственной Канцеляріи и представителей Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ, а также Государственнаго Контроля, при строителѣ, архитекторѣ Высочайшаго Двора Л. Н. Бенуа, эти работы велись съ такимъ разсчетомъ, чтобы ко времени возобновленія своихъ занятій послѣ лѣтняго перерыва 1908 года Государственный Совѣтъ могъ располагать, вмѣсто временно нанимавшагося для него зала Дворянскаго Собранія, собственнымъ помѣщеніемъ въ Маріинскомъ Дворцѣ, вполнѣ приспособленнымъ для Общихъ Собраній Совѣта, а также и для засѣданій отдѣльныхъ группъ его Членовъ. Эта задача и была выполнена къ 15 Октября 1908 года.

Одновременно съ переустройствомъ Маріинскаго Дворца начаты были, по мысли Начальника Государственной Типографіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника *В. А. Чунихина*, работы по возведенію для Типографіи новаго обширнаго зданія, оказавшагося необходимымъ въ виду постояннаго расширенія дѣятельности Типографіи, обслуживающей, по Высочайшему повелѣнію, также и Государственную Думу. Зданіе это возводится, подъ руководствомъ Высочайше учрежденной 24 Октября 1906 года Коммисіи подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта, управляющаго Отдѣленіемъ личнаго состава и общихъ дѣлъ, на пріобрѣтенномъ для Типографіи, съ Высочайшаго соизволенія, участкѣ земли на Петербургской Сторонѣ. В. А. Чунихину, который, за время своего управленія Типографіею, значительно развилъ и улучшилъ ея дѣятельность, не суж-

дено было дожить до осуществленія его завѣтнаго желанія: онъ скончался 22 Апрѣля 1909 года.

---

1 Января 1909 года барону Ю. А. Икскулю фонъ-Гильденбандту Высочайше повелѣно быть Членомъ Государственнаго Совѣта и преемникомъ его на посту Государственнаго Секретаря назначенъ Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Сенаторъ, тайный совѣтникъ Александръ Александровичъ *Макаровъ*, причемъ за нимъ было сохранено предсѣдательствованіе въ учрежденной при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Коммисіи по реформѣ полиціи; 14 Января 1909 года А. А. Макаровъ былъ назначенъ, кромѣ того, Членомъ Алексѣевскаго Главнаго Комитета по призрѣнію дѣтей лицъ, погибшихъ въ войну съ Японіей.

Подводя итоги вѣковой службѣ Государственной Канцеляріи, нельзя не признать, что среди высшихъ государственныхъ установленій минувшаго вѣка Государственная Канцелярія съ самаго своего учрежденія заняла и въ теченіе цѣлаго столѣтія сохраняла выдающееся положеніе. По мысли перваго Государственнаго Секретаря, Сперанскаго, въ трудахъ Государственной Канцеляріи находили окончательное выраженіе и завершеніе предначертанія правительства, соображенныя Государственнымъ Совѣтомъ. Соотвѣтственно этой высокой цѣли, первою и ближайшею обязанностью Канцеляріи являлось всестороннее освѣщеніе каждаго изъ предлежавшихъ Государственному Совѣту дѣлъ всѣми необходимыми свѣдѣніями, справками и соображеніями. Успѣшное исполненіе этой обязанности требовало отъ Канцеляріи подробнаго, обстоятельнаго разсмотрѣнія всѣхъ дѣлъ и точнаго выясненія ихъ значенія въ нашемъ

законодательствѣ. Такая задача представляла нерѣдко весьма значительныя трудности, какъ по сложности поступавшихъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта законопроектовъ, такъ и по чрезвычайному ихъ разнообразію.

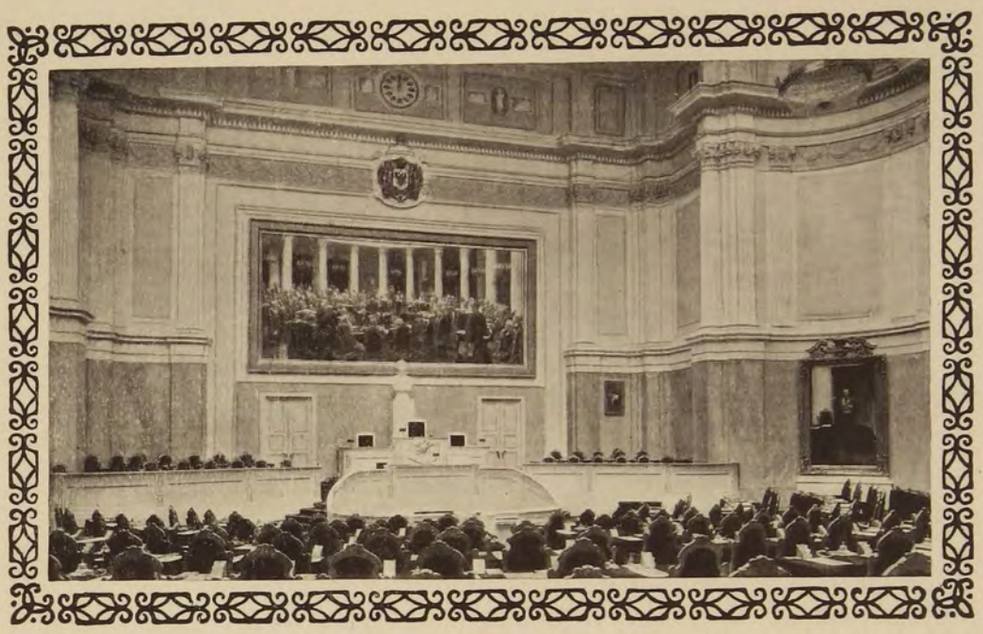
Отъ общихъ началъ государственнаго устройства и управленія до мельчайшихъ техническихъ подробностей, отъ разсчетовъ на сотни милліоновъ до вычисленій на копѣйки, все, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, требовало себѣ доступа въ Государственный Совѣтъ. Кромѣ того, дѣла поступали на разсмотрѣніе Совѣта не въ какой-либо опредѣленной постепенности, а въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ, отражавшихъ на себѣ прихотливыя требованія жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вопросы, разработывавшіеся въ вѣдомствахъ годами, при участіи или непосредственнымъ трудомъ спеціалистовъ, здѣсь требовали разрѣшенія, по большей части, безотлагательнаго.

Результаты сложнаго труда, въ видѣ письменныхъ справокъ и соображеній, сообщавшихся Государственною Канцеляріею Членамъ Государственнаго Совѣта, или въ видѣ устныхъ докладовъ Статсъ-Секретарей Предсѣдателямъ подлежащихъ Департаментовъ и Государственнаго Секретаря—Предсѣдателю Государственнаго Совѣта, всегда облегчали обсужденіе дѣлъ въ Совѣтѣ, получавшемъ возможность внимательно разобраться во всѣхъ подробностяхъ самаго сложнаго вопроса, и содѣйствовали надлежащему ихъ направленію.

По разсмотрѣніи дѣла въ засѣданіи Государственнаго Совѣта наступала очередь другой, еще болѣе важной работы Государственной Канцеляріи: ей предстояло придать письменную форму какъ высказаннымъ въ средѣ Государственнаго Совѣта сужденіямъ, нерѣдко весьма разнорѣчивымъ, такъ и окончательному заключенію, излагавшемуся въ томъ видѣ, въ какомъ оно должно было обратиться въ законъ.

Въ этомъ отношеніи исконнымъ руководящимъ началомъ, которое всегда строго соблюдалось Государственною

Канцеляріею, являлось полное безпристрастіе въ изложеніи мнѣній, иногда совершенно одно другому противоположныхъ. Эта строгая объективность изложенія дѣлъ, повергаемыхъ на Высочайшее благовоззрѣніе, обусловливалась, конечно,

Новый залъ Общаго Собранія.

самымъ существомъ обязанностей Государственной Канцеляріи. Журналъ Государственнаго Совѣта и составленная на основаніи его меморія должны были представить Верховному Законодателю отчетливое, полное и безусловно точное объясненіе того, какимъ образомъ Государственный Совѣтъ исполнилъ возложенную на него задачу, какіе вопросы и соображенія были приняты имъ во вниманіе при всестороннемъ разсмотрѣніи предлежавшаго ему дѣла и какое освѣщеніе получили они въ сужденіяхъ Совѣта.

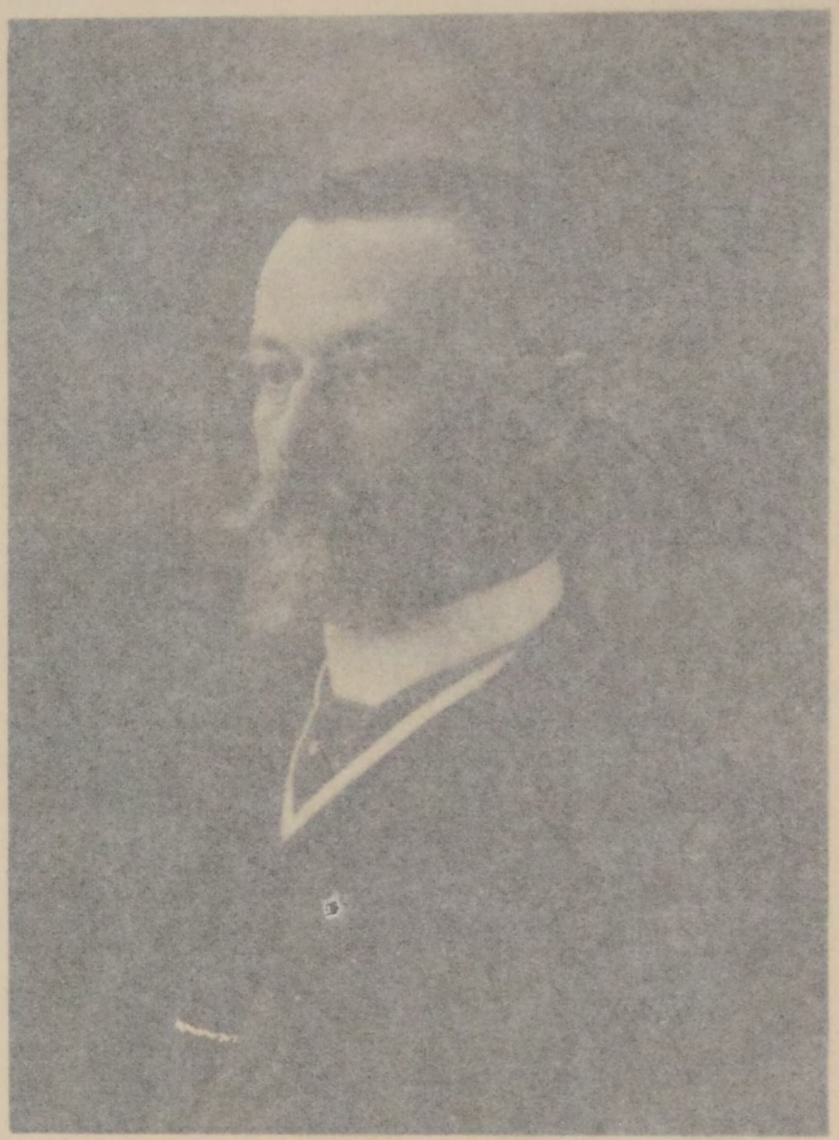
Независимо отъ безпристрастія, изложеніе журналовъ Государственнаго Совѣта должно было отличаться еще особою точностью выраженій. Журналы эти, вѣрно отражая въ себѣ тѣ взгляды, которыми руководствовались ближайшіе совѣтники Верховной Власти при обсужденіи законодательныхъ

предположеній, должны были служить надежнымъ источникомъ правильнаго уразумѣнія и истолкованія законовъ. Поэтому изложеніе законодательныхъ мотивовъ требовало самой строгой внимательности: здѣсь необходимо было взвѣшивать каждое предложеніе, каждое слово, и все должно было быть приведено въ логически стройную и ясную систему.

Слѣдовавшее затѣмъ исполненіе Высочайше утвержденныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта, въ видѣ сообщенія ихъ подлежащимъ вѣдомствамъ, требовало особой быстроты и полной тщательности, необходимыхъ при первостепенной важности этихъ актовъ.

Кромѣ этой постоянной, такъ сказать, нормальной работы, возложенной на Государственную Канцелярію при самомъ ея образованіи, ей почти непрерывно приходилось нести особые труды по дѣлопроизводству, нерѣдко весьма сложному, тѣхъ многочисленныхъ Комитетовъ, Коммисій и Совѣщаній, которые такъ часто учреждались въ средѣ Государственнаго Совѣта или въ тѣснѣйшей съ нимъ связи. Очень многіе изъ этихъ трудовъ имѣютъ весьма важное историческое значеніе. Достаточно указать на работы Государственной Канцеляріи по крестьянскому дѣлу, по судебной реформѣ Императора Александра II, по разработкѣ положенія о земскихъ учрежденіяхъ, таможеннаго тарифа, гербоваго и вексельнаго уставовъ, уголовнаго уложенія 1903 года и, въ самое послѣднее время,—труды по дѣлопроизводству особыхъ Совѣщаній, вызванныхъ преобразованіемъ нашего законодательнаго строя.

Наконецъ, со времени учрежденія, въ 1894 году, въ составѣ Государственной Канцеляріи Отдѣленія Свода Законовъ, на обязанности Канцеляріи лежитъ сложный, кропотливый и весьма отвѣтственный трудъ кодификаціи вновь издаваемыхъ узаконеній, требующій строгаго соблюденія установленныхъ формъ, ибо формы, по выраженію Императора Николая I, «суть часовые закона».

А. А. Макаровъ.

предположеній, должны были служить надежнымъ источникомъ правильнаго уразумѣнія и истолкованія законовъ. Поэтому изложеніе законодательныхъ мотивовъ требовало самой строгой внимательности: здѣсь необходимо было взвѣшивать каждое предложеніе, каждое слово, и все должно было быть приведено въ логически стройную и ясную систему.

Слѣдовавшее затѣмъ исполненіе Высочайше утвержденныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта, въ видѣ сообщенія ихъ подлежащимъ вѣдомствамъ, требовало особой быстроты и полной тщательности, необходимыхъ при первостепенной важности этихъ актовъ.

Кромѣ этой постоянной, такъ сказать, нормальной работы, возложенной на Государственную Канцелярію при самомъ ея образованіи, ей почти непрерывно приходилось нести особые труды по дѣлопроизводству, нерѣдко весьма сложному, тѣхъ многочисленныхъ Комитетовъ, Коммисій и Совѣщаній, которые такъ часто учреждались въ средѣ Государственнаго Совѣта или въ тѣснѣйшей съ нимъ связи. Очень многіе изъ этихъ трудовъ имѣютъ весьма важное историческое значеніе. Достаточно указать на работы Государственной Канцеляріи по крестьянскому дѣлу, по судебной реформѣ Императора Александра II, по разработкѣ положенія о земскихъ учрежденіяхъ, таможеннаго тарифа, гербоваго и вексельнаго уставовъ, уголовнаго уложенія 1903 года и, въ самое послѣднее время,—труды по дѣлопроизводству особыхъ Совѣщаній, вызванныхъ преобразованіемъ нашего законодательнаго строя.

Наконецъ, со времени учрежденія, въ 1894 году, въ составѣ Государственной Канцеляріи Отдѣленія Свода Законовъ, на обязанности Канцеляріи лежитъ сложный, кропотливый и весьма отвѣтственный трудъ кодификаціи вновь издаваемыхъ узаконеній, требующій строгаго соблюденія установленныхъ формъ, ибо формы, по выраженію Императора Николая I, «суть часовые закона».

А. А. Макаровъ.

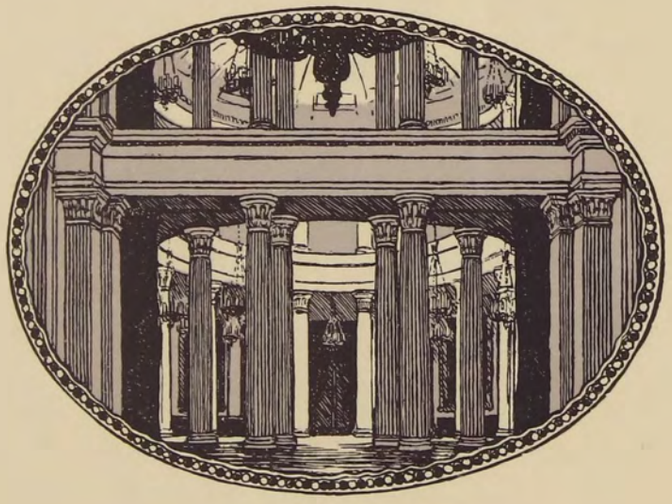
По мѣрѣ того, какъ постепенно увеличивалось число дѣлъ, подлежавшихъ вѣдѣнію высшаго законосовѣщательнаго установленія, усложнялась и работа Государственной Канцеляріи, касавшаяся почти всѣхъ сторонъ законодательной, административной, судебной и хозяйственной дѣятельности обширной Имперіи. Труды Государственной Канцеляріи по предварительному соображенію и подготовленію къ докладу вѣдомственныхъ проектовъ вызывали иногда нареканія со стороны лицъ, стоявшихъ во главѣ того или иного вѣдомства. Такія нареканія, доходившія, по временамъ, и до Высочайшаго свѣдѣнія, особенно проявлялись въ пору горячей созидательной работы правительства, въ которой Государственная Канцелярія принимала самое энергичное участіе. Такъ было при самомъ началѣ дѣятельности Государственной Канцеляріи, когда она стояла въ центрѣ преобразовательныхъ начинаній Сперанскаго, прерванныхъ грозными событіями Отечественной войны; такъ было и во второй половинѣ столѣтія, когда, по волѣ Императора Александра II, началась широкая работа нашего государственнаго и общественнаго обновленія. Но эти нареканія скоро смолкали передъ очевидными доказательствами полнаго безпристрастія, служившаго всегда основнымъ началомъ трудовъ Государственной Канцеляріи. Недаромъ пять Монарховъ, внимательно и строго слѣдя за ходомъ ея занятій, относились къ ея дѣятелямъ съ неизмѣннымъ высокимъ довѣріемъ, въ которомъ чины Канцеляріи почерпали бодрость для дальнѣйшаго своего служенія.

Въ теченіе вѣкового существованія Государственной Канцеляріи въ ея многосложныхъ занятіяхъ прочно установились традиціи строгаго и точнаго исполненія служебныхъ обязанностей, проникнутаго живымъ интересомъ къ своему дѣлу, и безусловнаго уваженія къ святости закона. Въ этихъ традиціяхъ воспитался цѣлый рядъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, для которыхъ служба въ Государственной Канцеляріи являлась подготовительною школою

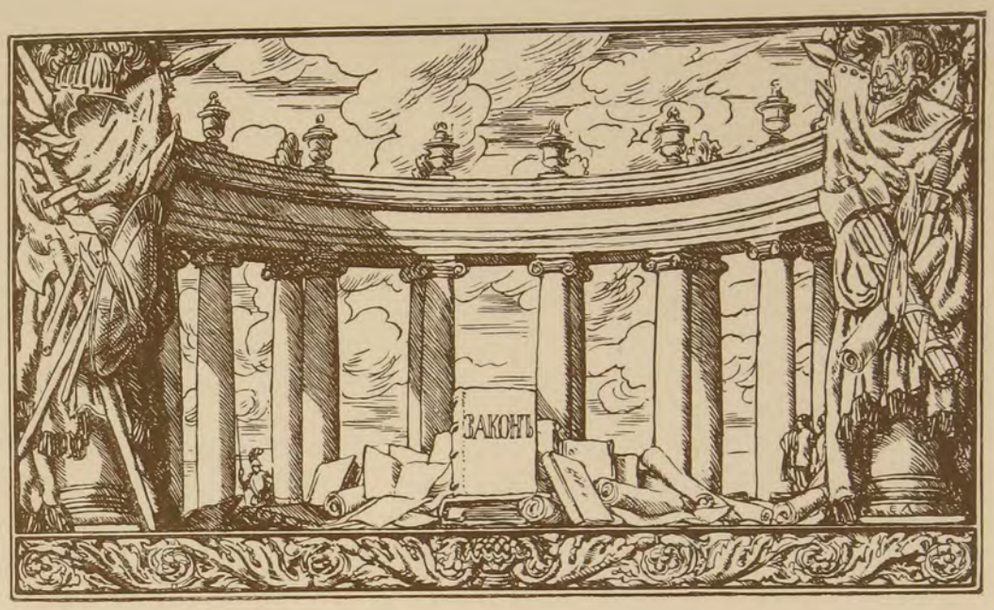
къ занятію высшихъ должностей въ различныхъ отрасляхъ управленія.

Съ преобразованіемъ нашего законодательнаго строя условія дѣятельности Государственной Канцеляріи подверглись нѣкоторому измѣненію, но существо этой дѣятельности и ея основной характеръ остались тѣ же, что и прежде.

Эти новыя условія не разрываютъ крѣпкой связи современной Государственной Канцеляріи съ ея историческимъ прошлымъ, которое даетъ ей право съ гордостью взирать на вѣковой путь, пройденный ею подъ славнымъ знаменемъ вѣрной службы Царю и Родинѣ. Несомнѣнно, что соблюденіе завѣтовъ минувшаго послужитъ для чиновъ Государственной Канцеляріи лучшимъ залогомъ дальнѣйшей плодотворной служебной дѣятельности въ наступающемъ новомъ столѣтіи.

Примѣчанія.

Примѣчанія.

[1] Экспедиторами были: по части иностранной и коммерческой—д. с. с. Ѳед. Ив. Энгель (съ 1810 г.—Статсъ-Секретарь Департамента Государственной Экономіи, 1821—Сенаторъ, 1828—Членъ Государственнаго Совѣта, ум. 1837); помощники его: кол. сов. Ег. Ант. Энгельгардтъ (впослѣдствіи, 1816—1823—Директоръ Царскосельскаго Лицея, ум. 1862), кол. сов. Ѳед. Петр. Львовъ (впослѣдствіи—помощникъ Статсъ-Секретаря Департамента Государственной Экономіи, 1827—и. д. Статсъ-Секретаря, увол. 1833); по военной части—ген.-маіоръ кн. Пав. Дм. Циціановъ, съ званіемъ Статсъ-Секретаря Его Величества (въ томъ же 1801 г. выбылъ въ военную службу; убитъ 1806 г. въ Грузіи); помощники: военный сов. Ник. Лѣсницкій и адм.-коллегіи совѣтникъ Вас. Семивскій; по гражданской и духовной части—ст. сов. Петръ Ив. Аверинъ; въ Апрѣлѣ 1801 г. былъ назначенъ Оберъ-Прокуроромъ III Департамента Сената, а его мѣсто занялъ Статсъ-Секретарь Его Императорскаго Величества, статскій совѣтникъ (съ 9 Іюня 1802 г.—д. с. с.) М. М. Сперанскій, который сохранилъ за собою должность экспедитора и послѣ назначенія, въ томъ же году, на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и продолжалъ быть экспедиторомъ и по выходѣ изъ этого Министерства въ 1807 г. Помощниками его были: коммерціи сов. Серебряковъ (въ 1802 перемѣщенъ на службу въ М-во Внутр. Дѣлъ), надв. сов. Вас. Андр. Слободской (1810—Пом. Ст.-Секр. Д-та Гражд. и Дух. Дѣлъ, 1827—тайн. сов., и. д. Ст.-Секретаря, 1829—Членъ Коммисіи Прошеній) и надв. сов. Петръ Андр. Словцовъ. По хозяйственной части—д. с. с. А. Н. Оленинъ, съ званіемъ Статсъ-Секретаря Его Величества (1810—Ст.-Секр. Д-та Гражд. и Дух. Дѣлъ, 1814—и. д. Госуд. Секретаря, 1826—Госуд. Секретарь, 1827—Членъ Гос. Совѣта, ум. 1843); помощ-

ники: ст. сов. Гавр. Ив. Политковскій, надв. сов. Ив. Колосовъ, Зах. Посниковъ, Пав. Меркурьевъ, Ниловъ. Правителемъ канцеляріи по всѣмъ частямъ ея былъ д. с. с. Ив. Андр. Вейдемейеръ, находившійся ранѣе, до кончины Императрицы Екатерины II, «при Совѣтѣ у исправленія дѣлъ» (съ 5 Марта 1806 г.—Сенаторъ, съ оставленіемъ въ занимаемой должности, 1810—Членъ Гос. Совѣта, ум. 1816 г.).

[2] По Наказу 1801 г. въ Совѣтѣ составлялись двѣ книги: въ первую, подъ названіемъ главныхъ государственныхъ постановленій, должны были вноситься всѣ постановленія «коренныя и непремѣнныя», а во вторую, подъ названіемъ государственныхъ временныхъ учрежденій,— «всѣ установленія, на извѣстное время, случай или обстоятельство простирающіяся».

[3] Дѣло М-ва Юст. 1805 г. № 2897; Русская Старина 1899, т. 97, стр. 400.

[4] «Я, нижепоименованный, бывъ опредѣленъ въ Государственную Канцелярію, обѣщаюсь предъ лицемъ Всевидящаго Бога и обязуюсь всѣми священными клятвами вѣрности и чести исполнять возложенную на меня должность по крайнему моему разумѣнію и силѣ, и въ поручаемыхъ мнѣ дѣлахъ сохраняя все, что къ ясности и истинному представленію существа ихъ относиться можетъ, соблюдать всѣ разсужденія и положенія Государственнаго Совѣта, и даже самыя первыя начала входящихъ на уваженіе его дѣлъ, въ глубокой тайнѣ и молчаніи, во увѣреніе чего своеручно подписуюсь».

[5] Авторомъ ея былъ, по всей вѣроятности, А. Н. Оленинъ. Рисунки мундировъ и шитья были исполнены художникомъ 14-го класса Шустовымъ.

[6] Сперанскій принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ управленія только-что присоединеннаго къ Россіи Великаго Княжества Финляндскаго и былъ, между прочимъ, Канцлеромъ Абоскаго университета.

[7] Впослѣдствіи бывшій Министромъ Финансовъ.

[8] Баронъ М. А. Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго, Спб. 1861, т. I, стр. 157—159.

[9] Тамъ же, стр. 130, прим.

[10] Русская Старина 1901, т. 108, стр. 30—31.

[11] Корфъ, назв. соч. I, 202—203.

[12] Тамъ же, II, 380.

[13] Россія и Русскіе, Николая Тургенева. Первое русское изданіе, М. 1907. Часть первая, стр. 87.

[14] Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ, т. II, ч. 1, стр. 3.

[15] Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 90, стр. 9.

[16] Тамъ же, стр. 29.

[17] Тамъ же, стр. 63, прим.

[18] П. А. Кубасовъ, въ Русскомъ Біографическомъ Словарѣ, Спб. 1905, стр. 218.

[19] В. Г. Щегловъ. Государственный Совѣтъ въ Россіи. Ярославль 1903, стр. 74.

[20] Примѣры подобныхъ назначеній:

Камеръ-юнкеръ Высочайшаго Двора А. С. Танѣевъ (занимавшій впослѣд-

ствіи должность Управляющаго I Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи) въ 1813 г. былъ, по Высочайшему повелѣнію, назначенъ Помощникомъ Статсъ-Секретаря; но все время, пока числился на службѣ въ этой должности, состоялъ при военно-походной канцеляріи графа Аракчеева и вмѣстѣ съ нимъ сопровождалъ Государя въ заграничныхъ Его путешествіяхъ.

Губернскій Секретарь Найманов скій, бывшій въ Витебской гимназіи учителемъ французскаго языка, служилъ потомъ въ Министерствахъ Внутр. Дѣлъ и Полиціи, въ Сенатской типографіи, въ Провіантскомъ Департаментѣ, въ Инспекторскомъ Департаментѣ Военнаго Министерства; затѣмъ, по приказанію графа Аракчеева, пріискивая въ разныхъ Министерствахъ мѣста, не нашелъ вакансіи, которую бы ему занять можно было; адресуясь же къ г. Статсъ-Секретарю Оленину, узналъ, что ему можно быть помѣщеннымъ въ число канцелярскихъ чиновниковъ по Государственному Совѣту. Вслѣдствіе сего, дабы воспользоваться Всемилостивѣйшимъ снисхожденіемъ Государя Императора, испрашивалъ при помѣщеніи своемъ такого жалованья, которымъ могъ бы онъ безбѣдно содержать большое свое семейство (жена его была инспектрисой Маріинскаго Института; по формулярному списку дѣтей не значилось). Резолюція Аракчеева: «Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: опредѣлить въ Государственную Канцелярію съ жалованьемъ по 1.000 р. въ годъ. Царское Село, 7 Августа 1816 г.».

Слѣдуетъ отмѣтить еще одинъ, характерный для того времени, случай Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, свѣтлѣйшій князь Н. И. Салтыковъ, поручилъ Оленину доложить Государю, что Сенаторъ Петръ Петровичъ Митусовъ всеусерднѣйше проситъ объ опредѣленіи сына его, камеръ-юнкера и надворнаго совѣтника Григорія Митусова, въ Государственную Канцелярію, на должность Помощника Статсъ-Секретаря, и что князь присоединяетъ просьбу свою ко всеподданнѣйшей просьбѣ г. Митусова. По докладѣ объ этомъ, Государь потребовалъ послужной списокъ Митусова (которому въ ту пору былъ всего 21 годъ отъ роду) и списокъ чиновъ Государственной Канцеляріи. Затѣмъ докладная записка Оленина была ему возвращена съ слѣдующею резолюціею графа Аракчеева: «Его Императорское Величество не соизволяетъ на опредѣленіе въ Совѣтъ въ должность Помощника Статсъ-Секретаря; а соизволяетъ принять въ письмоводители по Совѣту. 14 Іюня 1816 г.» Сенаторъ Митусовъ, узнавъ объ этой резолюціи, отвѣчалъ Оленину, что покойный свѣтлѣйшій князь Салтыковъ, зная хорошо его сына, желалъ покровительствовать ему и, опредѣливъ по Государственной Канцеляріи, оставить для исправленія дѣлъ при себѣ; «а какъ сей счастливѣйшій для сына моего случай прекратился кончиною свѣтлѣйшаго князя, то нынѣ я за полезнѣйшее почитаю и желаю остаться сыну моему при Сенатѣ, гдѣ онъ, подъ моимъ попечительствомъ занимаясь дѣлами, сдѣлалъ навыкъ, а наипаче съ тѣхъ поръ, когда опредѣленъ Помощникомъ Оберъ-Секретаря».

[21] «Я, нижеподписавшійся, объявляю, что я принадлежалъ къ ложѣ, которая существовала здѣсь подъ наименованіемъ Гарпократа, подъ управленіемъ великаго мастера Федора Петровича Фреза, и посѣщалъ оную въ 1787 и 1788 годахъ. По отъѣздѣ моемъ въ чужіе края въ семъ послѣднемъ году, я ни къ какой ложѣ Масонской или тайному Обществу ни въ Имперіи, ни

внѣ оной, не принадлежалъ, никакихъ съ онымъ сношеній не имѣлъ и никакихъ ложъ или Обществъ тайныхъ нигдѣ не посѣщалъ; и что, на основаніи послѣдовавшаго повелѣнія, обязываюсь я отнынѣ впредь никакимъ ложамъ или тайнымъ Обществамъ, какъ въ Имперіи, такъ и внѣ ея находиться могущимъ, не принадлежать и никакихъ сношеній съ ними не имѣть. В. Кочубей».

Здѣсь, кстати, можно привести представляющія историческій интересъ подписки Сперанскаго и Н. И. Тургенева.

«Я, нижеподписавшійся, симъ объявляю, что я ни къ какой Масонской ложѣ и ни къ какому тайному Обществу, ни внутри Имперіи, ни внѣ ея, не принадлежу и впредь принадлежать ни буду. Сіе объявленіе относится не токмо къ настоящему, но и ко всему прошедшему времени, съ слѣдующимъ изъятіемъ: въ 1810 году, по случаю разсмотрѣнія Масонскихъ дѣлъ въ особо учрежденномъ отъ Правительства Комитетѣ, коего я былъ Членомъ, я былъ принятъ здѣсь, въ С.-Петербургѣ, съ вѣдома Правительства, въ Масонскіе обряды подъ Предсѣдательствомъ извѣстнаго доктора Фесслера въ частной домашней ложѣ, которая ни имени, ни состава, ни учрежденія, ложамъ свойственнаго, не имѣла. Посѣтивъ оную два раза, послѣ того, такъ какъ и прежде, нигдѣ, ни въ какой ложѣ, ни тайномъ Обществѣ я не бывалъ и къ онымъ не принадлежалъ. Тайный Совѣтникъ М. Сперанскій. Въ С.-Петербургѣ, 11 Сентября 1822 года».

«Я, нижеподписавшійся, объявляю, что я принадлежалъ въ 1814 году къ ложѣ подъ названіемъ Желѣзнаго Креста, основанной во время войны различными прусскими чиновниками и уничтоженной по окончаніи войны. Принятъ же я былъ вольнымъ каменьщикомъ въ 1811 году, въ Парижѣ, въ ложѣ подъ названіемъ: Point Parfait. Къ другимъ тайнымъ Обществамъ не принадлежалъ, и что, на основаніи послѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія, обязываюсь я отнынѣ впредь ни къ сей ложѣ и ни къ какимъ другимъ ложамъ или тайнымъ Обществамъ, какъ въ Имперіи, такъ и внѣ ея находиться могущимъ, не принадлежать и никакихъ сношеній съ ними не имѣть. Статскій Совѣтникъ Н. Тургеневъ».

[22] Записки, мнѣнія и переписка Адмирала А. С. Шишкова, Берл. 1876, т. II, стр. 109—133.

[23] Россія и русскіе, Н. Тургенева, ч. 1, Спб. 1907, стр. 73—88.

[24] Совмѣщеніе въ одномъ лицѣ нѣсколькихъ должностей было въ то время обычнымъ явленіемъ. Помощники Статсъ-Секретаря и по закону (впрочемъ, не всегда точно соблюдавшемуся, а со второй половины 20-хъ годовъ и совсѣмъ не имѣвшему примѣненія) назначались изъ вице-директоровъ или директоровъ министерскихъ Департаментовъ, съ оставленіемъ въ прежней должности; такъ, напр., Бижечъ былъ директоромъ Канцеляріи Военнаго Министра, Журавлевъ—въ 1815 г. начальникомъ Департамента Государственныхъ Имуществъ, а въ 1817 г.—директоромъ Департамента Министерства Юстиціи; Баккаревичъ—директоромъ Департамента Министерства Полиціи; А. И. Тургеневъ—директоромъ Канцеляріи Главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій; Н. И. Тургеневъ—управляющимъ отдѣленіемъ Канцеляріи Министра Финансовъ. Младшіе чины Государственной Канцеляріи точно также занимали нерѣдко платныя должности въ другихъ вѣдомствахъ.

[25] Разумовъ былъ женатъ, какъ видно изъ документовъ, съ 1809 года на «вольной дѣвицѣ» Евгеніи Александровой. Она была неграмотна.

[26] В. Г. Щегловъ, Государственный Совѣтъ въ Россіи, стр. 53—55.

[27] При Императорѣ Александрѣ I существовала Собственная Государева Канцелярія, которою управлялъ Статсъ-Секретарь Никита Назарьевичъ Муравьевъ. По удаленіи Аракчеева, съ вступленіемъ на Престолъ Императора Николая I, Муравьевъ былъ поставленъ въ непосредственныя отношенія къ Государю и управлялъ тою же Канцеляріею, которая въ 1826 г., за учрежденіемъ II Отдѣленія, получила наименованіе I Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

[28] Русская Старина 1898, т. 96, стр. 594.

[29] Тамъ же, 1896, т. 86, стр. 300—301.

[30] Тамъ же, 1899, т. 98, стр. 391—395.

[31] Тамъ же, 1896, т. 86, стр. 301—302.

[32] Тамъ же, 1898, тт. 95 и 96.

[33] Оба они служили въ Военномъ Министерствѣ.

[34] Русская Старина 1896, т. 86, стр. 304—307.

[35] Рѣчь князя С. Н. Урусова въ засѣданіи Соединенныхъ Департаментовъ 10 Января 1876 г. «Государственный Совѣтъ 1801—1901» (составлено въ Государственной Канцеляріи, Спб. 1901), стр. 77.

[36] Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 98, стр. 101.

[37] Русская Старина 1899, 1900, 1904.

[38] Тамъ же, 1899, т. 98, стр. 528—529.

[39] Тамъ же.

[40] Тамъ же, 1904, т. 117, стр. 281.

[41] Тамъ же, 1898, т. 96, стр. 607—608.

[42] Этотъ очеркъ былъ переданъ барономъ Корфомъ Туманскому и, вѣроятно, имъ не возвращенъ: въ архивѣ Государственнаго Совѣта въ настоящее время его нѣтъ.

[43] «Опытъ исторіи Государственнаго Совѣта въ Россіи. Часть I. 1769—1801. Совѣтъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II и Императора Павла I». Напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1903, № 9, по сообщенію графа Г. А. Милорадовича, которому Туманскій приходился двоюроднымъ дядей.

[44] Башуцкій очень много писалъ въ журналахъ. Онъ сотрудничалъ въ «Сѣверной Пчелѣ», «Сынѣ Отечества» временъ Полевого, «Библіотекѣ для Чтенія», «Пантеонѣ»; въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1835 по 1840, издавалъ «Журналъ общеполезныхъ свѣдѣній»; въ 1848 г. пріобрѣлъ у Кукольника «Иллюстрацію» и велъ ее около двухъ лѣтъ. Подписка была очень плоха, платить сотрудникамъ было нечѣмъ, и Башуцкій почти одинъ наполнялъ всю газету.

[45] Русская Старина 1899, т. 100, стр. 30—31.

[46] П. М. Майковъ. Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Спб. 1906, стр. 417.

[47] Вотъ, для примѣра, нѣсколько относящихся къ этому предмету параграфовъ:

§ 56. По окончаніи присутствія въ Общемъ Собраніи журналы и дѣла, по коимъ состоялись утвердительныя резолюціи и которые притомъ не нужны

Департаментамъ для заготовленія бумагъ къ Собственноручному Высочайшему утвержденію, отдаются въ меморіальную часть; прочіе же вмѣстѣ съ совѣтскими производствами возвращаются по принадлежности въ Отдѣленія, для заготовленія проектовъ журналовъ и приложеній къ меморіямъ.

§ 57. Проекты сіи и приложенія представляются Государственному Секретарю вчернѣ, вмѣстѣ съ журналами Департаментовъ и производствами Совѣта, не далѣе, какъ на другой, а проекты болѣе обширные—на третій или на четвертый день послѣ засѣданія, т. е. ни въ какомъ случаѣ не позже четверга, если засѣданіе было въ понедѣльникъ, дабы Государственный Секретарь имѣлъ время, просмотрѣвъ проекты журналовъ, снестись, буде окажется нужнымъ, съ тѣмъ изъ Членовъ или Министровъ, мнѣніе котораго принято Совѣтомъ. Изъ сего правила допускается изъятіе по дѣламъ столь обширнымъ, что представляется явная невозможность изготовить проектъ журнала въ вышеозначенный срокъ. По такимъ дѣламъ Государственный Секретарь назначаетъ для представленія проекта срокъ болѣе продолжительный.

§ 64. Меморія Общаго Собранія въ первую послѣ подписанія журналовъ субботу должна быть представлена Государственному Секретарю управляющимъ Отдѣленіемъ Дѣлъ... Посему экспедиторъ обязанъ доставить ее управляющему Отдѣленіемъ не позже четверга...

§ 66. По прочтеніи и исправленіи меморіи, она, вмѣстѣ со всѣми слѣдующими къ оной приложеніями, представляется Государственному Секретарю за два дня до поднесенія на Высочайшее утвержденіе, а именно, не позже 4-хъ часовъ субботы, если засѣданіе было въ понедѣльникъ.

[48] Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 98, стр. 101—286.

[49] Полное Собраніе Законовъ, 1827, Окт. 14 (1469) и 1834, Янв. 24 (6739).

[50] Русская Старина 1900, т. 102, стр. 269—271.

[51] «Достопамятныя минуты въ жизни», записки бывшаго Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ А. И. Левшина, Русскій Архивъ 1885, № 8.

[52] Русская Старина 1906, т. 125, стр. 15—16.

[53] По правиламъ, дѣйствовавшимъ съ 1853 года, Государственный Секретарь имѣлъ право ежегодно представлять къ наградамъ 8 чиновниковъ и сверхъ того, двухъ внѣ правилъ.

[54] Степанъ Михайловичъ Жуковскій, изъ дворянъ Витебской губерніи, р. 1818 г. По окончаніи курса въ Спб. Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ вступилъ въ службу въ Царствѣ Польскомъ въ 1835 г.; въ 1838 г. переведенъ въ Канцелярію Комитета Министровъ, а въ 1845 г.—въ Государственную Канцелярію, гдѣ съ 1847 г. былъ экспедиторомъ, съ 1853 г.—Помощникомъ Статсъ-Секретаря, а съ 1856 г.—и. д. Статсъ-Секретаря Департамента Дѣлъ Царства Польскаго. За участіе въ трудахъ по крестьянскому дѣлу произведенъ въ тайные совѣтники съ пожалованіемъ 4.000 дес. земли въ Самарской губерніи; затѣмъ, 1 Января 1863 г. назначенъ Статсъ-Секретаремъ Его Императорскаго Величества, 25 Февраля 1864 г.—Управляющимъ дѣлами Комитета по дѣламъ Царства Польскаго, а въ 1869 г.—Членомъ этого же Комитета, управляющимъ дѣлами онаго. Съ 19 Февраля 1861 г. былъ Управляющимъ дѣлами Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, а въ 1869 г. назначенъ Членомъ этого Комитета, также съ управленіемъ, на прежнемъ основаніи, его дѣлами. Скончался 23 Сентября 1877 г.

[55] Константинъ Ивановичъ Домонтовичъ 19 Февраля 1861 г. былъ назначенъ Помощникомъ Управляющаго дѣлами Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія. Впослѣдствіи, съ 11 Іюля 1865 г., онъ былъ Директоромъ Департамента Окладныхъ Сборовъ, а затѣмъ—Сенаторомъ.

[56] О Михаилѣ Андреевичѣ Лохтинѣ, занимавшемъ должность экспедитора въ Отдѣленіи Дѣлъ Царства Польскаго, въ одной изъ всеподданнѣйшихъ записокъ В. П. Буткова имѣются слѣдующія свѣдѣнія:

«До поступленія на службу въ Государственную Канцелярію онъ болѣе 12 лѣтъ служилъ въ Канцеляріи Намѣстника Царства Польскаго и практически ознакомился съ законами и порядкомъ дѣлопроизводства въ Царствѣ. Спеціальныя свѣдѣнія эти, соединенныя въ основательныхъ университетскимъ образованіемъ и знаніемъ русскаго законодательства, дали ему возможность съ особымъ успѣхомъ исполнять возлагаемыя на него работы по производящимся въ Государственномъ Совѣтѣ дѣламъ Царства Польскаго, и работы эти дѣйствительно исполнялись имъ съ неутомимымъ усердіемъ, примѣрною добросовѣстностію и пользою для службы. Независимо отъ прямыхъ своихъ обязанностей по Отдѣленію Дѣлъ Царства Польскаго, Лохтинъ, сверхъ того, по особому къ нему довѣрію начальства, былъ командированъ въ Отдѣленіе Дѣлъ Государственнаго Секретаря для занятій дѣлами Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу. Всѣ возлагаемыя на него по этому Комитету работы Лохтинъ исполнялъ постоянно съ примѣрнымъ рвеніемъ и полнымъ успѣхомъ».

М. А. Лохтинъ былъ также однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ питейной реформы и 20 Іюня 1862 г. назначенъ Управляющимъ акцизными сборами Симбирской губ.

[57] Михаилъ Платоновичъ Митковъ р. 1834 г., причисленъ къ Государственной Канцеляріи въ 1853 г., затѣмъ занималъ, сверхъ штата, должности старшаго помощника экспедитора (1855), экспедитора (1858) и помощника статсъ-секретаря (1861); въ 1864 г., за участіе въ трудахъ по судебной реформѣ, награжденъ чиномъ дѣйств. ст. совѣтника; въ 1871 г., по прошенію, уволенъ въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника. Былъ долгое время однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ С.-Петербургскаго городского управленія и почетнымъ мировымъ судьею Спб. Столичнаго Мирового Съѣзда.

[58] Высочайше пожаловано 5.056 десятинъ въ Самарской губерніи.

[59] О Петрѣ Петровичѣ Семеновѣ (нынѣ — Членъ Государственнаго Совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ Семеновъ-Тяньшанскій) во всеподданнѣйшемъ докладѣ объ его причисленіи къ Государственной Канцеляріи находятся слѣдующія свѣдѣнія:

«Магистръ Семеновъ получилъ воспитаніе въ Школѣ Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, откуда въ 1845 году выпущенъ съ чиномъ коллежскаго секретаря; имя его помѣщено на мраморной доскѣ упомянутаго заведенія. Окончивъ затѣмъ курсъ въ С.-Петербургскомъ и Берлинскомъ университетахъ, пріобрѣлъ извѣстность многими учеными трудами, преимущественно по географіи и геологіи Россіи, и въ особенности—переводомъ на русскій языкъ сочиненія Риттера: «Землевѣдѣніе Азіи» и изданіемъ онаго съ обширными дополненіями. Въ 1856 и 1857 годахъ путешествовалъ онъ по средней Азіи и, по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, производилъ ученыя изслѣдованія на границахъ Китая, Малой Бухаріи и Кокандскаго хан-

ства. Во время пребыванія въ Пруссіи и Австріи и въ многократныхъ поѣздкахъ въ среднюю Россію Семеновъ постоянно занимался изученіемъ быта крестьянъ и хозяйственныхъ ихъ отношеній къ помѣщикамъ». Впослѣдствіи П. П. Семеновъ былъ Директоромъ Центральнаго Статистическаго Комитета, а затѣмъ—Сенаторомъ и Предсѣдателемъ Статистическаго Совѣта. Причисленнымъ къ Государственной Канцеляріи онъ оставался до 1883 года, а съ 1897 года состоитъ Членомъ Государственнаго Совѣта.

[60] В. П. Бутковъ отозвался, что, по его мнѣнію, слѣдовало бы выдать денежныя награды, вслѣдствіе чего Министромъ Финансовъ было испрошено Высочайшее соизволеніе на отпускъ 1.200 р., и сумма эта препровождена Государственному Секретарю для соотвѣтствующихъ выдачъ. Н. П. Шигаевъ вскорѣ послѣ того былъ назначенъ Товарищемъ Министра Финансовъ.

[61] Напечатанное курсивомъ подчеркнуто Его Величествомъ.

[62] Андрей Парѳеніевичъ Заблоцкій-Десятовскій род. 1807 г. въ небогатой дворянской семьѣ Черниговской губерніи, учился въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи и Московскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ физико-математическаго факультета и въ 1832 году получилъ степень магистра математики. Съ 1827 года занималъ должность письмоводителя университетскаго Совѣта, а въ 1832 г. перешелъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ; потомъ больше 20 лѣтъ (1838—1859) служилъ въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, стремившемся въ то время къ устройству юридически-упроченнаго и хозяйственно-обезпеченнаго быта государственныхъ крестьянъ. Какъ и самъ Министръ, графъ П. Д. Киселевъ, Заблоцкій былъ убѣжденнымъ противникомъ крѣпостного права. Въ 1841 г. онъ представилъ графу Киселеву замѣчательную свою записку «О крѣпостномъ состояніи въ Россіи», въ которой разрѣшеніе крестьянскаго вопроса было поставлено именно на ту почву, на какой оно и состоялось двадцать лѣтъ спустя. Открытіе устроенныхъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ сельскихъ школъ обнаружило недостатокъ книгъ для народнаго чтенія. Тогда, въ 1843 г., Заблоцкій, вмѣстѣ съ своимъ другомъ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, предпринялъ изданіе сборника для крестьянъ, подъ заглавіемъ: «Сельское Чтеніе», котораго въ первые же два года разошлось до 30.000 экземпляровъ. Затѣмъ въ 1849 г. онъ издалъ составленные при участіи князя Одоевскаго «Разсказы о Богѣ, человѣкѣ и природѣ», а въ 1854 г.—«Ручную книжку для грамотнаго крестьянина», выдержавшую до десяти изданій. Въ 1847 г. появилась въ «Отечественныхъ Запискахъ» статья Заблоцкаго: «Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи», гдѣ проводилась мысль о томъ, что одною изъ главныхъ причинъ паденія этихъ цѣнъ является даровой для землевладѣльцевъ трудъ, обусловленный крѣпостнымъ правомъ. Въ концѣ 40-хъ годовъ Заблоцкій печаталъ въ журналахъ статьи по земледѣлію и статистикѣ; съ 1853 по 1859 г. редактировалъ «Земледѣльческую Газету». Подъ его же редакціей, въ теченіе многихъ лѣтъ издавались журналы Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ. Съ 1856 г. онъ былъ Директоромъ Департамента Сельскаго Хозяйства, Членомъ Совѣта Министерства Государственныхъ Имуществъ и Предсѣдателемъ Ученаго Комитета этого Министерства и Центральной Коммисіи уравненія денежныхъ сборовъ. Въ началѣ 1859 года В. П. Бутковъ убѣдилъ его перейти на службу въ Государственную Канцелярію; онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность Статсъ-Секретаря Департамента Государственной Экономіи и въ концѣ

того же года произведенъ въ тайные совѣтники. Въ 1860 и 1861 гг., въ отсутствіе Буткова, уѣзжавшаго на лѣто въ отпускъ, Заблоцкій исполнялъ обязанности Государственнаго Секретаря. Въ 1863 г. ему было пожаловано званіе Статсъ-Секретаря Его Величества. Въ Маѣ 1867 г. Заблоцкій былъ назначенъ Членомъ Комитета Финансовъ, а 1 Января 1875 г.—Членомъ Государственнаго Совѣта. Въ 1869 г. имъ было издано капитальное сочиненіе: «Финансовое управленіе и финансы Пруссіи», а въ 1882 г. вышелъ обширный его историческій трудъ: «Графъ П. Д. Киселевъ и его время» въ 4-хъ томахъ. А. П. Заблоцкій скончался 24 Декабря 1881 г. См. Вѣстникъ Европы 1882, № 2, и Русскую Старину 1882, № 2.

[63] Федоровскій былъ вскорѣ послѣ того и значенъ управляющимъ акцизными сборами Саратовской губерніи. О графѣ Константинѣ Ивановичѣ Паленѣ Государственный Секретарь еще въ 1859 г. докладывалъ Предсѣдателю Государственнаго Совѣта: «По особому Высочайшему повелѣнію графъ Паленъ опредѣленъ въ Государственную Канцелярію младшимъ помощникомъ экспедитора сверхъ штата, безъ жалованья, но съ возложеніемъ на него всѣхъ обязанностей и отвѣтственности по сей должности. Соединяя съ отличнымъ образованіемъ прекрасныя способности, графъ Паленъ обращаетъ на себя постоянное вниманіе пламеннымъ усердіемъ въ исполненіи своихъ обязанностей и сверхъ оныхъ исполнялъ съ примѣрнымъ успѣхомъ возлагаемыя на него особыя работы по изготовленію меморій Государю Императору по дѣламъ, въ Государственномъ Совѣтѣ производимымъ. Труды его заслуживаютъ по всей справедливости награды».

[64] Сергѣй Ивановичъ Зарудный род. 1821 г. въ обѣднѣвшей дворянской семьѣ. Съ 14-ти лѣтъ предоставленный самому себѣ, онъ почти безъ учителей подготовился къ университету, терпя по временамъ сильную матеріальную нужду. Окончивъ въ 1842 г. курсъ Харьковскаго университета по математическому факультету, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, предполагая работать въ Пулковской обсерваторіи, но вмѣсто того поступилъ на службу въ Министерство Юстиціи, гдѣ усердно занялся изученіемъ доставляемыхъ чинами судебнаго вѣдомства замѣчаній о недостаткахъ гражданскаго судопроизводства, а вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ знакомиться и съ иностранною юридическою литературою и законодательствомъ. Въ 1849 г. онъ былъ назначенъ юрисконсультомъ Министерства Юстиціи и обратилъ на себя особенное вниманіе своими докладами по различнымъ сложнымъ и «казуснымъ» дѣламъ. По поводу одной изъ этихъ работъ Зарудnаго Министръ Юстиціи графъ Панинъ сказалъ: «Если бы я разъ въ жизни написалъ подобный докладъ, то считалъ бы, что моя жизнь прожита не напрасно».

Въ 1856 г. Зарудный былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ Коммисіи князя В. И. Васильчикова, учрежденной для раскрытія злоупотребленій по интендантству Южной и Крымской арміи во время послѣдней войны. Пробывъ, по возвращеніи въ Петербургъ, съ полгода за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ, въ 1857 г. онъ, по приглашенію В. П. Буткова, былъ назначенъ Помощникомъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта, по Департаменту Законовъ. «Одаренный прекрасными способностями и обладая обширными юридическими свѣдѣніями, онъ соединяетъ съ ними практическую опытность въ дѣлахъ судебныхъ, пріобрѣтенную имъ въ теченіе предшествовавшей 15-лѣтней службы по Мини-

стерству Юстиціи»,—такъ отзывался о Зарудномъ Бутковъ въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ.

[65] Общая объяснительная записка графа Блудова къ проекту устава гражданскаго судопроизводства, 1857 г.

[66] А. М. Плавскій, уроженецъ Могилевской губерніи (р. 1808), окончилъ курсъ въ бывшемъ Виленскомъ университетѣ и служилъ сначала въ Канцеляріи Статсъ-Секретаріата Царства Польскаго, а потомъ въ Коммисіи для ревизіи и составленія законовъ Царства; участвовалъ въ работахъ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по составленію Уложенія о наказаніяхъ для Имперіи и Царства и по исправленію военно-уголовнаго устава. Впослѣдствіи (1865) былъ назначенъ Сенаторомъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента.

Н. А. Буцковскій (р. 1811), окончивъ курсъ въ офицерскихъ классахъ Инженернаго Училища, прослужилъ три года въ военной службѣ, потомъ былъ преподавателемъ математики въ Гатчинскомъ Сиротскомъ Институтѣ и въ 1839 г. перешелъ на службу въ Министерство Юстиціи. Помимо своей дѣловой опытности, онъ отличался основательнымъ знаніемъ иностранной юридической литературы. Онъ исполнялъ обязанности Статсъ-Секретаря при разсмотрѣніи въ Соединенныхъ Департаментахъ основныхъ началъ судебной реформы, а потомъ—устава уголовнаго судопроизводства. 1 Января 1865 г. назначенъ Сенаторомъ. Скончался 25 Сентября 1873 г.

К. П. Побѣдоносцевъ (р. 1827) по окончаніи курса въ Училищѣ Правовѣдѣнія служилъ въ Сенатѣ, гдѣ черезъ его руки проходило множество сложныхъ тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ. Независимо отъ занятій по Сенату, преподавалъ гражданское судопроизводство въ Московскомъ университетѣ, а въ 1861 году былъ призванъ преподавать гражданскіе законы Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу. Впослѣдствіи былъ Статсъ-Секретаремъ Его Императорскаго Величества, Членомъ Государственнаго Совѣта и Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода. Скончался 10 Марта 1907 г.

Д. А. Ровинскій (р. 1824), товарищъ К. П. Побѣдоносцева по Училищу Правовѣдѣнія, началъ службу въ 1844 г. въ Сенатской Канцеляріи, затѣмъ перешелъ въ Москву, гдѣ занималъ сначала должность губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго, потомъ—совѣтника и товарища предсѣдателя уголовной палаты и наконецъ, губернскаго прокурора. Впослѣдствіи былъ прокуроромъ Московской Судебной Палаты (1866), Предсѣдателемъ одного изъ ея Департаментовъ (1868) и, наконецъ, Сенаторомъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента (1870). Извѣстенъ своими капитальными трудами по археологіи и исторіи искусства, особенно русскаго. Скончался 11 Іюля 1895 г.

[67] Николай Ивановичъ Стояновскій (р. 1822) окончилъ курсъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія, гдѣ черезъ шесть лѣтъ уже былъ преподавателемъ гражданскаго судопроизводства. Службу свою началъ въ 1841 г. въ Сенатѣ, гдѣ пріобрѣлъ солидную судебную опытность, проходя разныя должности, до Оберъ-Прокурора Гражданскаго и Уголовнаго Департаментовъ. Въ 1861 г. (6 Янв.) назначенъ исправляющимъ должность Статсъ-Секретаря Гражданскаго Департамента Государственнаго Совѣта; въ слѣдующемъ году (8 Ноября)—Товарищемъ Министра Юстиціи. Впослѣдствіи (1875) былъ Членомъ Государ-

ственнаго Совѣта и Предсѣдателемъ Гражданскаго Департамента (1884). Скончался въ 1900 г.

Ній Никодимовичъ Даневскій, уроженецъ Кіевской губерніи (1820), воспитанникъ 2 Кіевской гимназіи и университета св. Владиміра, магистръ правъ, былъ долгое время профессоромъ гражданскихъ законовъ въ Нѣжинскомъ Лицеѣ. Въ 1853 году, по приглашенію В. П. Буткова, поступилъ въ Государственную Канцелярію на должность экспедитора, въ 1859 году назначенъ Помощникомъ Статсъ-Секретаря. Принималъ участіе въ трудахъ Редакціонныхъ Коммисій по составленію крестьянскихъ Положеній и вмѣстѣ съ Я. Г. Есиповичемъ составилъ къ этимъ Положеніямъ алфавитный указатель. Имъ же составлена, въ 1859 г., исторія Государственнаго Совѣта, о которой см. дальше. Въ 1862 г. перешелъ на службу во II Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи; въ 1865 г. служилъ въ Министерствѣ Юстиціи, а въ 1870 назначенъ Сенаторомъ. Скончался 19 Апрѣля 1892 г.

Дмитрій Павловичъ Шубинъ (съ 1879 г.—Шубинъ-Поздѣевъ, р. 1825) по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата правъ, въ 1848 г., поступилъ на службу въ Министерство Юстиціи; былъ Секретаремъ въ Сенатѣ; былъ командированъ въ распоряженіе Сенатора Ахлестышева, ревизовавшаго Витебскую губернію; затѣмъ исправлялъ должность Юрисконсульта Министерства Юстиціи и въ 1859 году назначенъ Помощникомъ Статсъ-Секретаря сначала—въ Гражданскомъ Департаментѣ, а потомъ въ Департаментѣ Законовъ. За труды по судебной реформѣ Д. П. Шубину Всемилостивѣйше пожалована пенсія въ 1.500 р. въ годъ (съ 1864 года.). Въ 1869 г. ему Высочайше повелѣно было состоять при Государственной Канцеляріи, на правахъ исправляющаго должность Статсъ-Секретаря, для занятій по назначенію Государственнаго Секретаря. Онъ занимался преимущественно дѣлопроизводствомъ Коммисій для разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ отчетовъ Министровъ. Въ 1871 г. онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники, а въ 1883 г. уволенъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, отъ службы. Скончался 22 Ноября 1894 г.

[68] См. выше, стр. 177.

[69] П. М. Майковъ, Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, стр. 504—506.

[70] Тамъ же, стр. 512.

[71] Приведенныя въ ковычкахъ слова взяты изъ Русскаго Инвалида 1866, 15 Мая, № 123. См. также: Московскія Вѣдомости 1866, 21 Апрѣля, № 84; С.-Петербургскія Вѣдомости 4 Мая, № 119; Журналъ Министерства Юстиціи, № 5, стр. 385—387; Отечественныя Записки, Сент., кн. I, № 17, стр. 36—37.

[72] Русскій Вѣстникъ 1866, Окт., стр. 372—373.

[73] Изъ дѣла объ изданіи Судебныхъ Уставовъ видно, что въ подготовкѣ этого изданія принимали участіе чины Отдѣленія Законовъ: Помощники Статсъ-Секретаря А. С. Любимовъ, Д. П. Шубинъ, графъ Е. Е. Комаровскій, а также состоявшіе при Отдѣленіи Н. М. Рембелинскій и баронъ М. М. Корфъ, экспедиторъ Г. М. Могильниковъ и помощникъ его М. Е. Воронковъ, а изъ постороннихъ лицъ—состоявшій при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ М. И. Зарудный, чиновникъ Министерства Финансовъ М. Н. Мясновъ, д. с. с. Квистъ, П. Н. Да-

невскій и Сенаторъ А. М. Плавскій, сообщавшій свои замѣчанія по судопроизводству.

[74] Русская Старина 1909, т. 137, стр. 135.

[75] См. выше, стр. 243.

[76] Послѣ своего назначенія Сенаторомъ, располагая досугомъ для литературныхъ работъ, С. И. Зарудный издалъ въ 1869 г. «Гражданское Уложеніе Итальянскаго королевства и русскіе гражданскіе законы»; въ 1870 г.—«Торговое Уложеніе Итальянскаго королевства и русскіе торговые законы». Въ 1873 г. онъ составилъ для перваго съѣзда русскихъ юристовъ рефератъ: «О необходимости полнаго изданія гражданскихъ законовъ съ 1857 г. и согласованія ихъ со всѣми послѣдующими узаконеніями». Въ 1879 г. издалъ переводъ книги Беккаріа: «О преступленіяхъ и наказаніяхъ». Въ послѣдніе годы жизни Зарудный работалъ надъ переводомъ Ада Данте, который успѣлъ издать съ обширными комментаріями. Онъ скончался въ 1887 г., на пути въ Ниццу.

[77] Такъ, штатное содержаніе Статсъ-Секретаря составляло 5.147 р., тогда какъ содержаніе Директоровъ Департаментовъ въ Министерствахъ доходило до 7—8 тыс. р.; Помощники Статсъ-Секретаря получали, и съ прибавочнымъ содержаніемъ, 3.000 р., тогда какъ Вице-Директоры имѣли 4—5 тыс. р., и притомъ нерѣдко съ казенною квартирою; дѣлопроизводители VI класса получали въ Министерствахъ 2—3 тыс. р., иногда при казенной квартирѣ, тогда какъ соотвѣтствовавшіе имъ по классу должности экспедиторы Государственной Канцеляріи получали только 1.286 р. Помощники дѣлопроизводителей или столоначальники Министерствъ получали отъ 1.000 до 1.500 р., между тѣмъ какъ содержаніе помощниковъ экспедиторовъ Государственной Канцеляріи ограничивалось 729 р. Что касается низшихъ чиновъ Государственной Канцеляріи, т. е. журналистовъ и актуаріусовъ, то первые получали 486 р., а вторые—всего 286 р. въ годъ.

[78] См. выше, стр. 173.

[79] Отчетъ за 1870 г. заключаетъ въ себѣ 277 стр., 1871—404, 1872—462, 1873—447, 1874—433 (этотъ отчетъ былъ изданъ только въ 1876 г., съ опозданіемъ на два года), 1875—370, 1876—423, 1877—496, 1878—539, 1879—771, 1880—645.

[80] Въ черновомъ зачеркнуто: «Преимущественно въ Московскихъ Вѣдомостяхъ».

[81] Н. В. Шидловскій только за годъ передъ тѣмъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники, а И. Я. Фойницкій 1 Января 1879 года получилъ орденъ Св. Станислава 2 ст.

[82] По званію Члена Государственнаго Совѣта Е. П. Старицкій получалъ 10.000 р. жалованья. 22 Января 1882 г., во вниманіе къ его заслугамъ по званію Предсѣдателя Коммисіи для разсчетовъ съ контрагентами по продовольствію бывшей дѣйствующей арміи («Грегеръ, Горвицъ, Коганъ и К°»), Высочайше повелѣно было производить ему пожизненную пенсію въ 4.000 р.

[83] Въ 1877 году, по всеподданнѣйшему докладу Государственнаго Секретаря, было Высочайше разрѣшено опредѣлить въ Государственную Канцелярію, на должность чиновника для письма, сына крестьянина Гродненской губ. Михаила Сѣвенка, 19 лѣтъ, во вниманіе къ тому, что онъ «при четкомъ и красивомъ почеркѣ имѣетъ достаточное образованіе и необходимыя качества отлич-

наго чиновника, способнаго къ безошибочной перепискѣ бумагъ, подносимыхъ на Высочайшее имя». Сѣвенко обучался въ гимназіи, но вышелъ изъ 2-го класса и, происходя изъ податного состоянія, не имѣлъ права поступить на государственную службу.

[84] Въ теченіе одиннадцати лѣтъ, истекшихъ со времени учрежденія Кодификаціоннаго Отдѣла (1882—1893), имъ были изготовлены и выпущены въ обращеніе: а) Полное Собраніе Законовъ съ 1880 по 1890 г.; б) новыя изданія слѣдующихъ частей Свода Законовъ: 1) т. I, II, V, VI, VII, VIII ч. 1, X ч. 1 и 2 законы межевые), XI ч. 1 (уст. учебн. завед.) XIII, XIV, XV ч. 1; 2) Судебные Уставы Императора Александра II, и 3) новый, XVI томъ, ч. 1 и 2, заключающій въ себѣ Судебные Уставы, правила объ устройствѣ судебной части и производствѣ судебныхъ дѣлъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, учрежденіе мѣстныхъ судебныхъ установленій прежняго устройства и законы о судопроизводствѣ; в) нѣкоторыя, въ новыхъ изданіяхъ, части томовъ: III, IV и XII, и г) продолженія Свода: 1883, 1886, 1887, 1889, 1890, 1891 и 1893 гг.

[85] П. Майковъ. Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, Спб. 1906, стр. 99, 237.

[86] Тамъ же, стр. 145, 397—398.

[87] Тамъ же, стр. 237—238.

[88] Памяти В. К. Плеве. Спб. 1904, стр. 21—22.

[89] Тамъ же, стр. 23.

[90] См. М. Бородкинъ, «Н. Д. Сергѣевскій и его отношенія къ финляндскому вопросу», Харьк. 1909.

[91] На этомъ посту Н. А. Неклюдовъ оставался очень недолго: въ ночь на 1 Сентября 1896 года онъ скончался.

[92] А. С. Стишинскій былъ впослѣдствіи Главноуправляющимъ Землеустройствомъ и Земледѣліемъ, а нынѣ состоитъ Членомъ Государственнаго Совѣта.

[93] На содержаніе Коммисіи въ слѣдующемъ 1900 году было ассигновано 6.000 р., въ 1901 году—7.500 р., въ 1902 году и въ послѣдующіе годы по 10.000 р. Ассигнованіе съ 1902 года суммы въ 10.000 р. объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ суммъ Коммисіи, по особому Высочайшему повелѣнію, ежегодно выдается 3.600 р. въ возмѣщеніе расходовъ по составленію издаваемой по Высочайшему же повелѣнію подробной «Исторіи Финляндіи», три тома которой въ настоящее время уже вышли въ свѣтъ (М. Бородкинъ, «Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи. Время управленія Н. И. Бобрикова», Спб. 1905. — «Время Императора Александра II», Спб. 1908 и «Время Императора Александра I» Спб. 1909).

[94] Собраніе Постановленій Финляндскихъ. Узаконенія, обнародованныя на русскомъ языкѣ, съ дополненіями. Т. I, 1808—1839, №№ 1—166, Спб. 1902.—Т. II. 1840—1849, №№ 167—421, Спб. 1903. Т. III, 1850—1859, №№ 422—717. Спб. 1904.

[95] Алфавитный Указатель къ постановленіямъ, относящимся до Великаго Княжества Финляндскаго. Т. I. А—I. СПБ. 1907 г.; Т. II. К—П. СПБ. 1907 г.; Т. III. Р—Я. СПБ. 1909 г.

[96] Составленіе Указателя потребовало, помимо труда и времени, весьма значительныхъ денежныхъ средствъ (свыше 12.000 р.), которыя были вложены въ это дѣло супругой составителя, Е. Н. Корево. Эта щедрая поддержка, благодаря которой стало возможнымъ изданіе труда, по словамъ всеподданнѣйшаго

доклада Государственнаго Секретаря отъ 29 Ноября 1907 года, «особенно цѣннаго въ настоящее время, когда правительство приступило къ упорядоченію отношеній между Имперіей и сѣверной окраиной государства», удостоилась Высочайшей благодарности. На упомянутомъ докладѣ Собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано: «Благодарю».

[97] Словарь Параллельный русскій, финскій и шведскій по Общему Уложенію и Постановленіямъ Великаго Княжества Финляндскаго. Часть I, русско-финско-шведская, Спб. 1905; часть II, финско-русско-шведская, Спб. 1907; часть III, шведско-русско-финская, Спб. 1906 года.

[98] Вотъ перечень этихъ изданій:

1. Указатель узаконеній, относящихся до Великаго Княжества Финляндскаго. Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. 1808—1899. Спб. 1899.—Изданіе 2, дополненное. 1808—1902. Спб. 1903.

2. Статьи Свода Законовъ Россійской Имперіи, относящіяся до Великаго Княжества Финляндскаго. Спб. 1900.

3. Хронологическій Указатель къ Сборнику постановленій Великаго Княжества Финляндскаго. 1860—1898. Спб. 1900.—Продолженіе этого же Указателя за 1899 и 1900 годы. Спб. 1901.

4. Церковное Уложеніе Евангелическо-Лютеранской церкви въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и дополнительныя къ нему узаконенія. Спб. 1900.

5. Сеймовый Уставъ съ позднѣйшими его измѣненіями, Уставъ Рыцарскаго Дома и Высочайшее Постановленіе для публики, присутствующей на Сеймѣ. Спб. 1900.—Изданіе 2-е. Спб. 1903.

6. Уголовное уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго и относящіяся къ нему узаконенія. Спб. 1900.

7. Сводъ узаконеній о печати Великаго Княжества Финляндскаго. Спб. 1900.

8. Высочайшее Постановленіе объ учрежденіи Императорскаго Финляндскаго Сената 13 Сентября 1892 года и Высочайшее Постановленіе 23 Іюля 1896 года. Спб. 1900.

9. Объ изданіяхъ узаконеній Великаго Княжества Финляндскаго. Спб. 1900.

10. Списки относящихся до Великаго Княжества Финляндскаго статей Сводовъ Военныхъ и Морскихъ Постановленій. Спб. 1900.

11. Постановленія, относящіяся къ введенію финскаго языка въ дѣлопроизводство присутственныхъ мѣстъ Великаго Княжества Финляндскаго. Спб. 1900.

12. Высочайшіе Манифесты 5 Іюня 1808 года и 2 Декабря 1811 года и Постановленіе 31 Декабря 1811 года. Спб. 1900.

13. Постановленіе 6 Февраля 1816 года и 21 Декабря 1823 года о судопроизводствѣ, соблюдаемомъ между военными чинами расположенныхъ въ Финляндіи Россійскихъ войскъ и жителями оной. Спб. 1900.

14. Обзоръ установленій Финляндіи въ таблицахъ. Спб. 1900.

15. Хронологическій Указатель къ Постановленіямъ Великаго Княжества Финляндскаго 1808—1859. Часть I. Författningssamling och Samling af Plakater Спб. 1900.

16. Указатель узаконеній, относящихся до Великаго Княжества Финляндскаго (Швеція—Ингерманландія—Старая Финляндія). Первое Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. 1649—1808. Спб. 1901.

17. Хронологическій Указатель къ Постановленіямъ Великаго Княжества Финляндскаго. 1809—1859. Часть II. Samling af Bref. Спб. 1901.

18. Хронологическій Указатель къ Сборнику Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго. 1860—1891. Узаконенія, имѣющіяся въ шведскомъ изданіи сего Сборника, но не внесенныя въ изданіе Сборника на русскомъ языкѣ. Спб. 1901.

19. Судоустройство и судопроизводство Финляндіи. Очеркъ дѣйствующихъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ мѣстныхъ законовъ. Спб. 1901.

20. Финляндія въ русской печати. Матеріалы для библіографіи, собранные М. Бородкинымъ. Спб. 1902.

21. Сеймовый Уставъ, Законъ о выборахъ и Законъ, содержащій переходныя правила, вызываемыя новымъ Сеймовымъ Уставомъ и Закономъ о выборахъ, данные 7/20 Іюля 1906 года. Спб. 1906 г.

22. Программы финляндскихъ партій. Спб. 1909.

23. Запросы по финляндскому управленію. Государственная Дума, засѣданія 1,5 и 12 Февраля, 5, 12 и 13 Мая 1908 года. Спб. 1909.

24. Статьи Свода Морскихъ Постановленій, относящіяся до Великаго Княжества Финляндскаго. Спб. 1909.

25. Финляндія и Выборгская губернія. Карты съ объяснительной къ нимъ запиской. Спб. 1909.

26. Статьи Свода Законовъ Россійской Имперіи, относящіяся до Великаго Княжества Финляндскаго. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1909.

[99] Дмитрій Александровичъ Философовъ (1861—1907) окончилъ курсъ С.-Петербургскаго университета въ 1883 году—по физико-математическому, а въ 1885 году—по юридическому факультету и въ 1886 году былъ причисленъ къ Министерству Народнаго Просвѣщенія, а въ 1887 году перешелъ на службу въ Государственную Канцелярію, по Отдѣленію Экономіи. Пробывъ около трехъ лѣтъ причисленнымъ, онъ былъ назначенъ въ 1890 году старшимъ помощникомъ дѣлопроизводителя, а въ 1894 году былъ уже Помощникомъ Статсъ-Секретаря, Въ 1899 году Д. А. Философовъ назначенъ исправляющимъ должность Статсъ-Секретаря Департамента Государственной Экономіи по законодательной части, а въ слѣдующемъ году—Статсъ-Секретаремъ Департамента Промышленности, Наукъ и Торговли. Произведенный въ 1901 году въ дѣйствительные статскіе совѣтники, онъ занялъ, въ Маѣ того же года, должность Товарища Государственнаго Контролера. Впослѣдствіи Д. А. Философовъ былъ Министромъ Торговли и Промышленности. Скончался 6 Декабря 1907 года.

[100] «Государственный Совѣтъ 1801—1901. Составлено въ Государственной Канцеляріи.» Спб. 1901, 4º IV+215+42 стр., съ портретами и снимками.

[101] Алексѣй Ивановичъ Кобеляцкій (1862—1907) по окончаніи курса въ университетѣ Св. Владиміра поступилъ въ 1885 году на службу въ Департаментъ Торговли и Мануфактуръ, гдѣ въ 1891 году занялъ должность начальника отдѣленія. Въ началѣ 1898 года онъ былъ причисленъ къ Государственной Канцеляріи, въ концѣ того же года назначенъ старшимъ дѣлопроизводителемъ а черезъ годъ—исправляющимъ должность Помощника Статсъ-Секретаря и въ Мартѣ 1901 года утвержденъ въ этой должности. Затѣмъ 10 Декабря 1904 года А. И. Кобеляцкій былъ назначенъ исправляющимъ должность Статсъ-Секретаря Департамента Государственной Экономіи, 1 Января 1905 года произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и 6 Декабря того же года утвержденъ въ должности Статсъ-Секретаря. По преобразованіи Государственнаго Совѣта въ 1906 году А. И. Кобеляцкому поручено было управленіе дѣлами Второго Депар-

тамента. Въ 1907 году, 6 Апрѣля, онъ былъ назначенъ Товарищемъ Министра Путей Сообщенія, а 16 Іюня того же года скончался.

[102] Въ дѣлопроизводствѣ Государственной Думы перваго созыва принимали участіе Помощники Статсъ-Секретаря: А. И. Вергопуло, В. А. Верещагинъ, М. Н. Головинъ, В. И. Звегинцовъ, И. Н. Лодыженскій, В. М. Ратьковъ-Рожновъ, И. И. Шидловскій; старшіе дѣлопроизводители: А. Д. Всеволожской, Я. В. Глинка, В. Н. Маіевскій, М. С. Неклюдовъ, А. М. Ону, баронъ А. А. Пиларъ-фонъ-Пильхау, Г. В. Северинъ, В. А. Старицкій; младшіе дѣлопроизводители VII класса: К. Н. Гирсъ, баронъ Э. Э. фонъ Гойнингенъ-Гюне, Я. Н. Данзасъ, Н. И. Дмитріевъ, Г. Г. Евангуловъ, С. П. Никитинъ, А. А. Радкевичъ, баронъ А. Н. фонъ-деръ-Роппъ; VIII класса: П. П. Вейнеръ, П. Н. Осиповъ, В. К. Соковнинъ, А. С. Тецнеръ; причисленные: В. Ѳ. Анненковъ, В. П. Барановскій, И. А. фонъ-Бенкендорфъ, В. А. Гудимъ-Левковичъ, І. В. Гурко, Г. А. Калачевъ, Г. В. Комаровъ, В. М. Львовъ, Н. В. Мазаракій, Н. Н. Неваховичъ, Н. Л. Рафаловичъ, А. Н. Срединскій, А. А. Струмилло, баронъ К. К. Фелейзенъ, С. А. Холодковскій, князь И. П. Шаховской, Г. А. Шумахеръ, В. В. Юрьевъ; помощникъ экспедитора А. В. Гордовъ; помощникъ бухгалтера А. А. Андреевъ; журналисты: Б. И. Григорьевъ, В. Г. Нецвѣтаевъ, Д. В. Стыриковичъ, П. Д. Яковлевъ.

Оглавленіе.

стр.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I . . . . 1—76

I. Канцелярія Государственнаго Совѣта по Учрежденію 1801 года и Государственная Канцелярія по Образованію 1810 года (1—6).—Государственный Секретарь М. М. Сперанскій и Коммисія составленія Законовъ (6—12).—Коммисія Прошеній (12—13).—Комитетъ Предсѣдателей и восходившіе на его обсужденіе вопросы (13—14).—Личный составъ Государственной Канцеляріи (14—19).—Дѣятельность Сперанскаго по Государственному Совѣту и его ближайшіе сотрудники (19—30).—Его удаленіе и назначеніе Государственнымъ Секретаремъ А. С. Шишкова (30—31) . . . . . 3—31

II. Ближайшіе преемники М. М. Сперанскаго—А. С. Шишковъ и А. Н. Оленинъ (31—34).—Перемѣны въ устройствѣ Государственнаго Совѣта и въ занятіяхъ Государственной Канцеляріи (34—46).—Штаты 1817 и 1825 гг. (46—55).—Выдающіеся сотрудники Оленина и отношенія его къ подчиненнымъ (55—72).—Вліяніе графа Аракчеева (72—76) . . . . . 31—76

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I . . . . . 77—134

I. Кончина Императора Александра I и вступленіе на Престолъ Императора Николая I (77).—Мѣры противъ тайныхъ обществъ (77—80).—Приготовленія къ Священному Коронованію Ихъ Величествъ (80—83).—Объясненія А. Н. Оленина относительно дѣлопроизводства

(83—86).—Комитетъ 6 Декабря 1826 года (86—89).—Преобразованіе Коммисіи составленія Законовъ (89—92).—Государственный Секретарь В. Р. Марченко (92—95).—Вниманіе Государя къ дѣламъ Государственнаго Совѣта и Государственной Канцеляріи (95—105).—Учрежденіе Военнаго Совѣта и Департамента Дѣлъ Царства Польскаго (105—108).—Штатъ 1833 года (108—112).—Сотрудники В. Р. Марченка: А. Д. Боровковъ и его записки (112—118).—Графъ В. Н. Панинъ (119). Письмо В. Р. Марченка князю Кочубею о своей службѣ (119—123). . 77—123

II. Государственный Секретарь баронъ М. А. Корфъ. Его заботы о дѣлопроизводствѣ (123—130).—Высочайшее неудовольствіе (130—134).—Пожаръ Зимняго Дворца и перемѣщеніе архива Государственнаго Совѣта (134—137).—Штатъ 1838 года и Учрежденіе Государственнаго Совѣта 1842 года (137—147).—Сотрудники барона Корфа и его отношенія къ подчиненнымъ (147—162) . . . . 123—162

III. Государственный Секретарь Н. И. Бахтинъ. Его характеристика и его отношенія къ Министрамъ и Предсѣдателю Государственнаго Совѣта (162—168).—Дѣло Окунева (168—170).—Усложненіе работъ Государственной Канцеляріи: правила дѣлопроизводства (170—174).—Дѣла финансоваго характера (174—177).—Особые Комитеты и Коммисіи (177—182).—В. П. Безобразовъ (182—183).—Назначеніе Н. И. Бахтина Членомъ Государственнаго Совѣта (183—184) . . . . . 162—184

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II . . . . 185—324

I. Значеніе Государственной Канцеляріи въ законодательныхъ трудахъ новаго царствованія (187—188).—Государственный Секретарь В. П. Бутковъ; его характеристика и ближайшіе сотрудники (188—192).—Работы Государственной Канцеляріи по крестьянской реформѣ (192—208).—Управленіе дѣлами въ отсутствіе Государя (208—209).—Пересмотръ таможеннаго тарифа 1857 года и попытка подкупа (209—214).—Преобразованіе системы питейныхъ сборовъ (214—220) . . . . . 187—220

II. Труды Государственной Канцеляріи по судебной реформѣ (220—233) и по разработкѣ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ (234—236).—Новый порядокъ разсмотрѣнія финансовыхъ смѣтъ и государственной росписи, а также дѣлъ о земскихъ повинностяхъ (236—244).—Упраздненіе Департаментовъ Военныхъ Дѣлъ и Дѣлъ Царства Поль-

стр.

скаго (244).—Особые труды Государственной Канцеляріи: Исторія Государственнаго Совѣта П. Н. Даневскаго (244—246) и Сборникъ мнѣній Государственнаго Совѣта по уголовнымъ дѣламъ (246—247).—Вопросъ объ оглашеніи мнѣній Государственнаго Совѣта и канцелярская тайна (247—249).—Вниманіе Государя къ трудамъ Государственной Канцеляріи (249—250) . . . . . 220—250

III. Государственный Секретарь князь С. Н. Урусовъ (250—253).—Завершеніе работъ по судебной реформѣ (253—257).—Назначеніе Великаго Князя Константина Николаевича Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта (257—258).—Дѣятельность Департамента Государственной Экономіи по разсмотрѣнію смѣтъ и росписи (258—261).—Верховный Уголовный Судъ 1866 года (261—262).—Вопросъ о причисленныхъ и сверхштатныхъ чиновникахъ (263—265). . . . . 250—265

IV. Государственный Секретарь Д. М. Сольскій. Обстоятельства его назначенія (266—268) и послѣдовавшія затѣмъ перемѣны въ составѣ и устройствѣ Государственной Канцеляріи (268—273).—Штатъ 1869 года (273—280).—Особое Присутствіе по воинской повинности (280—281).—Коммисіи и Совѣщанія (281—284).—Заботы Государственнаго Секретаря о правильности дѣлопроизводства (284—287).—Отчеты Государственнаго Совѣта (287—288).—Работы по описанію архива (289—291).—Вопросъ о сообщеніи въ печати свѣдѣній о дѣлахъ Государственнаго Совѣта (292—300).—Назначеніе Д. М. Сольскаго Государственнымъ Контролеромъ и его дальнѣйшая служебная дѣятельность (300—301) . . . . . 266—301

V. Государственный Секретарь Е. А. Перетцъ. Его дѣятельность въ должности Статсъ-Секретаря Департамента Законовъ и назначеніе Статсъ-Секретаремъ Его Величества (301—305).—Перемѣны въ личномъ составѣ Канцеляріи (306).—Особыя Совѣщанія и Коммисіи (306—307).—Верховный Уголовный Судъ 1879 года и мѣры къ огражденію безопасности Государственнаго Совѣта (308—309).—Заботы Государственнаго Секретаря объ охранѣ традиціи Государственнаго Совѣта (310—312).—Предположенія о преобразованіи Совѣта (312—314).—Свѣдѣнія о лицахъ, принадлежавшихъ въ царствованіе Императора Александра II къ составу Государственной Канцеляріи и пріобрѣвшихъ извѣстность своею ученою или литературною дѣятельностью (314—324) . . . . . 301—324

стр.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III. . . . 325—390

I. Перемѣны въ личномъ составѣ Государственнаго Совѣта и Государственной Канцеляріи (327).—Увольненіе Великаго Князя Константина Николаевича и назначеніе Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта Великаго Князя Михаила Николаевича (328).—Бесѣда Государственнаго Секретаря съ Предсѣдателемъ Департамента Законовъ (328—332).—Преобразованіе Второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи (332—334).—Учрежденіе Кодификаціоннаго Отдѣла при Государственномъ Совѣтѣ; Е. П. Старицкій (335—336).—Вопросъ о назначеніи Предсѣдателя Департамента Законовъ (336—337).—Газетныя статьи о М. Н. Катковѣ (338—341) . . . . . 327—341

II. Государственный Секретарь А. А. Половцовъ (341—342).—Вопросъ о сближеніи дѣятельности Кодификаціоннаго Отдѣла и Государственной Канцеляріи (342—343).—Учрежденіе Особаго Присутствія для разсмотрѣнія жалобъ на опредѣленія Сената (344).—Заботы о помѣщеніи Государственнаго Совѣта (344—346).—Маріинскій Дворецъ (346—348).—Сооруженіе зданія для архива Государственнаго Совѣта (349—350).—Мысль объ устройствѣ центральнаго архива государственныхъ актовъ и документовъ (350—352).—Труды по описанію архива (352—353).—Отчеты Государственнаго Совѣта (353—354).—Ближайшіе сотрудники А. А. Половцова и его заботы о чинахъ Государственной Канцеляріи (354—357). 341—357

III. Государственный Секретарь Н. В. Муравьевъ (357—358).—Новый штатъ Государственной Канцеляріи (358—364).—Упраздненіе Кодификаціоннаго Отдѣла (364—366).—Товарищъ Государственнаго Секретаря Н. А. Неклюдовъ (366—367).—Отдѣленіе Свода Законовъ (367—373).—Библіотека и домъ Второго Отдѣленія (373—376).—Государственная Типографія (376).—Печатаніе въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» свѣдѣній о дѣятельности Государственнаго Совѣта (376—379).—Изданія Государственной Канцеляріи (379—380).—Отчеты Государственнаго Совѣта (380—383).—Мѣры относительно дѣлопроизводства (383—384).—Назначеніе Н. В. Муравьева Управляющимъ Министерствомъ Юстиціи и его дальнѣйшая служебная дѣятельность (384).—Назначеніе Государственнымъ Секретаремъ В. К. Плеве (385).—Особыя Коммисіи и Совѣщанія при Государственномъ

стр.

Совѣтѣ и важнѣйшіе законодательные труды Государственной Канцеляріи въ царствованіе Императора Александра III (385—390) . . . . . 357—390.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II . . . . . 391—461

I. Государственный Секретарь В. К. Плеве (394—396).—Измѣненія въ штатѣ Государственной Канцеляріи и перемѣны въ личномъ ея составѣ (396—402).—Товарищи Государственнаго Секретаря: В. Н. Коковцовъ, А. С. Стишинскій и баронъ Ю. А. Икскуль фонъ-Гильденбандтъ (402—405).—Командировка чиновъ Государственной Канцеляріи въ Москву на время Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ (405—406).—Столѣтіе дня рожденія Императора Николая I (406).—Коммисія для составленія свѣдѣній по финляндскимъ законамъ (406—414).—Развитіе законодательной дѣятельности (415).—Учрежденіе Департамента Промышленности, Наукъ и Торговли и дополненіе штата Государственной Канцеляріи (415—418).—Столѣтіе Государственнаго Совѣта и новое его Учрежденіе (418—420).—Изданія Государственной Канцеляріи (420).—Отчеты по дѣлопроизводству Государственнаго Совѣта (420—421).—Работы по описанію архива (421).—Особыя Коммисіи и Совѣщанія (421—425).—Назначеніе В. К. Плеве Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ (426). . . . . 393—426

II. Государственный Секретарь В. Н. Коковцовъ (426).—Новый штатъ Государственной Канцеляріи (426—428).—Усиленіе занятій Гражданскаго Отдѣленія: труды по разработкѣ новаго Уголовнаго Уложенія и по дѣлопроизводству Особыхъ Коммисій (428—430).—Дѣла объ отчужденіи недвижимыхъ имуществъ (430—433).—Особыя Совѣщанія (434—435).—Перемѣны въ личномъ составѣ Государственной Канцеляріи (435—436) . . . 426—436

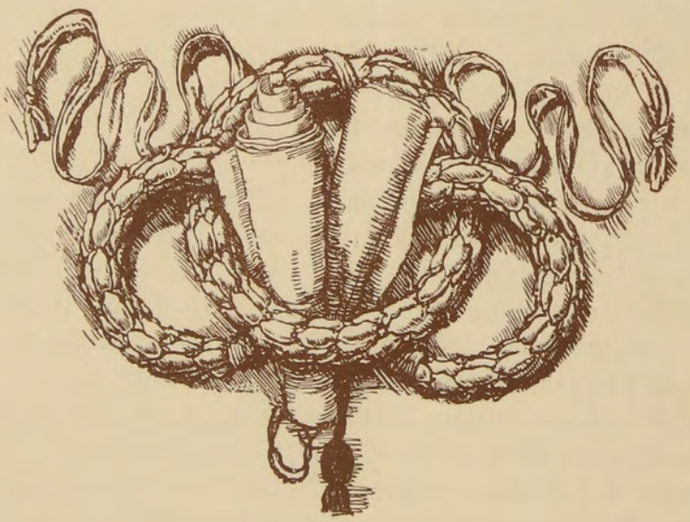
III. Государственный Секретарь баронъ Ю. А. Икскуль фонъ-Гильденбандтъ (436).—Товарищъ Государственнаго Секретаря П. А. Харитоновъ (436—437).—Учрежденіе Особаго Присутствія по дѣламъ объ отчужденіи недвижимыхъ имуществъ (437—438).—Особое Совѣщаніе о расходахъ, вызванныхъ войною съ Японіею (438.)—Учрежденіе Алексѣевскаго Главнаго Комитета (439).—Особыя Коммисіи и Совѣщанія (440—441).—Преобразованіе законодательнаго строя и вызванные имъ труды Государственной Канцеляріи (441—448).—Высочайшій

стр.

рескриптъ Государственному Секретарю (448—449).— Товарищъ Государственнаго Секретаря Н. Ѳ. Дерюжинскій (449—450).—Новое раздѣленіе Государственной Канцеляріи (450—451).—Наказъ Государственнаго Совѣта и его постановленія относительно Государственной Канцеляріи (451—453).—Труды по дѣлопроизводству Государственной Думы (456—457).—Отчеты Государственнаго Совѣта (457—458).—Изданія Государственной Канцеляріи (458—459).—Работы по архиву Государственнаго Совѣта (459—460).—Переустройство Маріинскаго Дворца (460).—Постройка новаго зданія для Государственной Типографіи (460—461).—Государственный Секретарь А. А. Макаровъ (461).

Заключеніе. Значеніе Государственной Канцеляріи въ ряду прочихъ государственныхъ установленій; основы и характеръ ея дѣятельности (461—466). . . . . 436—466

ПРИМѢЧАНІЯ . . . . . I—XVIII.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ

1910

сударственная

Канцелярія

1810--1910